ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть I.

ВЫПУСКЪ I.

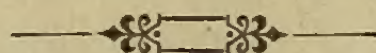
НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СОСТАВИЛЪ
В. В. Сиповскій.

Изданіе пятое, стереотипное.

Изданіе 2-ое допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго **руководства** въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища Министерства Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія оно допускается въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи Өеодоровны.

Цѣна 60 коп. въ переплетѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1910.

Типографія Спб. Градоначальства, Измайловскій полкъ, 8 рота, д. № 20-б.

Предисловіе къ 2-ому изданію.

Выпуская въ свѣтъ 1-ый вып. І-ой части моей „Исторіи русской словесности“ *вторымъ* изданіемъ, я считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ тѣмъ, кто печатно, или устно, указалъ мнѣ пробѣлы *перваго* изданія этой книги. Особенно цѣнны были для меня указанія проф. А. С. Архангельскаго, проф. В. М. Истрина, проф. И. А. Шляпкина, гг. И. Ѳ. Анненскаго, В. В. Каллаша, Е. А. Ляцкаго, А. І. Лященко, М. В. Трофимова и др.

Главнѣйшія измѣненія, сдѣланныя мною, согласно указаніямъ названныхъ лицъ, сводятся—1) къ упрощенію и исправленію стиля (уничтоженіе иностранныхъ терминовъ),—2) почти совершенному устраненію ссылокъ на фамиліи изслѣдователей, что, по указанію нѣкоторыхъ критиковъ, слишкомъ пестрило изложеніе моей книги именами, неизвѣстными ученикамъ и потому мало имъ говорящими,—3) къ сокращенію нѣкоторыхъ отдѣловъ и къ расширенію другихъ (прибавлены вводные §§, заключеніе и цѣлый отдѣлъ: „Зачатки русской народной драмы“—очеркъ, спеціально-написанный для моей книги Н. Н. Виноградовымъ на основаніи ему принадлежащихъ и пока еще необнародованныхъ матеріаловъ.

Составитель.

Предисловіе къ 1-ому изданію.

Предоставляя на судъ спеціалистовъ-преподавателей свою работу, я желалъ бы, чтобы она принесла, хотя нѣкоторую пользу нашей обновляемой школѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ печально поставлено у насъ школьное изученіе народной поэзіи: въ большинствѣ случаевъ, ни интереса, ни любви этотъ важный отдѣлъ у молодежи не возбуждаетъ; въ учебникахъ излагается онъ сжато, даже скомканно, тоже безъ всякаго интереса и любви, безъ малѣйшаго желанія освѣжить старый, давно изношенный матеріалъ, безъ попытки внести въ освѣщеніе, этого матеріала „новое слово". Мнѣ хотѣлось бы, хотя до нѣкоторой степени, восполнить этотъ пробѣлъ своею работою. Въ ней я не маскировалъ своей любви къ народному творчеству тѣмъ сухимъ и безличнымъ изложеніемъ, которое обычно въ нашихъ учебникахъ; я не побоялся внести въ этотъ элементарный курсъ, и „немножко учености", съ цѣлью показать ученикамъ, какъ изучается народное творчество, какъ оно сложно, богато и разносторонне по своимъ пріемамъ, содержанію и настроеніямъ; я сознательно не избѣгалъ ссылокъ на имена русскихъ изслѣдователей – чтобы показать, сколько почтенныхъ русскихъ людей свою жизнь отдали и отдаютъ на изученіе народной поэзіи...

Новая программа, опубликованная въ „Журналѣ М. Н. Пр." (Іюль--Августъ 1905 г.), ясно преслѣдуетъ относительно народной поэзіи одну цѣль—поднять въ школѣ интересъ къ ней и любовь. Мнѣ кажется, достигнуть этого можно только внесеніемъ въ обиходъ школы новыхъ требованій, обновленіемъ матеріала, измѣненіемъ

пріемовъ изученія. Естественно, что всякій новый учебникъ, составленный примѣнительно къ новому положенію вещей, долженъ имѣть на первыхъ порахъ недостатки, которые могутъ выясниться только на практикѣ. Говоря о своей работѣ, я признаюсь, что такимъ недостаткомъ кажется мнѣ, напримѣръ, его объемъ. Но вѣдь никто не мѣшаетъ г. преподавателю сокращать учебникъ въ предѣлахъ программныхъ требованій, выбрасывать цѣлыя страницы. Если эти *пропущенныя* мѣста будутъ прочтены, хотя-бы, 2—3 учениками—они, м. б., свое дѣло сдѣлаютъ,—задѣнутъ молодую любознательность,—и моя цѣль будетъ достигнута. Школа должна давать не только знаніе (я даже сказалъ бы: *не столько* знаніе), но и *интересъ* къ знанію. Знаніе улетучивается быстро, а интересъ дѣлается потребностью души, внѣдряется и не умираетъ...

Я былъ бы счастливъ услышать о своей работѣ отзывы спеціалистовъ, которые попытались бы воспользоваться моей книгой, какъ класснымъ руководствомъ, и могли бы, на основаніи личныхъ наблюденій, высказаться о желаемыхъ измѣненіяхъ, сокращеніяхъ и дополненіяхъ.

Если состоится слѣдующее изданіе книги, я съ благодарностью воспользовался-бы всѣми сдѣланными мнѣ указаніями *).

Настоящій учебникъ находится въ тѣсной связи съ „Исторической Хрестоматіей“ (въ 3-хъ томахъ), которая стала выходить частями и выпусками съ начала этого учебнаго года (1905). Въ хрестоматію отнесъ я весь матеріалъ, въ учебникѣ оставилъ лишь примѣры. Обѣ работы поддерживаютъ одна другую.

При составленіи этого учебника я, главнымъ образомъ, воспользовался работой проф. Владимирова: „Введеніе въ исторію русской словесности“, а также трудами ак. Буслаева, А. Веселовскаго, Жданова и мн. др.

Составитель.

---

*) Отзывы въ письмахъ, или печатныхъ оттискахъ прошу выслать: Спб. Загородный, д. 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

§ 1. *„Языкъ“, „словесность“, „письменность“ и „литература“.* Уже на первой ступени общественнаго развитія люди стали стремиться къ тому, чтобы выработать способы общенія между собой. Прежде всего, нужно было установить возможность взаимнаго пониманія, — безъ этого немыслима была никакая общественная жизнь. И вотъ, для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, люди стали прибѣгать къ помощи *мимики*, или *слова*. Изъ этихъ двухъ способовъ общенія наиболѣе совершеннымъ является второй, т. е. *словесный*. Но онъ доступенъ былъ только членамъ такихъ группъ человѣческаго рода, которыя, вслѣдствіе племеннаго родства и жительства въ одной мѣстности, привыкли согласно называть всѣ одинаковыя понятія одинаковыми словами. „Слово“, какъ способъ общенія.

Совокупность словъ, находящихся въ пользованіи у одной группы человѣческаго рода, называется *языкомъ* этой группы, а самая группа, которая выработала такое согласное наименованіе однихъ и тѣхъ же понятій, называется „народомъ“. „Языкъ“ и „народъ“.

Тѣсная связь этихъ двухъ понятій („языкъ“ и „народъ“) настолько очевидна, что даже въ старину, для обозначенія ихъ, наши предки одинаково называли оба понятія словомъ: „языкъ“.

Жизнь первобытнаго человѣка была небогата словами, такъ какъ она развертывалась въ кругу очень немногочисленныхъ понятій. Чѣмъ культурнѣе дѣлается народъ, чѣмъ больше у него вырабатывается „понятій“, чѣмъ больше у него „словъ“ — тѣмъ богаче и его „языкъ“. Развиваясь параллельно съ развитіемъ народа, отражая на себѣ расширеніе и углубленіе его міросозерцанія, языкъ дѣлается выраженіемъ „духа“ народа. Вотъ почему, пока народъ сохраняетъ свой языкъ, онъ продолжаетъ жить своею особою жизнью, хотя бы его покорилъ другой народъ. Но если на- Зависимость „языка“ отъ степени культуры.

роду-побѣдителю удастся отучить его отъ употребленія родного ему языка, онъ окончательно исчезнетъ, какъ „народъ".

„Искусство" и „даръ" рѣчи.

Правильное и красивое пользованіе знаніемъ языка для выраженія чувствъ и мыслей называется „искусствомъ рѣчи", или „даромъ рѣчи". Хорошія качества рѣчи зависятъ — 1) отъ правильнаго сочетанія „понятій", т. е. другими словами, отъ правильности „сужденій",—2) отъ умѣнія найти этимъ сужденіямъ точное и ясное словесное выраженіе,—3) отъ умѣнія правильно, въ логическомъ отношеніи, соединять эти сужденія, выраженныя словами, въ умозаключенія и — 4) отъ умѣнія этимъ правильнымъ сочетаніямъ сужденій найти соотвѣтствующую имъ „форму" (проза или поэзія), придать имъ наиболѣе подходящій „видъ" (повѣствованіе, описаніе и пр.). Поэтому словеснымъ произведеніемъ называется такое правильное сочетаніе сужденій, которое объединено одной основной идеею, имѣетъ опредѣленную словесную „форму" и относится къ опредѣленному „виду" поэтическаго творчества.

Словесное произведеніе.

Проза и поэзія.

Если цѣль словеснаго произведенія чисто практическая (доказать какую-нибудь мысль, дать знаніе), то оно будетъ относиться къ области *прозы*. Если оно цѣлямъ практическимъ не служитъ и, главнымъ образомъ, должно дѣйствовать на воображеніе слушателя, оно отличается картинностью изложенія, и будетъ *поэтическимъ*.

Происхожденіе письменности.

Еще первобытные люди догадались при помощи (рисунковъ или чертежей) наглядно обозначать „понятія"; на болѣе высокой степени развитія люди додумались до обозначенія отдѣльныхъ звуковъ условными знаками,—*„письменами"*, или *буквами*. Всѣ тѣ словесныя произведенія, которыя создаются при помощи письменности, называются *письменными* словесными произведеніями, или просто *письменностью*.

Литература.

Искусство „книгопечатанья" ввело въ общее употребленіе еще третій терминъ—*„литература"* (отъ латинскаго слова littera—буква). Въ предѣлы этого понятія входятъ всѣ словесныя произведенія, выраженныя при помощи печати. Впрочемъ, понятіе „литература" теперь такъ расширилось, что имъ пользуются (неправильно) для обозначенія даже устныхъ народныхъ произведеній. Благодаря практичности своей, книгопечатаніе вытѣснило менѣе удобные способы сохраненія произведеній (при помощи устной передачи и письменности)—оттого литература *въ широкомъ смыслѣ этого слова*, т. е. совокупность всѣхъ *печатныхъ* произведеній народа, является мѣриломъ его культурнаго состоянія.

Въ узкомъ смыслѣ слова, „литературой“ извѣстнаго народа называется совокупность исключительно „изящныхъ“ произведеній „словесности“, т. е. „поэтическихъ сочиненій“, выраженныхъ при помощи печати. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ „литературу“ проф. Ор. Миллеръ, говоря, что „народъ, имѣющій исторію“, т. е. „народъ историческій“, не только имѣетъ языкъ, но и умѣетъ сдѣлать изъ него самое полное, многостороннее и высокое употребленіе,—умѣетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, которое производитъ сперва словесность, а потомъ и *литературу*. Чѣмъ выше стоитъ народъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ замѣчательнѣе и его литература. И наоборотъ—если литература народа еще бѣдна, то онъ мало еще сдѣлалъ для исторіи; чѣмъ болѣе богатѣетъ литература, тѣмъ многозначительнѣе становится жизнь народа. Такимъ образомъ, литература есть важное мѣрило достоинствъ и историческаго значенія народовъ. Зависимость литературы отъ степени культуры.

Само собой разумѣется, что каждый историческій народъ вырабатываетъ прежде всего „начала“ языка. Только послѣ этого возможно словесное творчество—созданіе произведеній словесности. „Письменность“ и „литература“ явились позднѣе, — онѣ были усовершенствованіемъ способовъ сохраненія словесныхъ произведеній. Конечно, оба эти способа оказали сильное вліяніе и на самый характеръ творчества; — между народнымъ „поэтомъ-пѣвцомъ“ и современнымъ „литераторомъ“—огромное разстояніе.

§ 2. *Славяне, ихъ бытъ до принятія христіанства.* Славяне принадлежатъ къ арійской расѣ; изъ всѣхъ родственныхъ имъ племенъ (въ Азіи—индусы, иранцы, армяне; въ Европѣ—греки, италійцы, кельты, германцы) славяне ближе всего подходятъ къ литовцамъ; вмѣстѣ съ ними славяне явились послѣдними въ Европу изъ Азіи. Сперва они поселились по Дунаю; послѣ IV-го вѣка по Р. Хр. они двинулись къ Карпатамъ и на югъ, на Балканскій полуостровъ. Подвергаясь постояннымъ нашествіямъ [1]), славяне долго не могли окончательно осѣсть на одномъ мѣстѣ,—только къ IX вѣку, славяне обосновались, болѣе или менѣе, прочно приблизительно въ предѣлахъ той территоріи, которую занимаютъ и теперь. Въ это время они уже разбились на три группы: a) западные славяне (чехи, моравы и поляки), b) южные (сербы, хорваты и болгары), и—c) восточные, или русскіе славяне. Въ зависимости отъ тѣхъ мѣстностей, которыя были ими заняты, и культурное развитіе разныхъ славянскихъ племенъ отличалось различною быстротой и различнымъ характеромъ. Въ то время, какъ чехи и поляки близко соприкоснулись съ болѣе цивилизованнымъ запа- Славяне-арійцы. Дѣленіе славянъ по племенамъ.

[1]) Съ III в. послѣ Р. Хр. готы, — съ Балтійскаго моря; въ IV вѣкѣ гунны, народъ туранскаго племени; въ VI—VII в. авары (обры), народъ того же племени.

домъ, нѣкоторыя племена восточныхъ славянъ, затерянныя въ лѣсахъ восточной Россіи, встрѣтились только съ дикарями-финнами. Немудрено, что различныя славянскія племена, при такихъ условіяхъ, должны были скоро потерять единство языка, нравовъ и міросозерцанія. Между тѣмъ, несомнѣнно, этимъ единствомъ они отличались тогда, когда явились въ Европу и стояли на одной и той же ступени культурнаго развитія.

Ступени развитія первобытныхъ народовъ. „Матріархальный бытъ“.

Первобытные народы знаютъ въ своемъ развитіи нѣсколько ступеней. Первая форма всякой общественной жизни выражается въ совмѣстномъ существованіи отдѣльными группами, всѣ члены которыхъ соединяются кровной связью. Каждая такая группа жила сначала общею и безпорядочною жизнью, не зная, что такое «семья» (отсутствіе понятій: «мужъ» и «жена», «отецъ» и «дѣти», «братъ» и «сестра») и «собственность»; свое существованіе она поддерживала охотой и рыболовствомъ. На этой ступени развитія женщина-*мать* играла особенно важную роль: прикованная заботами о дѣтяхъ къ, болѣе, или менѣе, опредѣленному жилью (дупло, пещера, шалашъ), она одна заботилась о кормленіи дѣтей до ихъ зрѣлости, приготовляла необходимые предметы первобытнаго обихода. Она сама распоряжалась въ своемъ жилищѣ,—мужчины, проводившіе время въ лѣсахъ, на охотѣ, не были хозяевами въ ея убогомъ жилищѣ,—они были скорѣе гостями. Такъ какъ понятія «семья» еще не было, то и дѣти не знали отца и признавали власть только матери. Этотъ періодъ жизни первобытнаго человѣка называется *матріархальнымъ* (т. е. періодомъ главенства женщины-матери).

Увеличеніе народонаселенія, сокращеніе территоріи для охоты, быть можетъ, уменьшеніе дичи, заставляли эти первобытныя общественныя группы изыскивать, кромѣ охоты, другіе способы существованія: прирученіе дикихъ животныхъ привело къ *скотоводству*,—искусственное разведеніе съѣдобныхъ растеній привело къ *земледѣлію*.

„Патріархальный бытъ“.

Если охота и скотоводство связаны были еще съ кочевымъ образомъ жизни, то земледѣліе сдѣлало людей *осѣдлыми*. Оно приковало мужчинъ къ жилью, и тогда главенство въ домѣ перешло въ ихъ руки. Во главѣ каждой такой группы родственниковъ становится теперь *патріархъ*, старшій въ родѣ,—мудрый, опытный охотникъ, скотоводъ и земледѣлецъ. Эта вторая ступень развитія общественной жизни называется *патріархальнымъ бытомъ* (главенство отца). Власть такого патріарха была неограниченной, и женщина потеряла, въ этотъ періодъ, свое прежнее значеніе, мало-помалу, обратившись въ «собственность» мужчины,—въ работницу, въ исполнительницу его велѣній. Имѣя жилище, скотъ, поле, мужчина не только беретъ себѣ женъ изъ своего «рода», но крадетъ *для себя* женщинъ изъ чужого рода; такая женщина дѣлается «рабыней». На этой ступени развитія уже складываются понятія «собственности» и «семьи».

„Религія родовая“.

Патріархальный образъ жизни, основанный на уваженіи къ главѣ рода, создалъ *почитаніе душъ предковъ*. Каждый «родъ» почиталъ своего родоначальника, и, идеализируя его мудрость, доблесть, создавалъ около него и въ честь его фантастическія сказанія-«миѳы». Съ теченіемъ времени, такая идеализація обращала родоначальника въ сверхъестественное существо,—въ *доброе божество*, покровительствующее своему роду и вредящее всѣмъ врагамъ этого рода.

Божества добрыя.

Кровавая вражда, существовавшая тогда между отдѣльными «родами», породила въ умахъ первобытныхъ людей, принадлежащихъ одному роду, представленіе, что родоначальники *другихъ* родовъ—*божества злыя.* Изъ такого заключенія, естественно, слѣдовала мысль о возможности вражды между божествами «добрыми» и «злыми». Такимъ образомъ, борьба земная переносилась воображеніемъ первобытнаго человѣка и въ міръ неземной,—«потусторонній». Отсюда вѣра въ возможность борьбы между богами. Божества злыя.

Естественно, что представленіе жизни, какъ вѣчной борьбы, очень давно перенесено было и на *міръ природы,*—въ ея явленіяхъ первобытный человѣкъ увидѣлъ такое же проявленіе доброй и злой воли. Солнце, дающее свѣтъ и тепло, представлялось добрымъ божествомъ, явленія грозовыя (тучи, вихрь, гроза)—злыми божествами, враждебными солнцу. Такъ, рядомъ съ «*родовой религіей*», по ея образцу, складывалась «*религія природы*». Возникновеніе „религіи природы".

Чѣмъ культурнѣе дѣлались люди, тѣмъ сильнѣе развивался у нихъ интересъ къ природѣ и ея явленіямъ. Особенно, къ этому ихъ принуждали занятія земледѣліемъ. Этотъ интересъ къ природѣ способствовалъ развитію «религіи природы».

Когда въ силу большей скученности населенія отдѣльныя родовыя группы стали соединяться въ болѣе сложныя общественныя единицы, «роды» перестали существовать обособленно и образовали изъ себя группы «родовъ»—сельскія общины,—тогда *родовой* бытъ смѣнился *общиннымъ*. Такое сліяніе «родовъ» въ болѣе сложныя общественныя группы должно было вести къ постепенному уничтоженію всѣхъ частныхъ особенностей «родовой» жизни,—вмѣстѣ съ этимъ, постепенно слабѣла «религія родовая» (почитаніе предковъ), и, мало-по-малу, смѣнялась религіей болѣе общаго характера—«религіей природы».

Исторія застаетъ славянъ въ періодъ патріархально-бытового періода; они представляли собою родовые союзы, во главѣ которыхъ стояли старѣйшины. Занимались славяне звѣроловствомъ, рыболовствомъ, также скотоводствомъ, пчеловодствомъ, отчасти земледѣліемъ. Изъ русскихъ славянъ самыми культурными были «поляне», жившіе по Днѣпру: въ то время, какъ у нихъ рано сложились правильныя семейныя отношенія,—древляне, напримѣръ, по словамъ лѣтописца, жили еще «звѣринскимъ» образомъ. Объясняется это тѣмъ, что поляне поселились въ мѣстности, выгодной въ историко-культурномъ отношеніи: Днѣпръ былъ великимъ воднымъ путемъ, соединявшимъ Балтійское море съ Чернымъ—вслѣдствіе этого культурныя воздѣйствія шли на полянъ съ сѣвера и съ юга. Кромѣ того, тяготѣніе населенія къ берегамъ Днѣпра очень скоро создало здѣсь бóльшую скученность населенія и этимъ ускорило процессъ общественнаго развитія. Оттого поляне раньше другихъ племенъ перешли къ земледѣлію, раньше другихъ родовой бытъ смѣнили общиннымъ, раньше другихъ оформили свою жизнь обычаями и обрядами, опредѣляющими общественныя отношенія. Бытъ славянъ. Поляне—самое культурное племя.

Ширина предѣловъ русской земли была одной изъ главныхъ причинъ отсталости нашей культуры отъ западно-европейской. Тамъ тѣснота территоріи заставляла людей скорѣе сближаться и, благодаря этому, быстрѣе развивать формы жизни общественной и государственной. Причины культурной отсталости восточныхъ славянъ.

Самый характеръ русской равнины, не представлявшей серьезныхъ препятствій вторженіямъ азіатскихъ народовъ, тоже помѣшалъ свободному и правильному развитію славянъ. Кромѣ того, народы западной Европы заняли свои территоріи въ такихъ частяхъ Европы, по которымъ прошлась уже культивирующая рука Рима. Латинская культура помогла западноевропейскимъ народамъ создать и языкъ, и религію, и государство. Русскіе же сляване на восточноевропейской равнинѣ встрѣтили только финновъ,— племя, въ культурномъ отношеніи, стоявшее еще ниже ихъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Римъ на западѣ Европы создалъ почву, на которой безъ труда расцвѣла молодая культура варваровъ, вліянія Византіи не лежали въ основѣ славянской цивилизаціи: восточные славяне осѣли на дѣвственной почвѣ и были принуждены съ самаго начала своей исторіи развивать *свою* культурную жизнь; вліянія византійскія явились извнѣ и позднѣе, были случайными, поверхностными и *массы* не затронули. Только послѣ принятія христіанства цивилизующее вліяніе Византіи стало сказываться определенно въ созданіи *русской интеллигенціи*, въ развитіи формъ жизни, государственныхъ и общественныхъ. Тогда создалась русская церковь и русская письменность. Народная масса очень долго жила въ сторонѣ отъ этихъ вліяній «высшей» культуры, и творчество ея попрежнему выражалось въ созданіи произведеній устной поэзіи.

Народная поэзія „безлична", объективна.

§ 3. *Особенности народной поэзіи.* «Устными народными произведеніями» называются такія, которыя создаются народомъ и сохраняются въ его памяти путемъ устной передачи. Одинаковый образъ жизни, простота жизни, создавали въ народѣ полное тожество міросозерцанія. Понятно, что и произведенія, созданныя въ этой средѣ, могли выражать только мысли и чувства, однородныя и доступныя *общему* пониманію. Народная

Творецъ пѣсни.

пѣсня первоначально слагается, конечно, какимъ-нибудь однимъ поэтомъ, но имя его не сохраняется. Это происходитъ потому, что произведеніе, немедленно послѣ сочиненія переходя въ уста другихъ пѣвцовъ,—этихъ «пѣвцовъ-передатчиковъ» повторяется, ими уже, какъ ихъ собственное произведеніе; тогда понятіе «собственности» вообще не было еще яснымъ,— тѣмъ менѣе сознаніе собственности могло простираться на поэтическое творчество. Оттого каждое устное произведеніе народной поэзіи принадлежало всему народу, являлось его вѣковѣчнымъ достояніемъ.

„Личное" и „безличное" въ народной поэзіи.

Если въ этомъ произведеніи и было что-нибудь *личное*, то каждый изъ «передатчиковъ» это личное сглаживалъ, «приспособляясь» ко вкусамъ массы. Такимъ образомъ, — 1) народный пѣвецъ, выдававшійся талантами изъ массы, но въ умственномъ и нравственномъ отношеніи стоявшій на одномъ съ нею уровнѣ, могъ создать лишь то, что было доступно пониманію народа, и потому это творчество называется безличнымъ—и

Коллективное творчество.

2) если этотъ народный пѣвецъ создавалъ произведенія личныя, превышавшія уровень пониманія массы, то они—или были обречены на гибель, т. к. народъ ими не интересовался, — или народомъ передѣлывались на свой вкусъ во время устной передачи. Въ этомъ смыслѣ, народная поэзія и называется результатомъ *коллективнаго* творчества, т. е. творчества собирательнаго.

Индивидуализація поэзіи.

Народная поэзія у всѣхъ народовъ переживаетъ одинаковую судьбу: съ развитіемъ общественной жизни «личность» постепенно выбивается изъ

подъ власти массы—*индивидуализируется*, и тогда, рядомъ съ безличнымъ творчествомъ, является *личное*. Этому выдѣленію личности особенно помогаетъ письменность, которая дѣлаетъ творца и его произведеніе независимыми отъ вліянія народа; съ распространеніемъ письменности, для сохраненія произведенія нѣтъ уже надобности въ памяти народа, — это спасаетъ произведенія отъ коллективнаго творчества массы.

Кромѣ *индивидуализаціи* народная поэзія знаетъ еще другое измѣненіе: съ развитіемъ культуры, масса, однородная сначала, разбивается на нѣсколько общественныхъ группъ (сословія); у каждой такой группы является свое творчество (земское, дружинное). Вліянія, идущія извнѣ, изъ чуждыхъ странъ, также отражаются на народномъ творчествѣ: однѣ группы остаются со своимъ національнымъ творчествомъ,—другія тянутся къ чужой культурѣ и чужой поэзіи.

Специализація поэзіи.

Денаціонализація поэзіи.

Русскіе славяне, еще до принятія христіанства, имѣли богатую народную поэзію; но, такъ какъ различныя племена русскихъ славянъ стояли на разныхъ ступеняхъ развитія, то и въ ихъ творчествѣ отразились разные моменты культурнаго развитія человѣчества [1]).

§ 4. *Судьбы народной поэзіи.* Русская народная поэзія не знала свободнаго развитія. Постоянныя вліянія извнѣ задерживали ея жизнь. Прежде всего христіанство особенно сильно помѣшало ея самостоятельному и свободному развитію, т. к. духовенство гнало ее, какъ потѣху «сатанинскую»,—наслѣдіе стараго язычества. Вліянія Византіи тоже сильно задержали ея развитіе, подчинивъ лучшую частъ общества культурной жизни на иностранный ладъ, оторвавъ ее навсегда отъ стараго народнаго міросозерцанія и творчества. Съ XVI в., особенно съ XVII вѣка, начинается вліяніе Запада, и опять, какъ при Владимирѣ Святомъ, въ русскомъ обществѣ начинается расколъ,—«верхи» его, интеллигенція, потянулись къ Западу, «низы»—народъ, попрежнему остались со своей старой поэзіей. При Петрѣ Великомъ расколъ этотъ увеличивается: поддаваясь вліянію то нѣмецкой культуры, то французской, то англійской, русское общество, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, еще дальше отошло отъ народа, чѣмъ это было въ XVII в. Но въ этомъ-же XVIII в., въ изящной литературѣ все яснѣе и яснѣе пробивается струя «народничества»,—пишутся подражанія народной пѣснѣ, старыя сказки и былины передѣлываются въ романы, въ театральныхъ пьесахъ выводится народъ. Къ концу вѣка «народничество» въ литературѣ сказалось уже настолько ярко, что захватило многихъ выдающихся писателей. Пушкинъ въ своемъ творчествѣ сумѣлъ органически слить всѣ тѣ настроенія, которыми жилъ XVIII вѣкъ, и «народничеству» онъ въ своей поэзіи, какъ извѣстно, отвелъ большое мѣсто. Послѣ него дѣло слиянія изящной литературы съ народнымъ творчествомъ развилось широко и блестяще: имена Кольцова, Никитина, Некрасова, Алексѣя Толстого и мн. другихъ—лучшее тому доказательство. Не безъ вліянія поэзіи и наша музыка стала сближаться съ народной,—если интересъ къ мелодіи народной пѣснѣ не умиралъ въ теченіе XVIII в., то въ XIX столѣтіи можно насчитать, на-

Особенности развитія русской народной поэзіи.

a) Послѣ крещенія.

b) Въ XVII в.

c) При Петрѣ В.

d) Народничество въ XVIII в.

e) Народничество въ XIX в.

[1]) Очевиднѣе всего это сказалось на свадебной поэзіи, которая до нашихъ дней сохранила слѣды нѣсколькихъ культурныхъ моментовъ.

чиная съ Глинки, немало композиторовъ, которые всѣ жадно прислушивались къ народной поэзіи и черпали изъ нея вдохновеніе и сюжеты для своихъ музыкальныхъ произведеній. Въ наши дни и живопись (напр. Васнецовъ), часто пользуется сюжетами изъ русскихъ сказокъ, русскихъ былинъ, легендъ...

Значеніе народа въ исторіи XIX в.

Весь XIX-ый вѣкъ представляетъ собою удивительную картину постепеннаго сліянія двухъ разрозненныхъ половинъ русскаго общества. Интеллигенція изучаетъ народъ, изображаетъ его, освобождаетъ, учитъ и учится у него (Л. Толстой, Достоевскій), — народъ тянется къ интеллигенціи, учится у нея, подражаетъ ей,—въ лучшемъ случаѣ, выдѣляя изъ себя талантливыхъ людей на поприще науки и искусства—въ худшемъ, останавливаясь на подражаніи внѣшнему лоску культуры.

Необходимость изучать нар. поэзію.

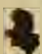
Творчество народа обильно и разносторонне. Иностранцы удивляются художественности, свѣжести и богатству настроеній русской народной поэзіи,—но мы, русскіе люди, мало знаемъ, мало цѣнимъ ее. Для многихъ изъ насъ и теперь иностранная литература знакома лучше родной, русской,—что же говорить о знаніи той *пѣсни*, которую поетъ простой *мужикъ*! Это «незнаніе народа» — великій грѣхъ передъ родиной. Конечно, одна школа не можетъ брать на себя сиѣлой задачи—исправить грѣхъ, вѣками накопившійся на русской интеллигенціи. Но школа, при помощи учителя и учебника, можетъ развить интересъ, можетъ направить молодое поколѣніе на путь взаимнаго пониманія и взаимнаго уваженія народа и интеллигенціи. Только на этомъ пути возможно то великое строеніе національнаго дѣла, которое создавало сильныя государства, съ одной душой, съ однимъ сердцемъ.

Народная поэзія—лучшее средство узнать народъ.

§ 5. *Значеніе народной поэзіи*. Народная поэзія—это лучшее, наиболѣе легкое и пріятное средство заглянуть въ жизнь простого русскаго человѣка. Пѣсня, которую поетъ мать надъ колыбелью своего ребенка, шаловливыя пѣсенки дѣтей, въ которыхъ сохраняются слѣды глубокой языческой старины, пѣсни бытовыя, часто безконечно-глубокія по мысли и чувству, часто и «неприличныя», съ нашей точки зрѣнія, то шутливыя и грустныя, то серьезныя-обрядовыя, то безшабашныя-плясовыя,—наконецъ, вся свадебная «игра» и похоронная,—все это такъ полно охватываетъ *всю* жизнь народа, всѣ ея случайности, ея свѣтлыя и темныя стороны, что съ богатствомъ и разносторонностью этого содержанія не сравнится поэзія лучшихъ нашихъ лириковъ... Старинная «былина», замирающая на окраинахъ Россіи, пѣсня-баллада о разныхъ темныхъ и свѣтлыхъ приключеніяхъ частной жизни, сказка, остроумная пословица, вводящая насъ въ глубины народной мудрости, веселая прибаутка,—все это такіе перлы, которыми можетъ гордиться русскій народъ! Никакой учебникъ, никакая хрестоматія не могутъ передать всего этого богатства мысли, чувства, богатства и разносторонности всего этого творчества: въ учебныхъ книгахъ можно приводить только «примѣры», конечно далеко не охватывающіе всего имѣющагося

Какъ лучше изучить нар поэзію.

матеріала. Чтобы съ нимъ ознакомиться шире и глубже надо взять ученые сборники пѣсенъ, сказокъ, пословицъ—нужно ихъ перечитать цѣликомъ, нужно постараться возсоздать настроенія народа-творца и охватить ихъ во всей ихъ ширинѣ! Но и это знакомство будетъ одностороннимъ... Мало одного учебника по ботаникѣ, или атласа, чтобы узнать свойства

и жизнь какого-нибудь цвѣтка: никакими словами и рисунками не передать аромата цвѣтка и настоящей его окраски, — нужно идти въ поле, чтобы тамъ имъ любоваться... Такъ и въ народной поэзіи есть ароматъ, который плохо поддается описанію: чтобы понять «пѣсню» и «сказку»— нужно слышать, какъ она *поется*, какъ она *сказывается*... Мало того, нужна подходящая обстановка, чтобы эта поэзія не походила на блѣдный оранжерейный цвѣтокъ: народная поэзія такъ вросла въ жизнь, что вырвать ее изъ жизни нельзя, — она завянетъ и потеряетъ всю прелесть свѣжести и жизненности. Вотъ почему, чтобы, напримѣръ, понять поэзію *весеннихъ* пѣсенъ, надо идти въ темный лѣсъ, благоухающій всѣми ароматами весны, и *тамъ* слушать тѣ пѣсни, которыя поются дѣвушками, когда украшается бѣлая березка пестрыми лентами. Нужно полюбоваться на веселый хороводъ, который вьется на зеленой лужайкѣ... Надо заглянуть въ крестьянскую избу въ тотъ моментъ, когда обряжаютъ молодую невѣсту къ вѣнцу. Надо побывать зимой въ темной избушкѣ, когда вьюга воетъ въ трубѣ, и старый дѣдъ, при тускломъ мигающемъ свѣтѣ лучины, шамкая, разсказываетъ большимъ и малымъ сказку о зломъ Кощеѣ, о свѣтозарномъ Иванѣ Царевичѣ... Только при такихъ условіяхъ народная *устная* поэзія пріобрѣтаетъ настоящую красоту, цѣну.

Трудности изученія нар. поэзіи по учебнику.

Учебная книга еще потому безсильна сколько-нибудь полно представить жизнь народнаго творчества, что она не можетъ охватить всѣхъ разновидностей этой жизни: великоруссы, малоруссы, бѣлоруссы, различные инородцы, составляющіе великую Россію,—всѣ имѣютъ свою поэзію, свои обряды, иногда соприкасающіеся, но иногда совершенно различные. Мало того, даже жители одной и той же губерніи, но разныхъ уѣздовъ, иногда разныхъ деревень несходно справляютъ тѣ же обряды (напримѣръ, «свадебную игру»), — поются другія пѣсни, чинъ обряда другой,— учебникъ не можетъ воспроизвести всего этого разнообразія. Вотъ почему приходится еще разъ повторить, что *самому* всего лучше ознакомиться съ этой поэзіей, — пути къ этому изученію можетъ и должна указать школа.

История изученія нар. поэзіи

§ 6. *Изученіе народной поэзіи*. Всякое изученіе начинается съ собиранія матеріала. Первыя записи произведеній народной поэзіи извѣстны еще съ XVII столѣтія. Въ XVIII в. народныя произведенія проникаютъ уже въ печать и вызываютъ подражанія. Но истиннаго пониманія народной поэзіи въ XVIII в. еще не было: собиратели считали себя въ правѣ передѣлывать народныя пѣсни, присочинять свои...

Первыми, болѣе или менѣе, серьезными трудами были въ XIX в. работы Сахарова («Сказанія русскаго народа»), Терещенко («Бытъ русскаго народа») и, особенно, Снегирева («Русскіе простонародные праздники», «Русскіе въ своихъ пословицахъ» и др.).

Исторія изученія народа, его жизни и творчества, впервые становится на твердыя ноги, когда усилія отдѣльныхъ ученыхъ были соединены въ 1834 году учрежденіемъ Археографической комиссіи (изданіе лѣтописей, актовъ, документовъ) и въ 1846 г. учрежденіемъ Русскаго географическаго Общества (собираніе этнографическихъ матеріаловъ—пѣсенъ, сказокъ и пр.).

Изученіе нар. поэзіи въ XIX ст.

Къ этому времени собираніемъ и изданіемъ произведеній народной поэзіи занялись извѣстные этнографы: Кирѣевскій, Якушкинъ, Даль, затѣмъ Рыбниковъ, Гильфердингъ, Шеинъ, Безсоновъ, Аѳанасьевъ и др. Въ сороковыхъ годахъ въ университетахъ русскихъ были основаны каѳедры славяновѣдѣнія; молодыхъ русскихъ ученыхъ стали посылать учиться заграницу,—съ этого времени изученіе народной поэзіи дѣлается «наукой». Труды ученыхъ, впервые поставившихъ изученіе ея на научную почву, до сихъ поръ сохраняютъ все свое значеніе. Акад. Буслаевъ, акад. Сухомлиновъ, акад. Пыпинъ, акад. Тихонравовъ, акад. Л. Майковъ, проф. А. Котляревскій, проф. О. Миллеръ, проф. Потебня—вотъ, имена самыхъ видныхъ изслѣдователей въ области народнаго творчества. Изъ современныхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся, или занимавшихся народной поэзіей, слѣдуетъ къ этому почетному списку причислить акад. А. Веселовскаго, акад. А. Соболевскаго, акад. И. Жданова, проф. Вс. Миллера, проф. П. Дашкевича, проф. М. Халанскаго, проф. Н. Сумцова, проф. А. Архангельскаго, проф. И. Шляпкина и др.

Школы „миѳологическая", „историческая" и „заимствованій".

Всѣ эти ученые и этнографы изслѣдовали произведенія народной поэзіи съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ нихъ старались въ современной народной поэзіи найти воспоминанія народа о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ («миѳологическая школа»), другіе старались найти въ произведеніяхъ народной поэзіи отраженіе фактовъ историческихъ («историческая школа»). Наконецъ, третьи, сопоставляя русскія былины, сказки, пѣсни, легенды съ устными и письменными произведеніями другихъ народовъ находили въ нихъ сходство въ сюжетахъ, мотивахъ и въ деталяхъ. Это «сходство» объясняли они тѣмъ, что одинъ народъ «заимствовалъ» у другого эти сходныя мѣста («школа заимствованій»). Такое объясненіе происхожденія многихъ произведеній народнаго творчества конечно, подрывало взгляды школы «миѳологической» и отчасти «исторической», такъ какъ указывало, что многіе ихъ выводы шатки, будучи построены не на «оригинальныхъ» произведеніяхъ, а на «заимствованныхъ».

Современные пріемы изученія нар. поэзіи.

Современная наука, изучающая народную поэзію, пытается примирить различные взгляды всѣхъ этихъ трехъ «школъ». Она допускаетъ преимущественно *миѳологическія* толкованія относительно обрядовой поэзіи, заговоровъ, отчасти сказокъ; пріемы изученія *исторической* школы примѣняетъ къ былинамъ, историческимъ пѣснямъ. Но оба эти пріема примѣняются только послѣ провѣрки матеріала путемъ сравненія съ народной поэзіей другихъ народовъ, т. е. при помощи методовъ школы *заимствованія*. Такимъ образомъ, теперь, въ основѣ народной поэзіи, признаютъ и миѳическія и историческія основы, признаютъ и сильныя заимствованія со стороны.

Психологическія причины созданія поэзіи, религіи и науки.

§ 7. *Происхожденіе народной поэзіи.* Выше было уже указано, что только послѣ выработки «языка», всякій народъ создаетъ «словесность». Какія-же психологическія воздѣйствія заставляютъ его пытаться свой «языкъ» приспособить къ болѣе высокимъ цѣлямъ,—къ созданію поэтическихъ произведеній? Конечно, къ этому принудили его, прежде всего, тѣ впечатлѣнія, что шли на него изъ таинственнаго міра природы, а потомъ и тѣ, что шли изъ міра человѣческихъ отношеній. Человѣкъ,

стоящій лицомъ къ лицу съ жизнью, испытывалъ ужасъ, или радость, гнѣвъ, или грусть — чувства, которыми онъ хотѣлъ подѣлиться съ другими. У него являлись запросы касательно силъ природы,—касательно устройства своей жизни и жизни сосѣда, — этихъ запросовъ онъ не могъ удовлетворить самолично. Все это возбуждало дѣятельность «слова», вело къ созданію «словеснаго произведенія».Такимъ образомъ, *природа* и *жизнь въ обществѣ другихъ людей* привели къ возникновенію религіи, науки и поэзіи. Это—обыкновенное явленіе, повторяющееся у всѣхъ народовъ.

Синкретизмъ первобытнаго творчества.

Въ пору первобытнаго существованія и вѣра, и знанія, и поэзія сливались въ нѣчто нераздѣльное. Всякая обрядовая пѣсня, заговоры, миѳъ, заключали въ себѣ элементы религіозные, научные и эстетическіе. Еще «Иліада» Гомера для древнихъ грековъ была такимъ произведеніемъ, въ которомъ заключались всѣ эти элементы. Впослѣдствіи, путемъ свободнаго развитія, греки изъ первичнаго *синкретическаго* [1]), или *смѣшаннаго* творчества, создали всю свою поэзію, свое искусство, религію и науку [2]). Намъ этого сдѣлать не удалось,—мы остались при зачаткахъ народнаго творчества. Такъ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ (напр., въ заговорахъ) есть элементы знанія и языческой вѣры, — въ нѣкоторыхъ играхъ (хороводы) и обрядахъ (свадебные и похоронные) есть зачатки драмы, которой никогда не придется доразвиться до степени драмы греческой. О причинахъ такой остановки развитія народнаго творчества сказано было выше.

Свободное и несвободное, „эгоистическое“ и „эстетическое“ отношеніе къ жизни.

§ 8. *Значеніе природы для первобытной поэзіи-религіи-науки.* Отношеніе къ жизни можетъ быть двоякаго характера — *несвободное*, когда мы слишкомъ связаны съ этой жизнью своими личными интересами—и *свободное*, когда мы наблюдаемъ эту жизнь независимо отъ всякихъ личныхъ чувствъ. Только эта независимость можетъ дать человѣку «удовольствіе», *эстетическое* наслажденіе, главная черта котораго и есть безкорыстное, свободное наслажденіе жизнью. Искусство (живопись, поэзія), представляющее жизнь *въ отраженіи*, облегчаетъ человѣку возможность такой *эстетической точки зрѣнія* на жизнь. Для человѣка тонущаго видъ волны, готовой его поглотить, не будетъ имѣть никакой эстетической цѣнности,—это отношеніе къ жизни и будетъ *несвободное*; человѣку, стоящему на берегу, видъ бушующаго моря можетъ доставить наслажденіе (если онъ при этомъ не думаетъ о своихъ близкихъ, находящихся въ морѣ, или не видитъ тонущаго человѣка)—это отношеніе къ впечатлѣніямъ—будетъ *свободное*, имѣющее эстетическій характеръ. Но нетрудно понять,

---

1). „Синкретизмъ“—отъ греч. слова σύγκρασις—смѣшеніе, σύγκρατος—смѣшанный.

2) Культурное развитіе всегда приводитъ къ постепенной „дифференціаціи“ (т. е. выдѣленію) уже опредѣлившихся видовъ человѣческаго творчества изъ синкретическаго состоянія. Такъ, у всѣхъ первобытныхъ народовъ (и у грековъ) сначала народные обряды сопровождались пѣніемъ, пляской и мимикой. Въ такомъ *исполненіи* произведеній народнаго творчества уже заключались, въ синкретическомъ состояніи, зачатки нѣсколькихъ искусствъ: и поэзіи, и музыки, и искусства плясать, и драмы,—съ развитіемъ народа, всѣ эти искусства оторвались отъ поэзіи, *дифференцировались*, и стали развиваться самостоятельно. Въ содержаніи первичныхъ народныхъ произведеній тоже наблюдаемъ *синкретизмъ*; какъ было уже указано, онъ выражается въ нераздѣльномъ сліяніи элементовъ вѣры, знанія и поэзіи.

что полнаго эстетическаго наслажденія въ такомъ случаѣ всетаки не будетъ: чувство страха за другихъ, сожалѣніе, или радость каждую минуту могутъ отравить это мимолетное эстетическое наслаждніе. Только *искусство*, представляющее жизнь въ *отраженіи*, обезпечиваетъ полное безкорыстіе, полную независимость въ созерцаніи жизни, отраженной въ произведеніяхъ живописца, или писателя. Оттого картиной, изображающей человѣка тонущаго, мы наслаждаемся со спокойной душой и находимъ полное, безусловное эстетическое удовольствіе. Крестьянинъ, собирающійся выѣзжать утромъ пахать, или косить, смотритъ на закатъ солнца, конечно, не съ эстетической точки зрѣнія,—онъ тревожно глядитъ на тучи, собравшіяся на горизонтѣ и окрашенныя пурпуромъ вечерней зари,—его отношеніе къ жизни *несвободное*. Горожанинъ, пріѣхавшій въ деревню отдохнуть, наслаждается зрѣлищемъ заходящаго солнца безкорыстно, свободно относясь къ жизни природы. Его отношеніе будетъ свободно-эстетическое. Поэтому, чѣмъ ближе стоитъ человѣкъ къ природѣ, чѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ нея, тѣмъ больше онъ связанъ съ природой общностью жизни: какъ животное, онъ боится грозы и прячется отъ нея, и радуется, когда свѣтитъ солнце. Много времени нужно для того, чтобы первобытный человѣкъ постепенно, отъ такого животнаго отношенія къ жизни, мало-по-малу, сталъ подходить къ эстетической оцѣнкѣ жизни. Для этого нужно было самосознаніе личности человѣка, нужна была нѣкоторая обезпеченность жизни, оторванность отъ общей жизни и способность уединиться въ свой собственный міръ [1]).

Отношеніе язычниковъ славянъ къ природѣ.

Нашъ предокъ-язычникъ, поставленный лицомъ къ лицу съ природой, жилъ одною съ нею жизнью: радовался и печалился, когда радовалась и печалилась она. Лишь въ новое время, и то не для всѣхъ сдѣлалось возможнымъ то «сентиментальное» отношеніе къ природѣ, когда человѣкъ, глубоко сознавшій свою обособленность и оторванность отъ природы, сталъ глядѣть на нее любовными глазами, воспѣвать ее въ стихахъ, изображать ее въ картинахъ... Для нашихъ предковъ она была *матерью*, или *мачихой*. Свободы и ясности—необходимыхъ условій чистаго, безкорыстнаго наслажденія природой у первобытнаго человѣка не было [2]). Поэтому эстетической цѣнности, въ нашемъ смыслѣ, природа тогда не имѣла.

Конечно, язычникъ-славянинъ и не спрашивалъ себя, прекрасна ли природа, или нѣтъ. Все его вниманіе направлено было къ объясненію таинственной связи окружающихъ его явленій, къ узнанію того жизненнаго духа, которымъ проникнуто все живое, весь міръ,—міръ природы, міръ человѣка...

---

[1]) На такой ступени развитія стоятъ, напримѣръ, Калинычъ („Хорь и Калинычъ“) и Касьянъ („Касьянъ съ Красивой Мечи“)—герои Тургенева. Они познали уже эстетическую цѣнность природы. Но у нихъ еще нѣтъ полнаго и безусловнаго, чисто-эстетическаго отношенія къ природѣ: у Калиныча поэзія смѣшивается съ „наукой“ (онъ былъ знахаремъ, не только любилъ природу, какъ поэтъ,—но ее изучалъ, ее *зналъ*); у Касьяна поэзія смѣшивается съ „религіей“ (онъ въ *жизни* природы видитъ какую-то святость). Дядя Ерошка, Лукашка („Казаки“ у Л. Толстого)—образцы почти животнаго отношенія къ природѣ.

[2]) Въ драмѣ Островскаго „Гроза“ въ лицѣ Кулигина выведенъ человѣкъ, уже опредѣлившій эстетическую цѣнность природы и даже ея грозныхъ явленій; въ рѣчахъ Дикого и толпы выражено старое полуязыческое отношеніе къ грозѣ.

Одни были упорнѣе въ своихъ поискахъ, другіе беззаботнѣе и несомнѣнно, первые стали ближе къ тѣмъ основнымъ нитямъ, которыми управлялся міръ,—народъ почтилъ ихъ титуломъ *вѣдуновъ* (кудесниковъ знахарей, колдуновъ). Они-то, вѣроятно, и дерзнули на построеніе первыхъ теорій о созданіи міра,—имъ доступны сдѣлались таинственныя знанія свойствъ «живой» и «мертвой» воды и «древа жизни», и сила заговоровъ [1]); простые смертные, попрежнему, свое отношеніе къ природѣ продолжали выражать «по-дѣтски»—радостью и горемъ, пѣснями, обрядами и праздниками...

„Вѣдуны" и „кудесники".

Объ этой далекой порѣ, порѣ язычества нашихъ предковъ, мы не знаемъ почти ничего—съ великимъ трудомъ ученые, лишь до нѣкоторой степени возстановили миѳическія основы вѣрованій той поры Трудность опредѣлить ихъ увеличивается вслѣдствіе тѣхъ вліяній, которымъ подверглись они отъ вліянія христіанства и общенія съ финнами и другими народами.

Слѣды древнихъ миѳическихъ вѣрованій въ нар.

Остатки русскаго язычества приходится искать въ преданіяхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ и въ поэзіи русскаго народа. Свидѣтельства старинныхъ памятниковъ даютъ намъ рядъ указаній на слѣды существованія у русскихъ славянъ вѣрованій въ различныхъ божествъ на существованіе жертвоприношеній имъ, молитвъ, обрядовъ, свадебныхъ и похоронныхъ. О происхожденіи этихъ боговъ, о стройной системѣ религіознаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ въ этихъ памятникахъ нѣтъ ни слова. Можно думать что наша русская миѳологія не доразвилась до тѣхъ законченныхъ формъ какихъ она достигла у другихъ народовъ Современные обряды нашего народа и его повѣрія почти уже ничего не даютъ намъ для пониманія первоначальныхъ древнихъ божествъ.

Впрочемъ, нѣкоторые народные обряды, сохранившіеся до нашихъ дней, позволяютъ нашимъ ученымъ утверждать что на самой первой ступени своего развитія наши предки знали уже *«религію природы»*. во многихъ обрядахъ, сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ и пословицахъ дѣйствующими лицами являются такія явленія, какъ Свѣтъ и Тьма, Небо и Земля, Солнце, Гроза, Вѣтеръ и Радуга, Огонь и Вода. Они представлены живыми существами, съ человѣческими чувствами и мыслями [2]).

„Религія природы" славянъ.

---

[1]) Подобно тому, какъ въ средніе вѣка занятія „алхиміей", стремившейся къ тому, чтобы найти средства дѣлать золото, изобрѣсть лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, даже отъ старости, не достигли своихъ цѣлей, но много пользы принесли для „химіи", сдѣлавъ цѣлый рядъ серьезныхъ открытій,—такъ упорно продолжающіяся вѣками, наивныя наблюденія народа надъ богатымъ міромъ природы и надъ человѣческими отношеніями привели къ цѣлому ряду открытій: съ „народной медициной" считаются теперь ученые; многія народныя примѣты удивительно оправдываются при провѣркѣ; пословицы поражаютъ тонкостью и вѣрностью психологическаго наблюденія; многое, надъ чѣмъ еще недавно смѣялись ученые скептики (напримѣръ, „заговариванье отъ зубной боли" и др. болѣзней) теперь нашло себѣ объясненіе въ лѣченіи „внушеніемъ".

[2]) Приданіе явленіямъ природы „жизни" называется *анимизмомъ* (animus = душа, духъ), т. е. *одушевленіемъ* природы. Представленіе силъ природы живыми существами называется *зооморфизмомъ* (ζῶος=живой и μορφή=форма), присвоеніе этимъ существамъ страстей человѣческихъ—*антропопатизмомъ* (ἄνθρωπος=человѣкъ и πάθος==страсть); представленіе божествъ въ видѣ людей—*антропоморфизмомъ*. Греческіе олимпійцы, одаренные прекрасными человѣческими чертами, доказываютъ, что миѳологія древнихъ грековъ развилась до высшей степени, которой только могутъ достигнуть первобытныя языческія религіи,—до *антропоморфизма*.

Почитаніе „солнца".

Такъ какъ во всѣхъ *религіяхъ природы* главное мѣсто занимаетъ *солнце*, какъ сила, дающая свѣтъ, тепло, пищу,—жизнь, то вполнѣ естественно было предположить, что такую же роль играло солнце и въ міровоззрѣніи славянъ. Наблюденія надъ обрядами, сохранившимися до нашихъ дней, указали, что въ осколкахъ старыхъ языческихъ вѣрованій, дѣйствительно, дожило до насъ какое-то смутное почитаніе бога *солнца*, подъ названіемъ *Купало* [1]), (Ярило, Кострома или Кострубонька). Въ основѣ этого почитанія лежитъ тонкое наблюденіе надъ годовой жизнью солнца,—оно то постепенно увеличиваетъ свою силу, то ее уменьшаетъ: уже въ глубокой древности люди съ изумительной точностью опредѣлили два момента, когда происходятъ годовые переломы въ жизни благотворнаго свѣтила—зимнее солнцестояніе (12 дек.) и лѣтнее (9 іюня). Къ этимъ двумъ моментамъ пріурочены два главныхъ народныхъ праздника въ честь солнца, по традиціи справляющіеся до сихъ поръ, но теперь потерявшіе, въ глазахъ народа, прежнее важное значеніе.

Почитаніе „земли".

Существуетъ мнѣніе, что, рядомъ съ солнцемъ, чествовалась и *мать-сыра-земля*, которая близка солнцу потому, что только при его помощи можетъ обнаруживать свои животворныя силы. Вотъ почему у народа сохранилось сказаніе, что, когда въ праздникъ Купалы (совпадающій приблизительно съ лѣтнимъ солнцестояніемъ), солнце достигаетъ самой бóльшей силы, оно заключаетъ бракъ съ землей,—оттого вся природа въ эту ночь пріобрѣтаетъ особенную таинственную силу. Это сказаніе Печерскій-Мельниковъ, извѣстный писатель-этнографъ, такъ передаетъ въ своемъ романѣ «Въ лѣсахъ» [2]):

„Народный" миѳъ о солнцѣ въ передачѣ Печерскаго.

«Вотъ, сказаніе нашихъ праотцевъ о томъ, какъ богъ Ярило возлюбилъ Мать-Сыру-Землю, и какъ она породила всѣхъ земнородныхъ. Лежала Мать-Сыра-Земля во мракѣ и стужѣ. Мертва была—ни свѣта, ни тепла, ни звуковъ, никакого движенія. И сказалъ вѣчно-юный, вѣчно-радостный свѣтлый Яръ: «взглянемъ сквозь тьму кромѣшную на Мать-Сыру-Землю, хороша-ль, пригожа-ль она, придется ли по мысли намъ?» И пламень взора свѣтлаго Яра въ одно мановеніе проницалъ неизмѣримые слои мрака, что лежали надъ спавшею землею. И гдѣ Ярилинъ взоръ прорѣзалъ тьму, тамъ возсіяло солнце красное. И полились черезъ солнце жаркія волны лучезарнаго Ярилина свѣта. Мать-Сыра-Земля отъ сна пробудилася и въ юной красѣ раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоноснаго свѣта, и отъ того свѣта палящая жизнь и томящая нѣга разлились по нѣдрамъ ея... Любы землѣ Ярилины рѣчи, возлюбила она бога свѣтлаго, и отъ жаркихъ его поцѣлуевъ разукрасилась злаками, цвѣтами, темными лѣсами, синими морями, голубыми рѣками, серебристыми озерами...Пила она жаркіе поцѣлуи Ярилины, и изъ нѣдръ ея вылетали поднебесныя птицы, изъ вертеповъ выбѣгали лѣсные и полевые звѣри, въ рѣкахъ и моряхъ заплавали рыбы, въ воздухѣ затолклись мелкія мушки да мошки. И все жило, все любило и все пѣло хвалебныя пѣсни отцу-Ярилѣ, Матери-Сырой-Землѣ. (Потомъ земля породила человѣка).

---

[1]) Древнее дохристіанское названіе: „Даждь-богъ".

[2]) Разсказъ этотъ является несомнѣнной „фантазіей" писателя по поводу, б. м., слышаннаго имъ народнаго сказанія,—но, тѣмъ не менѣе, онъ интересенъ и поэтиченъ.

И когда вышелъ онъ изъ нѣдръ земныхъ, ударилъ его Ярило по головѣ золотой вожжей—яркой молніей. И отъ той моловьи умъ въ человѣкѣ зародился. Здравствовалъ Ярило любимаго земнороднаго сына небесными громами, потоками молній и отъ тѣхъ громовъ, отъ той молніи вся живая тварь въ ужасѣ встрепенулась: разлетались поднебесныя птицы, попрятались въ пещеры дубравные звѣри, одинъ человѣкъ поднялъ къ небу разумную голову, и на рѣчь отца громовую отвѣчалъ вѣщимъ словомъ, рѣчью крылатою... И услыша то слово и узрѣвъ царя своего и владыку, всѣ древа, всѣ цвѣты и злаки передъ нимъ преклонились. [Потомъ стала слабѣть сила Ярилы, и Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что все замерзнетъ. Ярило утѣшилъ ее, сказавъ, что опять вернется, а пока для поддержанія тепла на землѣ, послалъ *огонь*]. Такъ мыслили старорусскіе люди о смѣнѣ лѣта зимою и о началѣ огня. Оттого наши праотцы и *сожигали* умершихъ,—заснувшаго смертнымъ сномъ Ярилина сына отдавали живущему въ огнѣ отцу. А послѣ стали отдавать мертвецовъ ихъ матери—опуская въ лоно ея (т. е. зарывая въ землю). Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарованіе Ярилой огня человѣку. Праздники тѣ совершались въ долгіе лѣтніе дни, когда солнце, укорачивая ходъ, начинаетъ разставаться съ землею. Въ память дара, что даровалъ богъ свѣта, жгутъ купальскіе *огни*. Что Купало, что Ярило,—все едино, одного бога званія. И донынѣ въ Иванову ночь пылаютъ на Руси купальскіе огни, и донынѣ по полямъ и перелѣскамъ слышатся веселыя пѣсни» (Печерскій, Соч. VI т., 7—9 изд. Вольфа).

Таинственное въ природѣ.

Наши предки во всей природѣ видѣли таинственное, чудесное, для нихъ объяснимое только присутствіемъ какихъ-то сверхъестественныхъ силъ. Человѣкъ заблудился въ лѣсу, утонулъ въ рѣкѣ, провалился въ трясину,—все это объяснялось, какъ результатъ проявленія какихъ-то силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Перенося на эти силы человѣческія черты, первобытный человѣкъ пытался ихъ *олицетворить*. И вотъ, этимъ невѣдомымъ существамъ возносились молитвы, имъ приносились жертвы: охотникъ или просилъ помощи у *бога лѣса*, рыбакъ—у *бога воды*,—или «заговаривалъ» ихъ мощь...

Олицетвореніе природы.

Вотъ почему, весь міръ видимой природы казался оживленнымъ передъ дѣтски-пытливымъ взглядомъ нашего народа. Силы природы, таинственные звуки ночи, темный лѣсъ и грозные омуты, цвѣты и деревья,—все это дѣлалось достояніемъ религіозно-поэтическаго творчества, унося встревоженное воображеніе въ таинственный міръ потусторонней жизни. Фантазія, не знающая контроля знанія, созидала образы яркіе и уродливые, мрачные и прекрасные, увидѣла таинственное движеніе въ неподвижномъ, сознаніе въ безсознательномъ. Этотъ мистическій трепетъ, который охватываетъ насъ, когда мы погружаемся въ міръ таинственныхъ видѣній народа, чудно переданъ въ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ».

«Тамъ чудеса! Тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;

Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ безъ дверей.
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны...

Кругъ наблюденій надъ жизнью природы разростался, захватывалъ міръ животныхъ, растеній, міръ человѣка,—все это въ представленіи нашихъ предковъ перепутывалось безчисленными нитями взаимоотношеній и зависимостей. Такъ сложилась вѣра въ «лѣшихъ», «водяныхъ» и др.

Лѣшій.

„Лѣшій“ [1]),—хозяинъ лѣсныхъ богатствъ, живетъ въ лѣсу; то равный по росту съ самыми высокими деревьями, то, когда онъ выходитъ въ поле,—ростомъ съ маленькую былинку. Это—олицетвореніе растительности вообще—и, въ частности мрачной жизни дремучаго лѣса, съ его таинственными звуками, и непонятнымъ чувствомъ страха. Лѣшій—злобное существо, врагъ людей. Онъ откликается «эхомъ», заставляетъ человѣка плутать въ лѣсу, хохочетъ по ночамъ и пугаетъ путника. Въ древности лѣшему приносились жертвы, совершались моленія «дупливамъ древянымъ». Обоготвореніе могучей и мрачной природы лѣса, несомнѣнно, относится къ глубокой старинѣ, — недаромъ, и теперь, въ нѣкоторые праздники, народъ тянется въ лѣсъ. Съ того времени остались пословицы—«жили въ лѣсу, молились пеньямъ»; «обручалися—вкругъ ракитова куста вѣнчалися». Съ того времени сохранилось и почитаніе деревьевъ,—они и теперь употребляются при колдовствѣ, для украшенія домовъ въ нѣкоторые праздники,—во время Семика, народной свадьбы.

Водяной.

„Водяной“ [2]),—старый, косматый дѣдъ, живущій на днѣ рѣки, или озера, особенно въ омутахъ, или у мельничнаго колеса, и изъ каприза топящій людей. До нашихъ дней сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычаи приносить ему жертвоприношенія: топя лошадь, говорятъ: «вотъ тебѣ дѣдушка, люби да жалуй нашу семью!» О жертвоприношеніяхъ водяному говорятъ письменные документы еще XI в. Подобно лѣсу, рѣки, озера, ключи, и вообще *вода*, окружались у славянъ какимъ-то почитаніемъ. До сихъ поръ, въ нѣкоторые лѣтніе праздники, купанье въ водѣ ночью имѣетъ обрядовое значеніе. При помощи воды гадаютъ, бросая вѣнки. Вода въ старину имѣла юридическое значеніе, какъ испытаніе виновныхъ.

Полудница полевики и др.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ почитались еще: *„полудницы“*, *„полунощницы“*, *„житный дѣдъ“*, *„полевикъ“*. Народъ вѣритъ, что «полудницы» и «полевикъ» живутъ въ хлѣбѣ и поражаютъ людей во время уборки хлѣба солнечнымъ ударомъ.

Чудесныя свойства травъ.

Нѣкоторыя травы, цвѣты, коренья, деревья, по представленію народа, надѣлены особыми таинственными и чудесными свойствами: о цвѣтахъ папоротника [3]), «дремливыхъ цвѣтахъ», «плакунъ-травѣ», «чертополохѣ», «чертогонѣ», «разрывъ-травѣ» и многихъ другихъ растеніяхъ у народа сложилось

---

[1]) Ср. пьесу Островскаго „Снѣгурочка“, Нефедовъ, „На міру“ (193—203), С. Максимовъ, „Лѣсная глушь“ I, 47—9.

[2]) Даль, соч. X, 336.

[3]) См. Гоголя „Ночь накануне Ивана Купалы“, Данилевскаго, „Изъ Украйны“ I, 129.

кного сказаній и повѣрій. Въ заговорахъ и загадкахъ нерѣдко большую роль играютъ разныя чудесныя растенія.

„Оборотничество“ и „превращенія“.

Съ этимъ «обоготвореніемъ природы» тѣсно связывалась вѣра въ *оборотничество*, т. е. въ возможность насильнаго, или самовольнаго *превращенія* въ растенія и животныхъ: человѣкъ такъ близко еще стоялъ къ міру природы, что видѣлъ вездѣ жизнь, тожественную своей, — между растительнымъ и животнымъ міромъ—и человѣческимъ не было различія,—оттого и переходы изъ одного міра въ другой казались легкими. Случаи «превращенія» очень часты въ былинахъ, сказкахъ, въ заговорахъ; вѣра въ нихъ отразилась даже на лѣтописи. Въ сказкахъ особенно популяренъ разсказъ о превращеніи дѣвушки послѣ смерти въ березку, тополь, тростинку, выростающую на ея могилѣ. Это—непроизвольное превращеніе,—переходъ изъ одного бытія въ другое. Болѣе мрачный характеръ носитъ *оборотничество*, являющееся результатомъ хитрой науки, насилія надъ природой. «Оборотни», по представленію народа, обращаются въ волковъ (отсюда другое ихъ названіе—«волкодлаки»); они бѣгаютъ ночью, а передъ утренней зарей принимаютъ человѣческій видъ [1]). Такимъ представляется въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» Всеславъ; предки наши вѣрили, что отъ волкодлаковъ зависѣли затменія солнца, мѣсяца и звѣздъ, такъ какъ они пожирали небесныя свѣтила.

„Религія родовая“.

Религія родовая. Выше было указано, что, съ ослабленіемъ родовой жизни, потускнѣла и религія, ею созданная. Во всякомъ случаѣ кое-что сохранилось отъ этой религіи даже до нашихъ дней; въ произведеніяхъ древней письменности есть указанія на то, что язычниками-славянами души предковъ обоготворялись подъ именемъ «Рода» и «Рожаницъ» (прадѣдъ и его жены [2]). Еще въ XII в. приносился имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медъ. Можно думать, что древній «Родъ», которымъ въ старину пугали дѣтей, современемъ обратился въ *домового* [3]). Это—волосатый старикъ, именующійся „*дѣдомъ*“, «хозяиномъ», «дворовымъ». Онъ хранитъ домъ и хозяйство, отвѣчаетъ на гаданія, предсказываетъ своимъ появленіемъ несчастье, переходитъ съ хозяевами въ новый домъ. Его церковь назвала «бѣсомъ-хороможителемъ». Почитаніе его связано съ почитаніемъ домашняго очага-печи. Всѣ члены семьи пользуются отъ очага свѣтомъ, тепломъ, пищею—естественно было въ этомъ видѣть помощь добраго, домашняго генія. Вотъ почему очагъ-печь былъ признанъ мѣстопребываніемъ духа, покровителя семьи. Оттого, при переходѣ въ новую избу, переносятъ уголья изъ старой печи въ новую, съ приглашеніемъ: «милости просимъ, *дѣдушка*, къ намъ на новое жилье» [4]).

Домовой.

---

[1]) Ср. балладу гр. А. Толстого „Волки“. Еще у Гоголя „Сорочинская ярмарка“ Данилевскаго „Изъ Украйны“, 145. Даль, Соч. X, 340.

[2]) Согласно другому толкованію, „рожаницы“—это богини, присутствующія при рожденіи ребенка и опредѣляющія его судьбу.

[3]) Даль, Соч. X, 299.

[4]) Ср. поговорки: „Кто сидѣлъ на печи, тотъ уже не чужой, а свой“, т. е. сѣвшій у очага попадалъ подъ покровительство генія семьи. „На печи сидѣлъ, кирпичамъ молился“—ироническое указаніе на какія-то молитвы, связанныя съ печью. Малороссъ, не желающій сказать неприличное говоритъ: „казавъ бы—та піч у хаті“. Великоруссъ, желая прекратить непріятный разговоръ, обидный для семьи, говоритъ: „для твоей

Русалки.

Въ образѣ *„русалокъ“* неясно слилась «религія родовая», съ «религіей природы», и ко всему этому примѣшались еще сильныя вліянія христіанства. По опредѣленію ученыхъ, прежде всего, русалки представляются народу, какъ души умершихъ, которыя иногда являются на землю; подъ вліяніемъ церкви, русскій народъ соединилъ съ этимъ образомъ представленіе о людяхъ, или дѣвушкахъ, погибшихъ не своею смертью, безъ церковнаго покаянія и причащенія,—или о младенцахъ, которые умерли до крещенія. Эти русалки живутъ въ тихихъ тусклыхъ болотахъ, или въ спокойныхъ рѣкахъ, — ихъ видятъ, обыкновенно, на берегу (отсюда старинное названіе «берегыни»), или на деревѣ, плачущими, или хохочущими [1]), одинокими, или въ обществѣ такихъ же русалокъ. Очевидно, они тѣсно связаны съ почитаніемъ воды, — ихъ даже зовутъ иногда дочерями «водяного». Въ этомъ сближеніи съ водой на созданіи ихъ образа сказалось вліяніе «религіи природы».

„Религія профессіональная“.

Когда опредѣлились различные классы въ населеніи, различныя спеціальныя занятія (воинское дѣло, скотоводство, мореплаваніе и пр.) тогда каждый такой классъ населенія выработалъ представленіе объ особомъ *своемъ* богѣ-покровителѣ (богъ войны, богъ скотоводства и т. д.); признавая другихъ боговъ, каждая такая общественная группа особенно почитала своихъ. Эта новая *профессіональная* религія, конечно, не вытѣсняла старыхъ религій (родовой и природной), но сливалась съ ними. Такъ, у древнихъ грековъ «олимпійцы» всѣ были связаны опредѣленной генеалогіей, сами составляли «родъ»—и въ то же время почти всѣ были олицетвореніями явленій природы и богами-покровителями различныхъ профессій.

Русскіе боги, упоминаемые въ древнихъ памятникахъ.

Насколько можно судить по скуднымъ указаніямъ лѣтописи (Ипатьевской), «Слова о полку Игоревѣ» и другихъ произведеній, наши древніе боги, тоже отразили на себѣ вліянія *религій родовой, природной и профессіональной*. Такъ, мы знаемъ, что высшимъ божествомъ (но для насъ вполнѣ неяснымъ) былъ у насъ *Сварогъ*, у него два сына: *солнце—Даждь-богъ* [2]), податель блага и богатства, покровитель князей и дружинниковъ,—и *огонь-Сварожичъ*. *Перунъ* былъ богомъ войны и въ то же время богомъ грома (олицетвореніе грозы), *Волосъ*, или Велесъ, былъ покровитель стадъ,—божество пастуховъ и земледѣльцевъ. Какое-то отношеніе имѣлъ онъ и къ поэзіи: Баянъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» называется «внукомъ Велеса»; *Стрибогъ* — богъ вѣтра. Изъ всѣхъ этихъ божествъ дольше всего хранилась память о Велесѣ,—тогда какъ и Перунъ, и особенно Дождьбогъ, совершенно исчезли изъ памяти русскаго народа, Велесъ упоминается и въ лѣтописи, и въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», и въ житіи Авраамія Ростовскаго; имя Велеса сохранилось и донынѣ въ географическихъ названіяхъ мѣстностей («Волосово»—названіе села, часто попадающееся въ Россіи). Были у русскихъ славянъ и изображе-

рѣчи—не выносить печи“. Оттого плевать въ печку особенно топящуюся, считается у народа „грѣхомъ“.

[1]) Ср. повѣсти Гоголя „Майская ночь, или утопленница“, Пушкина „Русалка“, Тургенева эпизодъ изъ повѣсти „Бѣжинъ лугъ“, Печерскаго „Въ лѣсахъ“ соч. т. III, 262, Максимовъ „Лѣсная глушь“ I, 47—9, Даль, соч. X, 342.

[2]) Другое названіе его *Хорсъ*. Болѣе позднія: Ярило, Купала и др.

нія этихъ божествъ, въ видѣ идоловъ, которымъ приносили въ жертву мясо и напитки; существовали и человѣческія жертвоприношенія.

Постепенное проникновеніе христіанства въ народъ помрачило въ его представленіи образы старыхъ боговъ: *религія природы* теперь уцѣлѣла только въ народныхъ обрядахъ, но утратила всѣ свои миѳы-сказанія, отчасти смѣшалась съ христіанствомъ: Илья пророкъ получилъ черты бога грозы, Іоаннъ Креститель обратился въ Ивана Купала; мелкія божества этой религіи (лѣшій, водяной и пр.), подъ вліяніемъ церкви, въ представленіи народа, слились съ «бѣсами»,—явились уже не «божествами», а «нечистой силой»; религія *профессіональная*, болѣе молодая, смѣшавшись съ христіанствомъ, на христіанскихъ святыхъ перенесла черты и обязанности своихъ боговъ. Такъ, св. Власій, вѣроятно, по созвучію съ Волосомъ, принялъ на себя обязанности покровительствовать скотоводству. Св. Георгій-Побѣдоносецъ сдѣлался покровителемъ звѣрей, свв. Флоръ и Лавръ—покровителями спеціально лошадей и пр. Вліяніе христіанства на языческую религію.

Жрецовъ у русскихъ славянъ, повидимому, не было, но къ эпохѣ принятія христіанства уже опредѣлились люди, которые къ языческой религіи имѣли всетаки больше отношенія, чѣмъ вся остальная масса.—Лѣтопись называетъ ихъ «волхвами», «кудесниками», «вѣщими людьми» [1]). Заговоры, заклинанья, знаніе колдовства, умѣніе силой слова воздѣйствовать на боговъ и природу,—вотъ, тѣ знанія, которыя выдѣляли ихъ изъ толпы. Они могли превращать людей, могли нагонять болѣзни, засухи, вызывать грозу и дождь... Эти «вѣдуны» и «вѣдьмы» (отъ корня вѣд-ать) пользовались уваженіемъ у русскихъ славянъ, о чемъ неразъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, — съ ними упорно боролась церковь, такъ какъ они были столпами стараго язычества. Наслѣдниками ихъ знаній теперь являются въ деревнѣ «знахари» и «знахарки» (отъ того же корня, что и слово *знать*). Волхвы-кудесники.

Вѣдьма—одно изъ самыхъ популярныхъ лицъ въ народныхъ сказкахъ, особенно малороссійскихъ,—въ великорусскихъ этотъ образъ слился съ «Бабой-Ягой». Это—злобное существо, людоѣдка, которая преслѣдуетъ героя, или, наоборотъ, помогаетъ ему совѣтами и талисманами [2]). Вѣдьма, Баба Яга

Къ области старыхъ, языческихъ вѣрованій нашего народа относится вѣра въ существованіе *упырей*,—покойниковъ, сохраняющихъ нормальный цвѣтъ лица и не разлагающихся потому, что они по ночамъ сосутъ кровь спящихъ [3]). Упыри.

Была вѣра у нашихъ предковъ въ существованіе какихъ-то неясныхъ божествъ, которыя предсказывали судьбу—это какая то *Судина*, или *Судьбина*. Слѣды вѣрованія въ «прирожденность» судьбы человѣку сохранились въ представленіи о «суженомъ-ряженомъ», о «судѣ божіемъ» [4]). Гаданіе, съ цѣлью узнать «судьбу», свидѣтельствуетъ тоже о такой вѣрѣ Судьба.

---

[1]) Ср. балладу Пушкина „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

[2]) Даль, соч. X, 345. Слово „баба-яга“, вѣроятно, финское; инородцы-финны (выряне) такъ называютъ злое существо женскаго пола, живущее въ лѣсу (яга-лѣсъ).

[3]) Ср. балладу Пушкина „Вурдалакъ“. Даля Соч. VII, 16 (изд. Вольфа).

[4]) Въ новой русской литературѣ простой народъ почти всегда представленъ съ чертами фатализма (fatum—судьба). Ср. напр., нѣкоторыхъ героевъ гр. Л. Толстого, Тургенева.

въ предрѣшенность жизни человѣка. Быть можетъ, съ этой вѣрой въ «судьбу» приходится связывать представленія Горя, Нужды, Лиха въ видѣ живыхъ существъ, которыя неотвязчиво преслѣдуютъ человѣка, гонятся за нимъ, въ человѣческомъ, или животномъ видѣ [1]). Была вѣра также въ какихъ-то «злыдней», засвидѣтельствованная и письменностью, и поэзіей.

Если мы обратимся къ народной поэзіи, отразившей религіозныя воззрѣнія нашихъ предковъ, мы увидимъ, что отъ той далекой поры, когда народное творчество проявило первые свои опыты, до нашихъ дней сохранились лишь окаменѣлые остатки. Ихъ свято сохранилъ въ теченіе многихъ вѣковъ русскій народъ, но они, сами по себѣ, такъ случайны и отрывочны, что не разсказываютъ намъ своей исторіи.

Пѣсни обрядовыя.

Больше всего мифическаго элемента сохранилось въ *пѣсняхъ обрядовыхъ*—онѣ отличаются наибольшею устойчивостью вмѣстѣ съ тѣми обрядами, съ которыми связаны. Эти пѣсни сохранили намъ остатки такой старины, которая даже не отмѣчена исторіей.

Пѣсни *бытовыя* (былевыя и лирическія).

Если эти древнѣшія произведенія народнаго творчества не имѣли въ глазахъ народа эстетическаго значенія, то этого значенія нельзя отнимать у тѣхъ пѣсенъ, которыя не были освящены обрядомъ, или вѣрою, которыя шли не изъ обычая, а изъ *жизни*. Это произведенія *эпоса историческаго* и собственно *лирическія*.

Къ сожалѣнію, эти произведенія сохранились хуже. Надъ ними прошло столько воздѣйствій времени и чуждыхъ вліяній, устныхъ и письменныхъ, что прежнее основное первичное содержаніе и мотивы этой старой поэзіи въ дошедшихъ до насъ образцахъ возстановить почти нельзя.

Во всякомъ случаѣ, говоря о нихъ, мы должны изъ области отношеній человѣка къ природѣ спуститься въ міръ чисто-человѣческихъ отношеній.

Вліяніе жизни на творчество.

§ 9. *Жизнь и народное творчество.* Конечно, творчество народное направлялось не только на разрѣшеніе темныхъ вопросовъ взаимодѣйствія міра человѣческаго и міра потустороннягo. Жизнь брала свое—и древняя Русь знала уже пѣсни, которыя пѣлись на пирахъ, на охотѣ, во время отдыха, въ минуты радостей и безмятежнаго покоя. Уже до христіанства опредѣлились и тѣ историческія *кантилены* (пѣсни), которыя пѣлись въ честь князей и доблестныхъ витязей. Борьба со степью, съ Византіею—на югѣ, съ финнами и скандинавами—на сѣверѣ, давала пищу этой поэзіи. Уже въ древности были у насъ знаменитые пѣснотворцы, которые вырабатывали особые поэтическіе пріемы (ср. указаніе «Слова о полку Игоревѣ» на Баяна, у котораго были уже свои «пріемы» начинать пѣсни).

Чуждыя вліянія на этой пѣснѣ.

Несомнѣнно, въ этомъ процессѣ развитія бытовой поэзіи уже рано стали принимать участіе чуждыя вліянія. Фрески на лѣстницахъ Кіевскаго Софійскаго собора, рисующіе «веселые обычаи» княжескаго двора, даютъ намъ ясное представленіе объ участіи чужеземныхъ артистовъ въ этихъ увеселеніяхъ.

---

[1]) Ср. Повѣсть о „Горѣ Злосчастьѣ“, сказка о „Лихѣ одноглазомъ“.

Всѣ эти «скоморохи» [1]), «гудцы» [2]), «свирилцы» [3]), «шпилеве» (шпильманы) [4]), которые были непремѣнными гостями веселыхъ русскихъ князей, были захожими молодцами, роднившими въ своемъ пѣсенномъ репертуарѣ поэтическія темы и мотивы разныхъ народовъ. Потомъ появились русскіе скоморохи, пѣвцы-артисты, которые приняли на себя чужое заимствованное названіе. Кромѣ того, дружина князя тоже выдвигала изъ своей среды даровитыхъ выразителей настроеній и стремленій своего круга.

Отношеніе народа къ пѣснямъ бытовымъ.

Увлеченіе этой пѣсней, засвидѣтельствованное показаніями исторіи и церкви, доказываетъ, что уже предки наши стали подходить къ сознанію эстетической цѣнности поэзіи, уже тогда прочувствована была прелесть пѣсни, свободной отъ религіи, — пѣсни, пѣвшейся только ради удовольствія.

Лѣтопись и «Слово о полку Игоревѣ» сохранили намъ указанія на обычай *славленія* князя и именитыхъ людей. О существованіи этой пѣсни, отъ которой ведетъ свое начало историческій эпосъ, говорятъ также слова Кирилла Туровскаго: «істори и витія, рекше лѣтописцы и *пѣснотворцы*, преклоняютъ свои слухи въ бывшая межю цари рати и ополченія, да украсятъ словесы слышащая». Въ этихъ словахъ мирно поставлены рядомъ историкъ книжный и пѣвецъ,—историкъ народный, ученикъ Баяна.

Такимъ образомъ, народъ въ своей обрядовой и бытовой пѣснѣ отразилъ свои вѣрованія, свои обычаи, свои земные интересы; дружина въ своемъ эпосѣ откликнулась на первые историческіе запросы. Народъ и князья любили свою поэзію. Даже старый лѣтописецъ вслушивался въ голосъ народа, занося на страницы своей лѣтописи народно-поэтическія преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

Отношеніе церкви къ нар. поэзіи.

§ 10. *Церковь и народное творчество.* Не такъ относились къ этой поэзіи писатели церковные, — тѣ люди, «сердца которыхъ засѣяны были книжными словесы». Для нихъ весь міръ слова дѣлился на *истину*, запечатлѣнную въ св. книгахъ, — и на *ложь*, «сказки небылыя», которыми развлекался народъ; одно шло отъ Бога, другое — отъ дьявола. Для церковниковъ, усвоившихъ аскетическіе взгляды, *зло* воплощалось въ плоти; *добро* — въ духѣ: земныя радости претили такому строгому и одностороннему пониманію христіанской религіи. Отсюда гоненія церкви (русской и западной) на народную поэзію, не только миѳическую, но, вообще, на всю поэзію народа, какъ радостный гимнъ землѣ, земной радости—этому civitas diaboli (государство дьявола).

Оттого всѣ игры и забавы, всѣ задушевныя убѣжденія, связанныя

1) „Скоморохъ"—слово иностранное. Акад. Веселовскій производитъ его отъ арабскаго mascaras (шутка, шутъ); на западѣ это слово, усвоенное въ первомъ значеніи, получило и другое—„ряженый" (отсюда: „маска"); русское слово *скоморохъ* — испорченное mascaras чрезъ перестановку *scamaras.* Есть еще греческое слово „σκώμμαρχος" — начальникъ, или мастеръ смѣхотворства. Съ этимъ словомъ также связываютъ происхожденіе слова „скоморохъ".

2) Гудошники, играющіе на гудахъ.

3) Играющіе на свирѣляхъ.

4) „Spiel-mann"—артистъ.

тѣсными узами съ темною миѳической стариной, всякій досугъ простого народа, когда фантазія и чувство просили себѣ выраженія въ пѣснѣ и пляскѣ,—однимъ словомъ, всякое веселье его казалось церковнымъ людямъ той эпохи дѣломъ предосудительнымъ, навожденіемъ дьявольскимъ.

И вотъ, длинной вереницей отъ начала христіанства до XVIII в. тянутся церковныя обличенія языческой жизни новообращенныхъ христіанъ. Эти обличенія интересны тѣмъ, что ясно указываютъ, какъ живуча была народная поэзія, какъ упорно отстаивала она свои права на существованіе.

Изъ церковнаго устава митр. Іоанна (ум. 1088 года) мы узнаемъ, что «играніе, бѣсовскія пѣсни, блудное глумленіе»—были обыкновенною забавой на пирахъ. Изъ житія св. Ѳеодосія видно, что святой смутилъ благочестиваго князя, явившись на его пиръ. «Многия играющи передъ нимъ, овы гусельные гласы испущающе, другыя же органьные гласы поющи и инѣмъ замарьныя [1]) писки гласящемъ и такъ всѣмъ играющемъ и веселяшемся, якоже обычай есть прѣдъ князьмъ». Въ одномъ сборникѣ XII в. такъ описанъ пиръ: «веселіе многое, ласкавьцы, шьпилеве, празднословцы, смѣхословцы, плясанія, мерзости, пѣсни». «Басни баютъ и въ дуду гудутъ» (изъ поученія Кирилла Туровскаго). Быть можетъ, многія изъ этихъ забавъ и были занесены изъ чужихъ земель, но многія были, конечно, мѣстнаго русскаго происхожденія.

Итакъ, народная поэзія была и богата, и живуча. Она охватывала всю обрядовую сторону жизни нашихъ предковъ, всю область ихъ вѣрованій и знанія, была любимымъ развлеченіемъ не только языческой, но и христіанской Руси.

Если церковь, пыталась энергично бороться съ остатками языческой старины, то у нея самой на первыхъ порахъ для этой борьбы не хватало силы и знанія. Единственно, чего она добилась,—это «двоевѣрія», т. е. примиренія осколковъ стараго языческаго міровоззрѣнія съ новымъ христіанскимъ. После татарскаго нашествія, когда усилилось религіозное настроеніе, народъ особенно поддался вліянію церкви. Но отсутствіе школъ и необразованность самого духовенства привели не къ побѣдѣ христіанства, а лишь къ примиренію его съ язычествомъ. Въ результатѣ, создались въ народѣ многочисленныя «двоевѣрныя», или «суевѣрныя» представленія и сказанія, которыя интересны во многихъ отношеніяхъ [2]).

„Двоевѣріе“.

Такимъ образомъ, старые боги исчезли не безслѣдно,—они уцѣлѣли въ нахлынувшемъ потокѣ идей о новомъ Богѣ. И вотъ, мы видимъ пріуроченіе старыхъ языческихъ празднествъ къ христіанскимъ, видимъ—или превращеніе прежнихъ языческихъ божествъ въ злобныя существа демоническаго характера, — или сближеніе этихъ божествъ съ христіанскими святыми; явилась вѣра въ особое принудительное значеніе молитвы,—значеніе, равное старому заговору, развилась вѣра въ искупительную силу обѣта и добрыхъ дѣлъ; все это указываетъ намъ, что новыя идеи, принесенныя къ намъ христіанствомъ, окрасились старымъ язычествомъ. Гоголевскій городничій,

---

1) „Замарьныя писки“, т. е. звуки производимыя „замрой“ (древній русскій музыкальный инструментъ).

2) О нихъ ниже (см. въ 2-мъ выпускѣ I части этой книги отдѣлы: „апокрифы“, „легенды,“ „духовные стихи“.

мечтающій о томъ, какой свѣчей отблагодаритъ онъ Господа за укрывательство его плутней, еще живетъ идеалами этого «двоевѣрія».

Особенными любимцами народа сдѣлались Егорій Храбрый, Николай Милостивый и Илья-пророкъ; они рано выдѣлились изъ среды другихъ угодниковъ. Календарное празднованіе этихъ святыхъ (23 апрѣля, 9 мая, 20 іюля) притянуло къ себѣ народные весенніе и лѣтніе праздники языческаго происхожденія. Объ этихъ святыхъ народъ сложилъ рядъ легендъ: странствованіе ихъ по землѣ, помощь бѣднымъ, наказаніе злыхъ — вотъ, любимыя темы этихъ легендъ. Разсказы о козняхъ дьявола, о наказаніи великихъ грѣшниковъ начали складываться съ этой поры народной жизни. Многіе заговоры начинаются отреченіемъ отъ всего христіанскаго, призываніемъ бѣсовъ, обѣщаніемъ совершить что-нибудь грѣховное. Рядомъ со «святыми», въ заговорахъ являются теперь и «бабушка-Соломонида», которая мыла новорожденнаго Христа, «12 иродовыхъ дочерей», «св. Пятница», «Сіонская гора съ камнемъ Латыремъ» — и старые боги,—теперь злые духи: лѣсной, водяной, полевой и домовой. Къ этой двоевѣрной поэзіи церковь, уже утратившая къ XV—XVI в.в. свою первоначальную строгость, относилась болѣе снисходительно, чѣмъ раньше.

Естественно, что къ этому времени ослабѣла ея вражда и къ народной пѣснѣ. Пусть, время отъ времени, слышатся строгія запрещенія пѣть пѣсни, совершать старые обряды, развлекаться играми, водить хороводы, пляски,—при дворѣ самого царя, бояръ и другихъ именитыхъ, или богатыхъ людей толклись народные пѣвцы, сказочники-бахари. Они въ XVII в., очевидно, завоевали себѣ положеніе.

Выше было уже указано, что два равноденствія, два солнцестоянія (зимнее и лѣтнее) и два поворота солнца на зиму и на лѣто легли въ основу вѣры славянъ въ умираніе и оживаніе солнца. Отсюда ведутъ начало и два главныхъ праздника, которые извѣстны у насъ подъ именами «коляды» и «купалы». Смѣшеніе календарей

Этотъ языческій календарь, начинавшій новый годъ съ весны, не совпалъ съ церковнымъ, который начиналъ новый годъ съ сентября, а затѣмъ и съ гражданскимъ, который у насъ введенъ былъ Петромъ Великимъ и начинаетъ годъ съ 1-го января. Отъ этой путаницы произошли большія перемѣны въ старомъ языческомъ календарѣ. Необходимость пріурочить свой праздникъ къ досугу заставляла сближать его съ праздникомъ «оффиціальнымъ», а это пріуроченіе,—съ одной стороны, вело къ ослабленію языческой старины,—а, съ другой, къ подчиненію этой старины новой жизни,—вліянію церковнаго праздника. Народные праздники пріурочились къ Пасхѣ, Рождеству, къ Троицыну и Духову дню. Языческій Купала сблизился съ днемъ Іоанна Крестителя, — и, въ результатѣ, получился Иванъ Купала.

Затѣмъ эта старина пережила еще одно коренное измѣненіе. Еще въ XVII в. ея обряды, въ большей или меньшей степени, были обязательны для всѣхъ сословій. Когда «верхи» русскаго общества оторвались и подчинились вліянію запада,—вся эта старина опустилась въ народъ земледѣльческій по преимуществу, и потому подчинилась *аграрному* (земледѣльческому) характеру жизни. Оттого, всѣ народные праздники, обратившись въ «простонародные», имѣютъ теперь то или другое отношеніе къ земледѣлію. Аграрный характеръ нa поэзіи.

Искаженіе обряда и пѣсни.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени началось постепенное разложеніе обряда,—оно сказалось, главнымъ образомъ, въ нарушеніи взаимоотношенія обряда съ пѣснею. Вотъ почему, теперь только очень немногіе обряды связаны съ соотвѣтствующими пѣснями и играми,—въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, пѣсни оторвались отъ обрядовъ, а различныя обрядовыя смѣшались... Такъ, языческая масляница утратила всѣ свои пѣсни; свадебныя пѣсни перемѣшались съ весенними и лѣтними; въ дѣтскія пѣсни вошли многія обрядовыя: онѣ вошли также и въ хороводныя и семейныя. Многія пѣсни совершенно забылись—такъ, колядскія пѣсни держатся у малороссовъ, но почти забылись у великороссовъ; кромѣ того, пѣсни подверглись многимъ искаженіямъ, доходящимъ иногда до утраты смысла (такъ, напр., въ одной пѣснѣ поется: «типунъ тебѣ не судья» вм. «тіунъ тебѣ не судья»; «стрѣлы водитъ по ночамъ» — вмѣсто стараго—«съ требой ходитъ по ночамъ» и пр.).

Какъ образецъ подобныхъ же искаженій смысла, можно привести извѣстную поговорку: «сухо-дерево, завтра пятница». Очевидно, сначала эта поговорка звучала: «сухо дерево не *попятится*», т. е. не согнется, не уступитъ... Затѣмъ, по созвучію, вышла *пятница*,—очевидно, та св. пятница, которую такъ уважаетъ народъ...

Обрядовая поэзія. Остатки ея въ городѣ.

§ 11. *Обрядовыя пѣсни* [1]). До нашихъ дней дожили народные обряды, ведущіе свое начало изъ глубокой старины. Чѣмъ глуше деревня, чѣмъ дальше отъ шумной и пестрой жизни города, или фабрики, тѣмъ сохраннѣе эти обряды. Въ XVIII в. многіе народные праздники справлялись еще въ столицахъ,—теперь же, до нашихъ дней, уцѣлѣло очень немногое: въ Троицынъ день появляются вездѣ въ домахъ молодыя зеленыя березки; на святкахъ, даже въ городахъ, въ улицахъ отдаленныхъ отъ центра, бѣгаютъ шумныя кучки подростковъ въ дурацкихъ „харяхъ"... Иногда молодежь занимается гаданьемъ, льетъ олово и воскъ, легкомысленно осмѣивая разные прихотливые узоры, выходящіе на тѣни. Вотъ и все, что осталось въ городской

Отношеніе къ обрядамъ въ деревнѣ.

жизни отъ сѣдой старины... Гораздо бережнѣе сохранила ее деревня. Смыслъ этой старины утраченъ и тамъ,—многое смѣшалось [2]), позабылось, много наслоилось новаго, но сохранилась „традиція" — сознаніе необходимости въ опредѣленный день „справлять старину"... Это сознаніе объясняется не только уваженіемъ къ дѣдовскимъ обычаямъ, нѣтъ—оно освящается вѣрою въ особое почти божественное значеніе обряда. Такъ, напримѣръ, въ глазахъ народа, свадебные обряды обязательны въ такой же мѣрѣ, какъ и церковные. Обряды при рожденіи ребенка, при по-

---

[1]) Историч. Хрестоматія ч. I, 1—5.

[2]) Тѣ же обряды въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ, даже въ разныхъ мѣстахъ одной губерніи совершаются различно: старый „чинъ" утраченъ.

хоронахъ, при разныхъ работахъ сельскихъ, необходимы,—иначе неполнота церемоніи, по понятіямъ народа, грозитъ такой же неполнотой въ жизни. Какъ не встрѣтить весну радостнымъ привѣтствіемъ, когда отъ нея зависитъ, быть можетъ, цѣлый годъ? Какъ не проводить ее съ честью, или съ чувствомъ благодарности, или, быть можетъ, изъ боязни возмездія въ будущемъ? Правда, въ наши дни, многіе обряды (связанные съ религіей природы) обращаются въ простыя увеселенія, но попробуйте ихъ замѣнить какими нибудь другими,—будетъ ли отъ этого счастливѣе народъ?

Поэтическое значеніе старыхъ обрядовъ.

Какъ ни печальна судьба нашей миѳической поэзіи, какъ ни извращены остатки ея, сохранившіеся до нашихъ дней,—она еще полна настроенія, особенно тамъ, гдѣ соприкасается съ живой поэзіей оживающей, или умирающей природы. Сама природа своими голосами, своими ароматами,—чарами своей мощи и красоты возвышаетъ человѣка до единенія съ ея таинственною жизнью. Человѣкъ, оторванный отъ природы культурой, религіей, своими занятіями — въ эти рѣдкіе часы возвращается къ ней; поетъ ей свои пѣсни, передаетъ ей свое настроеніе—и на этотъ мигъ теряется въ ней, сливается съ ней въ одно бытіе. Стоитъ перечесть нѣкоторыя беллетристическія произведенія нашихъ писателей, изображавшихъ жизнь народа,—и мы увидимъ, что даже интеллегентныхъ людей покоряло это великое язычество природы. Извѣстный романъ Печерскаго: „Въ лѣсахъ“ — гимнъ Ярилѣ, богу солнца, огня, —богу всепобѣждающей страсти. Въ „Снѣгурочкѣ“ Островскаго мы встрѣчаемъ то же глубокое проникновеніе въ весеннія настроенія природы; въ этомъ произведеніи передъ нами очень интересная попытка возсоздать миѳическую старину русскаго народа въ эпоху почитанія бога солнца—Ярилы. Въ статьяхъ акад. Буслаева найдемъ мы вдохновенныя строки, свидѣтельствующія о томъ, что чары язычества всесильны даже надъ почтеннымъ кабинетнымъ ученымъ, когда его касается живая волна народной поэзіи, народной жизни,—поскольку она связана съ природой, дѣвственной, языческой...

Основные праздники въ честь солнца.

Народные праздники, сохранившіеся отъ старой „религіи природы“, распадаются на группу праздниковъ въ честь возростающей силы солнца (съ зимняго солнцестоянія до лѣтняго) и праздники, въ честь ослабѣвающей энергіи солнца (отъ лѣтняго солнцестоянія до зимняго). Къ первой группѣ относятся *колядскіе*, *зимніе* и *весенніе*, — ко второй — *купальскіе*, *лѣтнія*.

Въ обрядахъ колядскихъ и во всѣхъ примыкающихъ къ нимъ „весеннихъ“ выразилась вѣра въ оживаніе солнца и природы,— отсюда закликанія весны, дождя, чествованіе расцвѣтающихъ деревьевъ и травъ, ожиданіе наростанія жизни во всемъ—въ урожаѣ хлѣба, въ приплодѣ скота, въ бракахъ, при рожденіи дѣтей. Въ праздникахъ „купальскихъ“ выражается вѣра въ умираніе солнца и природы, — оттого въ эти обряды входятъ похороны соломенныхъ чучелъ, изображающихъ божество, или ихъ потопленіе, или сжиганіе...

Коляда.

а) *Праздники въ честь наростанія силы солнца. Коляда-Овсень.* (Святки и Васильевъ вечеръ). Этотъ праздникъ, захватывающій время отъ 24-го декабря по 6-ое января, встрѣчается у всѣхъ христіанскихъ народовъ Европы. Названіе праздника нерусское, ненародное—это греч. *καλάνδαι*, латинское—calendae [1]). Вѣроятно, это чуждое названіе удержалось у насъ подъ вліяніемъ греческой церкви, которая усиленно преслѣдовала праздникъ у себя на родинѣ и, вмѣстѣ съ этими обличеніями, перенесла греческое названіе и къ намъ на соотвѣтствующій по времени русскій народный праздникъ. Чисто-русское слово, пріуроченное къ празднику, есть Овсень, (Авсень, Усень, Таусень). Овсень служитъ предметомъ воспѣванія въ „колядахъ“, стоитъ нерѣдко рядомъ со „святой Колядой“ [2]).

Особенности обрядовъ.

Праздникъ этотъ еще издавна состоялъ изъ длиннаго ряда традиціонныхъ игръ: у насъ, обыкновенно, рядятся въ звѣриные „образы“ („маски“ и „луды“—отсюда старинное названіе „наря-

---

[1]) Прежде производили это слово отъ „коло“ (колесо—напоминаетъ формой солнце), отъ „колоды“, которую зажигаютъ въ эти дни; отъ „кол-ѣдъ“,—„кругомъ“ ѣдущій и „кол—ѣда“, т. е. „круговая ѣда.“ У грековъ и у римлянъ конецъ осени и начало зимы сопровождался рядомъ праздниковъ: a) *Брумаліи* (въ честь Діониса, отъ 24 ноября до 17 декабря; праздникъ сопровождался переряживаніемъ; b) *Сатурналіи* (въ честь Сатурна, отъ 17 дек. до 23 декабря; происходили гладіаторскіе бои, устраивались пиршества, при чемъ, обыкновенно, среди блюдъ почетное мѣсто занималъ поросенокъ); c) *Воты* (отъ 23 дек. по 1 янв.; въ виду наступленія новаго года совершались молитвы, творились обѣты); d) *Календы* (съ 1 янв. по 6-ое); праздникъ, отличавшійся особымъ весельемъ, т. к. древніе вѣровали, что, кто веселится въ этотъ день, тотъ будетъ счастливъ цѣлый годъ. Молодежь съ пѣснями и плясками ходила по домамъ, поздравляла хозяевъ и за это получала подарки. Наканунѣ 1-го января древніе гадали. Христіанская церковь потребовала соблюденія рождественскаго поста, и всѣ эти праздники скоро были забыты; въ VI в. уцѣлѣли только Календы,—они захватили больше времени (съ 25 дек. по 5 января), и въ себя включили всѣ обычаи остальныхъ трехъ забытыхъ праздниковъ (переряживанье, пиршества, гаданья и пр.). Христіанское русское названіе Коляды — „святки“ т. е. „святые вечера“.

[2]) Слово „Коляда“ удержалось въ припѣвахъ пѣсенъ, въ названіи этихъ пѣсенъ „колядками“, въ выраженіяхъ: „колядовать“, „колядованье“.

ханья“ — „москолудіе“, „москолудство“ [1]), гадаютъ о судьбѣ, объ урожаѣ, о бракѣ, пируютъ и веселятся [2]). Уже по фрескамъ Кіевскаго Софійскаго собора видно, что въ старину рядились въ звѣриныя шкуры и одѣвали маски съ рогами,—очевидно рядились „турами“. Теперь въ деревняхъ, обыкновенно, рядятся „козой“.

Содержаніе „колядокъ“.

Въ пѣсняхъ, которыя поются „колядующими“, обыкновенно, восхваляется хозяинъ дома и хозяйка, выражается пожеланіе имъ всяческихъ благъ и затѣмъ выпрашивается подачка [3]).

„Колядскія пѣсни“ поются подъ Рождество. Однѣ изъ нихъ носятъ еще какъ будто полу-языческій характеръ,—въ нихъ разсказывается, какъ явилась Коляда наканунѣ Рождества, какъ ее долго искали и нашли „на дворѣ (имя хозяина дома) на восьми столбахъ; въ томъ дворѣ три терема златоверхіе огорожены желѣзнымъ тыномъ, ворота мѣдныя, а подворотня—дорогъ рыбій зубъ“ и т. д. Затѣмъ величаются хозяинъ и хозяйка. Другія колядки носятъ церковный характеръ и сбиваются на духовные стихи. Напр.—

«На Іорданѣ тихая вода стояла,
Тамъ пречистая своего Сына купала.
Приходили туда три царя,
Приносили туда три дара и пр.

Есть „колядки“, въ которыхъ хозяину дома колядующіе разсказываютъ, что Господь ходитъ по его двору, готовитъ плуги, ходитъ по току, кладетъ снопы и пр. — словомъ, исполняетъ всѣ работы земледѣльца, или какого-то божества, покровителя земледѣлія.

Кромѣ „колядокъ“ земледѣльческаго и церковнаго типа, есть еще такія, въ которыхъ сохранились какія-то воинскія воспоминанія. Эти колядки иногда бываютъ съ примѣсью любовнаго элемента. Проф. Владиміровъ приводитъ слѣдующее содержаніе такой „колядки“: „Славный молодецъ (иногда „князь“) хочетъ продать коня; конь напоминаетъ молодцу, какъ онъ вынесъ его съ поля битвы, когда стрѣла летѣла за ними вслѣдъ. Князь, (или молодецъ) осаждаетъ Царьградъ, Вышгородъ. Осажденные выводятъ ему вороного коня, выносятъ золото; но осаждающій

---

[1]) „Луда“—названіе верхней одежды; (нѣкоторые объясняютъ слово „лудіе“ — отъ лат. „ludus“ игра); объ обычаѣ рядиться см. у Нефедова „Очерки и разсказы“ 28.

[2]) Происхожденіе слова темно: сопоставляли Усень и съ литовскимъ auszra (утренняя заря), сближали съ корнемъ *сѣять*, (Sa-tur—отсюда связь съ Сатурномъ), такъ какъ хлѣбныя зерна играютъ видную роль во время этихъ праздниковъ.

[3]) Образцы колядокъ въ „Исторической Хрестоматіи“ стр. 1—3.

не снимаетъ осады, пока не выводятъ ему красной дѣвушки — „княгини“ („Ходилъ, гулялъ княжой сынъ“, „Кругъ города ходитъ царевъ сынъ“, „Ходитъ нашъ свѣтлый князь около города, сѣчетъ, рубитъ мечемъ ворота, ищетъ свѣтлую княгиню“ и т. д.).

Овсеневыя пѣсни.

„Овсеневыя“ пѣсни поются наканунѣ Новаго года и въ Новый годъ; въ Малороссіи ихъ зовутъ „щедрівками“. Въ нихъ тоже величается хозяинъ, ему желаютъ богатства и благополучія. Затѣмъ выпрашивается подачка [1]).

Такъ, напримѣръ, одна пѣсня оканчивается словами:

«Не ломай, не гибай—
Весь пирогъ подавай!

Въ одной изъ тверскихъ пѣсенъ хозяину дома обѣщается богатый урожай; въ одной изъ московскихъ—обѣщается богатство [2]), а въ случаѣ отказа дать подачку—угроза всякими бѣдами; то же предвѣщаніе всякихъ благополучій встрѣчаемъ въ одной изъ рязанскихъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти во всѣхъ пѣсняхъ, вмѣстѣ съ величаніемъ хозяина, есть предсказаніе, пожеланіе добра въ наступающемъ году; въ нѣкоторыхъ есть просьба наградить за это пожеланіе пѣвцовъ; въ другихъ просьба обращается уже въ шутливое вымогательство подачки съ угрозой разнести избу. Вѣроятно, эти три типа представляютъ собой три момента разложенія пѣсни—изъ серьезной въ шутливую [3]).

Аграрный характеръ праздника.

Конечно, всѣ обряды и гаданія на святкахъ, касающіяся земледѣлія и скотоводства, очень древни: въ подблюдныхъ величальныхъ пѣсняхъ воспѣвается хлѣбъ, въ колядкахъ прославляется плугъ, соха, оранье, сѣянье; причемъ „плуговыя“ пѣсни сопровождаются мимикой, изображающей земледѣльческія работы.

Гаданія.

Въ эти же дни происходятъ гаданья [4]); особенно популярно гаданье при помощи выниманія колецъ изъ миски съ водой во время пѣнія „подблюдныхъ пѣсенъ“. Смотря по тому, чей перстень

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 1—3.

[2]) Хотя поэтическіе мотивы нѣкоторыхъ колядокъ и щедривокъ взяты изъ христіанскихъ легендъ, но они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ,—именно, величанію лица, къ которому обращена пѣсня.

[3]) См. колядованье у Печерскаго „Въ лѣсахъ“, соч. III, 16—17 (приведены и серьезная и шутливая колядка), у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 90.

[4]) См. у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 96, у Нефедова „Очерки и разсказы“, Даля „Авсень“. соч. VIII, 1—55.

вынется одновременно съ пѣніемъ той или другой пѣсни—тому предсказывается опредѣленная участь [1]).

Гаданье при помощи кольца приводится, между прочимъ, у Пушкина, когда разсказано гаданье Татьяны на святкахъ:

„Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней.
„Тамъ мужики-то все богаты,—
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!“ Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ,—
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ».

Къ этимъ стихамъ Пушкинъ дѣлаетъ объяснительное примѣчаніе: „Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать“—предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть“.

Со второго дня Рождества до конца сочельника молодежь устраиваетъ „посидѣлки“, „бесѣды“, „игрища“. Въ одной изъ избъ устраиваются „ссыпки“, т. е. туда каждый участникъ развлеченія приноситъ лакомства и съѣстные припасы. Иногда болѣе богатые устраиваютъ ссыпки на свой счетъ. Затѣмъ разыгрываются всѣми присутствующими „игры“; участвующіе обмѣниваются пѣснями, соотвѣтствующими содержанію игры и сопровождаютъ ее мимическими дѣйствіями; въ пѣніи участвуютъ то солисты, то хоръ [2]). „Посидѣлки“, „бесѣды“.

У Печерскаго въ его романѣ («Въ горахъ») встрѣчаемъ живое описаніе «посидѣлокъ». Разсказъ Печерскаго о „посидѣлкахъ“.

«Заводи зазывную! [3]) вдругъ крикнула пряха изъ Шишинки. Пора! Можетъ, парни давно у воротъ, да не слыша зазывной, на дворъ нейдугъ!»

Зашуршали веретена, громко дѣвки запѣли. Тетка Акулина суетливо бѣгаетъ взадъ и впередъ по избѣ, прибирая въ ожиданіи гостей разбросанныя вещи.

— Заводи, заводите, красныя дѣвицы—говоритъ она—скликайте пареньковъ, собирайте молодцовъ!

Поютъ дѣвицы зазывную:

«Леталъ голубь, леталъ сизый,
Леталъ сизый по возгорью,
Искалъ голубь, искалъ сизый
Своей сизыя голубки... и пр.

---

1) Образцы пѣсенъ см. въ Хрестоматіи, стр. 3—4.

2) Шеинъ „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“, I, 305—31, еще у Максимова „Лѣсная глушь“, 38.

3) „Зазывною“ пѣснью зовется всякая, что первою поется на посидѣлкахъ. (Прим. Печерскаго).

Акулина Мироновна, изъ краснаго угла перетащивши столъ направо отъ входа въ избу, покрыла его столешниками [1]) и разставила тарелки съ вареной брюквой, солеными огурцами, моченымъ горохомъ, орѣхами, подсолнухами, городецкими пряниками, жомками, маковниками, избойной, сушеной черникой и другими деревенскими лакомствами. Тутъ же ставлены были ломтями нарѣзанная солонина, студень, рубцы, соленый судакъ, вареный картофель, [собрались парни].

Начали пѣсни пѣть. Звонко пѣли дѣвки, громко подпѣвали парни. Пѣли сначала пѣсни семейныя, потомъ веселыя, дѣло дошло до плясовыхъ. На славу, ровно напоказъ, ловчѣй и бойчѣй всѣхъ другихъ отплясывалъ Илья, всѣхъ величавѣй павой выступала, всѣхъ красивѣе плечами подергивала, задорнѣй поводила глазами и платочкомъ помахивала Лизавета. Каждый пляшетъ, каждая голоситъ развеселую. Пошла изба по горницѣ, сѣни по палатямъ—настоящій содомъ». («На горахъ» соч. X т. 140—151).

Весеннія обряды и пѣсни.

Встрѣча весны [2]). (Ѳомина недѣля. Красная горка. Радуница. Егорьевъ день). Народныя пѣсни, связанныя съ встрѣчей весны, несомнѣнно, должны быть отнесены къ наиболѣе поэтическимъ.

„Веснянки“.

„Веснянки“—это „закликанія“ весны, обыкновенно, поются съ конца марта мѣсяца въ разныхъ мѣстностяхъ въ разное время. „Закликаніе“ весны состоитъ въ томъ, что дѣвушки поютъ пѣсни, какъ бы перекликаясь хоръ съ хоромъ: какъ только кончаетъ одинъ хоръ, начинаетъ вдали другой, и такъ несутся весеннія пѣсни отъ села къ селу, отъ одного конца улицы на другой.

Къ веснѣ обращаются съ вопросами: „Весна, весна красная! Что намъ принесла? (Отвѣтъ: лѣто теплое). На чемъ пріѣхала? („На сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу, на ржаномъ колосу“). „Веснянки“, какъ заговоры, имѣютъ принудительный характеръ: „зиму замыкаютъ“, „землю отмыкаютъ“, „траву выпущаютъ“.

Разсказъ Печерскаго о встрѣчѣ весны въ деревнѣ.

«По деревнѣ стономъ стоятъ голоса. Весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ либо полицу перековываетъ — пахота не за горами. Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. «Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, небесный Царь! Уроди, Господи, крещенымъ людямъ, вдоволь хлѣбушка!»—молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды, да огороды копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой пого-

---

[1]) Полотенце, что кладутъ за столомъ двумъ-тремъ человѣкамъ вмѣсто салкъ. (Прим. Печерскаго).

[2]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 4—5.

нять въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода, голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Парни, дѣвки весну «окликаютъ»:

«Весна, весна красна!
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашенкахъ, по лѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгаютъ по всполью — обѣдать даже нескоро загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо смотрѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

«Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки [1]) плачутъ
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись!..

Радуница! Красная горка!.. Веселье-то какое! [2])

Главные мотивы весенней поэзіи.

Ласточки, жаворонки, соловьи, кудрявая верба, бѣлая березынька, калина, зеленая мурава—вотъ, тѣ образы, которые заимствуются весеннею поэзіею изъ міра весенней природы. Нѣжныя мелодіи сердца,—молодая весенняя любовь—вотъ, мотивы этой поэзіи, взятые народомъ изъ міра его души.

«Пройдетъ зимушка холодная,
Вотъ наступитъ весна красная:
Протекутъ да рѣчки быстрыя;
Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьица;
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистываетъ соловьюшко!..

Такова прелюдія къ этимъ весеннимъ мелодіямъ сердца.

Хороводы.

Весеннія гулянки по селамъ и деревнямъ зачинаются съ Святой недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петрова розговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя—то остатки старинныхъ праздниковъ, что справляли наши предки во славу своихъ боговъ.

«До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ. Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдается ясный, тихій вечеръ, молодежь, забывъ усталь дневной работы, не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ веселой гурьбой на урочное мѣсто и до свѣту водитъ тамъ хороводы, громко припѣвая, какъ

[1]) Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ русскіе названы „внуками Дажь бога“.
[2]) Печерскій „Въ лѣсахъ“, соч. IV, 198 — 9, еще у Данилевскаго „Изъ Украйны“, III, 120.

«вокругъ города Царева ходилъ-гулялъ царевъ сынъ, королевъ»,—какъ «въ Арзамасѣ, на украсѣ собиралися молодушки во единый кругъ». Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги-матушки, про московскую рѣку Смородинку» («Въ лѣсахъ», соч. V, 5—6).

Весенніе праздники.

Весенніе обряды захватываютъ большой срокъ, но ихъ центръ соотвѣтствуетъ собственно нѣсколькимъ праздникамъ: „Красной Горкѣ“, „Радуницѣ“. Эти два праздника приходятся въ воскресенье и понедѣльникъ Ѳоминой. Весенніе хороводы и игры начинаются съ Пасхи, затѣмъ наступаютъ хороводы радуницкіе, георгіевскіе и никольскіе. Съ троицкой недѣли наступаютъ хороводы лѣтніе—семицкіе, троицкіе, всесвятскіе, ивановскіе и петровскіе.

Красная горка.

Значеніе слова „*Красная Горка*“ ясно само по себѣ — это „красивая горка“—горка, съ которой раньше, чѣмъ съ лощинъ, сошелъ снѣгъ, которая раньше низинъ покрывается зеленой травой. „*Радуница*“ (отъ корня „радъ“) или „Навій день“ („навій“ по старорусски „мертвецъ“)—это поминки, носящія веселый, радостный характеръ: поминающіе желаютъ порадовать усопшихъ, устраивая на ихъ могилахъ веселыя тризны. Остатки ѣды и питья оставляютъ на могилахъ.

Радуница.

Разсказъ Печерскаго о празднованіи „Радуницы“.

«На Пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай, такъ и церковный уставъ положилъ. Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти, нѣтъ помина о тлѣніи... Но въ русскомъ народѣ, особенно по захолустьямъ, рядомъ съ христіанскими вѣрованіями и строгими обрядами церкви, твердо держатся обряды стародавніе, заботно берегутся обломки вѣрованій въ веселыхъ старорусскихъ боговъ.

Вѣритъ народъ, что весенній громъ гремучій каждую весну поднимается отъ долгаго сна и, сѣвъ на коней своихъ,—сизыя тучи—хлещетъ золотой вожжей—палючей молоньей Мать-Сыру-Землю. Мать-Сыра-Земля отъ того просыпается, молодѣетъ, краситъ лицо свое цвѣтами и злаками. Все оживаетъ,—и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса. Животворящая небесная стрѣлка будитъ и мертвыхъ въ могилѣ. Встаютъ они изъ гробовъ и, незримые земнымъ очамъ, носятся середь оставшихся въ живыхъ милыхъ людей. Слышатъ гробные жильцы все, видятъ все, что люди на землѣ дѣлаютъ, слова только молвить не могутъ.

Какъ не встрѣтить, какъ не угостить дорогихъ гостей? Какъ не помянуть сродниковъ, вышедшихъ изъ сырыхъ, темныхъ жальниковъ [1]) на

---

[1]) „Жальникъ“ — могила; „окличка“ — обращеніе къ мертвымъ, зовъ (см. Стоглавъ, глава 42). Радуница въ южныхъ губерніяхъ — справляется въ понедѣльникъ, въ среднихъ и сѣверныхъ—во вторникъ Ѳоминой недѣли, когда совершается и церковное поминаніе по умершимъ. Въ уставахъ, поминовенія усопшихъ въ этотъ день не положено, но церковь хотѣла освятить радуницкую языческую тризну своими священнодѣйствіями, чтобы въ народной памяти загладить языческій ея характеръ.

свѣтъ поднебесный? Услышатъ «окличку» родныхъ,—придутъ на зовъ раздѣлить съ ними поминальную тризну.

Встаютъ мертвецы въ радости, выйдя изъ жальниковъ, любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ. Радуется и живое племя, разставляя снѣди на могилахъ, для совершенія тризны. Оттого и день тотъ зовется «Радуницей».

...Только минетъ Святая, и смолкнетъ пасхальный звонъ,—по сельщинѣ-деревеньщинѣ «помины» и «оклички» зачинаются. Въ «Навій день» [1]) старъ и младъ спѣшатъ на кладбища съ мертвецами христосоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старорусскую тризну садятся. Разсыпается народъ по Божьей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жальники сыченой брагой, убираетъ ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жальникимъ блины, оладьи, пироги, кокурки (хлѣбецъ съ яйцомъ), ставитъ вино, пиво и брагу... Затѣмъ «окликаютъ» загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются,—Грому-гремучему, да Матери-сырой-землѣ:

«Со восточной со сторонушки
Подымались вѣтры буйные,
Расходились тучи черныя;
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ-гремучій со молоньями,
Со молоньями да съ палючими!..
Ты, ударь Громъ-гремучій, огнемъ-полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку—Мать-сыру-землю.
Охъ, ты, матушка Мать-сыра-земля!
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся на четыре сторонушки!
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлы,
Отъ ретиваго сердечушка! и т. д.

Наплакавшись въ «жальныхъ причитаніяхъ», за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за сердце оклички, веселый говоръ раздается по жальникамъ... (Печерскій, «Въ лѣсахъ», IV, 205).

Любовный элементъ въ весеннихъ пѣсняхъ и обрядахъ

Такъ какъ весенніе праздники чествуютъ солнце, какъ жениха земли, то любовный элементъ является преобладающимъ въ весеннихъ пѣсняхъ, и всѣ хороводныя пѣсни, и весенія игры представляютъ собой намеки на любовныя отношенія: парни и дѣвушки представляются въ пѣсняхъ двумя сторонами, состязующимися, борющимися между собою. Для примѣра можно

[1]) „Навій день", а въ Малороссіи „мертвецкій велыкъ день" — другое названіе Радуницы. („Навъ, навье"—мертвецъ).

„Сѣянье проса“. привести пѣсню очень популярную: „просо сѣять“. Дѣвушки заявляютъ: „А мы просо сѣяли, сѣяли!“ Парни отвѣчаютъ: „А мы просо вытопчемъ!“ Далѣе пѣсня идетъ слѣдующимъ образомъ:

«А чѣмъ же вамъ вытоптать?
—А мы коней выпустимъ!
«А мы коней перeймемъ!
—А мы коней выкупимъ!
«А мы дадимъ тысячу!
—Не надо намъ тычячи,
А намъ надо дѣвицу» и т. д.

„Выборъ невѣсты боярами среди княгинь“, „воротарь“, „мосты“, „вербовая дощечка“,—все это весеннія игры такого-же любовнаго характера.

Составъ хороводныхъ пѣсенъ. Хороводныя пѣсни распадаются, по своему характеру, на три вида: 1) *наборныя*, или *сборныя*, 2) *игровыя* и 3) *разводныя*, или *разборныя* [1]).

„Наборныя“ пѣсни. „*Наборныя*“ это тѣ пѣсенки, которыя поются дѣвушками на деревнѣ *до хоровода*. Это призывъ, на который стекается молодежь. Это пѣсни короткія и содержанія незначительнаго.

Обыкновенно, всѣ онѣ кончаются приглашеніемъ „взять дѣвицу“ для пляски, напр.:

«Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!
или: «Подпоясавшись тряпицей,
Выбирай, парень, дѣвицу».

„Игровыя“ пѣсни. По окончаніи сбора, всѣ сходятся въ кругъ и поютъ пѣсни *игровыя*, которыя сопровождаются дѣйствіями, иллюстрирующими содержаніе пѣсни. Эта „народная драма“, подобно „игрищамъ“,—недоразвившійся зачатокъ серьезной драмы. Въ древней Греціи изъ такихъ „игръ“ развились трагедія и комедія. Къ такимъ „игровымъ“ русскимъ пѣснямъ относятся „сѣяніе проса“, „обработка льну“, „заинька“, „олень“, „воробей“, „охота на перепела“, „наказаніе жены за то, что безъ спроса ушла“, „борьба дѣвушки съ молодцемъ“, „объясненіе въ любви“, „князь выбираетъ княгиню“ и мн. др. Приведу, для примѣра, содержаніе игры „заинька“: посреди круга ходитъ парень, и ему поютъ:

---

[1]) См. „Истор. хрестоматію“, стр. 6—9.

„Заинька“.

«Заинька, походи!
Сѣренькой, походи!
Вотъ такъ, вотъ такъ, походи!
Заинька, перевернись,
Сѣренькой, перевернись! (припѣвъ)
Заинька, попляши!
Сѣренькой, попляши!
Заинька, топни ножкой!
Сѣренькой, топни ножкой!
Заинька, поклонись!
Сѣренькой, поклонись!

Заинька, кого любишь?
Сѣренькой, кого любишь?

Заинька поцѣлуешь!
Сѣренькой, поцѣлуешь!
Вотъ такъ, вотъ такъ, поцѣлуешь!»

Парень въ кругу ходитъ, повертывается, пляшетъ, топаетъ ногой, кланяется и, подъ конецъ, цѣлуетъ, кого захочетъ.

Эта веселая „игра“, очевидно, предоставлявшая свободу комическимъ талантамъ, иногда смѣняется пѣсней, подъ звуки которой ходитъ хороводъ—такова, напр., пѣсня, въ которой изображена разлука парня и дѣвушки и мольба послѣдней не измѣнять ей.

Самыя системы вожденія хороводовъ очень разнообразны; о нѣкоторыхъ см. у Шеина [1]).

„Разборныя“ пѣсни.

„Разборныя“ пѣсни коротки и оканчиваются приглашеніемъ цѣловаться, что, по словамъ Шеина, участниками и участницами хоровода исполняется очень усердно. Затѣмъ, когда хороводъ распадается, запѣвается живая плясовая пѣсня, сопровождаемая веселыми возгласами.

„Русальная“, „зеленая недѣля“.

„Русальная“, „зеленая недѣля“. „Русаліи“ [2])—это чествованіе душъ умершихъ предковъ, празднуется около Троицына дня и Духова. Къ этому же празднику пріурочено чествованіе деревьевъ и цвѣтовъ (dies rosae) Устраиваютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чучело русалки. Куклу эту, сдѣланную изъ соломы и одѣтую въ женское платье, носятъ въ хороводахъ: затѣмъ хороводъ дѣлится на двѣ стороны—и каждая старается овладѣть куклой. Ночью зажигаютъ костры, прыгаютъ черезъ огонь, играютъ въ „русалку“, купаются по ночамъ въ рѣкѣ.

Этотъ народный праздникъ засвидѣтельствованъ старинными обличеніями церкви. Такъ, о „русаліяхъ“ мы встрѣчаемъ ука-

---

[1]) Шеинъ „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“ стр. 54—5). О хороводахъ см. еще: А. Коринфскій „Народная Русь“, М. 1901.

[2]) Слово „русаліи“, какъ и „коляда“, нерусскаго происхожденія. Акад. Веселовскій это слово производитъ отъ латинскаго (rosaria, dies rosae, rosalia) Этотъ языческій праздникъ въ честь цвѣтовъ и зелени вызывалъ обличенія греческой церкви Эти обличенія, переведенныя на русскій языкъ, пріурочились и къ древне-русскому соотвѣтствующему празднику и дали ему чужое названіе.

заніе въ житіи св. Нифонта и въ Стоглавѣ: „въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и, егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и перегудцы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони (ладони) бити“ [1]). По указанію Стоглава, ночью весь праздникъ пріобрѣталъ совершенно-разнузданный характеръ и кончался обрядовымъ купаньемъ.

„Семикъ“.

Семикъ — это четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ. За этотъ промежутокъ времени—отъ Пасхи до Семика—души умершихъ, по представленію народа, пребываютъ на землѣ, а потому всѣ эти праздники имѣютъ какое-то туманное отношеніе къ тѣнямъ усопшихъ [2]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ характеръ праздника утраченъ. (См. ниже слова Шеина).

«Семикъ бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ. Утромъ въ этотъ день установленъ обычай поминать усопшихъ, а послѣобѣденное время, вмѣстѣ съ вечеромъ, окончательно отдается пѣнью беззаботныхъ пѣсенъ и веселью деревенской молодежи. Слѣдовательно, въ семикѣ имѣются на лицо два элемента: печальный и веселый, а также смѣсь христіанства съ язычествомъ.

Шеинъ о праздновавіи семика.

«Немногіе (изъ народа) знаютъ, что такое семикъ и съ какихъ поръ началось его существованіе. Не беремся опредѣлить время его появленія, но только можно сказать нѣсколько словъ о его названіи, сложившемся, вѣроятно, вслѣдствіе празднованія его на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи,— его правильнѣе было бы назвать *седьмикъ*, праздникъ весны. У крестьянъ деревни Корниловки нѣтъ обыкновенія поминать усопшихъ, и весь этотъ день отдается молодежи на забавы и удовольствія разнаго рода, между которыми первое мѣсто, безспорно, занимаетъ: *завиваніе березки.*

„Завиваніе березки“.

«Этотъ древній обычай совершается такъ: еще спозаранку изготовляются тѣми изъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя желаютъ участвовать въ завиваніи березки, различныя яства,—какъ-то: яичница, драчева, сочни, прѣсенники, лапша и т. п. Вся эта стряпня дѣлается въ складчину (на общій счетъ) въ особой избѣ и продолжается до двухъ часовъ по полудни. Послѣ этого, всѣ дѣвушки, нарядившись въ лучшія свои платья, украсившись лентами и цвѣтами, гурьбой идутъ въ лѣсъ и, избравъ тамъ густую, развѣсистую березу, начинаютъ ее «завивать». У кого-нибудь изъ дѣвушекъ находится шелковый поясокъ, которымъ перевязываютъ березку внизу у корня. Все это дѣлается ими втихомолку, безъ всякаго шуму и

---

[1]) Если гудцы и скоморохи являлись ряжеными, то нельзя ли предположить, что они изображали души умершихъ, явившихся на землю? Оттого горе живыхъ и смѣняется радостью.

[2]) Въ образѣ „русалокъ“ представляются души умершихъ — утопленицъ, некрещеныхъ младенцевъ (См. выше стр. 18).

пѣсенъ; въ особенности же дѣвушки скрываютъ завитую березу отъ крестьянскихъ парней, которые зорко поглядываютъ за ними, и, стоитъ имъ только увидать завитую березку, какъ они ее срубаютъ и уносятъ къ себѣ.

«Завивъ березку, дѣвушки отходятъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе и садятся на лужайку, гдѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

«Какъ подъ бѣлою, подъ березою,
Бѣлъ горючъ-камень разгорается,—и т. д.

«Пришедши домой, дѣвушки начинаютъ ѣсть свою стряпню, потомъ угощаются разными сластями и расходятся по домамъ поздно вечеромъ.

«Въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что завивать березку большой грѣхъ, оттого, что въ канунъ Троицына дня, передъ ней пляшутъ *шишиги* (нечистые), а потому «завиваніе» держится дѣвушками въ большой тайнѣ,—иначе бѣда, если провѣдаютъ старшіе.

„Развиваніе" березки.

«Въ Троицынъ день всѣ обыватели ходятъ къ обѣднѣ въ сосѣднее село. Возвратясь оттуда, дѣвушки мѣняютъ свой нарядъ на лучшія платья, на голову надѣваютъ свѣжіе березовые вѣнки, переплетенные цвѣтами, и въ такомъ уборѣ идутъ въ лѣсъ «развивать» березку. Пришедши туда, онѣ становятся въ кружокъ около завитой березки, и кто-нибудь изъ нихъ срубаетъ ее и устанавливаетъ посреди кружка. Тутъ всѣ дѣвушки подходятъ къ березкѣ и начинаютъ ее украшать лентами и цвѣтами. Далѣе открывается тріумфальное шествіе дѣвушекъ попарно, а впереди всѣхъ одна изъ нихъ несетъ березку и, такимъ образомъ, обносятъ ее кругомъ всей деревни. Пришедши въ которую-нибудь изъ улицъ, онѣ втыкаютъ березку въ землю и начинаютъ водить вокругъ нея хороводы; тутъ присоединяются къ нимъ и парни, и всѣ хоромъ поютъ:

«Какъ во полѣ, полѣ
Береза стояла и т. д.

«Въ промежуткахъ пѣсенъ играютъ въ лапту и другія игры, потомъ, уставъ отъ нихъ, дѣвушки приглашаютъ парней къ себѣ ужинать. Тутъ ихъ угощаютъ виномъ и различными сластями, какъ-то: пряниками, орѣхами, подсолнухами и т. п. лакомствами. Поѣвши въ сласть, дѣвушки и парни выходятъ на улицу и поютъ пѣсни до поздней ночи.

«Въ заключеніе всего удовольствія, берутъ березку и бросаютъ въ *ключъ* (истокъ рѣки), затѣмъ срываютъ вѣнки и также бросаютъ въ воду; на нихъ гадаютъ: если потонетъ вѣнокъ, то дѣвушкѣ въ этотъ годъ помереть, а если нѣтъ, то выйти замужъ.

«Ленты, которыми завиваютъ березку, сохраняются дѣвушками для перевязыванія вѣнчальныхъ свѣчей». (Шеппъ «Великоруссъ»).

X

„Купала".

в) Праздники въ честь солнца, достигшаго бо̀льшей силы и затѣмъ ослабѣвающаго. Купала (Ярило, Кострома, Кострубонька). Купальскіе праздники (въ ночь на 24 іюня) очень

Древность праздника.

большое значеніе имѣютъ въ глазахъ народа. Древность праздника засвидѣтельствована старыми памятниками; еще въ XIV в. онъ пріобрѣлъ свой двоевѣрный характеръ. Въ Густынской лѣтописи есть даже опредѣленіе Купалы: „Купала бяше богъ обилія, якоже у Еллинъ Церезъ, ему же безумные за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумные память совершаютъ, начепши іюня 23 дня, въ навечеріе рождества Іоанна Предтечи даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія, или коренія и, препоясавшеся быліемъ, возгнетаютъ огнь; индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь, и, емшеся за руцѣ, около обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ, потомъ черезъ оный огонь прескакуютъ". Есть указанія на этотъ праздникъ и въ Синопсисѣ.

Важность праздника и сохранность его.

Праздники эти, очевидно, въ свое время были выходящими изъ ряда вонъ по своему настроенію,—оттого о нихъ больше всего говорятъ разныя поученія. Ихъ особенно преслѣдовало правительство, — оттого они въ наши дни сохранились очень слабо: теперь забыты многіе обряды, всѣ пѣсни. Зато нѣкоторыя, несомнѣнно, купальскія пѣсни сохранились въ пріуроченіи къ другимъ праздникамъ. Въ бо́льшей сохранности уцѣлѣли обряды купальскіе въ Малороссіи и Бѣлороссіи. Прыганье черезъ костры, купанье, бросанье вѣнковъ въ воду, обрядъ кумовства. Купала представляется въ видѣ соломенной куклы, которую подъ конецъ или сжигаютъ, или топятъ, или хоронятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта кукла носитъ названіе „Костромы".

„Огонь" въ купальскихъ обрядахъ.

Особое значеніе на купальскихъ праздникахъ играетъ *огонь*: черезъ костры прыгаютъ, перегоняютъ скотъ, вѣря, что чистительная сила огня въ эту ночь даетъ здоровье и силу. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ купальскіе костры зажигаются „живымъ огнемъ"—путемъ тренія дерева о дерево. Такъ какъ въ этотъ день солнце достигаетъ бо́льшей своей силы, то въ ночь наканунѣ вообще вся природа особенно могуче проявляетъ свою жизнетворную силу: роса въ эту ночь цѣлебна, травы лечебныя имѣютъ особенную силу, расцвѣтаетъ дивный папоротникъ, сокровища, скрытыя землею, въ эту чудную ночь даются особенно легко опытному человѣку. Но зато въ эту же ночь много страховъ натерпится въ лѣсу человѣкъ робкій: деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто,

какія-то таинственныя силы обнаруживаютъ свое сокровенное бытіе [1]). Къ купальскимъ праздникамъ относятся хожденія съ деревьями, которыя подъ конецъ топятся. Чаще всего носятъ березку, украшенную лентами. Къ этому культу дерева,—олицетворенію весны—относятся игры: „тополя" у малороссовъ и „кустъ" у бѣлоруссовъ.

«Надвинулись сумерки, наступаетъ Иванова ночь. Рыбаки сказываютъ, что въ эту ночь вода подергивается серебристымъ блескомъ, а бывалые люди говорятъ, что въ лѣсахъ тогда деревья съ мѣста на мѣсто переходятъ и шумомъ вѣтвей межъ собой бесѣды ведутъ. Сорви въ ту ночь огненный цвѣтъ папортника,—поймешь языкъ всякаго дерева и всякой травы, понятны станутъ тебѣ разговоры звѣрей и рѣчь домашнихъ животныхъ. Тотъ «цвѣтъ-огонь»—даръ Ярилы. То—«царь-огонь!» Разсказъ Печерскаго о празднованіи „Купалы".

«Немного часовъ остается до полночи, когда, на одно мановеніе, тотъ чудный цвѣтокъ распускается. Только что наступитъ полночь, изъ середины широколистнаго папортника поднимается цвѣточная почка, шевелится она, двигается, ровно живая, и вдругъ съ страшнымъ трескомъ разрывается—и тутъ является огненный цвѣтъ. Незримая рука тотчасъ срываетъ его. То—«цвѣтъ-огонь», дарованный богомъ Ярилой. То—царь-огонь. „Цвѣтокъ папортника".

«Страшно поклоняться Ярилѣ въ лѣсу передъ таинственнымъ «цвѣтомъ-огнемъ,» за то весело и радостно чествовать свѣтлаго Яра купальскими огнями. Напередъ набравъ шиповнику, крапивы и другихъ колючихъ и жгучихъ растеній кроютъ ими давно заготовленныя кучи хвороста и сухихъ сучьевъ. Лишь только зачнетъ гаснуть заря вечерняя, начинаютъ во славу Яра живой огонь «возгнетать.» Для того въ сухой березовой плахѣ прорѣзываютъ круглое отверстіе и плотно пригоняютъ къ нему сухое же березовое, очищенное отъ коры, круглое полѣно. Его треніемъ въ отверстіи плахи вытираютъ огонь. И то дѣло однихъ стариковъ. И когда старики взгнетаютъ живой огонь, другіе люди безмолвно и неподвижно стоятъ вокругъ священнодѣйствія, ожидая въ благоговѣйномъ страхѣ чуднаго явленія «божьяго посла»—царя-огня. „Добываніе купальскаго огня".

Пòтомъ обливаются старики, «творя божіе дѣло»... Впившись глазами въ отверстіе плахи, стоитъ возлѣ нихъ по праздничному разодѣтая, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ увѣнчанная, перворожденная своей матерью, дѣвочка-подростокъ съ сухой лучиной въ высоко-поднятой рукѣ.

Тускнетъ заря на небѣ, ярко разгораются купальные костры, обливая красноватымъ свѣтомъ темные перелѣски и отражаясь въ сонныхъ водахъ алыми столбами. Вся молодежь передъ кострами — дѣвушки въ вѣнкахъ изъ любистка и краснаго мака, иныя съ травяными поясами, у всѣхъ молодцовъ цвѣты на шляпахъ. Крѣпко схватившись за руки, прыгаютъ „Купальскія игры".

---

[1]) Стр. повѣсть Гоголя: „Ночь накануне Купала". Данилевскаго „Изъ Украйны" III, 153.

они черезъ огонь попарно—не разойдутся руки во время прыжка, быть парѣ, быть мужемъ-женой, — разойдутся—свадьбы не жди! До утра кипитъ веселье молодежи вокругъ купальскихъ костровъ.

Похороны Ярилы.

Похороны Ярилы. Чучело Ярилы дѣлается изъ соломы и называютъ иногда „Костромой“ (въ Малороссіи—Кострубонькой). Въ большей части Россіи праздникъ пріуроченъ къ 24 іюня; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Петрову дню (29 іюня). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ куклу веселаго бога старикъ несетъ въ гробикѣ; толпою за нимъ идутъ однѣ женщины, шутливо оплакивая погибшаго, съ остротами и пѣснями, не всегда приличными.

Разсказъ Печерскаго объ этомъ обрядѣ.

Вечеромъ, только закатится солнце, и сумракъ начнетъ по землѣ разстилаться, дѣвушки съ молодицами, звонко пѣсни играя, выходятъ гурьбой за околицу, каждая охабку соломы тащитъ. Выбравъ укромное мѣсто, раскладываютъ костры и, при свѣтѣ ихъ вяжутъ, Кострому изъ соломы. Одѣвши ее въ нарядный сарафанъ недавно-вышедшей замужъ молодицы и убравши цвѣтами, молча, безъ шутокъ, безъ смѣха, кладутъ на доску возлѣ воды. Тутъ молодцы приходятъ, начинаются пѣсни, хороводы. Всю ночь напролетъ молодежь веселится, а когда зачнетъ утренняя заря разгораться, приходятъ на игрище люди пожилые, даже старики: посмотрѣть—поглядѣть, какъ солнышко красное станетъ играть.

Тухнутъ костры на землѣ, гаснутъ звѣзды на небѣ... Блѣднѣютъ на сводѣ небесномъ ночные покровы, свѣтлѣй и свѣтлѣй на восточномъ краю небосклона... Рой мелкихъ перистыхъ облаковъ усыпалъ поднебесье, лучи невидимаго еще солнца зажгли ихъ разноцвѣтными огнями. Съ каждой минутой ярче и ярче горятъ облака, блещутъ золотомъ, сверкаютъ пурпуромъ, переливаются алыми волнами.

Ведутъ хороводъ и звонкою пѣснью зовутъ небесное свѣтило:

«Не стучитъ, не гремитъ,
Не копытомъ говоритъ,—
Каленой стрѣлой летитъ
Молодой Олень!
    Ты, Дунай-ли мой, Дунай
    Донъ Ивановичъ, Дунай!
    Молодой олень!
У оленя-то копыта
Серебряныя,
У оленя-то рога
Красна золота! [1]) и пр.

Раскаленнымъ золотомъ сверкнулъ край солнца, и радостный крикъ громко по вспопью раздался. Поднялось солнце въ полдерево, всѣ пошли по домамъ съ ночного веселія. Впереди толпа ребятишекъ, какъ въ бара-

[1]) По мнѣнію Печерскаго, „олень златорогій“—это символъ солнца, которое совершаетъ свой урочный дневной путь.

баны, колотитъ въ лукошки, и громкое ихъ грохотанье далеко разносится въ тиши ранняго утра, а за ними дѣвушки съ молодицами несутъ на доскѣ Кострому. Мужчины за ними подаль идутъ. Подобіе умершаго Ярилы медленно проносятъ по деревнѣ подъ звуки тихой заунывной пѣсни. То—«первыя похороны».

Передъ солнечнымъ закатомъ, съ громкими пѣснями изъ деревни въ чистое поле несутъ Кострому. Молодые парни неженатые, заслышавъ тѣ пѣсни, идутъ слѣдомъ за красными дѣвицами. Кладутъ Кострому на доскѣ на прежнемъ мѣстѣ, становятся вкругъ нея хороводомъ и печальными пѣснями отпѣваютъ Ярилу:

«Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!
Клали его во гробочекъ,
Зарывали его во песочекъ!
Встань, батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься! и пр.

И другія пѣсни поются надъ соломенной Костромой. Съ тоскливымъ плачемъ, съ горькими причитаніями, съ барабаннымъ грохотомъ въ лукошки, со звономъ печныхъ заслонокъ и сковородъ, несутъ Кострому къ рѣчкѣ, раздѣваютъ и, растрепавъ солому, пускаютъ на воду. Пока вода не унесетъ все до послѣдней соломинки, молодежь стоитъ у берега и долго слышится унылая пѣсня:

«Померъ, нашъ батюшка, померъ!
Померъ, родимый нашъ, померъ!

А потомъ начинаются хороводы и веселыя игры («Въ лѣсахъ» соч. VI 131—7).

Окончаніе лѣтнихъ праздниковъ.

Похоронами Ярилы, или Костромы, кончаются лѣтніе хороводы и гулянья; за ними наступаетъ „страда“ (усиленныя полевыя работы на покосѣ, на жнитвѣ, молотьбѣ). Съ іюля (1-го іюля—„лѣта макушка“) всѣ увеселенія прекращаются до осеннихъ „капустокъ“ (въ концѣ сентября). Мѣстами въ Ильинъ день, въ „дожинки“ (конецъ жатвы), въ Семенъ день (1-го сентября) бываютъ хороводы, но небольшіе, и водятъ ихъ не подолгу.

Праздники профессіональные.

§ 12. *Праздники профессіональные* (земледѣльцевъ и скотоводовъ). Кромѣ обрядовъ въ честь „солнца“, народъ исполняетъ обряды, связанные съ занятіями земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они пріурочены теперь къ днямъ празднованія наиболѣе популярныхъ святыхъ. Быть можетъ, въ глубокую старину обряды соединялись съ чествованіемъ особыхъ боговъ-покровителей различныхъ сельскихъ занятій,—теперь они примкнули къ различнымъ святымъ.

День Егорія. *День Егорія* (23 апрѣля) сопровождается пѣснями и обрядами въ честь святого, на котораго перенесены были черты божества, покровителя скотоводства и земледѣлія. Въ этотъ день, въ первый разъ послѣ зимы, выгоняютъ рогатый скотъ въ поле священной вербой. При этомъ поютъ егорьевскія пѣсни, въ родѣ слѣдующей:

«Мы вокругъ поля ходили,
Егорія окликали:
«Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку!
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Петровъ день. *Петровъ день* („Петра-солнцеворота“, 12-го іюля) празднуютъ женщины и дѣвушки. Этотъ день связанъ съ занятіемъ огородничествомъ.

Заговариванье огурцовъ. По утренней росѣ, въ однѣхъ рубахахъ, опоясавшись шерстяными опоясками, досужія хозяйки ходятъ-бродятъ по огородамъ. Зорко высматриваютъ онѣ, не зажелтѣлъ ли гдѣ въ приземистой огуречной травкѣ золотистый новичокъ—желтенькій цвѣточекъ, и только что завидитъ которая желаннаго гостя, тотчасъ красную нитку изъ опояски вонъ, и съ молитвой царю Константину и матери Оленѣ, наклоняется надъ грядкой и той ниткой перевязываетъ выглянувшій на свѣтъ Божій цвѣточекъ. А сама заговоръ шепчетъ: «какъ густо мой поясъ вязался—такъ бы густо вязались мои огурцы,—не было бъ межъ нихъ пустоцвѣта!»

Обѣганіе грядъ. Въ деревняхъ, что подальше—въ захолустьяхъ, иное старинное дѣйство справляютъ. О ту пору сорныя травы межъ сѣянной и саженной огородины разростаются,—пора дѣвичьей работы подходитъ: гряды полоть. Но передъ тѣмъ, по старому завѣту, надо «гряды обѣгать». Сбираются красны-дѣвицы гурьбой и въ глухую полночь обѣгаютъ гряды веселою вереницею. а сами всѣ до единой, въ чемъ мать на свѣтъ родила. Отъ того обѣганья ни червь на гряды не попадетъ, ни лютыя медвяныя росы, ни солнышкомъ овощи не припечетъ, ни дождикомъ ихъ не зальетъ. Не установлено урочнаго дня грядному обѣганью—никому не узнать, въ какую ночь станутъ дѣвицы свое «дѣйство» справлять. Не скажутъ онѣ ни брату, ни снохѣ, ни малымъ ребятамъ, ни родителямъ» («Въ лѣсахъ», соч. V, 139—140).

Ильинъ день—„зажинки“. Въ *Ильинъ день* (20-го іюля), въ день пророка Ильи, обыкновенно, „зажинаютъ“ рожь, т. е. вяжутъ первый снопъ, его обмолачиваютъ, приготовляютъ изъ зерна хлѣбъ и освящаютъ его. Этотъ обрядъ и называется „зажинками“; первый сжатый снопъ приносится домой съ особымъ почетомъ. Народныя пѣсни представляютъ пророка Илью, какъ покровителя земледѣлія.

День *Успенія Богородицы* (15 августа „Велика пречиста“, 8 сентября, „Мала пречиста“) празднуется въ Россіи не только

молитвами въ церквахъ, но и обрядами, связанными съ поклоненіемъ хлѣбу подъ видомъ „снопа“.

„Дожинки“.

Если къ Успеньеву дню успѣютъ дожать яровое, тогда праздникъ вдвое: тогда бываетъ «снопъ-дѣдъ», или «снопъ-именинникъ», и празднуются «дожинки»—древне-русскій обычай, теперь почти повсемѣстно забытый. Послѣдній сжатый снопъ одѣваютъ въ нарядный сарафанъ, украшаютъ его монистами и лентами, на верхушку надѣваютъ кокошникъ и водятъ вокругъ его хороводы. Это и есть «снопъ-именинникъ». Однѣ жнеи пѣсни поютъ имениннику въ честь, другія катаются съ боку на бокъ по старому полю, а сами приговариваютъ: «жнивка, жнивка, отдай мою силку!»

„Завиваніе“ бороды.

Къ этимъ обрядамъ слѣдуетъ прибавить важный и древній обрядъ «завиванія бороды» какому-то козлообразному существу (ср. Фавна, Сильвана), живущему въ хлѣбѣ; онъ спасается отъ жрецовъ въ послѣдній несжатый пукъ колосьевъ, или послѣдній снопъ. Почти у всѣхъ европейскихъ народовъ долго сохранялась вѣра въ это существо; слабые слѣды этой вѣры у русскихъ отразились въ обрядѣ «завиванія бороды» какому-то хлѣбному «козлу»; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «завиваютъ бороду» — Волосу или Ильѣ.

Чествованіе „снопа“.

Когда жницы приносили снопъ къ дому, хозяинъ съ хозяйкой и семьей выходили навстрѣчу и низкими поклонами „хлѣбушку встрѣчали“, а принесшихъ приглашали откушать,—„новаго хлѣбца порушить“. Во время пиршества [1]) подавали, кромѣ другихъ блюдъ, „дѣжень“—кислое молоко съ толокномъ. Послѣ обѣда до вечерней зари жнецы и жнеи водятъ хороводы и поютъ пѣсни.

Снопъ же вносили въ избу, ставили подъ образа и держали тамъ до перваго воскресенья. Зимой его зерна и солому примѣшивали къ корму, чтобы скотъ добрѣлъ, да здоровѣлъ.

„Капустки“.

Съ *Сергіева дня* (25 сентября) празднуются „капустки“. Съ этого дня начинаютъ рубить капусту. Дѣвушки, парни и молодыя женщины, вооруженныя тяпками, стоя за корытами и рубя капусту, поютъ пѣсню „матушкѣ-капусткѣ“:

«Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь я горожу!
Ой, люли, ой, люли
Изгородь я горожу.
Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Да кочанненькую
Ой, люли, ой, люли!
Да кочанненькую
Тяпъ, тяпъ, тяпъ!
Тяпъ, тяпъ, тяпъ!
Ой, капуста бѣлая,
Кочерыжка сладкая!

---

[1]) Существуетъ разсказъ, будто у древнихъ славянъ былъ обычай въ день окончанія жатвы дѣлать возношеніе идолу въ видѣ такого пирога, чтобы за нимъ не было видно человѣка. Если удавалось спечь такой пирогъ,—будущій годъ обѣщалъ быть хлѣбороднымъ. Въ Малороссіи и донынѣ въ праздникъ Коляды хозяинъ избы старается наложить на столъ пироговъ, чтобы за ними не было его видно. Это—хорошая примѣта.

Свадебная „игра“.

§ 13. *Свадебная поэзія* [1]) (пѣсни и обряды). Свадебная „игра“, какъ называетъ народъ свадьбу, полна драматизма. У насъ „играютъ свадьбу“ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Каждая мелочь свадебнаго обряда обставлена пѣсней и обрядомъ. Хотя теперь разныя подробности свадьбы, даже пѣсни, не тожественны въ разныхъ концахъ Россіи, но всѣ они восходятъ къ древнему, болѣе единобразному типу свадебнаго „чина“,—стоитъ сравнить съ современной народной свадьбой великокняжескія и царскія XVI—XVII вв., сохранившіяся въ описаніяхъ [2]). Древность многихъ свадебныхъ обрядовъ доказывается также замѣчательнымъ сходствомъ ихъ у разныхъ славянскихъ народностей и даже у нѣкоторыхъ родственныхъ арійскихъ.

Связь свадебныхъ пѣсенъ съ весенними.

Свадьбы русскимъ народомъ „играются“ послѣ завершенія земледѣльческихъ работъ. Такимъ образомъ, весна и ея игры— пора первыхъ встрѣчъ, знакомства, первыхъ признаковъ и проявленія любви. Этотъ періодъ совпадаетъ съ указаніемъ лѣтописи на существованіе „игрищъ между селами“, завершавшихся бракомъ въ ночь на Ивана Купала [3]). Уже въ хороводныхъ „игровыхъ“ пѣсняхъ ясенъ любовный элементъ („сѣянье проса“, „взятіе города“, „горю-дубъ“ и пр.). Оказывается, что и свадебныя пѣсни сходны, по размѣру и содержанію, съ весенними (тѣ же, напр., символическіе образы жениха и невѣсты—„соколъ“ и „лебедь“, „князь“ и „княгиня“).

Главные моменты русской свадьбы.

„Сватовство“, „сговоръ“, „дѣвичникъ“, „свадьба“,—вотъ, главные моменты русской свадьбы. Дѣйствующими лицами являются „сватъ“, „дружки“, „бояре“, „поѣзжане“, „тысяцкій“: дѣвушки-пѣвицы (иногда солистка—„плачея“), „подружье“. „Сватовство обставляется особенно торжественно. Сваты съ хлѣбомъ и солью являются въ домъ невѣсты. Ихъ принимаютъ честью, но какъ неизвѣстныхъ, разспрашиваютъ, откуда они явились, изъ какой земли, изъ какого царства. Въ отвѣтъ на эти вопросы, произносится хитросплетенная рѣчь: гости называютъ себя „ловцами“, „охотниками“, „рыболовами“; они говорятъ, что ищутъ

„Сватовство“.

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 10—16. Печерскій, соч. III, 88, X, 99 О. Агренева-Славянская, „Описаніе русской крестьянской свадьбы“. Максимовъ, „Лѣсная глушь“, 52, 70—83.

[2]) Въ Лаврентьевской лѣтописи есть указаніе на „свадебныя пѣсни“. См. у Забѣлина „Бытъ русскихъ царей“ и „Бытъ русскихъ царицъ“.

[3]) См. „Снѣгурочку“ Островскаго. Любопытно, что и послѣ принятія христіанства простой народъ, заключая браки, долго обходился безъ церковнаго обряда, считая, что онъ нуженъ только для знати. Русская церковь усиленно боролась съ такимъ мнѣніемъ, и сохранились поученія отъ XI, XIII, XIV и XV вв., въ которыхъ пастыри церкви разъясняли необходимость для всѣхъ освященія брака церковью.

лисицу, или куницу, что слѣдъ на свѣжей порошѣ привелъ ихъ къ этому дому [1]) и пр.

Въ случаѣ удачи сватовства бываетъ „сговоръ“, когда сваты являются, обыкновенно, уже въ роли купцовъ; обѣ стороны уславливаются, „торгуются“ насчетъ условій брака. Въ случаѣ согласія, выдающій дѣвицу бьетъ „по рукамъ“ со сватомъ. Это „рукобитье“ у великоруссовъ — и у малороссовъ обмѣнъ рушникамиполотенцами, „заручины“, закрѣпляютъ сговоръ. Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца-матери, то сговоръ сопровожается причитаньемъ по умершимъ родителямъ. Для свадьбы необходимъ торжественный коровай, который печется съ церемоніями и пѣснями; а также обязательнымъ блюдомъ считаются жареные пѣтухъ и курица. „Сговоръ“.

„Дѣвичникъ“ справляется наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты. Подруги провожаютъ невѣсту въ новую жизнь многочисленными пѣснями, — главнымъ образомъ, величальными, но, по большей части, грустными по тону. Воспѣвается, конечно, женихъ и невѣста (солнце — мѣсяцъ; яблоня — грушица; елочка — яворъ; кукушка — соловей; лебедь — соколъ; утица — селезень; куница — соболь). Въ этихъ же пѣсняхъ встрѣчаемъ мы восхваленіе косы — дѣвичьей красы, лентъ, вѣнка, родственницы „причитаютъ“ надъ невѣстой. Въ день вѣнчанья она сама оплакиваетъ свою судьбу, прощается съ дѣвичьей жизнью, съ косой; она представляетъ себѣ тягости предстоящей жизни въ чужомъ домѣ. Женихъ въ этихъ пѣсняхъ-причитаніяхъ изображается „насильникомъ“, „похитчикомъ“, „чужимъ-чужаниномъ“ [2]); „красой“ называется *коса*, а „волей“ — лента, перевязывающая косу [3]). „Дѣвичникъ“

Изъ пѣсней о „*волѣ*“ приведу слѣдующія: Примѣръ пѣсни о „волѣ“

«...Я кладу бажону мою волюшку
Ко ретивому сердечушку!
Я снесу бажону мою волюшку —
На оступушку чужую, на сторонушку.
Я поглядывать стану на свою вольную волюшку...
Я кладу въ оковану коробеечку!
Какъ отмкну оковану коробеечку —
Погляжу на свою вольную волюшку, —
Будто я красна-дѣвица.
Разгоню свою великую обидушку!

---

[1]) См. балладу А. Толстого: „Сватовство“.
[2]) Нефедовъ, „Очерки и разсказы“, 89.
[3]) По подсчету О. Агреневой, кромѣ мелкихъ пѣсенъ, которыми обмѣниваются участники „свадебной“ игры — большихъ пѣсенъ-„монологовъ“ около 30.

Примѣръ пѣсни о „красѣ“.

О „красѣ“:

«Ужъ ты взвейся, красота моя,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садика зеленаго
И ударься о сыру-землю.
Расшибись ты, красота моя,
Что по макову по зернышку! и т. д.

Послѣ вѣнчанія молодую жену везутъ уже въ домъ жениха на брачный пиръ.

Историческіе слои въ „свадебномъ чинѣ“.

Свадебный чинъ и его пѣсни отразили на себѣ нѣсколько бытовыхъ историческихъ слоевъ. Передъ нами, несомнѣнно, ясные слѣды памяти объ *умыканіи* дѣвицъ изъ чужого рода. Сваты, хитростью проникающіе въ домъ невѣсты—это прежнее „соглядатаи“, которые высматривали дѣвушку для юноши своего рода.

„Бракъ умыканье“.

Очевидно, это еще относится къ *родовому періоду* жизни русскаго народа. Дѣвушка была рабочею силою въ семьѣ, и потому выборъ долженъ быть сдѣланъ удачно. „Поѣзжане“ — это все молодежь одного „рода“. Оттого распорядитель поѣзда носитъ властное названіе „тысяцкаго“. На югѣ Россіи у такого „поѣзда“ бываетъ даже знамя. Борьба за дѣвушку, теперь шуточная, въ старину была кровопролитная. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ даже рисуется полное разореніе родного дома, смерть родныхъ дѣвушки:

«...быть саду да полоненному,
Всему *роду* покоренному,—
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ!..»

Взглядъ на жениха, какъ на насильника.

Женихъ и его свита, пріѣзжающіе за невѣстой, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи разыгрываютъ роль „грабителей“ (въ пѣсняхъ представляется они, какъ „татары“, „литва“). Передъ отправленіемъ въ путь иногда даютъ клятву „стоять другъ за друга, братъ за брата“. Женихъ является удалымъ предводителемъ этой ватаги.

«Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ...

Это—„грозенъ князь“, это—„темная туча“, „гроза“. У воротъ невѣстина дома происходитъ „игра въ борьбу“: поѣзжанъ не пускаютъ въ домъ, они ломятся. Немного водки и денегъ—

плата, которая открываетъ имъ ворота. Попавъ въ домъ, поѣзжане ведутъ себя, какъ побѣдители, — не снимаютъ шапокъ, бьютъ плетями по стѣнамъ, по скамьямъ, грубятъ роднымъ невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жениха въ домѣ невѣсты встрѣчаютъ выстрѣлами; женихъ выноситъ на рукахъ невѣсту; она вырывается, „поѣзжане“ гонятся за ней. Объ „умыканіи“ говорятъ многія пѣсни; приведу отрывокъ изъ одной характернѣйшей:

«Вотъ пріѣхалъ *погубитель мой*,
Вотъ пріѣхалъ *раззоритель мой*
Вотъ пріѣхалъ—*расплети-коса*,
Вотъ пріѣхалъ—*потеряй красу!*

„Жизнь въ чужомъ домѣ“ по пѣснямъ.

Жизнь въ чужомъ домѣ представляется въ пѣсняхъ тяжелой. Такъ, въ одной пѣснѣ дѣвушка жалуется, что видѣла страшный сонъ—высокую гору; на ней орелъ держитъ въ когтяхъ лебедушку. Подъ горой растутъ лѣса и крапива; въ лѣсахъ—медвѣдь съ медвѣдицей.

«Разсудите, подруженьки,
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?
Это гора-то высокая—
Чужа дальня сторона!
А орелъ, птица острая—
Чужой это чужанинъ;
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку,—
Да меня, молодешеньку.
А лѣса растутъ темные—
Тутъ, люди незнаемые.
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка,
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка поетъ:

«Вечоръ были да сваты-сватья,
У нихъ поклоны-то низкіе,
Слова-то у нихъ ласковыя,
Рѣчи-то у нихъ привѣтливыя,—
Они ходятъ, да все хвастаютъ:
Какъ чужа-то дальняя сторонушка
На горѣ стоитъ, да на высокой.
Не встаютъ у насъ да поутру рано,
Не ходятъ у насъ да на работушку.

Но „свои“ стараются дѣвушкѣ открыть глаза.

«Какъ чужа-то дальняя сторонушка
Не пшеной да изусѣяна —
Тоской, кручинушкой изусѣяна.
Горючими слезами исполевана,
Она печалью да огорожена,
Кручинушкой изувязана!

Бракъ „купля“. Бракъ-*купля*, несомнѣнно, относится къ позднѣйшему періоду. Впрочемъ, уже въ „Первоначальной лѣтописи“ есть упоминаніе о „вѣнѣ“ [1]), какъ о платѣ за невѣсту: Владимиръ, женившись на греческой царевнѣ, вернулъ грекамъ Корсунь, въ видѣ „вѣна“. Изъ пѣсенъ, указывающихъ на куплю невѣсты, можно привести слѣдующую:

«Наѣхали сваты большіе,
Выводили надежу свѣта-батюшку,
На новы сѣни, на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку,
Оцѣнять стали бажону вольну-волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой, батюшка:
«Эта волюшка—во сто рублей,
Руса косынька—во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ!»
Но лукавъ былъ злодѣй—большой сватъ,
Онъ близешенько ко родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему, да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На томъ мои родители окинулись,
Промѣняли мою вольную волюшку,
Какъ на этое, на сладко - зелено вино,
Пропились, да промотались —
Прогуляли мою волюшку!

Есть пѣсни, въ которыхъ невѣста проситъ дешево ее не продавать, не „пропивать“.

Бракъ— „судъ божій“. Такъ какъ, въ случаѣ купли-сдѣлки между старшими, воля дѣвушки не принималась въ разсчетъ, то для нея бракъ былъ чѣмъ-то „роковымъ“,—судьбой, „судомъ божьимъ“, а потому женихъ и называется, еще съ того времени—„суженымъ“. Такой бракъ былъ, своего рода, торговымъ оборотомъ, „рядомъ“ („рядиться“ = торговаться), оттого женихъ получилъ еще эпитетъ: „ряженый“ („суженый-ряженый“). Невѣсту еще съ того времени называютъ „товаромъ“ („у васъ — товаръ, у насъ—купецъ“).

Бракъ „по уговору“. Въ пѣсняхъ свадебныхъ встрѣчается указаніе на бракъ „по уговору“. Послѣдняя форма брака, очевидно, позднѣйшая, выражается въ цѣломъ рядѣ симпатичныхъ, по настроенію, пѣсенъ. Напр., есть пѣсня, въ которой мать говоритъ дочери: „Выбирай,

[1]) „Вѣно“ знач. „выкупъ“, „плата“—въ частности, за невѣсту, Различныя славянскія племена стояли на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія: древляне, радимичи, вятичи, по словамъ лѣтописца, жили „звѣринскимъ образомъ“, т. е. не имѣли еще понятія „семьи“, находились въ періодѣ патріархальнаго быта (нѣкоторые имѣли по двѣ, по три жены). У нихъ дѣвушки „умыкались“ — или съ ихъ согласія, или противъ воли. У полянъ, какъ болѣе культурныхъ, бракъ выразился уже въ куплѣ невѣсты.

мое дитятко, изъ гостей незнакомыхъ—знакомаго, изъ молодыхъ—молодого, наряднаго. Тебѣ съ нимъ вѣкъ вѣковать!" Въ другой пѣснѣ невѣста выражаетъ опасеніе, чтобы „поѣздъ" не сбился съ дороги, чтобы „суженой" не вернулся бы безъ нея домой. Она поетъ, что „безъ жениха ей тошнехонько, и грустнехонько": Есть трогательная пѣсня о томъ, какъ одинокій, бѣдный молодецъ томится на бѣломъ свѣтѣ, какъ онъ „вянетъ-сохнетъ" въ одиночествѣ, „будто травка среди поля дикаго", и какъ одна „Дуняша сжалилась надъ бѣдняжкой-сиротинушкой, приласкала, приголубила безпріютную головушку". Есть пѣсни, въ которыхъ дѣвушка изъ всѣхъ сокровищъ и богатствъ міра выбираетъ милаго друга; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ указано, что женихъ беретъ дѣвицу „волей", — она такъ къ нему привязалась, что забываетъ „батюшку" и „матушку". Дѣвушка поитъ-кормитъ коней поѣзжанъ; ласкаетъ ихъ и кланяется имъ, приглашая ихъ ѣсть:

«Пейте вы, ѣшьте, кони мои,
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ-подалѣ отъ батюшки,
Ближе-поближе къ свекру на дворъ!»

Большою стариною отзываются обряды принятія невѣсты въ чужую семью. Выше было указано, что каждый „родъ" въ старину связанъ былъ воспоминаніемъ объ одномъ общемъ родоначальникѣ, память о которомъ освящена была „культомъ",—поэтому всякій новый членъ рода долженъ былъ войти въ этотъ культъ. Онъ связанъ былъ съ почитаніемъ домашняго очага—„печью" [1]). Въ свадебныхъ обрядахъ значеніе очага видно изъ слѣдующаго: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда сваты приходятъ въ избу, невѣста должна сидѣть на печи; ея согласіе на свадьбу выражается тѣмъ, что она слѣзаетъ съ печи. Сваты иногда подходятъ къ печи и грѣютъ руки, хотя бы сватовство было и лѣтомъ. Этимъ обозначалось въ старину, что они просятъ помощи у генія семьи. Родители, благословляя дочь, садятся у печи. Молодая жена, входящая въ избу мужа, кланяется печи и кладетъ на нее хлѣбъ (въ Малороссіи — пѣтуха, въ Бѣлоруссіи — связку баранокъ и поясъ). Этотъ послѣдній обрядъ, съ разными видоизмѣненіями, соблюдается у другихъ славянъ и литовцевъ (а также соблюдался у римлянъ и германцевъ).

Обряды принятія невѣсты въ чужую семью.

а) религіозные: почитаніе очага.

Кромѣ такихъ обрядовъ „религіознаго" характера, существуютъ еще обряды, имѣющіе „юридическое" значеніе: въ старину

b) юридическіе.

[1]) См. выше стр. 17.

дѣвушка, выходя замужъ, отказывалась отъ своей воли, дѣлалась „рабой“. Въ знакъ этого, она должна была послѣ свадьбы снять сапоги съ ногъ мужа (Лавр. лѣтопись разсказываетъ о Рогнѣдѣ, которая отказалась „разуть“ Владимира). Теперь это подчиненіе выражается символически въ томъ, что послѣ свадьбы отецъ новобрачной, ударивъ дочь плеткою, передаетъ свою плетку ея мужу.

Похоронные обряды, связанные съ вѣрой въ загробное бытіе.

§ 14. *Похоронные обряды и пѣсни* [1]) тѣсно связаны съ народнымъ представленіемъ о судьбѣ человѣка, покинувшаго земную жизнь. Вѣра въ то, что жизнь за гробомъ продолжается, что умершіе имѣютъ постоянное общеніе съ живущими на землѣ, лежитъ въ основѣ всѣхъ обрядовъ и пѣсенъ, которыя связаны съ похоронами. И теперь еще на поминальномъ обѣдѣ въ сѣверной Россіи ставятъ иногда лишній приборъ „для умершаго“ (если послѣ обѣда ложка изъ этого прибора окажется влажной—значитъ, по народному повѣрію, покойникъ принималъ участіе въ обѣдѣ). Можно указать еще рядъ мелочей въ обрядахъ, которыя всѣ доказываютъ, что донынѣ народъ нашъ не можетъ окончательно проститься съ старымъ, чисто-языческимъ, представленіемъ о загробномъ бытіи. Вотъ почему принято обставлять послѣдніе дни пребыванія умершаго на землѣ самымъ точнымъ обрядомъ, чтобы не было порухи его чести.

Оплакиваніе умершихъ.

Обычай оплакивать умершихъ очень древній: въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ русскія жены оплакиваютъ мужей; изъ лѣтописи мы узнаемъ, что за гробомъ Изяслава шелъ Ярополкъ и причиталъ. Старые памятники полны упоминаній о такихъ „желяхъ“, „плачахъ“ (напр., разсказъ лѣтописи о снохѣ Владимира Мономаха). Психологическое значеніе „заплачекъ“ коренится въ возможности „выплакать“ свою душу, найти исходъ горя въ словахъ... Оттого причитанія богаты глубокимъ лиризмомъ и принадлежатъ къ произведеніямъ, очень сильнымъ по чувству, красивымъ по формѣ, богатымъ по колориту. Этотъ любопытный видъ народной поэзіи особенно близокъ къ импровизаціи. Въ глубокой древности онъ былъ спеціальностью „плакальщицъ“, у насъ—„вопленницъ“, „плачей“, которыя отличаются, обыкновенно, особымъ даромъ „сочинять на случай“ новые „вопли“, конечно, не выходя изъ обычнаго круга образовъ, пріемовъ и сюжетовъ народной поэтики. Кромѣ такихъ спеціалистокъ [2]),

[1]) Печерскій, Соч. IV, 307, 311, 314 ff.; V, 171.

[2]) Нѣсколько лѣтъ назадъ пріѣзжала въ Петербургъ вопленница Ѳедосова, знаменитая импровизаторша, которую на ея родинѣ за сотни верстъ выписываютъ на похороны и на свадьбы „вопить“. Ср. въ драмѣ Островскаго: „Гроза“—слова Ѳеклуши объ обычаѣ „выть“.

обыкновенно приглашаемыхъ на богатыя похороны, въ этой роли выступаютъ и родственницы покойнаго. Лѣтопись указываетъ, что въ старину и мужчины иногда „вопили“ на похоронахъ.

Сожиганіе умершихъ.

Славяне сперва сжигали своихъ покойниковъ; потомъ стали зарывать ихъ въ землю. О первомъ способѣ разсказываетъ арабскій путешественникъ по Россіи Ибнъ-Фодланъ, который (въ началѣ X в.) видѣлъ похороны знатнаго русса. „Сжиганіе“ связывалось съ представленіемъ, что умершіе восходили къ небесамъ и носились на коняхъ по воздуху. Надъ сожженымъ трупомъ насыпался курганъ. „Зарываніе“ соединялось съ вѣрой въ жизнь покойниковъ подъ землей,—гробъ и теперь въ деревняхъ называется „домовиной“. Жизнь за гробомъ, въ обоихъ случаяхъ, представлялась продолженіемъ земного существованія, — поэтому съ покойникомъ сжигали, или зарывали, женъ, коней, оружіе, охотничьи и рыболовныя принадлежности.

Зарываніе умершихъ.

Отраженіе языческихъ представленій о загробномъ бытіи въ пѣсняхъ.

Въ похоронныхъ пѣсняхъ сохранились слѣды вѣры въ удаленіе души къ небеснымъ свѣтиламъ,—„къ красну солнышку на прибереглушку“, или: „вровень съ облачками онъ, да съ ходячими, ко лунѣ онъ, нашъ свѣтъ, да подвосточной“, или: „ко зарѣ, ко восточной“ и пр. Вѣра въ подземное существованіе душъ выражается во многихъ пѣсняхъ, выражающихъ заботы объ удобствахъ покойника въ его „домовинѣ“,—такъ, въ одной пѣснѣ высказывается упрекъ плотникамъ, что они сдѣлали „холодную хоромину немшоную: не обнесены брусовы бѣлы лавочки, не прорублены косевчаты окошечки, не устлана перинушка пуховая, не собраны утѣхи всѣ съ забавушкой“ и пр.

Содержаніе причитаній.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ своеобразную форму „вопросовъ“ ко всѣмъ окружающимъ, не видалъ ли кто покойнаго. Пѣвица не хочетъ вѣрить, что дорогой ея сердцу человѣкъ умеръ. Есть пѣсни, въ которыхъ говорится о томъ, что причитающая хочетъ пойти искать своего дорогого умершаго:

«Повзыскать пойду сердечно свое дитятко
По всему пойду хоромному строеньицу,
Обойду я по селу, да деревенскому,
Поспрошу я у родимыхъ поровестничковъ,
Дите да не сидитъ ли на бесѣдушкѣ,
Онъ у точеныхъ у прялушекъ,
Подлѣ красныхъ тѣхъ дѣвушекъ;
Онъ не шутитъ ли съ ними, сидя, шуточекъ?»

Въ большинствѣ же пѣсенъ встрѣчается желаніе, чтобы покойникъ явился опять живымъ:

«Хоть сподъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ подъ камышка явись да горностаюшкомъ,
Появись, приди, надежная головушка,
Хоть съ чиста-поля явись яснымъ соколомъ,
Со темныхъ лѣсовъ явись сизымъ голубемъ,
Хоть съ глубокихъ озеръ—сѣрой утушкой!

Въ этой характерной пѣснѣ выражается, какъ будто, вѣра въ то, что души умершихъ переселяются въ животныхъ; есть и просьба, чтобы вѣтры буйные, „со громами да со гремучими“, расшибли бы дорогую могилу, чтобы мать-сыра-земля раскрылася, поднялась бы гробовая доска“—

«Распахнитеся, да бѣлы саваны!
Отвалитеся, да ручки бѣлыя
Отъ ретиваго отъ сердечушка!
Развернитеся, да уста сахарныя,
Обвернись-ко ся, да мой родимый батюшко,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Съ бѣла-лица ржавчину!..

Есть любопытная пѣсня, въ которой плачущій проситъ всѣхъ молчать, такъ какъ ему чудятся какіе-то звуки,—онъ думаетъ, не возвращается ли съ того свѣта дорогой ему умершій. Наконецъ, большая группа причитаній относится къ печальной судьбѣ оставшихся въ живыхъ. Въ этихъ пѣсняхъ иногда очень картинно изображается положеніе осиротѣвшаго, особенно осиротѣвшей. Пустое жилище, у котораго „въ слезахъ стоятъ окошечки“, также вызываетъ искренніе звуки горя изъ глубины тоскующей души. „Горе-злосчастье“ особенно часто фигурируетъ въ этихъ „заплачкахъ“,—оно представляется живымъ существомъ. Это — неотступный двойникъ, какъ тѣнь, слѣдующій за несчастнымъ человѣкомъ,—отдѣлаться отъ него нѣтъ силъ.

Представленіе „смерти“ въ пѣсняхъ.

„Смерть“ представляется въ пѣсняхъ въ видѣ какого-то оборотня, который крадется въ видѣ разныхъ хищныхъ звѣрей и птицъ, а въ домъ входитъ нежданно „красной дѣвицей“, или „добрымъ молодцемъ“. Въ нѣкоторыхъ причитаніяхъ высказывается сожалѣніе, что никто не догадался „задарить“ смерть подарками,—въ другихъ, что никто не вступилъ съ нею въ бой.

„Заговоры".

§ 15. *Заговорами*[1]) называются такія лироэпическія народныя произведенія, которыя имѣютъ принудительное („магическое") значеніе,—они должны вызвать, или устранить какое-нибудь явленіе въ жизни человѣка, или въ жизни природы. При наличности вѣры въ значеніе заговора, т. е. въ таинственную магическую силу человѣческаго слова, онъ имѣлъ практическое значеніе, такъ какъ основывался, чаще всего, на „внушеніи." Еще и донынѣ „заговоры" — профессіональное достояніе деревенскихъ вѣдуновъ, знахарей и знахарокъ. Для насъ заговоръ — это только поэтическое произведеніе, сохранившее на себѣ рядъ историческихъ наслоеній, языческихъ и христіанскихъ.

Древность заговоровъ.

Заговоры имѣютъ длинную исторію: ихъ мы встрѣчаемъ еще въ ассирійскихъ надписяхъ. Классическіе народы также вѣрили въ ихъ силу. Русскіе заговоры извѣстны намъ не раньше XVII в. (въ лечебникахъ, въ судебныхъ дѣлахъ). Впрочемъ, „заклятія", напоминающія заговоры, встрѣчаются еще въ договорахъ первыхъ русскихъ князей съ греками[2]). Если клятва этихъ договоровъ не можетъ быть отнесена прямо къ заговорамъ, то они, всетаки, любопытны въ томъ отношеніи, что доказываютъ вѣру нашихъ предковъ въ значеніе слова. Въ лѣтописи есть длинный рядъ указаній на волхвовъ-кудесниковъ, которые, по словамъ Домостроя, „бѣсовскими словами и мечтами, и кудесомъ чаруютъ на всякое зло и на прелюбодѣйство".

Различные виды заговоровъ въ зависимости отъ цѣлей.

По содержанію своему, заговоры распадаются на группы — цѣль однихъ—устранить, или навести болѣзнь, другіе касаются душевныхъ состояній, напр., возбужденія любви (заговоръ „на присушку"), охлажденія любви (на „остуду"). Многіе заговоры исключительно посвящены хозяйству, или промысламъ (пчеловодство, охота, рыбная ловля). Наконецъ, нѣкоторые имѣютъ своимъ предметомъ разные случаи жизни частной и общественной (поединокъ, война, путешествіе и т. д.).

Схема заговора.

Начинается заговоръ, обыкновенно, со *вступленія*, въ которомъ изображается дѣйствіе, будто-бы, совершающееся заговари-

---

1) Историч. Хрестоматія, т. I, 22—5. Печерскій, V, 259.

2) Въ договорѣ Игоря (въ 945 году) отъ имени руссовъ-язычниковъ клятва выражена въ словахъ: „да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими"—если нарушатъ обѣщаніе. Въ договорѣ Святослава (971 года) клятва звучитъ такъ: „да не имѣемъ клятву отъ Бога, въ не же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, бога скотья, да будемъ золотѣ, якоже золото се" и т. д. „Златоница"—желтуха. Этого же корня: золотуха—удосочіе.

вающимъ. Напр.: „иду я изъ поля въ поле, опаясываюсь чистыми звѣздами“ и пр. Затѣмъ выражается *желаніе*, ради котораго происходитъ заговоръ. На третьемъ мѣстѣ, обыкновенно, помѣщается *сравненіе* желаемаго явленія съ какимъ-нибудь явленіемъ природы. Напр.: „въ печи огонь горитъ и тлѣютъ дрова, такъ тлѣло и горѣло бы сердце“. Слѣдуетъ, наконецъ, *обращеніе къ стихіямъ* за помощью (напр., „сойди ты, мѣсяцъ...“ и пр.) и затѣмъ *замыканіе* заговора: („мое слово крѣпко“) [1].

Взгляды ученыхъ на происхожденіе заговоровъ.

Ученые различно объясняли исторію заговоровъ: одни думали, что заговоръ — полузабытая языческая молитва. Другіе доказывали, что это—желаніе, прикрытое символомъ. Въ такомъ толкованіи заговоръ не отличается отъ проклятія и благословенія. Наконецъ, третьи объясняли заговоръ вѣрой въ особое таинственное значеніе нѣкоторыхъ словъ, или ихъ сочетанія. Конечно, всѣ эти толкованія должны быть приняты въ извѣстной мѣрѣ.

Смѣшеніе язычества и христіанства въ заговорахъ.

Черты язычества и христіанства перемѣшивались въ заговорахъ курьезнымъ образомъ: рядомъ съ призываніемъ Николы Чудотворца, Зосимы и Савватія, появляются „двоевѣрные“ образы „12 дочерей Ирода—трясавицъ“, „бабушки Соломониды“, —и, наконецъ, чисто-языческіе—dii minores (домовой, лѣшій и др).

Заговоръ на любовь.

Приведу, для образца, два заговора,—дѣвушка заговариваетъ любовь молодца къ себѣ: «стану я, раба (такая-то) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чисто-поле, въ подвосточную сторону; въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской—тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ — красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу (такую-то), дожидался бы, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матерная молока не можетъ жить, такъ бы рабъ (такой-то), не могъ бы, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренней зарѣ, ни на вечерней, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердце рабу (такому-то), разростись и разойдись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ (такой-то)».

Заговоръ на разлуку съ сыномъ.

Полонъ поэзіи и любви также «заговоръ родимой матушки на разлуку съ милымъ дитяткою». Начинается оно такъ: «разрыдалась я, родная, раба (такая-то) въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной

---

[1]) Эта схема выдержана далеко не во всѣхъ заговорахъ. Большинство состоитъ изъ второй и третьей части, или изъ второй и четвертой.

утренней зарей во чисто-поле глядючи, на закатѣ ненагляднаго дитятки своего, яснаго солнышка (такого-то)».

Далѣе подробно разсказывается церемонія заговора: «пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ нагорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною и возговорила зычнымъ голосомъ». Далѣе слѣдовало, вѣроятно, мимическое изображеніе дѣйствій, о которыхъ сказано въ заговорѣ: «умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, чело думное, ланиты красныя, освѣщаю свѣчою обручальною его становой кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря»...

Далѣе слѣдуетъ перечень тѣхъ силъ, отъ которыхъ долженъ былъ спасти заговоръ: чортъ страшный, вихорь бурный, лѣшій одноглазый, *чужой домовой* [1]), злой водяной, вѣдьма кіевская, моргунья-русалка, треклятая Баба-Яга, летучій змѣй огненный, воронъ вѣщій, ворона-каркунья, Кощей-Ядунъ... Въ случаѣ смерти сына, мать заговариваетъ его послѣднія минуты: «а придетъ часъ твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ...»

Замыканіе тоже очень сильно: «А будь мое слово выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчае горючаго камня Алатыря, могучае богатыря!..»

Характеристика этого заговора.

Въ этомъ любопытномъ произведеніи передъ нами и весь обрядъ заговора, несомнѣнно, прежде выполнявшійся строго—передъ нами и лирика материнской души, и прекрасное описаніе молодца,— наконецъ, весь сонмъ фантастическихъ злыхъ полубоговъ, которые олицетворяли всѣ, въ своей совокупности,—зло и тревогу земли... Обращенія къ стихіямъ въ заговорахъ также часты и иногда очень поэтичны. Обращеніе Ярославны (изъ „Слова о полку Игоровѣ“) къ солнцу, Днѣпру и вѣтру — одинъ изъ древнѣйшихъ образчиковъ заговора этого рода. Въ такомъ же родѣ обращенія, въ родѣ слѣдующихъ: „Гой еси, буйный вѣтеръ, пособи и помоги мнѣ“, или „гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты хлѣбъ мой, а жги и пали полынь-траву“. Красиво начало многихъ заговоровъ: „оболокусь оболоками, подпояшусь красною зарею, огорожусь свѣтлыми мѣсяцами, обтычусь частыми звѣздами и освѣчусь я краснымъ солнышкомъ“.

Въ основѣ многихъ заговоровъ лежитъ какое-то древнее по-

---

[1]) Ясное указаніе на слѣды родового быта (см. выше стр. 4—5).

вѣрье. Такъ, въ заговорѣ „отъ засухи“ говорится о вбиваніи осиноваго кола въ чрево какого-то еретика-чудовища, которое держитъ плодородіе.

История „заговора отъ лихорадки“.

Нѣкоторые заговоры прежде, чѣмъ дойти до русской деревни, сдѣлали большое путешествіе. Такъ, заговоръ противъ „трясавицы“-лихорадки заключаетъ, въ основѣ своей, преданіе, дошедшее къ намъ изъ Ирана. Заговоръ этотъ иначе называется: „Молитва св. Сисинія“.

«Сисиній стоялъ на берегу моря: изъ воды вышли 12 бабъ «простоволосыхъ»—это дочери Ирода (Ледѣя, Пухлѣя, Желтѣя и т. д.,—имена, показывающія разные признаки лихорадки). По молитвѣ святого [1]), являются архангелы и избиваютъ 12 бабъ. У грековъ, отъ которыхъ мы заимствовали свой заговоръ, онъ является спачала въ видѣ пространнаго разсказа. У какой-то Мелитины, жившей въ Аравіи, чудовище Гилло похищало дѣтей. Братья ея, Сисиній и Сисинодоръ, узнавъ объ этомъ, отправляются въ погоню за Гилло на крылатыхъ коняхъ. Они спрашивали по дорогѣ у вербы и терновника, не видѣли-ли тѣ Гилло; деревья не сказали правды, за что были прокляты: верба сдѣлалась навсегда кривымъ деревомъ, а терновникъ—колючимъ. Гилло, спасаясь отъ братьевъ, обращается въ рыбу, ласточку—тѣ, преслѣдуя ее, обращаются то въ рыбаковъ, то въ соколовъ. Наконецъ, Гилло обратился въ козлиный волосъ въ царской бородѣ. Волосомъ овладѣли братья; побѣжденное чудовище, спасая свою жизнь, дало братьямъ средство отъ лихорадки (написать 12 его именъ и нѣсколько молитвъ).

Сисиній—историческое лицо; это—еретикъ секты манихеевъ, создавшейся подъ вліяніемъ иранскихъ вѣрованій въ борьбу двухъ началъ: добраго и злого.

Былевой эпосъ.

§ 16. *Былевой эпосъ* [2]) состоитъ изъ отдѣльныхъ эпическихъ пѣсенъ о подвигахъ богатырей; пѣсни эти, обыкновенно, называются „былинами“. Такое названіе совершенно-искусственное, книжное,—народъ называетъ эти пѣсни „старинами“, „старинками“. Въ самыхъ пѣсняхъ былевыхъ нѣтъ слова „былина“, а всегда—„старина“. „То старина,—то и дѣяніе“—или: „тѣмъ старина и кончилась“—или: „благословите, братцы, старину ска-

„Былины“—„старины“.

[1]) Эта „молитва легла въ основу заговора. Сначала перечисляются имена „трясавицъ“, затѣмъ читается самая молитва: „заклинаю васъ св. великимъ апостоломъ Сисиніемъ и святыми евангелистами Лукою, Матѳеемъ, Іоанномъ. Побѣгите отъ раба Божія (имя), и я призову на васъ великаго апостола Сисинія и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳея, Іоанна и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ въ день“. Послѣ этой молитвы священникъ поитъ больного святой водой съ креста, говоря: „крестъ — всей вселенной хранитель, всѣмъ церквамъ — красота; крестъ — апостоламъ похвала“ и пр.

[2]) „Историч. хрестоматія“ I, 25—54.

зать!“ — такими словами начинается, или оканчивается „сказыванье“ былины.

Самое слово „богатырь“ тоже вызвало цѣлую литературу. Ученые, стоящіе на миѳологической точкѣ зрѣнія, производили это слово отъ слова „богъ“ чрезъ прилагательное „богатъ“, т. е. богатырь для нихъ былъ существомъ, „богатымъ“ высшими качествами, — героемъ, происшедшимъ отъ бога [1]), „богато одареннымъ, силами обильнымъ“.

„Богатырь“.

Даль въ своемъ „словарѣ“ отмѣтилъ слово „богатырь“, какъ татарское. И это толкованіе взяло верхъ; было указано, что— 1) слово это присуще изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, только русскому и польскому (въ южно-славянскомъ — *юнакъ*), т. е. встрѣчается лишь у тѣхъ народовъ славянскихъ, которые столкнулись съ татарами,—а 2) у русскихъ оно появляется въ лѣтописи только послѣ нашествія татаръ и, прежде всего, исключительно въ примѣненіи къ татарскимъ воеводамъ [2]), въ качествѣ ихъ титула. Въ древнерусской письменности, еще не знавшей этого слова, мы встрѣчаемъ, вмѣсто слова „богатырь“ — *кметъ*, *мужъ*, *воинъ*, *храборъ* (хороборъ, хороберъ, добль, = храбрый, славный), — рѣже *витязь*, а позднѣе — *удалецъ*, *рѣзвецъ*.

„Кметъ“, „мужъ“, „храборъ“.

Былинами Кіевскими называются тѣ эпическія пѣсни, содержаніе которыхъ пріурочено къ городу Кіеву, связано съ именемъ князя Владиміра, или съ тѣми богатырями, которые служили ему.

Былины Кіевскія.

Кн. Владиміръ былъ популяренъ въ свое время. По происхожденію своему, онъ былъ первый князь изъ „рюриковичей“ на половину славянской крови (сынъ Святослава и Ольгиной служанки — славянки Малуши). Быть можетъ, поэтому на него косо смотрѣли чистокровные варяги-норманны (напримѣръ, Рогнѣда не хотѣла идти за него замужъ). Къ тому же, войдя въ силу, онъ повелъ борьбу съ дружинниками-варягами, уменьшилъ ихъ значеніе на Руси. Это не могло не понравиться славянамъ. Онъ первый изъ князей пересталъ смотрѣть на русскую землю, какъ на источникъ обогащенія себя и дружины, а сталъ заботиться объ ея процвѣтаніи, — такъ, много энергіи онъ употребилъ для защиты

Личность Владиміра и отношеніе къ нему современниковъ.

---

[1]) Противоположностью слова „богатырь“ является, по мнѣнію миѳологовъ, слово „убогій“—т. е. лишенный милости бога.

[2]) Въ различныхъ формахъ: „батуръ“, „батырь“, „баторъ“, „богадуръ“. Въ лѣто 6748 (—1240) среди воеводъ Батыя именуются Объдяй-богатырь, Бурундай-богатырь и мн. др.

Кіевской Руси отъ кочевниковъ (постройка ряда городовъ, крѣпостей); онъ сознательно распространялъ цивилизацію въ средѣ племенъ, родственныхъ полянамъ, — самое крещеніе его и бракъ на византійской княжнѣ имѣли цѣлью сдѣлать изъ кіевскаго княжества просвѣщенное передовое государство, сильной дружбой съ Византіей.

Кромѣ того, Владиміръ отказался отъ походовъ, напоминавшихъ собой разбойничьи набѣги (ср. походы Олега, Игоря, Святослава), и потому дружинники его не могли уже такъ наживаться, какъ при его предшественникахъ. Это также было причиной, что много недоброжелателей было у него среди дружинниковъ-варяговъ, привыкшихъ смотрѣть на себя, какъ на хозяевъ русской земли,—но, съ другой стороны, все это сдѣлало его очень популярнымъ въ средѣ славянъ-полянъ. Усиленіе Кіева, начавшееся благодаря ему, тоже не могло нравиться сосѣднимъ племенамъ.

Отраженіе этихъ отношеній въ пѣсняхъ.

Такое различное отношеніе къ нему различныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества вызвало и различныя пѣсни, ему посвященныя — сочувствующія и враждебныя: однѣ складывались у славянъ (полянъ), другіе у ихъ враговъ, или въ средѣ дружинниковъ-варяговъ, — всѣ онѣ, современемъ, слились въ одинъ „циклъ“ („кругъ“), но противорѣчивыя черты въ обрисовкѣ Владиміра остались непримиренными: съ одной стороны, онъ—„Красное Солнышко,“ „свѣтлый“, „пресвѣтлый“, „ласковый“,—съ другой—коварный, трусливый, неблагодарный, жадный, и распутный.

Илья Муромецъ.

Главными богатырями, служившими Владиміру, были Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. *Илья Муромецъ,* по былинамъ—самый популярный богатырь русскаго народа,—о немъ сложено всего больше пѣсенъ; по нимъ можно написать всю его біографію.

Характеристика его.

Этотъ „матерой“ казакъ — спокойный и сознательный слуга своему отечеству. Нѣтъ въ немъ никакихъ порывовъ, не знаетъ онъ увлеченій; жизнь его протекаетъ спокойно и ровно, по завѣтамъ русской старины: онъ богомоленъ, охотно дѣлаетъ добрыя дѣла; когда ненужно, не проливаетъ крови: онъ — защитникъ вдовъ и сиротъ. Въ немъ такъ все уравновѣшено, такъ соотвѣтствуетъ укладамъ русской жизни, что изъ всѣхъ богатырей онъ менѣе всѣхъ подверженъ случайностямъ,—*судьба надъ нимъ безсильна.*

Его любитъ мать-сыра-земля, потому что онъ — „крестьян-

скій сынъ“. Это придаетъ ему своеобразный демократизмъ, который удачно подчеркнутъ гр. Алексѣемъ Толстымъ въ его балладѣ: „Илья Муромецъ“. Этотъ демократизмъ дѣлаетъ его иногда нежелательнымъ гостемъ въ гридницѣ князя, а его заставляетъ, порвавъ сношенія съ княземъ, искать общества съ „голью кабацкой“. По былинамъ, жизнь Ильи складывается слѣдующимъ образомъ:

Пріобрѣтеніе имъ силы.

Въ селѣ Карачаровѣ, около города Мурома, жилъ крестьянинъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ. Тридцать три года онъ «сидѣлъ въ сидняхъ», не владѣя ногами. Однажды, когда онъ одинъ оставался дома, зашли въ избу калики перехожіе («Христосъ и два апостола») и попросили у него испить. Илья отказался дать имъ воды, ссылаясь на свое неумѣніе ходить, но они настаивали; по ихъ приказанію, Илья попробовалъ подняться—и вскочилъ, «ровно встрепанный». Онъ принесъ странникамъ чашу въ полтора ведра, но они заставили его отпить первымъ. Едва Илья выпилъ, онъ вдругъ почувствовалъ такой приливъ силы, что, если бы отъ земли до неба былъ столбъ, а въ столбѣ томъ было бы кольцо,—онъ, по собственному его признанію, могъ бы, взявшись за это кольцо, перевернуть всю землю. Странники потребовали еще второй чаши и заставили Илью испить и эту вторую чашу. Силы въ немъ убавилось вдвое. Калики тогда простились съ Ильей, сдѣлавъ ему наставленіе, чтобы онъ никогда не вступалъ въ бой съ Святогоромъ-богатыремъ, Самсономъ-богатыремъ, съ Микулой и его родомъ и съ чародѣемъ Вольгой Всеславьичемъ. Затѣмъ они научили Илью, какъ ему добыть богатырскаго коня, и скрылись. Илья сейчасъ же отправился въ поле и принялся за мужицкую работу: сталъ очищать поле отъ дубья-колодья («корчевать»).

Отъѣздъ изъ родного дома.

Добывъ себѣ коня, Илья сталъ просить у отца разрѣшенія пуститься въ путь «богатырствовать». Отецъ далъ ему благословеніе, со словами: «я на добрыя дѣла тебѣ благословеніе дамъ, а на худыя дѣла благословенія нѣтъ. Поѣдешь ты путемъ-дорогою, не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина».

Встрѣча съ разбойниками.

Поѣхалъ Илья по чисту полю: конь его, какъ лютый звѣрь, Илья на конѣ, какъ ясный соколъ. Подъѣхали къ Ильѣ станишники-разбойники, хотѣли они его ограбить, но онъ снялъ съ плеча богатырскаго лукъ и пустилъ стрѣлу въ дубъ. Отъ одного «пѣнья» тетивы, разбойники попадали съ коней; стрѣла же, угодивъ въ дубъ, разбила его въ мелкія черепья. Пять часовъ безъ памяти пролежали разбойники. Когда же они пришли, наконецъ, въ себя, то стали приглашать Илью къ себѣ атаманомъ, но Илья не согласился и отправился дальше.

Освобожденіе Чернигова отъ татаръ.

Подъѣзжая къ Чернигову, Илья увидалъ, что несмѣтная сила татарская обложила городъ: стоятъ у Чернигова три царевича, у каждаго по сорока тысячъ силы. Илья рѣшился «переступить» заповѣдь отца,—взялъ свою саблю боевую и сталъ «по силушкѣ» погуливать: гдѣ повернется,—тамъ улица,—поворотится—тамъ площади. Всю силу онъ избилъ, оставилъ въ живыхъ только царевичей,—ихъ онъ отправилъ во-свояси, на ихъ родину, чтобы тамъ они разсказали, что на «святой Руси» есть могучіе богатыри. Князья-бояре черниговскіе и мужики-черниговцы просили

его сдѣлаться воеводой въ ихъ городѣ, но Илья отказался отъ этой чести и попросилъ указать ему кратчайшую, «прямоѣзжую» дорогу въ Кіевъ. Ему отвѣтили, что «прямоѣзжая» дорога «заколодила-замуравила», такъ какъ у «Грязи черныя», у «березы проклятыя, у славнаго креста Леванидова», у рѣчки Смородинки» «засѣлъ Соловей-разбойникъ»: не только людей онъ не пропускаетъ, но и «сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиваетъ, черный воронъ не пролетываетъ».

Побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ.

Поѣхалъ Илья «дорогой прямоѣзжей», увидѣлъ столбъ, съ надписью, предостерегавшей всѣхъ ѣхать прямо. Илья всетаки отправился. По дорогѣ онъ прокладываетъ и очищаетъ дорогу, моститъ мосты... Когда онъ подъѣхалъ къ семи дубамъ, на которыхъ сидѣлъ Соловей, тотъ закричалъ по-звѣриному, засвисталъ по-соловьиному, зашипѣлъ по-змѣиному. Конь Ильи упалъ на колѣни, но Илья сохранилъ мужество, схватилъ свой тугой лукъ и выстрѣлилъ въ Соловья; стрѣла попала разбойнику въ правый глазъ. Илья привязалъ Соловья къ стремени и поѣхалъ къ его жилищу. Увидавъ отца въ несчастьи, дѣти его сначала хотѣли напасть на Илью, но мать удержала ихъ и убѣдила лучше поднести богатырю щедрые дары, чтобы онъ отпустилъ ихъ отца, ея мужа, на волю. Въ нѣкоторыхъ былинахъ разсказывается, впрочемъ, что одна изъ дочерей Соловья хотѣла убить богатыря стопудовой булатной подворотней; она ударила Илью по головѣ, но онъ ударъ выдержалъ и убилъ ее.

Прибытіе къ кн. Владиміру.

Пріѣхалъ Илья въ Кіевъ и отправился прямо къ князю Владиміру; коня, съ Соловьемъ-разбойникомъ у стремени, привязалъ онъ въ широкомъ дворѣ къ золоченому кольцу, а самъ пошелъ въ гридницу. Владиміръ пригласилъ богатыря къ столу «хлѣба кушати, бѣлы лебеди рушити». Когда Илья разсказалъ князю, что только наканунѣ выѣхалъ изъ Мурома и на дорогѣ совершилъ столько подвиговъ, Владиміръ ему не повѣрилъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, Илья показываетъ ему Соловья. Владиміръ сталъ просить, чтобы Соловей закричалъ по-звѣриному и засвисталъ по-соловьиному. Илья приказалъ ему закричать въ «пол-крика», засвистать въ «пол-свиста». Соловей закричалъ въ полный голосъ, а всѣ въ Кіевѣ попадали на землю, самъ князь поползъ на карачкахъ. За непослушаніе Илья убилъ Соловья.

Три поѣздки Ильи Муромца.

Однажды, во время многочисленныхъ своихъ поѣздокъ, Илья встрѣтилъ на распутьи трехъ дорогъ горючій камень съ надписью: «въ одну дороженьку ѣхать—убиту быть, въ другую ѣхать—женату быть, а въ третью ѣхать—богату быть». Илья рѣшился испытать свою судьбу и поѣхалъ сначала той дорогой, которая ему сулила смерть.

Ѣхалъ онъ по этой дорогѣ, и вдругъ напало на него сорокъ тысячъ разбойниковъ. Илья взялъ свою палицу въ девяносто пудъ и сталъ «пощелкивать» разбойниковъ; скоро они были всѣ перебиты, а Илья вернулся къ распутью и поправилъ надпись на камнѣ, добавивъ слова: «въ ту дорожку ѣздилъ—убитъ не былъ».

Отправился Илья по той дорогѣ, которая обѣщала ему женитьбу. Скоро пріѣхалъ онъ къ огромнымъ палатамъ («городомъ назвать ихъ—малы для этого, селомъ назвать—велики»). Ласково встрѣтила его прекрасная королевична, угостила его и потомъ предложила отдохнуть на

кровати. Кровать была устроена такъ, что всякій, ложившійся на нее, проваливался въ погребъ. Осторожный Илья сперва толкнулъ на кровать королевичну, и та провалилась въ погребъ, въ которомъ уже томилось немало добрыхъ молодцовъ, витязей и богатырей. Илья освободилъ всѣхъ изъ заточенія, а красавицу-королевичну убилъ и палаты ея сжегъ. Вернувшись къ распутью, онъ сдѣлалъ къ надписи еще добавленіе: «въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ».

Поѣхалъ Илья по третьей дорогѣ и скоро увидалъ глубокіе погреба, полные несмѣтныхъ богатствъ: золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Илья не былъ корыстенъ, и всѣ богатства употребилъ на постройку монастырей богомольныхъ, церквей соборныхъ. Вернувшись къ камню, онъ передѣлалъ и послѣднюю надпись: «какъ въ тую дорожку ѣздилъ — богатъ не былъ». Такъ безсильна оказалась «судьба» надъ любимымъ богатыремъ русскаго народа.

Отношенія Ильи къ богатырямъ русскимъ и кн. Владиміру.

Обладая силой физической и духовной, онъ занялъ первое мѣсто среди владиміровыхъ богатырей. И Добрыня, и Алеша признали его «большимъ братомъ», съ Добрыней онъ даже помѣнялся крестами, сдѣлался «названнымъ крестовымъ братомъ». Но князь Владиміръ однажды обнаружилъ къ нему неуваженіе,—всѣхъ богатырей пригласилъ къ своему столу, не пригласилъ одного Илью. Это оскорбило его, и онъ, чтобы досадить князю, собралъ «голь кабацкую», посбивалъ стрѣлами «маковки золоченыя» съ Божьихъ церквей и, продавъ ихъ, угостилъ пьяницъ и бродягъ кіевскихъ. Грандіозный разгулъ богатыря испугалъ князя, и Добрыня былъ отправленъ къ Ильѣ для переговоровъ. Илья прощаетъ князя только потому, что посланъ былъ Добрыня,—иначе смерть постигла бы и самого князя, и его жену: «а было намѣреніе наряжено, говоритъ онъ,—натянуть тугой лукъ разрывчатый, а класть стрѣлочки каленыя, стрѣлить въ гридню во столовую, убить тебя, князя Владиміра». Это единственный случай въ его жизни, отмѣченный былинами, когда Илья даетъ свободу своимъ страстямъ.

Илья въ заточеніи.

Однажды Владиміръ устроилъ пиръ для своихъ придворныхъ—князей и бояръ; богатырей онъ не позвалъ. Илья явился безъ зову. Владиміръ, разсерженный его появленіемъ, приказалъ его живьемъ закопать въ подвалы, чтобы тамъ онъ умеръ голодною смертью. Богатыри разгнѣвались на поступокъ князя, оставили его дворъ, поѣхали въ чистое поле и остановились на заставѣ.

Побѣда Ильи надъ Калиномъ-царемъ.

Прошло три года. Подступилъ подъ Кіевъ Калинъ-царь съ несмѣтнымъ полчищемъ татаръ: лошадиный паръ мрачилъ мѣсяцъ и солнце, отъ духу татарскаго тяжело было дышать въ городѣ. Калинъ-царь надменно обращается съ Владиміромъ,—его посолъ приноситъ князю грозныя грамоты и невѣжливо ведетъ себя въ палатахъ князя. Владиміръ не былъ въ силахъ бороться съ Калиномъ и готовъ былъ исполнить всѣ его требованія, какъ вдругъ отъ жены своей онъ узнаетъ, что Илья живъ, что всѣ три года его тайкомъ кормили. Илья освобожденъ и, по просьбѣ князя, отправляется въ бой. Илья выѣзжаетъ въ поле и видитъ несмѣтную силу татарскую. Поѣхалъ онъ къ богатырямъ русскимъ, три года прожившимъ на заставѣ вдали отъ двора. Они отказываются биться за Владиміра, и Илья ѣдетъ одинъ противъ татаръ. Много избилъ онъ враговъ мечомъ, много пере-

топталъ конемъ, а силы татарской все еще оставалось немало. Конь Ил провѣщился человѣчьимъ голосомъ,—онъ сказалъ Ильѣ, что Калинъ-цар устроилъ въ полѣ три подкопа, и въ одномъ изъ нихъ Илья будетъ захва ченъ. Такъ и случилось. Илья попалъ въ плѣнъ и связанный былъ пр веденъ къ татарскому царю. Илья отказался служить татарамъ и, во пользовавшись свободой, безъ оружія, помахивая татариномъ, какъ д биною, пробился на волю, нашелъ своего коня, и, вмѣстѣ съ другим богатырями русскими, перебивъ всѣхъ татаръ, полонилъ самого царя.

Побѣда Ильи надъ Идолищемъ.

Послѣ двѣнадцатилѣтней отлучки возвращался Илья въ Кіевъ къ Вла димиру; по дорогѣ встрѣтилъ онъ калику перехожаго (Старчище-Иванищ или Данилу Игнатьевича). Отъ него Илья узнаетъ, что въ Кіевѣ небла гополучно. Завладѣлъ городомъ и княземъ Идолище Поганое. Переодѣлс Илья нищимъ-каликою и, неузнанный, вошелъ въ палаты князя. Распа лился гнѣвомъ Идолище на то, что несмотря на его запрещеніе просить по даяніе, какой-то нищій зашелъ въ самыя палаты княжескія. Илья объяс няетъ Идолищу, что пришелъ издалека и не зналъ запрещенія нищенствоват Идолище вступилъ въ разговоръ съ Ильей и сталъ его вывѣдывать, не встрѣ чалъ ли онъ Илью Муромца, не знаетъ ли онъ, сколько Илья хлѣба ѣст и сколько пива пьетъ. Узнавъ, что русскій богатырь и въ ѣдѣ, и въ питьт отличается умѣренностью, Идолище сталъ потѣшаться надъ русскимъ бо гатыремъ, указывая на себя и хвастаясь, что онъ заразъ съѣдаетъ хлѣб по три печи, пива выпиваетъ по сороковой бочкѣ. Илья на это сказалъ что у отца Ильи была старая корова; однажды она обожралась и трес нула... „И съ тобой то же будетъ!"—замѣтилъ онъ Идолищу. Разгнѣ вался Идолище и метнулъ въ дерзкаго кинжаломъ. Илья отстранился, кин жалъ пролетѣлъ мимо. Тогда Илья, не имѣя подъ рукой ничего, болѣ подходящаго, своей шляпой ударилъ Идолище и разсѣкъ его на полы.

Побѣда Ильи надъ сыномъ—Сокольникомъ.

Однажды мимо заставы богатырской проѣхала удалая богатырша поленица Баба Горынинка, или Латыгорка. Никто изъ богатырей не мог съ ней справиться,—только Илья одержалъ надъ нею верхъ. Онъ женилс на ней, и потомъ они разстались. Она уѣхала на родину. Сынъ ея от брака съ Ильей (въ разныхъ былинахъ и имена ему различныя: Сокол никъ, Соловникъ, Збутъ-королевичъ, Жидовинъ и др.), выросши и сдѣлав шись богатыремъ, отправился на Русь, чтобы отомстить своему отцу-Ильѣ за то, что онъ своей побѣдой надъ бабой-Горынинкой лишилъ ее слав непобѣдимой богатырши. Сокольникъ проѣхалъ богатырскую заставу Утромъ по «ископыти» (слѣдъ копыта въ землѣ) богатыри убѣждаются что, во время ихъ сна, на Русь проѣхалъ какой-то сильный витязь Одинъ за другимъ ѣдутъ богатыри вслѣдъ за Сокольникомъ, но никт изъ нихъ удачи не видалъ: Алешу Поповича Сокольникъ, попросту, от шлепалъ шелепугой подорожною; Добрыня самъ испугался, и, не всту пивъ въ бой, вернулся къ заставѣ. Поѣхалъ за Сокольникомъ Илья. Долг бились они; наконецъ, верхъ взялъ Сокольникъ, онъ повалилъ Илью и издѣваясь надъ старымъ богатыремъ, хотѣлъ, было, кинжаломъ «пороть ему груди бѣлыя, но у Ильи, «лежучи, силы прибыло»,—онъ изловчился подбросилъ Сокольника на воздухъ «выше лѣса стоячаго». Онъ подхва тилъ Сокольника, хотѣлъ, въ свою очередь, убить его, но изъ рѣче юноши убѣдился, что передъ нимъ его сынъ. Илья прощаетъ ему ег

вину, но, за свою снисходительность, едва не платится: Сокольникъ хотѣлъ зарѣзать его спящаго. За такое коварство Илья убиваетъ его.

Опредѣленіе личности Ильи. Три ученыя школы, изучавшія народную поэзію, каждая по своему, объяснили образъ Ильи. Представители «миѳологической школы» (Аѳанасьевъ и Ор. Миллеръ) въ Ильѣ Муромцѣ усмотрѣли народное воспоминаніе о «богѣ-громовникѣ». «Окованный зимнею стужею богатырь-громовникъ «сиднемъ сидитъ» безъ движенія, пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьетъ ледяныхъ оковъ и не претворитъ снѣжныя тучи въ дождевыя,—только тогда зарождается въ немъ сила поднять молніеносный мечъ и направить его противъ темныхъ демоновъ». «Соловей-Разбойникъ—олицетворяетъ демона бурной, грозовой тучи; его свистъ—завываніе бури. Идолище-поганое—это черная туча, застилающая ясное солнце—Владимира. Нуженъ ударъ Ильи, бога-грома, чтобы разсѣять эту тучу.

Илья съ точки зрѣнія „миѳологической школы".

Историки-славянофилы увидѣли въ Ильѣ «олицетвореніе дружины земской»,—міра-народа, служилой силы, народа-пахаря... Преклоняясь передъ добродѣтелями простого русскаго народа,—его беззлобіемъ, почитаніемъ родителей, скромностью, безкорыстнымъ служеніемъ родинѣ, они увидѣли воплощеніе всѣхъ этихъ качествъ въ Ильѣ (К. Аксаковъ и Ор. Миллеръ)—и потому усмотрѣли въ русскомъ богатырѣ воплощеніе «идеаловъ русскаго народа». Борьба, которую пришлось вести Ильѣ съ чудовищами, вродѣ Идолища-Поганаго—была ими признана, какъ олицетвореніе вѣковой борьбы Руси со степью (печенѣги, половцы и татары).

Илья съ точки зрѣнія „славянофиловъ".

Школа «заимствованія» въ разсказахъ о подвигахъ и приключеніяхъ Ильи указала много общаго съ разсказами, встрѣчающимися въ эпосахъ скандинавскомъ, германскомъ, кельтскомъ, южнославянскомъ, византійскомъ, иранскомъ, кавказскомъ, киргизскомъ, эстонскомъ... Такъ, разсказъ о чудесномъ пріобрѣтеніи силы человѣкомъ, до тѣхъ поръ отличавшимся слабостью, встрѣчается и въ житіяхъ святыхъ, и во многихъ скандинавскихъ сагахъ. Въ одной сагѣ (о Тетлейфѣ Датскомъ) герой, какъ Илья, — сынъ крестьянина, долго своей силы не обнаруживалъ, былъ запечнымъ лежебокою. Внезапно онъ получаетъ силу и отправляется въ путь. Отецъ и мать снаряжаютъ его и даютъ совѣтъ не биться съ Тидрекомъ и его дружиной (ср. совѣтъ странниковъ Ильѣ не биться со старшими богатырями). Кромѣ того, родители совѣтуютъ богатырю быть кроткимъ и милосерднымъ, равно относиться къ богатымъ и бѣднымъ. Бой героя съ Зигурдомъ-разбойникомъ, кончившійся для послѣдняго неудачею, приводитъ его въ домъ Зигурда. Здѣсь дочь побѣжденнаго хочетъ убить Тетлейфа, какъ дочь Соловья — Илью. Изслѣдователи сопоставляютъ съ Ильей и Кралевича Марка (героя сербскаго эпоса) и также между обоими находятъ много сходства. Первый подвигъ Марка—корчеваніе поля, второй—битва съ Муссй-разбойникомъ, который заложилъ прямоѣзжую дорогу. Бой Марка съ великаномъ «Джидовомъ», который даже не чувствуетъ ударовъ богатыря, а потомъ безъ труда его связываетъ, напоминаетъ бой Ильи съ Святогоромъ. Любопытно также сближеніе былины о боѣ Марка и Неды-«джидовина». Въ подробностяхъ обѣ пѣсни соприкасаются: «степи цыцарскія», гдѣ происходитъ бой Ильи—

Илья съ точки зрѣнія „школы заимствованія".

a) Сага о Тетлейфѣ.

b) Пѣсня о Марко-Кралевичѣ.

это «дороги цесарскія»—гдѣ бьется Марко; голову побѣжденнаго Жидовина Илья, подобно Марку, приноситъ къ товарищамъ—ни одинъ русскій богатырь, кромѣ этого случая, не отсѣкаетъ головы у побѣжденнаго врага. Королевична, съ которой встрѣчается Илья, отчасти напоминаетъ собою извѣстную героиню кавказскихъ сказаній—царицу Тамару. Сторонники «восточныхъ» вліяній на русскій эпосъ усмотрѣли сходство между Ильей и Рустемомъ, персидскимъ богатыремъ, героемъ поэмы «Шахъ-Намэ». Такъ, по словамъ проф. Вс. Миллера, «личность Рустема значительно повліяла на нашего національнаго богатыря. Какъ Илья, такъ и Рустемъ, вначалѣ были надѣлены непомѣрной силой, которая потомъ уменьшилась наполовину; въ минуту опасности, по молитвѣ, имъ обоимъ возвращается сила; оба они любятъ хорошо выпить; при борьбѣ съ противникомъ поднимаютъ его вверхъ и бросаютъ на землю; и тотъ, и другой отличаются спокойнымъ мужествомъ, нестяжательностью, благочестіемъ, великодушіемъ; оба занимаютъ почетное мѣсто среди другихъ богатырей и безкорыстно служатъ отечеству». Не только въ «иранскомъ эпосѣ» встрѣчается разсказъ о боѣ отца съ сыномъ,—онъ встрѣчается и въ кавказскихъ сказаніяхъ, и у эстонцевъ, и у киргизовъ. Очевидно, у разныхъ народовъ онъ сложился еще въ эпоху матріархата (см. выше стр. 4), когда сынъ не зналъ отца и легко могъ вступить съ нимъ въ бой.

c) Поэма о Рустемѣ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, сколько общаго нашла школа «заимствованій» въ русскомъ эпосѣ съ эпосами другихъ народовъ. Это заставляло тѣмъ осторожнѣе обращаться съ народнымъ творчествомъ, въ которомъ оказалось очень много чужого. Вотъ почему школа «заимствованій» разрушила почти всѣ предположенія мифологовъ и славянофиловъ.

Илья съ точки зрѣнія „исторической школы".

Въ Ильѣ Муромцѣ представители *исторической* школы предлагаютъ, между прочимъ, видѣть историческое лицо — *дядю князя Владимира*, Добрыню. Лѣтопись выдвигаетъ этого Добрыню, какъ руководителя и помощника юнаго Владимира: онъ добываетъ ему въ жены Рогнѣду, помогаетъ ему управлять Новгородомъ. Настоящее имя этого дяди Владимира въ однѣхъ былинахъ сохранилось (былины о Добрынѣ), въ другихъ замѣнилось именемъ другого богатыря—Ильи [1]). Германскія саги знаютъ этого русскаго витязя Илью (Ilias von Riuzen), съ которымъ связаны довольно близко дѣянія лѣтописнаго дяди Владимира: этотъ Ilias—дядя короля Орнита, добываетъ ему невѣсту, выручаетъ изъ стѣсненнаго положенія и пр. Въ норвежской сагѣ «Тидрекъ-сага» Иліасъ,—«великій воевода и могучій боецъ», братъ Вольдемара, короля Pulinaland (земля полянъ или поляковъ).

---

[1]) Популярнымъ лицомъ въ старомъ эпосѣ былъ Олегъ, который въ малолѣтствѣ Игоря игралъ при немъ ту-же роль, что Добрыня при Владимирѣ. Вѣроятно, поэтому и пѣсни объ обоихъ (Олегѣ и Добрынѣ) были сходны до нѣкоторой степени. Оттого возможно сліяніе старыхъ пѣсенъ объ Олегѣ съ позднѣйшими пѣснями о Добрынѣ. Переходъ имени „Олегъ" въ имя „Илья" возможенъ.—по крайней мѣрѣ, имя Ilias употребляется въ германскихъ и норвежскихъ сагахъ наряду съ Eligas—откуда недалеко до формы Олегъ („Ольгъ", или народная, — „Вольга"). Если это допустить, то, быть можетъ, и двойственныя черты въ образѣ былиннаго Владимира объясняются тѣмъ, что въ немъ слились черты Владимира и Игоря (изъ пѣсенъ объ Олегѣ), дѣйствительно, коварнаго и корыстолюбиваго князя.

О крестьянскомъ происхожденіи богатыря старыя записи былинъ (до XIX ст.) ничего не знаютъ,—очевидно, «мужикомъ» Илья сдѣлался сравнительно недавно, — только съ тѣхъ поръ, какъ героическій эпосъ спустился въ крестьянскую среду. Тамъ, въ этой средѣ, образъ Ильи былъ облюбованъ,—и онъ сдѣлался крестьяниномъ города Мурома села Карачарова (Ростово-Суздальской области). Самый эпитетъ «Муромецъ» тоже поздняго происхожденія: до XVII в. его всегда называли «Муравленинамъ», «Моровлиномъ», «Муровцемъ», что заставило ученыхъ искать его родину въ городахъ и мѣстечкахъ южной Россіи: въ Волынской губ. есть «Моровескъ», «Муравица»; въ Черниговской губ. — село Моровскъ, раньше—гор. Моровійскъ. Тамъ же, въ предѣлахъ древняго Черниговскаго княжества, есть и городъ Карачевъ [1]).

Крестьянское происхожденіе Ильи.

„Муромецъ“

Такимъ образомъ, судя по болѣе старыхъ пѣсняхъ, можно думать, Илья былъ сначала связанъ съ южной Русью, связь же его съ Суздальской явилась позднѣе, когда населеніе съ юга отхлынуло на сѣверъ.

Итакъ, если это предположеніе вѣрно, то основы былинъ объ Ильѣ надо искать въ пѣсняхъ о Добрынѣ, дядѣ кн. Владимира. Имя Добрыни сохранилось въ однѣхъ пѣсняхъ и замѣнилось въ другихъ именемъ Ильи так какъ пѣсни о Владимирѣ и Добрынѣ слились съ старыми пѣснями объ Олегѣ (Ilias = Eligas = Ольгъ=Вольга) и Игорѣ. Эти русскія пѣсни объ Олегѣ-Ильѣ извѣстны были германцамъ и скандинавамъ. Потомъ началось пріуроченіе къ русскимъ мѣстностямъ пѣсней о варягѣ Ilias и съ ними слились пѣсни о какомъ-то южнорусскомъ богатырѣ изъ черниговской или волынской области; затѣмъ его связали съ Суздальской землей и обратили въ Муромскаго мужика [2]).

Итоги „историческаго“ изученія Ильи.

Добрыня Никитичъ. Не такъ проста и эпически-спокойна жизнь другого богатыря—Добрыни. Самое происхожденіе его въ нѣкоторыхъ былинахъ обставляется какой-то тревогой въ природѣ: злое начало—какой-то „скиперъ-звѣрь“—обезпокоено его рожденіемъ. Отецъ Добрыни, Никита Романовичъ, родомъ изъ Рязани. „Молодой, удалой Добрынюшка—хорошаго роду-племени, гораздъ стрѣлять изъ лука, плавать, бороться, играть на гусляхъ“. Онъ вѣжливъ и обходителенъ, исполняетъ почетныя службы при дворѣ, или совершаетъ разныя тонкія дипломатическія порученія, но въ душѣ своей носитъ разладъ: онъ тоскуетъ и жалобится на свою долю богатыря: „Ахъ ты, гой еси, сударыня родна-матушка! Ты на что меня, Добрынюшку несчастнаго, спородила? Спородила бы, государыня родна-матушка, ты меня бѣленькимъ горючимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной во рукавичекъ, спустила бы меня въ сине-море; я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,—не ѣздилъ бы я,

Добрыня-Никитичъ.

[1]) Около города протекаетъ р. Смородинная, имѣется село Девятидубье. Здѣсь, по мѣстному преданію, жилъ Соловей-Разбойникъ.

[2]) Такая-же метаморфоза произошла съ заимствованной итальянской поэмой о Бовѣ; руссификація и демократизація обратила, напримѣръ, герцога Оріо—въ „посадскаго мужика Орла“. (См. 2-ой вып. I-ой части этой книги 167 стр.),

Добрыня, по чисту полю, не убивалъ бы я, Добрыня, неповинныхъ душъ, не проливалъ бы я крови напрасныя, не слезилъ бы, Добрыня, отцовъ-матерей, не вдовилъ бы, Добрыня, молодыхъ женъ, не пускалъ бы сиротать малыхъ дѣтушекъ". Нѣтъ въ немъ мужицкаго спокойствія Ильи, который на жизнь смотритъ просто, какъ на „служеніе" родинѣ. Изъ подвиговъ Добрыни главный—борьба со Змѣемъ-Горынычемъ, котораго онъ убиваетъ и, благодаря этому, освобождаетъ его плѣнниковъ и плѣнницъ. Затѣмъ, всѣ остальные подвиги Добрыни уже чисто-личнаго свойства и во всѣхъ запутаны женщины. Илья съ презрѣніемъ и грубой чистотой относится къ „бабѣ",—Добрыня мягче, нѣжнѣе, онъ тоньше чувствуетъ и оттого страдаетъ.

Добрыня и Марина.

Убивъ Тугарина, онъ подвергается мести Марины, Тугариновой любовницы. Она взяла булатный ножъ и начала «рѣзать слѣды» Добрыни (одинъ изъ видовъ колдовства), приговаривая: «горите вы, слѣдочки да Добрынины, въ той, было, въ печкѣ муравленой, горитко въ Добрынюшкѣ по мнѣ душа!» Добрыня, очарованный заговоромъ, влюбляется въ Марину, но она обращаетъ его въ «тура—золотые роги». Мать Добрыни, Мамелфа Тимофеевна, сама чародѣйка, пригрозила Маринѣ, что она обратитъ ее сорокой, если Добрынѣ не будетъ возвращенъ прежній видъ. Марина испугалась угрозы, освободила богатыря отъ чаръ и была имъ убита.

Добрыня на свадебномъ пиру своей жены.

Побѣдивъ поленицу [1]), Настасью Микуличну, Добрыня женится на ней. Его любви къ женѣ предстояло впослѣдствіи большое испытаніе. Во время его отъѣзда, Алеша Поповичъ обманулъ ее вѣстью, что Добрыня убитъ, и, при посредствѣ Владимира, готовъ былъ уже вступить съ нею въ бракъ, какъ вдругъ явился Добрыня, прибывшій на брачный пиръ, переодѣтый гусляромъ. Жена узнаетъ его по кольцу, а съ обманщикомъ Алешей Добрыня раздѣлывается по своему.

Добрыня — дядя Владимира—Тимоня.

«Историческая» школа связываетъ образъ былиннаго Добрыни и съ дядей кн. Владимира, и съ другими богатырями, которые носили это же имя и упоминаются въ лѣтописи. Такъ, въ Тверской лѣтописи товарищемъ Александра Поповича лѣтописецъ называетъ Тимоню-Златопоясъ, въ Никоновской—этотъ-же Тимоня называется *Добрыней* Рязаничемъ-Златымъ Поясомъ.

Алеша Поповичъ.

Алеша Поповичъ, и по силѣ, и по нравственнымъ качествамъ, стоитъ ниже обоихъ. Если Добрыня въ любви находитъ драматизмъ, то Алеша—только потѣху. Если Илья серьезно смотрѣлъ на свою службу, безкорыстно и строго исполняя долгъ, то Алеша на свои подвиги смотритъ, какъ на средство наживы. Къ жизни онъ относится легко,—побитый въ бою, остритъ надъ самимъ собой; въ бою онъ не храбръ, а дерзокъ,—чаще всего, дѣйствуетъ

---

[1]) „Поленица"—одинаково: „воинъ" и „воительница".

хитростью, обманомъ, любитъ ссориться, не знаетъ выдержки. Къ женщинамъ относится легко—онъ, по выраженію былины,—„бабій пересмѣшникъ". Изъ подвиговъ его—только бой съ Тугаринымъ Змѣевичемъ долженъ быть признанъ серьезнымъ. Впрочемъ, и тутъ онъ взялъ верхъ обманомъ и чуть, за корыстолюбіе, не расплатился жизнью.

Лѣтопись упоминаетъ имя богатыря Александра Поповича подъ 1224 г. Онъ родомъ изъ Ростовской земли, служилъ великому князю Всеволоду Юрьевичу, потомъ его сыну Константину, принималъ участіе въ борьбѣ, возгорѣвшейся между Константиномъ и братомъ его Юріемъ; кромѣ того, онъ, впослѣдствіи, съ другимъ богатыремъ Тимоней, помогъ своему князю одержать еще двѣ побѣды надъ Юріемъ. Александръ Поповичъ въ лѣтописи.

Послѣ смерти своего князя, онъ съ дружиною ушелъ въ Кіевъ къ князю Мстиславу Храброму. Въ битвѣ при Калкѣ Александръ Поповичъ былъ убитъ со своей дружиной,—«съ семью-десятью храбрыми». Позднѣйшія лѣтописи (Никоновская) уже привязываютъ Александра Поповича къ временамъ св. Владимира. Очевидно, до лѣтописца дошли тѣ народныя пѣсни. въ которыхъ народъ уже произвольно связалъ богатыря съ эпохой Владимира. «Циклизація» уже завершилась къ этому времени, притянувъ къ имени Владимира весь былевой эпосъ.

Такимъ образомъ, можно думать, что Алеша («Александръ», уменьшительное—«Алекса», отсюда—«Алеша») былъ дружинникомъ-храбромъ (какъ и Добрыня), жившимъ въ XIII в. Народная фантазія перенесла его на нѣсколько столѣтій назадъ. До XVIII в. въ старыхъ былинныхъ записяхъ Алеша не имѣетъ еще тѣхъ отрицательныхъ чертъ, которыя присоединились къ его образу позднѣе (корыстолюбіе, жадность, и пр.). Очевидно, это внесеніе сатирическаго элемента—позднѣйшее осложненіе этого образа. Алеша-Алекса Александръ.

Соловей Будимировичъ—это заѣзжій молодецъ изъ Веденецкой земли (города Леденца). На чудномъ кораблѣ съ богатыми подарками приплываетъ онъ по Днѣпру къ Кіеву. Въ одну ночь строитъ онъ три златоверхихъ терема въ саду княжеской племянницы Забавы. Княжна была прельщена его внѣшностью, его игрой и богатствами, и сама себя засватала за него. Второстепенные богатыри.

Чурила Пленковичъ—типичный русскій красавецъ, на котораго заглядываются даже старухи. Въ былинахъ о немъ воспѣвается его состязаніе съ Дюкомъ Степановичемъ въ богатствѣ и щегольствѣ, разсказывается его служба у князя въ Кіевѣ и смерть отъ руки старика, молодая жена котораго полюбила Чурилу.

Дюкъ Степановичъ—боярскій сынъ изъ Галича Волынскаго; по другимъ былинамъ онъ—родомъ изъ Индіи богатой. Въ былинахъ воспѣвается только его богатство и щегольство. Особенно обстоятельно описаны баснословныя богатства его дома.

Михайло Даниловичъ — это двѣнадцатилѣтній богатырь, спасшій городъ Кіевъ отъ татаръ. Отецъ его — тоже богатырь, калика Данила Игнатьевичъ, живетъ въ монастырѣ, но въ трудную минуту во время боя помогаетъ сыну.

Василій—пьяница Долгополой, во время осады Кіева татарами убилъ стрѣлой зятя царя Батыги—Таракана (Таракашка, Татаринъ и др.). По требованію царя, Василій выданъ ему, но, попавъ въ татарскій станъ, перебиваетъ всѣхъ татаръ.

Суровецъ — Суздалецъ (Сурожанинъ) и *Михаилъ Казариновъ*—богатыри-охотники, отъ вѣщаго ворона узнаютъ о томъ, что татары въ полѣ ведутъ плѣнныхъ. Богатыри убиваютъ татаръ и освобождаютъ плѣнниковъ.

Михаилъ Потокъ, охотникъ выпить, „спадливъ до вина". Жена его, Авдотья-Лебедь Бѣлая, выдаетъ мужа своего его врагу, царю Вахрамѣищу (тотъ же сюжетъ разработанъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ). Въ другой былинѣ разсказано, какъ Потокъ на охотѣ чуть, было, не убилъ лебедушку, но она обратилась въ дѣвицу,—Авдотью-Лебедь Бѣлую. Она соглашается выйти за него замужъ, но съ условіемъ, что, кто раньше изъ нихъ умретъ, съ тѣмъ другой, оставшійся въ живыхъ, долженъ идти въ могилу. Потоку приходится сопровождать жену. Въ могильномъ склепѣ онъ, при помощи змѣя, принесшаго „живой воды", оживляетъ жену.

Суханъ (Сухманъ, Сухмантій) Одихмантьевичъ—охотникъ, похвастаавшій Владиміру, что привезетъ ему лебедь, неубитую и не-раненую, живьемъ взятую. Охота не удалась. Но зато, разговорившись съ Днѣпромъ, Суханъ узналъ, что татары переправляются черезъ рѣку; онъ избиваетъ татаръ. Разсказу его о такой побѣдѣ Владиміръ не повѣрилъ и посадилъ его за хвастовство въ погребъ. Илья Муромецъ привезъ извѣстіе, подтверждавшее слова Сухана. Богатырь освобожденъ, но отъ обиды онъ не хочетъ жить, снимаетъ повязки и истекаетъ кровью. Отъ его крови потекла рѣка Сухманъ (или Донъ).

Дунай Ивановичъ—это стрѣлокъ, который на состязаніи съ своей женой Нѣпрой (Днѣпрой Королевишной) въ искусствѣ стрѣлять изъ лука, побѣжденъ ею, и отъ досады убиваетъ ее и себя,—отъ ихъ крови берутъ начало рѣки Дунай и Днѣпръ.

Ставръ Годиновичъ—игрецъ на гусляхъ. За похвальбу мудростью жены своей Василисы Микуличны онъ заточенъ Владими-

ромъ. Василиса, переодѣвшись „грознымъ посломъ“, явилась свататься за дочь Владимира, показываетъ передъ княземъ свою силу, ловкость и хитрость и освобождаетъ мужа.

Иванъ Гостиный сынъ—славенъ только своимъ конемъ, который на скачкахъ опережаетъ всѣхъ.

Былины новгородскія

Былины Новгородскія. Былины этого цикла отличаются своимъ бытовымъ характеромъ, — онѣ гораздо болѣе кіевскихъ вводятъ насъ въ дѣйствительные интересы будничной жизни. Внѣшнія отношенія къ нѣмцамъ, финнамъ, къ Москвѣ—въ этихъ былинахъ совершенно не затрагиваются. Зато внутренняя жизнь города, его обстановка, кулачные бои на мосту, рѣшеніе дѣлъ на вѣчѣ, типы посадниковъ, старцевъ монастырскихъ, богатыхъ гостей и мужиковъ новгородскихъ—все это представлено и ярко, и вѣрно. Самая похвальба богатствами на пиру въ этомъ коммерческомъ городѣ—черта спеціально-купеческая; приключенія героевъ Новгорода тоже связаны съ его заморской торговлей.

Садко.

Садко—бѣдный гусляръ, своей игрой прельстившій Морского царя. Въ награду за полученное отъ игры удовольствіе владыка морей даетъ возможность ему выиграть закладъ у купцовъ новгородскихъ. Разбогатѣвъ, Садко бьется объ закладъ, что перекупитъ всѣ товары у города, но проигрываетъ закладъ и отправляется, ради поправленія средствъ, торговать за море. По дорогѣ попадаетъ онъ къ Морскому царю и, лишь благодаря помощи того угодника, которому онъ выстроилъ церковь, онъ спасается.

Василій Буслаевичъ

Василій Буслаевичъ — буйный ушкуйникъ [1]), съ дружиной своей развлекается избіеніемъ мужиковъ новгородскихъ. Эти потѣхи—содержаніе всей его свободной, размашистой жизни. Подъ старость ѣдетъ онъ каяться въ Святую Землю, но тамъ погибаетъ, такъ какъ не могъ справиться со своимъ свободоязычіемъ. Это — любопытный типъ русскаго вольнодумца древней Руси, который не вѣритъ „ни въ сонъ, ни въ чохъ“; онъ—созданье вольнаго Новгорода, — этой колыбели русскихъ ересей и древнерусскаго свободолюбія.

---

[1]) „Ушкуйниками“ назывались новгородскіе молодцы, которые изъ молодечества и удальства занимались грабежами и разбойничествомъ. На легкихъ лодкахъ („ушкуй“) плавали они по рѣкамъ, особенно по Волгѣ, и грабили, или „разбивали“ купцовъ (отсюда—слово „разбой“).

Старшіе богатыри.

Старшіе богатыри, (Святогоръ, Самсонъ, Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ). „Старшими“ эти богатыри называются потому, что такое наименованіе присвоено имъ самимъ народомъ: калики перехожіе, отправляя на ратные подвиги Илью, запрещаютъ ему биться со „старшими богатырями“. Они въ другой былинѣ называются „силой нездѣшней“. И, дѣйствительно, эти богатыри совсѣмъ не связаны никакими земными интересами,—они не служатъ ни князю Владиміру, ни русской землѣ,—живутъ особнякомъ, вдали отъ всѣхъ прочихъ русскихъ богатырей. Это—туманныя существа, перегруженныя силой, болѣе приближающіяся къ образамъ сказочнымъ, чѣмъ былиннымъ, въ которыхъ историкъ, хотя и съ великимъ трудомъ, всетаки вскрываетъ зерна исторической дѣйствительности. Называя этихъ богатырей „старшими“, народъ не опредѣлилъ этимъ словомъ ни *времени* ихъ жизни, ни *власти* ихъ надъ младшими богатырями. Такимъ образомъ, названіе это совершенно условное; цѣль его—выдѣлить эту группу богатырей изъ всѣхъ другихъ.

Вольга Святославичъ.

Вольга Святославичъ (Волхъ Всеславьевичъ) происхожденія чудеснаго—онъ сынъ княжны и Змѣя Горынича. Это—чародѣй-оборотень; его „хитрость-мудрость“ заключается въ умѣніи „оборачиваться“ въ разныхъ звѣрей (въ лютаго звѣря, сѣраго волка, ясняго сокола, гнѣдого тура, щуку). Съ дружиной своей онъ совершаетъ набѣги на Золотую Орду, въ Индію богатую, въ турецкую землю. Извѣстна его встрѣча съ чудеснымъ пахаремъ Микулой, который оказался сильнѣе князя-чародѣя и всей его дружины. Съ Вольгой связываютъ память объ Олегѣ, который слылъ „вѣщимъ“, т. е. чародѣемъ.

Микула Селяниновичъ.

Микула Селяниновичъ — это могучій землепашецъ, у котораго и кобылка соловая, и соха кленовая такъ же необыкновенны, какъ и онъ самъ. Въ его лицѣ смиренный пахарь, въ потѣ лица обрабатывающій землю, оказался сильнѣе блестящаго воина—Вольги. Въ нѣкоторыхъ былинахъ онъ является съ чудесной сумочкой, которую поднять не могъ даже Святогоръ. Въ этой сумочкѣ— „тяга земная“. Такимъ образомъ, всѣ былины объ этомъ богатырѣ полны символизма,—чего нѣтъ въ другихъ былинахъ.

Святогоръ-богатырь.

Святогоръ-богатырь — это неясно-очерченная, громадная и грузная сила — какой-то великанъ, котораго не носитъ земля и который потому, обыкновенно, лежитъ на горѣ. Изъ былинъ о немъ извѣстна былина, разсказывающая о встрѣчѣ съ Ильей Муромцемъ и съ Микулой.

Илья Муромецъ напалъ на него и сталъ наносить ему удары, но Святогоръ ихъ долго не чувствовалъ. Замѣтивъ, наконецъ, Илью, онъ спряталъ его, вмѣстѣ съ конемъ, въ карманъ и продолжалъ свой путь. Потомъ они поѣхали вмѣстѣ. Однажды увидали они огромный гробъ. Илья легъ въ него, но гробъ оказался для него великъ; легъ Святогоръ—гробъ пришелся ему по росту. По просьбѣ богатыря, Илья прикрылъ его крышкой, и крышка приросла къ гробу. Святогоръ дохнулъ на Илью изъ щели гроба духомъ мощи,—и тогда Илья поднялъ огромный мечъ Святогора и сталъ рубить крышку, но отъ всякаго удара ставились на гробѣ желѣзные обручи. Разрубить крышки Илья не могъ, и Святогоръ предложилъ прибавить ему еще силы, но Илья отказался. Тогда Святогоръ сказалъ, что Илья, отказавшись, поступилъ правильно,—если бы на этотъ разъ онъ наклонился къ щели, дохнулъ бы на него Святогоръ „мертвымъ духомъ", и умеръ бы у гроба Илья. Святогоръ передъ смертью завѣщалъ Ильѣ свой богатырскій мечъ.

Самсонъ-богатырь.

Близокъ къ Святогору другой богатырь — *Самсонъ*; о немъ поется въ былинахъ почти то же, что и о Святогорѣ; но, кромѣ того, былины о немъ разсказываютъ, какъ его коварная жена, вывѣдавъ, что сила его въ волосахъ („семь волосъ ангельскихъ"), овладѣла Самсономъ и ослѣпила его; какъ онъ отомстилъ ей, разрушивъ палаты, въ которыхъ находилась она съ гостями.

История Святогора и Самсона.

Изслѣдователи нашли много сходства между этими былинами о Святогорѣ и Самсонѣ съ эпическими пѣснями кавказскихъ народовъ. Самое имя «Святогоръ» связывается съ «Святыми Горами», находящимися въ прикавказскомъ краѣ (къ югу отъ Дона и Волги), въ территоріи бывшаго хозарскаго царства. Хозары, исповѣдывавшіе еврейскую религію, могли увлечься и образомъ библейскаго Самсона [1]). Такимъ образомъ, существуетъ мнѣніе, что Святогоръ-Самсонъ—богатырь, заимствованный изъ хозарскаго эпоса [2]).

Впрочемъ, есть и въ финскомъ эпосѣ герой, своей грузностью напоминающій Святогора.

Пестрота содержанія былинъ.

Вотъ, главнѣйшіе русскіе богатыри, о которыхъ поются пѣсни еще въ наши дни. Прежде всего, бросается въ глаза пестрота этихъ образовъ. Въ сущности, богатырскимъ дѣломъ занимается одинъ Илья, менѣе Добрыня и еще менѣе Алеша. Всѣ другіе—либо случайно оказываютъ мечомъ услугу отечеству, либо совсѣмъ не берутся за мечъ,—кто изъ нихъ замѣчателенъ конемъ, кто умѣніемъ стрѣлять изъ лука, кто—лукавой женой, а кто—и порочной. Несомнѣнно, всѣ эти *самозванцы*-богатыри, эти щеголи-богачи, не-

---

[1]) Въ Талмудѣ есть разсказъ о примѣриваніи гроба (Моисей и Ааронъ), о подниманіи тяжести и пр.

[2]) Еврейскія вліянія шли отъ хозаръ и на устную поэзію, и на письменность: такъ, апокрифъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, неизвѣстный западной Европѣ, но извѣстный евреямъ, вѣроятно, попалъ къ намъ отъ хозаръ-евреевъ.

законно примѣшались къ истымъ слугамъ родины. Очевидно, пѣсни о нихъ сложились позднѣе,—въ эпоху, которая жила ужъ не высокими идеалами служенія родинѣ, а болѣе мелкими интересами богатаго и празднаго города. Но если всѣ эти былины принадлежатъ къ разнымъ слоямъ исторической жизни, тѣмъ не менѣе, нетрудно замѣтить, что большинство изъ нихъ пріурочено къ двумъ *цикламъ*: *Кіевскому* и *Новгородскому*.

Содержаніе былинъ кіевскихъ.

Былины *кіевскія* собираются около князя Владимира и распадаются на три группы: 1) о военныхъ подвигахъ богатырей, 2) о сватовствѣ невѣстъ для Владимира и—3) объ удальствѣ и ловкости его богатырей (различныя состязанія).

Содержаніе былинъ новгородскихъ.

Былины *новгородскія*, рисующія исключительно жизнь Новгорода, сводятся къ изображенію—1) приключеній во время заморской торговли, 2) сценъ изъ жизни новгородской вольницы.

Былины о Вольгѣ, Микулѣ и Святогорѣ стоятъ отъ этихъ цикловъ совершенно особнякомъ, лишь отчасти прикасаясь къ другимъ героямъ былевого эпоса.

Изученіе былевой поэзіи.

Изученіе былевой поэзіи. Приведенныхъ выше примѣровъ достаточно для того, чтобы представить ту пеструю картину, къ которой пришло въ послѣднее время изученіе нашей былевой поэзіи.

Школа миѳологическая.

Изъ вышесказаннаго видно, что школа *миѳологическая* видѣла въ основѣ былины *миѳъ*, сказаніе о томъ или другомъ божествѣ, (богъ грома, солнца, бури). Этотъ «миѳическій» эпосъ перешелъ въ «героическій» и «историческій» слѣдующимъ путемъ: съ теченіемъ времени, смыслъ большинства сказаній былъ утраченъ, но самыя сказанія жили; они отличались фантастичностью. Эти произведенія изображали уже не боговъ, а неопредѣленныя существа, съ забытымъ божественнымъ значеніемъ. Такія сказанія легко привязывались къ историческимъ воспоминаніямъ о какомъ-нибудь мѣстномъ богатырѣ; слившись съ пѣсней, пѣвшейся въ честь его, они привносили въ этотъ человѣческій образъ черты чего-то сверхчувственнаго, необычнаго, фантастическаго. Въ глазахъ миѳологовъ, эта *примѣсь фантастичнаго* и была особенно цѣнна: вглядываясь въ нее, они старались возсоздать черты стараго, забытаго бога.

Школа историческая.

Историческая школа все вниманіе обратила на историческую основу былинъ. Въ основѣ былинъ они видѣли *лироэпическую* пѣсню, пѣвшуюся по поводу великихъ событій, радостныхъ и печальныхъ... Славленіе князей, витязей, «заплачка» по умершемъ — всегда заключали въ себѣ элементъ эпоса—повѣсть о подвигахъ воспѣваемаго. Съ теченіемъ времени, выдохся *лиризмъ*—осталась «пѣсня-повѣсть». Чѣмъ крупнѣе и популярнѣе была личность воспѣваемая, тѣмъ лучше, интереснѣе была пѣсня, тѣмъ больше

вѣроятности было ей удержаться въ памяти народа; впослѣдствіи такія отдѣльныя пѣсни подчинились интересамъ времени, стали группироваться около болѣе выдающихся именъ, или связывались съ новыми позднѣйшими именами, теряя имя того богатыря, которому онѣ были ранѣе посвящены. Такъ сложились *циклы* былинъ. Борьба со «степью» (хозары, половцы, печенѣги, татары) отразилась сильно на народномъ творчествѣ,— и вотъ, пѣсни о подвигахъ русскихъ витязей въ столкновеніяхъ, напримѣръ, съ *печенѣгами*, дожили до времени борьбы съ татарами. Забыто было имя прежняго героя — въ старую пѣсню вошли новыя имена: печенѣги смѣнились татарами. Оттого Владиміръ Святой оказывается современникомъ татаръ. На первыхъ порахъ пѣсня была близка къ событію, близка къ лѣтописи, хотя, конечно, изложеніе фактовъ отличалось въ ней своимъ освѣщеніемъ. Съ теченіемъ времени, народная фантазія свободно расправлялась съ этой пѣсней, и сходство между ея содержаніемъ и содержаніемъ лѣтописнаго разсказа все уменьшалось. Оставались, подъ конецъ, имена, позабывалось содержаніе (роль св. Владиміра въ былинахъ); измѣненіямъ подвергались самыя имена (Алеша вм. Александра), забывались имена лѣтописныхъ богатырей (Чоботка, Рогдая, Тимони-«Золотой Поясъ», Яна Усмошвеца), смѣшивались по созвучію (Илія — Eligas—Олегъ; Вольга—Олегъ); имя, болѣе популярное, вытѣсняло собой менѣе популярное (б. м., Добрыня, дядя Владиміра. смѣненъ Олегомъ-Ильей).

Согласно объясненіямъ «исторической школы», чудесный элементъ въ былины вошелъ позднѣе: какъ въ легендахъ образъ святого «обрастаетъ» фантастикой, такъ и въ былинѣ прежнее историческое лицо постепенно прикрывалось наслоеніями, выдвигающими героя изъ предѣловъ человѣческой возможности.

Школа заимствованія.

Школа «заимствованія», путемъ сличенія произведеній различныхъ народовъ, пришла къ выводу, что многовѣковое общеніе русскихъ людей съ сосѣдними народами привело къ самой широкой мѣнѣ поэтическими сюжетами и мотивами—въ результатѣ, получилась такая картина общаго пользованія этими «международными богатствами», что нельзя отрицать заимствованій однимъ народомъ у другого. Но далеко не всегда можно утверждать опредѣленно, *кто у кого* позаимствовался. Эти «международныя» сокровища нахлынули на историческій эпосъ, когда живая память о событіяхъ уже померкла у народа; они завладѣли историческими именами, но заполнили ихъ новымъ содержаніемъ, присоединились отзвуки книжныхъ преданій, и, въ результатѣ, получилась наша *былина* — литературное явленіе очень сложное.

Дѣленіе былинъ на группы по содержанію.

Нетрудно замѣтить, что русскія былины распадаются на три группы — 1) былины, дѣйствительно, *богатырскія*, т. е. пѣсни о подвигахъ богатырей;—2) былины, напоминающія собой *новеллы*, или фабльо (разсказы о событіяхъ городской жизни, о случаяхъ непомѣрной роскоши и богатства, любовныхъ приключеніяхъ, похищеніяхъ невѣстъ) и—3) былины-*легенды*, отразив-

зившія вліянія церковной книги и переходящія въ духовны
стихи [1]).

Конечно, историческія основы (русскія, или иноземныя) можн отыскать только въ былинахъ перваго типа; былины второг типа относятся къ переработкѣ бродячихъ сюжетовъ, сказочных фабулъ. Эти произведенія, несомнѣнно, позднѣйшаго происхо жденія и, можно думать, относятся или къ Московской Руси или Новгородской, во всякомъ случаѣ не Кіевской. Это пред положеніе приводитъ насъ къ спорному вопросу о мѣстѣ проис хожденіи былинъ.

Мѣсто и время сложенія былинъ.

Мѣсто и время сложенія былинъ. Однимъ изъ первых нашихъ ученыхъ, касавшихся вопроса о *мѣстѣ* происхожденія бы линъ, былъ Погодинъ. По его мнѣнію, эти произведенія возникли в Кіевской Руси до татарскаго погрома. Эта мысль развита и обос нована акад. Л. Майковымъ. Онъ призналъ родиной былин кіевскаго цикла — южную Русь; содержаніе ихъ выработалось по его мнѣнію, впродолженіе X, XI, XII вв., т. е. въ перво половинѣ удѣльно-вѣчевого періода, и установилось не позж времени татарскаго владычества — именно, той его эпохи, когд Москва еще не сосредоточила въ себѣ всей государственно силы Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующем значеніи Кіева. За южнорусское происхожденіе русскихъ былин высказался и А-дръ Н. Веселовскій и Н. П. Дашкевичъ. З сѣверно-русское происхожденіе стоялъ Костомаровъ, находившій что въ былинахъ Кіевскихъ, „кіевскаго“, кромѣ именъ, нѣт ничего.

Центры сложенія былинъ: a) Новгородъ.

Всего справедливѣе будетъ мнѣніе, допускающее, что раз ныя былины сложились въ разныхъ мѣстахъ: такъ, первый центр сложенія былинъ былъ въ *Новгородѣ:* эти первыя былины сохра нились только въ пересказахъ лѣтописи (о призваніи варяговъ о подвигахъ первыхъ князей); быть можетъ, былина о Вольгѣ (Олегѣ) — единственная, сохранившаяся отъ того времени. Потом

b) Кіевъ.

центръ культурной жизни перенесенъ былъ въ *Кіевъ;* борьба с хозарами, печенѣгами и половцами, походы на Византію, торго выя сношенія по Днѣпру — дали новое, болѣе пестрое, содержан

---

[1]) Къ *первому* типу относятся былины объ Ильѣ, нѣкоторыя о Добрынѣ и Алеш Василіи Казимировичѣ, Василіи Пьяницѣ и др. Ко *второму* — о Садкѣ, Василіи Б слаевичѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюк Степановичѣ и др. Къ *третьему* — былины о Святогорѣ, Самсонѣ, объ Егоріи Храбром о Василіи Окульевичѣ (апокрифъ объ увозѣ жены Соломона, о Самсонѣ-Богатырѣ).

русскому дружинному творчеству. Рядомъ съ Кіевомъ, выростаютъ еще въ древней Руси другіе центры культурной и политической жизни въ *Черниговѣ* и *Переяславлѣ*, — эти города тоже отразились въ народномъ творчествѣ созданіемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ былинъ. Съ конца XII в. начинаютъ роль играть *Галичъ-Волынскій*, *Ростово-Суздальская земля* и дѣлается важнымъ торговымъ пунктомъ *Новгородъ*. Жизнь и интересы всѣхъ этихъ новыхъ центровъ тоже отразились на созданіи новыхъ былинъ. Позднѣе и *Москва*, съ ея шумной городской жизнью, нашла себѣ выраженіе въ эпическомъ творчествѣ. Такимъ образомъ, всѣ существующія у насъ былины, вѣроятно, самаго различнаго происхожденія, — онѣ создались въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время.

c) Черниговъ и Переяславль.

d) Юго западъ и сѣверо-востокъ.

e) Новгородъ.

f) Москва.

Въ Москвѣ скоро изсякло эпическое творчество, такъ какъ тамъ, какъ и въ Малороссіи, слишкомъ сильны были впечатлѣнія историческихъ событій — оттого старая былина смѣнилась въ Малороссіи „думою“, въ Москвѣ — „историческою пѣснею“. Въ такомъ же положеніи оказался и самъ Новгородъ, — онъ тоже растерялъ всѣ свои былины: онѣ сохранились до нашихъ дней лишь на его окраинахъ: тамъ ужились остатки южнорусскаго и сѣверо-русскаго эпическаго творчества.

Исчезновеніе былинъ въ Москвѣ и Малороссіи.

Среда, создавшая былины. Кто складывалъ былины — этотъ вопросъ также неразъ поднимался и рѣшался различно. Лѣтопись, „Слово о полку Игоревѣ“ и нѣкоторые другіе памятники даютъ указаніе на существованіе пѣвцовъ-дружинниковъ [1]) и пѣвцовъ-спеціалистовъ, воспѣвавшихъ подвиги князей. Эти показанія большинству изслѣдователей дали основаніе утверждать, что военный богатырскій эпосъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу *княжеской дружины*. Славянофилы, поклонники простого русскаго народа, называвшіе нашъ эпосъ „общиннымъ“, „земскимъ“, видѣли зарожденіе его въ „земщинѣ“, въ *простонародной массѣ*. Наконецъ, третье мнѣніе, въ настоящее время наиболѣе распространенное, признаетъ въ созиданіи былинъ большое участіе *скомороховъ* [2]). Еще Л. Н. Майковъ, говоря объ олонецкихъ сказителяхъ, вспоминалъ древнихъ скомороховъ-гудошниковъ. Ученые доказали, что серьезный репертуаръ не былъ чуждъ

Среда, создавшая былины.

a) Дружина.

b) Народъ.

c) Скоморохи.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ есть указанія на существованіе въ древности такихъ пѣвцовъ. Такъ, напр., въ Ипатьевской лѣтописи упоминается „словутьный пѣвецъ Митуса“.

[2]) О происхожденій названія см. выше стр. 20—1.

скоморохамъ,—что, рядомъ съ шутовскими пѣснями и шутками, они знали и героическія, и даже грустныя пѣсни.

Исторія скомороховъ.

Впрочемъ «скоморохамъ» приписываютъ теперь созданіе, главнымъ образомъ, *былинъ-новеллъ*, или фабльо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни,—преимущественно-любовныя похожденія. Кто же эти скоморохи?—вопросъ, подобно многимъ другимъ, нашедшій нѣсколько отвѣтовъ. Скомороховъ связываютъ съ древнегреческими и римскими *мимами*, потѣшавшими народъ во время разныхъ народныхъ праздниковъ. Эти бродячіе артисты античной поры дожили до среднихъ вѣковъ, сохранивъ даже свой традиціонный классическій костюмъ; въ Германіи они встрѣчаются при королевскихъ дворахъ и называются *шпильманами*. Христіанская церковь и въ Византіи, и на Западѣ преслѣдовала ихъ, отлучала отъ церкви, лишала причастія; правительство лишало ихъ правъ, но народъ любилъ ихъ искусство,—пѣніе пѣсней, разсказываніе сказокъ, знаніе заговоровъ, разныхъ фокусовъ, умѣнье играть на разныхъ инструментахъ. Французскіе *жонглеры*—родные братья шпильмановъ: они тоже соединяли фиглярство съ поэзіей: пѣли любимыя народомъ chansons de geste [1]), распространяли разныя захожія сказанія, библейскія и классическія сказки, фабльо. Имъ приписываютъ даже переработку апокрифовъ въ романы «Круглаго Стола».

Шпильманы.

Жонглеры.

Скоморохи заѣзжіе и русскіе.

У насъ такіе народные потѣшники были людьми, сначала, несомнѣнно, иностранными,—объ этомъ свидѣтельствуетъ и нерусское названіе ихъ «скоморохи», и нерусскій костюмъ, который былъ усвоенъ впослѣдствіи ихъ русскими учениками. Самое раннее изображеніе скомороховъ находится на фрескахъ Кіево-Софійскаго собора (фигуры ряженыхъ музыкантовъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ). Наша церковь относилась, подобно всѣмъ прочимъ, отрицательно къ «богомерзкимъ, бѣсовскимъ» пѣснямъ и играмъ скоморошьимъ. Но народъ любилъ своихъ «лихихъ скомороховъ» и даже въ свадебные и похоронные обряды ввелъ ихъ участіе: «свадьбы творятъ и на браки призываютъ іереевъ со кресты и скомороховъ съ дудами» — жалуется одинъ церковный писатель.

Отношеніе къ нимъ церкви и народа.

Указаніе былинъ на существованіе скомороховъ.

Въ русскихъ былинахъ есть рядъ указаній на существованіе скомороховъ—упоминаются тамъ скоморохи захожіе, бродячіе и осѣдлые, проживающіе при дворахъ княжескихъ [2]). Въ пѣсняхъ они именуются «веселые скоморохи», «скоморохи—люди вѣжливые, очестливые». Нерѣдко въ роли скомороховъ выступаютъ и не профессіоналы, а любители. Такъ, талантливымъ гусляромъ былъ Добрыня. Переодѣвшись «скоморошиной», явился онъ на свадебный пиръ своей жены и занялъ спеціальное «скоморошье мѣсто».

Добрыня-скоморохъ.

Его «умильная» заунывная игра отличалась какими-то особыми «тонцами»:

---

[1]) „Chansons de geste"—есть буквально то же, что наши былины (geste—лат. gesta—бывшее).

[2]) См. любопытную былину изъ сборника г. Григорьева: „Путешествіе Вавилы съ скоморохами".

«Тонцы онъ навелъ-то великіе,—
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя-моря,
Тонцы повелъ отъ Новагорода,
Другія повелъ отъ Царя-Града,
Третій разъ сталъ наигрывать—
Все свое похожденіе разсказывать.

Слѣдовательно, за музыкальной «прелюдіей», сложной по композиціи, слѣдовалъ разсказъ о подвигахъ. Несмотря на строгій образъ Добрыни и унылый тонъ его пѣсенъ — онъ всетаки называется «скоморошиной» — доказательство, того, что въ репертуаръ скомороховъ рано вошли и серьезные сюжеты. Изъ такихъ же мастеровъ-любителей игры и пѣнья можно назвать Соловья Будимировича, Ставра, Чурилу. Изъ профессіональныхъ гусляровъ русская былина знаетъ Садко. Онъ—большой любитель поиграть на гусляхъ, — даже передъ смертью берется за нихъ, приговаривая: Садко-гусляръ.

«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее,
Больше мнѣ въ гусельки не игрывати!

Совершенно справедливо соображеніе проф. Вс. Миллера, что, пока былина была въ рукахъ профессіоналовъ, или даже такихъ любителей, какъ Добрыня, она отличалась бо́льшей художественностью, бо́льшею тонкостью пріемовъ, чѣмъ теперь, когда она попала въ вѣдѣніе олонецкихъ и архангельскихъ мужичковъ. Такимъ образомъ, понятіе «безыскусственный», всегда связанное въ нашихъ учебникахъ съ народной устной поэзіей, едва ли вѣрно. Былина въ рукахъ скомороховъ

Техника былины. Итакъ былина—это художественное произведеніе, богатое искусственными пріемами. Техника былины.

Укажу нѣкоторые изъ нихъ: передъ *зачиномъ* былины часто бываетъ, болѣе или менѣе, длинная *прибаутка*. Прибаутка.

Напр., въ былинѣ о Добрынѣ и Алешѣ:

«Изъ подъ бѣлыя березы кудреватыя,
Изъ подъ чудна креста Леванидова,
Изъ подъ святыхъ мощей, изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ подъ бѣлаго алатыря-каменя,
Тутъ повышла, повышла, повыбѣжала,
Выбѣгала, выбѣгала матка Волга-рѣка.

Далѣе рисуется ея широкое теченіе, ея длина и пр. —

«А выпала Волга въ море Черное,
Да устьевъ пустила ровно семьдесятъ:
Широкъ перевозъ да подъ Новымъ Градомъ!
Да все это, братцы, не сказочка,
А все это, братцы, *прибауточка*,
Теперь-то Добрынюшкѣ *зачинъ* пошелъ...

«Прибаутка», по опредѣленію Вс. Миллера,—это чисто-артистическій пріемъ—*прелюдія*, которая должна сосредоточить вниманіе слушателей. Иногда «прибаутка» *кончаетъ* былину. Такъ, былина о нашествіи Бытыги заключается такъ:

«Ай, чистыя поля ко Опскову,
А широки раздольица къ Кіеву.
А высокіи ты горы Сорочинскія,
А церковно то строеніе въ Каменной
Москвѣ,
Колокольный-отъ звонъ да въ
Новѣ-Городѣ
Ай, тертые калачики Валдайскіе,
А щапливы щеголивы въ Ярославл
городи,
Дешевы поцѣлуи въ Бѣлозерской
сторонѣ.
А и сладки напитки на Питери;
А мхи, ты болота, ко синю морю,
А щелье-каменье ко Сиверику,
Ай, Дунай, Дунай, Дунай!

Подобныхъ «прибаутокъ» очень много,—нѣкоторыя изъ нихъ такъ и отзываются творчествомъ скомороховъ. Есть прибаутки и другого типа. Напр.:

«Кто бы намъ сказалъ про старое—
Про старое, про бывалое—
Про того Илью, про Муромца?»

или:

«Ой, вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, шабры (сосѣди) ближніе!
Вы скажите мнѣ про старое...»

Популяренъ запѣвъ-«прибаутка»:

«Высота-ль, высота поднебесная,
Глубина-ль, глубина океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты Днѣпровскіе!»

Зачинъ. После *прибаутки*, или *запѣва*, идетъ *зачинъ*, представляющій собою, обыкновенно, географическое указаніе *мѣста дѣйствія*. Напр.:

«Какъ во славномъ въ городѣ Кіевѣ,
У ласковаго князя, у Владимира.

Далѣе слѣдуетъ традиціонное изображеніе пира. Иногда *зачинъ* указываетъ на *мѣсто рожденія* героя.

«Во славномъ было городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Корочаровѣ.

Указывается иногда мѣсто выѣзда богатыря, или пребываніе его «на славной на заставѣ». *Зачинъ* бываетъ иногда *сравненіемъ* (чаще отрицательнымъ). Напр.—

«Не бѣленькой кречетокъ выпархивалъ,
Не ясенъ соколочекъ вылетывалъ,—
Выѣзжалъ удалъ дородній добрый молодецъ...

ли:

«Ай не волна ли какъ на морѣ расходилася,
Ай не сине-море всколыбалося —
Ай взволновался да вѣдь Калинъ-царь!

Можно думать, что многіе зачины древнѣе самыхъ пѣсенъ (ср. зачины Баяна, приведенные въ «Словѣ о полку Игоревѣ»); съ запѣвомъ связывался всегда пѣсенный *напѣвъ* (т. к. въ былинѣ каждый стихъ поется одинаково). Поэтому напѣвъ *зачина*, иногда стараго, давалъ иногда мелодію новой, только еще слагающейся пѣснѣ. Напѣвъ.

Обыкновенно, былину заключаетъ не прибаутка, а *исходъ*. Напр.: Исходъ.

«Синему морю на тишину—
Всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе».

или:

«Съ той поры, съ того времени
Стали (такого-то богатыря) стариной сказать».

Часто этотъ *исходъ* переходитъ въ *славленіе* героя:

«Только той Соловнику славы поютъ,
А Ильюши-то слава не минуется —
Огнынѣ-то вѣкъ по вѣку поютъ его, Ильюшеньку!»

Къ «общимъ мѣстамъ» былины относятся стереотипные образы, навсегда отлившіеся въ опредѣленныя формы и переходящіе изъ былины въ былину. Наприм., «скачка богатыря»: Общія мѣста былины. a) Скачка богатыря.

«Скакалъ онъ выше лѣсу дремучаго,
Чуть пониже облака ходячаго!
Съ горы на гору перелетывалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Мелки рѣки промежъ ногъ пущалъ.

«Ловкость молодца» на конѣ изображается такъ: b) Ловкость его

«А кидаетъ онъ палицу булатную
Подъ облако, подъ ходячее,
Одной рукой палицу подхватываетъ... и т. д.»

Когда богатырь пріѣзжаетъ на широкій дворъ, онъ— c) Пріѣздъ богатыря.

«Привязываетъ добра коня
У того-ль столба золоченаго,
У того кольца золоченаго...
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ да по ученому... и т. д.

Обыкновенно, его спрашиваютъ: d) Знакомство съ богатыремъ

«Ты откудова, удалый добрый молодецъ?
Ты коей земли, коей орды?
Коего отца-матери?
Какъ тебя по имени зовутъ?
Нарекаютъ по изотчинѣ?

Похвальба на пиру. Пиръ оканчивается традиціонной «похвальбой»:

«Всѣ то на пиру напивалися,
Всѣ, на честномъ, наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастались! —
Иной хвастаетъ городами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой».

Эти готовыя «формулы», которыхъ можно насчитать очень много, свободно переходили изъ былины въ былину.

Ретардація. *Ретардація*—это тоже пріемъ эпическаго творчества, знакомый эпосамъ всѣхъ народовъ. Онъ состоитъ въ многократномъ повтореніи цѣлыхъ строфъ. Напр.,—

«И спроговоритъ казакъ, да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты, солнышко-Владиміръ стольно-кіевскій,
Отправляй-ко ты меня да въ большу землю,
Въ большу ту землю, да въ Каменну Орду:
Тамъ повыправлю да дани-выходы
За двадцать годъ, да за тринадцать лѣтъ...

Встаетъ Добрыня и говоритъ буквально то же,—только, вмѣсто «Каменной Орды», говоритъ—«Золотую Орду». Встаетъ Потокъ Михайловичъ, опять повторяетъ то же, только, вмѣсто «Каменной Орды», называетъ землю Подольскую. Примѣровъ подобной ретардаціи можно насчитать немало.

Медлительность разсказа въ былинѣ. Движенія въ былинахъ мало,—разсказъ течетъ медленно: всякая мелочь останавливаетъ на себѣ вниманіе пѣвца. Собирается ли богатырь въ походъ,—обстоятельно описываются его сборы. Напр., —

«Онъ добра-коня засѣдлываетъ:
На коня накладаетъ потничекъ,
Потничекъ-то онъ кладетъ шелковенькій,
На потничекъ—подпотничекъ,
На потничекъ—сѣделышко черкасское,
Черкасское сѣделышко подержано,—
Пряжечки-то красна золота,—
Да не для красы-угожества,
Ради крѣпости, все богатырскія,
Шелковыя подпруги тянутся—не рвутся,
Да булатъ-желѣзо гнется—не ломается и т. д.

Когда доходитъ дѣло до стрѣлъ,—то словоохотливый пѣвецъ разсказываетъ, что стрѣлы были «каленыя, точеныя, оперенныя»—

...«они перьями орловыми—
Не того орла, который, вѣдь, летаетъ по чисту полю,
А того орла, который сидитъ на синемъ морѣ.

Медлительности былиннаго разсказа способствуетъ также *сопоставленіе синонимовъ* (*паллилогія*), напр.— Паллилогія.

«Уѣхали богатыри *во чисто-поле,* —
Во чисто-поле...

«Калика эта старая, —
Эта старая калика, да сѣдатая,—
Сѣдатая калика да плѣшатая.

Часты случаи *тавтологіи:* напр., «плыло-выплывало», «чудо-чудное», «дождь-дождитъ», «а не мало дѣло, то велико», «и еще спитъ Илья — да не пробудится». Очень обычны *сравненія положительныя* и *отрицательныя:* Тавтологія. Сравненія.

«...Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяцъ...
«...У него глаза, какъ пивны ковши...

«Что *не* бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава въ полѣ разстилается...

Олицетворенія, особенно явленій природы, тоже не рѣдкость въ былинахъ. Иногда вся природа представлена живой (анимизмъ),—такъ, она волнуется, когда рождается богатырь; вѣщій воронъ указываетъ богатырю на ожидающія его невзгоды. Вся природа страдаетъ за кіевскую землю во время нашествія Калина,—ея тревога является предзнаменованіемъ гибели богатыря. Олицетворенія.

«На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему—
А, видно, Вольги-то живого нѣтъ!»

Фантастика нашихъ былинъ сводится къ вѣрѣ въ вѣщіе сны, въ оборотничество, въ колдовство, въ силу заговора. Появленіе фантастическаго элемента въ былинахъ объясняется тѣмъ, что старыя пѣсни и преданія, съ миѳологическимъ содержаніемъ, полузабытыя съ теченіемъ времени, дали осадокъ на тѣхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя были особенно популярны. Историческая пѣсня, въ періодъ сложенія, имѣетъ цѣлью сообщить слушателямъ фактъ и настроеніе пѣвца, но потомъ, съ теченіемъ времени, она начинаетъ преслѣдовать цѣли *занимательности.* Въ этотъ періодъ историческая пѣсня ослабляетъ свои связи съ историческимъ фактомъ и лицомъ и дѣлается воспріимчивой къ разнымъ постороннимъ образамъ и сюжетамъ. Тогда на нее наслояется фантастика и чуждыя вліянія. Фантастика былинъ.

Эпитеты въ былинахъ только «постоянные»: «стольный Кіевъ-градъ», «ласковый Владиміръ-Красно-Солнышко», «Илья-старый казакъ», «тихій Дунай Донъ», «смѣлый Алеша», «молодой Добрыня», «татаринъ поганый», богатыри «славные, могучіе, святорусскіе», «шалыга подорожная», «стремя булатное», «златъ шеломъ», «сабля вострая», «ноженьки рѣзвыя», и др. Конечно, всѣ эти поэтическіе пріемы, сложные и многообразн... Эпитеты.

говорятъ намъ краснорѣчиво о вѣковыхъ усиліяхъ художественнаго народнаго творчества. Пѣвцы-профессіоналы, быть можетъ, въ свое время изобрѣтали и свои, новые пріемы, но теперь былина больше не развивается, а только сохраняется, и теперь всѣ эти пріемы вполнѣ безличны, мертвы своею неподвижностью. Мало того, они теперь не проникнуты даже художественнымъ сознаніемъ и отличаются *механичностью* употребленія. Конечно, этого не было въ эпоху «процвѣтанія» былевой поэзіи,—въ эпоху, когда она была въ рукахъ спеціалистовъ-пѣвцовъ.

Механичность поэтическихъ пріемовъ въ современной былинѣ.

Механичность, безсознательность въ употребленіи этихъ пріемовъ видна, хотя бы, изъ того, что эпитетъ «ласковый» не отпадаетъ отъ князя Владимира, даже тогда, когда онъ совершаетъ несправедливости. Дружина Калина называется «хороброй», хотя она разбита Ильей. Калинъ-царь посылаетъ своего татарина посломъ въ Кіевъ и серьезно напутствуетъ его:

«Ай-же ты, поганый татарище!
Знаешь говорить да ты по-русскому,
А мычать про себя да по-татарскому!
Снеси-ка ты писемышко ко князю, ко Владимиру!»

Посолъ-татаринъ, явившись къ Владимиру, своего повелителя называетъ «собакой, Калиномъ-царемъ». Добрыня, послѣ двѣнадцатилѣтней службы, все остается «молодымъ». Еще черезъ 12 лѣтъ, пріѣзжая въ Кіевъ, онъ застаетъ свою жену тоже еще «молодой» [1]). Илья, наоборотъ, уже «старымъ» казакомъ выѣхалъ изъ отчаго дома и такимъ остался.

Любопытно, что иногда цѣлыя сцены, занесенныя изъ другихъ былинъ и вставленныя не къ мѣсту, совершенно не имѣютъ смысла. Такъ, пріѣзжая на княжескій дворъ, богатыри, обыкновенно, привязываютъ коней къ точеному столбу съ золотымъ кольцомъ, но этотъ же точеный столбъ оказывается и среди поля чистаго, во время случайной ночевки богатырей. Илья связанный въ лагерѣ татарскомъ, молится передъ подвигомъ своимъ въ «соборной церкви», которой, конечно, въ лагерѣ татаръ не могло быть. Всѣ эти несообразности есть результатъ исчезновенія сознательнаго отношенія къ пѣснѣ. Это произошло отъ того, что пѣсня богатырская теперь находится въ періодѣ упадка, — она лишь медленно умираетъ, хотя и упорно борется съ этой смертью.

Сложеніе былинныхъ типовъ.

Типы былинные. Когда лироэпическія пѣсни въ честь опредѣленныхъ историческихъ лицъ стали пѣться профессіональными пѣвцами-скоморохами, то герои этихъ пѣсенъ, съ теченіемъ времени, стали терять свои индивидуальныя, личныя черты; образы, сходные въ разныхъ пѣсняхъ, стали смѣшиваться, сливаться; около одного героя (напр., Ильи) стали группироваться пѣсни, герои которыхъ похожи были на него, — такъ сложились „*типы*“ былинныхъ героевъ [2]).

---

[1]) Это „нестарѣніе“ героевъ въ русскомъ эпосѣ знакомо и эпосамъ всѣхъ другихъ народовъ. Въ „Одиссеѣ“ „Пенелопа“, уже почтенная матрона, остается молодой до возвращенія Одиссея.

[2]) Такъ же создаются типы и въ изящной словесности. „Литературнымъ“ типомъ называется воплощеніе такого художественнаго образа, который создался въ творческомъ воображеніи писателя изъ соединенія однородныхъ чертъ, собранныхъ посл

Циклизація былинъ. На этомъ же основывается и циклизація былинъ, т. е. пріуроченіе ихъ къ одному былинному циклу (циклъ Владимира, циклъ Новгородскій). Изъ князей, воспѣваемыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, были болѣе извѣстные, о которыхъ пѣлось больше пѣсенъ. Такія, болѣе извѣстныя, имена привлекли къ себѣ много пѣсенъ, которыя раньше и не были съ ними связаны. То же произошло и съ географическими названіями: Кіевъ и Новгородъ, города наиболѣе популярные, привлекли къ себѣ пѣсни, связанныя прежде съ другими мѣстностями.

Циклизація былинъ.

Сказители старинъ—хранители старой поэзіи. Южная и западная Русь (Малороссія и Бѣлоруссія) совершенно позабыли былины: тамъ сохранились лишь «сказки» о нѣкоторыхъ богатыряхъ (Илья Муромецъ): имя Алеши встрѣчается въ «думахъ»; есть «колядки» съ именемъ Журилы (Чурила); въ захолустьяхъ доживаютъ еще разсказы о мудрой кн. Ольгѣ и ея мужѣ кн. Игорѣ, но *былинъ* о богатыряхъ до сихъ поръ въ Малороссіи нигдѣ не найдено. Въ Великороссіи былины сохранились тоже далеко не повсемѣстно: больше всего записано былинъ на русскомъ сѣверѣ,—въ Олонецкой, Архангельской губ. [1]) Собиратели пѣсенъ былевыхъ въ Олонецкой губ., Рыбниковъ и Гильфердингъ, присматриваясь къ народу, сохранившему такъ бережно богатства родной поэзіи, объясняютъ эту сохранность здѣсь былевыхъ традицій тѣмъ, что олончане, народъ, никогда не знавшій крѣпостного права, «не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ». Жизнь среди суровой природы, совершенное отчужденіе отъ вліяній города и вообще культуры, почти полная *неграмотность*, наконецъ, своеобразность ремеслъ [2]), которыми они занимались спокон вѣка, — все это создало обстановку, благопріятную для сохранности былинъ. Къ этимъ причинамъ тѣ же изслѣдователи присоединяютъ поэтическую воспріимчивость олонецкаго простонародья, о которой свидѣтельствуютъ, между прочимъ, прекрасныя лирическія пѣсни, особенно причитанья, здѣсь очень распространенныя. Молодые собиратели былинъ гг. Григорьевъ и Марковъ нѣсколько лѣтъ назадъ объѣздили Поморье и вывезли изъ этого путешествія очень много цѣннаго; народъ тамошній они характеризуютъ, приблизительно, тѣми же чертами, какими за много лѣтъ назадъ характеризовалъ олончанъ Гильфердингъ: и ремесла

Судьба былинъ. а) въ Малороссіи.

b) въ Великороссіи.

Причина сохранности былинъ на сѣверѣ.

наблюденія цѣлаго ряда дѣйствительныхъ людей, близкихъ по духу одинъ къ другому. Писатель хаотическую массу явленій, несущихся мимо него, дѣлитъ на разнородныя явленія по различію какихъ-нибудь основныхъ чертъ; затѣмъ, послѣ такой *аналитической* работы, начинается *синтентическая*: писатель собираетъ однородныя явленія въ группы и изъ массы образовъ, въ общемъ сходныхъ, создаетъ одинъ, объединяющій всѣ. Это и будетъ *типическій* образъ — *типъ*.

[1]) Бо̀льшею сохранностью былинъ отличаются поволжскія губерніи (въ Нижегородской записано 7 №№, въ Симбирской 22 №№); попадаются былины на Уралѣ (до 10 №№), попадаются на Кавказѣ, у Терскихъ казаковъ). Въ общей сложности записано по всей Россіи (исключая сѣверъ)—60 №№, около 16 сюжетовъ. Между тѣмъ, въ одной Олонецкой губерніи записано до 300 №№ и до 40 сюжетовъ. Въ Архангельской губ. недавно записано г. Марковымъ 116 былинъ и г. Григорьевымъ 203 былины. Въ Рязанской губ. записана одна, въ Тульской—одна, испорченная.

[2]) Сами крестьяне говорятъ, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ, за однообразной работой шитья, или плетенія сѣтей, они ощущаютъ потребность пѣть; „старины"— для этого самый удобный жанръ.

остались здѣсь тѣ же: или сапожное дѣло, или ткацкое, или сученіе бичевокъ и плетеніе сѣтей; то же отсутствіе грамотности, та же обособленность отъ кипучей жизни культуры. «Занесенное судьбой на крайній сѣверъ, населеніе бѣломорскаго побережья всегда жило вдали отъ политическихъ и культурныхъ центровъ и, конечно, не могло принимать близко къ сердцу ихъ жизни, отголоски которой доходили до него медленно и въ слабой степени. Даже теперь, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ устройствомъ почты и телеграфа, всероссійскія новости доносятся до Бѣлаго моря нескоро и не производятъ большого впечатлѣнія на крестьянъ. Тогда какъ центральная Русь, уступая наплыву историческихъ впечатлѣній, перешла къ исторической пѣснѣ, а Малороссія свою тревожную жизнь, полную невзгодъ и треволненій, выразила въ новыхъ формахъ эпоса («думы»), — здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, вѣками вся жизнь была неподвижна». Кромѣ того, существеннымъ основаніемъ для сохранности былинъ было сохранившееся здѣсь пониманіе могучихъ и свободныхъ идеаловъ старой поэзіи. Отношеніе здѣшнихъ крестьянъ къ заѣзжему горожанину—совсѣмъ не похоже на отношенія мужика къ барину. «Они относятся къ человѣку высшаго сословія, какъ къ равному,—не унизятся передъ нимъ, но не откажутся и охранять его интересы. При встрѣчѣ они слегка кивнутъ головой, не снимая шапки, и назовутъ его также, какъ своего же крестьянина—«молодцомъ», или «мужикомъ», но ни въ какомъ случаѣ не «бариномъ», потому что это слово имъ даже неизвѣстно». Къ «старинамъ» крестьяне относятся съ глубокимъ почтеніемъ. Одна сказительница прямо говорила, что проклятъ будетъ тотъ, кто позволитъ себѣ прибавить, или убавить что-нибудь въ содержаніи старинъ. Еще Гильфердингъ замѣтилъ, что, если сказитель забудетъ что-нибудь, то онъ—или пропускаетъ забытое, или разсказываетъ прозой, но не прибѣгаетъ къ сочинительству. Крестьяне считаютъ знаніе былинъ признакомъ талантливости и, какъ бы, образованности. Одинъ старикъ говорилъ о себѣ и нѣсколькихъ другихъ крестьянахъ, незнавшихъ былинъ—«вотъ мы никуда не годимся,—ничему не учились, никакого проку въ насъ нѣтъ». Такимъ образомъ, здѣсь отношеніе къ народной поэзіи самое первобытное—*поэзія не отдѣлилась еще отъ знанія* (см. выше стр. 11). Народъ вѣритъ всѣмъ чудесамъ былиннаго обихода, будучи увѣренъ, что *тогда* люди были «другіе»,—они могли выпивать заразъ даже «полтора ведра» [1]). [...] замѣчено, что, безъ этой вѣры въ реальность содержанія, эпическая поэзія не можетъ существовать,—скептицизмъ, подрывающій достовѣрность былины, низводитъ ее на степень сказки-складки; тогда съ ея содержаніемъ и формой сказитель не станетъ уже церемониться, не будетъ напрягать своей памяти, чтобы свято сберечь всѣ ея мелочи, и представитъ свободу своему творчеству.

Отношеніе сѣверянъ къ былинѣ.

Такимъ образомъ, въ современномъ своемъ положеніи, старая «былина» болѣе не развивается, но лишь бережно «сохраняется». Къ ней на сѣверѣ

---

[1]) Когда одинъ сказитель пѣлъ о томъ, какъ Соловей-разбойникъ глотаетъ по цѣлому богатырю съ конемъ, слушатели замѣтили: „какà пасть!“, а по поводу того, что Илья направилъ стрѣлу прямо въ глазъ Соловья, послышалось замѣчаніе: „не больша мѣточка!“ (Марковъ).

относятся еще съ благоговѣніемъ и никогда ея не смѣшиваютъ съ тѣми произведеніями, которыя служатъ для удовлетворенія праздной забавы. «Старины» поются крестьянами пожилыми, солидными, иногда даже богатыми. Пѣніе «старинъ» всегда привлекаетъ большую публику. Рыбникову одинъ сказитель разсказывалъ, какъ въ старое время «собирались старики и бабы вязать сѣти... И тутъ сказители станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а поютъ до глубокой ночи». Въ г. Пудожѣ «не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на «бесѣдѣ», чтобы слушать былины». Извѣстнаго сказителя Рябинина рыболовы-олончане звали къ себѣ пѣть: «если бы ты къ намъ пошелъ, Тимофей Григорьевичъ, мы бы на тебя работали, лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы бы тебя все слушали». Поются былины и въ кельяхъ старыхъ сѣверныхъ монастырей и скитовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ г. Марковъ [1]). Иногда «старины» узнавались отъ «прохожихъ», а чаще онѣ — наслѣдіе, переходящее отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну. Нѣкоторые изъ сказителей отличались удивительною памятью,—такъ Фепоновъ зналъ 70 былинъ, Крюкова (нынѣ здравствующая)—60 былинъ (около 12,000 ст.). Обычно знаніе 2,000 — 3,000 ст., рѣже встрѣчаются пѣвцы, знающіе 5,000 ст. (Калининъ и Рябининъ).

Сказители былинъ.

Обостренность ихъ памяти

Такая обостренность памяти объясняется единственно неграмотностью: изъ 70 сказителей, выслушанныхъ Гильфердингомъ, шестеро оказались грамотными и притомъ сказителями «худшими». Одинъ изъ нихъ прямо признался, что «чтеніе книгъ церковныхъ заглушило въ его памяти былины». Кромѣ сказителей, на сѣверѣ встрѣчаются и «сказательницы». Гильфердингъ среди женщинъ встрѣчалъ очень даровитыхъ. Извѣстная вопленица Арина Ѳедосова, которая, впрочемъ, спеціализировалась на «заплачкахъ» и «могла изливать горе въ длинныхъ складныхъ и иногда художественныхъ *импровизаціяхъ*» [2]), знаетъ нѣсколько былинъ. Рыбниковъ замѣтилъ, что «сказительницы» предпочитаютъ особыя былины—«бабьи старины», съ любовнымъ содержаніемъ, или значительнымъ участіемъ женщины (былины про Ставра, Чурилу).

Сказительницы.

Естественно, что у пѣвца-профессіонала больше было чутья къ содержанію пѣсни, чѣмъ у мужика-сказителя, благоговѣйно относящагося даже къ явной нелѣпицѣ. «Такъ поется», «такъ пѣвали старики, а что значитъ—мы не знаемъ» — вотъ, обычный отвѣтъ на замѣчаніе слушателя. Какъ бы тамъ ни было, но, благодаря этому, благоговѣйно сохранилась архаичность былины, сохранилась въ ней даже обстановка кіевской природы,—обстановка, чуждая сѣверу: «гнѣдой туръ», «ковыль-трава», «богатырь съ шеломомъ на головѣ» — для сѣверянина все это совершенно непонятные образы; «сырой дубъ» совершенно ему невѣдомъ. Видалъ ли онъ хоть разъ на вѣку «раздолье, чисто-поле?» Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представленіе для

Отношеніе къ былинѣ пѣвца профессіонала и сказителя мужика.

[1]) Впрочемъ, народъ смотритъ на пѣніе старинъ всетаки, какъ на нѣчто грѣховное: „Не гоже нонѣ сказывать"—сказалъ однажды Рябининъ Рыбникову — „нонѣ постъ".

[2]) „Импровизаціей" называется творчество, вызванное мгновенной вспышкой „вдохновенія".

него совершенно чуждое, ибо поля, какія онъ видитъ,—это маленькія, по бóльшей части, усѣянныя каменьями и пнями, клочки пашенъ, либо сѣнокосы, окруженные лѣсомъ; если же виднѣется, кое-гдѣ, чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна,—это трясина» (Гильфердингъ).

Итакъ, сложенная давно и не въ сѣверныхъ губерніяхъ, былина теперь *лишь сохраняется* на сѣверѣ въ заботливыхъ, но неумѣлыхъ рукахъ, отчего она всетаки *искажается*, глохнетъ и вырождается...

Дальнѣйшая судьба былины. а) возможная (эволюція былины).

Дальнѣйшая судьба былины. Естественное развитіе былины должно было ее привести къ поэмѣ въ родѣ Иліады. Прежде, чѣмъ достигнуть этого высшаго фазиса развитія народная эпическая пѣсня всегда переживаетъ три момента: 1) періодъ разбросанныхъ пѣсенъ, 2) періодъ цикловъ и 3) періодъ поэмы—соединеніе всѣхъ пѣсенъ въ одно произведеніе, охватывающее цѣлую эпоху. Русскій эпосъ остановился въ своемъ развитіи на второмъ періодѣ, перейти къ третьему помѣшала ему наша историческая судьба.

b) дѣйствительная (отсутствіе развитія и паденіе).

Паденіе Кіева воспрепятствовало сложенію тамъ эпопеи; вторженіе западнаго вліянія въ XVI—XVII вв. помѣшало Москвѣ создать свою эпопею, въ которую бы подвиги отдѣльныхъ богатырей вошли, какъ звенья одной цѣпи. Самое историческое содержаніе русской поэзіи для поэмы не было вполнѣ подходящимъ. Отношенія Кіева и Москвы къ *степи* (печенѣги, татары...) было явленіемъ длительнымъ (продолжалось нѣсколько вѣковъ),—для подъема же народнаго творчества нужно впечатлѣніе краткое, ограниченное ясными предѣлами—нужно *событіе.* Наконецъ, у насъ «личное» творчество въ XII в. и потомъ въ XVI и XVII вв. только еще начинало выдѣляться изъ «массоваго», а для созданія эпопеи нужна *личность*, и въ то же время *цѣльность интересовъ,* связывающая всѣ слои общества,—нужно то единство культурнаго развитія, которое было въ Греціи, гдѣ увлеченіе Гомеромъ одинаково было во всѣхъ слояхъ общества. Въ XVIII в. у насъ, какъ будто, проявилась наклонность создать изъ былины и сказки что-то въ родѣ эпопеи, но это были попытки или псевдоклассиковъ (Херасковъ—поэмы: «Россіада», «Владиміръ», «Бахаріана»)—или людей, тронутыхъ вольтерьянствомъ (Чулковъ—«Русскія сказки»). Карамзинъ и Радищевы тоже пробовали воспользоваться образами русской былины для своихъ поэмъ (Карамзинъ—«Илья Муромецъ», Радищевы (отецъ и сынъ),—«Бова Королевичъ», «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ»). Но и эти попытки оказались неудачными: духъ народной поэзіи былъ непонятенъ людямъ XVIII в.,—оттого герои ихъ искусственныхъ поэмъ приняли сентиментальную, или рыцарскую окраску. Лишь XIX вѣкъ далъ въ изящной литературѣ, въ живописи и въ музыкѣ прекрасные образчики народной поэзіи, не извращенной, а *облагороженной* искусствомъ. У Ал. Толстого есть рядъ «былинъ», герои которыхъ извѣстны намъ изъ народной поэзіи: всѣ типичныя черты ихъ бережно сохранены поэтомъ—и, въ то же время, въ нихъ тонко и художественно отмѣчены самые *мелкіе изгибы* ихъ души, не уловленные грубымъ рисункомъ народной поэзіи. Оперы Римскаго-Корсакова—«Садко» и «Китежъ», музыкальная фантазія Аренскаго на мотивы изъ былинъ свидѣтельствуютъ о тѣхъ блестящихъ результатахъ, къ которымъ можетъ прійти національная музыка, если не будетъ гнушаться простыми мелодіями былины.

Русская былина въ XVIII в.

Русская былина въ XIX в.

Разложеніе.

«Разложеніе» былины,—процессъ, которому подверглась она въ Мало-

россіи, Бѣлоруссіи и въ центральныхъ губ., сводится къ тому, что она потеряла размѣръ, обратившись въ *побывальщину* и *сказку*,—въ устахъ народа, въ *повѣсть*—въ рукахъ книжника. Затѣмъ этотъ процессъ привелъ также къ тому, что имена богатырей, до того времени очень почтенныя—или стали блуждать по другимъ произведеніямъ, примыкая, въ качествѣ второстепенныхъ, къ другимъ сюжетамъ (напр., богатыри въ «пѣснѣ о добромъ молодцѣ и королевишнѣ», или въ казацкихъ и разбойничьихъ пѣсняхъ),—или сдѣлались предметомъ глумленія, давъ матеріалъ для *пародій*. Изъ такихъ «сказокъ» укажу одну, гдѣ въ роли Иванушки-дурачка фигурируетъ Илья Муромецъ,—стережетъ тѣло покойнаго отца и за это, въ награду, получаетъ свинку-золотую-щетинку.

Былина—побывальщина—сказка—повѣсть.

Пародія.

Повѣсти «богатырскія»—это тѣ прозаическія записи былинъ, которыя попадаются въ рукописяхъ съ XVII-го вѣка. Благодаря литературной обработкѣ, въ XVIII в. изъ былины создался цѣлый рядъ романовъ на волшебно-рыцарскій ладъ (Чулковъ — «Русскія сказки» и др.).

Повѣсть и романъ изъ былины.

Какъ образецъ претворенія былины въ простую пѣснь, можно привести былину о Дунаѣ и Настасьѣ Королевишнѣ. Дунай расхвастался на пиру, что его любитъ королевишна; за это его приговариваютъ къ смерти, но королевишна спасаетъ его. Имя Настасьи въ дальнѣйшей исторіи былины замѣняется Аннушкой, Еленой Королевичной, Прекрасой Королевичной, дѣвицей-Королевичной. Король Ляховинскій, отецъ Настасьи, смѣняется королемъ шведскимъ, прусскимъ. Затѣмъ начинается пріуроченіе пѣсни къ условіямъ новаго мѣста и новаго времени. Мѣсто дѣйствія, уже потерявшее связь съ столицей короля Ляховинскаго, связывается съ Москвой; героиня—Волконская, герой—Ваня-Ключникъ. Затѣмъ теряется фамилія,—остается княгиня и лакей, наконецъ, помѣщичья дочь и холопъ-дворовый... Былина превратилась въ «безымяную балладу».

Претвореніе былины въ бытовую пѣсню.

Что касается до «пародій» на былинныхъ героевъ, то ихъ можно насчитать нѣсколько. По словамъ Афанасьева, «лукавая насмѣшливость народа наиболѣе выдается въ тѣхъ разсказахъ, гдѣ юморъ народный направленъ противъ тѣхъ самыхъ повѣрій, какія нѣкогда составляли неприкосновенную, для стариннаго человѣка, святыню. Даже обаятельная сила поэтическихъ сказаній не въ силахъ защитить эту отдаленную старину отъ сомнѣній пробуждающагося ума. И вотъ, словно въ отместку за прежнюю безотчетную вѣру въ преданіе, народъ не прочь посмѣяться надъ сказочными богатырями,—созданіями его же собственной фантазіи. Такъ, въ одной сказкѣ объ Иванѣ-дурачкѣ невзрачный и безсильный мужичишка разыгрываетъ роль сильнаго, могучаго богатыря, и предъ нимъ теряютъ всю свою строгоэпическую важность нарочно-выведенные съ нимъ рядомъ Илья Муромецъ и Добрыня. Къ такимъ же пародіямъ надо отнести и сказку объ Алешѣ Голопузомъ, сказку о Ѳомѣ Беренниковѣ и мн. др.

Возникновеніе пародій на былину.

Впрочемъ, богатырскій эпосъ еще далекъ отъ окончательной гибели. Недавніе поиски въ Поморьѣ увѣнчались неожиданными открытіями; оказывается, тамъ свѣжесть былевого эпоса сохранилась поразительно яркой, болѣе даже яркой, чѣмъ въ Олонецкой губ.; на сѣверѣ Россіи недавно гг. Марковъ, Григорьевъ и Ончуковъ записали нѣсколько былинъ, совершенно

Новыя записи былинъ

новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ [1]) и много старыхъ, но съ неизвѣстными варіантами.

Особенности былинъ „новой записи".

Въ этихъ новыхъ записяхъ есть такіе факты, которые не наблюдались въ былинахъ Олонецкихъ—здѣсь есть пѣсни о древнихъ князьяхъ (Глѣбъ Володьевичъ, Олегъ Черниговскій) и, рядомъ съ этимъ, цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ, не умѣстившихся въ рамкахъ старой былевой поэзіи. Все это говоритъ намъ о томъ, что старина еще свѣжа въ народной поэзіи, что на крайнемъ сѣверѣ нескоро умретъ у насъ богатырская былина.

Историческія пѣсни.

§ 17. *Историческія пѣсни* [2]). Если въ основѣ многихъ былинъ надо видѣть историческое событіе, или группу послѣдовательныхъ однородныхъ событій (напр., нашествія степныхъ народовъ), то эта живая связь съ историческимъ фактомъ, съ дѣйствительностью, прерывалась, когда былина попадала въ новую обстановку,—обстановку сѣверной Руси. Былина сохранилась въ памяти народа, какъ святыня, но въ ней долженъ былъ умереть и умеръ живой пульсъ жизни; въ ней изсякъ лиризмъ, связанный съ живыми впечатлѣніями, идущими отъ изображаемаго событія. Оттого и многія дѣйствующія лица былины потеряли ясность очертаній и заволоклись туманомъ „общихъ мѣстъ" эпическаго творчества,—оттого и событія, въ ней изображаемыя, общи и безразличны и легко соединялись съ ходячими сюжетами.

Отличіе былины отъ истор. пѣсни.

Историческія условія, создавшія истор. пѣсню.

Между тѣмъ, новая культурная жизнь, сложившаяся на сѣверо-востокѣ Руси,—богата была новыми впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія отражались въ народномъ творчествѣ,—письменномъ и устномъ: „злыя времена" татарщины, Грозный Царь, Смутное время,—все это были эпохи и явленія крупныя — и народъ отозвался на нихъ не только „повѣстью", но и „лироэпической пѣсней". Какъ быстро, непосредственно за фактомъ, складывались подобныя произведенія, лучше всего свидѣтельствуютъ пѣсни, записанныя для Джемса. Оксфордскій баккалавръ Ричардъ Джемсъ былъ въ

Записи Джемса.

---

[1]) Марковъ записалъ слѣдующія новыя старины и историческія пѣсни: „Вдова, ея дочь и сыновья-корабельники",—„Иванъ Дородовичъ и Софья-царевна", „Жданъ-царевичъ", „Идолище сватается за племянницу князя Владимира", „Князь Глѣбъ Володьевичъ", „Встрѣча двухъ купцовъ въ кабакѣ", „Купеческая дочь и царь", „Семейная жизнь Петра I", „Шведская война при Екатеринѣ II", „Женитьба Добрыни", „Камское побоище", и др. Г. Григорьевъ записалъ, между прочимъ, слѣдующія: „Соломанъ и Василій — король Прекрасный", „Илья Муромецъ покупаетъ коня и воюетъ съ Полубѣлымъ", „Дунай сватаетъ невѣсту князю Владимиру", „Сватовство царя Вахрамея—къ племянницѣ князя Владимира", „Путешествіе Вавилы со скоморохами", „Побѣда богатырей князя Олега Черниговскаго со Святогоромъ во главѣ надъ войсками царя Додона", „Женитьба Владимира на греческой княжнѣ".

[2]) „Историч. Хрестоматія", I 54—60.

Москвѣ въ 1619 году, и вывезъ отсюда нѣсколько народныхъ пѣсенъ, по содержанію касавшихся тогдашнихъ событій. Въ этихъ пѣсняхъ чувствуется наличность симпатій и антипатій народа,— оттого въ нихъ есть и лиризмъ, даже драматизмъ,—оттого въ нихъ есть пониманіе фактовъ, живое, хотя, быть можетъ, и своеобразное. Записи Джемса до 60-хъ годовъ XIX ст. хранились въ Оксфордѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ, имъ записанныхъ.

Общая характеристика пѣсенъ Джемса.

Эти лироэпическія пѣсни совершенно правильно носятъ названіе „историческихъ“. Въ нихъ дѣйствуютъ уже не богатыри, съ чудесными подробностями жизни, а историческія личности, близкія къ разряду обыкновенныхъ людей, связанныя съ опредѣленной эпохою, съ ея событіями, — и нерѣдко, не только носящія историческія имена, но и въ точности совершающія свои, отмѣченныя исторіею, дѣянія. Впрочемъ, и въ „историческихъ пѣсняхъ“ порой проскальзываетъ фантастика старой былины,—эпическія чудеса и сверхъестественность подвиговъ, но эта примѣсь поэтической старины является здѣсь незначительной и несущественной.

„Пѣсня о Скопинѣ-Шуйскомъ“.

Пѣсня о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. По мнѣнію Буслаева „это произведеніе, въ своемъ, родѣ единственное, ничего не имѣющее подобнаго себѣ въ древней нашей литературѣ“. Отдѣльными мѣстами оно напоминаетъ „Слово о полку Игоревѣ“, но превосходитъ его художествомъ построенія. Подробностей оно не даетъ, -оно все построено на изображеніи настроеній разныхъ лицъ, — пріемъ, тоже приближающій названное произведеніе къ „Слову о полку Игоревѣ“. Начинается оно описаніемъ горя москвичей по поводу смерти Скопина-Шуйскаго. Затѣмъ являются князья Мстиславскій и Воротынскій и съ злобною радостью говорятъ объ его смерти, называя его „соколомъ“, слишкомъ высоко залетѣвшимъ; затѣмъ слышатся опять тоскливые мотивы, — жалоба свейскихъ (шведскихъ) нѣмцевъ, потерявшихъ въ лицѣ Скопина-Шуйскаго талантливаго и любимаго вождя.

Содержаніе пѣсни.

Оригинальныя черты въ пѣснѣ.

Въ этой пѣснѣ оригинальнымъ является: — 1) богатый элементъ драматизма, — 2) иронія, который пронизала старинный эпическій образъ сокола-неудачника. Иронія эта рѣзко выступаетъ среди горькаго сочувствія москвичей и нѣмцевъ къ судьбѣ сокола. Особенную красоту этой пѣсенки составляетъ свѣжесть

вдохновенія, вызванная только что совершившимся событіемъ; та теплота чувства, въ которой слышится симпатія къ общему дѣлу, еще не остывшему въ памяти.

Та же пѣсня въ сборникѣ Данилова.

Въ пѣснѣ того же сюжета изъ сборника Кирши Данилова мы видимъ тѣ же эпическіе мотивы, что и въ былинахъ о богатыряхъ—напротивъ, въ пѣснѣ, записанной у Джемса, ясны еще проблески лирическаго настроенія.

„Пѣсня о Ксеніи".

Пѣсня о царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ Годуновой. Въ двухъ пѣсняхъ, названныхъ у Джемса пѣснями Ксеніи Годуновой, мы въ исторіи нашей поэзіи впервые встрѣчаемся съ пріуроченіемъ пѣсни къ имени опредѣленнаго автора. По свидѣтельству хронографа Кубасова, Ксенія „гласы воспѣваемые любляше", т. е. была любительницей пѣсенъ, быть можетъ, даже сочинительницей ихъ.

Содержаніе.

Ксенія представлена въ пѣснѣ „бѣлою перепелочкою", которая горюетъ о разоренномъ гнѣздышкѣ и побитыхъ дѣтенышахъ. Горе ея не изображено глубокимъ и сильнымъ. Она прощается съ хоромами, съ нарядами и уборами:

«Сплачется мала-птичка,
Бѣлая перепелочка:
«Охте, мнѣ, молоды, горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати!..
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка, Отрепьевъ-растрига!
Что хотятъ меня, хотятъ постригати,
Чернеческой чинъ наложити!
Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
Чернеческой чину не сдержати,
Отворити будетъ темна келья—
На добрыхъ молодцевъ посмотрити!

Личность древнерусской дѣвушки по пѣснѣ.

Въ этой пѣснѣ нѣтъ драматическаго движенія страсти. Объясняется это тѣмъ, что создана была пѣсня, очевидно, женщиной. Скрытая отъ людей въ дѣвичествѣ, приниженная въ замужествѣ, русская женщина отстала отъ мужчины въ выясненіи своей „личности". Вся сотканная изъ общихъ формулъ эпической поэзіи—пѣсня эта, однако, полна движенія: она вся—монологъ, состоящій изъ вопросовъ и восклицаній—въ ней нѣтъ монотоннаго разсказа былины. Но лиризмъ ея оказался слабымъ,—очевидно, авторъ еще не сумѣлъ передать въ общихъ формулахъ народной пѣсни, даже лирической, всего ужаса трагической судьбы Ксеніи.

Буслаевъ объ этой пѣснѣ.

Акад. Буслаевъ, со свойственнымъ ему тонкимъ чутьемъ, вскрылъ въ этой пѣснѣ нѣкоторыя стороны народнаго отношенія къ Ксеніи,—сумѣлъ объяснить, почему въ этой пѣснѣ такъ мало драматизма, — старинная русская дѣвица изъ высшаго сословія не могла дать рѣзкихъ очерковъ и яркаго колорита своему поэтическому портрету,—

«Древнерусская дѣвица укрылась отъ страсти въ своемъ теремѣ и умѣла выстрадать нѣкоторыя нѣжныя качества души—кротость и стыдливость; но, при наивной застѣнчивости своей, не нашла имъ лирическаго выраженія въ старинномъ эпическомъ складѣ нашей поэзіи». «Старинная поэзія оставалась вѣрна себѣ, и, въ этомъ случаѣ, не вошла въ трогательныя изліянія чувствъ сироты, предоставивъ оплакиванье—старинным, уже всему міру извѣстнымъ, причитаніямъ».

Припомнимъ, какъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ", покорный эпическому складу своего народа, сравнилъ тоскующую Ярославну съ зегзицею (кукушкою), — въ разбираемой пѣснѣ героиня уподоблена перепелочкѣ, которая чуетъ своимъ маленькимъ встревоженнымъ сердцемъ, что не миновать ей клѣтки.

Кромѣ трехъ указанныхъ пѣсенъ, въ записяхъ Джемса мы находимъ нѣсколько историческихъ: „Въѣздъ патріарха Филарета въ Москву", „Набѣгъ крымскихъ татаръ". Эти произведенія примыкаютъ къ разряду чисто-эпическихъ.

Дотатарскій періодъ русской жизни не нашелъ отраженія въ „исторической пѣснѣ",—вѣрнѣе предположить, что той пѣсни не сохранилось до насъ,—она слилась съ былевымъ эпосомъ.

Пѣсни татарской поры. a) „объ Авдотьѣ Рязаночкѣ".

Изъ пѣсенъ *татарскаго* періода популярны: „*Пѣсня объ Авдотьѣ Рязаночкѣ*", „*О двухъ королевичахъ изъ Кракова*". Въ первой пѣснѣ живо и ярко изображено разореніе Рязани царемъ Махметомъ; онъ уводитъ въ плѣнъ многихъ жителей. Одна изъ женщинъ рязанскихъ, Авдотья, является къ нему въ станъ, съ просьбой освободить ея родственниковъ. Царь предлагаетъ ей на выборъ брата, мужа, или сына; она выбираетъ брата на томъ основаніи, что мужа и сына она еще можетъ имѣть. Сюжетъ пѣсни чисто-сказочный, извѣстный въ поэзіи другихъ народовъ, но фонъ пѣсни чисто-историческій. Въ *Пѣснѣ о двухъ королевичахъ* разсказывается, какъ два польскіе витязя въ степи встрѣчаютъ третьяго, вступаютъ съ нимъ въ бой и чуть не убиваютъ его,—между тѣмъ, это оказывается ихъ братъ, бѣжавшій изъ татарскаго плѣна. Къ наиболѣе древнимъ историческимъ пѣснямъ должна быть отнесена „*Пѣсня о разореніи Кіева Батыемъ*".

b) „о двухъ королевичахъ".

c) „татарскій полонъ".

Любопытна, съ бытовой стороны, пѣсня: „*Татарскій полонъ*": старуха-русская достается въ плѣнъ татарину, который оказывается ея зятемъ, такъ какъ женатъ на русской дѣвушкѣ, дочери старухи, ранѣе ея взятой въ плѣнъ. Въ качествѣ рабыни, старуха должна няньчить своихъ внуковъ-татарчатъ.

б) „о Щелканѣ Дудентьевичѣ“.

Особенно характерна *Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ.* Во время дѣлежа русской земли между родственниками ханъ Азвякъ отдаетъ шурину своему Щелкану Тверь, если онъ зарѣжетъ сына своего и выпьетъ чашу его крови. Тотъ это исполняетъ. Тверью управлялъ Щелканъ сурово,—съ жестокостью, присущей татарамъ: такъ, собирая для хана дани, онъ—

«Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ —
У того дитя возьметъ!
У котораго дитя нѣтъ—
У того жену возьметъ!
У котораго жены нѣтъ —
Того самого съ головой возьметъ!

Въ Твери онъ начинаетъ „безчестить, позорити, ругаться, насмѣхатися“. Мужики тверскіе жалуются на Щелкана князьямъ Борисовичамъ, и, подъ ихъ началомъ, избиваютъ татаръ. Лѣтопись подтверждаетъ это событіе: въ 1327 году было возстаніе хверитянъ, убившихъ Шевкала, сборщика податей, присланнаго аномъ Узбекомъ.

Пѣсня о Грозномъ. Татары въ этихъ пѣсняхъ. а) Свадьба Царя.

Дѣйствующими лицами татары еще являются въ *пѣсняхъ о Грозномъ: „Взятіе Казани“* и *„Свадьба царя на Маріи Темрюковнѣ“*. — Суть второй пѣсни заключается въ разсказѣ о посрамленіи брата царской невѣсты Кострюка Темрюковича, который, пріѣхавъ съ сестрой, хвалится, что всѣхъ русскихъ поединщиковъ онъ побѣдитъ. Неказистый, хроменькой Потанюшка, однако, одерживаетъ верхъ.

Внѣшность русскаго богатыря обрисована очень обстоятельно:

«Какъ выскакивалъ одинъ бѣдной богатырь тутъ —
Онъ вѣдь бѣдненькой, все самъ нездоровенькой,
Ишше по имени то Хроменькой Потанечка,
Ишше Хроменькой Потанечка нездоровенькой.
Онъ сутулъ, все горбатъ, онъ былъ напередъ покляпъ—
Онъ на праву-то ноженьку все припадывалъ,
На лѣву-ту, онъ, ноженьку, подковыривалъ.
По пережиму-ту былъ самъ пережимистый [1]).
Ай силой былъ несильной, — все напускомъ смѣлъ!

Побѣдивъ татарскаго нахвальщика, Потанюшка надсмѣялся надъ нимъ, — раздѣлъ до-нага, „вылупилъ“ изъ одежды и пустилъ въ такомъ видѣ по Москвѣ. Марія Темрюковна жалуется царю на такой поступокъ Потанюшки, но царь, раздосадованный вызывающимъ поведеніемъ зятя и сочувствіемъ къ нему Маріи,

[1]) Съ тонкой таліей.

беретъ сторону Потани, сказавъ: „не то-то намъ дорого, что татаринъ похваляется, а то-то намъ дорого, что русакъ насмѣхается!“. И женитьба царя на Маріи, и существованіе у нея брата, прибывшаго въ Москву, документами подтверждается, но о поединкѣ не сохранилось никакихъ указаній [1]).

b) Взятіе Казани.

Пѣсенъ *о взятіи Казани* довольно много; въ нихъ историческая истина, доходящая до того, что воспроизводятся даже мелкія детали осады и рѣчи Грознаго, — свободно сливается съ фантазіей народа. Такъ, въ качествѣ участника похода названъ Ермакъ съ товарищами; даже попадается иногда Стенька Разинъ.

„Пѣсни о завоеваніи Сибири“

Любопытны *Пѣсни о завоеваніи Сибири*. Народъ сохранилъ въ нихъ довольно точно память объ Ермакѣ, о его подвигахъ, сохранилъ даже географическія имена, подробности смерти удалого атамана.

„Пѣсня о казни царевича“

Особый интересъ представляетъ собой *Пѣсня о казни царевича*. Въ этой пѣснѣ во весь ростъ обрисованъ Грозный царь, съ его страстными порывами, приводившими его отъ гнѣва къ раскаянію. Такое тонкое пониманіе психики одной изъ самыхъ сложныхъ личностей нашей исторіи дѣлаетъ честь народному творчеству. Содержаніе пѣсни слѣдующее: на пиру у Грознаго всѣ порасхвастались. Самъ Грозный сталъ похваляться тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ русской земли. Какъ извѣстно, это „выведеніе измѣны“ было idée fixe царя. Похвальба царя коварно оспаривается царевичемъ Иваномъ, который, желая погубить брата Θеодора, прозрачно намекаетъ на него. „Стемнѣлъ тутъ грозный царь, какъ темна ночь; заревѣлъ царь, какъ левъ да звѣрь“—наступаетъ одинъ изъ ужасныхъ пароксизмовъ слѣпого гнѣва. Царевичъ обреченъ смерти. На злое дѣло является сейчасъ же Малюта Скуратовъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ для народа лицъ [2]). Царевича везутъ на лобное мѣсто, но во время поспѣваетъ Никита Романовичъ,—этотъ, въ глазахъ народа,

Психологія царя.

---

[1]) Юмористическое отношеніе къ татарамъ сказывается въ изображеніи ханскаго двора, гдѣ ханъ „суды разсуживаетъ, ряды разряживаетъ, бьетъ костылемъ по бритымъ лбамъ, по плѣшивымъ головамъ“.

[2]) „Въ нѣкоторыхъ варіантахъ въ роли палача Малюты является то или другое изъ несимпатичныхъ лицъ богатырскаго эпоса—Алеша, или Чурила. Любопытно, что самъ Скуратовъ сдѣлался въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ нарицательнымъ именемъ во множ. числѣ: „палачи *скурлаты* немилостивые“.

добрый геній Грознаго царя,—и царевичъ спасенъ. Между тѣмъ, горе овладѣваетъ царемъ,—онъ сѣтуетъ, что никто изъ приближенныхъ не заступился за царевича. Жалоба эта звучитъ удивительно правдиво съ психологической точки зрѣнія: таковъ, дѣйствительно, былъ Грозный, всегда искавшій вины за свои дѣянія съ приближенныхъ. Онъ жалобится: „какъ по ворамъ, было, по разбойникамъ есть заступники—по моемъ, было, рожономъ дитяткѣ, по немъ не было никакой заступушки". По приказанію царя, обѣдню служатъ „по печальному",—всѣ облекаются „въ одежицы опальныя". Стоитъ Грозный въ церкви,—и въ сердцѣ его разгорается новый гнѣвъ, на этотъ разъ на своихъ приближенныхъ. Народъ даетъ понять въ своей пѣснѣ, что должно произойти, только кончится обѣдня,—начнется расправа съ боярами: „съ господъ со всѣхъ и князей со живыхъ шкуры сдеретъ, велитъ зашивать ихъ въ медвѣжины и пускать по Москвѣ-рѣкѣ; всѣмъ боярамъ переборъ будетъ". Никита Романовичъ является въ церковь въ цвѣтномъ платьѣ и привѣтствуетъ царя: „здравствуй, съ благовѣрной царицей и съ двумя сыновьями—Θеодоромъ Ивановичемъ и Иваномъ Ивановичемъ!.." Еще моментъ, и ярость Грознаго разразится здѣсь, въ церкви, во время богослуженія; это чувствуется въ пѣснѣ. Но Никита Романовичъ показываетъ спасеннаго имъ царевича, и радость, опять столь же бурная, какъ и злоба, овладѣваетъ царемъ. Въ награду за великое дѣло спасенія царевича, Никита проситъ для себя милости,—особаго права для своей вотчины быть убѣжищемъ для опальныхъ: „кто въ Микитину отчину ушелъ, того и Богъ унесъ, а не было бы ни иску, ни отыску". Совершенно справедливо было указано, что въ этой пѣснѣ внѣшней правды очень мало: извѣстно, что не казненъ, а убитъ былъ Иванъ Ивановичъ, а не Θеодоръ, но зато внутренняя правда выдержана замѣчательно: характеръ дѣйствующихъ лицъ, быстрая смѣна настроеній въ душѣ Грознаго, — все это схвачено удивительно удачно; народъ очень твердо запомнилъ грозу этого царствованія, и, хотя отъ нея больше терпѣли бояре, немало не смягчилъ отъ этого обстоятельства воспроизведенный имъ образъ Грознаго, сумѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать въ немъ черты не только лютого звѣря, но и человѣка.

„Правежъ". Въ пѣснѣ *„Правежъ"* Грозный прощаетъ одного преступника, который отнялъ казну у разбойниковъ,—казну пропилъ, а платьемъ надѣлилъ нищихъ, „всѣхъ босыхъ". Царь награждаетъ молодца. Въ другой пѣснѣ онъ прощаетъ молодца, убившаго

опричника: оказывается, опричникъ былъ „золъ татарченокъ" и поносилъ святую Русь, восхваляя татаръ [1]. ×

Пѣсни южнорусскія (думы).

Очень интересны также *пѣсни южнорусскія*. Всѣ, дошедшія до насъ, изображаютъ борьбу съ татарами, турками, или поляками. Изъ этихъ пѣсенъ *„думами"*, обыкновенно, называются тѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго размѣра, имѣютъ рифму, не составляютъ общенароднаго достоянія, а хранятся спеціалистами кобзарями и бандуристами и поются подъ аккомпаниментъ инструментовъ.

Пѣсня о Байдѣ".

Слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ историческихъ пѣсенъ южнорусскаго происхожденія. Въ *пѣснѣ о Байдѣ* поется о томъ, какъ онъ гулялъ въ Царьградѣ, какъ его стали склонять въ магометанство, обѣщая султанскую дочку въ жены, но онъ издѣвается надъ турецкой вѣрой и дочерью султана, почему его схватываютъ и вѣшаютъ за ребро. Передъ смертью онъ получаетъ отъ своего товарища лукъ и стрѣлы и убиваетъ султана, жену его и дочь. Было высказано предположеніе, что въ образѣ этого Байды народъ сохранилъ воспоминаніе объ одномъ изъ любопытныхъ людей эпохи, о безпокойномъ авантюристѣ середины XVI вѣка—польскомъ панѣ Димитріи Вишневецкомъ, который самъ дѣлалъ набѣги на Крымъ, былъ и въ русской службѣ, былъ и господаремъ въ Молдавіи и, наконецъ, выданный туркамъ, былъ повѣшенъ на желѣзныхъ крюкахъ въ Константинополѣ и послѣ былъ убитъ за издѣвательство надъ Магометомъ.

„О побѣгѣ Самуила Кошки". „О Марусѣ Богуславкѣ".

Пѣсня о побѣгѣ Самуила Кошки изъ плѣна турецкаго разсказываетъ исторію бѣгства изъ Турціи казацкаго атамана. Интересны двѣ пѣсни, полныя драматизма; 1) *о Марусѣ Богуславкѣ* и—2) *о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова*. Марія Богуславка—русская дѣвушка, попавшая въ плѣнъ и купленная султаномъ; онъ ее полюбилъ, и она привязалась къ нему и измѣнила вѣрѣ предковъ,—„потурчилась". Но не могла забыть она родной Украйны; она воспользовалась отсутствіемъ султана и выпустила изъ тюрьмы томившихся тамъ единоплеменниковъ. Прощаясь съ ними, она проситъ передать родителямъ, чтобы они не собирали деньги на выкупъ ея: она обасурманилась и на милую родину не пойдетъ. Такимъ образомъ, въ этой прочувствованной пѣснѣ изображена борьба въ душѣ молодой женщины—

---

[1]) Изъ пѣсенъ о Грозномъ можно назвать еще—„Осаду Пскова", „Царь въ Серпуховѣ", „Гнѣвъ на Вологду", „Царь сослалъ царицу въ монастырь", „Смертъ Грознаго царя Ивана Васильевича"

любовь къ султану и тоска по родинѣ и, милымъ ея сердцу, родителямъ.

„О побѣгѣ трехъ братьевъ“.

Въ *Пѣснѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова* разсказано, какъ они вырвались изъ плѣна—двое на коняхъ, третій—пѣшій. Братья отказываются взять съ собою пѣшаго, такъ какъ тогда всѣ трое погибнутъ, не уйдутъ отъ погони... Покинутый братъ проситъ, чтобы они бросали что-нибудь по дорогѣ,—тогда, быть можетъ, онъ найдетъ дорогу на родину. Шелъ онъ, шелъ,—наконецъ, измученный, падаетъ въ степи. Голодъ и жажда его мучаютъ, вѣтеръ сбиваетъ съ ногъ. «Наконецъ, приближается онъ къ Сауръ-могилѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ въ девятый день бѣгства, ожидая дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чернокрыльцы, садились въ головахъ и надъ живымъ хотѣли ужъ справить темныя похороны. И говоритъ онъ: «волки сѣрые, орлы чернокрылые, гости мои милые! обождите хоть немного, пока казацкая душа разлучится съ тѣломъ! Тогда вы будете мнѣ черны очи выклевывать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдать, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камушками». Прошло еще нѣсколько времени. «Ужъ онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и яснаго неба не видитъ.. На небо взираетъ, тяжко вздыхаетъ: «Голова казацкая, бывала ты въ странахъ турецкихъ, межъ народовъ басурманскихъ, а теперь пришлось тебѣ погибнуть на безводіи, на безхлѣбіи, и девятый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голода погибаю»! Сказалъ,—и «не черная туча полетѣла, не буйны вѣтры подули: то казацкая молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась; тогда сѣрые волки сбѣжались и чернокрылые орлы налетѣли, въ головахъ садились и черныя очи выклевывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали».

Пѣсня Смутнаго времени.

Въ этихъ южнорусскихъ пѣсняхъ эпосъ сочетался съ лирикой; преобладая въ однѣхъ пѣсняхъ, онъ исчезаетъ въ другихъ, цѣликомъ уступая мѣсто лиризму. Совершенно того же типа великорусскія пѣсни разбойничьи.

„Убіеніе царевича Дмитрія“.

„Убіеніе царевича Димитрія“. Смутное время выразилось въ этой пѣснѣ полно и ярко. Въ ней народъ, расправляясь съ Годуновымъ, котораго призналъ убійцей царевича Димитрія („Убіеніе царевича Димитрія“), осудилъ Григорія Отрепьева и Марину, окружилъ ореоломъ мученичества любезнаго всѣмъ Скопина-Шуйскаго. Несчастный царь Василій Шуйскій, Прокопій Ляпуновъ, сумятица Московскаго царства, темные и свѣтлые герои ея, Кузьма Мининъ и князь Пожарскій, освобожденіе Москвы, избраніе Михаила Федоровича—всѣ эти картины и образы поразили народное воображеніе,—всѣ выразились пѣснями, въ которыхъ сказалось національное самосознаніе народа. Старая

былина сдѣлалась менѣе интересной. Москва выдвинула новую жизнь, новые запросы—понадобились и новыя пѣсни. Эти пѣсни тянутся длинной цѣпью вплоть до новѣйшаго времени, отмѣчая собою важнѣйшіе факты русской жизни [1]).

Эпоха Петра Великаго въ народныхъ пѣсняхъ.

Петръ Великій, его сподвижники и многія событія его времени тоже отразились въ народномъ творчествѣ въ огромномъ числѣ пѣсенъ. Народъ слѣдилъ внимательно за жизнью императора, почти каждое событіе ея отмѣчалъ, иногда очень своеобразно [2]). Большая группа пѣсенъ связана съ Шереметевымъ, — лицомъ, очевидно, дорогимъ народу. Затѣмъ немало пѣсенъ связано съ Полтавой, Карломъ XII, Мазепой [3])...

Отношеніе народной пѣсни къ Петру В.

Народная пѣсня совершенно не коснулась преобразованій Петра, зато отмѣтила въ его жизни и дѣятельности такія черты, которыя особенно поразили народъ. Любопытна, въ этомъ отношеніи, пѣсня, въ которой разсказано, какъ „царь борется съ драгуномъ“; это произведеніе интересно по своеобразному народно-поэтическому представленію той простоты, съ какой Петръ безразлично обращался со всѣми,—ласковаго Владимира Красное-Солнышко народъ никогда не допустилъ бы до борьбы съ драгуномъ. Старый эпическій князь былъ простъ и общедоступенъ, но онъ былъ чуждъ того своеобразнаго демократизма, который такъ характеренъ для Петра В.

„Семейная жизнь Петра I“.

Какъ на образецъ внимательнаго отношенія народа къ событіямъ жизни императора, можно указать на любопытную пѣсню: „*Семейная жизнь Петра I*“.

Въ ту ночь, когда родился Петръ Алексѣевичъ, всю ночь работали надъ его колыбелькой плотники, а нянюшки и мамушки готовили ему наряды. Когда царевичъ сталъ подростать, то уже семи лѣтъ отъ роду, обнаружилъ и умъ, и охоту къ ученію. Когда пришло ему время жениться онъ заявилъ, что въ Москвѣ съ молодой женой жить не желаетъ, и сталъ

[1]) „Царствованіе Алексѣя Михайловича“, „Земскій соборъ при Алексѣѣ“, „Осада Соловецкаго монастыря“, „Подъ Ригой“; цѣлый кругъ пѣсенъ о Разинѣ: „Стенька Разинъ народился и проявился“, „Переходъ Разина на Волгу“ „Разинъ на Соколѣ-кораблѣ“, „Стоянка Разина“, „Искушеніе и опасность Разину въ Астрахани“, „Сборъ Разина въ Астрахань“, „Пѣсня Разина“, „Смерть Разина“.

[2]) „Рожденіе царя“, „Первые годы и отъѣздъ въ чужую сторону“, „Возстаніе и казнь стрѣльцовъ“, „Азовскіе походы“, „Походы шведскіе“, „Русскій сонъ“, „Видѣніе королю шведскому“, „Сборы шведскіе“, „Выступъ войска“.

[3]) „Царь на пути къ Шлиссельбургу“, „Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно“, „Осада Выборга“, „Сборы подъ Полтаву“, „Полтавское дѣло“, „Мазепа подъ Полтавой со шведами“, „Царь московскій и побѣда“, „Бѣгство къ Бендерамъ“, „Смерть Мазепы“ и т. д. Кончается циклъ пѣсенъ о Петрѣ пѣсней о смерти государя и рядомъ „плачей“ о немъ. Такими же „плачами“ кончаются пѣсни о Грозномъ, объ Алексѣѣ Михайловичѣ.

проситъ у отца, чтобы тотъ ему построилъ городъ «Питенбурхъ». Отецъ исполнилъ это желаніе. Жену себѣ Петръ взялъ «въ землѣ невѣрной»— дочь короля шведскаго, Настастью Королевичну. Сначала жили они счастливо.

«... хорошо, да безъ лиха...
Ихъ какъ жизнь-то вѣдь была,—да какъ цвѣты цвѣли,
Какъ цвѣты-то цвѣли у нихъ лазоревы.

Когда родился у Петра первенецъ, царевичъ Ѳедоръ, Петръ былъ счастливъ, но на пиру «премудрые» люди предупредили его, что царевичъ будетъ его супротивникомъ:

«Онъ вѣдь сдѣлаетъ-то тебѣ, вѣдь, измѣнушку,
Онъ измѣнушку тебѣ, да онъ твоей вѣрѣ,
Онъ, вѣдь, будетъ править вѣрушку старинную,
Онъ старинну будетъ вѣру богомольную,—
Богомольную хранить вѣрушку, спасенную!

Выросъ царевичъ и загрустилъ. На вопросъ отца о причинѣ грусти онъ разсказалъ, что видѣлъ сонъ: прилетѣли къ нему два ангела и стали убѣждать не вѣрить «вѣрѣ папиной», не вѣрить и дѣдовой, а вернуться къ вѣрѣ «правдѣдка». Петръ посадилъ сына въ темницу на трое сутокъ. Но царевичъ оставался твердъ. Петръ въ гнѣвѣ хотѣлъ зарубить сына, и царевичъ отъ испуга умеръ. Царица стала за это корить Петра, и онъ отправилъ ее въ монастырь. Тяжелая началась жизнь у осиротѣвшаго, одинокаго Петра. Прошло шесть лѣтъ. Однажды, переодѣвшись плотникомъ, пошелъ онъ въ артель плотниковъ тамъ влюбился въ артельную стряпуху Екатерину Алексѣевну. Она безъ разрѣшенія артели выйти замужъ за него не пожелала. Плотники разрѣшили, и Петръ неузнанный повелъ ее подъ вѣнецъ. Только въ церкви узнали, что женихъ—самъ царь.

Отношеніе народа къ казни царевича

Произведеніе это цѣнно, такъ какъ оно затрагиваетъ событіе, очевидно, для народа необычайное. Народъ могъ понять Грознаго, который въ порывѣ гнѣва осудилъ на смерть сына [1]). Но ему совершенно непонятной осталась та принципіальная точка зрѣнія, которая легла въ основаніе казни Алексѣя Петровича. Народъ по своему объяснилъ причину разлада между отцомъ и сыномъ, не рѣшился стать опредѣленно на чью-нибудь сторону, хотя дѣло царевича, защитника „прадѣдовской вѣры“, должно было казаться народу правымъ. Запальчивость Петра по отношенію къ женѣ, его рѣшительность, его пристрастіе къ простымъ нарядамъ и любовь дѣлать все самому, даже черныя работы—очень характерно и правильно изображены въ пѣснѣ. Образъ царевича, покорно сидящаго въ темницѣ, видящаго видѣнія, умирающаго отъ страха передъ отцомъ—

Психологія въ этой пѣснѣ.

[1]) Но и то народъ не рѣшился признать царя простымъ убійцей царевича.

все это черты, рѣзко отличающія сына отъ отца. Любопытно также народное представленіе второй супруги царя.

XVIII-ый вѣкъ в пѣсняхъ.

XVIII-ый вѣкъ представленъ такъ же полно въ этихъ историческихъ пѣсняхъ. Любопытно, что теперь онѣ все болѣе и болѣе сближаются съ „пѣснями солдатскими". Воспѣваніе сраженій, генераловъ, атамановъ—вотъ, главные сюжеты этой поэзіи XVIII вѣка. Тогда какъ ранѣе, очевидно, общественная жизнь болѣе захватывала народъ,—теперь свое участіе въ общихъ интересахъ родины онъ могъ выразить только, проливая кровь на полѣ сраженія. Семилѣтняя война дала особенно много произведеній [1]).

Вѣкъ Екатерины. Суворовъ и Потемкинъ.

Вѣкъ Екатерины, главнымъ образомъ, отразилъ въ творчествѣ народа турецкія войны и бунтъ Пугачева. Потемкину и Суворову, любимцамъ народной фантазіи, — поэтическимъ центрамъ пѣсенъ этого вѣка, посвящено больше всего произведеній. Конечно, всѣ симпатіи народа на сторонѣ болѣе понятнаго ему Суворова. Въ одной изъ пѣсенъ Лопухинъ, павшій въ битвѣ при Егерсдорфѣ, упрекаетъ князя Румянцева за то, что онъ много растерялъ войскъ, а „вора Потемкина" за то, что онъ „въ своемъ полку не бывалъ, всее силу растерялъ, кое пропилъ-промоталъ, кое въ карты проигралъ" —такимъ обрисованъ, въ глазахъ народа, „великолѣпный князь Тавриды!"... Зато „Суворовъ-генералъ" „свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ—короля въ полонъ бралъ". И въ пѣсняхъ о турецкой войнѣ Потемкинъ тоже стушевывается передъ Суворовымъ.

Симпатіи народа къ страдальцамъ за родину.

Особыми любимцами народнаго творчества сдѣлались тѣ лица, которыя пострадали за родину. Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ — „несчастненькій", такъ какъ онъ три года сидѣлъ въ „темной темницѣ" у короля прусскаго. Князь Краснощековъ сдѣлался центромъ нѣсколькихъ пѣсенъ, такъ какъ его замучили турки. Такъ прихотливо и своеобразно выбиралъ народъ героевъ для своихъ произведеній: капризно останавливалось его творчество около мелкихъ незамѣтныхъ фактовъ, часто минуя крупныя.

XIX вѣкъ въ народной пѣснѣ.

Девятнадцатый вѣкъ выразился въ историческихъ пѣсняхъ гораздо слабѣе. Народное творчество, очевидно, слабѣло, уступая мѣсто книгѣ, искусственной поэзіи. Впрочемъ двѣнадцатый годъ

---

[1]) Напр., „Походъ въ землю Прусскую", „Битва при Гросѣ", „Егерсдорфъ", „Смертъ Лопухина", „Переправа черезъ Вислу", „Кистринъ", „Ссора Голицына съ Прозоровскимъ", „Разбесчастный король прусскій" и др.

опять вызвалъ нѣсколько пѣсенъ [1]). Есть также пѣсни, посвящен-ныя севастопольской осадѣ; изъ нихъ одна, очень популярная въ свое время сочинена была гр. Л. Толстымъ. Недавняя война съ Японіей тоже выразилась въ пѣсняхъ.

Разбойничьи пѣсни. Психологія разбойничества.

§ 18. *Разбойничьи пѣсни* [2]) (эпическія и лирическія). Изъ народныхъ произведеній больше всего простора личности дали „пѣсни разбойничьи". „Разбойничество" было широкимъ размахомъ пробудившейся личности,—личности сильной и рѣзко выраженной, которая уже не укладывалась въ рамкахъ „завѣта старины". Расцвѣтъ разбойничества совпадаетъ съ усиленіемъ Москвы и особенно съ эпохой Смутнаго времени, когда, какъ извѣстно, казачество явилось вершать судьбы московскаго царства. Смутное время, вообще, было эпохой личной инициативы, когда сильной личности было много простора и свободы. Вотъ почему къ этому времени надо отнести особенное процвѣтаніе лирическихъ разбойничьихъ пѣсенъ.

Что касается до разбойничьяго *эпоса*, то онъ весь примыкаетъ еще къ эпосу богатырскому. Изъ нашихъ старыхъ богатырей одинъ Илья [3]) остался чистымъ отъ обвиненія въ разбояхъ, какъ извѣстно изъ былинъ, онъ отказался отъ предложенія разбойниковъ сойтись съ ними. Разбойничество было и въ кіевской Руси, но тогда оно не имѣло того политическаго значенія, которое

Богатырство-казачество.

пріобрѣло впослѣдствіи, когда слилось съ казачествомъ. Казачество сперва продолжало дѣло старыхъ богатырей — защищало окраины родной земли отъ враговъ. Вотъ почему Илья получилъ во многихъ былинахъ титулъ „стараго казака". Очевидно это званіе почетное, свидѣтельствующее объ уваженіи народа къ казакамъ. Но, съ теченіемъ времени, усиленіе Москвы создало изъ этой „служилой силы" гнѣздо оппозиціи. Это произошло тогда, когда московскій властелинъ сталъ „подклонять подъ свою крѣпкую и высокую руку" область за областью и вводилъ строгіе

Казачество-разбойничество.

порядки. Типъ богатыря-казака помрачился тогда, въ глазахъ Москвы, излишней отвагой, безпокойнымъ характеромъ и неповине-

---

[1]) „Сборы Француза на Русь", „Разоренье Москвы", „Разорена путь-дороженька отъ Можая до Москвы", „Парижъ", „Пѣсни о Платовѣ" и т. д.

[2]) Историч. хрестоматія, I, 68—70.

[3]) Даже Добрыня Никитичъ въ одной былинѣ „три года приторговывалъ, а три года приворовывалъ". Алеша всегда корыстно относился къ побѣжденному. Чурило въ одной былинѣ изображенъ атаманомъ разбойниковъ, которые „уродствовали въ кіевѣ". Василій Буслаевъ—ушкуйникъ.

ніемъ властямъ [1]). Впрочемъ, эти „разбойники" и „воры", съ точки зрѣнія Москвы, продолжаютъ еще традиціи стараго богатырства: они попрежнему охраняютъ окраины Россіи,—но, кромѣ того, грабятъ внутри московскаго государства; отъ защиты родной земли они свободно переходятъ къ корыстному пользованью достояніемъ земскихъ людей. Это отразилось на народномъ творчествѣ спайкой двухъ эпосовъ—путемъ установленія родства между старымъ поколѣніемъ богатырей и новымъ: Ермакъ Тимофеевичъ оказывается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ племянникомъ Ильи Муромца.

Выраженіе протеста въ разбойничествѣ.

Царствованіе двухъ Іоанновъ III и IV особенно усилило разбойничество. Оно было единственнымъ исходомъ для людей, добивавшихся старой вольности, для людей, спасавшихся отъ рукъ правосудія. „Казачество" и было попыткой создать особую политическую и государственную организацію изъ всѣхъ этихъ вольныхъ элементовъ, враждебныхъ Москвѣ, какъ государству, но близкихъ къ ней, какъ къ родинѣ. Постоянно выбрасывало казачество на Русь сотни, тысячи удальцовъ, съ которыми трудно приходилось бороться Москвѣ, но, время отъ времени, на казаческихъ окраинахъ разгорались цѣлые пожары, которые порою охватывали чуть не полъ-московскаго царства.

Выраженіе протеста въ разбойничьихъ пѣсняхъ.

Теперь циклъ пѣсенъ объ Ермакѣ смѣняется пѣснями о Разинѣ: о служеніи родинѣ мы въ нихъ не услышимъ,—здѣсь болѣе протеста и въ то же время болѣе личности. Пѣсни эти уже дальше отъ былинъ, ближе къ лирикѣ. Протестъ обозначился въ нихъ очень опредѣленно противъ непорядковъ московскихъ; въ глазахъ народа въ этомъ виноваты были только бояре, — царя не коснулись эти обвиненія. Такъ, въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ, послѣ расправы надъ боярами, самоуправцами, лихоимцами—разбойники взываютъ къ „милостивому суду" царя.

Своеобразность души русскаго народа.

Этотъ фактъ вводитъ насъ глубоко въ своеобразный міръ души русскаго народа, съ которымъ такъ мало считается русская интеллигенція. Припомнимъ, какъ умирали на плахѣ тысячи этихъ безшабашныхъ „вольныхъ людей". Какимъ торжественнымъ обрядомъ всѣ они обставляли свои послѣднія минуты. Эти поклоны „на всѣ четыре стороны", эта просьба о прощеніи у всего „крещенаго люда", забота о своей душѣ, это примиреніе со всѣмъ міромъ и, главное, спокойствіе глубоко-невозмутимое—и одинъ и тотъ-же конецъ:

---

[1]) Аристовъ, „Объ историческомъ значеніи разбойничьихъ пѣсенъ".

«И головушка молодецкая
Во крови по плахѣ покатилася...

Значеніе лирики для психологіи разбойничества.

Вотъ почему, если „эпосъ“ разбойничій не позволяетъ нам[ъ] заглянуть глубоко въ душу своихъ героевъ, то богатая разбой[ни]чья *лирика* помогаетъ намъ разобраться въ настроеніяхъ рус[]скаго человѣка этого переходнаго времени. Большинство этих[ъ] пѣсенъ дышитъ глубокой тоской,—онѣ захватываютъ глубоко [в] міръ женской души, такъ какъ жизнь разбойника, не знавша[я] сдерживающихъ завѣтовъ старины, вносила свободу въ любовь, [а] вмѣстѣ съ этой „свободой“ вносила и тревогу, и страсть, и муки...

„Свобода дороже любви“.

Вотъ, напр., печальная дѣвушка прощается съ «удалымъ молодцомъ», котораго отъ милой тянетъ къ себѣ свобода, «дальняя сторонка, незнако[]мая». Оба они плачутъ, разставаясь, — тяжело у обоихъ на душѣ, н[о] онъ всетаки уйдетъ, куда — «самъ не знаетъ».

...Въ Казань-городъ, или Астрахань,
Или въ матушку, каменну-Москву,
Или въ Новгородъ...

Онъ пойдетъ одинъ, — напрасно «она» просится идти съ нимъ. Лю[]битъ онъ ее, но вольная воля ему милѣе.

Любовь разбойника — несчастье.

Вотъ, женщина оплакиваетъ свою горькую долю, несчастлива она с[ъ] мужемъ, несчастлива и съ милымъ другомъ, который оказался разбойни[]комъ. Другая проливаетъ слезы горючія потому, что выдали ее безъ вѣ[]дома за разбойника, а тотъ нечаянно въ темномъ лѣсу убилъ ея брат[а] милаго,—своего шурина любезнаго... Какъ кукушка горемычная у гнѣзда разореннаго яснымъ соколомъ, сидитъ печальная дѣвица въ высокомъ те[]рему, въ частомъ лѣсу, — сидитъ одна цѣлый день и оплакиваетъ сво[ю] долю: она безъ заботы жила у отца-матери, да на горе приглянулся е[й] удалой молодецъ, увезъ онъ ее изъ дома и оставилъ одну средь лѣса въ пустомъ теремѣ. Но если много искренности звучитъ въ этихъ жа[]лобахъ женскаго сердца, то еще глубже то молодецкое горе, которо[е] охватывало самыя «удалыя головушки» въ минуты сердечной тоски-раз[]думья. Эти затаенныя печали подслушала чуткая душа русскаго народа, высказала и вынесла на свѣтъ русская пѣсня. Слушая ее, русскій че[]ловѣкъ забывалъ, что эта пѣсня сложена про человѣка «лихого» — он[ъ] слышалъ въ ней лишь горе «несчастненькаго»...

Тоска разбойника.

Разбойникъ передъ смертью.

Вотъ умираетъ отъ ранъ «удалой молодецъ», — сейчасъ его одно[го] въ чистомъ полѣ покинутъ товарищи: имъ некогда уносить раненых[ъ], когда надо уносить свою голову,—и онъ покоряется своей долѣ, слез[но] прощается съ ними, шлетъ поклонъ отцу-матери, женѣ-дѣтушкамъ, все[й] жизни... Вотъ тоскуетъ молодой разбойникъ, вспоминая, какъ беззаботно счастливо протекало его дѣтство, когда ласковое лицо матери склоня[]лось надъ нимъ. Мать берегла его, но жизнь не поберегла —

Воспоминанія разбойника о прошломъ.

...Сторона-ль моя незнакомая,
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не добрый меня конь занесъ,
Занесла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозная, государева,
Прыткость, бедрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

«Далеко, далеко, въ чистомъ полѣ» сидятъ два брата-разбойника. Кругомъ нихъ цвѣтутъ лазоревы цвѣты, надъ ними склоняется дерево зеленое, а они оба унеслись въ своихъ воспоминаніяхъ къ далекому дѣтству, и тоскуетъ ихъ мятежный духъ и жалобятся они, что ничему ихъ дома не научили, а научила ихъ «чуже-дальня сторона, понизовы города».

Нарядныя лодки плывутъ по широкой Волгѣ-матушкѣ, много молодцовъ въ нихъ сидитъ, и межъ молодцовъ одна красна дѣвица — «есаулова родна сестра»... Но невесело у нихъ на душѣ — злая тоска спустилась и на дѣвицу, и на молодцовъ, затуманила ихъ свѣтлыя очи, — чуютъ ихъ вѣщія сердца скорую и неминучую гибель,—и всетаки плывутъ они, плывутъ туманные и тоскливые на встрѣчу своей долѣ... «Дѣтинушка-сиротинушка» плачется на то, что тщетно, въ минуту раскаянья, попробовалъ онъ найти съ людьми примиреніе, выпросить у нихъ прощеніе,—«крещеный людъ» его боится, отъ него крѣпко запирается, — и остается онъ одинъ съ своимъ порывомъ въ темную ночь на улицѣ, — нѣтъ у него въ сердцѣ мира, а онъ такъ жаждетъ тепла и ласки! Предчувствія разбойниковъ. Кающійся разбойникъ.

Суровый, гнѣвный отецъ за какую-то вину изгоняетъ навсегда изъ дому родного сына, провожаютъ его до околицы мать и сестры, плачутъ бѣдныя, убиваются... Но вотъ онъ и одинъ въ чистомъ полѣ, съ нимъ вѣрный конь, лукъ да стрѣлы. Куда ему идти безпріютному? Туда онъ пойдетъ, куда полетитъ его калена стрѣла... Начало разбойничества.

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ много захватывающей правды. По тонкости и глубинѣ чувства онѣ могутъ поспорить съ лучшими созданіями нашихъ лириковъ. Сплошь сотканныя изъ общихъ мѣстъ, онѣ, однако, до того жизненны по своему содержанію, что хочется невольно связать ихъ съ самыми трепещущими явленіями дѣйствительной жизни. Отъ нихъ недалеко до пѣсенъ Кольцова. Всѣ эти „удалые молодцы", которые появляются, обыкновенно въ „мятелицу", „темною ноченькою", эти женщины разныхъ типовъ,—отъ кроткой дѣвушки, обманомъ взятой, до веселой, безшабашной, любящей смѣхъ и „холостыхъ ребятъ",—этотъ, вѣчнонѣжный образъ матери, то лелѣющей своего сына, то скорбящей надъ нимъ, надъ его „Горемъ-Злосчастьемъ",—эти „синія рѣки" и „темные лѣса", эти чувства безпредѣльныя и мысли тоскливыя— полны жизни и красоты. Запѣвы этихъ пѣсенъ: „Ахъ! далече, Лиризмъ разбойничьихъ пѣсенъ. Богатство образовъ въ этой лирикѣ. Запѣвы.

далече, во чистомъ полѣ“, „Ты, дѣтинушка, сиротинушка“, „Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася“, „Не бушуйте вы, вѣтры буйные“, „Изъ-за лѣса, лѣса темнаго“, „Ты дубравушка, моя дубравушка“, — всѣ они до такой степени совпадаютъ по тону съ содержаніемъ пѣсенъ, что самое чувствительное ухо не замѣтитъ въ нихъ никакого диссонанса.

Разбойничья лирика потому интересна, что она, всетаки, до нѣкоторой степени, имѣетъ хронологію, такъ какъ эпоха процвѣтанія разбойничества у насъ имѣетъ довольно ясные хронологическіе предѣлы. Поэтому и лирика, имъ созданная, привязана къ опредѣленной эпохѣ. Правда, это творчество смѣло могло захватить и XVIII в., эпоху упадка разбойничества, и даже, навѣрное, нѣкоторыя изъ разобранныхъ пѣсенъ относятся къ XVIII в., но зарожденіе этого творчества, несомнѣнно, относится къ раннему періоду.

Пѣсни бытовыя (низшія эпическія). Ихъ содержаніе.

§ 19. *Пѣсни бытовыя* [1]). Ихъ принято называть *низшими эпическими* въ отличіе отъ *высшихъ эпическихъ* — былинъ и историческихъ пѣсенъ. Содержаніемъ этихъ пѣсенъ служитъ, обыкновенно, какой нибудь эпизодъ изъ частной жизни, напримѣръ: „король велитъ казнить молодца, полюбившаго королевну“; „боярышня любитъ холопа“; „невѣста, потерявъ жениха, поступаетъ въ монастырь“; „солдатъ послѣ долгой разлуки видится съ женой“; „свекровь изводитъ невѣстку“ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ очень популярны въ народѣ и имѣютъ длинную исторію. Такъ, первый сюжетъ имѣетъ длинный рядъ варіантовъ: „Князь Волконскій казнитъ Ваньку-ключника“, „князь казнитъ лакея“ (см. выше стр. 66). Широко распространены пѣсни о

Значеніе этихъ пѣсенъ-балладъ.

князѣ Романѣ, который убиваетъ жену. Всѣ подобныя произведенія очень важны въ историко-литературномъ отношеніи. Эти народныя баллады, поэмы, повѣсти въ стихахъ — *первые проблески народнаго романа*. Въ нихъ много драматизма, много

Ихъ герои.

движенія и страсти; дѣйствующія въ нихъ лица — не кіевскіе богатыри, не генералы и атаманы, надѣленные звонкими фамиліями, а люди простые, обыкновенные — „добрые молодцы“, да „красныя дѣвушки“, „старые мужья“ да „молодыя жены“,

Бытовыя пѣсни, какъ показатель тяготѣнія къ реализму.

„злыя свекровки“ и „несчастныя невѣстки“. Между тѣмъ, сколько страданій и радостей вокругъ этихъ обыкновенныхъ людей! Распространеніе этихъ пѣсенъ по всей Россіи — тамъ, гдѣ

---

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 60—8.

давно замолкла старая былина, ясно указываетъ намъ тотъ путь, по которому идетъ поэтическое развитіе народа: отъ образовъ религіозныхъ, сказочныхъ, фантастическихъ, надземныхъ — къ земнымъ героямъ и, наконецъ, къ людямъ обыкновеннымъ. Это—путь къ реализму, путь пройденный и изящной литературой, и живописью.

Пѣсни эти любопытны тѣмъ, что большинство изъ нихъ окрашены яркимъ колоритомъ богатой народной поэтики. Начинаются многія изъ нихъ съ „запѣва", иногда разростающагося въ цѣлую картину.

Напримѣръ, пѣсня, въ которой дѣвушка „жалобится", что ее отдали замужъ за „недобраго человѣка", начинается такъ: Запѣвы.

«Полоса моя, полосынька,
Полоса моя непаханная,
Непаханая, небороненная!
Заросла моя полосынька
Тонкимъ ельничкомъ, березничкомъ,
И горькимъ мелкимъ осинничкомъ.
Изъ того ли горька осинничка
Выбѣгала лошадь, добрый конь;
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ-торопится,
Самъ головушкой помахиваетъ,
Золотой уздой побрякиваетъ.»

Пѣсня о холопѣ, любившемъ боярышню, начинается такъ:

«Ужъ ты, зимушка-зима,
Зима вьюжлива была,—
Все крутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала.

Въ варіантѣ къ этой пѣснѣ запѣвъ такой:

«Ахъ, нынѣшня зима непогожая была,
Непогожая была,—все метелица мела,
Завьяла, замела, всѣ дорожки занесла!
Ахъ, нѣтъ у меня пути, куда съ миленькой идти.
Я по старымъ по примѣтамъ, позадь гуменью пройду.
И я улицею—сѣрой утицею...
Черезъ черную грязь—перепелицею,
Подъ воротенку пойду бѣлой ласточкой,
На широкій дворъ пойду горностаюшкой,
На крылечко взлечу яснымъ соколомъ,
Во высокъ теремъ пойду добрымъ молодцемъ.

„Сравненія" въ этихъ пѣсняхъ также обычны, напримѣръ: Сравненія.

«Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго деревца,
Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго деревца,—
Отъѣзжалъ добрый молодецъ
Отъ отца своего, матери.

Описаніе внѣшности.

„Описаніе внѣшности" дѣйствующихъ лицъ дѣлается въ пѣснѣ обстоятельное. Вотъ, напримѣръ, щеголь-молодецъ:

«Пятьдесятъ рублей нажилъ со полтиною,
Одежду себѣ сдѣлалъ драгоцѣнную,—
Шубенку сшилъ онъ себѣ куную,
По подолу острочилъ чистымъ серебромъ,
По рукавчикамъ и около ворота
Строчилъ шубенку краснымъ золотомъ;
Воротъ въ шубенкѣ онъ сдѣлалъ выше головы.
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзади не видать шеи бѣленькой;
Шапочку на головушку сшилъ онъ соболиную,
Дорогихъ-то соболей заморскихъ;
Кушачекъ онъ опоясалъ семишолковый,
Перчаточки на рукахъ съ чистымъ серебромъ,
Сапожки-то на ноженькахъ сафьяновые,
Вокругъ носика-то носа яйцо кати,
Подъ пяту-то, подъ пяту—воробей лети!

Другой щеголь:

«Собирается онъ, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожки сафьяновые,
Надѣваетъ онъ лисью шубу до полу.
Шуба лисья, словно лѣсъ, шумитъ,
И золотъ перстень, ровно жаръ горитъ.
На немъ шапочка рытаго бархата,
Въ правой рукѣ тонка тросточка,
А въ тросточкѣ—ала ленточка.

Описаніе дѣвицы-красавицы:

«Какъ у Дунюшки, у голубушки,
Лицо бѣло набѣленное...
Щеки алыя разгораются,
Брови черныя наведенныя.
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена,
Въ русой-то въ косѣ—лента алая,
Лента алая, Дуня—дѣвка правая!
Кто бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунюшки отсталъ—разбесчастный сталъ!

Этотъ веселый образъ—однако прелюдія къ страшной семейной драмѣ: мужъ-казакъ убиваетъ свою жену; передъ смертью она проситъ убить ее тогда, когда дѣти улягутся спать, и представляетъ себѣ, какъ утромъ, проснувшись, они станутъ допрашивать отца, гдѣ она, ихъ мать...

Отрицательные образы пѣснѣ.

Знаетъ народная пѣсня и „отрицательные образы" героевъ. Вотъ, напр., описаніе коварной красавицы, которая лукавствомъ покоряетъ молодецкія сердца и губитъ ихъ:

«Какъ злодѣюшка, ты, лютая змѣя,
Какъ по водѣ ты плывешь—извиваешься,
По травѣ ползешь—лишь траву сушишь,
Изъ норы ты глядишь—укусить хочешь!
Перелестница, раздушеночка, красна-дѣвица.
Перелестила ты добраго молодца!

Характерно описаніе другой прелестницы,—

«И станомъ ровна, и лицомъ бѣла,
У ней кровь въ лицѣ, быдто у заяцы,
Въ лицѣ ягодицы цвѣта маковаго...
Она стала вкругъ молодца похаживать...

Природа въ пѣсняхъ.

„Природа" въ этихъ пѣсняхъ не занимаетъ самостоятельнаго мѣста—она лишь служитъ пѣвцу для усиленія его средствъ подчеркнуть настроенія его пѣсни. Такъ, на могилахъ молодца и дѣвицы, любившихъ другъ друга, въ одно время выростаютъ деревья, которыя иногда переплетаются вѣтвями:

«На Васильи выросталъ кипарисъ-дерево,
На Софьѣ выростала золота верба,
Они вмѣстѣ вершочками свивались
И вмѣстѣ листочками сплетались [1]).

Драматизмъ пѣсенъ.

„Драматизмъ" въ этихъ пѣсняхъ выраженъ порой очень ярко. Въ пѣснѣ о Паранѣ поется, какъ беззаботная дѣвушка пошла по воду, какъ встрѣтился ей Василюшка и ударилъ ее о сыру землю. Дѣвушка, вся въ крови, безъ ведеръ, возвращается домой и умираетъ. Во время отпѣванія убійца читаетъ у ея тѣла канонъ,—онъ зоветъ всѣхъ прощаться съ покойницей, приговаривая:

«Не доставься, Паранюшка, ни мнѣ, никому—
Какъ ни мнѣ, никому, ни злодѣю моему.
Какъ досталась Параня сырой матушкѣ-землѣ,
Сырой матушкѣ-землѣ, гробовой доскѣ!

Обращеніе князя Михаила къ матери, которая извела его молодую жену, также полно драматизма:

«Ахъ, ты, матушка родная!
По родству-то ты мнѣ мать родная,
По разлукѣ же змѣя лютая!»
Вынимаетъ онъ шпагу острую,
Онъ пронзаетъ свое ретиво-сердце!

Эта двойственность по отношенію къ матери передъ смертью, особенно „самоубійство"—мотивы новые, чуждые старой былинѣ.

„Исходъ".

„Заключеніе" („исходъ") нѣкоторыхъ пѣсенъ звучитъ очень трогательно. Напримѣръ, поется, какъ мимо могилы героя, или героини проходятъ разные люди и, глядя на деревья, выросшія тамъ, разно выражаютъ свои настроенія:

«Маленькій идетъ—натѣшится,
А молодой идетъ—надивуется,
А старый идетъ—наплачется.

---

[1]) Чаще всего явленія изъ жизни природы отнесены на „запѣвы".

Сентиментализмъ пѣсенъ

Порой настроеніе пѣсни поднимается до сентиментальнаго отношенія ко всей природѣ: герой сливается съ міромъ, его окружающимъ, ему сочувствующимъ... Разбойники убиваютъ молодца, — послѣдняя мольба его обращена къ великой „матери-природѣ“:

«Тихій Донъ-рѣка,
Родной батюшка,
Ты обмой меня!
Сырая земля,
Мать родимая,
Ты прикрой меня!
Соловей въ бору,
Милый братецъ мой,
Ты запой по мнѣ!
Кукушечка въ лѣсу
Во дубравушкѣ,
Сестрица моя,
Покукуй по мнѣ!
Бѣлая березушка,
Со своими отростками,
Пошуми по мнѣ!

Иногда этотъ сентиментализмъ звучитъ даже въ запѣвѣ пѣсни, напримѣръ:

«Не летай, не летай,
Мой сизенькій голубокъ,
Не воркуй, не воркуй,
Жалобнешенько!..

Близость этихъ пѣсенъ къ настроеніямъ и образамъ искусственной поэзіи.

Эта пѣсня напоминаетъ, по настроенію, извѣстную „пѣсню“ Дмитріева: „Стонетъ сизый голубочекъ“. Вообще, между этими пѣснями и искусственной поэзіей очень много общаго. Многіе образы „Слова о Полку Игоревѣ“ находятся въ пѣсняхъ; напр.—

«Не плугомъ была пашня пахана, не сохою—
Распахана была пашня булатными копіями,
Взборонена она была коневьими копытами;
Не рожью была, братцы, засѣяна, не пшеницею;
Засѣяна была, братцы, головами казачьими!..

или:

«Не галичье стадо подымалося,
Не звѣриное собраньице собиралося...

Есть длинный рядъ пѣсенъ, сюжетомъ которыхъ служитъ преслѣдованіе молодца Горемъ-Злосчастьемъ; многія мѣста повѣсти буквально совпадаютъ съ пѣснями. Напр.—

А и горе, горе-гореваньице,
А и въ горѣ жить—не кручинну быть...

Повѣсть о „Фролѣ Скобѣевѣ“ находитъ довольно близкое сходство съ пѣсней: „Какъ сватался-су воръ Янька“.

„Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“ вся цѣликомъ вылилась изъ этихъ бытовыхъ пѣсенъ, заимствовала кое-что изъ историческихъ объ Іоаннѣ Грозномъ.

Близость искусственной поэзіи къ народной.

Особенно характерно совпаденіе двухъ народныхъ пѣсенъ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ Лермонтова: „Сонъ“ —

«Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана.
По каплѣ кровь точилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины,
И жгло меня, но спалъ я мертвымъ сномъ.

А въ это время „она“ сидитъ задумчивая—

«Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами...
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

Нашъ народъ задолго до Лермонтова разработалъ эту тему·

«Мнѣ ночесь-то, ночесь, добру молодцу, малымъ-мало спалось,—
Мнѣ малымъ-мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухарской сторонѣ!
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степи.
Мнѣ постелюшка доброму молодцу—ковыль-травка постлана.
Изголовьице мнѣ разудалому—бѣлъ горючъ-камень,
Одѣяльце мнѣ добру-молодцу—темна-ночка надо мной,
Мои рѣзвы ноженьки лежатъ вдоль дороженьки;
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены;
Кудри мои русыя—буйнымъ вѣтромъ разнесло;
Очи мои ясныя—желтымъ пескомъ засыпаны...

Дѣвушкѣ же снится, что ея другъ лежитъ убитый въ степи, подъ кустомъ ракитовымъ,—

«А его-то тѣло бѣлое
Испротыкано копьемъ,
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава!

Сквозь его сердце ретивое
Змѣя люта проползла,
Изъ его-то изъ ясныхъ очей
Ключи быстры потекли...

„Тарасъ Бульба“ Гоголя во многихъ мѣстахъ соприкасается съ южнорусской поэзіей. Творчество Кольцова, Никитина, Некрасова, А. Толстого связано и содержаніемъ, и формой съ этими пѣснями.

Содержательность этихъ пѣсенъ въ количественномъ отношеніи.

Народъ, можно сказать, всѣ случаи своей жизни—радостные и печальные, исчерпалъ въ своемъ творчествѣ. Такимъ образомъ, въ его распоряженіи поэзія, которая, по содержанію своему, *въ количественномъ отношеніи*, не уступаетъ, а превышаетъ нашу изящную литературу. Стоитъ перечитать „Великорусскія пѣсни", недавно изданныя акад. Соболевскимъ,—и мы въ этомъ убѣдимся. Для примѣра, можно привести, хотя бы, простой перечень сюжетовъ, разработанныхъ въ этихъ пѣсняхъ.

а) „дѣвушка".

Сюжеты, сгруппированные около темы: *„дѣвушка"*,—„дѣвичье житье пріятно, лучше замужняго"; „у дѣвушки нѣтъ воли"; „дѣвушка не слушается родителей, идетъ къ молодцу", „наживаетъ худую славу", „проситъ выдать ее замужъ за милаго", „проситъ не отдавать замужъ за немилаго", „отказывается выйти замужъ", „совѣтуетъ молодцу свататься за нее", „дѣвушка окружена женихами", „боится, что не выйдетъ замужъ", „жалуется, что не вышла замужъ", „дѣвушка тайно любитъ молодца", „ссорится съ милымъ", „разлучается съ милымъ" и мн. др.

b) „замужество".

Сюжеты, группирующіеся около темы, *„замужество"*: оно оказывается „хуже дѣвичьей жизни", „опредѣляется судьбой", „пугаетъ дѣвушку", „замужество по волѣ, „противъ воли", „за немилымъ", „жена не любитъ мужа", „ревнуетъ мужа", „бранитъ, или бьетъ его", „не пускаетъ домой пьянаго мужа", „привязываетъ его къ дереву", „вѣшаетъ стараго мужа", „топитъ стараго мужа", „хочетъ убить мужа", „хочетъ проучить мужа", „не можетъ гулять", „принимаетъ ухаживанія", „провинившись, у мужа проситъ прощенія", „ссорится съ членами мужниной семьи".

c) „любовь".

Остановлюсь, для примѣра, на темѣ—*„любовь"*. Несомнѣнно, эта тема должна быть особенно популярна въ народной лирикѣ, и дѣйствительно, число сюжетовъ, разрабатывающихъ ее, очень велико. Въ очень многихъ пѣсняхъ воспѣвается „тоска" („отъ безнадежной любви", „отъ тайной любви", „отъ отвергнутой" и пр.); нѣкоторыя пѣсни представляютъ собою „признаніе въ любви", напр..—

«Груша, ты Груша, ты моя,
Груша зеленая моя!
Что ты невесело стоишь?
Знать, не весною сажена,
Или неполивана была,
Или непокрыта стояла?
Дѣвица прекрасная, душа,
Любишь ли ты радость, меня?»
—«Какъ мнѣ, другъ, тебя не любить!
По тебѣ, сердце болитъ,
По тебѣ, радость моя,
По тебѣ, веселіе мое!
Пойду я въ зеленъ садъ гулять,
Сорву я аленькій цвѣтокъ,

Совью я маленькій вѣнокъ,
Завяжу я въ флеровый платокъ,
Положу на маленькій часокъ—
Вянетъ ли, не вянетъ ли вѣнокъ,
Тужитъ ли, тужитъ ли дружокъ?
Какъ по тебѣ, другъ, не тужить?
По тебѣ, сердце болитъ,
По тебѣ, радость моя,
По тебѣ, веселіе мое...

Въ другомъ „признаніи“ больше страсти; молодецъ объясняется въ любви,—

«Я люблю тебя, красна-дѣвица, какъ душу свою!
Не могу на тебя, красна-дѣвица, наглядѣтися,
Что на лѣтнее красное солнышко!
Я боюсь тебя, красна дѣвица, какъ лютой змѣи,
Я боюсь тебя, красна дѣвица,—изведешь меня!
Пропадетъ-то моя головушка не за денежку,
Наваляется тѣло бѣлое по чисту полю...

Многія пѣсни посвящены „обѣщанію любить“, обѣщанію молодца не жениться,—дѣвушки не идти замужъ, „любить до замужества, до женитьбы“, „напоминанію объ обѣщаніи“; во многихъ оплакивается „неисполненіе обѣщанія“, встрѣчается „напоминаніе о прежней любви“, „клятва въ любви“; воспѣвается „любовь до смерти“; высказывается „желаніе быть вѣрнымъ“; превозносится „сила любви“. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ развиваютя мысли, касающіяся любви,—напр.: „легко полюбить, трудно забыть“, „нельзя забыть“; „въ любви—счастье“; „хорошо свыкаться, тяжело разставаться“. Изображается рядъ положеній, напр.: „у всѣхъ, кромѣ меня, есть другъ“, „тяжело любить и не видаться“, „ничто не мило безъ друга“, „все бы говорить съ другомъ“ „можно пожертвовать всѣмъ для друга“. Наконецъ, звучатъ и мотивы грустные: „скоротечность любви“, „конецъ любви“, „жалоба, что другъ покидаетъ“, „ни въ комъ нѣтъ правды“. Здѣсь приведена лишь малая часть сюжетовъ, касающихся любви, но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о разнообразіи содержанія пѣсенъ, о богатствѣ оттѣнковъ чувства и мысли, накопившихся въ народной лирикѣ [1]). Надо прибавить, что изъ указан-

*) Такихъ „темъ“, около которыхъ собираются пѣсни, очень много; привожу нѣсколько примѣровъ: „золовка“, „мать“, „молодецъ“, „мужъ“, „невѣстка“, „отецъ“, „свекръ“, „свекровь“, „сестра“, „измѣна“, „разлука“, „свиданіе“, „любовь“, „насмѣшка“, „обманъ“, „подарокъ“ „прощаніе“, „ревностя“, „смерть“, „соперникъ“, „худая слава“. Если мы изъ сферы семьи и любовныхъ отношеній выйдемъ на болѣе широкій просторъ русской жизни, то столкнемся съ цѣлымъ рядомъ темъ, около которыхъ также поработало народное творчество. Перечислю нѣкоторыя: „арестантъ, арестантка, воръ, бурлакъ. казакъ, купецъ, лакей, матросъ, офицеръ, рекрутъ, солдатъ, фабричный“ и др.

ныхъ сюжетовъ почти каждый разработанъ не въ одной, а во множествѣ пѣсенъ, изъ которыхъ всѣ имѣютъ тонкіе и различные оттѣнки въ настроеніяхъ.

Такъ, вѣками накопилъ нашъ народъ въ своей пѣснѣ неисчислимую массу настроеній, для выраженія которыхъ онъ нашелъ и соотвѣтствующія формы.

Эпическая пѣсня-баллада и лирическая пѣсня.

Какъ при разборѣ „разбойничьихъ пѣсенъ", такъ и здѣсь, незамѣтно отъ *эпической* бытовой пѣсни-повѣсти мы перешли къ *лирической*. Этотъ переходъ вполнѣ естественъ,—въ народной поэзіи нѣтъ границъ, отдѣляющихъ бытовую пѣснь эпическую отъ лирической: у народа нѣтъ чистой лирики въ томъ смыслѣ, въ какомъ она имѣется въ поэзіи искусственной; всегда, во всякой пѣснѣ, есть фактъ, который и даетъ ей настроеніе, окрашиваетъ пѣсню лиризмомъ.

Запѣвъ.

Какъ эпическія, такъ почти всѣ лирическія пѣсни имѣютъ „запѣвъ"; въ этомъ запѣвѣ, дѣйствительно, можно видѣть чистый лиризмъ, — тогда какъ вторая часть пѣсни, обыкновенно, сбивается на эпосъ. Нѣкоторые запѣвы, по размѣрамъ, превышаютъ самую пѣснь и даже, на первый взглядъ, не связаны ничѣмъ съ содержаніемъ пѣсни. Чтобы, до нѣкоторой степени объяснить эту странность, необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи поэтическаго языка, о первичныхъ пріемахъ народной поэтики.

Лирическій стиль. Анимизмъ.

Особенности лирическаго стиля. Источникъ этого стиля въ *анимизмѣ* древняго міросозерцанія, т. е. въ способности первобытнаго человѣка одушевлять природу, представлять ее чѣмъ-то живымъ. Акад. Веселовскій доказываетъ это путемъ наблюденія надъ исторіей миѳовъ о происхожденіи людей отъ животныхъ и растеній. Эти миѳы распространены вездѣ—у грековъ, славянъ, германцевъ и другихъ народовъ; у многихъ племенъ и теперь еще держится убѣжденіе въ происхожденіи людей отъ деревьевъ. Съ другой стороны, существуетъ рядъ миѳовъ, въ которыхъ говорится о происхожденіи растеній отъ человѣка. Названіе людей именами цвѣтовъ и цвѣтовъ — именами людей («Иванъ да Марья», «Анютины глазки», «Маргаритка»), разсказы о превращеніи людей въ растенія—все это, въ основѣ, предполагаетъ старую вѣру—тожество человѣка съ міромъ, его окружающимъ. Конечно, теперь въ народной пѣснѣ, воспѣвающей, какъ на могилѣ двухъ любовниковъ выросли деревья и сплелись между собой, уже утрачена вѣра въ превращеніе человѣка въ растеніе—отъ старой вѣры осталась лишь форма, стилистическій пріемъ. «То, что прежде было дѣломъ вѣры, знанія, сдѣлалось нынѣ поэтическимъ образомъ, такъ что нашъ языкъ есть сколокъ съ древняго миѳическаго языка; но старая форма наполнилась новымъ содержаніемъ»

Параллелизмъ.

Въ результатѣ этого процесса, и получился тотъ *параллелизмъ*, который

выражается въ томъ, что, рядомъ съ картинкою изъ жизни человѣческой души, ставится картинка изъ жизни природы. Связь этихъ двухъ картинокъ теперь уже утрачена, тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ, связанныя лишь традиціонно, съ теченіемъ времени развивались самостоятельно и, вслѣдствіе этого, разошлись еще дальше между собой. Напр.—

Зеленый лѣсочекъ
Къ землѣ приклонился—
А что-жъ ты, парнишка,
Холостъ, не женился?...

Ой, яворе зелененькій, не шуми жъ на мене—
А ты, милый чернобровый, не сварись (не сердись) на мене!..

Разъ, не два раза въ лѣто отцвѣтаетъ черемуха—
Разъ, не два раза весело живетъ дѣвица...

Передъ нами рядъ параллелей: лѣсъ—парень, яворъ—милый, черемуха—дѣвица. Въ другихъ пѣсняхъ, приведенныхъ Веселовскимъ, мы найдемъ еще параллели, касающіяся не только субъекта, но и объекта дѣйствія («вишня клонится до корня—Маруся до батьки»), даже признаковъ (зеленый—веселый).

Происхожденіе символики.

Отъ традиціоннаго употребленія такихъ параллелизмовъ развилась привычка соединять одинъ образъ съ другимъ: въ результатѣ, они связываются по смыслу—одинъ дѣлается *символомъ* другого; тогда одинъ изъ членовъ параллелизма могъ свободно выпасть, за другимъ же прочно удерживалось усвоенное имъ значеніе. Такъ, «калина» въ народной пѣснѣ навсегда сдѣлалась символомъ «молодости», «веселья». Оттого «гулять по калиновому мосту» значитъ, на языкѣ пѣсенъ, «предаваться веселью»; яворъ — сдѣлался символомъ печали.

Образы символики.

Перечислю еще нѣсколько символовъ изъ наиболѣе употребительныхъ въ народной поэзіи. Хвойныя деревья связываются съ настроеніемъ тоски; полынь, крапива—непріятности, злобы; дубъ—символъ мужественной силы; береза и тополь—женщины, дѣвушки; кукушка—тоскующей женщины; соколъ—юноши; голубь и голубка—четы влюбленныхъ; чайка—тоски; опаденіе листьевъ, наклоненіе деревьевъ, отцвѣтаніе цвѣтовъ, мутная вода—горя; переправа черезъ рѣку—брака; затменіе солнца, заходъ, паденіе звѣздъ—смерти, несчастія.

Отличіе отъ символики искусственной поэзіи.

Отъ искусственной поэзіи это народное творчество отличается устойчивостью значенія символовъ, ихъ неподвижностью, — здѣсь нѣтъ мѣста личному изобрѣтенію, личному творчеству: эта символика закрѣплена вѣками народно-поэтическихъ настроеній.

Такимъ образомъ, для изображенія душевнаго настроенія народъ пользуется символами изъ неорганической природы (солнце за тучами, туманъ etc.), или изъ міра животныхъ (птицы, звѣри), или изъ міра растеній (деревья, цвѣты).

Символика въ разгадываніи сновъ.

Символика сказалась въ суевѣрныхъ гаданіяхъ и толкованіяхъ сна. Тамъ встрѣчаются тѣ же символы, что и въ пѣсняхъ—«питье воды»,

«переходъ черезъ рѣку»—это тѣ же символы любви, съ которыми мы встрѣчались въ пѣсняхъ. Въ деревняхъ на святкахъ дѣвушки ѣдятъ на ночь соленое, чтобы ночью имъ приснилась вода: кто напоитъ во снѣ дѣвицу—тотъ ея суженый; иногда дѣвушки подъ подушку кладутъ «мостикъ» (нѣсколько связанныхъ лучинокъ), чтобы суженый во снѣ ее провелъ по мосту. Здѣсь не просто условность въ пониманіи извѣстнымъ образомъ такого-то сна, а остатки явленій духовной, или матеріальной жизни, сохранившіеся отъ прежнихъ образовъ,—это, такъ называемые пережитки.

„Пережитки“ въ поэзіи.

Пережитки—это безсознательное пользованіе тѣмъ, что когда-то имѣло смыслъ и что потомъ потеряло, или извратило этотъ смыслъ. Такимъ образомъ, всякое толкованіе сна и примѣтъ, въ сущности, предполагаетъ за собою раскрытіе того образа, той картины, которая имѣетъ аллегорическій смыслъ.

Отрицательный параллелизмъ.

Кромѣ *параллелизма положительнаго* обыченъ *отрицательный*,—напр.:

«Не буйны вѣтры
Навѣяли,—
Не званы гости
Наѣхали...

Искаженіе параллелизма.

Къ этому же ряду стилистическихъ особенностей народной пѣсни относится *искаженіе древняго параллелизма*, когда выпадаетъ одна часть параллели, или сокращается, или совсѣмъ теряетъ значеніе и замѣняется другою. Оттого получается часто совершенно-непонятный наборъ образовъ,—напр.:

«Заиграли гусли въ высокомъ терему—
Пролилися слезы по бѣлому лицу;
Взговорила свѣтъ Прасковья-душа...

Веселовскій объясняетъ это такъ: «игра на гусляхъ» равна «плачу»,—поэтому, возстановляя вѣрный текстъ пѣсни, получимъ—

«Заиграли гусли въ высокомъ терему—
Взговорила, плача, свѣтъ-Прасковья душа...

При искаженіи параллелизма плачъ позабытъ, и связь параллелей оказалась нарушенной.

Одночленный параллелизмъ.

Наконецъ, иногда попадается еще *одночленный параллелизмъ*, когда одна изъ двухъ параллелей отсутствуетъ, но живо чувствуется, подсказывается настроеніемъ существующей; такой пріемъ часто встрѣчается и въ искусственной поэзіи: напр. «Сосна»—Гейне, «Парусъ»—Лермонтова и др.

Современная народная пѣсня („частушка“).

§ 20. *Современная народная пѣсня*. „Новое время—новыя птицы; новыя птицы — новыя пѣсни“. Старая пѣсня, которою ученые начали заниматься, главнымъ образомъ, съ середины XIX-го

вѣка и, особенно, въ наши дни, теперь, мало-по-малу, забывается въ деревняхъ: ее знаютъ и любятъ старики, — молодежь увлекается новой поэзіей романсовъ [1]) и пѣсенъ, такъ называемыхъ „частушекъ". Если романсы принадлежатъ къ произведеніямъ, занесеннымъ книгою, то частушки—это своеобразное произведеніе современнаго крестьянина, тронутаго новымъ временемъ, новыми культурными потребностями и идеалами. Большинство этнографовъ и историковъ литературы, обращавшихъ вниманіе на этотъ новый видъ новаго творчества, относились къ нему строго, видѣли въ немъ лишь „извращеніе народнаго творчества". Но есть голоса, приглашающіе внимательнѣе отнестись къ этому новому творчеству. Еще въ 1872 г. Костомаровъ, а затѣмъ Гл. Успенскій („Новые народные стишки", соч. т. III), высказались въ пользу болѣе доброжелательнаго отношенія къ „частушкѣ". Конечно, съ эстетической точки зрѣнія, нельзя частушки равнять со старыми пѣснями, но вѣдь за старыми пѣснями—вѣка существованія, вѣка развитія... Вотъ почему величавая красота, богатство разработаннаго стиля, многообразіе въ пріемахъ и содержаніи выгодно отличаютъ ихъ отъ нервной, сухой, по мысли и образамъ, короткой, по размѣрамъ, частушки. Но надо помнить, что передъ нами творчество переходное, отъ безличнаго къ личному, творчество, отразившее и настроенія другой эпохи, тоже переходной. Такимъ образомъ, передъ нами—не извращеніе старой пѣсни, не паденіе, а *переломъ* народнаго творчества, возникновеніе новой поэзіи. Куда направится она? Конечно, къ поэзіи искусственной, книжной. Теперь во многихъ мѣстахъ на Западѣ народъ забылъ свои пѣсни, живетъ романсами и книжной лирикой. Наши частушки указываютъ на близость такого же перехода и у насъ: онѣ очень слабо касаются старинной поэзіи и очень близко, по крайней мѣрѣ, по формѣ,—подходятъ къ поэзіи книжной. Прежде всего, что бросается въ глаза, это новая форма стиха,—не народно-тоническая, а литературно-тоническая, съ необходимой звонкостью риемы.

Отношеніе этнографовъ къ „частушкѣ".

Отличіе „частушки" отъ старой пѣсни.

Форма стиха въ „частушкѣ".

«У Машутки зонтикъ есть—
Дома нечего поѣсть.
На бѣлой груди часы—
Сѣять нечѣмъ полосы!

---

[1]) Изъ романсовъ популярны: „Чудный мѣсяцъ", „Разлука ты, разлука", „Черная шаль", „Подъ вечеръ осени ненастной" и др.

или:

У насъ полюшко бугристо—
Нельзя полюшкомъ пройти;
У насъ дѣвушки форсисты—
Нельзя близко подойти!

Распространенность частушекъ.

Другое, очень важное, отличіе частушекъ отъ старой пѣсни заключается въ томъ, что онѣ не пользуются такой широкой распространенностью, какъ старыя пѣсни; онѣ связаны съ опредѣленной мѣстностью, и здѣсь сочинители ихъ всѣмъ хорошо извѣстны—„ихъ назовутъ по именамъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти, окружающихъ ихъ мѣстожительство, деревняхъ“ (Зеленинъ).

Ихъ авторы.

Эти новые поэты — „простые деревенскіе парни, нерѣдко земледѣльцы; почти всѣ они грамотны и многіе изъ нихъ осаждают тетрадями своихъ стиховъ редакціи мѣстныхъ газетъ“. Таким образомъ, этотъ новый видъ творчества говоритъ о томъ, что теперь „личность“ уже проясняется въ творчествѣ народа, недавно еще сдавленнаго „міромъ“. Частушка — созданіе индивидуальнаго, личнаго творчества.

Идейное содержаніе частушекъ.
а) семейныя отношенія.

Особенно это отражается на идейномъ содержаніи этой новой пѣсни. Въ ней мы встрѣчаемъ яркій протестъ противъ стараго семейнаго деспотизма. „Если гдѣ старый семейный режим былъ особенно силенъ и тяжелъ, такъ именно въ вопросѣ о бракѣ (Зеленинъ). И вотъ, тогда, какъ въ старинной русской пѣснѣ, отразившей на себѣ вліяніе этого суроваго деспотизма, ясно сказалась покорность слѣпой необходимости рока-судьбы („суженый“), сказалась затаенная тоска и подчиненность обстоятельствамъ,—въ новой пѣснѣ воспѣвается выборъ по сердцу; воля родителей не имѣетъ прежняго значенія въ устройствѣ семьи. Дочь обращается къ родителямъ съ такими словами:

«Ставь-ка, мама, самоваръ,
Золотыя чашки:
Приведу я гостя къ вамъ
Въ вышитой рубашкѣ.
Потчуй, тятя, потчуй, мама—
Этотъ гость-отъ дорогой:
Скоро зять будетъ родной!

Другая дочь —

«Ѣдутъ свататься, отдай ради Христа!
Не отдашь, мамка,—покаешься!»..
Говорила мамкѣ въ самыя уста.

Она грозится, что, въ случаѣ отказа, не пойдетъ „ни жать, ни косить!“

„Общественное мнѣніе“ тоже теперь не страшно; раньше „осуда“ сосѣдей была страшна для человѣка, жившаго одной жизнью со всѣмъ „міромъ“, —теперь къ этой осудѣ отношеніе скептическое. Дѣвушка поетъ: b) общественное мнѣніе.

«Болитъ, болитъ рученька
Завяжите пальчикъ!
Что хотите, говорите,—
Мнѣ по мысли мальчикъ.

Или:

«Вы судите, не судите—
Я осуды не боюсь;
Придетъ миленькій въ бесѣдушку,—
Я досыта нагляжусь.

Парень поетъ:

«Всѣ мнѣ люди баяли,
Все милую хаяли;
Люди, не набайте,
Люблю, такъ не хайте!

„Законный бракъ“ очень часто воспѣвается въ этихъ пѣсняхъ, при чемъ отношеніе къ нему самое серьезное; напримѣръ: c) бракъ.

«Давай, миленька, помолимся
На церкву, на соборъ,
И попросимъ мы священника
Обрачить насъ съ тобой.

Первоначально частушка возникала только въ городахъ, или на фабрикахъ, гдѣ народъ прежде всего соприкасается съ отрицательными сторонами новой культуры. Вотъ почему и частушка отразила много несимпатичныхъ чертъ народа, непросвѣтленнаго, а „зараженнаго“ культурой. Но любопытно, что, перенесенная въ деревню, та же пѣсня облагораживается. Вліяніе деревни на „частушки“.

Оттого „деревня“, съ ея жизнью, изображена во многихъ пѣсняхъ съ симпатіей. Многострадальная русская женщина-работница, воспѣта въ одной частушкѣ съ самой теплой любовью: d) деревня.

«Моя милка чисто жнетъ,
Аккуратно вяжетъ.
Много горя приниметъ,—
Никому не скажетъ.

Дѣвушка тоскуетъ по „деревнѣ“:

«Кабы тятька, кабы мамка,
Кабы братъ, какъ у людей—
Не пошла бы въ чужи люди
За три сотенки рублей!

Сухари у мамы ѣла,—
На полоскѣ пѣсни пѣла;
У хозяйки чай пила,—
Горючи слезы лила.

в) высмѣиванье городской культуры.

Рядомъ съ восхваленіемъ „деревни“, въ частушкѣ нерѣдко высмѣивается молодецъ, вкусившій сладостей городской „культурной жизни“,—у него есть и часы, и зонтикъ, но ѣсть нечего —

«Не форси, миленочекъ,—
Не высокъ твой домичекъ,
Я во домикѣ была—
На столѣ одна вода!

г) „образованіе“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаемъ мы очень яркія отраженія своеобразныхъ идеаловъ новой, даже новѣйшей жизни, напр.:

«Мы до Вологды дойдемъ,
Да мы нигдѣ не пропадемъ:
Мы читать, писать умѣемъ—
Въ писаришки попадемъ.

Дѣвушки предпочитаютъ „образованныхъ кавалеровъ“,—про солдатъ въ одной пѣснѣ поется:

«Образованные люди—
Знаютъ, что поговорить.

Эта „образованность“—единственная привиллегія солдатства; въ остальномъ оно—„горе великое“: солдатъ—сирота; дорога, по которой везутъ рекрута, „вся слезами улита“. Въ одной пѣснѣ даже поется:

«Напишу царю прошенье
На бумажкѣ голубой,
Отмѣнилъ бы царь солдатство,
Погодилъ годикъ, другой.

Особенности частушки.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы, до нѣкоторой степени, понять тѣ новые пути, по которымъ пошло теперь народное творчество. Изсякаетъ источникъ прекрасныхъ величаво-спокойныхъ, безлично-широкихъ настроеній старой пѣсни, — на смѣну ей является творчество нервное, тревожное,

суетливое. которое разростается на нашихъ глазахъ, захватываетъ жизнь все шире и шире; это творчество почти „личное“ и очень отзывчивое на впечатлѣнія жизни [1]). Очевидно, на нашихъ глазахъ начинается новая эпоха въ исторіи поэтическаго творчества; пока оно отличается переходнымъ характеромъ, ищетъ новыхъ поэтическихъ образовъ, силится новыя настроенія воплотить въ новой формѣ.

§ 21. *Пословицы и поговорки.* Это — небольшія изреченія, афоризмы и сентенціи, которыя любопытны, какъ образцы народной мудрости и остроумія. Особенно любопытны пословицы, вслѣдствіе той серьезности, съ которой относится къ нимъ народъ. Онѣ обнимаютъ всю жизнь народа, знакомятъ насъ съ его суевѣріями, съ его взглядами на жизнь, на окружащую природу, на отношенія къ людямъ въ общественной и частной жизни. „Мѣткое сравненіе, остроумное сближеніе понятій, сила, краткость и наглядность выраженія при созвучіи, или совпаденіи словъ—таковы главныя отличительныя черты этихъ правилъ народной мудрости“. Впрочемъ, отдавая все должное пословицамъ, какъ произведеніямъ, очень цѣннымъ для изученія идейной стороны народнаго творчества, нельзя не указать, что онѣ, для установленія міросозерцанія народа, матеріалъ очень опасный. Еще на первыхъ ступеняхъ самосознанія народная мудрость всегда выражается въ изреченіяхъ, возникшихъ по поводу конкретнаго случая. Такихъ отдѣльныхъ сентенцій набирается очень много, но онѣ не сливаются въ ту непрерывную цѣпь систематическихъ построеній мысли, которыя позволяютъ говорить о стройномъ міросозерцаніи. То же самое можно сказать и относительно русскихъ пословицъ, — въ нихъ столько противорѣчій, что нѣтъ ни одной, положенія которой не разрѣшались бы съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія [2]).

Пословицы.

Пословицы, какъ матеріалъ для опредѣленія народнаго міросозерцанія

---

[1]) Насколько отзывчивымъ оказывается теперь творчество народа, видно изъ такихъ курьезовъ: въ Нижнемъ Новгородѣ на другой день послѣ введенія винной монополіи уже пѣлись по улицамъ куплеты: „монополька моя, монополистая“. Въ частушки попалъ и писатель Макс. Горькій, и „демократы“, и „японская война“:

„Не ругайте, демократы,
За любовь насъ никогда—
Сочинитель Максимъ Горькій
Приказалъ любить всегда!

Мы таку войну устроемъ—
Всю Японію разроемъ!
Англичанинъ нипочемъ—
Закидаемъ кирпичемъ.

[2]) Каратаевъ („Война и Миръ“) постоянно противорѣчилъ себѣ, опираясь на пословицы и всетаки представленъ въ романѣ „мудрецомъ“.

Древнія русскія пословицы.

Какъ бы тамъ ни было, но это обстоятельство не помѣшало русскому народу любить свои пословицы. Съ первыхъ страницъ лѣтописи являются онѣ подъ стариннымъ названіемъ „притчъ“: „погибоша, аки Обри“, „Руси—веселіе пити, не можемъ безъ того быти“, „миръ стоитъ до рати, а рать до мира“. и др.

Въ „Сл. о полку Игоревѣ“ найдемъ мы рядъ такихъ же притчъ: „ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути“. Въ „Моленіи Даніила Заточника“ многія мѣста сплетены изъ „мірскихъ притчъ“.

Происхожденіе пословицъ самое разнообразное; несомнѣнно, большинство создано народомъ, но многое заимствовано изъ книгъ, а нѣкоторыя—результатъ общенія съ чужими народами. Къ первымъ относятся, конечно, всѣ „миѳическія“. Въ нѣкоторыхъ можно усмотрѣть остатки глубокой языческой старины кіевскаго періода.

а) миѳическія.

Такъ, пословицы: „который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ“, или: „солнце днемъ работаетъ, а ночь отдыхъ беретъ“,—могутъ быть отнесены къ тому времени, когда вѣрили еще въ божество солнца. „Что тому богу молиться, который не милуетъ“, „взялъ боженьку за ноженьку да и объ уголъ“—относятся уже къ эпохѣ скептицизма, когда вѣра въ старыхъ боговъ пошатнулась. Вѣрой въ лѣсныхъ, водяныхъ проникнуты пословицы: „горы да овраги—чортово жилье“, „въ тихомъ омутѣ черти водятся“, „въ лѣсу лѣшій, а дома мачиха“, „храберъ, силенъ, а все съ лѣшимъ не справишься“, „домовой не полюбитъ (скотину), не что возьмешь“, „старый воронъ мимо каркнетъ“, „жилъ въ лѣсу—молился пнямъ“.

b) сложившіяся подъ вліяніемъ христіанства.

Христіанство замѣтно облагородило народное сознаніе цѣлымъ рядомъ высоконравственныхъ сентенцій: „безъ Бога ни до порога“, „не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ“, „Богъ правду видитъ“... Но, рядомъ съ этими глубоко-христіанскими изреченіями, мы сейчасъ же наталкиваемся на такія, въ которыхъ звучитъ нѣкоторый скептицизмъ: „Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ“, „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“...

с) историческія.

Немало пословицъ „историческихъ“. Воспоминанія о древне-русской жизни сказались въ пословицахъ: „на одномъ вѣчѣ, да не однѣ рѣчи“, „тіуны, что трутъ,—рядовичи, что искры“, „бѣда куны (деньги) родитъ“, „всякій спляшетъ, да не какъ скоморохъ“, „у всякаго скомороха свои погудки“. Особенно много осталось такихъ изреченій въ связи съ воспоминаніями

народа о татарщинѣ: „Не во-время гость хуже татарина", „пусто, словно Мамай прошелъ", „каковъ ханъ, такова и орда".

Закрѣпощеніе крестьянъ при Годуновѣ отразилось въ народной памяти пословицей-поговоркой: „вотъ тебѣ, бабушка и Юрьевъ день". Шведская война—„пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой" и др.

„Бытовыхъ пословицъ" особенно много,—онѣ охватываютъ всѣ образы жизни и всѣ сословія народа, всѣ житейскіе вопросы, недоразумѣнія и сомнѣнія... „Эти пословицы даютъ понятіе о добрыхъ качествахъ народа и объ его недостаткахъ; въ нихъ виденъ и разумный, трезвый взглядъ на вещи, и слѣды стариннаго невѣжества и грубости нравовъ". Много пословицъ посвящено занятіямъ хлѣбопашествомъ: „мужикъ умирать собирайся, а земельку паши", „дорогой товаръ изъ земли растетъ", „не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника", „не хвались, въ поле ѣдучи, а хвались, съ поля ѣдучи", „не то бѣда, что во ржи лебеда, а бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды". d) бытовыя.

Немало пословицъ посвящено семейной жизни. Многія изъ этихъ пословицъ, въ сущности, — темы семейной пѣсни: „въ дѣвкахъ сижено—горе мыкано, замужъ выдано—вдвое прибыло", „женѣ спускать — добра не видать", „люби жену, какъ душу,— тряси ее, какъ грушу".

Въ послѣднее время въ пословицахъ усмотрѣно и „юридическое" значеніе. Г. Иллюстровъ, сгруппировавшій недавно пословицы такъ, что въ нихъ ему удалось опредѣлить, какъ народъ смотритъ на „государственную власть" (царь, служилые люди, сословія), на семью (бракъ, семья, родня), на собственность, на благосостояніе и бѣдность, преступленія и наказанія, на судъ,— говоритъ въ предисловіи къ своему труду слѣдующее: е) юридическія.

«Пословицы и поговорки принимаются за первобытные источники права. Законы, въ своемъ происхожденіи, обязаны жизни народной: пословицы и поговорки, какъ выраженія народной мудрости по поводу правовыхъ отношеній, нерѣдко характеризовали то или другое правовое воззрѣніе прежде, чѣмъ оно было облечено въ форму закона писаннаго. «Въ первичную эпоху», — говоритъ проф. Н. Таганцевъ въ своихъ лекціяхъ («Русское Уголовное Право»), «обычное право составляетъ единственный источникъ правообразованія; все равно является ли оно въ формѣ устныхъ преданій, живущихъ въ видѣ разсказовъ о примѣрныхъ дѣлахъ, волю выражающихъ дѣйствіяхъ и т. п., или же является точно и опредѣленно формулированнымъ въ видѣ юридическихъ пословицъ и поговорокъ; цѣлые вѣка живетъ оно въ формѣ устнаго неписаннаго права, но и закрѣпленное въ письмѣ не теряетъ своего основнаго характера». Иллюстровъ о пословицахъ

Изъ пословицъ, вводящихъ насъ въ общественную жизнь народа, можно привести, хотя бы, тѣ, въ которыхъ высказался взглядъ народа на значеніе „міра“: „что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ“, „мірская правда крѣпко стоитъ“, „міръ — великъ человѣкъ“, „коли всѣ міромъ вздохнутъ, — и до царя слухи дойдутъ“ и др.

f) философскія.

Къ „философскимъ“ пословицамъ относятся такія, въ которыхъ народъ выразилъ свои взгляды на тѣ силы, что управляютъ жизнью человѣческой. Таково, напримѣръ, представленіе о „судьбѣ-долѣ“: „бойся, не бойся, а року не миновать“, „такъ на роду написано“, „отъ судьбы не уйдешь“, „сужена-ряжена не обойдешь и на конѣ не объѣдешь“, „рокъ головы ищетъ“... Сюда же могутъ быть отнесены пословицы, разрѣшающія вопросъ о роли „правды“ и „кривды“ въ жизни человѣка. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что рѣшенія этого вопроса очень безотрадны: очевидно, торжество неправды народу слишкомъ било въ глаза. „Правда въ дѣло не годится, а въ кивотъ поставить, да молиться“, „была правда на свѣтѣ, да въ разновѣску ушла“, „брехней міръ стоитъ“, „не пойманъ — не воръ“ [1], — вотъ, какъ отвѣчала дѣйствительность на рѣзко поставленные ей вопросы. Впрочемъ, слышимъ мы и такіе отвѣты: „лучше кривду терпѣть, чѣмъ правдой вертѣть“, „засыпь правду золотомъ, а она поплыветъ — всплыветъ“.

g) сатирическія.

„Сатирическія“ пословицы охватываютъ многія отрицательныя стороны русской жизни: ложное благочестіе („густо кадишь, — святыхъ зачадишь“, „спереди блаженъ мужъ, а сзади вскуе шаташася“, „на небо поглядываетъ, а по землѣ пошариваетъ“), неправду на судахъ („судья, что плотникъ: что̀ захотѣлъ, то и вырубилъ“, „что̀ мнѣ законы? мнѣ судьи знакомы“, „наказалъ Богъ народъ — наслалъ воеводъ“, „конь любитъ овесъ, а воевода — приносъ“).

Художественность формы въ пословицѣ

Пословицы, обыкновенно, отличаются художественностью формы: часто можно встрѣтить въ нихъ даже соблюденіе пѣсеннаго тоническаго размѣра. Напр., — „рано встала, да мало напряла“, „всякая небылица въ три года пригодится“, „сбилъ, сколотилъ — вотъ колесо, сѣлъ да поѣхалъ — ахъ, хорошо! Оглянулся назадъ — однѣ спицы лежатъ!“ Очень часто обѣ части пословицы оканчиваются риѳмой. Напр.,

Риѳма.

„ни то, ни се кипѣло, да и то пригорѣло“, „сало было, — стало мыло“.

[1] Пословицы часто имѣютъ двоякій смыслъ: напр., на пословицу, — „не пойманъ — не воръ“ — можетъ опираться и необличенный плутъ и гуманный судья. (тоже „на Бога надѣйся, — а самъ не плошай“).

Встрѣчаются „созвучія“: „не подъ дождемъ—подождемъ“. Всѣ виды фигуръ и троповъ можно найти въ пословицахъ. Родственны съ „пословицами“—„поговорки“, „присловья, „прибаутки“. „*Поговорка*“, по народному же опредѣленію, „цвѣточекъ, а пословица — ягодка“. „Поговорка“ — окольное выраженіе, переносная рѣчь, простое иносказаніе, обинякъ, способъ выраженія—но безъ притчи, безъ сужденія, заключенія, примѣненія; это—одна первая половина пословицы. Созвучія. Поговорка.

„Посему поговорка иногда весьма близка къ пословицѣ: стоитъ прибавить лишь одно словечко, или сдѣлать перестановку, и изъ поговорки выйдетъ пословица: „онъ сваливаетъ съ больной головы на здоровую“, „онъ чужими руками жаръ загребаетъ“, — поговорки; та и другая говорятъ только, что это—самотникъ (эгоистъ), который заботится о себѣ, не щадя другихъ. Но скажите: „чужими руками жаръ загребать легко“, „сваливать съ больной головы на здоровую не накладно“, „одного сукна епанча не рознится“, „одной руки пальцы, и кость одна“ и пр. — и все это будутъ пословицы, заключая въ себѣ полную притчу“. Даль о поговоркѣ.

„*Присловье*“ весьма близко къ прозвищу, но относится не къ лицу, а къ такимъ мѣстностямъ, жителей которыхъ дразнятъ, бранятъ, или чествуютъ приложеннымъ къ нимъ присловьемъ. Оно иногда состоитъ въ одномъ только словѣ: „Рязанцы—кособрюхіе“; „Ярославцы—бѣлотѣльцы“ и др. Присловье.

Прибаутки также нерѣдко переходятъ въ пословицы: „По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь: а кромѣ коренной, нѣтъ ни одной“; „лошади чужія, хомутъ не свой — погоняй, не стой“; „не жалѣй хозяйскаго добришка“ и пр. Прибауткою же называютъ также сказочныя прикрасы: „Не по днямъ, по часамъ растетъ, какъ пшеничное тѣсто въ опарѣ киснетъ“. Прибаутки.

§ 22. *Загадки* теперь утратили свое первоначальное значеніе, когда-то вполнѣ серьезное и важное, какъ средство испытывать мудрость человѣческую. Во всѣхъ старыхъ народныхъ произведеніяхъ и въ греческихъ миѳахъ (Эдипъ), и въ германской Эддѣ, и въ индійской поэзіи, и въ Калевалѣ, и въ народныхъ сказкахъ всѣхъ народовъ, и въ древней письменности загадки имѣли еще это важное значеніе [1]). Въ старину задаваніе и разгадываніе за- Загадки.

---

[1]) Историч. Хрестоматія, I, 72. Сравни „Апокриф. сказаніе о царѣ Соломонѣ“ (тамъ-же, I, 153—4), „Повѣсть о купцѣ Басаргѣ“ (172), „Повѣсть о муромскомъ

гадокъ было своего рода „единоборствомъ, причемъ иногда нераз гадывающіе платились своею жизнью“ (Владиміровъ).

a) миѳологическія.

Особенный интересъ имѣютъ загадки „миѳологическія“. Къ этому разряду относятся, напримѣръ, такія, въ которыхъ представляется солнце въ видѣ дѣвицы, тура, птицы, ночи — въ видѣ черной коровы и пр. Миѳологи въ подобныхъ загадкахъ находили богатый матеріалъ для своихъ построеній. „Стоитъ дубъ старо-дубъ, на томъ дубѣ-стародубѣ сидитъ птица-веретеница; никто ея не поймаетъ— ни царь, ни царица, ни красная дѣвица“—(солнце на небѣ). „Красная дѣвица по небу ходитъ“ (солнце); „Заря-заряница, красная дѣвица, по полю ходила, ключи обронила, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрало“ (роса); „Туръ ходитъ по горамъ,— турица по доламъ, туръ свистнетъ, — турица мигнетъ“ (гроза); „конь бѣжитъ, земля дрожитъ“ (громъ).

Происхожденіе загадокъ.

Такимъ образомъ, происхожденіе загадки относится къ далекой языческой древности, когда человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на что-то живое, покрытое тайной. Олицетворяя явленія природы, первобытный человѣкъ складывалъ свой образный миѳъ,—и осколки этихъ миѳовъ, несомнѣнно, сохранились въ нѣкоторыхъ загадкахъ. Съ теченіемъ времени, сохранилась ея аллегорическая форма, но прежнее религіозное значеніе ея затерялось.

b) бытовыя.

Такимъ образомъ. подобно пословицамъ, и загадки имѣютъ свою хронологію. Древнѣйшія, каковы загадки о небесныхъ свѣтилахъ и явленіяхъ природы, носятъ на себѣ ясные слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ зависѣлъ отъ природы той мѣстности, гдѣ онъ ловилъ звѣрей и пасъ стада. Слѣдуютъ за этими загадками по времени загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Жилище постоянное, хозяйство, орудія земледѣлія, бо́льшее общеніе съ подобными себѣ вызвало новый рядъ иносказательныхъ представленій, опредѣленій одного предмета другимъ по какому нибудь сходному признаку. Христіанство и грамотность отразились на пословицахъ позднѣйшихъ.

Сказки.

§ 23. *Сказки* [1]) представляютъ собой громадный отдѣлъ народнаго творчества, на который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обращали меньше вниманія, чѣмъ онъ этого заслуживалъ. Сказки мало и неохотно собирали у насъ; ея изученію посвящено срав

Изученіе сказки.

князѣ Петрѣ“ (252), „Романъ объ Александрѣ“ (163—4), „Повѣсть о премудромъ Акирѣ“ (170—1) „повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ“.

[1]) Историч. Хрестоматія, ч. I, 73—127.

нительно немного статей и ни одного крупнаго изслѣдованія. Одни только представители „миѳологической“ школы широко воспользовались сказкой для своихъ цѣлей, да, мимоходомъ, касалась сказочнаго матеріала „школа заимствованія“. Между тѣмъ, сказка любопытна, хотя-бы, тѣмъ, что изъ всѣхъ видовъ народнаго творчества она отличается наибольшею жизнеспособностью: до нашихъ дней у народа сохранился интересъ къ сказкамъ. Въ деревняхъ и теперь есть мужики, знающіе много сказокъ,—къ нимъ въ зимніе вечера иногда собираются послушать сказокъ ихъ односельчане (молодежь идетъ пѣть и плясать на „бесѣду“). Въ особомъ ходу теперь сказки съ любовными приключеніями, а также бытовыя—юмористическія. На западѣ Европы умерли всѣ виды стараго народнаго творчества, — одна сказка продолжаетъ бытовать, правда, спустившись въ міръ дѣтскихъ интересовъ. Эта живучесть ея и, въ то же время отсутствіе того критическаго къ ней отношенія, которое сказывается у народа по отношенію къ произведеніямъ, претендующимъ на историческую цѣнность (былина) — обусловили за сказкой возможность сохранить до нашихъ дней остатки сѣдой старины въ полной неприкосновенности. Только заговоры, отчасти пословицы и загадки, могутъ идти, въ этомъ отношеніи, въ сравненіе со сказками. Вотъ почему относительно *нѣкоторыхъ* типовъ народной сказки можно сказать словами Аѳанасьева, что сравнительное ихъ изученіе приводитъ къ двумъ заключеніямъ: 1) что сказки создались на мотивахъ, лежащихъ въ основѣ древнѣйшихъ воззрѣній арійскаго народа на природу, и—2) что, по всему вѣроятію, уже въ эту давнюю эпоху были выработаны главные мотивы сказочнаго эпоса и потомъ, разнесенныя раздѣлившимися славянскими племенами въ разныя стороны—на мѣста ихъ новыхъ поселеній, были сохранены народною памятью, какъ и всѣ повѣрья, обряды и миѳическія представленія. Съ такой точки зрѣнія, сказка—не пустая „складка“, въ ней нѣтъ преднамѣренной лжи, нѣтъ сочиненности. Народъ, утратившій полную вѣру въ реальность ея содержанія, назвалъ ее „складкой“, но не посягнулъ на ея содержаніе, сохранивъ ее бережно въ теченіе вѣковъ. Если въ былинахъ сказочныя преданія пріурочивались къ исторической почвѣ, подчинялись историческимъ фактамъ и именамъ, то сказка осталась совершенно независимой отъ этихъ „историческихъ“ узъ. Сказка не знаетъ ни опредѣленнаго мѣста, ни хронологіи; дѣйствіе совершается въ нѣкое время — „въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ“.

Живучесть сказки.

Аѳанасьевъ о сказкахъ.

Все сказанное относится къ сказкамъ *животнаго эпоса* и *миѳическимъ*. Подъ такое опредѣленіе не подойдетъ сказка позднѣйшая: 1) авантюрно-волшебная, 2) сказка бытовая, 3) сказка-легенда, 4) сатирическая, 5) историческая и—6) философская.

Миѳическія сказки.

а) *Миѳическія сказки*. Напрасны будутъ наши старанія представить себѣ всю систему миѳическаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ по сказкамъ; но отдѣльныя вѣрованія, несомнѣнно, возсоздадутся легко. Такъ, произведенія, въ которыхъ солнце и мѣсяцъ представлены, какъ братъ и сестра, или какъ мужъ и жена—представляютъ собою остатокъ старой и довольно смутной космогоніи; сказки о борьбѣ Дня и Ночи, Лѣта и Зимы тоже могутъ быть отнесены къ этому разряду. Кони Солнца и Зари, Дня и Ночи, выведенные въ сказкѣ: „Василиса Премудрая"—тоже принадлежатъ къ далекой эпохѣ первичнаго пониманія смѣны дня и ночи. Вѣра въ чудесную силу живой и мертвой воды, въ магическое значеніе человѣческаго слова, въ пророческое значеніе сновъ,—все это разрозненные элементы старыхъ вѣрованій.

Природа въ сказкахъ.

Чудеса сказокъ.

Дивныя растенія, надѣленныя особой силой дѣлать человѣка участникомъ сверхъестественнаго, чудесные предметы (талисманы),—всѣ эти чудеса въ старину освящены были искренней вѣрой народа въ реальность ихъ существованія. Къ области миѳологіи относится и вѣра народа, въ возможность какихъ-то таинственныхъ связей, соединяющихъ нѣкоторыхъ животныхъ (напр., „ворона", „кошки") съ чудеснымъ міромъ чарованій и колдовства.

„Вѣдуны и вѣдьмы"—вотъ, посредники между міромъ здѣшнимъ и этимъ нечеловѣческимъ, потустороннимъ. Это—существа, знающія тайны, какъ управлять тѣми стихіями, передъ которыми безсиленъ простой человѣкъ. Вѣра въ способность „превращать" и „превращаться" въ звѣрей, въ предметы, въ деревья и цвѣты, способность „погружать въ сонъ" отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя царства,—вѣра въ существованіе Змѣя Горыныча, богатыря, похитителя красавицъ, олицетвореніе силъ природы, въ видѣ Морского царя, Мороза, Вихря и т. д.,—все это должно быть отнесено къ области народныхъ вѣрованій, до сихъ поръ не умирающихъ въ народномъ сознаніи.

Неправильное пониманіе этихъ сказокъ миѳологическою школою.

Едва-ли можно придавать всѣмъ этимъ туманнымъ образамъ символическій и аллегорическій смыслъ, который усматриваютъ въ нихъ представители „миѳологической" школы. Едва-ли Кощей, похитившій Марью Моревну—это зима, мракъ, мертвое начало, покорившее живое начало,—свѣтъ, живую, дѣятельную природу,

а Иванъ Царевичъ, убивающій Кощея, спасающій царевну—есть животворный лучъ солнца, прогоняющій холодъ, сверкнувшая молнія, разрѣзающая тучи... Естественнѣе предположить за этими образами Кощея и Марьи Моревны вѣру въ ихъ реальное существованіе,—встревоженное воображеніе некультурнаго человѣка наполняло весь міръ жизнью,—борьбой добрыхъ и злыхъ началъ. Припомнимъ, что мерещилось нашему Пушкину, когда онъ ѣхалъ зимой во время вьюги—онъ видѣлъ безобразную пляску бѣсовъ, слышалъ ихъ жалобныя пѣсни, раздирающія душу:

«Домового-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

—задаетъ себѣ почти-тревожный вопросъ „образованный" Пушкинъ. А что думалъ въ это время его „необразованный" ямщикъ? Конечно, онъ скорѣе рѣшалъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и, въ то же время, смотрѣлъ спокойнѣе, равнодушнѣе на проказы бѣсовъ, вѣря въ силу крестнаго знаменія. Такимъ образомъ, въ культурномъ человѣкѣ, съ его скептицизмомъ, порой просыпается старый дикарь, который тогда безпомощнѣе некультурнаго человѣка, съ его двоевѣріемъ.

Изъ миѳическихъ образовъ, наиболѣе распространенныхъ въ русскихъ сказкахъ, слѣдуетъ указать слѣдующіе:

Баба-Яга, иногда помощница героя, чаще существо враждебное, людоѣдка, живущая въ лѣсу (сказки объ Иванѣ, Иванушкѣ, о Снѣгурушкѣ, о трехъ братьяхъ). Это—мрачное, безобразное созданіе, особенно популярное въ финскомъ сказочномъ эпосѣ, вѣроятно, оттуда занесено къ намъ. Во всякомъ случаѣ, не кіевская Русь, съ широкимъ раздольемъ степей и ясными небесами, создала этотъ мрачный образъ,—исчадіе дремучаго лѣса, продуктъ напуганнаго воображенія сѣверянина. Баба-Яга.

Кощей безсмертный—похититель красавицъ, таинственное существо, очевидно, занесенное къ намъ съ востока. По крайней мѣрѣ, одна подробность, обязательно сопутствующая этому неясному образу, часто повторяется въ связи съ аналогичнымъ образомъ въ персидскихъ, египетскихъ, индійскихъ, кавказскихъ сказкахъ—это заключеніе судьбы Кощея въ какомъ-нибудь предметѣ (напр., въ яйцѣ), который надо уничтожить,—и тогда прекратится существованіе Кощея [1]). Въ нашихъ сказкахъ герой узнаетъ у похищенной красавицы объ этой тайнѣ и искусно ею пользуется: самое имя «Кощей» встрѣчается въ значеніи нарицательнаго въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и въ лѣтописяхъ и, несомнѣнно, восточнаго происхожденія. Кощей безсмертный.

[1]) „На морѣ, на окіанѣ есть островъ, на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ—заяцъ, въ зайцѣ—утка, въ уткѣ—яйцо, а въ яйцѣ—смерть Кощея".

Превращенія и оборотничество.

Превращенія людей въ животныхъ, въ птицъ, въ рыбъ очень часты въ сказкахъ. Кромѣ такихъ превращеній «противъ воли», употребительны въ сказкахъ случаи «*оборотничества*», когда превращеніе является результатомъ «хитрой науки». Такое добровольное превращеніе, обыкновенно, есть средство защитить себя отъ преслѣдованій. Тогда, обыкновенно, мы имѣемъ дѣло съ длинною цѣпью превращеній: бѣглецъ оборачивается въ голубя, преслѣдователь—въ ястреба; бѣглецъ—въ собаку, преслѣдователь—въ волка и т. д. Сказки о невѣстахъ—птицахъ, или животныхъ (лебедь, утка, голубка, лягушка) относятся къ этому-же разряду: чтобы эти превращенныя дѣвицы пріобрѣли человѣческій образъ и навсегда сохранили его, нужно соблюденіе различныхъ условій.

Изъ сказокъ, сюда относящихся, особенно популярны тѣ, въ которыхъ молодецъ подмѣчаетъ, какъ къ морю подлетаютъ лебедушки, сбрасываютъ крылья и перья и купаются. Молодецъ похищаетъ пару крыльевъ и, благодаря этому, овладѣваетъ Бѣлою-Лебедью—мудрою дѣвою.

Въ сказкѣ «о царевнѣ-лягушкѣ» три царскихъ сына, выбираютъ себѣ невѣстъ, пуская стрѣлы въ разныя стороны. Стрѣла одного изъ нихъ попадаетъ въ болото къ лягушкѣ, царевичъ на ней женится, и она помогаетъ ему рѣшить трудныя задачи, возложенныя на него отцомъ, и потомъ, превращается въ красавицу, мудрую жену. Царевичъ, желая навсегда сохранить ее за собою въ такомъ обольстительномъ видѣ, сжигаетъ ея лягушечью шкурку, но, за свою поспѣшность, наказывается исчезновеніемъ жены. Послѣ долгихъ поисковъ, царевичъ возвращаетъ себѣ ее красавицей.

Въ нѣкоторыхъ сказкахъ злая волшебница превращаетъ своего мужа или жениха въ животныхъ, птицъ и пр. Мотивы эти очень популярны въ сказкахъ различныхъ народовъ.

Чудесное рожденіе героевъ.

Нерѣдко въ сказкахъ мы имѣемъ дѣло съ *чудеснымъ рожденіемъ* героевъ отъ снѣга, отъ обрубка дерева, отъ рѣпки, отъ съѣденнаго гороха, отъ змѣи, отъ пальчика. Къ этому же роду относится извѣстная сказка о томъ, какъ на могилѣ убитаго, или убитой, выростаетъ чудесное растеніе. На эту тему есть сказки у всѣхъ европейскихъ народовъ, но не указаны пока сказки у народовъ восточныхъ. Главный мотивъ этихъ однородныхъ сказокъ слѣдующій: дѣвочка съ сестрами, или съ братомъ, или съ подругами, отправляется по ягоды въ лѣсъ; въ лѣсу спутники убиваютъ героиню изъ зависти, и, придя домой, говорятъ, что она пропала. На могилѣ убитой выростаетъ тростинка (камышъ, бузина, калина, цвѣтокъ); пастухъ дѣлаетъ изъ нея дудку—и дудка сама поетъ о злодѣяніи, обличая убійцъ.

Окаменѣніе и усыпленіе.

Къ «миѳическимъ» сказкамъ должны быть отнесены и такія, въ которыхъ происходитъ *окаменѣніе* и чародѣйственное долговременное *усыпленіе* сказочныхъ героевъ и героинь, иногда цѣлыхъ городовъ и царствъ. Эти сказки тоже широко распространены у всѣхъ народовъ.

Талисманы.

Во многихъ сказкахъ встрѣчаемъ мы вѣру въ силу *талисмановъ* и въ существованіе предметовъ, надѣленныхъ особыми чудесными свойствами: «Мечъ-самосѣкъ», «топоръ-саморубъ», «палка-самобой», «гусли-самогудки», «коверъ-самолетъ», «санки-самокатки», «сапоги-скороходы», «шапка-невидимка», «скатерть-самобранка», волшебный перстень, блюдечко,—вотъ

нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ предметовъ, которые сопутствуютъ герою въ его приключеніяхъ и облегчаютъ ему подвиги. Всѣ эти предметы широко распространены въ сказкахъ другихъ народовъ, европейскихъ и восточныхъ. Чудесные звѣри и птицы: «златогривый конь», «олень-золотые рога», «жаръ-птица» [1]), а также «мертвая» и «живая» вода, напитки (вода, вино, медъ), дающіе благотворную силу, яблоки, возвращающія молодость, — все это — чудеса, говорящія намъ о томъ мірѣ сказочныхъ грезъ, въ которомъ жилъ и живетъ нашъ народъ [2]).

Наконецъ, къ «миѳическимъ» сказкамъ относятся тѣ, въ которыхъ народъ повѣствуетъ о своихъ приключеніяхъ съ лѣшими, водяными, русалками; къ этому же разряду относятся разсказы о поискахъ «кладовъ», о добываніи «разрывъ-травы» и пр.

История миѳическаго элемента въ сказкахъ.

Конечно, приведенные нами примѣры не даютъ еще возможности говорить что-либо опредѣленное о *древне-языческомъ* міросозерцаніи нашихъ предковъ, — многіе изъ указанныхъ мотивовъ, могли быть занесены къ намъ въ разное время отъ разныхъ народовъ. Чтó присуще намъ, русскимъ славянамъ, исключительно, чтó принадлежитъ намъ, какъ всѣмъ арійцамъ, чтó взято нами, что взято у насъ, — это вопросы очень спорные, до сихъ поръ не разрѣшенные. Во всякомъ случаѣ, весь этотъ пестрый міръ чудесъ, уносящихъ воображеніе далеко за предѣлы земныхъ отношеній, до сихъ поръ не утратилъ своего значенія въ глазахъ простого народа; поэтому произведенія, этотъ міръ отражающія, должны считаться „миѳологическими“, т. е. отражающими нехристіанскія вѣрованія народа.

b) Сказки животнаго эпоса.

b) *Сказки животнаго эпоса* принадлежатъ, несомнѣнно, къ произведеніямъ, сложившимся тогда, когда европейскіе народы составляли еще одну семью, — оттого сюжеты и герои животнаго эпоса поразительно сходны въ сказкахъ разныхъ народовъ. Особенно популярна *лиса* и ея продѣлки. Богатый циклъ сказокъ о лисѣ у всѣхъ европейскихъ народовъ распадается, главнымъ образомъ, на три группы:

Лиса въ сказкахъ.

Лиса-обманщица. Лиса ночью выбѣгаетъ изъ избы въ сѣни, какъ будто для того, чтобы провѣдать сосѣдей, у которыхъ явились на свѣтъ Божій дѣти, а, на самомъ дѣлѣ, чтобы съѣсть припрятанный волкомъ запасъ меду (или масла). Возвращаясь, она каждый разъ объявляетъ волку имена новорожденныхъ: «Початочекъ», «Середышекъ» и «Поскре-

[1]) Большую роль играетъ въ сказкахъ *чудесный конь* — „Сивка-бурка, вѣщій каурка“. Герою стоитъ влѣзть въ одно ухо этого коня, вылѣзть изъ другого, чтобы обратиться въ молодца. Богатырскій конь, обыкновенно, представляется „вѣщимъ“, предчувствующимъ будущее и предупреждающимъ героя объ опасностяхъ.

[2]) О томъ, какое впечатлѣніе оказываетъ сказка на слушателя, лучше всего видно изъ романа Гончарова — „Обломовъ“ (см. мою Историч. Хрестоматію, III, 186—8).

бушекъ», въ зависимости отъ того, сколько осталось въ кадкѣ меду (или масла). Эта сказка, съ соотвѣтствующими названіями новорожденныхъ, распространена у европейскихъ и монгольскихъ народовъ.

Кража лисой рыбы. Выбѣжала лиса на дорогу, видитъ: ѣдетъ съ рыбою мужикъ, прикинулась мертвой и растянулась поперекъ дороги. Наѣхалъ мужикъ на лису: «ай! говоритъ—лисица! что за шерсть! что за хвостъ!» А самъ лису и на возъ. Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна, и ну грызть рогожу, и ну грызть дно саней... Сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ въ это время спалъ и ничего не зналъ. А лиса сельди собрала и къ волку въ избу принесла. Сказки съ такимъ содержаніемъ встрѣчаются въ эпосѣ славянскомъ, романо-германскомъ, кельтскомъ, венгерскомъ, лапландскомъ, даже готтенотскомъ (вмѣсто лисы—шакалъ, вмѣсто волка—гіена).

Рыбная ловля. Волкъ полюбопытствовалъ, откуда у лисы столько рыбы; она разсказала ему, что наловила рыбу, спустивъ хвостъ въ прорубь. По совѣту лисы, волкъ сѣлъ у проруби и опустилъ хвостъ въ воду. А лиса около стоитъ и шепчетъ: «на небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзни, мерзни!» И вотъ ударилъ такой морозъ, что у волка хвостъ замерзъ на льду. Пришли люди и убили, а по другимъ варіантамъ—избили волка.

Волкъ въ сказкахъ.

Волкъ, одураченный лисой, оказывается дурнемъ и въ сношеніяхъ съ другими животными. Старая собака, которую онъ хотѣлъ съѣсть, его обманываетъ; лошадь, козелъ, свинья, баранъ тоже надуваютъ простака.

Человѣкъ въ сказкахъ животнаго эпоса.

Къ сказкамъ о животныхъ относятся произведенія съ мотивами „о неравномъ дѣлежѣ жатвы“. Человѣкъ обманываетъ медвѣдя, а потомъ и лису, которая взялась ихъ судить.

„Благодарныя животныя“.

Любопытны сказки о „благодарныхъ животныхъ“. Эти сказки тоже распространены по всему міру. Обычная схема сказки очень нехитра: сказочный герой даритъ жизнь (или помогаетъ) животному, терпящему несчастье, или изнемогающему въ борьбѣ съ другимъ. За это животныя (или ихъ дѣти) дѣлаются помощниками героя, охраняютъ его, оживляютъ его убитаго, помогаютъ ему совѣтомъ, или снабжаютъ его талисманами.

с) Авантюрныя сказки.

с) *Сказки авантюрныя* посвящены разсказамъ о тѣхъ приключеніяхъ, которыя попадались на пути герою, ѣдущему розыскивать—или небывалыхъ животныхъ („свинка-золотая щетинка“, „златогривый конь“, „жаръ-птица“ и др.), или добывать необыкновенныхъ красавицъ-невѣстъ (силой, или сватовствомъ)—для себя, или для царя. Иногда эти красавицы похищены кѣмъ-нибудь, или очарованы. Похожденія Ивана-Царевича, добывающаго себѣ Царь-Дѣвицу, Жаръ-Птицу и Златогриваго Коня —

сказка, въ этомъ отношеніи, типичная. Похожденія Семи Семіоновъ тоже относятся къ этому разряду. Задаванье трудныхъ задачъ и порученій, отгадыванье загадокъ — детали, обыкновенно, сопровождающія сказки этого вида. Пусть въ этихъ авантюрныхъ сказкахъ много еще чудесъ, — всетаки здѣсь человѣкъ, съ его личными доблестями, выдѣляется уже на первое мѣсто.

d) Бытовыя сказки.

d) *Сказки бытовыя* изображаютъ картины обыкновенной жизни простого народа; онѣ не блещутъ яркостью содержанія, не заставляютъ воображеніе работать энергично надъ длинной цѣпью фантастическихъ подвиговъ и приключеній, — за то въ нихъ много внутренняго драматизма, въ нихъ мы встрѣтимся съ первыми опытами психологическаго анализа. Сказки этого вида распадаются тоже на нѣсколько группъ.

„Счастье падчерицы".

Очень распространена сказка *о счастьи падчерицы*, тихой и скромной дѣвушки. Обыкновенно, ей противопоставляется злая, непокорная дочь мачихи. Этотъ сюжетъ очень широко распространенъ во всей Европѣ; къ нему примыкаютъ сказки, въ которыхъ говорится о забитой несчастной дѣвушкѣ, или мальчикѣ, которые оказываются счастливѣе своихъ „счастливыхъ" сестеръ и братьевъ. „Золушка"—типичная сказка этого рода. Сюда-же относятся *сказки о дуракѣ*, къ которому съ презрѣніемъ относятся его старшіе „разумные" братья, но который добродѣтельнѣе ихъ и за то награждается судьбой. Эти сказки любопытны тѣмъ, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ отраженіемъ философскаго міросозерцанія народа. Эта вѣра въ „торжество добра надъ зломъ",— характерное явленіе для народнаго эпоса, вообще безразличнаго къ вопросамъ нравственнымъ. Вѣроятно, этотъ гуманный взглядъ привнесенъ въ народное творчество христіанствомъ.

„Дуракъ" въ сказкахъ

Драматизмъ бытовыхъ сказокъ.

Драматизмъ семейной жизни выразился въ сказкахъ, въ которыхъ мужъ, или женихъ, переодѣвшись гусляромъ (пѣвцомъ), приходятъ на свадьбу своей жены, или невѣсты. Распространена также сказка о коварныхъ красавицахъ, которыя губятъ своихъ мужей (братьевъ, или сыновей) изъ-за любви къ царю (или змѣю, Кощею). Эти сказки очень популярны у всѣхъ народовъ, — основа ихъ содержанія сводится къ слѣдующему: вѣроломная красавица убѣгаетъ съ чародѣемъ; мужъ ее преслѣдуетъ, — но схваченный обманомъ, или покоренный чародѣйствомъ, онъ не можетъ отомстить за себя и подвергается всевозможнымъ оскорбленіямъ; сестра спасаетъ его". Иногда коварная жена отправ-

ляетъ мужа съ опаснымъ порученіемъ, но онъ его удачно исполняетъ и, невредимый, возвращается домой и наказываетъ жену.

Злая свекровь, или золовка.

Къ этой-же группѣ сказокъ относятся разсказы о злой свекрови, (или золовкѣ), которыя клевещутъ сыну (или брату) на его жену, иногда изводятъ ее, въ отсутствіе мужа. Въ бытовыхъ пѣсняхъ мы неразъ встрѣчали разработку этихъ же темъ. Обыкновенно, мужъ, возвращаясь домой, или вѣритъ клеветамъ и наказываетъ жену [1]), а потомъ, узнавъ истину, расправляется съ матерью и сестрой,—или сразу мститъ за злобу матери и сестрѣ.

Добродѣтель преслѣдуется порокомъ.

Къ этой-же группѣ надо причислить тѣ сказки, въ которыхъ ослѣпляются сестра, или невѣстка, или молодая жена; исполненіе трудныхъ работъ и рукодѣлій возвращаетъ имъ глаза. Покража дѣтей, попытка въ отсутствіе мужа извести молодую жену съ ребенкомъ, — все это причудливые узоры, вытканные народной фантазіей на той канвѣ, которую давала дѣйствительная жизнь.

Симпатіи русскаго народа къ „смирнымъ" героямъ.

Несомнѣнно, сама жизнь подсказала русскому человѣку симпатіи изъ двухъ братьевъ къ бѣдному, изъ умныхъ — къ „глупому". Эти забитые, „смиренные" типы вознесены и въ нашей изящной литературѣ, — въ сказкѣ они одѣляются такими нравственными качествами, которыхъ нѣтъ у баловней счастья. За внутреннія достоинства судьба награждаетъ этихъ героевъ всѣми благами бытія, унижая въ то же время старшихъ братьевъ, сердца которыхъ оказываются полными зла и коварства.

Сказки объ искусномъ ворѣ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ „бытовыхъ" сказокъ стоятъ очень распространенные разсказы *объ искусномъ ворѣ*. Схема этихъ сказокъ очень однообразна: изъ двухъ воровъ одинъ, младшій, искуснѣе. Послѣ ряда хитроумныхъ подвиговъ во время грабежа казнохранилища, старшій попадаетъ въ ловушку. Чтобы замести слѣды, младшій отрѣзываетъ голову своему родственнику-неудачнику, затѣмъ ловко спасается изъ цѣлой сѣти хитростей, придуманныхъ ради его уловленія. Обыкновенно, къ этому сюжету примыкаютъ, въ концѣ концовъ, разсказъ о воровскихъ похожденіяхъ его совмѣстныхъ съ повелителемъ страны, который воображаетъ себѣ, что онъ не узнанъ воромъ. Этотъ сюжетъ у разныхъ народовъ прикрѣпляется къ самымъ популярнымъ истори-

---

[1]) „Множество сказокъ разсказываютъ о женѣ, съ отрубленными руками за мнимое убійство дѣтей. У невинно-потерпѣвшей родятся дѣти „по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, во лбу — солнце, на затылкѣ — мѣсяцъ, по бокамъ — звѣзды".

ческимъ именамъ: къ Гарунъ-аль-Рашиду, фараону Рампсиниту, Карлу Великому, у русскихъ—къ Іоанну Грозному, Петру Великому. Можно сказать, нѣтъ европейскаго и азіатскаго народа, у котораго не было бы сказокъ сходнаго содержанія.

е) *Историческими сказками* могутъ быть названы такія, въ которыхъ выводятся историческіе дѣятели. Такъ, у насъ есть сказки объ Иванѣ Грозномъ, о Петрѣ Великомъ, о Стенькѣ Разинѣ и пр. Впрочемъ, „историческаго" въ нихъ только и есть что *имена*. Около этихъ именъ группируются или ходячіе сказочные сюжеты, или различныя фантастическія повѣрья (напр., въ „сказкахъ о Стенькѣ Разинѣ") [1]). е) Историческія сказки.

f) Къ *сказкамъ философскимъ* можно причислить немногочисленныя произведенія, въ которыхъ нашли выраженіе нѣкоторыя черты житейскаго міросозерцанія нашего народа. Къ этой группѣ относятся, хотя бы, такія, очень распространенныя сказки, какъ—„Правда и Кривда", „Старая хлѣбъ-соль забывается", „Мальчикъ съ пальчикъ" и нѣк. др. f) Философскія сказки.

Въ первомъ произведеніи очень безотрадно начало: нѣтъ на землѣ правды, жить ею нельзя, — человѣкъ, попытавшійся бороться за правду, лишенъ даже глазъ въ наказаніе за свой идеализмъ; но конецъ сказки благопріятствуетъ ему, — онъ торжествуетъ, награжденный за свои добродѣтели. Можно думать, что эта вѣра въ побѣду добра есть результатъ вліяній христіанства. Вѣроятно, этотъ конецъ примкнулъ къ сказкѣ позднѣе — онъ такъ искусственно связанъ съ ея началомъ. „Правда и кривда".

Этой утѣшительной вѣры нѣтъ въ двухъ другихъ названныхъ сказкахъ: „Старая хлѣбъ-соль забывается" —это грустная повѣсть о человѣческой неблагодарности, царящей надъ міромъ. „Мальчикъ съ пальчикъ"—это возвеличеніе лукавства и хитрости, на которыхъ зиждется вся жизнь человѣка.

Любопытна также одна «сказка о разбойникѣ» благодаря той идеѣ, которая въ нее вложена. Одинъ разбойникъ много душъ загубилъ и пришелъ однажды къ нему старецъ и сталъ убѣждать его исправиться. Разбойникъ согласился. Старецъ продѣлъ ему въ каждое ухо по замку, сказавъ, что, когда онъ будетъ прощенъ, замки выпадутъ изъ его ушей. Долго разбойникъ велъ праведную жизнь, а замки все висѣли въ ушахъ. Однажды онъ увидѣлъ богатаго купца-кулака, очень притѣснявшаго бѣдныхъ крестьянъ. Разбойникъ подумалъ, что если убить этого купца, то для крестьянъ жить стало бы много легче. Онъ убилъ купца, а деньги Сказка о разбойникѣ.

---

[1]) Истор. Хрестоматія I, 512 и слѣд.

роздалъ по деревнямъ,—и замки изъ ушей его выпали. Сталъ онъ горевать, что опять преступленіе совершилъ, но подошелъ къ нему старичекъ и сказалъ, что онъ прощенъ: «ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!». Произведеніе это очень глубоко по своей идеѣ и очень напоминаетъ «Преступленіе и Наказаніе» Достоевскаго.

„Вліяніе христіанства".

Какъ пословицы, такъ и приведенные образцы сказокъ не даютъ намъ прочныхъ основаній говорить *вообще* о какой бы то ни было стройной *системѣ* міросозерцанія нашего народа: въ сказкахъ выразились лишь отдѣльные взгляды народа на жизнь,—взгляды случайные, иногда противорѣчивые. Во всякомъ случаѣ, надо думать, что христіанство своимъ культурнымъ воздѣйствіемъ дало всетаки очень сильный толчекъ къ болѣе ясному, болѣе опредѣленному рѣшенію вопросовъ о смыслѣ жизни въ пользу торжества добра.

Сказки о Судьбѣ.

Сказки о Судьбѣ-Долѣ, о Лихѣ-одноглазомъ, очень распространенныя въ народѣ и имѣющія тѣсную связь съ художественной повѣстью „О Горѣ-Злосчастьи", также могутъ быть отнесены къ разряду сказокъ „философскихъ". Въ этихъ произведеніяхъ слышится безотрадная покорность судьбѣ, „смиреніе" передъ ней,—въ этомъ сказалась одна изъ самыхъ существенныхъ чертъ простонароднаго міросозерцанія—„фатализма" [1]).

g) Сатирическія сказки. Условія возникновенія сатиры.

g) *Сказки сатирическія* и *юмористическія*. Сатира вообще есть результатъ яснаго общественнаго самосознанія,—она блестяще развертывается въ такія эпохи, когда личность вполнѣ выдѣляется изъ массы, когда извѣстная часть общества доростаетъ до опредѣленныхъ и ясныхъ идеаловъ. Только тогда возможнымъ дѣлается судъ личности надъ массой, или одной части общества—надъ другой. Вотъ почему отъ народной поэзіи, безличной по существу, мы не можемъ и требовать ясной сатиры,—здѣсь она выражается лишь въ видѣ туманныхъ намековъ. Поэтому несомнѣнно, сатирическая сказка—явленіе очень позднее; въ исторіи русской словесности можно отнести, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, возникновеніе этой поэзіи къ XVII вѣку: „Шемякинъ Судъ", „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ"; сатиры на судъ, администрацію и духовенство начинаются лишь съ этой поры прояснившагося русскаго самосознанія.

Общественная сатира у насъ въ XVII в.

„Женщина"

Къ „сатирическимъ" сказкамъ относятся всѣ тѣ, которыя по-

---

[1]) Въ нашей изящной литературѣ многіе герои изъ простого народа надѣлены чертами „фатализма". Ср., напр., образъ Каратаева въ „Войнѣ и Мирѣ".

священы изображенію отрицательныхъ сторонъ женщины. Мужъ отучаетъ свою жену отъ пристрастія къ сплетнямъ, къ спорамъ. Затѣмъ сюда же должны быть отнесены многочисленные разсказы объ инородцахъ: у великоруссовъ — о продѣлкахъ „цыганъ“ и „татаръ“, у малоруссовъ—о „москаляхъ“ и „евреяхъ“. Къ сатирическимъ же сказкамъ принадлежатъ и анекдоты о похожденіяхъ жителей разныхъ губерній и уѣздовъ. Отъ этихъ анекдотовъ зависятъ и тѣ клички, которыми дразнятъ у насъ въ Россіи жителей той или другой губерніи и уѣзда. Особенно популярны анекдоты о смѣшныхъ похожденіяхъ глупыхъ пошехонцевъ. Почти каждый народъ выбираетъ себѣ какой-нибудь городъ, или область своего государства, спеціально для высмѣиванія особой глупости его обитателей. Такимъ городомъ въ Греціи были Абдеры, въ Германіи — Шильда, у насъ—Пошехонье.

въ простонародной сатирѣ.

„Инородцы“.

Жители разныхъ мѣстностей.

Про пошехонцевъ разсказываютъ, какъ они въ трехъ соснахъ заблудились,—за семь верстъ комара искали, а комаръ у пошехонца сидѣлъ на носу,—на сосну лазили Москву смотрѣть и мн. др.

Къ *юмористическимъ* относятся разсказы о приключеніяхъ дурака, дѣлающаго все некстати, о двухъ неудачникахъ—Ѳомѣ и Еремѣ, о богатырскихъ похожденіяхъ Ѳомы Беренникова, о ловкости батрака, обманувшаго разбойниковъ и мн. др. подобныхъ.

Юмористическія сказки.

Для примѣра можно привести краткій разсказъ: „Худо да хорошо“.

Приходитъ староста къ помѣщицѣ и, на ея вопросъ: «все ли въ усадьбѣ благополучно?»—отвѣчаетъ: «все, матушка, слава Богу! только любимый вашъ воронъ объѣлся падали». — «Да гдѣ же онъ ее нашелъ?» — «Да жеребецъ вороной палъ».—«Какъ такъ?»—«А усадьба горѣла, такъ на немъ воду возили, да загнали». — «Отчего же пожаръ сдѣлался?»—«Да какъ хоронили матушку вашу со свѣточами (факелами), такъ невзначай подожгли».

Происхожденіе сказокъ приписываютъ—1) *обще-арійскому творчеству*. Къ сказкамъ этого рода относится, главнымъ образомъ, «животный эпосъ», (сказки о лисѣ, волкѣ и медвѣдѣ). Сюда же относятся, вѣроятно, и многія изъ «миѳическихъ».

Происхожденіе сказокъ

a) обще-арійскій источникъ.

Другія сказки являются результатомъ, или — 2) *русскаго народнаго творчества*, которое выразилось — a) въ созданіи нѣкоторыхъ сказокъ «миѳическихъ»—и b) въ созданіи сказокъ новѣйшихъ, бытовыхъ, сатирическихъ и юмористическихъ. Въ произведеніяхъ первой группы отразились, хотя и тускло, народныя вѣрованія въ младшихъ боговъ старой языческой вѣры (въ лѣшихъ, водяныхъ, вѣдьму). Время созданія этихъ сказокъ, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, можно отнести къ періоду послѣ-

b) русское народное творчество.

кіевскому,—къ эпохѣ соприкосновенія русскаго народа съ финнами и съ угрюмой природою сѣвера.

Сказки второй группы всѣ возникли подъ вліяніемъ новаго времени, подъ вліяніемъ развитія народа, сдѣлавшагося болѣе чувствительнымъ и воспріимчивымъ къ дѣйствительности,—теперь эта дѣйствительность судится народомъ съ точки зрѣнія опредѣленныхъ идеаловъ, нравственныхъ и національныхъ.

c) заимствованія позднѣйшія.

Или—3) *заимствованій устныхъ* и *книжныхъ*. Какой-нибудь бывалый человѣкъ, заѣзжій купецъ, русскій или иностранный, паломникъ, бродящій изъ конца въ конецъ Руси, веселый скоморохъ, забиравшійся иногда въ западную Европу изъ Москвы, или, наоборотъ, въ Москву изъ западной Европы, — были носителями разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Такимъ путемъ востокъ и западъ равно мѣнялись сюжетами и «общими мѣстами» своихъ сказокъ. У насъ источникомъ для заимствованій были книжныя повѣсти, переведенныя съ польскаго, наводнившія русскую письменность, особенно съ XVII в., когда Москва сблизилась съ Польшей; къ нимъ принадлежатъ такія произведенія, какъ «Римскія Дѣянія», «Великое Зерцало» [1]), собранія смѣхотворныхъ анекдотовъ, средневѣковые романы рыцарскіе и «народные», судя по количеству списковъ, имѣвшіе большой успѣхъ у русскихъ читателей. Къ разряду такихъ заимствованныхъ сказокъ относятся произведенія, въ которыхъ и основная схема, и рядъ деталей, и самый сюжетъ повторяются въ повѣстяхъ (новеллахъ) разныхъ народовъ [2]). Опредѣлить, какой народъ былъ творцомъ этихъ, такъ называемыхъ, «бродячихъ» (wandernde) сюжетовъ, какой ими лишь воспользовался,—теперь нѣтъ возможности.

Мнѣніе Бенфея о происхожденіи сказокъ.

Бенфей утверждалъ, что почти всѣ древнѣйшія европейскія сказки (особенно животный эпосъ) восточнаго происхожденія: источники ихъ видѣлъ онъ въ индійскихъ сказкахъ «Панча-Тантра» (пяти-книжіе). По его мнѣнію, сказки Индіи, вмѣстѣ съ буддизмомъ, перешли въ Тибетъ, Китай, чрезъ посредство монголовъ занесены въ Европу, перешли къ русскимъ, а отъ нихъ перешли въ западную Европу. Либрехтъ доказывалъ, что сказки индійскія занесены были въ западную Европу путемъ передачи не устной, а книжной. Посредниками были арабы, занесшіе сказки къ византійцамъ [3]), а эти передали ихъ западной Европѣ. Но всѣ эти теоріи очень односторонне рѣшали сложный вопросъ: самъ Бенфей чувствовалъ это и потому допускалъ возможность также и обратнаго движенія сказокъ—съ запада на востокъ: такъ разсказъ о Полифемѣ, одноглазомъ великанѣ, и о царѣ Мидасѣ, по его мнѣнію, взяты были персами у грековъ. Позднѣйшіе изслѣдователи народной поэзіи должны были признать полную хаотичность обмѣна сказочными сюжетами.

Мнѣніе Либрехта.

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 297. См. 2-ой вып. I-ой части этой книги.

[2]) Это—произведенія легкаго бытового содержанія, которыя въ западной Европѣ дали въ концѣ своего развитія *новеллу*. У насъ есть такія же сказки-новеллы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ того-же источника, что и новеллы Бокаччіо, и другихъ подобныхъ писателей.

[3]) См., напр., интересный византійскій роммнъ „О Каллимахѣ и Хризорроѣ“ (2-ой вып. I-ой части этой книги, стр. 17); въ немъ много сказочныхъ темъ („чудесный перстень“, „волшебное яблоко“, „драконъ“, „вѣщій сонъ“, „колдунья“).

Къ заимствованнымъ сказкамъ относятся и тѣ, которыя принесены были къ намъ «церковною письменностью»—житіемъ и апокрифомъ. Народъ отозвался на вліяніе церковной литературы *легендой* [1]),—произведеніемъ, въ которомъ образы, взятые изъ св. Писанія, житій и апокрифовъ подверглись вульгаризаціи (опрощенію), опустились до обыденной обстановки обыкновенной русской жизни. Несомнѣнно, вліянію церковной книги, особенно житія, должно приписать и появленіе «*чорта*» въ русской сказкѣ. Легенды. Чортъ.

«Солдатчина» петровскаго и послѣ-петровскаго времени выдвинула въ русской сказкѣ особый народный типъ — «солдата», на всю жизнь оторваннаго отъ деревни, отъ родныхъ, обыкновенно, одинокаго, много видавшаго и знающаго, нерѣдко плута и пройдохи, который надуваетъ самого чорта. Солдатскія сказки.

Литературныя судьбы сказки. Если исторія народнаго устнаго творчества ускользала отъ точнаго хронологическаго опредѣленія, то моментъ, когда это творчество завоевало права гражданства, конечно, установить нетрудно. Это—XVII-ый вѣкъ, когда идеалы свѣтской жизни замѣтно восторжествовали надъ идеалами церковной, когда русская жизнь всколыхнулась подъ напоромъ пробудившихся новыхъ культурныхъ требованій и тѣхъ вліяній, что шли на удовлетвореніе этихъ требованій изъ юго-западной Россіи, Польши и западной Европы. Къ этому времени и народное устное творчество начинаетъ пользоваться вниманіемъ русскаго книжника,—въ XVII вѣкѣ появляются первыя записи пѣсенъ и сказокъ. Литературныя судьбы сказки

Въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія эти записи быстро растутъ въ числѣ. Судя по ихъ количеству, у насъ популярнѣе всего были сказки объ Еруcланѣ Лазаревичѣ и Бовѣ [2]); затѣмъ встрѣчаются сказки объ Иванѣ Царевичѣ, объ Игнатіи Царевичѣ, о Суворѣ-невидимкѣ-мужикѣ, объ Иванѣ-дурачкѣ, о Силѣ-Царевичѣ, объ Иванкѣ-бѣлой рубашкѣ, повѣсть объ Иванѣ Пономаревичѣ, сказка о Семи богатыряхъ, сказка о Семи Семіонахъ и нѣк. др. Записи XVII в.

Этотъ интересъ XVIII-го вѣка къ народному творчеству обнаруживается въ первыхъ печатныхъ собраніяхъ сказокъ и, что особенно важно, въ литературныхъ обработкахъ ихъ въ духѣ рыцарскаго романа. Изъ русскихъ писателей XVIII-го вѣка наиболѣе извѣстны на этомъ поприщѣ Чулковъ, съ его двумя собраніями: «Пересмѣшникъ» (1766, 2-ое изд. 1783, 3-ье 1789 г.) и «Русскія сказки» (1780) и Поповъ: «Славянскія древности, или приключенія Славянскихъ Князей» (1770—1, 2-ое изд. 1778, 3-ье 1794). Дѣйствіе въ этихъ «сказкахъ» происходитъ въ баснословныя времена на Руси. Канва взята изъ западно-европейскихъ рыцарскихъ романовъ; въ эту канву вплетены общія мѣста, взятыя оттуда же, а также изъ русскихъ народныхъ сказокъ, имена героевъ представляютъ поддѣлку подъ русскія имена. Чулковъ, въ этомъ отношеніи, особенно любопытенъ: иногда цѣлыя сцены, картины берутся имъ изъ народ- Сказка въ XVIII в.

---

[1]) Истор. Хрестом. I, 136 О „легендахъ“. См. подробнѣе во 2-мъ выпускѣ I-ой части этой книги.

[2]) Обѣ эти заимствованныя сказки настолько обрусѣли у насъ, что ихъ можно считать, пожалуй, и народными.

ныхъ произведеній; кромѣ того, стиль народныхъ сказокъ очень часто украшаетъ его псевдо-русскія фантазіи на чужія темы...

Чѣмъ ближе мы будемъ подходить къ XIX столѣтію, тѣмъ яснѣе опредѣляется идея сближенія культурной части русскаго общества съ народной поэзіей вообще, съ русской сказкой—въ частности. Сказка проникаетъ теперь и въ область романа, въ поэмы (въ родѣ «Бахаріаны» Хераскова), на театральныя подмостки, въ балетъ и оперу. Но лишь съ Пушкина, народное творчество понято было глубоко, уловлены были «настроенія» этого творчества, его духъ... Подъ вліяніемъ Пушкина, и Жуковскій занялся переложеніемъ русскихъ сказокъ, но эти переложенія оказались безжизненны, сравнительно съ соотвѣтствующими произведеніями Пушкина. Великій поэтъ нашъ, надѣленный свыше даромъ постигать духъ различныхъ народовъ, открылъ русскому обществу русскій народъ, «какъ Колумбъ Америку», — скажемъ, примѣняя къ нему изреченіе, вырвавшееся у него по поводу «Исторіи Государства Россійскаго»... Съ его легкой руки, и русская музыка, въ лицѣ Глинки, обратила вниманіе на народные мотивы. Сказкой воспользовался Островскій для своей поэтической драмы «Снѣгурочка». Римскій-Корсаковъ, написавшій оперу на сюжетъ былинъ о «Садко», еще недавно сочинилъ оперы на мотивы изъ сказокъ, легендъ и духовныхъ стиховъ: «Кощей» и «Китежъ». Въ живописи Васнецовъ тоже удачно пользуется сказочными темами народнаго творчества.

Сказка въ XIX столѣтіи (Пушкинъ).

Народная русская драма.

§ 24. *Зачатки русской народной драмы.* Выше было уже указано, что зачатки народной драмы наблюдаются въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ, въ хороводныхъ и бесѣдныхъ „играхъ" [1]) Но, кромѣ того, у русскаго народа есть произведенія, въ которыхъ „драматизмъ" занимаетъ главную и вполнѣ самостоятельную роль, — это святочныя представленія, до сихъ поръ съ удовольствіемъ разыгрываемыя въ деревнѣ.

Драматическій элементъ въ свадебныхъ обрядахъ.

„Драматическій элементъ" въ свадебныхъ обрядахъ выражается въ томъ, что всѣ подробности „чина" распредѣлены между нѣсколькими дѣйствующими лицами, которые справляютъ „игру", согласно извѣстнымъ обычаямъ: говорятъ и поютъ только то, что принято. Кромѣ невѣсты, особенно видную роль въ томъ выполненіи „чина" играетъ старшій дружка, братъ невѣсты, тысяцкій (посаженный отецъ), сваты и пр.; хоровую партію исполняютъ „дѣвушки", или поѣзжане жениха — „дружки"; игра состоитъ въ томъ, что монологи-вопли смѣняются діалогами, пѣніе—разговорами. Для примѣра, можно привести нѣкоторыя подробности свадебнаго чина въ день церковнаго обряда.

Рано утромъ, послѣ дѣвишника, невѣста, одѣвшись, начинаетъ «вопить»; въ этомъ «воплѣ» она жалуется на свою судьбу. Потомъ къ ней соби-

---

[1]) См. выше стр. 26—27, 28, 29, 33—35.

раются дѣвушки. Мать ея приготавливаетъ свадебный «княжой» столъ. Дѣвушки въ пѣснѣ разсказываютъ, что къ дому подъѣхалъ свадебный поѣздъ, что являются враги, которые хотятъ взять дѣвушку. Когда «дружки» подъѣзжаютъ къ воротамъ, невѣста начинаетъ причитать, обращаясь къ брату съ просьбой, чтобы онъ ее защитилъ.

Братъ обращается съ вопросомъ къ дружкамъ: «Что вы за люди?» Они отвѣчаютъ: «Мы—дружки, вѣрные служки отъ князя молодого, отъ (имя жениха)». Затѣмъ дружки заявляютъ, что пріѣхали только за тѣмъ, чтобы узнать, готова-ли невѣста. Затѣмъ они пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ; въ это время происходитъ игра, представляющая «борьбу»: поѣзжане, словно силою, врываются въ избу, иногда бьютъ домашнихъ. Они обращаются съ вопросомъ: «есть-ли въ этомъ домѣ хозяинъ?» Дѣвушки: «есть!» Дружки: «дайте намъ дубоваго стола,—поставить нашего князя подъ святые образа!»—Дружки обращаются къ дѣвушкамъ съ вопросомъ: «что вы за люди?» Дѣвушки: «молодой княгини вѣрныя служаночки!» Дружки: «гдѣ же княгиня? Отчего она не снаряжена и за столъ не посажена?» Дѣвушки: «наша княгиня въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ!» Дружки начинаютъ торговаться, чтобы «служанки» «продали» свою «княгиню». Они кидаютъ сначала мѣдныя деньги,—дѣвушки говорятъ: «наша княгиня больше этого стоитъ. Выкиньте намъ маленькихъ, да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ износили, косу княгинѣ расплетали. Если у васъ не сыщется золотой казны, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; эти ключи далеко спрятаны и т. д». Когда, наконецъ, дѣвушки признаютъ, что денегъ имъ дано довольно, онѣ просятъ показать имъ жениха. «Покажите намъ»— говорятъ они —

Кто краснѣя красна солнышка?
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца?

Потомъ «дружки» подаютъ пирогъ, чашку пива и мѣдную монету приговаривая:

«Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль своя!

Жениха сажаютъ за столъ въ переднемъ углу, рядомъ съ невѣстой. Во время ѣды дѣвушки величаютъ жениха. Онъ благодаритъ ихъ за честь. Потомъ отецъ благословляетъ молодыхъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Впереди поѣзда ѣдутъ «дружки», потомъ женихъ съ «тысяцкимъ» затѣмъ «бояре» и, наконецъ, невѣста со свахой. Кучеръ невѣсты нѣсколько разъ останавливается, говоря: «у саней завертки лопнули; привязать нечѣмъ!» — и невѣста должна дарить ему полотенца. Мальчишки и мужики, попадающіеся по дорогѣ, мѣшаютъ проѣхать поѣзду, и дружки бросаютъ имъ, въ видѣ выкупа, орѣхи и сласти. Послѣ вѣнчанья всѣ ѣдутъ въ домъ молодого. Происходитъ свадебный пиръ; онъ сопровождается обрядами, которые захватываютъ иногда даже утро слѣдующаго дня [1]).

---

[1]) Въ разныхъ мѣстностяхъ свадебные обряды совершаются неодинаково; приведенный здѣсь „чинъ“ пересказанъ только для примѣра.

Драматическій элементъ въ похоронныхъ обрядахъ.

Драматическій элементъ въ похоронныхъ обрядахъ не отличается такой сложностью. Эти обряды почти сплошь состоятъ изъ монологовъ-причитаній. «Вопятъ» (или голосятъ) по очереди всѣ родственницы покойнаго, при чемъ главную роль играютъ родственницы наиболѣе близкія — жена, мать, дочь...

Голосятъ, обыкновенно, въ правомъ углу избы подъ образами. Вдова, или дочь, причитываютъ, жалобясь, что «просмотрѣли» смерть, разсказываютъ, какъ коварно прокралась она въ ихъ домъ. Потомъ причитывающая съ воплями обращается къ живымъ, — или къ дѣтямъ, или къ братьямъ и сестрамъ... Когда вносятъ въ избу гробъ, она обращается къ людямъ, вносящимъ «домовину» (гробъ) и начинаетъ ихъ упрекать, что они плохо ее сдѣлали. Затѣмъ она обращается ко всѣмъ, кто входитъ въ избу, всякій разъ съ соотвѣтствующими словами. Родственницы, пріѣзжающія къ дому, вопятъ еще у крыльца, затѣмъ, при входѣ въ избу, онѣ вопятъ, обращаясь то къ покойнику, то къ живымъ. Когда покойника кладутъ въ гробъ, везутъ въ церковь, у церкви, въ церкви послѣ отпѣванья — произносятся опять соотвѣтствующіе «вопли», въ которыхъ причитывающая обращается — то къ покойнику, то къ живымъ, то къ духовенству. На могилѣ опять она вопитъ, и всѣ ее утѣшаютъ, говоря: «полно, бѣдна, слезами не воротишь вѣдь; всѣмъ тамъ быть, да не всѣмъ вдругъ; по всѣхъ у Господа порука взята! Эхъ ты, кручинная головушка!» и пр.

Драматизмъ въ „играхъ“.

Драматизмъ въ хороводныхъ «играхъ» и «бесѣдныхъ» отличается комизмомъ: это—шалости, которыя служатъ только для увеселенія молодежи. Выше была уже выяснена сущность и главныя особенности этихъ игръ, какъ, напр. «заяньки», «сѣянья проса» и др..

Святочныя представленія.

Особый интересъ представляютъ «святочныя представленія». Нашъ молодой этнографъ Н. Н. Виноградовъ записалъ до $1^1/_2$ десятковъ такихъ драмъ. Его перу принадлежитъ слѣдующая характеристика этихъ любопытныхъ произведеній, до сихъ поръ мало обращавшихъ на себя вниманіе изслѣдователей:

«Эти произведенія, очевидно, еще связаны съ XVII-ымъ вѣкомъ, такъ какъ содержаніе ихъ берется или изъ разбойничьей жизни (см. выше «разбойничьи пѣсни»), или изъ рукописныхъ переводныхъ романовъ. Быть можетъ, потому произведенія эти оказались воспріимчивыми къ вліяніямъ позднѣйшимъ, даже литературнымъ (вліяніе пушкинской поэмы «Братья-Разбойники»).

Сколько-нибудь полнаго развитія на русской почвѣ народная драма не получила. Въ значительной степени зависѣло это, вѣроятно, отъ того, что наше духовенство, запрещая разнаго рода пляски, пѣсни, игры и суевѣрные обряды, съ особеннымъ негодованіемъ и «прещеніями» обрушивалось на обычай «переряживанья» на Святки. До сихъ поръ еще въ народѣ прочно укоренилось убѣжденіе, что «рядиться» значитъ— «принять на себя бѣсовъ образъ», совершить великій грѣхъ, очиститься отъ котораго можно только купаньемъ въ крещенской «Іордани».

«Театральный сезонъ» у народа отличается чрезвычайной краткостью (27 декабря—4 января) и самый репертуаръ народной драмы довольно скуденъ,—онъ охватываетъ всего около полутора десятка пьесъ, причемъ

многія изъ нихъ являются лишь варіаціями на одну основную тему. Да особеннаго разнообразія и не требовалось. Въ теченіе годового промежутка пьеса забывалась достаточно, чтобы казаться интересною на слѣдующія Святки. Много помогалъ этому и обычай свободно обращаться съ текстомъ пьесы и стремленіе каждаго исполнителя внести въ исполненіе что нибудь «свое», новое. Вслѣдствіе этого получалось громадное разнообразіе въ текстахъ, записанныхъ въ одной и той же мѣстности въ теченіе короткаго промежутка времени.

Наиболѣе популярной въ народѣ пьесой является, такъ называемая, «Лодка». Въ первичномъ видѣ—это не что иное, какъ передача въ драматической формѣ содержанія извѣстной разбойничьей пѣсни: «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ» [1]). Эта «игра» на разбойничьи мотивы пришлась по душѣ народу и получила очень широкое распространеніе въ народныхъ массахъ. „Лодка".

Все содержаніе «Лодки» взято изъ похожденій волжской «вольницы» и представляетъ собою драматизованный разсказъ объ разбойническомъ набѣгѣ на богатаго помѣщика. Дѣйствующими лицами являются: атаманъ, эсаулъ, разбойники, Неизвѣстный (иногда носящій самыя разнообразныя имена), богатый помѣщикъ и его семья. Съ пѣніемъ какой-либо разбойничьей пѣсни входятъ исполнители въ избу и, безъ всякихъ приготовленій, начинаютъ игру. Атаманъ приказываетъ эсаулу поскорѣе построить «косную лодку». Актеры мимически представляютъ постройку лодки и затѣмъ заявляютъ, что лодка готова. Атаманъ со всей шайкой дѣлаетъ видъ, что входитъ на лодку, и приказываетъ спѣть любимую пѣсню— «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». 12 человѣкъ исполнителей садятся по два въ рядъ прямо на полъ, оставляя между собою пустое пространство, по которому расхаживаютъ «Атаманъ» и «Эсаулъ». Сидящіе, раскачиваясь взадъ и впередъ, въ подражаніе гребцамъ, запѣваютъ названную уже пѣсню, съ перерывами. Во время перерывовъ «атаманъ» и «эсаулъ» ведутъ между собою различные разговоры, съ цѣлью посмѣшить зрителей. По окончаніи пѣсни Атаманъ посылаетъ Эсаула на носъ лодки смотрѣть, нѣтъ ли на Волгѣ какой-либо «помѣхи». Эсаулъ идетъ и докладываетъ о томъ, что онъ видитъ. Атаманъ, какъ-бы не разслышавъ, для потѣхи публики, говоритъ совсѣмъ о другомъ. Напр., Эсаулъ кричитъ: «Смотрю, гляжу и вижу: на водѣ колода!» Атаманъ: «Какой тамъ чортъ— воевода! будь ихъ тамъ 100, или 200,—всѣхъ ихъ положимъ вмѣстѣ. Я ихъ знаю и не боюсь, а если разгорюсь,—еще ближе къ нимъ подберусь; Эсаулъ-молодецъ! возьми мою подозрительную трубку, поди на атаманскую рубку, посмотри на всѣ четыре стороны: нѣтъ ли гдѣ пеньевъ, кореньевъ, мелкихъ мѣстъ, чтобы нашей лодкѣ на мель не сѣсть! Гляди вѣрнѣй, сказывай скорѣй!»... Вдругъ слышится пѣніе — «Среди лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ»... Атаманъ приказываетъ Эсаулу привести къ себѣ пѣвца. Неизвѣстнаго приводятъ; онъ въ горячемъ монологѣ [2]) разсказы-

[1]) Съ теченіемъ времени, діалогическій элементъ получилъ преобладающее значеніе, а, наряду съ основной пѣсней, стали распѣваться другія пѣсни подходящаго содержанія.

[2]) Монологъ этотъ часто является передѣлкой извѣстнаго монолога изъ „Братьевъ Разбойниковъ" А. С. Пушкина.

ваетъ всю свою жизнь, какъ сдѣлался разбойникомъ и, въ заключен..., проситъ атамана принять его на службу. Атаманъ говоритъ эсаулу: «запиши, это будетъ у насъ первый воинъ»—и приказываетъ снова смотрѣть впередъ... Наконецъ, эсаулъ видитъ на берегу село. Атаманъ кричитъ: «приворачивай, ребята, ко крутому бережечку!»—и посылаетъ эсаула съ «неизвѣстнымъ» на развѣдки. Въ селѣ живетъ богатый помѣщикъ. Съ пѣсней: «Эй, усы, вотъ усы! Атаманскіе усы!», разбойники грабятъ помѣщика, и представленіе кончается криками разбойниковъ: «Жги, пали богатаго помѣщика».

Съ теченіемъ времени, въ различныхъ мѣстностяхъ пьеса все болѣе и болѣе осложняется новыми дѣйствующими лицами, число которыхъ доходитъ до 20. Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняется и самое содержаніе пьесы, такъ, что отъ «Лодки», въ концѣ концовъ, остается только тема—изображеніе разбойничьей жизни, пѣсня «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»... и монологъ «неизвѣстнаго». Но эти пьесы («Атаманская Шайка», «Черный Воронъ», «Шайка разбойниковъ», «Улусъ-Атаманъ» и др.) не пользуются такой популярностью, какъ «Лодка», отчасти вслѣдствіе сложности ихъ постановки, отчасти вслѣдствіе значительнаго числа дѣйствующихъ лицъ и женскихъ ролей.

„Царь Максеміанъ“.

Не меньшей популярностью въ народной средѣ пользуется и общераспространенная народная драма: «Царь Максемьянъ и непокорный сынъ его Одольфъ». Она отличается болѣе серьезнымъ сюжетомъ и бо̀льшей роскошью обстановки. Грозный царь Максемьянъ, «происходившій всѣ четыре стороны и покорившій весь земной шаръ», женится на «Кумирической Богинѣ», перемѣняетъ вѣру христіанскую на магометанскую и приказываетъ своему любезному сыну Адольфу также поклониться «кумирическимъ богамъ». Но юноша-Адольфъ является горячимъ защитникомъ православной христіанской вѣры. «Не брошу я вѣры христіанской», говоритъ онъ, «не возьму вашей магометанской: я ваши боги подвергаю подъ свои ноги, въ грязь ихъ топчу и знать не хочу!» Тогда царь Максемьянъ приказываетъ отвести своего непокорнаго сына въ темницу, чтобы онъ тамъ «одумался» [1]). Но юный Адольфъ непреклоненъ. Трижды отецъ призываетъ его къ себѣ, спрашивая, не одумался ли онъ, и трижды получаетъ одинъ и тотъ же насмѣшливый отвѣтъ. Раздраженный царь приказываетъ привести рыцаря Брамбеуса для того, чтобы казнить непокорнаго сына. Брамбеусъ отказывается, но царь Максемьянъ грозитъ ему самому такою же участью. Адольфъ передъ смертью прощается со всѣмъ свѣтомъ: «Прощай, цвѣточекъ алый; прощай, весь свѣтъ бѣлый; прощай, земля сырая, прощай ты, мать родная!»... и т. д. Брамбеусъ сноситъ ему голову, но, вслѣдъ за этимъ, закалывается и самъ. Убійство сына не проходитъ даромъ царю Максемьяну. Появляется смерть и подкашиваетъ его косою, несмотря на самыя униженныя мольбы объ отсрочкѣ, хотя бы на три минуты. Злой царь Максемьянъ наказанъ, народная совѣсть удовлетворена и представленіе кончается.

Эта пьеса, появившаяся въ первой половинѣ XVIII столѣтія, пред-

---

[1]) Ср. историческую пѣснь „Семейная жизнь Петра Великаго“, выше стр. 97—8.

ставляетъ собою драматическое изложеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ апокрифическаго житія св. великомученика Никиты. Первоначальный текстъ этой пьесы, постепенно сокращаясь въ серьезной части, все болѣе и болѣе осложнялся вставками комическихъ и рыцарскихъ сценъ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ можно найти цѣлыя сцены изъ народныхъ же драмъ — «Аника-воинъ и Смерть», «Лодка», и «Вертепное дѣйство». Такъ, наиболѣе понравившаяся пьеса втягивала въ себя все лучшее (по мнѣнію народа) изъ другихъ представленій. Такимъ же серьезнымъ характеромъ отличается и отмѣченная выше драма: «Аника-воинъ и Смерть». Непобѣдимый воинъ хвастается своею силою, утверждая, что нѣтъ для него супротивника. Появляется смерть съ косою и умерщвляетъ его, не смотря на униженныя мольбы объ отсрочкѣ. Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ очень распространеннаго въ старинной литературѣ сказанія «Пренія живота (жизни) съ смертью».

Наконецъ, въ народной средѣ ходитъ въ разсказахъ и разыгрывается во время святокъ цѣлый рядъ «водевилей», имѣющихъ своею цѣлью исключительно потѣху слушателей. Въ нихъ, обыкновенно, изображается разговоръ промотавшагося помѣщика съ своимъ слугою, или управляющимъ; отвѣты слуги (или управляющаго) выставляютъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ глупость и бѣдность промотавшагося помѣщика. Этого рода діалоги представляютъ собою сатиру на дворянъ-помѣщиковъ и создались, вѣроятно, въ періодъ крѣпостного права.

§ 25. *Заключеніе.* Характеристика различныхъ видовъ народнаго творчества, сдѣланная выше, приводитъ къ нѣкоторымъ выводамъ: 1) записи народныхъ произведеній начинаются только съ XVII-го вѣка, и, если бы не было „Слова о Полку Игоревѣ“, мы не могли составить себѣ никакого представленія о творчествѣ Кіевской Руси, 2) серьезное изученіе народной поэзіею начинается только съ половины XIX столѣтія, 3) самое изученіе это всегда страдало и до нашихъ дней страдаетъ односторонностью, — собиратели народныхъ произведеній всегда гнались за старыми *былинами,* опуская безъ вниманія другія произведенія. Вслѣдствіе этого о современномъ творчествѣ народа мы имѣемъ лишь случайныя свѣдѣнія; только въ самое послѣднее время обнаружился къ нему серьезный интересъ (см. выше §§ о современныхъ пѣсняхъ, о драмѣ). Выводы.

4) Старое творчество никакихъ шансовъ на дальнѣйшее существованіе не имѣетъ,—оно не развивается, не переходитъ въ новыя поэтическія формы, не заполняется новымъ содержаніемъ, а просто *умираетъ,* вытѣсняемое книгой и новымъ творчествомъ; былина уступаетъ свое мѣсто историческимъ пѣснямъ, тѣ смѣняются бытовыми, а въ наши дни и старыя бытовыя уступаютъ свое мѣсто „частушкѣ“ и „романсу“. Только на окрайнахъ

живутъ еще старыя произведенія, до тѣхъ поръ, пока волна культурной жизни не смоетъ ихъ.

5) Даже случайный подборъ народныхъ произведеній, имѣющійся въ рукахъ изслѣдователя, позволяетъ отмѣтить, что народныя произведенія распадаются на группы съ миѳологическимъ содержаніемъ, бытовымъ, историческимъ и чистолитературнымъ.

6) Первая группа произведеній (обрядовая поэзія) указываетъ на существованіе двухъ моментовъ въ исторіи русской миѳологіи (Кіевская Русь и Сѣверо-восточная).

7) Остальныя группы народныхъ произведеній позволяютъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія о взглядахъ русскаго народа на природу (мистицизмъ), на вопросы философскіе (судьба), моральные (добро и зло, смиреніе въ жизни, торжество униженныхъ и оскорбленыхъ), на религію (двоевѣріе). Впрочемъ, стройной системы въ народномъ міросозерцаніи пока мы не можемъ уловимъ,— передъ нами отдѣльные моменты не отстоявшагося міросозерцанія.

8) Меньше данныхъ даетъ народная поэзія для опредѣленія историческаго міросозерцанія русскаго народа (только Смутное время ясно опредѣлило это міросозерцаніе). Народъ больше интересуется анекдотомъ и личностью, чѣмъ идеей событія.

9) Народная поэзія сохранила черты самыхъ различныхъ культурныхъ слоевъ (отъ матріархата до обособленной личности). Эта спутанность слоевъ отразилась и на содержаніи былинъ и сказокъ, и въ обрядахъ, напр., свадебныхъ).

10) Проясненіе личности особенно сказалось въ разбойничьей лирикѣ и въ современной пѣснѣ.

11) Наконецъ, наблюденія надъ судьбами народной поэзіи позволяютъ заключить о томъ, что въ поэтическихъ вкусахъ русскаго народа преобладаютъ реалистическія наклонности (смѣна былины исторической пѣсней, бытовой и современной; отъ образовъ религіозныхъ, сказочныхъ, фантастическихъ замѣчается тяготѣніе къ героямъ земнымъ, обыкновеннымъ; особый интересъ къ сказкамъ юмористическимъ и бытовымъ).

12) Во всякомъ случаѣ, значеніе народное творчество имѣетъ гораздо больше художественное, чѣмъ миѳологическое, философское и моральное. Такія произведенія, какъ былины и сказки, по преимуществу, произведенія поэтическія съ очень сложной литературной судьбой.

Если не всѣ выводы, сдѣланные здѣсь, отличаются достато-

ной увѣренностью, то причина этого, главнымъ образомъ, кроется ь недостаточности и случайности собраннаго матеріала. Во вся- омъ случаѣ, несомнѣнно, что народная поэзія не есть что-то еподвижное, окаменѣлое и, въ сущности, довольно нехитрое и ростоватое. Въ ней вѣками кипѣла жизнь, то усиливаясь, то лабѣя, то заимствуя чужое, то развиваясь самостоятельно. Въ томъ круговоротѣ поэтической жизни трудно разобрать, откуда ливаются новыя струи, когда и какъ сливаются онѣ съ другими, уда онѣ метнутся и что̀ выбросятъ. Многія стороны жизни на- шего народа нашли себѣ отраженіе въ его поэзіи: народъ сумѣлъ твѣтить въ своемъ творчествѣ и на первые запросы своей эстетики своей мысли, сумѣлъ въ ясныхъ образахъ воплотить свою ра- ость и горе, высокія стремленія и самыя низменныя... Жизнь того творчества не менѣе сложна, чѣмъ творчество нашихъ по- товъ и романистовъ—тѣ же законы тяготѣютъ надъ нимъ, хотя ровѣрить эти законы нелегко. Любить народную поэзію есть что, а изучать ее—долгъ всякаго русскаго человѣка!

БИБЛІОГРАФІЯ [1]).

Сборники произведеній народнаго творчества.

Пѣсни обрядовыя. Шеинъ, „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“ (Спб. 1900). О. Миллеръ „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности.

Пѣсни свадебныя и похоронныя. Агренева-Славянская, „Описаніе русской крестьянской свадьбы“ (М. 1887). Пѣсни русскаго народа, собр. въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой въ 1886 г., запис. Ѳ. М. Истомина (Спб. 1894). Сахаровъ, „Пѣсни русскаго народа“ ч. I, II (Спб. 1838—9). Якушинъ, „Народныя русскія пѣсни“ (Спб. 1865). Барсовъ „Причитанія сѣвернаго края“ (М. 1872).

Заговоры. Майковъ Л., „Великорусскія заклинанія“ (Спб. 1869). Ефименко, „Сборникъ малороссійскихъ заклинаній“ (М. 1874).

Былевая поэзія. Гильфердингъ, „Онежскія былины, (Спб. 1895—98). Кирѣевскій П., „Пѣсни“ (М. 1860—74). Рыбниковъ, „Народныя пѣсни“ (М. 1861—67). Марковъ, „Бѣломорскія былины“. Григорьевъ, „Архангельскія былины и истор. пѣсни“. Ончуковъ, „Печорскія былины“. Тихонравовъ и В. Миллеръ, „Былины старой и новой записи“ (М. 1894).

Историческія пѣсни. Кромѣ указ. собраній Рыбникова, Кирѣевскаго, Антоновичъ и Драгомановъ, „Историч. пѣсни малорусскаго народа.

Бытовые пѣсни. Соболевскій, „Великорусскія народныя пѣсни“ 7 т. (Спб. 1895—1901).

---

1) Сообщаю здѣсь наиболѣе существенныя сочиненія и изданія, которыя полезно имѣть въ фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекахъ. Болѣе подробную библіографію можно найти у Пыпина въ „Исторіи русской литературы“ и въ книгѣ Мезьеръ: „Русская словесность“ (Спб. 2 ч. 1899).

Пословицы и поговорки. Даль, „Пословицы русскаго народа“ (Спб. 1879). Иллюстровъ, „Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ“. Снегиревъ, „Русскіе въ своихъ пословицахъ“.

Загадки. Худяковъ, „Великорусскія загадки“ (М. 1861). Садовниковъ, „Сборникъ загадокъ“.

Сказки. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки“ (М. 1873 и нов. изд.). Садовниковъ, „Сказки и преданія Самарскаго края“ (Спб. 1884). Худековъ, „Великорусскія сказки“ (М. 1860—63). Эрленвейнъ, „Народныя сказки“ (М. 1863). Рудченко, „Народныя южно-русскія, сказки“ (К. 1869—70).

Духовные стихи. Безсоновъ, „Калики перехожіе“ (М. 1861—64). Варенцовъ „Сборникъ духовныхъ стиховъ“ (М. 1860).

Легенды. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія легенды“ (М. 1859).

Хрестоматія. „Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности“ В. Сиповскаго, ч. I.

Пособія общаго характера.

Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи“, т. I—II.

Владиміровъ. „Введеніе въ исторію русской словесности“.

Порфирьевъ. „Исторія русской словесности“.

Келтуялла. „Курсъ исторіи русской литературы“ ч. I.

Галаховъ. „Исторія русской словесности“, 2 т. (во 2-омъ изд. 1894 г. статьи А. Веселовскаго, Морозова, О. Миллера, А. Кирпичникова).

Буслаевъ. „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, 2 т. (Спб. 1861).

Буслаевъ. „Лекціи по исторіи русской литературы“ („Старина и новизна“ кн. VIII и X. М. 1904—5).

Тихонравовъ. Сочиненія 3 т. (М. 1898).

Покровскій. „Историческая Хрестоматія“ (М. 1887—8).

Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“ (Спб. 1897).

Изслѣдованія по народной поэзіи.

Миѳическая и обрядовая поэзія. П. Милюковъ, Древнѣйшій бытъ славянъ. Религія славянъ, („Книга для чтенія по исторіи ср. вѣковъ“, проф. Виноградова). Буслаевъ, „Сравнительное изученіе нар. быта и поэзіи“, (Русск. Вѣстн. 1872—3). Вс. Миллеръ, „Очерки арійской миѳологіи“. Веселовскій А-ръ, „Розысканія въ обла-

сти дух. стиховъ". Потебня, „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ" (М. 1865 г.). Потебня, „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ". (Древности Моск. Археол. О-ва, т. II). Потебня, „О купальскихъ огняхъ" (М. 1867). Аничковъ, „Весенняя обрядовая поэзія". Сумцовъ, „Научное изученіе колядокъ и щедрівокъ" (Кіевск. стар. 1886). Фаминцынъ, „Божества древнихъ славянъ" (Спб. 1884). Фаминцынъ, „Богиня весны и смерти" (С. 1895). Сумцовъ, „О свадебныхъ обрядахъ" (Х. 1881). Потебня, „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ", 2 т.; Сумцовъ, „Заговоры" (Х. 1892). Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу" (М. 1865—69). Забѣлинъ, „Исторія русской жизни" (М. 1879). Котляревскій, „О погребальныхъ обычаяхъ у славянъ" (Собр. соч. изд. Ак. Н.). Снегиревъ, „Русскіе простонародные праздники" (М. 1838). Терещенко, „Бытъ русскаго народа" (Спб. 1848). А. Коринфскій, „Народная Русь" (М. 1901). Максимовъ, „Нечистая, невѣдомая и крестная сила" (Спб. 1903). А. Веселовскій, „Сравнительная миѳологія и ея методы" (В. Евр. 1873).

Былевая поэзія. Веселовскій, „Южно-русскія былины" (Спб. 1881—4); его-же: „Разысканія въ области духовныхъ стиховъ". Дашкевичъ, „Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ" (К. 1883). Ждановъ, „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи"; его-же: „Русскій былевой эпосъ" (Спб. 1895). Л. Майковъ, „О былинахъ Владимірова цикла" (Спб. 1863). Вс. Миллеръ, „Очеркъ русской народной словесности" (М. 1897); его-же: „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса". (М. 1892) Ор. Миллеръ, „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское" (Спб. 1869). Халанскій, „Великорусскія былины Кіевскаго цикла" (В. 1885). Халанскій, „Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ" (3 ч.). Аксаковъ К. „Богатыри временъ вел. кн. Владиміра" (Собр. соч.). Миклошичъ, „Изобразительныя средства русскаго эпоса" (М. 1845). Аристовъ, „Объ историч. значеній русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ". Вейнбергъ, „Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Вас. Грозномъ". Буслаевъ, „Историческіе очерки" (объ истор. пѣсняхъ и сказкахъ). Лобода, „Былины о сватовствѣ". Лобода, „Русскій богатырскій эпосъ".

Бытовая поэзія. Костомаровъ, „Великорусская народная пѣсенная поэзія" (В. Евр. 1872); его-же: „Семейный бытъ въ произвед. южнорусск. народнаго пѣсеннаго творчества" (Спб. 1890). Потебня, „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи" (Х. 1860). Костомаровъ, „Очеркъ быта и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII ст." (1889).

Сказки. Колмачевскій, „Животный эпосъ на западѣ и у славянъ" (Каз. 1882). Буслаевъ, „Славянскія сказки" (Историч. очерки). Котляревскій, „Русскія народныя сказки" (Собр. соч.). Веселов-

скій, „Сказки объ Иванѣ Грозномъ“ (Др. и Нов. Россія 1876) Барсовъ, „Петръ Великій въ сказкахъ Сѣв. края“. (Труды этногр отд. Моск. О-ва ест., антроп. и этногр. IV). Пыпинъ, „Русскія народныя сказки“ (От. Зап. 1856, № 4—5).

Пословицы. Буслаевъ, „Русскій бытъ и пословицы“ (въ книгѣ: Истор очерки). Бѣловъ, „Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ“ (Ист. В. 1885); его-же: „Русская исторія въ народныхъ поговоркахъ и сказаніяхъ“ (Ист. Вѣстн. 1886). Иллюстровъ. „Сборникъ россійскихъ пословицъ“. Потебня, „Изъ лекціи по теоріи словесности; басня, пословица, поговорка“ (Х. 1894).

очиненія прив.-доц. Имп. Спб. Университета В. В. Сиповскаго.

1) ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.
Допущ но Уч. Ком. М Н П. въ качествѣ *руководства* въ мужскія и жен-кія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія опущено въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Часть I. Выпускъ 1-й: НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изданіе 5, стерео-ипное. Ц. въ переплетѣ 60 коп.

Часть I. Выпускъ 2: ИСТОРІЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ОТЪ АЧАЛА ДО XVIII ВѢКА. Изданіе 4. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО О ПУШКИНА. Изданіе 3, исправленное. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 коп.

Часть III. Выпускъ 1-й. ИСТОРІЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IX СТОЛѢТІЯ. (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к

Часть III. Выпускъ 2: ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX СТ. 0—60-хъ ГОДОВЪ. Изд. 2 Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 коп

2) ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛО-ЕСНОСТИ. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности».

Томъ 1, вв. 1—2, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены* Ученымъ Ко-ит. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ средне-учебныя заведенія Мин. ар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. мператрицы Маріи и учебн. завед Мин. Торговли и Промышленности.

Томъ I. Выпускъ 1-й. НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Изданіе 4. Ц. въ пе-реплетѣ 90 коп.

Томъ I. Выпускъ 2-й РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ СЪ XI ДО XVIII В. зданіе 4. Ц. въ переплетѣ 90 коп.

Томъ I. Выпускъ 3-й. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII-ГО В. Изд. 3. Ц ъ переплетѣ 80 коп.

Томъ II. Выпускъ 1-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII—XIX В. Ц. въ ереплетѣ 75 коп.

Томъ II. Выпускъ 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XIX В. Ц. въ переплетѣ 75 коп.

Томъ II. Выпуск[redacted] НАЧАЛА XIX В. Ц. въ переплетѣ 60 коп.

Томъ II. Вып. 4-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 20—30-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Пушкинъ и Гоголь. Ц въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-й: РУ[redacted]ТЕРАТУРА 30—40-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Кольцовъ, Лермонт[redacted]елинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 4.. к.

Томъ III. Вып. 1-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—60-ЫХЪ ГОДОВЪ XIX В. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 60—70-ХЪ ГОДОВЪ XIX В. Н. Некрасовъ, Гр А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и Фетъ. Ц. въ переплетѣ 60 к

Томъ III. Вып. 4-й РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX В. Ц. въ переплетѣ 1 р.

3) БѢЛИНСКІЙ, В. Г подъ редакціей со вступительной статьей В. В. Си-овскаго. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ. Цѣна ъ папкѣ 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. В СИПОВСКАГО. ПУШКИНЪ: Народность гуманность и художественность—отличительныя черты по-зіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ Борисъ Годуновъ. **ГОГОЛЬ:** Повѣсти Ревизоръ. **ЕРМОНТОВЪ:** Стихотворенія. **КОЛЬЦОВЪ:** Стихотворенія. **МЫСЛИ О ЛИТЕ-АТУРѢ.** Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе оэта къ дѣйствительности.

4) ПУШКИНЪ. Жизнь и творчество. Ц. 3 р. 50 к. Рек. М. Н. Пр.

5) ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО РОМАНА. Томъ I. Вып. 1-й и -й. до 1500 стр. поступитъ въ продажу осенью 1910 г.

кладъ всѣхъ сочиненій В. В. Сиповскаго у Я. Башмакова и К°, въ С.-Петербургѣ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть I.

Выпускъ II.

(Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.).

СОСТАВИЛЪ

В. В. Сиповскій.

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ.

Изданіе 2-ое допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища Министерства Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія оно допускается въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣдомства Императрицы Маріи Θеодоровны.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1912.

ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ

Предисловіе къ 2-ому изданію.

Выпуская въ свѣтъ 2-ой вып. I-ой части моей „Исторіи русской словесности“ *вторымъ* изданіемъ, я считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность всѣмъ тѣмъ, кто печатно, или устно, указалъ мнѣ пробѣлы *перваго* изданія этой книги. Особенно цѣнны были для меня замѣчанія проф. А. С. Архангельскаго, проф. В. М. Истрина, проф. И. А. Шляпкина, гг. И. Ѳ. Анненскаго, В. В. Каллаша, Г. З. Кунцевича, Е. А. Ляцкаго, М. В. Трофимова и др.

Большинство сдѣланныхъ мнѣ указаній приняты мною къ свѣдѣнію при обработкѣ второго изданія. Я не воспользовался лишь тѣми замѣчаніями, съ которыми не былъ согласенъ по существу, или считалъ съ педагогической точки зрѣнія неудобнымъ ими пользоваться.

Главнѣйшія измѣненія, сдѣланныя мною во второмъ изданіи, сводятся — 1) къ упрощенію и исправленію стиля, — 2) почти совершенному устраненію ссылокъ на фамиліи изслѣдователей, что̀, по указанію нѣкоторыхъ критиковъ, слишкомъ пестрило изложеніе моей книги именами, неизвѣстными ученикамъ и потому мало имъ говорящими, — 3) къ сокращенію нѣкоторыхъ отдѣловъ и къ расширенію другихъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить свою признательность В. И. Короленко за то, что онъ взялъ на себя трудное дѣло корректированья 2-го изданія этой книги.

Составитель.

M.	M
50	130
75	185
95	165
80	100
60	25
35	
395	610
140	120
535	730
810	15
145	745
955	180
	925

Предисловіе къ 1-ому изданію.

Исторія и русская литература — предметы, на изученіе которыхъ въ нашей обновленной школѣ должно быть обращено особое вниманіе, — надо на нихъ отвести большее число уроковъ, ихъ программы необходимо значительно расширить. Печальные результаты жалкой постановки этихъ предметовъ въ нашей старой школѣ — на лицо: юноши, оканчивающіе курсъ, вступаютъ въ жизнь часто съ ничтожными знаніями, и, что особенно важно, безъ интереса къ великимъ урокамъ прошлаго. А вѣдь для огромнаго большинства молодыхъ людей, не идущихъ на историко-филологическіе факультеты, знакомство съ исторіей заканчивается въ стѣнахъ среднеучебнаго заведенія!

Безъ достаточнаго знанія исторіи русской и западноевропейской, наши юноши дѣлаются „гражданами" и обязаны нести свои знанія, свою энергію на великое дѣло строенія „будущаго" родины. Между тѣмъ, безъ знанія прошлаго нельзя *строить* „будущаго", — можно только *мечтать* о немъ...

Исторія русской литературы изложена въ моемъ руководствѣ, какъ рядъ моментовъ изъ жизни русскаго слова — „моментовъ", которые отразили на себѣ послѣдовательныя эпохи культурной жизни родной старины. Въ этомъ постоянномъ тѣсномъ связываньи литературы съ культурою — особенность моей книги, — мнѣ хотѣлось бы въ этомъ видѣть и ея достоинство.

Относительно размѣровъ книги я высказался уже въ предисловіи къ *первому* выпуску I-ой ея части, — всякій преподаватель воленъ ее сокращать въ предѣлахъ програмныхъ требованій [1]),—для учениковъ же она, благодаря своимъ размѣрамъ, плану и содержанію, не будетъ только сжатымъ конспектомъ отрывочныхъ знаній, который надо „отзубрить" и забыть, который въ жизни ничѣмъ не послужитъ и у огромнаго большинства (не идущихъ на историко-филологическіе факультеты) ничѣмъ не пополнится. Любознательный ученикъ найдетъ въ моей книгѣ попытку дать полное выясненіе того, какъ русская литература постепенно отражала на себѣ вѣковой ростъ національныхъ идеаловъ, — проясненіе въ нашемъ сознаніи идеаловъ общечеловѣческихъ, борьбу своего съ чужимъ, стараго съ новымъ...

Какъ и *первый* выпускъ I-й части этой книги, такъ и *второй*, главнымъ образомъ, компилятивнаго характера; только распредѣленіе матеріала, идея, его объединяющая нѣкоторыя характеристики, принадлежатъ мнѣ, — все остальное взято изъ трудовъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ.

Конечно, въ книгѣ моей есть промахи, быть можетъ, даже фактическаго характера—и потому всякому критику, ихъ указавшему, я скажу только спасибо, но не критики „ученаго" жду я для своей популярной работы, а критики „педагога-спеціалиста", который указалъ бы мнѣ недостатки практическаго свойства.

---

[1]) Комиссіей по составленію новой программы по исторіи русской литературы высказано пожеланіе предоставить полную самостоятельность педагогическимъ совѣтамъ *сокращать*, или *видоизмѣнять* новую „программу по русской словесности, сообразно мнѣніямъ спеціалистовъ и мѣстнымъ условіямъ, *лишь бы при этомъ не нарушалась система* курсовъ, выработанная комиссіей по тщательномъ соображеніи опытныхъ и теоретическихъ данныхъ" („Журналъ М. Н. Пр.", № 7—8, 1905 г., 32 стр.). Настоящая книга является выражающей maximum желаній новой программы. Въ предѣлахъ ея содержанія и возможны указанныя комиссіей „сокращенія" и „видоизмѣненія", съ сохраненіемъ „системы" курса.

Главнѣйшія пособія, которыми я пользовался при составленіи книги, перечислены въ приложенномъ библіографическомъ указателѣ. Онъ поможетъ гг. преподавателямъ въ дѣлѣ пополненія ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ пособіями для болѣе успѣшнаго прохожденія расширеннаго курса исторіи русской литературы.

Составитель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*) Въ текстѣ § 22, по недосмотру, этотъ § названъ 20-ымъ; въ названіи всѣхъ послѣдующихъ §§ удержалась ошибка на *два*.

СТРАН.

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА

(съ XI—XVII вв.)

---

§ 1. *Исторія литературы, какъ наука.* Изученіемъ произведеній литературы занимались еще въ глубокой древности. Но тогда это изученіе сводилось—1) къ собиранію произведеній и — 2) къ объясненію и исправленію ихъ текста: сравнивались различные списки одного произведенія, и изъ отрывковъ, или испорченныхъ текстовъ, составлялся одинъ сводный и наиболѣе совершенный. Біографіей писателя тогда не интересовались, оттого мы такъ мало знаемъ о жизни древнихъ писателей. Въ такомъ положеніи находилось изученіе литературы не только въ Греціи, въ Александріи (Египетъ), въ Римѣ и въ Византіи, но и въ средневѣковой Европѣ. Въ эпоху Возрожденія кругъ изученія литературы расширился: кромѣ произведеній греческихъ и римскихъ, стали изучаться также произведенія и родного творчества. Въ 1373 г. въ флорентійскомъ университетѣ Боккачьо комментировалъ «Божественную Комедію» Данта.

Исторія литературы, какъ наука
а) въ древности и въ средніе вѣка. Узко-филологическая критика.
b) въ эпоху Возрожденія.

Впервые Бэконъ въ сочиненіи: «De augmentis scientiarum» высказалъ требованіе, чтобы изученіе литературныхъ явленій сдѣлалось самостоятельной наукой, но до XVIII вѣка исторія литературы, даже сдѣлавшись самостоятельной отраслью знанія, «научности», въ современномъ смыслѣ слова, не имѣла: рядъ анекдотовъ изъ жизни писателя, собираніе именъ и годовъ, комментированіе произведеній внѣ связи ихъ съ жизнью писателя, съ исторіей общества и съ другими произведеніями—вотъ, въ чемъ состояла тогдашняя *исторія* литературы.

Исторія литературы—самостоятельная наука.

Лишь въ XVIII вѣкѣ изученіе нашей науки приняло новое направленіе. Баумгартенъ, первый опредѣлившій принципы эстетики, положилъ начало критикѣ *эстетической* (ранѣе была только *узко-филологической*). Винкельманъ, Лессингъ продолжили его дѣло оцѣнки произведеній искусства и литературы съ этой новой точки зрѣнія.

c) въ XVIII-мъ вѣкѣ возникновеніе эстетической критики.

Романтизмъ, смѣнившій въ XVIII-омъ вѣкѣ классицизмъ, принесъ съ собою интересъ къ простонародной поэзіи, къ письменности средневѣковья и творчеству другихъ народовъ. Разбираться въ этой массѣ разнородныхъ произведеній уже было не подъ силу при помощи одной эстетической критики: чувствовалась потребность объяснить ихъ происхожденіе изъ дѣятельности писателя, изъ связи его съ народомъ и эпохой,—словомъ, въ изученіе литературы вносились чисто-историческіе интересы, результатомъ чего и явилась критика *историческая*.

d) въ эпоху романтизма.
Возникновеніе историческаго изученія литературы.—Гервинусъ.

Наиболѣе виднымъ представителемъ этого *историческаго* изученія литературы былъ нѣмецкій ученый Гервинусъ, выпустившій въ свѣтъ

«Исторію нѣмецкой поэзіи». Онъ рѣшительно отказался давать эстетическую оцѣнку произведеніямъ, признавъ, что цѣль его труда ограничивалась желаніемъ объяснить всю совокупность поэтическихъ созданій нѣмецкаго народа изъ духа и условій времени, отыскать причины появленія литературныхъ явленій и ихъ вліяніе на другія, позднѣйшія.

е) въ XIX-омъ столѣтіи. Возникновеніе философской критики.

Въ началѣ XIX-го столѣтія изученіе литературы сразу приняло нѣсколько новыхъ направленій. Въ Германіи появилась критика *философская*, которая искала въ литературныхъ произведеніяхъ воплощенія философскихъ идей,—вѣчныхъ, или временныхъ,—общечеловѣческихъ, или узконаціональныхъ. У насъ къ такому изученію литературы примкнули славянофилы и западники. Первые превозносили тѣ произведенія, въ которыхъ воплотились идеалы славянства вообще, *русскаго* славянства въ частности. Критика, стоящая на точкѣ зрѣнія принциповъ національно-политическаго характера, можетъ быть названа *философско-политической*; сюда же можно отнести и критику *публицистическую*, которая судитъ произведеніе съ точки зрѣнія политическихъ идеаловъ данной эпохи.

Философско-политическая и публицистическая критика.

Наконецъ, къ разновидностямъ философской критики надо отнести и *моралистическую*, которая въ основаніе оцѣнки произведеній полагала идеалы нравственности.

Моралистическая критика.

Философская критика для пониманія *исторіи* литературы даетъ очень мало, такъ какъ она готова судить явленія литературной жизни съ предвзятой точки зрѣнія. Такого рода сужденія очень часто неустойчивы и легко разрушаются другими, вытекающими изъ другихъ точекъ зрѣнія.

Періоды въ жизни нашей науки (собирательный, классификаціонный и теоретическій).

Такимъ образомъ, исторія нашей науки пережила періодъ a) *собирательный*, когда ученые собирали литературныя произведенія и изучали каждое въ отдѣльности, и b) періодъ *классификаціонный*, когда произведенія стали приводиться въ систему, съ точки зрѣнія хронологіи, взаимной внутренней связи, или съ точки зрѣнія развитія той или другой идеи. За классификаціоннымъ періодомъ въ исторіи всѣхъ наукъ, болѣе старыхъ, чѣмъ исторія литературы, всегда наступалъ періодъ *теоретическій*,—періодъ научныхъ теорій, опредѣляющихъ тѣ *законы*, что управляютъ изученными явленіями. Такъ было, напримѣръ, въ исторіи ботаники, астрономіи—такъ было и въ исторіи литературы.

Теорія словесности въ древности.

Правда, построенія *теоріи словесности* начались еще въ глубокой древности: Платонъ, Аристотель и др. первые представили опыты *теоріи словесности*, но это были только собранія практическихъ указаній, какъ правильно создавать произведенія поэтическія и реторическія. Эти правила не касались *теоріи исторіи* словесности, т. е. изученія законовъ, управляющихъ вѣковой жизнью поэзіи. Такое же прикладное значеніе имѣли и всѣ поэтики и реторики среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣ теоріи псевдоклассицизма.

Теорія исторіи словесности.

Теорія *исторіи поэзіи* могла появиться только послѣ того, какъ собранъ былъ богатый историческій матеріалъ, изучены произведенія народной поэзіи и другихъ народовъ.

Первыя попытки построенія теоріи

Первыя попытки создать такія научныя теоріи имѣли мѣсто во Франціи. Сталь, Шатобріанъ, Вильменъ, Гизо, Кузенъ, Сен-Бевъ въ своихъ трудахъ объясняли историческія и литературныя явленія, какъ неизбѣжные ре-

зультаты воздѣйствія эпохи, физическихъ вліяній страны и личности историческихъ дѣятелей. Первый Тэнъ опредѣлилъ самые *законы*, управляющіе исторіей культуры вообще, исторіей человѣческаго слова въ частности. Тэнъ приложилъ къ изученію литературы тѣ же пріемы, что примѣняются естествоиспытателями къ изученію явленій міра естественнаго. Онъ указалъ, что существованіе и особенности поэтическихъ произведеній зависятъ отъ вліянія *расы* (племенныхъ особенностей писателя), *среды* (общества, которое воспитало его), *момента* (настроенія той эпохи, представителемъ которой былъ писатель). Тэнъ высказалъ требованіе *изучать* произведеніе, но не *судить* его—изучать, какъ ботаникъ изучаетъ сосну, лавръ—съ одинаковымъ интересомъ и одинаково безпристрастно. «Наука не осуждаетъ и не прощаетъ: она только указываетъ и объясняетъ». Эти слова Тэна сдѣлались девизомъ всей современной исторической науки. Въ наши дни французскій академикъ Брюнетьеръ предложилъ цѣлое построеніе исторіи литературы на основаніи теоріи Дарвина о вѣчномъ развитіи (эволюціи) явленій міра естественнаго. Брюнетьеръ высказалъ предположеніе, что литературные «виды» (genres), какъ, напримѣръ, романъ, эпопея, ода, драма, въ своемъ постепенномъ развитіи подчинены тѣмъ же законамъ развитія, что и жизнь міра естественнаго. Въ зависимости отъ вліяній того или другого настроенія общества, литературная жизнь видоизмѣняется: т. е. знаетъ «борьбу за существованіе», «приспособленіе» и пр. Особенно это замѣтно на произведеніяхъ заимствованныхъ, которыя пріобрѣтаютъ совсѣмъ иную окраску, попавъ въ иную, чуждую среду. Условія, вліяющія на ходъ развитія литературныхъ видовъ, тоже выяснены Брюнетьеромъ. «Эволюціонный» методъ, въ примѣненіи къ изученію литературной жизни, до Брюнетьера предложенъ былъ въ Россіи Плотниковымъ и проф. Карѣевымъ («Литературная эволюція на Западѣ»).

исторіи словесности во Франціи. Заслуги Тэна въ этомъ отношеніи.

Гипотеза Брюнетьера.

Гипотеза Плотникова и проф. Карѣева.

Въ Германіи научныя теоріи исторіи поэзіи стали создаваться еще съ конца XVIII-го вѣка, и, если не привели до сихъ поръ къ блестящимъ, но не вполнѣ доказаннымъ построеніямъ въ духѣ Брюнетьера, то дали цѣлый рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ частичныхъ завоеваній въ области теоріи исторіи литературы. Особенное вниманіе обратили нѣмцы на изученіе первобытной поры народнаго творчества и, главнымъ образомъ, изучали произведенія народной поэзіи.

Построенія теоріи исторіи словесности въ Германіи.

Какъ на Западѣ, такъ и у насъ изученіе литературы началось съ собиранія произведеній. Многіе древніе русскіе князья и епископы были любителями книгъ; во многихъ монастыряхъ уже издавна составлялись цѣлыя библіотеки благодаря вкладамъ благочестивыхъ людей, или трудамъ монаховъ-переписчиковъ. Московскіе великіе князья тоже были большими библіофилами. «Описи» книгамъ, вѣроятно, тоже начали составляться очень давно: но до нашихъ дней сохранилась одна поздняя—лишь XV-го вѣка. Въ XVII-мъ вѣкѣ патріархъ Никонъ, занятый исправленіемъ книгъ, попытался привести въ извѣстность существующія на Руси произведенія; при немъ составленъ былъ указатель рукописей, находящихся въ монастырскихъ библіотекахъ. Въ концѣ того же XVII вѣка появился у насъ первый библіогра-

Изученіе литературы въ Россіи. А. Періодъ собирательный а) въ древности

Первая русская библіографія. фическій трудъ: «Описаніе книгъ, кто ихъ сложилъ». Эта работа одними учеными приписывается Сильвестру Медвѣдеву, другими—старцу Евѳимію.

b) въ XVIII-омъ вѣкѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ интересъ къ изученію литературы усилился,—явился интересъ и къ личности писателей, ихъ жизни и общественной дѣятельности (Дмитревскій, «Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ», Новиковъ «Опытъ историческаго словаря»). Старые памятники и документы стали появляться въ печати, чѣмъ облегчалось ихъ историческое изученіе» (Новиковъ «Древняя россійская вивліоѳика», Рудневъ «Библіотека Россійская»).

c) въ XIX-омъ вѣкѣ. Первая половина XIX столѣтія вся ушла на самое ревностное собираніе и изданіе старыхъ памятниковъ. Явились такіе меценаты, какъ гр. Румянцевъ, которые не жалѣли средствъ на собираніе и изданіе старыхъ рукописей, явились такіе самоучки-ученые, какъ Карамзинъ, сумѣвшіе сдѣлать немало цѣнныхъ открытій, появились цѣлые кружки «любителей словесности»; наконецъ, на сцену выступили такіе знатоки книжной старины, какъ Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Малиновскій, митроп. Евгеній, Востоковъ, Строевъ, Горскій, Невоструевъ и др. Имъ принадлежатъ «описанія» рукописей,—описанія, до сихъ поръ не потерявшія своей научной цѣнности. Правительство пошло навстрѣчу этому интересу къ родной старинѣ: основаніе «Археографической комиссіи» положило начало правильному и систематичному изданію лѣтописей и актовъ историческихъ. Изъ ученыхъ, много потрудившихся на пользу родного слова, надо назвать Погодина, Ундольскаго, Срезневскаго, Максимовича, Водянскаго.

B. Періодъ классификаціонный. Историческое изученіе литературы. Съ 40-хъ годовъ XIX-го столѣтія впервые у насъ начинается систематизація собраннаго матеріала. Наступаетъ тотъ же моментъ, что и на Западѣ, когда *узко-филологическое* изученіе литературы смѣнилось *историческимъ*. Русское правительство стало посылать молодыхъ ученыхъ въ нѣмецкіе университеты. Тамъ ознакомились они съ новыми пріемами историческихъ изслѣдованій,—и, въ результатѣ, появились у насъ серьезные ученые историки и первая «Исторія русской словесности» (до XVI-го в.)

Шевыревъ, его „Исторія“. Шевырева. Съ необыкновенной любовью почтенный ученый отнесся къ произведеніямъ русской старины,—но эта любовь заставила его идеализировать русскую старину, а потому его исторія лишена объективности. Самое пониманіе древней литературы оказалось одностороннимъ, такъ какъ Шевыревъ былъ во власти собраннаго матеріала, а матеріалъ этотъ оказался исключительно церковный (житія, поученія),—или историческій,—свѣтскихъ повѣстей тогда не собирали, ими не интересовались. Оттого русская старина пріобрѣла въ освѣщеніи Шевырева исключительно церковный характеръ. Такое пониманіе ея удержалось до нашихъ дней, несмотря на многочисленные труды цѣлаго ряда послѣдующихъ ученыхъ. Новой поэзіей Шевыревъ не занимался, и, какъ критикъ современной ему литературы, оказался очень посредственнымъ.

Милюковъ, его „Исторія“. Значеніе Бѣлинскаго въ исторіографіи. Совершенно въ другомъ духѣ приблизительно въ это же время появившаяся «Исторія русской поэзіи» Милюкова,—вся основанная на взглядахъ Бѣлинскаго. Богато-надѣленный талантомъ критика, тонко чувствующій красоты поэзіи, Бѣлинскій первый понялъ Пушкина во всемъ величіи его генія. Это—великая заслуга критика; но онъ зналъ очень мало для того, чтобы сдѣлаться историкомъ—онъ не зналъ русской литературы XVIII вѣка,

не понималъ народной поэзіи и плохо зналъ литературы западно-европейскія. Между тѣмъ, пытаясь охарактеризовать литературу до-пушкинскую, взялся онъ за задачи историка. Вотъ почему онъ внесъ много ошибокъ въ пониманіе всей новой русской литературы. Эти ошибки повторены Милюковымъ и до сихъ поръ еще повторяются во многихъ учебникахъ русской словесности, несмотря на то, что онѣ давно изобличены нашей наукой. Въ самой оцѣнкѣ Пушкина Бѣлинскій колебался неразъ. Такимъ образомъ, Шевыревъ и Бѣлинскій оба сослужили великую пользу нашей наукѣ, но внесли и много ошибокъ; у одного были знанія, но не было критическаго таланта,—у другого былъ талантъ, но не было знаній, но они не исправили другъ друга, такъ какъ занимались разными эпохами нашей исторіи.

Изъ настоящихъ ученыхъ, вооруженныхъ на европейскій ладъ, надо назвать Буслаева, который въ длинномъ рядѣ работъ впервые поднялъ и разрѣшилъ рядъ любопытныхъ вопросовъ изъ жизни русской старины: онъ занялся, главнымъ образомъ, опредѣленіемъ всей наличности поэтическаго элемента въ произведеніяхъ народнаго творчества и въ сочиненіяхъ древней русской письменности: въ житіяхъ, легендахъ, апокрифахъ, духовныхъ стихахъ. Въ его сочиненіяхъ русское прошлое стало терять тѣ строгія и однообразныя очертанія, которыя придалъ ей Шевыревъ,—оказалось, что древняя Русь знала не только церкви, посты и проповѣди, но любила и радости жизни, и смѣхъ, и веселье... Буслаевъ.

Труды Тихонравова продолжали это правильное изученіе древней и новой русской литературы. Цѣлый рядъ извѣстныхъ нашихъ ученыхъ профессоровъ и академиковъ въ различныхъ своихъ работахъ дѣлали то же самое. Пыпинъ, А. Веселовскій, Шахматовъ, Галаховъ, Сухомлиновъ, Соболевскій, Ждановъ, Л. Майковъ, О. Миллеръ, Кирпичниковъ, Истринъ, Шляпкинъ, Владиміровъ, Архангельскій и многіе другіе—вотъ имена наиболѣе извѣстныхъ тружениковъ въ нашей области. Четырехтомная «Исторія литературы» Пыпина, есть капитальное произведеніе, въ которомъ подведены итоги всему тому, что сдѣлано у насъ для вѣрнаго пониманія исторіи русской словесности. Современные ученые.

Что касается до русскихъ трудовъ по *теоріи исторіи литературы*, то, кромѣ случайныхъ работъ Плотникова и проф. Карѣева, надо упомянуть многолѣтнюю работу акад. Веселовскаго, который также занимается построеніемъ научной теоріи исторіи словесности въ духѣ нѣмецкихъ теоретиковъ. Его наблюденія надъ судьбой различныхъ частныхъ явленій поэтической жизни прошлаго привели его къ окончательному разрѣшенію многихъ важныхъ вопросовъ. Какой видъ имѣла поэзія первобытнаго человѣка? какъ и когда безличная поэзія дѣлается личной, индивидуальной, какъ сложились и опредѣлились поэтическіе жанры, и по какимъ законамъ развивался поэтическій стиль? — вотъ вопросы, на которые можно найти отвѣтъ въ его трудахъ. Начиная свои наблюденія глубоко снизу и выводя теорію изъ фактовъ, нашъ ученый, въ сущности, пришелъ во многомъ къ тѣмъ же результатамъ, что и эволюціонистъ-Брюнетьеръ, который работалъ обратно: взялъ у естественниковъ готовую теорію и попытался ее подтвердить литературными фактами. С. Періодъ теоретическій Акад. Веселовскій.

§ 2. *Значеніе русской литературы.* Если народную поэзію надо изучать, чтобы понять мысли и чувства русскаго народа, главнымъ об- Значеніе русской литературы.

Литература есть показатель духовной жизни интеллигенціи.

разомъ, *простонародья*, то литературу, и древнюю и новую, надо изучать, чтобы знать, какими идеалами жила и живетъ наша *интеллигенція*,— тотъ высшій слой русскаго общества, который при св. Владимірѣ оказался наиболѣе подготовленнымъ къ принятію византійской культуры и христіанства, въ XVII-мъ в. откликнулся на вѣянія Запада, чтобы сродниться съ этими вліяніями при Петрѣ. Этому верхнему слою суждено было всегда играть первую роль во всѣхъ случайностяхъ русской исторической жизни, а потому знать его надо.

Лишь въ XIX-омъ столѣтіи эта русская интеллигенція, оставаясь русской по существу, въ то же время стала жить общечеловѣческими интересами и идеалами. Съ этого момента и русскіе вошли въ семью европейскихъ народовъ съ яснымъ сознаніемъ того, что все «общечеловѣческое» имъ доступно, но что въ то же время они не обезличены могучимъ вліяніемъ Запада; они облагородили благами цивилизаціи свои собственныя и мысль и сердце и могутъ внести «*свое*» оригинальное въ толкованіе этого «общечеловѣческаго».

Достоевскій и Толстой.

Русской литературѣ суждено было сказать это *свое* устами величайшихъ русскихъ писателей: Достоевскаго и Толстого. Изъ всѣхъ дорогихъ намъ именъ, эти два имени сдѣлались наиболѣе популярными на Западѣ: они завоевали Европу и, можно сказать, заставили ее уважать насъ и даже учиться у насъ [1]).

Великіе писатели—показатели національныхъ общественныхъ идеаловъ.

Чтобы знать себя, мы должны знать своихъ великихъ людей, такъ какъ великіе люди только лучшіе, наиболѣе счастливые представители своего народа. Въ ихъ великихъ сердцахъ собираются радости и печали родного имъ народа; въ силу своихъ индивидуальныхъ чертъ, они наиболѣе полно и глубоко воспринимаютъ эти вѣчныя и временныя настроенія родного имъ общества. Художественный талантъ помогаетъ имъ воплощать эти настроенія въ соотвѣтствующихъ образахъ.

Цѣль историческаго изученія—показать органическую связь различныхъ событій.

Исторія всегда должна ставить себѣ цѣлью объяснять современную жизнь на основаніи изученія жизни прошлой. Вотъ почему, чтобы понять современную литературу, мы должны понять Достоевскаго и Толстого; чтобы понять ихъ, мы должны изучить Гоголя и Пушкина. Пушкинъ непонятенъ безъ знанія XVIII вѣка; для пониманія петровской эпохи нужно знать XVII-й вѣкъ. Идя все вглубь столѣтій, мы спустимся, наконецъ, къ Кіевской Руси, этой *колыбели нашего литературнаго творчества.* И только тогда мы поймемъ, что исторія изящнаго русскаго слова органически связана въ теченіе многихъ вѣковъ одной нитью вѣчнаго развитія. Всѣ разрозненныя событія предстанутъ не въ видѣ отдѣльныхъ звеньевъ, а въ видѣ длинной цѣпи, отдѣльныя части которой связаны и обусловлены историческими причинами.

Многіе находятъ, что изучать древнюю литературу «скучно», но эта скука объясняется только тѣмъ, что изучаются обыкновенно отдѣльныя произведенія, внѣ исторической связи съ другими.

Между тѣмъ историческій интересъ и заключается какъ разъ въ этой *связи* явленій. Если нѣтъ ея,—нѣтъ мѣста интересу, нѣтъ смысла въ изученіи исторіи.

---

[1]) На Западѣ создалась школа молодыхъ писателей, которые считаютъ своими учителями Достоевскаго и Толстого.

Трудность приложенія такой точки зрѣнія къ оцѣнкѣ литературныхъ явленій увеличивалась отъ того, что въ кругъ изученія часто вводились произведенія, которымъ мѣсто или въ церковной исторіи, или въ исторіи политической.

Опредѣленіе исторій литературы.

Будемъ поэтому помнить, что *изящной литературой называется совокупность такихъ произведеній слова, которыя въ живыхъ образахъ и картинахъ выражаютъ всѣ проявленія мысли и чувства извѣстнаго народа. Исторіей литературы мы называемъ науку, изучающую эти произведенія въ ихъ генетической и закономѣрной послѣдовательности.*

Равноцѣнность всѣхъ періодовъ исторіи съ точки зрѣнія историка.

Если съ такимъ пониманіемъ нашей науки мы обратимся къ великимъ произведеніямъ русской литературы, мы поймемъ, что для яснаго и полнаго ихъ пониманія нужно знать не только ближайшее, но и далекое прошлое этой литературы. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ изучать и произведенія древней письменности, хотя они и не вполнѣ подойдутъ подъ данное опредѣленіе изящной литературы.

Синкретизмъ въ исторіи древней письменности.

Но есть и другое основаніе, оправдывающее изученіе произведеній древней словесности. Существованіе народной поэзіи начинается съ того ея періода, когда еще не опредѣлились ея виды, не выяснился эстетическій характеръ ея, когда *поэзія сливалась съ вѣрой и знаніемъ* и какая-нибудь обрядовая пѣсня была и поэтическимъ произведеніемъ, и молитвой, и заключала въ себѣ всю сумму знаній тогдашняго человѣка... Тогда были не прояснены не только виды поэзіи, но и самыя искусства: въ пляскѣ сопровождавшейся аккомпаниментомъ ударнаго инструмента, пѣніемъ и мимическимъ представленіемъ соединялись начала музыки, поэзіи, драмы и пляски. Этотъ періодъ непроясненнаго, смѣшаннаго состоянія видовъ искусства и видовъ поэзіи называютъ *синкретическимъ* [1]). Такимъ же характеромъ отличалась книжная словесность въ первый періодъ своего существованія. Проповѣдь, произнесенная въ церкви, заключала въ себѣ элементы вѣры, знанія и поэтическихъ настроеній. «Житіе» какого-нибудь святого, прочитанное дома, одинаково будило фантазію, и въ то же время просвѣщало умъ и сердце. Еще въ большей мѣрѣ все сказанное можетъ относиться къ поэзіи церковныхъ пѣснопѣній, къ созданію легендъ и религіозныхъ сказаній. Слѣдовательно, и съ такой точки зрѣнія произведенія древней письменности имѣютъ вполнѣ самостоятельное право на изученіе. Надо сумѣть опредѣлить въ нихъ этотъ поэтическій элементъ.

Идеалы старины многое опредѣляютъ въ жизни новой.

Только изученіе идеаловъ далекой, родной старины объяснитъ намъ многія особенности [2]) современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка; только это изученіе облегчитъ возможность понять очень многое въ жизни простого русскаго мужика, поможетъ разобраться въ міросозер-

---

[1]) σύγκρασις—смѣшеніе. Ср. 11 стр. 1-го выпуска I-ой части этого учебника (2 изд.).

[2]) Для опредѣленія этихъ „особенностей“ особенно любопытны отзывы западной критики о произведеніяхъ русской литературы: иностранецъ всегда остановитъ свое вниманіе на томъ, чего нѣтъ у него въ его литературѣ; такъ, напримѣръ, западноевропейскіе критики всегда выражаютъ удивленіе тому, что герои русскихъ произведеній всегда слишкомъ копаются въ своей душѣ и приносятъ всенародныя покаянія, что въ нихъ мало энергіи и вѣры въ себя.

ціанія раскола, въ «двоевѣрной» поэзіи народа, помирившаго свое старое язычество съ новымъ христіанствомъ. Только пониманіе идеаловъ русской старины дастъ намъ возможность вѣрно понять все великое историческое значеніе Достоевскаго и Толстого—этихъ искателей Христа въ сердцахъ простыхъ русскихъ людей.

Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.

§ 3. *Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.* Принято дѣлить исторію русской литературы на *древнюю* (до XVII-го в.), *новую* (съ XVII-го в., кончая Гоголемъ) и *новѣйшую* (XIX-й в.). Если понятно употребленіе терминовъ *древняя* и *новая*, такъ какъ они имѣютъ за собой историко-психологическія основанія, опираясь на два различныя міросозерцанія русскаго народа, то терминъ «новѣйшая» не имѣетъ за собой никакихъ основаній.

Дѣленіе по культурнымъ моментамъ.

Гораздо научнѣе дѣленіе литературы сообразно историческимъ «эпохамъ». Литературное произведеніе всегда было и будетъ выраженіемъ настроеній той эпохи, которой оно принадлежитъ. Поэтому изученіе литературы всегда тѣсно связано съ знаніемъ исторіи общества, эту литературу создавшаго... Стоя на такой точкѣ зрѣнія, нетрудно замѣтить, что въ прошломъ наша историческая жизнь знаетъ нѣсколько культурныхъ эпохъ, съ своеобразными особенностями. Каждая такая эпоха, каждый такой «культурный моментъ» различно отразились на народномъ творчествѣ [1]). *Первымъ* «моментомъ» приходится считать періодъ «Кіевской Руси», хотя бы потому, что центръ тогдашней культурной жизни сосредоточивался, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ. Съ XIII-го вѣка, послѣ нашествія татаръ, замираетъ, недавно еще ключомъ бившая, жизнь южной Руси, и культурная жизнь ея отливаетъ на сѣверо-востокъ. Наступаетъ эпоха Суздальской Руси (XIII—XV вв.).—Это *второй* моментъ русской исторической жизни. Возвышеніе Москвы, централизація Руси и выработка новыхъ своеобразныхъ идеаловъ—*третій* моментъ, кончающійся смутнымъ временемъ и пробужденіемъ новой жизни... XVII вѣкъ—эпоха пробужденія въ русскомъ обществѣ самосознанія, эпоха исканія свѣта у Запада—*четвертый* моментъ, кончающійся выступленіемъ на арену исторической жизни Петра. Вся первая половина XVIII-аго вѣка, когда культура поддерживалась свыше, когда нѣсколько личностей вели русскую цивилизацію «на помочахъ»—*пятый* моментъ. Въ эпоху Екатерины дѣло просвѣщенія изъ рукъ отдѣльныхъ личностей переходитъ въ руки «общества». Оно само заявляетъ права на самостоятельное самоопредѣленіе. Это *шестой* «моментъ». Александровская Россія, съ ея подъемомъ самосознанія, общественнаго и національнаго, была въ нашей исторіи *седьмымъ* моментомъ. Эта эпоха выдвинула Пушкина, сосредоточившаго въ себѣ всѣ теченія, всѣ направленія старины, и намѣтившаго всѣ настроенія литературной жизни XIX вѣка. Въ русской лирикѣ отъ Пушкина пошло нѣсколько направленій: 1) философско-пессимистическая (поэзія «міровой скорби»), 2) поэзія чистаго искусства, 3) поэзія народничества. Въ драмѣ XIX-го в., ведущей

Пушкинъ—средоточіе всей исторіи русской литературы.

---

[1]) Хотя, конечно, и это распредѣленіе будетъ нѣсколько условнымъ: творчество каждой эпохи всегда захватываетъ отчасти и слѣдующую. Впрочемъ, такое „запоздалое" творчество не имѣетъ большого значенія: оттого, напримѣръ, псевдоклассическія трагедіи, написанныя послѣ „Бориса Годунова", не имѣютъ историческаго значенія.

свое начало отъ Пушкина («Борисъ Годуновъ»), мы замѣчаемъ направленіе, по преимуществу, историческое; въ романѣ — сентиментально-реалистическое («Капитанская Дочка»), къ которому примкнулъ Гоголь, сдѣлавшійся представителемъ всего новаго русскаго романа—съ его проповѣдью христіанскаго идеализма. Высшими представителями этого направленія надо считать «писателей-моралистовъ»—Толстого и Достоевскаго. Ихъ творенія находятъ себѣ историческое освѣщеніе при сопоставленіи съ идеалами древней Руси, съ ея аскетическимъ міросозерцаніемъ, съ ея заботами о душѣ, съ ея исканіемъ царства небеснаго не здѣсь, на землѣ, а за гробомъ. Въ противовѣсъ этому глубокому стремленію къ нравственному совершенствованію и проповѣди христіанскаго идеализма, въ русской литературѣ, начиная еще съ XVII-го, особенно въ XVIII-мъ вѣкѣ и, конечно, въ XIX-омъ, ясно выражается стремленіе другое, которое обличало дѣйствительность русской жизни, требовало реформъ, искало «царства Божія», здѣсь на землѣ, въ свободѣ личности, въ правахъ гражданскихъ, въ измѣненіи политическихъ и общественныхъ условій жизни... Реформы Петра В., дѣятельность Екатерины II, общественныя настроенія въ эпоху Александра I, эпоха великихъ реформъ въ царствованіе Александра II—были результатами этого стремленія. Въ литературѣ XIX-го ст. это теченіе сказалось очень сильно: оно создало критику Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, обличительную литературу Гоголя, Щедрина, Герцена и др.

Два направленія въ новой русской литературѣ а) стремленіе къ нравств. совершенствованію;—b) стремленіе къ политическому совершенствованію.

§ 4. *Общество и писатель.* Въ исторіи всякой литературы наблюдается то же явленіе, что и въ жизни народной поэзіи. Періодъ *безличнаго* творчества, когда народный пѣвецъ является лишь выразителемъ настроеній толпы,—*пѣвцомъ за всѣхъ и для всѣхъ* — совпадаетъ съ тѣмъ начальнымъ періодомъ всякой литературы, когда въ сознаніи общества нѣтъ еще яснаго понятія литературной собственности. Такъ было, напримѣръ, въ древней Руси, когда многія произведенія остались совершенно безъ имени автора, другія, переводныя, приписаны русскимъ сочинителямъ, оригинальныя русскія ходили по рукамъ съ именемъ какого-нибудь извѣстнаго византійскаго писателя. Эта непроясненность понятія, что̀ такое авторъ, наблюдается даже въ XVIII-мъ в., отъ котораго сохранилось немало любопытныхъ произведеній безъ авторскаго имени, или многія «оригинальныя» представляютъ собою прямо переводъ, или передѣлку чужого. Это понятно: чѣмъ однообразнѣе были настроенія общества, чѣмъ обще-обязательнѣе идеалы, тѣмъ меньше мѣста было личности, съ ея оригинальнымъ пониманіемъ жизни. Чѣмъ сложнѣе дѣлалась современемъ жизнь, тѣмъ болѣе въ ней складывалось различныхъ направленій мысли, тѣмъ больше свободы было личности для самоопредѣленія. Оттого въ современной литературѣ возможна литература «кружковая», когда писатель является выразителемъ идеаловъ небольшой группы общества.

Общество и писатель. а) періодъ безличнаго творчества.

Проясненіе личности, сознаніе того, что можно говорить «свое», образованіе общественныхъ и литературныхъ группъ, литературная борьба этихъ группъ—все это привело къ проясненію личности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ проясненію понятія «литературной собственности». Вотъ почему нельзя вѣрно понять произведеніе, не зная писателя, а писателя мы можемъ узнать только послѣ того, какъ удастся выяснить, чѣмъ жило современ-

b) Періодъ проясненной личности.

ное ему общество, или та часть общества, представителемъ которой онъ явился. Такимъ образомъ, на всякаго писателя, какъ и вообще на всякаго общественнаго дѣятеля, надо смотрѣть, какъ на выразителя современной ему эпохи; выражая въ себѣ, въ своей дѣятельности современныя идеи и настроенія, онъ находитъ имъ воплощеніе,—этимъ онъ поясняетъ ихъ тому самому обществу, въ которомъ созрѣли эти идеи. И часто только въ такомъ воплощенномъ видѣ, толпа уясняетъ себѣ человѣка, нашедшаго имъ воплощеніе, превозноситъ, какъ великаго мыслителя, великаго художника, великаго писателя...

Въ какой мѣрѣ можно признать воспитательное значеніе литературы. „Геній" и мелкій писатель по отношенію къ обществу.

Только съ этой точки зрѣнія можно на писателя смотрѣть, какъ на *учителя общества*; только въ этомъ смыслѣ можно признать за литературой воспитательное значеніе: каждое великое произведеніе есть зеркало, въ которомъ общество видитъ себя, видитъ достоинства и недостатки своей внѣшности. Чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ шире онъ захватываетъ жизнь—оттого *геній* всегда возвышается надъ временными интересами общества и берется за изображенія общечеловѣческихъ типовъ, идей и настроеній. Такія произведенія часто холодно принимаются современниками и находятъ себѣ оцѣнку лишь черезъ много лѣтъ послѣ своего появленія въ свѣтъ. Съ другой стороны, чѣмъ мельче писатель, тѣмъ мельче его личность, тѣмъ ближе онъ къ жизни толпы, тѣмъ болѣе онъ, какъ говорится, «плыветъ по теченію»—тѣмъ ўже его идея, шаблоннѣе его тема. Но зато, тѣмъ понятнѣе онъ для массы, особенно для той части ея, которая его вскормила. Ей онъ и служитъ.

Итакъ, воспитательное значеніе литературы сводится къ очень скромнымъ размѣрамъ: всякое идейное произведеніе захватываетъ только такого человѣка, который уже подготовленъ жизнью къ пониманію этого произведенія. Въ древней Руси житіе какого-нибудь святого, или слово, прочитанное или услышанное въ церкви, часто рѣшали всю судьбу человѣка,—но, конечно, чтеніе этого житія не произведетъ никакого впечатлѣнія на первобытнаго дикаря, и слово, отъ котораго дрогнетъ подготовленное сердце, оставитъ сердце дикаря холоднымъ... Евгенію Онѣгину подражали тѣ молодые люди двадцатыхъ годовъ XIX-го ст., которые были подготовлены своими настроеніями и вкусами; въ подражаніе гётевскому Вертеру стрѣлялись тѣ юноши, сердца которыхъ были уже заражены «міровой скорбью»...

Литература и писатель.

§ 5. *Литература и писатель*. Человѣкъ, чувствующій потребность и способность къ литературной дѣятельности, пропитанный идеями и настроеніями своего времени, выступаетъ на литературное поприще. Онъ, прежде всего, долженъ считаться съ *вліяніями жизни* и *литературы*.

Вліяніе литературы на писателя.

О вліяніи «жизни» было уже сказано. Вліяніе литературы сказывается тогда, когда писателю приходится идею, его взволновавшую, облекать въ литературную форму. Исканіе этой формы выразится въ выборѣ литературнаго *жанра* (романъ, проповѣдь, элегія, житіе, легенда, и пр.), наиболѣе удобнаго къ воплощенію идеи,—изъ выбора сюжета, типовъ и стиля... Чтобы отвлеченная идея обратилась въ живое поэтическое созданіе, надо, чтобы эта идея, ясно сознанная и хорошо выясненная, сама себѣ выбрала такую литературную оболочку. Черновые наброски многихъ великихъ произведеній доказываютъ, какихъ усилій, даже мученій, стоитъ

исателю этотъ процессъ «исканія»: десятки, сотни «сюжетовъ», типовъ
дутъ навстрѣчу «идеѣ» писателя, иногда она легко находитъ себѣ во-
лощеніе, иногда гаснетъ и умираетъ, не найдя себѣ формы.

История сюжетовъ.

Найденный *сюжетъ* всегда имѣетъ за собою въ прошломъ, болѣе
ли менѣе, длинную исторію развитія. Новая идея одушевляетъ его, и
нъ расширяется, или сужается, комбинируется съ другимъ—однимъ сло-
омъ, видоизмѣняется подъ вліяніемъ идеи, жизни (напр. сюжетъ: «пре-
тупникъ раскаивается» найдетъ себѣ мѣсто и въ народной поэзіи, и въ
итіяхъ святыхъ, и въ повѣстяхъ XVIII-го в.; въ романѣ Достоевскаго:
Преступленіе и Наказаніе», въ драмѣ Толстого: «Власть тьмы» [1]). «Дѣй-

История типовъ.

твующія лица»—*герои* также подготовляются *прошлымъ* и передъ пи-
ателемъ выборъ «типовъ» и героевъ великъ, и выбранный типъ всякій
азъ видоизмѣняется, прилаживаясь къ идеѣ и духу времени (сравни, на-
римѣръ, типъ «разочарованнаго жизнью»: отъ святаго отшельника изъ
итія онъ переходитъ въ сентиментальнаго мечтателя-юношу XVIII-го в.,
ь Онѣгина, Печорина, въ тургеневскіе и чеховскіе типы и др.).

История стиля.

То же повторяется и со *стилемъ*. Манера письма, употребленіе раз-
ыхъ поэтическихъ пріемовъ, самый языкъ—все это, съ теченіемъ времени,
азвивается, видоизмѣняется, приспособляется къ идеѣ и личности писа-
еля. Справедливо сказано, что стиль отражаетъ всѣ характерныя черты
ичности писателя.

История жанровъ.

Литературный *жанръ* тоже не остается безъ движенія: изъ житія,
ь теченіемъ времени, образовывается легенда, религіозная повѣсть, или
ѣлый романъ. Самый романъ у Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоев-
каго различенъ по своей *формѣ*.

„Литературное вліяніе“.

Говоря о зависимости писателя отъ другихъ произведеній своей и
ужой литературы, нельзя миновать вопроса о томъ, что такое «лите-
атурное вліяніе», «заимствованіе», «подражаніе»... Изъ этихъ трехъ тер-
иновъ самымъ широкимъ понятіемъ будетъ «*литературное вліяніе*»:
ь его объемъ войдутъ *вліянія внутреннія, психическія* и *вліянія*
нѣшнія, формальныя, иногда чисто-*механическія* («заимствованіе»,
подражаніе»).

Подъ литературнымъ вліяніемъ перваго рода надо понимать то мо-
учее воздѣйствіе, которое одинъ писатель оказываетъ на *духъ* другого,
одчиняя себѣ его настроеніе, покоряя, заставляя смотрѣть на все его
лазами. Такое вліяніе возможно только надъ писателями второстепен-
ыми, которые не двигаютъ литературы впередъ, а разрабатываютъ дан-
ое. Возможность сильнаго, глубокаго вліянія надъ геніальнымъ писате-
емъ можно допустить развѣ въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, когда
амодѣятельность его еще не проявилась.

Вліяніе второго рода, *внѣшнее*, или *механическое*—результатъ стре-
ленія возсоздать въ своемъ произведеніи сюжетъ, типъ, образъ, или кар-
ину, найденную у другого писателя и прельстившую его своей красотой.
акому *внѣшнему* вліянію писатель можетъ поддаться *сознательно*, или

---

[1]) Изъ такихъ сюжетовъ укажу еще нѣсколько: „дѣвушка топится отъ несчастной
юбви“, „столкновеніе отцовъ и дѣтей“, „столкновеніе долга съ эгоистическими раз-
четами“.

безсознательно; въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ случай *безсознатель-ной реминисценціи* (воспоминаніе), незамѣтной для самого автора, не уловимой для критика.

Сущность внѣшняго вліянія.

Факты такого «внѣшняго» вліянія мы можемъ наблюдать въ лите-ратурной жизни не только жалкаго писаки, но и генія. Въ этомъ слу-чаѣ писатель беретъ у другого образъ, сюжетъ, картину, не взявъ чу-жого освѣщенія, сохраняя свой духъ независимымъ. Пушкинъ былъ под-вліяніемъ Байрона, и заимствовалъ у него напр., манеру описывать кар-тины южной природы въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; сюжетъ «Кав-казскаго Плѣнника» заимствовалъ у Шатобріана.

Литературныя направленія.

Съ вопросомъ о литературныхъ вліяніяхъ тѣсно связано понятіе о *ли-тературныхъ направлѣніяхъ*, о литературныхъ школахъ. Сильный та-лантъ создаетъ произведеніе, которое для общества имѣетъ смыслъ «но-ваго» слова и вызываетъ подражанія. Если такихъ подражаній много, то изъ нихъ складывается литературное *направленіе*, образовывается *школа*. Легче копировать картину, чѣмъ рисовать съ натуры. «Подра-жатели»—это живописцы, рисующіе пейзажи съ готовыхъ образцовъ— они несвободны въ манерѣ письма, въ выборѣ сюжета и типовъ...

Все, что здѣсь говорится о видахъ вліяній, о «направленіяхъ», отно-сится къ литературѣ новой, «печатной». Изученія устнаго, письменнаго и печатнаго творчества совершенно различны по своимъ пріемамъ.

Пріемы изуче-нія литературы а) новой.

§ 6. *Пріемы изученія литературы.* Эти пріемы въ значительной мѣрѣ несходны при изученіи произведеній древней и новой литературы. Когда мы изучаемъ какое-нибудь произведеніе новой литературы, мы прежде всего стараемся выяснить *личность писателя, настроенія современно-ему эпохи и той общественной группы*, къ которой онъ принадлежалъ. Затѣмъ мы опредѣляемъ *литературныя вліянія*, которыя могли имѣть для него значеніе.

b) древней.

Гораздо сложнѣе изученіе произведеній древней литературы. Отсутствіе имени автора и хронологической даты, и то обстоятельство, что произве-денія XI—XII вв. иногда сохранились только въ спискахъ позднихъ XIV—XV вв.—очень осложняетъ дѣло опредѣленія, кому принадлежитъ то или другое произведеніе и когда оно написано. Кромѣ того, при отсутствіи имени автора, невозможно сразу рѣшить вопросъ, оригинальное это произ-веденіе, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, стремясь къ опредѣленію личности писателя, къ выясненію настроенія современной произведенію эпохи и ли-тературныхъ ея вліяній, изслѣдователь древней литературы идетъ болѣе сложнымъ путемъ. Ему надо, прежде всего, опредѣлить, оригинальный ли передъ нимъ памятникъ, или нѣтъ. Если среди сочиненій, несомнѣнно переводныхъ, отыщется такое же произведеніе, или сходное, то есть осно-ваніе думать, что изучаемое произведеніе не оригинальное; тогда перечиты-ваютъ соотвѣтствующія произведенія византійской, южно-славянской лите-ратуръ и, путемъ сравненія, стараются выяснить степень оригинальности интересующаго насъ памятника со стороны содержанія и композиціи.

Опредѣленіе мѣста и вре-мени происхо-жденія произве-

Чтобы опредѣлить *мѣсто* и *время происхожденія* произведенія, надо изучить *языкъ*, которымъ написана рукопись. Языкъ всѣхъ старыхъ произ-веденій—церковно-славянскій, испорченный примѣсью болгаризмовъ, сер-бизмовъ и руссизмовъ. *Лингвистика* (ученіе о языкѣ) выяснила всѣ осо

бенности трехъ родственныхъ славянскихъ нарѣчій, и потому преобладаніе въ языкѣ рукописи тѣхъ или другихъ особенностей—ясное указаніе на то, откуда явилось изучаемое произведеніе. денія—Лингвистика. а) языкъ.

Напр., къ *руссизмамъ* относится: 1) отсутствіе носовыхъ гласныхъ (вм. ѫ—у, вм. ѧ—я, я; напр., воду вм. водѫ, воля вм. волѧ). Эти гласные исчезли у русскихъ еще въ XI в.; 2) Зубныя согласныя смягчились въ *ж* и *ч* (церк.-слав. виждѫ—др.-русск. вижю; пешть—печь); 3) Полногласіе (церк.-слав. *ра, ла* въ др.-русск. *оро, оло*; ц.-слов. *рѣ—ере;* напр., вранъ—воронъ; брѣгъ—берегъ). Это—наиболѣе характерныя особенности древне-русскаго языка.

Кромѣ болгаризмовъ, сербизмовъ и руссизмовъ въ рукописяхъ могутъ быть замѣчаемы характерныя черты разныхъ русскихъ *говоровъ*. Изученіе языка памятника, съ этой точки зрѣнія, поможетъ опредѣлить, въ какой мѣстности древней Руси сочинено, или переписано изучаемое произведеніе. Наука, изучающая *говоры*, называется *діалектологіей*. b) говоры.

Напр., главная особенность говора кривичей (Новгородская, Псковская и часть Смоленской губ.)—мѣна *ц* и *ч* (црево—вм. чрево), иногда (въ новгородскомъ говорѣ) мѣна *ѣ* и *и* (узри—вм. узрѣ), иногда (псковской говоръ) мѣна *ж* и *з*, *ш* и *с* (велазіе—вм. желаніе, вешь—вм. весь).

Особенности языка помогаютъ опредѣлить и *время* происхожденія произведенія. Если списковъ произведенія дошло нѣсколько, то сравненіе ихъ укажетъ, въ какомъ чище церковно-славянскій языкъ—въ большинствѣ случаевъ тотъ и долженъ считаться древнѣе. Присутствіе русскихъ діалектическихъ особенностей (особенностей говоровъ) также можетъ помочь опредѣлить, раньше какого времени не можетъ быть написанъ, или списанъ памятникъ, такъ какъ время образованія говоровъ выяснено учеными приблизительно.

Но одна *лингвистика* иногда бываетъ безсильна въ опредѣленіи времени и мѣста происхожденія памятника. На помощь ей приходитъ *палеографія*—наука, разрѣшающая эти вопросы при помощи изученія внѣшнихъ особенностей стараго письма, матеріала, которымъ пользуется писецъ, и другихъ болѣе мелкихъ особенностей, связанныхъ со вкусами извѣстной эпохи и мѣстности [характеръ украшенія рукописи узорчатыми рисунками (орнаментъ), переплотъ, цвѣтъ красокъ]. Палеографія.

Рукописи писались *уставомъ* (съ XI в.), *полууставомъ* (съ половины XIV в.) и *скорописью* (тоже съ XIV в., но въ XV, особенно XVI—XVII вв., почти исключительно). Буквы каждаго такого вида письма тоже изображались отлично въ зависимости отъ разныхъ эпохъ (напр., одна и та же уставная буква изображалась съ нѣкоторыми различіями въ XI, XII и XIII—XV вв.). Особенности письма зависѣли не только отъ времени, но и отъ мѣста (напр. сѣверо-русская скоропись XV в. отличается отъ юго-западной русской того же вѣка). Письмо.

Всѣ древнѣйшія рукописи писались на *пергаментѣ* (особо выдѣланная телячья кожа). Съ XIV в. появляется тряпичная *бумага;* въ XIV и XV она толста и форматъ ея листа низкій и широкій; въ XVI—XVII она тоньше и листъ уже и выше. Время и мѣсто выдѣлки бумаги опредѣляется „водяными знаками“ (каждая бумажная фабрика имѣла свои водяные знаки). Кромѣ бумаги для письма пользовались *берестой*, *губками* и *досками*. Матеріалъ.

Орнаментъ въ рукописяхъ повторяетъ *византійскіе* типы (растенія и животныя); XIII в. онъ онъ называется *геометрическимъ* (хитрая комбинація круговъ или многоугольниковъ, раскрашенныхъ и заполненныхъ цвѣтами). Во второй половинѣ XIII в. въ теченіе XIV в. орнаментъ изображаетъ *чудовища* (звѣри и птицы, хитро пере- Орнаментъ.

плетенные ремнями и вѣтвями); съ XV в. чудовищный стиль смѣняется нововизанті-скимъ. Въ XVII в. въ модѣ орнаментъ *цвѣточный*, представляющій систему букетов листьевъ въ гирляндахъ и плетеніяхъ.

Опредѣленіе редакціи, варіантовъ.

Когда установлена *оригинальность* рукописи, выяснено *мѣсто* и *время* ея происхожденія, изучаются *списки* ея и, путемъ сличенія, уста-навливаются *варіанты* и опредѣляется, какой изъ списковъ первичны основной, какія являются его искаженіемъ—передѣлкой, сокращеніемъ, ил распространеніемъ [1]). Рукопись, въ которой текстъ является сознатель измѣненнымъ въ силу извѣстныхъ соображеній переписчика, называет *редакціей* основного текста [2]). Такихъ *редакцій* иногда бываетъ нѣ-сколько. Редакціи, которымъ подвергается одно и то же произведеніе в теченіе вѣковъ, очень интересуютъ ученыхъ, такъ какъ позволяютъ им усмотрѣть, какъ интересы времени отражались на одномъ и томъ ж произведеніи, что интересовало въ немъ русскаго читателя XI—XII вв что перестало интересовать въ XV—XVI вв. Благодаря такимъ наблюде-ніямъ, удается установить очень любопытный фактъ, что древняя литера-тура полна движенія и, подобно новой, хотя и по своему, является отра-женіемъ интересовъ и настроенія исторической жизни Россіи съ XI д XVII вв.

Кіевская Русь.

§ 7. *Кіевская Русь (до половины XIII в.).* (Період общерусскій, до-монгольскій). Приднѣпровье, колыбель нашего просвѣщенія, задолго до принятія христіанства находилось под перекрестнымъ огнемъ различныхъ вліяній. Великій водный путь соединяющій Скандинавію съ Византіей, близость къ западным славянамъ, которые соприкоснулись съ нѣмцами, сосѣдство с степью, откуда шли постоянныя вліянія востока,—все это издавн дѣлало славянъ, жившихъ по Днѣпру, народомъ, въ котором мирно уживались самыя различныя культурныя воздѣйствія [3]).

Вліяніе Византіи.

Изъ указанныхъ воздѣйствій самымъ замѣтнымъ было *визан-тійское*. Богатая Византія, съ ея роскошной, утонченной жизнью всегда привлекала алчное вниманіе варваровъ. Она отбивалась отъ нихъ оружіемъ, откупалась золотомъ, или подчиняла их себѣ при помощи креста и культуры. То и другое шло рядомъ принятіе христіанства обусловливало церковную, а отчасти и по-литическую зависимость, а, съ другой стороны, открывало сво-бодный путь новымъ идеямъ, вело къ новой культурной жизни

Культурное

Византія въ моментъ соприкосновенія съ славянами была г

---

[1]) Иногда изученіе рукописи идетъ обратнымъ путемъ: сперва устанавливают варіанты, потомъ изслѣдуется мѣсто и время происхожденія.

[2]) Напр., въ цѣляхъ приспособленія къ вкусамъ времени, кое-что въ старой ру-кописи выбрасывается, кое-что вставляется.

[3]) О культурномъ состояніи Руси, поскольку оно выразилось въ народномъ тво-рчествѣ, см. выше въ 1-омъ выпускѣ I-ой части этой книги главы: „Природа и поэзія „Жизнь и поэзія“.

сударствомъ, морально и политически расшатаннымъ: въ немъ было больше показного блеска, чѣмъ силы. Роскошь и развратъ, „служеніе плоти“, уживались здѣсь рядомъ съ отрицаніемъ этой „плоти“ въ видѣ аскетизма, иногда фанатически-строгаго. Церковь византійская была въ то время полна волненія: готовилось раздѣленіе церквей, разросталась взаимная ненависть восточной церкви и западной. Жизнь высшаго общества не отвѣчала идеаламъ христіанства и вызывала обличенія; народъ еще держался за свои полустертыя языческія традиціи; въ самой византійской церкви были ереси и расколы. Все это придавало боевой, нервно-*полемическій характеръ* тогдашней церковной византійской литературѣ. Обостренность отношеній церкви къ обществу вела многихъ къ особому сосредоточенію вниманія на вопросахъ церковнаго характера,—отсюда исключительность, *односторонность интересовъ* мыслящей части общества въ сторону церковныхъ вопросовъ [1]). — Состояніе Византіи.

Самое пониманіе христіанства исказилось, приняло у массы формальный характеръ: споры о догматахъ, богословскія пренія объ обрядахъ и толкованіяхъ разныхъ мѣстъ Св. Писанія оттѣснили моральную сторону христіанскаго ученія на второе мѣсто. Самый аскетизмъ, вышедшій изъ моральныхъ побужденій, исказилъ и изуродовалъ христіанское ученіе, придавъ ему одностороннее толкованіе, какъ исключительно-фанатическую ненависть къ радостямъ земной жизни [2]). Конечно, нѣкоторыя творенія св. отцовъ — Пониманіе христіанства въ Византіи.

---

1) См. выше въ 1-мъ выпускѣ I-ой части этой книги главу: „Христіанство и поэзія“.

2) „Христіанство было религіей, возникшей на обломкахъ міровыхъ культуръ древности. Его значеніе заключалось въ объединеніи отживавшихъ вѣковыхъ цивилизацій, въ сознаніи равенства всѣхъ, въ отрицаніи народныхъ, государственныхъ отличій и преимуществъ. Отсюда его космополитизмъ, отсюда его быстрое распространеніе. Идейное содержаніе христіанства сводилось къ борьбѣ со зломъ. Съ такой точки зрѣнія, вся исторія человѣчества распадалась на три періода: 1) грѣхопаденіе первыхъ людей — побѣда зла; 2) іудейство — приготовленіе къ побѣдѣ надъ нимъ; 3) христіанство — побѣда, одержанная надъ зломъ, покореніе царства Антихриста. Понятіе „зла“ воплощалось въ плоти, „добра“—въ духѣ. Отсюда раздвоеніе личности на два начала: духъ и плоть, civitas Dei и civitas diaboli. Между этими двумя началами вѣчная борьба“.

„Отсюда отвращеніе отъ всего языческаго, какъ дѣла плоти,—отъ народныхъ пѣсенъ и свѣтскихъ развлеченій. Отсюда аскетическія легенды, въ которыхъ демонъ-искуситель есть богъ плоти. Личность человѣка въ этой борьбѣ добра и зла теряла самосознаніе, свободу воли. Идеаломъ такъ понятаго христіанства была побѣда надъ зломъ, освобожденіе отъ путъ, которыя приковывали духъ къ землѣ, къ ея радостямъ и горестямъ, къ ея суетѣ. Свобода духа отъ власти золота вела къ самовольной нищетѣ, свобода отъ утѣхъ плоти—къ дѣвственности... Отъ побѣды надъ плотью христіанство, въ его крайнихъ выраженіяхъ, шло къ преслѣдованію плоти „ради преслѣдованія“—отсюда крайній аскетизмъ, мученичество безъ мучителей, „юродство Христа

проникнуты истинно-христіанскими настроеніями, но рядовые служители церкви не стояли на высотѣ такого пониманія религіи. Понятно поэтому, что новообращеннымъ христіанамъ византійская церковь несла и свою нетерпимость, и свою односторонность, и свой формализмъ.

Отнюдь такія узко-религіозныя настроенія не распространялись на все общество,—если одни были поглощены церковными интересами, то очень многіе оставались равнодушны къ церкви и развлекались только радостями жизни. Но, при общемъ паденіи образованности, эта часть общества оставалась равнодушной къ наукамъ и къ искусствамъ. Вотъ почему для ихъ процвѣтанія не было мѣста въ Византіи. Самая борьба съ язычествомъ вела къ преслѣдованію старой культуры. Имена великихъ философовъ древности теперь оказывались нужными только для ихъ обличенія. Иконоборцы, отрицавшіе, съ церковной точки зрѣнія, изображенія Божества, конечно, не могли терпимо относиться къ произведеніямъ древней скульптуры. Если, порой, къ наслѣдію старины враждебное отношеніе и ослабѣвало, то его мѣсто заступало полное равнодушіе.

Самостоятельное творчество Византіи.

Самостоятельное творчество Византіи выразилось не только въ сочиненіяхъ церковныхъ (проповѣди, житія, церковныя пѣснопѣнія), но и въ развитіи народнаго эпоса (въ эпоху борьбы съ востокомъ) и въ развитіи идеалистическаго романа [1]). Вѣра

ради". Къ природѣ отношенія христіанства не установились—они колебались между сентиментальнымъ-субъективнымъ, рисовавшимъ природу совершенною, — зеркаломъ Бога—и враждебнымъ, видѣвшимъ въ природѣ царство демона; оттого силы природы казались силами демонскими; изучать эти силы считалось служеніемъ князю зла".

[1]) Изъ византійскихъ романистовъ извѣстны Евстафій (между 850—989 г.), написавшій романъ о любви Исмены и Исменіаса, Θеодоръ Продромъ (1118—1180), Никита Евгеніанъ и др. Изъ романовъ очень поэтиченъ „Романъ о Каллимахѣ и Хризорроѣ", „Романъ объ Ираклін" и др. Въ „Романѣ о Каллимахѣ и Хризорроѣ" сказалось отраженіе волшебной сказки. У царя 3 сына: онъ рѣшилъ царство отдать тому, кто наиболѣе отличится. Въ поискахъ приключеній, братья пустились въ путь. Младшій, Каллимахъ, оказался энергичнѣе старшихъ: онъ заставляетъ ихъ взобраться на неприступную гору, добирается до замка Дракона. Съ перстнемъ, который дѣлаетъ его невидимымъ, проникаетъ онъ во дворецъ. Здѣсь онъ видитъ, какъ Драконъ истязаетъ красавицу. Онъ убиваетъ Дракона и освобождаетъ Хризоррою. Она разсказываетъ, какъ Драконъ влюбился въ нее, какъ родители не хотѣли ее отдать ему, и онъ пожралъ всѣхъ обитателей ея царства, а ее заперъ во дворцѣ. Каллимахъ и Хризорроя полюбили другъ друга. Одинъ королевичъ захотѣлъ похитить Хризоррою; злая чародѣйка ему помогаетъ, давъ волшебное яблоко, отъ котораго наступаетъ чудесная смерть Каллимаха, и Хризорроя похищена. Братья Каллимаха видятъ вѣщій сонъ, идутъ и спасаютъ брата. Онъ идетъ разыскивать Хризоррою, нанимается садовникомъ во дворецъ, гдѣ она живетъ. По кольцу, повѣшенному на дерево, она узнаетъ объ его появленіи; происходятъ свиданія. Король узнаетъ объ этомъ, но ихъ прощаетъ и отпускаетъ. Въ этомъ романѣ изъ народной сказки взяты: „чудесный перстень", „волшебное яблоко", „драконъ", „вѣщій сонъ", „колдунья".

въ торжество добра, вѣчное стремленіе рисовать идеальныхъ героевъ, богато одаренныхъ чисто-христіанскими добродѣтелями,— все это характерно для греческаго романа вообще,—византійскаго въ частности. Нельзя не отмѣтить также элементовъ христіанскаго романа въ тѣхъ апокрифическихъ апостольскихъ евангеліяхъ-дѣяніяхъ [1]) и житіяхъ, въ которыхъ вліяніе стараго греческаго романа чувствуется не только въ идеалистическомъ характерѣ, но и въ самомъ построеніи. Кромѣ этой литературы распространены въ греческомъ народѣ романы-„приключенія" („Романъ объ Александрѣ", „Троянская Исторія"), популярны были повѣсти-сказки (напримѣръ, объ Акирѣ Премудромъ, о мальчикѣ, отгадывающемъ загадки, и пр.), фантастическіе разсказы о чудесахъ далекаго Востока („Сказаніе объ индійскомъ царствѣ", „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ"), пѣлись народомъ пѣсни о герояхъ борьбы съ врагами родины (Дигенисъ-Акритъ—національный византійскій герой), наконецъ, любимы были волшебныя сказки.

Такъ пестро было содержаніе литературной жизни Византіи въ моментъ соприкосновенія ея съ славянами. Что̀ будетъ ими взято отсюда и усвоено? Книги Св. Писанія, творенія отцовъ

Что взято было южными славянами у Византіи?

[1]) См. въ I т. Историч. Хрестоматіи: „Дѣянія Павла и Теклы" (стр. 156), „Житіе Іустины и Кипріана" (151), „Житіе Варлаама и Іоасафа" (178). Кромѣ этихъ произведеній назову „Романъ о Климентѣ" (Clementina, Κλημέντινα), еще: „Житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки". Привожу содержаніе „Романа о Климентѣ". Онъ—язычникъ и римскій гражданинъ, добродѣтеленъ и думаетъ о смерти. Его тревожатъ думы о томъ, что̀ будетъ за гробомъ; онъ обращается за разрѣшеніемъ этого вопроса къ разнымъ языческимъ мудрецамъ, путешествуетъ по всему свѣту, но не удовлетворяется отвѣтами. Узнавъ о проповѣди Христа, онъ ѣдетъ въ Іудею; здѣсь онъ встрѣчается съ апостоломъ Петромъ. Въ Іудеѣ ему разсказываютъ, что у Іоанна Крестителя были ученица Елена и ученикъ-волхвъ Симонъ. Появляется Симонъ, и, съ цѣлью пріобрѣсти своею проповѣдью больше учениковъ, производитъ разныя чудеса-фокусы. Онъ странствуетъ съ Еленой, указывая, что она—та „высшая мудрость и высшая сущность, изъ-за которой сражались греки и варвары". Изъ чудесъ Симона интересно созданіе имъ человѣка изъ воздуха. Апостолъ Петръ преслѣдуетъ Симона по пятамъ и разрушаетъ результаты его проповѣди. Климентъ дѣлается ученикомъ Петра, странствуетъ съ нимъ. Однажды онъ сходится съ язычникомъ-философомъ, вѣрящимъ въ боговъ и проповѣдующимъ непреоборимую силу бога любви Эрота. Климентъ опровергаетъ его языческое міровоззрѣніе. Между тѣмъ, Петръ все преслѣдуетъ Симона. Изъ разговора съ Климентомъ Петръ узнаетъ, что у него были братья Фаустинъ и Фаустиніанъ, что отца его зовутъ Фаустомъ и что онъ не знаетъ о судьбѣ родственниковъ. Происходитъ трогательное свиданіе отца, матери и братьевъ Климента. Симонъ, спасаясь отъ гнѣва сотника Корнилія, передаетъ путемъ чарованія свой образъ Фаусту, отцу Климента. Апостолъ Петръ обѣщаетъ его исцѣлить, но требуетъ отъ Фауста, чтобы онъ, пользуясь образомъ Симона, отрекся отъ его ученія всенародно, чтобы народъ подумалъ, что это отрекся самъ Симонъ. Въ этомъ любопытномъ фантастическомъ романѣ живо изображено столкновеніе христіанскаго и языческаго міровоззрѣній. Романъ этотъ въ средніе вѣка былъ популяренъ въ Западной Европѣ, и, вмѣстѣ съ „Дѣяніями Павла" и „Житіемъ Іустины" (покореніе сердца дѣвушки при помощи чаръ), легъ въ основу народнаго романа о Фаустѣ (у Гёте во 2-й части „Фауста" является „Елена", упоминается homunculus,—человѣкъ, созданный волшебникомъ и т. д.).

церкви, наконецъ, апокрифы и легенды должны были войти къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но, конечно, этимъ вліяніе Византіи ограничиться не могло: за священными книгами потянулись византійскія повѣсти и сказки и, задолго до христіанства, началось и вліяніе придворной жизни, — усваивалась роскошь жизни, перенимались византійскія потѣхи.

Изъ славянъ особенно сильно испытали вліяніе Византіи славяне южные,—болгары и сербы. Они приняли христіанство отъ Византіи благодаря просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.

Свв. Кириллъ и Меѳодій, ихъ жизнь и дѣятельность.

Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодій были братья, сыновья вельможи Льва, военнаго областного начальника въ Македоніи около г. Солуня. Братья получили по тому времени прекрасное образованіе на родинѣ, а затѣмъ въ Цареградѣ; потомъ Меѳодій поступилъ въ военную службу, а Кириллъ занялъ мѣсто библіотекаря при соборѣ св. Софіи. Спустя нѣкоторое время, онъ сдѣлался преподавателемъ въ высшей цареградской школѣ и, наконецъ, миссіонеромъ. Цѣня въ немъ глубокія богословскія познанія, его посылали на пренія съ иконоборцами и сарацинами. Ради послѣдней цѣли онъ ѣздилъ въ Малую Азію, гдѣ ознакомился и съ восточными христіанскими церквами. Меѳодій, пробывъ десять лѣтъ на военной службѣ, постригся въ монахи въ монастырь, куда изъ Малой Азіи вернулся и братъ его Константинъ. Около 858 года оба брата были посланы съ проповѣдью слова Божьяго къ хозарамъ, жившимъ на югѣ нынѣшней Россіи.

Вернувшись на родину, Меѳодій сдѣлался игуменомъ въ монастырѣ, а Константинъ, отказавшись отъ сана епископа, отдался своимъ богословскимъ занятіямъ. Думаютъ, что въ это время (между 855 и 862 гг.) былъ изобрѣтенъ имъ славянскій алфавитъ. Въ основу его положена азбука греческая; недостающія буквы взяты изъ языковъ восточныхъ (сирійскаго и еврейскаго). Въ это же время приступили братья къ переводу Евангелія на церковно-славянскій языкъ.

Когда началось раздѣленіе церквей, обѣ церкви обнаружили особую ревность въ привлеченіи къ себѣ народовъ, новообращенныхъ, но еще не утвердившихся въ вѣрѣ. Такъ, въ славянскихъ земляхъ столкнулись миссіонеры западной и восточной церкви. Ради этой борьбы Константинъ и Меѳодій оставили свое уединеніе и отправились въ славянскія земли съ готовымъ церковно-

славянскимъ алфавитомъ и переведеннымъ Евангеліемъ. Такимъ образомъ, для проповѣди они оказались лучше вооруженными, чѣмъ миссіонеры западной церкви. Прежде всего, они явились въ Моравію, куда ихъ звалъ князь Ростиславъ, недовольный миссіонерами латинскими, съ ихъ богослуженіемъ и книгами на непонятномъ для народа языкѣ. Изъ Моравіи ихъ проповѣдь распространилась и на Паннонію. Вездѣ она имѣла успѣхъ: „отверзлись“, говоритъ житіе св. Константина, „уши глухихъ къ слышанію книжныхъ словъ и службъ, и у нѣмыхъ сталъ ясенъ языкъ“. Римъ остался недоволенъ успѣхами братьевъ и осудилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ; латинскіе богословы утверждали, что славить Бога можно только на трехъ языкахъ, на которыхъ сдѣлана была надпись на крестѣ (латинскій, греческій и еврейскій). Братья были вызваны въ Римъ, и здѣсь имъ удалось отстоять свое дѣло. При нихъ, въ соборѣ св. Павла, впервые было совершено богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Константинъ въ Римѣ постригся въ монахи, подъ именемъ Кирилла, и здѣсь скончался въ 869 г. Меѳодій одинъ вернулся въ Моравію и продолжалъ свое святое дѣло. Неудовольствіе, вызванное его трудами въ средѣ латинскаго духовенства, сдѣлало его жертвою новыхъ козней, — и онъ два года высидѣлъ въ тюрьмѣ зальцбургскаго архіепископа. Затѣмъ ему пришлось опять ѣхать для оправданія въ Римъ. И на этотъ разъ ему удалось оправдаться: славянское богослуженіе вторично было признано Римомъ. По возвращеніи въ Моравію онъ, несмотря на постоянную борьбу съ кознями враговъ, продолжалъ свою апостольскую дѣятельность [1]), и свои литературные труды надъ переводами св. книгъ [2]). Послѣ его смерти (885 г.) ученики его не смогли устоять въ борьбѣ съ латинскимъ духовенствомъ, потеряли свою паству въ Польшѣ, Чехіи и Моравіи и ушли на востокъ,—главнымъ образомъ, въ Болгарію.

Дѣятельность учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія. „Золотой вѣкъ болгарской письменности.

Въ половинѣ IX-го вѣка болгарскій князь Борисъ-Михаилъ принялъ христіанство. Сынъ его Симеонъ (892—927) былъ царемъ болгарскимъ, большимъ покровителемъ просвѣщенія. Его царствованіе называется „золотымъ вѣкомъ болгарскаго просвѣщенія“. Онъ оказалъ широкое гостепріимство ученикамъ свв.

---

1) Крестилъ чешскаго князя Боривоя, удачно распространялъ при помощи учениковъ проповѣдь въ Силезіи и Польшѣ.

2) Переведена была почти вся Библія, Номоканонъ и, вѣроятно, сочиненія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и нѣкоторыхъ другихъ отцовъ церкви.

братьевъ—Клименту, Горазду, Науму, Ангеляру и Саввѣ. Дворъ его былъ устроенъ въ подражаніе двору византійскаго императора. Самъ образованный на греческій ладъ, онъ покровительствовалъ всѣмъ ученымъ и принималъ горячее участіе въ ихъ литературной дѣятельности, переводя книги съ греческаго на славянскій. Ему посвященъ сборникъ различныхъ статей, извѣстный въ древнерусской письменности подъ названіемъ „Святославова Изборника". Самъ царь, говорятъ, перевелъ нѣкоторыя слова Іоанна Златоуста для сборника, носящаго названіе „Златоструй".

Изъ современниковъ царя Симеона очень извѣстенъ Іоаннъ, „экзархъ болгарскій", который сочинилъ „Шестодневъ". Это произведеніе заключаетъ въ себѣ толкованіе первыхъ главъ Библіи о твореніи міра. При сочиненіи своего разсужденія Іоаннъ широко воспользовался трудами отцовъ церкви—Василія Великаго, Іоанна Златоуста, а также мнѣніями Платона, Аристотеля, Ѳалеса, Діогена—на нихъ, впрочемъ, ссылается онъ для того, чтобы ихъ опровергать. Все сочиненіе проникнуто глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, воодушевлено любовью къ природѣ.

При Симеонѣ и его ближайшихъ преемникахъ (X—XII в.) были сдѣланы многочисленные переводы твореній отцовъ церкви. Кромѣ этихъ чисто-церковныхъ сочиненій, извѣстны: вышеупомянутый сборникъ (въ 1073 г. переписанный для русскаго князя Святослава), историческіе труды—хроники и хронографы, и, наконецъ, свѣтскія произведенія,—романы и повѣсти—„Александрія" („Романъ объ Александрѣ"), „Сказанія о Троянской войнѣ" „Синагрипъ, царь Адоровъ" („Слово о премудромъ Акирѣ"), „Девгеніево Дѣяніе", „Исторія Варлаама и Іоасафа" и др. Но чѣмъ особенно богата была Болгарія — это апокрифами и легендами. Язычество, пустившее корни въ Болгаріи, не безъ борьбы уступило мѣсто христіанству и примирилось съ нимъ, лишь исказивъ его: результатомъ такого примиренія было образованіе нѣкоторыхъ ересей; конечно, не обошлось здѣсь и безъ вліянія византійскихъ религіозныхъ смутъ. Изъ такихъ ересей особенно извѣстно было „богомильство", признававшее въ мірозданіи и міроуправленіи дуализмъ, т. е. сосуществованіе двухъ силъ—доброй (Богъ) и злой (дьяволъ).

„Богомильство" и поэтическое значеніе этой ереси.

Согласно ученію богомиловъ, плоть человѣка создана Сатанаиломъ, сыномъ Божіимъ, но оживить этой плоти онъ не могъ; по его просьбѣ душу вдунулъ въ созданнаго человѣка Богъ; за такую услугу Сатанаилъ обѣщалъ Богу, что живой человѣкъ будетъ одинаково принадлежать имъ

обоимъ. Но впослѣдствіи Сатанаилъ всегда стремился завладѣть бо̀льшимъ количествомъ людей; весь Ветхій Завѣтъ—эпоха его царствованія: онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ, и люди были во власти его. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ его власти Христомъ, Который побѣдилъ Сатанаила, заключилъ его въ безднахъ ада и назвалъ его Сатаной. Богомилы, кромѣ того, утверждали, что земля держится на двухъ рыбахъ, что міръ созданъ сатаною, который получилъ отъ Бога власть на семь дней, что сатана возгордился и возсталъ, былъ побѣжденъ Михаиломъ, но владѣлъ міромъ до пришествія Спасителя. Обозрѣвая свои владѣнія, онъ спустился съ неба на землю, вошелъ въ ея нѣдра, тамъ нашелъ огонь неугасимый. Разсказъ о нырянiи дьявола въ море и о созданіи имъ міра изъ песку встрѣчается и въ русскихъ легендахъ; извѣстный разсказъ о томъ, что земля держится на трехъ китахъ, самое представленіе діавола, какъ какого-то существа, независимаго отъ Бога, только слабѣе Его,—все это отзвуки богомильства. Богомилы вели праведный, строгій образъ жизни, но особенно увлекали народную массу фантастическими разсказами о самыхъ сокровенныхъ тайнахъ,—о твореніи міра, о спасеніи души, о будущихъ судьбахъ. Ихъ проповѣдь имѣла успѣхъ даже на Западѣ: секты патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ возникли изъ этого славянскаго источника и распространились по южной Франціи и Италіи. Творчество богомиловъ особенно сказалось въ поэтизаціи, передѣлкахъ и распространеніи въ массѣ «апокрифовъ» (ложныя сказанія о лицахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, главнымъ образомъ, о сотвореніи міра) и легендъ, которыя имѣли значеніе въ глазахъ народа своимъ содержаніемъ, фантастическимъ, полнымъ поэзіи.

„Южнославянское“ вліяніе на Русь сказалось въ перенесеніи къ намъ изъ Болгаріи не только священныхъ книгъ на старо-славянскомъ языкѣ, и переводовъ твореній отцовъ церкви, но и многихъ религіозно-поэтическихъ созданій, иногда съ ярко-выраженными богомильскими настроеніями. Вліяніе Византіи на русскую письменность сказалось сильно, главнымъ образомъ, благодаря этому посредничеству южныхъ славянъ.

Переводная литература въ Кіевской Руси.

§ 8. *Переводная литература въ Кіевской Руси.* Въ начальный періодъ своего существованія русская литература была почти исключительно переводной: изъ дошедшихъ до насъ произведеній древней русской литературы, можно сказать, 99% принадлежитъ переводамъ, лишь 1%—произведеніямъ оригинальнымъ.

Переводы почти всѣ сдѣланы были у южныхъ славянъ, и отъ нихъ перенесены къ намъ въ Кіевъ. Только немногія произведенія могли быть переведены въ Россіи (ср. указаніе лѣтописи, что Ярославъ собиралъ переводчиковъ у себя: „собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣнское писмо“).

Книги, переведенныя у южныхъ славянъ (особенно въ Бол-

гаріи при царѣ Симеонѣ),—или приносились къ намъ пришлымъ духовенствомъ (первые кіевскіе митрополиты были греки), или выписывались русскими „книголюбцами“—князьями и духовными лицами (такъ, напримѣръ, св. Θеодосій Печерскій выписывалъ книги для своего монастыря). Что касается до качества переводовъ, то выше тѣ, которые сдѣланы раньше; лучшіе принадлежатъ кирилло-меθодіевской эпохѣ и эпохѣ царя Симеона.

Между переводными сочиненіями нѣтъ совершенно греческихъ классиковъ; о поэтахъ и драматургахъ наши предки ничего не знали, съ отдѣльными мнѣніями древнихъ философовъ могли знакомиться только по твореніямъ св. отцовъ, да въ сборникахъ, въ родѣ „Пчелы“.

Съ отдѣльными фактами изъ греческой исторіи знакомились они въ переводныхъ „хроникахъ“; свѣдѣнія изъ естественной исторіи и географіи тоже доходили до нихъ въ отрывкахъ лишь, въ той мѣрѣ, въ какой допускали ихъ въ свои труды византійскіе компиляторы. Изъ „свѣтскихъ“ произведеній ихъ интересовали только нехитрые романы, сказки въ родѣ „Александріи“. За то все вниманіе русскаго книжника устремлено было на сочиненія церковныя. Это и понятно: до оцѣнки красотъ Софокла и Эсхила, наши предки, какъ и другіе европейскіе народы X—XI вв., еще не доросли. Самимъ византійскимъ грекамъ все это богатое наслѣдіе древней Еллады было не по плечу,—только ученые занимались изученіемъ и собираніемъ оставшихся рукописей,—общество относилось къ нимъ равнодушно.

Переводы св. Писанія.

§ 9. *Переводы Св. Писанія.* Относительно времени перевода книгъ Ветхаго Завѣта нельзя сказать ничего точнаго; можно думать, что древняя Русь знала только отрывки Библіи [1]); лишь отъ XV в. остался одинъ полный ея списокъ. Изъ болѣе популярныхъ въ древней Руси библейскихъ отрывковъ извѣстны книги Іова, Пѣснь Пѣсней, книги Премудрости Соломона и Іисуса сына Сирахова. Богослужебное Евангеліе [2]) переведено было еще св. Кирилломъ.

---

[1]) Извлеченія изъ книгъ Ветхаго Завѣта въ приспособленіи къ богослуженію (Паремейникъ) сдѣланы были еще св. Кирилломъ.

[2]) Это Евангеліе Недѣльное (апракосъ), то есть расположенное не по Евангелистамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ главъ, а по недѣлямъ, то есть, по воскресеньямъ, начиная съ Пасхи, въ порядкѣ церковной службы, сначала по праздникамъ подвижнымъ (по Тріоди Цвѣтной, отъ Пасхи до Пятидесятницы, и по Тріоди Постной отъ Масляной недѣли до Страстной), потомъ по праздникамъ неподвижнымъ, именно по мѣсяцеслову.

Остромирово Евангеліе.

Остромирово Евангеліе (1056—1057) принадлежитъ къ такимъ же служебнымъ Евангеліямъ, носящимъ названіе «апракосъ» (обыкновенное называется «тетръ»). «Остромировымъ» оно называется потому, что оно было списано для Остромира, родственника кн. Изяслава Ярославича, въ Новгородѣ дьякономъ Григоріемъ. Между текстами Евангелія помѣщенъ здѣсь синаксарій (перечень праздниковъ святыхъ по числамъ мѣсяца). Остромирово Евангеліе—одно изъ самыхъ древнихъ произведеній, сохранившихъ въ наиболѣе чистомъ видѣ особенности церковно-славянскаго языка. Поэтому лица, изучающія церковно-славянскій языкъ, всегда знакомятся съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ XI в., великолѣпнымъ по своей внѣшности (находится въ Спб. Публичной библіотекѣ).

„Псалмы" царя Давида.

Очень рано появился у насъ и переводъ Четвероевангелія (1143 г.). Впослѣдствіи было сдѣлано нѣсколько новыхъ переводовъ, но всѣ они хуже этихъ древнѣйшихъ. Изъ книгъ Ветхаго Завѣта любимой на Руси была „Псалтырь". Ее усиленно предлагали вниманію русскаго человѣка духовные пастыри. Нападая на мірскія забавы, пѣсни и пляски, одинъ обличитель говорилъ: „поганьско то есть, а не крестьянско... Блудская то есть краса и радость бѣсящихся отрокъ, а крестьянска суть гусли прекрасная, доброгласныя псалтыря". „То ти драго есть веселіе, то ти преславная есть пѣснь, со ангелы ны совокупляюща!" „На что тебѣ, христіанину, гудокъ и свирѣль?"—говоритъ другой,—„у тебя есть гусли псалтырныя, на что тебѣ пѣсни?—у тебя есть псалмы".

Въ псалмахъ царя Давида прежде всего видѣли религіозную сторону, но, несомнѣнно, красота формы, музыка стиля, глубокій лиризмъ, переходящій отъ возвышеннаго паѳоса до стоновъ и воплей униженной и оскорбленной души, должны были непримѣтно входить въ сердце читателя и имъ овладѣвать.

При чтеніи «псалмовъ» передъ нами широко открывается душа псалмопѣвца-царя. Его первые псалмы полны такимъ восторженнымъ экстазомъ, который могъ овладѣть человѣкомъ, у котораго «отверзлись вѣщія зѣницы»—и онъ узрѣлъ въ священномъ восторгѣ Творца вселенной въ ореолѣ дивной красоты. «Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ; благодать излилась изъ устъ Твоихъ; препояшь себя по бедру мечомъ Твоимъ... и въ семъ украшеніи возсядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажетъ Тебѣ дивныя дѣла» (пс. 44).

Къ восхваленію Творца поэтъ призываетъ всю природу. «При звукѣ трубъ и рога торжествуйте предъ Царемъ Господомъ», «Да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что̀ наполняетъ его, да радуется поле и все, что̀ на немъ, и да ликуютъ всѣ дерева дубравныя предъ лицемъ Господа!» (пс. 95). «Да шумитъ море и что наполняетъ его, вселенная и живущіе въ ней; да рукоплещутъ рѣки, да ликуютъ вмѣстѣ горы!» (пс. 97).

Поэтъ самъ падаетъ ницъ передъ могуществомъ Бога, Его правосу-

діемъ и мудростью. То заставляя въ своихъ пѣсняхъ говорить самого Господа, «укрощающаго шумъ морей и мятежъ народовъ», то говоря отъ себя, то влагая рѣчь въ уста «природы»,—поэтъ создаетъ такую величественную картину мірозданія, которая невольно овладѣваетъ читателемъ. Потомъ широкіе и свободные аккорды божественныхъ гимновъ смѣняются тревожными звуками тоски. Могучія крылья его духа ослабѣли—его выспреннее паренье предъ лицомъ Творца смѣняется паденьемъ: «Я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, и не на чемъ стать, вошелъ во глубину водъ, и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня» (пс. 68). Онъ на землѣ, но еще не сводитъ своихъ тоскующихъ очей съ свѣтозарнаго лика Творца—только «въ Богѣ успокаивается душа» пѣвца. «Только Онъ—твердыня моя, спасеніе мое, убѣжище мое: не поколеблюсь болѣе» (пс. 61). Псалмопѣвца гнететъ міръ, съ его суетой, люди оскорбляютъ его. Немудрено, что «чужимъ сдѣлался онъ для брата своего» и еще съ большею страстью, «какъ зеленѣющая маслина» (пс. 51), обратился къ одному Богу. Нѣтъ ему утѣшенія на землѣ. «Не сплю и сижу, какъ одинокая птица на кровлѣ» (пс. 101)—восклицаетъ онъ. Но наступаетъ моментъ, когда эта тоска, смягченная надеждой, смѣняется ужасомъ отчаянья. Ему чудится, что Богъ отвратилъ отъ него, поверженнаго на землю, безкрылаго пѣвца, свой божественный ликъ—поэтъ теряетъ свой свѣточъ,—и со всѣхъ сторонъ наступаютъ на него черной толпой мірскія суеты, земное ничтожество, злоба и отчаянье... Послѣ пѣсни ужаса и отчаянья опять слышится примиреніе съ Богомъ и заканчивается пѣснопѣніе Давида торжественнымъ гимномъ во славу Бога. Въ своихъ псалмахъ ветхозавѣтный поэтъ возвышается до моленія за весь родъ человѣческій, за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ земли. Величественный Іегова, «предъ очами» котораго «тысяча лѣтъ—какъ день вчерашній», для котораго жизнь человѣка и жизнь былинки—то же самое, отъ прикосновенія котораго трепещутъ бездны—сливается съ кроткимъ образомъ Бога сиротъ и Судіи вдовамъ... Величіе Бога, ничтожество человѣка и вселенной—мотивъ, проходящій красной нитью чрезъ всѣ псалмы... Поэтическіе образы и картины, метафоры, самыя смѣлыя сравненія, антитезы, воззванія, олицетворенія—широкой волной льются передъ нами, обличая удивительное богатство духа псалмопѣвца... «Все погибнетъ», поетъ онъ,—«а Ты пребудешь! Всѣ, какъ риза, обветшаютъ и, какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ—и измѣнятся» (пс. 101). «Дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его» (пс. 102)

Мы знаемъ, что Владиміръ Мономахъ въ минуту тоски читалъ Псалтырь. Литературной стороной своей они отразились и на „Словѣ о полку Игоревѣ“, и на церковныхъ христіанскихъ пѣснопѣніяхъ (канонахъ), и на „Моленіи Даніила Заточника“, и на лѣтописи. Конечно, при всей своей популярности, Псалтырь въ то время не для всѣхъ былъ доступенъ и интересенъ—для сознанія человѣка, не простившагося еще со своими богами, былъ недоступенъ глубокій драматизмъ души поэта, его восторги

и пареніе къ Богу, отчаяніе и паденіе. „Псалмы“ оказали громадное вліяніе и на изящную литературу; начиная съ XVII в. до XIX-го почти всѣ русскіе писатели перепробовали свои силы на „переложеніи“ псалмовъ [1]).

§ 10 *Житія святыхъ.* Житія святыхъ были тоже любимымъ чтеніемъ „образованныхъ“ людей древней Руси: можно сказать, что эти произведенія въ свое время замѣняли собою всю теперешнюю изящную литературу. Они учили русскихъ людей идеаламъ строгой жизни; своими разсказами о чудесахъ и видѣніяхъ они занимали воображеніе, настроенное на религіозный ладъ. Для многихъ русскихъ людей разсказъ о подвигахъ какого-нибудь святого навсегда опредѣлялъ ихъ жизнь. Идеалы самоотреченія, высокой духовной доблести, почерпнутые изъ житій, помогли многимъ стоять честно и твердо въ борьбѣ церкви со свѣтской властью (столкновенія князей съ монастырями изъ-за имущества, съ епископами и священствомъ изъ-за паствы или княжескихъ междоусобій); эти идеалы выработали немало энергичныхъ проповѣдниковъ и распространителей слова Божьяго среди инородцевъ. Главнымъ образомъ, благодаря чтенію житій въ міросозерцаніе многихъ людей древней Руси вкоренился духъ аскетизма—отрицаніе плоти и всей „внѣшней жизни“. Всѣ помыслы этихъ людей, покоренныхъ такимъ одностороннимъ пониманіемъ христіанства, устремлялись въ загробную жизнь; земная жизнь казалась имъ лишь подготовленіемъ къ будущей, вѣчной; какъ надо было къ ней приготовляться,—этому учили житія. Оттого такъ распространено было у насъ *монашество.* Даже князья часто покидали „міръ“. Кто въ теченіе жизни въ житейской суетѣ не успѣвалъ подумать о „царствѣ Божьемъ“—тотъ часто передъ смертью всѣми угасающими своими мыслями тянулся къ завѣтамъ святыхъ мучениковъ: былъ обычай передъ кончиной постригаться, принимать схиму, чтобы на страшномъ судѣ стоять въ ряду великихъ подвижниковъ.

Житія святыхъ.

До нашихъ дней раскольники, особенно живущіе вдали отъ культурной жизни, чуждаются царства „антихриста“—т. е. царства земли, плоти, интересовъ тѣла, и живутъ тѣми идеалами аскетизма, которые, главнымъ образомъ, почерпались у насъ изъ житій.

---

[1]) Напр. Симеонъ Полоцкій, Өеофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ и др. Ср. также прекрасное стихотвореніе Хомякова „По прочтеніи псалма“ („Земля трепещетъ...“).

Вліяніе житій на русскую письменность.

Литературное вліяніе житій, прежде всего, сказалось на русской подражательной литературѣ. Многія житія русскихъ святыхъ повторяютъ чудеса святыхъ греческихъ [1]). Но, кромѣ того, житія затрогивали народное творчество фантастикой чудесъ и видѣній, подъ ихъ вліяніемъ складывались свѣтскія *повѣсти*, въ которыя входили элементы житія [2]), создавались *легенды*, гдѣ народное воображеніе творило около какого-нибудь святого такой фантастическій міръ, что церковь отметала такое произведеніе, какъ неправдоподобное и ею непровѣренное [3]). Подъ вліяніемъ житія создавались *духовные* стихи—лироэпическія поэмы о богатыряхъ слова Божьяго [4]). Житія пустили въ обиходъ народнаго творчества очень много разсказовъ, которые вошли въ народную сказку [5]), даже былину [6]). Нѣкоторые сюжеты изъ житій попали и въ изящную литературу [7]). Многіе разсказы житійной литературы сдѣлались ходячими. Такъ акад. Соболевскій указываетъ, что источникъ народнаго вѣрованья, будто съ сырой водой можно проглотить змѣйку, которая затѣмъ выростетъ въ желудкѣ,—коренится въ житіи св. Симеона, гдѣ святой изгоняетъ такую змѣю изъ одного человѣка.

Всѣ эти единичные факты, число которыхъ можетъ быть значительно увеличено, свидѣтельствуютъ о громадномъ значеніи житій и въ культурномъ, и въ поэтическомъ развитіи русскаго народа.

Минеи, Патерики, Прологи.

Житія дошли до насъ или въ отдѣльныхъ спискахъ, или въ сборникахъ общаго содержанія, или сборникахъ спеціально-житій-

---

1) Напр., въ житіи св. Ѳеодосія есть разсказъ о томъ, какъ, благодаря молитвѣ святого пустой закромъ наполнился мукой. Разсказъ о томъ, какъ св. Іоаннъ архіепископъ новгородскій поймалъ въ рукомойникѣ бѣса, перекрестилъ его, сдѣлалъ покорнымъ и на немъ леталъ въ Іерусалимъ на богослуженіе—встрѣчается въ житіи Георгія Синайскаго.

2) Напр., повѣсть о „Саввѣ Грудцынѣ“ (Истор. Хрест. I, 309).

3) Напр., легенды „Касьянъ и Никола“, „Пустынникъ и дьяволъ“, „Бѣдная вдова“ (Истор. Хрестоматія, ч. I, 136 и еще: 521).

4) Напр., въ стихахъ о Голубиной книгѣ разсказъ о борьбѣ правды съ кривдой взятъ изъ Пролога (собраніе сокращенныхъ житій), гдѣ разсказано, какъ правда, созданная Богомъ, борется съ неправдой, созданной дьяволомъ (Соболевскій). Ср. также съ соотвѣтствующими житіями стихи объ Алексѣ, человѣкѣ Божьемъ, объ Іоасафѣ (Истор. Хрест. ч. I, 134, 135).

5) Напр., сказка о Маркѣ Богатомъ (Истор. Хрест., ч. I, 100).

6) Напр., въ былинѣ о Садкѣ эпизодъ о спускѣ Садко съ корабля въ море встрѣчается въ одномъ житіи, гдѣ такъ же, среди моря, остановился корабль, и пришлось спускать въ воду женщину въ видѣ искупительной жертвы (Соболевскій).

7) Напр., ср. сказку Жуковскаго „О мудрецѣ Керимѣ“ съ житіемъ Варлаама и Іоасафа, „Ночь передъ Рождествомъ“ Гоголя—и чудо св. Іоанна архіепископа новгородскаго, летавшаго на бѣсѣ въ Іерусалимъ. У Л. Толстого и Лѣскова есть очень удачные опыты въ этомъ направленіи.

нихъ. Послѣднія носили названія: 1) *Минеи* (μηναῖα βιβλία), въ которыхъ житія располагались въ календарномъ порядкѣ [1]). 2) *Патерики*, въ которыхъ помѣщались разсказы изъ житій монаховъ. 3) *Прологи*, или Синаксари, гдѣ были собраны житія въ сокращенномъ видѣ.

Цѣль авторовъ житій.

Авторы греческихъ житій, равно какъ и составители житійныхъ сборниковъ, преслѣдовали двѣ цѣли: 1) прославить святого, 2) дать нравоученіе читателю. Оттого въ житіяхъ нѣтъ полной біографіи святого, а взяты только тѣ факты, которые были необходимы авторамъ. Такимъ образомъ, содержаніе житія сводилось къ разсказу о подвигахъ святого, о мученіяхъ его, чудесахъ его послѣ смерти. Вслѣдствіе этого историческихъ фактовъ въ житіяхъ очень мало, но зато много чудеснаго: борьба съ дьяволомъ, видѣнія, чудеса...

Теорія житійной литературы.

Обиліе житій, сочиняемыхъ съ одинаковыми цѣлями и по одинаковому литературному плану, привело византійскихъ писателей къ созданію „теоріи" сочиненія житій. Такъ, во многихъ житіяхъ оказываются „общія" мѣста: избѣгая историческихъ фактовъ, не имѣющихъ назидательности и не способствующихъ прославленію святого, составители житій замѣнили ихъ благочестивыми разсказами, повторяющимися во многихъ житіяхъ: напр., святой ребенкомъ избѣгаетъ игръ со сверстниками, хорошо учится, любитъ чтеніе священныхъ книгъ и т. д. Къ „общимъ" стилистическимъ пріемамъ надо отнести: 1) пристрастіе къ „сравненіямъ" святого съ извѣстными дѣятелями Библіи и легендъ. 2) Вымышленные назидательные разговоры и благочестивыя размышленія дѣйствующихъ лицъ (иногда цѣлыя молитвы). 3) Оговорки и замѣчанія автора.

Изъ житій нѣкоторыя очень интересны своимъ содержаніемъ, порою даже напоминаютъ романъ.

Житіе св. Іустины и Кипріана.

Таково, напримѣръ, житіе св. Іустины и Кипріана. Содержаніе вкратцѣ слѣдующее: Одинъ богатый юноша-язычникъ Аглаидасъ влюбился въ христіанку Іустину; она отвергаетъ его, и онъ обращается къ волшебнику Кипріану. Тотъ даетъ юношѣ въ помощь дьявола, но Іустина осталась непобѣжденной. Самъ Кипріанъ послѣ этого увѣровалъ во Христа [2]). Житіе это, очевидно, отразило на себѣ вліяніе апокрифическаго евангелія «Дѣянія ап. Павла и Θеклы» [3]).

---

[1]) Минеи-Четьи—Минеи для чтенія.
[2]) См. подробнѣе содержаніе въ Истор. Хрестоматіи ч. I, 151.
[3]) Тамъ же. 156.

Житіе Андрея Юродиваго.

Изъ житій охотно читалось также „Житіе Андрея Юродиваго“ [1]). „Юродивыми“ въ Византіи были люди иногда полупомѣшанные, иногда вполнѣ сознательно возлагавшіе на себя „юродство“ „Христа ради“. Чтобы бороться съ суетой міра, люди уходили въ пустыни и монастыри, и дѣлались монахами и отшельниками; въ этихъ же цѣляхъ борьбы съ „міромъ“, „юродствующіе“ оставались въ „міру“ и боролись при помощи полнаго пренебреженія ко всему мірскому: они не имѣли постояннаго жилища, имущества, часто платья, пренебрегали всѣми приличіями, питались отбросами, голодали, холодали, часто подвергались насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. Это было тоже, своего рода, „убиваніе плоти“ [2]).

Св. Андрей былъ рабъ, славянинъ родомъ. Хозяинъ его далъ ему хорошее образованіе и отдалъ его на службу. Но Андрей пристрастился къ чтенію св. книгъ, особенно житій. Однажды онъ увидалъ, какъ во снѣ, по просьбѣ какихъ-то свѣтлыхъ мужей въ бѣлыхъ ризахъ, онъ побѣдилъ эѳіопа-великана. За эту побѣду онъ получилъ три вѣнца. Другой разъ онъ видѣлъ себя въ чертогахъ царя, который давалъ ему горькую ѣду и помогъ ему побѣдить отвращеніе къ этой горечи. Оба сна укрѣпили вѣру Андрея; онъ убѣдился, что побѣдитъ свою плоть, и горечь его подвига будетъ смягчена помощью Бога. Онъ возложилъ на себя «юродство». Никакія наказанія и леченія не помогли—и онъ былъ предоставленъ себѣ: спалъ съ собаками, ѣлъ отбросы, пилъ изъ грязныхъ лужъ, мерзъ зимою. Онъ получилъ даръ видѣть бѣсовъ: такъ однажды на скупомъ онъ увидѣлъ маленькаго бѣса; на похоронахъ умершаго богача онъ увидѣлъ веселящихся бѣсовъ и плачущаго ангела; у монаха, утаившаго деньги, онъ увидѣлъ сатану въ видѣ змѣи на шеѣ. Андрей много разсказывалъ священнику Епифанію о томъ, что зналъ самъ: онъ бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что такое душа, говорилъ объ ангелахъ, о небесахъ, о громѣ и молніи, объ адѣ и раѣ и пр. Каковы эти разсказы, видно изъ объясненія, что такое громъ и молнія: громъ происходитъ не отъ грохота колесницы Ильи—не Илія пускаетъ молніи (онъ имѣетъ власть только надъ дождемъ), но ангелы. Демонъ входитъ въ змѣя и летаетъ въ видѣ тучи, а ангелъ мечетъ въ змѣя молнію. Въ житіи св. Андрея особенно интересно описаніе рая. Во время сна онъ былъ восхищенъ на небо и, одѣтый въ чудныя ризы, ходилъ въ райскомъ саду, изумляясь его красотѣ. Поднятый ангелами на третье небо, онъ видѣлъ Бога.

Чудо о прельщенномъ отроцѣ.

Очень распространенъ былъ разсказъ изъ „житія св. Василія Кесарійскаго“ „Чудо о прельщенномъ отроцѣ“ [3]). Содержаніе этого разсказа слѣдующее:

---

[1]) См. извлеченія изъ житія въ Истор. Хрестоматіи. I, 144. Особенно популярно сдѣлалось это житіе позднѣе.

[2]) Юродивый выведенъ гр. Толстымъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, Истор. Хрестом., ч. III, 273), Пушкинымъ въ „Борисѣ Годуновѣ“. Обоими писателями юродивые представлены, какъ прозорливцы. Ср. еще въ соч. Печерскаго IV, 413 и IX, 103.

[3]) Истор. Хрестом., I, 148.

Одинъ рабъ полюбилъ дочь своего хозяина. Чтобы добиться ея любви, нъ, при помощи чародѣя, продалъ душу дьяволу. Дѣвушка полюбила аба и, несмотря на просьбы родителей, вышла за него замужъ. Впоѣдствіи она узнала, какою цѣною добыта ея любовь, и обратилась за омощью къ св. Василію. Послѣ усиленной молитвы святого и его паствы рѣшникъ былъ прощенъ, и съ неба упала та бумага, на которой онъ одписалъ бѣсу свое отреченіе отъ Бога.

Съ большимъ интересомъ читалось у насъ „Житіе св. Алексія, еловѣка Божьяго“. Просто и трогательно разсказана здѣсь ся его многотрудная жизнь, полная трудовъ и добровольныхъ ишеній. Житіе св. Алексія.

Онъ былъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей; его женили противъ оли, но онъ оставилъ свою молодую жену послѣ совершенія церковныхъ брядовъ и ушелъ изъ дому. Нищимъ вернулся онъ домой и, неузнанный, килъ до своей смерти у родителей. Дьяволъ испытывалъ его разными ишеніями, оскорбленіями, но онъ оставался твердъ. Только изъ его заѣщанія узнали родители, кто таковъ былъ бѣднякъ, ими пригрѣтый.

Популярность этого житія выразилась, между прочимъ, въ омъ, что на русской почвѣ сложились и духовные стихи: „Объ лексѣѣ, человѣкѣ Божьемъ“ [1]) и въ XVII в. сочинена была рама: „Алексѣй, человѣкъ Божій“.

„Житіе Нифонта“ интересовало своей фантастичностью: пеѣдъ нами рядъ видѣній самыхъ причудливыхъ. Житіе Нифонта.

Нифонтъ читалъ много св. книгъ, потомъ онъ погрузился въ бездну рѣха, но затѣмъ раскаялся и за это получилъ даръ видѣть бѣсовъ и нгеловъ. Дьяволъ неоднократно искушалъ его: то бросался на него въ идѣ ворона, то въ видѣ темнаго пса. Однажды онъ увидѣлъ плачущаго нгела и, вступивъ съ нимъ въ бесѣду, узналъ, что это—ангелъ-хранисль грѣшника, сдѣлавшагося рабомъ бѣсовъ. Этотъ грѣшникъ шелъ, кружённый многочисленными бѣсами; одни, какъ мухи, лѣпились у него а лицѣ, другіе, какъ комары, жужжали около его ушей, третьи тащили го въ разныя стороны.

Однажды видѣлъ онъ, какъ, во время ѣды одного бѣдняка, около его стояли ангелы, которые, по приказанію Бога, стоятъ всегда за стоомъ тѣхъ людей, которые не ведутъ во время ѣды злыхъ рѣчей. Такія ѣчи, особенно хула пищи, отгоняютъ ангеловъ, какъ дымъ пчелъ.

„Житіе Василія Новаго“ очень интересовало нашихъ предовъ своимъ содержаніемъ, которое охватывало цѣлый рядъ вопровъ очень важныхъ: какъ при смерти душа покидаетъ тѣло, акъ она странствуетъ по мытарствамъ, какъ будетъ происходить рашный судъ и проч. Житіе св. Василія Новаго.

Ѳеодора, кормилица Василія, является ему во снѣ и разсказываетъ,

[1]) Историч. Хрестомат., I, 134.

какъ въ моментъ своей смерти видѣла она эѳіоповъ около себя, какъ явились на ея защиту свѣтлые юноши. Эѳіопы, съ хартіями въ рукахъ, доказывали свои права на ея душу. Явилась смерть въ образѣ человѣка безъ тѣла, изъ однѣхъ костей, вооруженная мечемъ, стрѣлами, косами, серпами. Она отсѣкла у Ѳеодоры сначала ноги, потомъ руки и т. д. Потомъ она дала выпить чего-то горькаго, и душа выскочила изъ тѣла. Ангелы повели душу черезъ 21 мытарство; на каждомъ мытарствѣ демоны пытались забрать ее себѣ, но ангелы защищали ее, высчитывая добрыя дѣла. Потомъ душа водворяется въ райской обители. Во второй половинѣ житія св. Василій помогаетъ одному невѣрующему убѣдиться въ истинѣ загробной жизни: этотъ невѣрующій во снѣ увидѣлъ себя въ раю, потомъ видѣлъ страшный судъ. Описанія загробныхъ наказаній грѣшниковъ и блаженства праведниковъ заключаютъ житіе.

Житіе это оказало громадное вліяніе на народное творчество и въ народной поэзіи [1]), и въ иконописи (изображеніе смерти) и въ лубочныхъ картинахъ (страшный судъ, мученія грѣшниковъ) находимъ мы ясные слѣды его воздѣйствія.

Житіе Варлаама и Іоасафа.

„Житіе Варлаама и Іоасафа" совершенно подстать житію св. Алексѣя. Передъ нами раскрывается частная жизнь индійскаго царевича, который ушелъ отъ суеты міра въ пустыню [2]). Въ основу этого житія положено житіе Будды; переработка его въ христіанское житіе въ нѣкоторыхъ спискахъ связывается съ именемъ Іоанна Дамаскина.

Индійскому царю Авениру не нравилось, что у него въ царствѣ есть христіане,—онъ ихъ преслѣдовалъ. Когда у него родился сынъ, онъ получилъ отъ одного предсказателя предупрежденіе, что царевичъ будетъ христіаниномъ. Чтобы обезопасить сына отъ вліянія христіанъ, царь поселилъ его въ богатомъ дворцѣ, куда былъ закрытъ доступъ постороннимъ лицамъ, окружилъ его земными радостями, запретилъ говорить ему о болѣзни и смерти; но царевичъ увидалъ дряхлаго старика, узналъ, что есть на землѣ горе и смерть, познакомился съ проповѣдью христіанина Варлаама и самъ сдѣлался христіаниномъ, отказавшись отъ всѣхъ благъ жизни.

Подобно житію св. Алексѣя, житіе Іоасафа умиляло своей трогательной простотой, своимъ высокимъ настроеніемъ. И на это житіе народъ охотно отозвался очень красивыми духовными стихами „Плачъ Іоасафа" [3]).

Особое мѣсто среди житій занимаютъ повѣствующія о „мученіяхъ" святыхъ. Очень популярно житіе св. муч. Георгія. Народное воображеніе было поражено картиной этихъ изысканныхъ мученій и отозвалось сочиненіемъ духовныхъ стиховъ „Объ Егоріи Храбромъ" [4]).

---

[1]) Ср. сказку объ Аникѣ воинѣ и смерти.
[2]) Пересказъ въ Истор. Хрестом., I, 178.
[3]) Истор. Хрестом., I, 135.
[4]) Тамъ же, 127.

„Патериками“ (πατήρ—отецъ) называютъ собраніе разсказовъ объ отдѣльныхъ случаяхъ чаще изъ жизни монаховъ одного какого-нибудь монастыря, или вообще изъ жизни благочестивыхъ людей. Патерики охотно читались религіозными людьми, а также читались въ монастыряхъ во время трапезы. Самымъ древнимъ (IV—V вв.) патерикомъ считается тотъ, который повѣствуетъ объ египетскихъ подвижникахъ; онъ носитъ особое названіе „Лавсаикъ“, по имени города Лавса. Затѣмъ извѣстенъ былъ Синайскій патерикъ (иначе—Лимонисъ, Лимонарь, „Лугъ Духовный“—λειμών—лугъ). Есть еще „Патерикъ Римскій“. Патерики.

Изъ приведенныхъ выше пересказовъ этихъ нѣсколькихъ житій видно, сколько въ нихъ разрѣшалось вопросовъ, важныхъ для нашихъ предковъ: житія рисовали передъ ними идеалы святой жизни, учили, какъ устроить свое существованіе, чего бояться, къ чему стремиться; въ живыхъ, картинныхъ описаніяхъ давали они понятія того, каковъ рай и адъ, что такое страшный судъ и загробныя муки. Такимъ образомъ, житія вполнѣ удовлетворяли потребности къ чудесному, необычному, выходившему изъ предѣловъ естественнаго. Наконецъ, читатель могъ въ нихъ узнать просто немало любопытнаго и назидательнаго о подвигахъ отшельниковъ, хитростяхъ и продѣлкахъ бѣсовъ, искушающихъ св. отцовъ, о чудесныхъ явленіяхъ и знаменіяхъ...

§ 11. *Проповѣди и поученія* отцовъ церкви были тоже очень популярны въ древней Руси. Особенно распространены были творенія Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василія Великаго, менѣе Григорія Богослова. Въ своихъ произведеніяхъ эти великіе писатели полно выразили не только свои религіозныя убѣжденія и философскія міровозрѣнія на жизнь человѣческую, но и свои возвышенныя поэтическія настроенія. Особенно любимъ былъ Іоаннъ Златоустъ. Его творенія всегда богаты мыслью и отличаются необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Ясность и простота языка, умѣніе великія мысли и чувства выражать въ доступной формѣ—вотъ, особенности внѣшней стороны его твореній. Онъ былъ проповѣдникомъ дѣятельной любви къ ближнимъ. „Любовью дышали его поступки, любовью дышало и каждое его слово, любовью было сильно его слово... Какъ часто онъ проповѣдывалъ о любви къ врагамъ, о снисхожденіи и любви къ согрѣшающимъ, о любви къ бѣднымъ! Онъ былъ другъ грѣшниковъ“... Онъ, кромѣ того, былъ и другомъ бѣдныхъ. Однажды онъ сказалъ великія слова: Проповѣди и поученія. Іоаннъ Златоустъ.

„Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ“ [1]). Въ его твореніяхъ нѣтъ аскетизма: онъ любитъ жизнь, жизнерадостно смотритъ на жизнь, на людей и природу. Самое отшельничество ему представляется исполненнымъ прелести и красоты.

«Святые, облеченные во власяницы,—говоритъ онъ,—живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды... Постелью имъ служитъ просто трава; небо служитъ имъ вмѣсто крова, а луна вмѣсто свѣтильника—и для нихъ-то однихъ недаромъ свѣтитъ луна. (Далѣе онъ говоритъ о спокойствіи ихъ духа, о важности ихъ мысли, неоскверненной суетными помыслами. Древне-русское представленіе «пустыни» «прекрасною матерью» (ср. стихи объ Іоасафѣ) создалось, главнымъ образомъ, благодаря Златоусту).

Во взглядѣ на борьбу со зломъ онъ стоялъ на той же точкѣ зрѣнія, которая принята Достоевскимъ въ его романѣ „Преступленіе и Наказаніе“: главное средство противъ зла—кротость и убѣжденіе словомъ [2]). Такимъ образомъ, онъ требовалъ мирной борьбы со зломъ: „преступно молчать и не обращать вниманія, когда оскорбляются законы Божескіе и человѣческіе“, говоритъ онъ. Онъ смѣло подымалъ въ своихъ твореніяхъ вопросы очень трудные—напр. о притѣсненіи сильными слабыхъ, объ отношеніи власти духовной и свѣтской и т. д.

Въ древней Руси было извѣстно болѣе двухъ сотъ его сочиненій, цѣликомъ и въ отрывкахъ; они ходили по рукамъ отдѣльно, или въ сборникахъ, которые носили особыя названія: „Златоструй“, „Андріантисъ“, „Маргаритъ“ (жемчужины), „Златая цѣпь“, „Златоустъ“, „Измарагдъ“. Изъ этихъ сборниковъ древнѣйшій „Златоструй“, переведенный съ греческаго еще въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ. Онъ состоитъ изъ 137 словъ, исключительно нравственнаго содержанія.

Ефремъ Сиринъ.

Другія настроенія встрѣчаемъ мы въ твореніяхъ Ефрема Сирина и Григорія Богослова. Первый—поэтъ-пессимистъ, второй—философъ-пессимистъ; ихъ взглядъ на жизнь мраченъ,—они увидѣли здѣсь на землѣ одни страданія; земля казалась имъ сплошной борьбой со зломъ,—борьбой, въ которой слабый человѣкъ часто оказывается побѣжденнымъ. Счастіе и покой человѣка не здѣсь, а за гробомъ. Вотъ почему оба проповѣдывали аскетизмъ.

Ефремъ Сиринъ былъ замѣчательнымъ ученымъ богословомъ и знаменитымъ поэтомъ. Чудная великопостная молитва—его

---

[1]) Русскій народъ оцѣнилъ это въ духовныхъ стихахъ: „О вознесеніи“, гдѣ Златоустъ представленъ защитникомъ бѣдныхъ.

[2]) Слово на память мученика Вавилы.

нение [1]). Большая часть его творенiй, даже догматическихъ, писана стихами. Эти стихи необработаны, но полны глубокаго ства. „Преп. Ефремъ—по преимуществу учитель духовнаго сокрушенiя, предметы его стихотворенiй—стремленiе къ внутреннему самосовершенствованiю, сокрушенiе о духовной немощи человѣка“ (Архангельскiй). Онъ указывалъ на неизбѣжность смерти, то, что всѣ земныя стремленiя оканчиваются смертью, за которой ждетъ человѣка судъ и муки, или награда.

«Проходитъ день,—говоритъ онъ,—по слѣдамъ его идетъ другой, и да не гадаешь, смерть стоитъ уже въ головахъ у тебя... Гдѣ мужицы, которые написали книги и писанiями своими наполнили мiръ?.. тѣ, которые гордились дорогими одеждами, покоились на пурпуръ ложахъ? Гдѣ тѣ, которые украшались жемчужинами?.. Скажи лѣ, и она укажетъ тебѣ—гдѣ они... Вотъ, всѣ они вмѣстѣ лежатъ землѣ, всѣ стали прахомъ—и не различишь, гдѣ прахъ богатаго и прахъ бѣднаго!»

Широкой кистью нарисована мрачная картина повальнаго мора:

«Мало земли для могилъ,—вся она изрыта, вся ископана... Великiй здникъ при гробахъ! Тамъ и живые, и мертвые: мертвые погребены землѣ,—живые плачутъ при гробахъ... Обезлюдѣли и запустѣли дома, могилы—полны, даже черезъ край! У всякаго гроба отверста пасть, домовъ у всѣхъ—двери наглухо заперты! Не стало смѣха на землѣ, езла радость, царствуетъ плачъ, воздыханiе сѣтованья, скорбь... Бонно вопiетъ сама земля» [2]) и т. д.

Поученiя Ефрема Сирина въ древней Руси были очень распространены. Сборникъ ихъ назывался: „Паренесисъ“. Особенное янiе на русскую письменность имѣло его „Слово о злыхъ жехъ“.

«Злая женщина», по его мнѣнiю, «страшнѣе льва и лютѣе змѣи»; ѣтъ звѣря, подобнаго женѣ лукавой и нескромной на языкъ». «О, какое зло», восклицаетъ онъ,—«самое острое оружiе дьявольское!..», «Всяо зла злѣйшее—злолукавая жена!» и пр.

Творенiя Григорiя Богослова были менѣе любимы нашими дками,—для нихъ этотъ писатель былъ не всегда понятенъ ѣдствiе отвлеченности его философскаго мышленiя. Въ его соненiяхъ много историческихъ и даже миѳологическихъ упоминiй. Даже сами греки, для его уразумѣнiя, нуждались въ комтарiяхъ. Нѣкоторыя идеи этого философа-богослова напомиютъ собою съ одной стороны пессимиста-Гераклита,—съ дру- Творенiя Григорiя Богослова.

[1]) Пушкинъ переложилъ ее въ своемъ стихотворенiи: „Отцы-пустынники...“.
[2]) Ср. Пушкина „Пиръ во время чумы“.

гой стороны — Шопенгауера. Таковы, напримѣръ, его размышл нія о „природѣ человѣческой", о „суетѣ жизни":

«Кто я былъ? Кто я теперь? И чѣмъ я буду по прошествіи недолг времени? Куда приведешь и гдѣ поставишь, безсмертный, великую тва ежели есть великое между тварями?.. А, по моему мнѣнію, мы—ничего значащія однодневныя твари (Онъ говоритъ, что всякій звѣрь, появля щійся на свѣтъ Божій, сильнѣе безпомощнаго ребенка). «Если вѣрно ус вишь вѣсы и взвѣсишь, что въ жизни есть пріятнаго и что прискор наго, то одна чаша, до верха нагруженная зломъ, пойдетъ къ землѣ, другая, напротивъ, съ благами жизни, побѣжитъ вверхъ»...

«Кто я былъ? Кто я теперь? и чѣмъ буду? Ни я не знаю сего, тотъ, кто обильнѣе меня мудростью. Я *существую*... Скажи, что значитъ?.. Иная часть меня самого уже прошла, иная—я теперь, а ины буду, если буду...» и т. д.

Интересны его бесѣды со своей душой, нашедшія отраже въ русскихъ духовныхъ стихахъ: „Разговоръ души съ тѣломъ

«Душа моя! Кто ты, откуда и что ты такое? Кто сдѣлалъ те трупоносицею? Кто твердыми узами привязалъ къ жизни? Кто застав непрестанно тяготѣть къ землѣ? Какъ, ты — духъ, смѣсилась съ де лостью? Ты — умъ, сопряглась съ плотію?..» и т. д.

Творенія других отцовъ церкви.

Изъ другихъ твореній св. отцовъ церкви надо отмѣти „Слово о правой вѣрѣ" Іоанна Дамаскина, сочиненіе богосло ское, съ примѣсью свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ. „Лѣс вица" Іоанна Лѣствичника, „Пандекты Никона Черноризца „Пандекты Антіоха"—сочиненія нравоучительныя.

Съ интересомъ читались у насъ сочиненія, въ котор удовлетворялось любопытство нашихъ предковъ относительно м гихъ вопросовъ, прямыхъ отвѣтовъ на которые церковь не дава Такъ въ „Отвѣтахъ Аѳанасія Александрійскаго" разрѣшают вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: „Какъ при воскресеньи мертвы узнаетъ душа тѣло свое и не войдетъ въ чужое?", „Поче одни умираютъ младенцами, а другіе стариками?", „Поче добрые бываютъ бездѣтны и убоги, а нечестивые имѣютъ дѣт и богато живутъ?", „Почему дьяволъ иногда знаетъ и пре сказываетъ будущее?" и пр.

„Сказаніе Меѳодія Патарскаго".

Интересовали нашихъ предковъ и всѣ сочиненія объ ант христѣ, о второмъ пришествіи, о загробной жизни. Особенно за мало ихъ „Сказаніе Меѳодія Патарскаго"—о послѣднихъ дня человѣческаго рода [1]).

---

[1]) Это сказаніе сдѣлалось у насъ особенно популярнымъ позднѣе, въ X XVII вв., когда въ русскомъ обществѣ возникли интересы къ вопросу о концѣ мір

Сначала измаильтяне (потомки Измаила) выйдутъ изъ Египта и за-
ѣютъ міромъ, но будутъ побѣждены греческимъ императоромъ. По-
› явятся нечистые народы—Гогъ и Магога, когда-то заключенные
сандромъ Македонскимъ въ кавказскихъ горахъ [1]). Они овладѣютъ
мъ и зальютъ его кровью. Богъ пошлетъ на нихъ архистратига, ко-
й всѣхъ ихъ побьетъ. Тогда народится антихристъ и завладѣетъ
мъ. Послѣ него настанетъ страшный судъ.

„Шестодневъ“ Іоанна, экзарха болгарскаго.

Къ сочиненіямъ поучительнымъ надо отнести и „Шесто-
зъ Іоанна, экзарха болгарскаго“. Это сочиненіе компилятивное;
основу его положенъ „Шестодневъ св. Василія Великаго“ и
гія подобныя сочиненія. Содержаніе всѣхъ подобныхъ сочи-
й—толкованіе разсказа Библіи о шести дняхъ творенія и от-
ніе всѣхъ другихъ теорій мірозданія. Оттого св. Василій, а
имъ и Іоаннъ, постоянно отвергаютъ мнѣнія греческихъ фило-
въ. Попутно въ „Шестодневѣ“ сообщаются самыя различныя
ѣнія. Такъ, напримѣръ, говоря объ устройствѣ „неба“,
ователь объясняетъ происхожденіе дождя и снѣга; говоря о
еніяхъ, онъ объясняетъ ихъ развитіе изъ зерна; говоря о
отныхъ, онъ объясняетъ систему дыханія (устройство легкихъ
абръ). Пресмыкающихся дѣлитъ онъ по видамъ (черепокож-
, мягкочерепныя, слизняки, и т. д.). Въ „Шестодневѣ“ много
ъ, проникнутыхъ паѳосомъ [2]): величіе мірозданія переполняетъ
це автора благоговѣніемъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ это
неніе было для нашихъ предковъ единственнымъ источникомъ,
да почерпались ими свѣдѣнія по естествознанію.

„Физіологъ“.

Свѣдѣнія изъ естественной исторіи, болѣе анекдотическаго свойства,
щены въ „*Физіологѣ*“, состоящемъ изъ 49 главъ; здѣсь сообщаются
я фантастическія свѣдѣнія о звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ, о камняхъ,
свойствахъ, о растеніяхъ. Эти свѣдѣнія часто приводятся, какъ
іалъ для правоучительныхъ выводовъ и сопоставленій.
Такъ, напримѣръ, о львѣ сказано, что, завидѣвъ ловцовъ, онъ заме-
хвостомъ свой слѣдъ; слѣдуетъ неожиданное указаніе, что такъ и
тель скрылъ свое Божество: сдѣлавшись съ ангелами, какъ ангелъ,
хангелами, какъ архангелъ, съ людьми, какъ человѣкъ... Когда левъ

---

[1]) См. романъ объ Александрѣ въ Истор. Хрестом., I, 165.
[2]) Привожу мѣста изъ „Шестоднева“ Василія Великаго, которыя отразились на по-
Владиміра Мономаха: „Вотъ передъ тобою небо украшенное, облеченная въ
тво земля, море, изобилующее свойственными ему порожденіями, воздухъ, напол-
й летающими птицами! Все... приведенное Божіимъ повелѣніемъ изъ небытія
гіе... и потому во всемъ, изучивъ премудрость Божію, не переставай никогда
иться и во всякой твари славить Творца!..“. О разнообразіи человѣческихъ лицъ:
и весь міръ совокупить,—не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ образомъ
по Божьеи мудрости“; о птицахъ: „однѣ изъ птицъ говорливы и болтливы, а
молчаливы; однѣ пріятно поютъ и на разные голоса; другія совсѣмъ не имѣютъ
альности въ голосѣ и не умѣютъ пѣть“.

спитъ, то очи его отверсты,—такъ Господь плотію скончался, а Бож
ство его бодрствовало. Объ орлѣ разсказано, какъ онъ слѣпнетъ о
старости и лечитъ себя троекратнымъ погруженіемъ въ чистую воду—сл
дуетъ наставленіе людямъ очищаться отъ грѣховъ. О фениксѣ разсказа
какъ онъ сжигаетъ себя, и изъ его пепла нарождается новый; о мурав
сказано, что онъ во время жатвы влѣзаетъ на стебель житный и в
хаетъ, чтобы узнать, пшеница это, или ячмень,—если пшеница, то е
пользуется зерномъ; объ ежѣ разсказано, какъ онъ добываетъ виногра
наколовъ ягоды на свои иглы, несетъ дѣтямъ и пр.

Церковная поэзія.

§ 12. *Церковная поэзія* нашла себѣ выраженіе, главны образомъ, въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ (въ честь святого, и въ честь праздниковъ); пѣсни эти носятъ различныя назван тропарь, икосъ, кондакъ, ирмосъ, стихира [1]). Собраніе пѣснопѣн въ честь святого называется его „канономъ“. Многіе изъ ни извѣстны были древней Руси въ большомъ числѣ и производи большое впечатлѣніе; они пѣлись въ церквахъ наканунѣ пра дника, а благочестивыми людьми читались и на дому.

Іоаннъ Дамаскинъ и Андрей Критскій.

Іоаннъ Дамаскинъ и Андрей Критскій—наиболѣе извѣстн творцы такихъ „каноновъ“ [2]). По существу своему, „канон есть лироэпическое изложеніе воспѣваемаго событія. Изложе это составлялось изъ текстовъ Св. Писанія, воодушевлялось чу ствомъ поэта и украшалось различными поэтическими пріема Преимущественный тонъ этихъ пѣсенъ торжественный. Нѣкотор каноны отличались даже драматизмомъ, иногда вводился въ ни діалогъ и даже хоръ. Въ канонахъ иногда подробно раскрывал психологія дѣйствующихъ около Христа лицъ; имъ подсказывал соотвѣтствующее настроеніе тамъ, гдѣ въ Евангеліи мы встр чаемъ лишь изложеніе фактовъ. Рѣчь идетъ то отъ имени пѣ цовъ прямо къ Богу, то отъ вѣрующихъ, то встрѣчаемъ мы д логъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, то бесѣду Бога со святыми, обращеніе Бога къ людямъ... Несомнѣнное вліяніе псалмовъ Д вида, а также, пожалуй, и хоровъ греческой трагедіи, созда форму канона, а искреннее религіозное вдохновеніе освѣтило з заимствованные формы и образы живымъ огнемъ искренней поэз

Канонъ на „Срѣтенье“.

Въ «Канонѣ на Срѣтенье» мы встрѣчаемъ воззваніе ко всей приро
«Веселитесь небеса, распростертыя премудро, радуйся и земля! нар
израильскій, воспѣвай нынѣ предъ лицемъ божественнаго ковчега!
творенія Господни, благословите Господа и превозносите во всѣ вѣки!»

---

[1]) Книги, въ которыхъ содержатся эти пѣсни, называются: „Кондакарь“, „Ир лой“ „Стихирарь“, „Октоихъ“ и пр.

[2]) См. поэму гр. А. Толстого „Іоаннъ Дамаскинъ“. Истор. Хрест., III, 612.

Въ «Канонѣ на Успеніе» рисуется такая картина: „Канонъ на Успенье".

«Луки сильныхъ ослабѣли, немощные облеклись силою, посему въ …сподѣ утвердилось сердце мое. Предъ тобою преклонились времена. …мвалами чистыхъ устъ, стройною свирѣлью сердца, благозвучною трубою …вышеннаго ума будемъ взывать! Отверзу уста мои, и они наполнятся …ка и изреку слово Царицѣ Матери, явлюсь свѣтлоторжествующимъ и … радости буду воспѣвать ея Успеніе. Юныя дѣвы, воспойте нынѣ съ …рочицею Маріамью пѣснь надгробную!»

Этотъ ликующій, приподнятый тонъ смѣняется въ Великомъ …нонѣ (на Страстную недѣлю) совсѣмъ инымъ настроеніемъ,— …ъ шумныхъ восторговъ поэтъ уходитъ въ скорбную свою душу … полный раскаянья, возноситъ Господу свои смиренныя мольбы: „Великій канонъ".

«По мыслямъ моимъ я—тотъ человѣкъ, который попался разбойни…ъ. Теперь я весь израненъ ими, покрытъ язвами; но Ты Самъ, Христе …ситель, приди и исцѣли меня! Исказилъ я красоту ума, помрачилъ …сóту души. Буря золъ окружаетъ меня, Милосердный Господи; но, …ъ Петру, и мнѣ простри руку... Украсилъ я кумиръ плоти разноцвѣт…мъ одѣяніемъ гнусныхъ помысловъ... Ты—Пастырь добрый, отыщи …я—агнца... Убѣли, какъ снѣгъ, одежду плоти моей!»

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ близко по духу …дошли эти „каноны" къ псалмамъ Давида.

Каноны, несомнѣнно, нравились нашимъ предкамъ. Это видно, …тя бы, изъ того, что рано появились у насъ и попытки сочи…ть подобныя же произведенія. Въ „посланіи" Поликарпа упо…нается Григорій-монахъ, какъ творецъ каноновъ; отъ Кирилла …ровскаго остался канонъ св. Владиміру; къ до-монгольскому …ріоду относится также сочиненіе канона св. Ѳеодосію.

§ 13. *Сборники для чтенія.* У византійскихъ грековъ были въ …льшомъ ходу сборники, или хрестоматіи, составленныя изъ раз…хъ сочиненій, взятыхъ цѣликомъ, или частями. Нѣкоторые такі…орники обнаруживаютъ въ составителѣ ясное сознаніе, для чего … для кого они должны служить,—для мірянъ, или духовныхъ, для …нія на дому, или въ монастырѣ. Такіе сборники, съ опредѣ…ной цѣлью, носили особыя названія; другіе, назывались просто …борниками". И тѣ, и другіе переводились у славянъ и пе…ходили къ намъ, при чемъ нерѣдко составъ ихъ свободно …ѣнялся,—отбрасывались одни сочиненія, вносились другія. Сборники для чтенія.

Такъ называемый „Святославовъ Изборникъ" (1073 г.) и …ъ славянскій переводъ одного такого греческаго сборника (спи…ъ оригинала найденъ), сдѣланный для Симеона Болгарскаго … IX—X вв. Нашъ списокъ—копія, сдѣланная съ этого перевода … Кіевѣ при Святославѣ Ярославичѣ. Содержаніе Сборника очень „Святославовъ Изборникъ" 1073 г.

пестро. Здѣсь и творенія св. отцовъ церкви догматическаго содерж (св. Василія Вел. о св. Духѣ, св. Кирилла Александрійскаго о Трои здѣсь помѣщены и „отвѣты“ Анастасія Синаита на „вопрос въ родѣ слѣдующихъ: „Если кто имѣетъ жену и дѣтей и дол пещись о мірскомъ, какъ ему спастись?“, „Кто старъ и немо и не можетъ быть монахомъ, какъ ему спастись?“ и пр.

Между другими статьями любопытно разсужденіе о рит ческихъ фигурахъ—„объ образѣхъ“ Георгія Хуровскаго [1]), о к няхъ драгоцѣнныхъ и объ ихъ свойствахъ [2]); о добрыхъ и зл дняхъ, о 12 знакахъ зодіака (соч. Іоанна Дамаскина), о т что въ какой день можно ѣсть и чего ѣсть нельзя и пр. кимъ образомъ, передъ нами нѣчто въ родѣ энциклопедіи не тол церковнаго, но и свѣтскаго содержанія (философскаго, ретори скаго и описательнаго).

„Святославовъ Изборникъ“ 1076 г.

Другой сборникъ, тоже носящій названіе „Святославова“ помѣченный не 1073-мъ, а 1076-мъ годомъ, былъ доступ пониманію своимъ нравственно-религіознымъ, болѣе практическ содержаніемъ, чѣмъ сборникъ 1076 года [3]). Для русской п менности особое значеніе въ этомъ сборникѣ имѣетъ „Поуч Ксенофонта“, несомнѣнно, отразившееся на „Поученіи Влади Мономаха“: тотъ же планъ, тѣ же мысли въ обоихъ произве ніяхъ. Любопытно также разсужденіе: „О чтеніи книгъ“; зд совѣты, какъ читать книги, указаніе, какъ велико ихъ значе „узда управляетъ конемъ—а праведникомъ книги“, „не мож быть построенъ корабль безъ гвоздей, такъ не можетъ сущес вать праведникъ безъ чтенія книгъ“ и пр.

Другіе сборники.

Къ этому же типу „сборниковъ для чтенія“ относятся: „З тоструй“, „Торжественникъ“, „Златая Цѣпь“. Послѣдніе отличаются отъ „Златоструя“ тѣмъ, что, кромѣ твореній Іоа Златоуста, заключаютъ въ себѣ творенія (цѣликомъ и въ отр кахъ) другихъ отцовъ церкви. Ихъ происхожденіе неясно,— жетъ быть, они составлены были и въ Россіи [4]).

„Пчела“.

Въ древне-русской литературѣ былъ еще извѣстенъ сборни носящій имя „Пчелы“ [5]) (греч. Μέλισσα). Это—сборникъ и

---

1) См. Истор. Хрестоматію, I, 142. „Инословіе“ (аллегорія), „прѣводъ“ (метаф

2) См. тамъ же, стр. 146 о „гіацинтѣ“.

3) Въ Истор. Хрестом. приведены изъ этого сборника двѣ статьи: „О чтеніи кн и „Поученія дѣтямъ Ксенофонта“.

4) Позднѣе послѣ XIII в. у насъ были еще подобные сборники: „Златоу „Измарагдъ“.

5) Составитель его, какъ „пчела, со всѣхъ цвѣтовъ собирающая медъ“, изъ ныхъ твореній выбиралъ лучшія мысли.

…ій, сентенцій, притчъ, почерпнутыхъ изъ Св. Писанія, Пате…ка, изъ твореній отцовъ церкви,—и языческихъ писателей: …утарха, Сократа, Ксенофонта, Аристотеля, Еврипида, Демос…а, Геродота и др.

Въ заключеніе этого очерка, можно привести слѣдующія …ва проф. Архангельскаго:

Проф. Архангельскій о характерѣ переводной литературы.

«Совершенно ошибочно думать, что пришедшая къ намъ съ христіан…омъ «церковная» письменность была исключительно аскетической, мо…стырской: въ ней не мало было содержанія и общехристіанскаго, обще…овѣческаго. При господствующемъ направленіи, духовно-религіозномъ,— … въ то же время являлась для начальной Руси могучимъ факторомъ …щекультурнымъ, давала средства къ общему культурному развитію …аны, къ общему умственному и нравственному развитію народа. Нѣтъ …жды говорить, какъ много этого общекультурнаго содержанія пред…вляли, напримѣръ, такія произведенія византійской литературы, какъ …ренія Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, такія про…еденія, какъ *Стословъ* патріарха Геннадія († 471), *Пандекты* …тіоха († 635) и др. под. Принесенная византійская литература нерѣдко …ала читателямъ и свѣдѣнія чисто-научныя. Разумѣемъ такія сочи…ія, какъ *Шестодневъ* Василія Великаго, *Небеса* Іоанна Дамаскина, … *Логика*, или *Діалектика*.

Апокрифы, ихъ происхожденіе и значеніе.

§ 14. *Апокрифы* [1]. Исторія всеобщей литературы даетъ …ъ любопытныхъ показаній, какъ около большого произведенія …сто группируется много другихъ, связанныхъ съ нимъ един…омъ содержанія и единствомъ дѣйствующихъ лицъ: около …іады группируется рядъ поэмъ, въ которыхъ подробно изоб…жены различныя событія, происшедшія до троянской войны, во …мя ея и послѣ нея; эти поэмы сочинены, такъ называемыми, …мeридами"; цѣль ихъ удовлетворить любознательность народа, …нтересованнаго сюжетомъ и героями крупнаго произведенія. …тхій Завѣтъ еще у евреевъ былъ окруженъ рядомъ легендъ и …заній, связанныхъ уже въ циклы около именъ Адама, Ноя, Соло…а и другихъ. Такой же потребности—удовлетворить любозна…ьности вѣрующихъ—служили тѣ сказанія, которыя связаны съ …нымъ Завѣтомъ. Они образовали циклы сказаній о Христѣ, о …городицѣ, объ апостолахъ. И поэмы гомеридовъ, и сказанія …ейскія и христіанскія—всѣ въ одинаковомъ отношеніи къ тѣмъ …овнымъ произведеніямъ, которыя ихъ породили. Они всѣ вво…и читателя въ интимную жизнь своего героя, сообщали такія …робности изъ его жизни, которыя приближали его къ дѣй-

[1]) Истор. Хрестом., I, 153—158.

ствительности (дѣтство Христа, Богородицы); изъ одного нам
они рисовали цѣлыя картины (евангельская фраза: „плачъ и ск
жетъ зубовный“ развернулась въ цѣлую панораму мученій);
раскрывали душевныя состоянія своихъ героевъ, вводя читат
въ „святая святыхъ“ ихъ чувствъ и помысловъ—благодаря эт
вносился психологическій анализъ въ творчество. Они облек
событія той пеленой сказочной поэзіи, въ которой народъ чувст
валъ творчество, близкое ему и понятное. Они пріучали къ с
бодному обращенію съ сюжетами и лицами, до тѣхъ поръ с
явшими на недосягаемой высотѣ. Благодаря всему этому,
религіозныя сказанія оказались той почвой, на которой б
особаго труда слились элементы христіанства съ элементами я
чества; соединеніе ихъ дало „блестящій эпосъ“, захватившій
свои предѣлы и Творца, и сатану, міръ ангеловъ и демоно
міръ праведниковъ, міръ человѣческій, и животный и растите
ный. Интересы того времени о началѣ и концѣ міра, о жи
въ раю и въ аду, и религіозное чувство, и проблески науч
пытливости находили себѣ исходъ въ этой своеобразной лите
турѣ. На Западѣ и живопись, и скульптура, и поэзія средне
ковыя расцвѣли, орошенныя „живой водой“ этой литерату
въ которой вѣками застывшіе образы, пущенные въ обор
народной фантазіи, получили живую человѣческую окраску, д
женіе, біеніе сердца...

Отношеніе церкви къ апокрифамъ.

Византійская церковь къ этимъ произведеніямъ отнеслась
опредѣленно: одни она отвергла рѣшительно, признавъ ихъ вр
ными, ложными, „отреченными“ [1]), въ оцѣнкѣ другихъ колебал
признавая ихъ безвредными,—то истинными, то „апокрифически
„сокровенными“ [2]), т. е. неканоническими, не вошедшими въ с
сокъ тѣхъ книгъ, которыя установлены церковью. Таково от
шеніе было къ этимъ „апокрифамъ“ и у насъ: нѣкоторые
нихъ то попадали въ списки отреченныхъ книгъ—„индексы“
то замѣнялись другими. Во всякомъ случаѣ, ихъ значеніе о
наково велико было и въ исторіи византійской и нашей церк
ими „обильно пользовались отцы церкви первыхъ вѣковъ х
стіанства“,—и въ своихъ спорахъ они, на ряду съ книг

---

[1]) Напримѣръ, всѣ гадательныя и суевѣрныя книги: Громники, Лунники, Ко
ники, сборники „лживыхъ“ молитвъ, „Остронумія“ (звѣздочетіе), „Сонникъ“, „Вол
никъ“, „Землемѣріе“, „Зелейникъ“, „Чаровникъ“ и др.

[2]) ἀπόκρυφος значитъ „тайный“, „скрытый“, трудный для пониманія.

[3]) У насъ первый индексъ былъ переводный въ „Святославовомъ Изборникѣ“ 107
„Богословца отъ словесъ“. Съ XIV в. такіе индексы стали сочиняться въ Россі

Священнаго Писанія, цитировали нерѣдко апокрифы, усматривая въ нихъ остатки старыхъ преданій. Но въ то же время они хорошо понимали, что фантазія человѣческая не знаетъ предѣловъ, и что въ глазахъ людей полуобразованныхъ апокрифы могутъ принять нежелательное значеніе. Поэтому они совѣтовали обходиться съ апокрифами осторожно, совѣтовали ихъ читать только такимъ лицамъ, которые могутъ отличить истину отъ лжи (Истринъ).

Апокрифами воспользовалось и народное творчество, которое, исходя изъ нихъ, легко создавало легенды, сказанія, духовные стихи...

Перечень главнѣйшихъ апокрифовъ.

Къ апокрифическимъ сочиненіямъ относятся слѣдующія: „Адамъ", „Енохъ", „Сонъ Исаака и смерть Авраама", „Суды Соломона", „Повѣсти о Соломонѣ и Китоврасѣ" и др. Изъ новозавѣтныхъ извѣстны были у насъ—„Евангеліе Іакова", „Дѣтство Христово" („Ѳомино Евангеліе"), „Сказаніе Афродитіана", „Преніе діавола съ Христомъ", „Хожденіе Богородицы по мукамъ", „Никодимово Евангеліе", „Павлово хожденіе по мукамъ", „Дѣяніе ап. Павла и Теклы", „Дѣяніе Іоанна", „Дѣяніе Ѳомы", „Вопросы Іоанна Богослова Господу", „Вопросы Варѳоломея Богородицѣ". Къ апокрифическимъ житіямъ относятся: „Сказаніе объ успеніи Божьей Матери", „Мученія Георгія, Никиты, Ѳедора Тирона", къ апокрифическимъ богословскимъ сочиненіямъ относятся—„Вопросы и отвѣты Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго" и пр.

а) ветхозавѣтные: „Откровеніе Авраама".

Откровеніе Авраама. Отецъ Авраама, Фара, занимался дѣланьемъ боговъ изъ камня для продажи. Авраамъ видѣлъ, какъ эти боги, сдѣланные изъ камня, легко разбивались, падая,—а деревянные легко сгорали въ печкѣ, и онъ усумнился въ ихъ силѣ. Голосъ Бога окончательно заставилъ его отказаться отъ вѣры отца. Едва Авраамъ ушелъ изъ дому, ударъ молніи сжегъ этотъ домъ. Голосъ Бога приказалъ ему принести жертву и поститься 40 дней. Затѣмъ явился къ нему ангелъ, и съ нимъ Авраамъ шелъ 40 дней и 40 ночей до горы Орива. Здѣсь Азазилъ, духъ тьмы, въ видѣ птицы, искушалъ его, но онъ устоялъ. На голубѣ, вмѣстѣ съ ангеломъ, поднялся Авраамъ на небо. Здѣсь они увидали особый свѣтъ и много людей, видъ которыхъ постоянно мѣнялся. Потомъ къ Аврааму приблизился огонь, въ которомъ звучалъ голосъ, подобный шуму водъ. Авраамъ воспѣлъ хвалебную пѣснь, которой научилъ его ангелъ. Затѣмъ они полетѣли еще выше. Здѣсь Авраамъ увидалъ огненный престолъ и около четырехъ животныхъ съ четырьмя лицами—съ львинымъ, человѣческимъ, воловьимъ и орлинымъ. По приказанію Бога разверзлись всѣ небеса, и Авраамъ увидалъ всѣ ихъ тайны, потомъ увидѣлъ онъ преисподнюю съ ея мученіями, увидѣлъ онъ море, рыбъ, рѣки, эдемъ и райскую рѣку, увидалъ людей, стоящихъ по правую и по лѣвую сторону. Авраамъ спросилъ: «почему раздѣлены люди?» Богъ сказалъ, что люди, стоящіе по лѣвой сторонѣ,—тѣ, которые были до Авраама, а стоящіе по правой сторонѣ—тѣ, что будутъ послѣ

него. Первые уготованы на месть и погибель, а вторые—на спасеніе. Въ Едемѣ Авраамъ увидалъ двухъ людей громаднаго роста и между ними змѣя. «Кто это?» вопросилъ Авраамъ. «Это Адамъ и Ева»,—сказалъ Богъ, и змѣй—Азазилъ». «Зачѣмъ же ты далъ ему власть губить родъ человѣческій?» спросилъ Авраамъ. «Онъ имѣетъ власть лишь надъ тѣмъ, кто желаетъ зла!»—сказалъ Богъ. Авраамъ спросилъ, зачѣмъ Богъ допустилъ зло на землѣ. «Это Я сдѣлалъ для тебя и твоего племени, чтобы ты увидѣлъ милость мою къ тебѣ»,—отвѣчалъ Богъ. Затѣмъ Авраамъ увидѣлъ послѣдніе дни человѣчества, увидѣлъ Каина и Авеля, увидѣлъ различныя преступленія человѣческія, потомъ онъ увидѣлъ борьбу людей, стоящихъ по лѣвую сторону, съ людьми, стоящими по правую сторону,—наконецъ антихриста и загробныя муки.

Этотъ апокрифъ (начало) является очень близкимъ пересказомъ одного еврейскаго, преданія объ Авраамѣ.

Соломонъ и Китоврасъ.

Соломонъ и Китоврасъ [1]). Задумавъ строить храмъ, Соломонъ былъ въ затрудненіи: ему при постройкѣ не велѣно было тесать камни желѣзомъ. Одинъ Китоврасъ, оказывается, зналъ тайну такого строительства. Соломонъ хочетъ овладѣть Китоврасомъ. Для этого онъ приказываетъ сковать желѣзную цѣпь и гривну (ожерелье) и на ней пишетъ заклятье. Съ этой цѣпью, виномъ и медомъ посланные царя идутъ къ тѣмъ колодцамъ, изъ которыхъ пилъ Китоврасъ. Воду оттуда они удаляютъ, наливаютъ вина. Китоврасъ выпиваетъ три колодца и засыпаетъ [2]). На уснувшаго Китовраса одѣваютъ цѣпь съ заклятіемъ, и онъ дѣлается покорнымъ. Его ведутъ къ царю. Такъ какъ онъ ходилъ только прямо и не сворачивалъ, то для его прохода въ городѣ ломали дома. Наткнулись они на домъ вдовы. Она слезно просила не ломать ея дома. Китоврасъ прошелъ около угла, сломавъ себѣ ребро. На рынкѣ онъ засмѣялся, услышавъ, какъ одинъ покупалъ себѣ сапоги «на семь лѣтъ», засмѣялся онъ также, услышавъ ворожившаго человѣка. Увидѣвъ свадьбу, заплакалъ. Приведенный къ царю, Китоврасъ, на вопросъ царя, какъ обойтись безъ желѣза при тесаніи камней, отвѣчалъ, что есть такой камень «шамиръ», мѣстопребываніе котораго извѣстно птицѣ Кокоту. По приказанію царя, посланные воспользовались отсутствіемъ птицы и покрыли ея гнѣздо стекломъ. Вернувшаяся птица не могла проникнуть въ гнѣздо, слетала за «шамиромъ», чтобы разрѣзать стекло—и посланные овладѣли чудеснымъ камнемъ. Затѣмъ Соломонъ спросилъ Китовраса, зачѣмъ онъ засмѣялся, услыхавъ, какъ на рынкѣ одинъ покупалъ сапоги на семь лѣтъ. Китоврасъ отвѣчалъ, что смѣялся потому, что покупавшій долженъ былъ умереть черезъ семь дней. Надъ ворожившимъ человѣкомъ онъ посмѣялся потому, что этотъ человѣкъ, претендующій на всевѣдѣніе, не зналъ, что подъ его ногами зарытъ былъ кладъ. Надъ свадьбой онъ поплакалъ, зная, что женихъ не проживетъ 30 дней. Впослѣдствіи Китоврасъ хитростью освободился изъ власти Соломона, и Соломонъ всю жизнь трепеталъ его,

---

[1]) Слово „Китоврасъ" сопоставляютъ съ испорченнымъ греческимъ κένταυρος. Другіе полагаютъ, что это одно изъ многочисленныхъ именъ дьявола. Истор. Христ., I, 153—154.

[2]) Ср. русскую сказку, гдѣ такъ овладѣваютъ змѣемъ.

опасаясь мести. Этотъ апокрифъ есть близкое повтореніе разсказа, помѣщеннаго въ Талмудѣ о Соломонѣ и демонѣ Асмодеѣ. Этого апокрифа до сихъ поръ не нашли въ Греціи, ни въ южныхъ славянскихъ земляхъ.

Существуетъ апокрифъ, разсказывающій о томъ, какъ Китоврасъ овладѣлъ чудеснымъ перстнемъ Соломона и его женой. Китоврасъ—чародѣй, который днемъ царствуетъ надъ людьми, а ночью надъ звѣрями. Соломонъ, послѣ ряда приключеній и опасностей, убиваетъ Китовраса и наказываетъ жену.

Такимъ образомъ, Китоврасъ является то въ роли мудраго совѣтника Соломона, то чародѣя—врага. Оба образа нашли себѣ отраженіе во всемірной литературѣ: существуетъ старая нѣмецкая поэма о Соломонѣ и Морольфѣ, гдѣ послѣдній играетъ роль Китовраса. Представленіе этого существа въ видѣ чародѣя, похищающаго жену героя, повторяется во многихъ сказкахъ западно-европейскихъ и русскихъ, а также въ былинѣ Василіи Окульевичѣ.

Суды Соломона. Въ этомъ апокрифѣ приведены образцы Соломоновой мудрости, проявленной имъ во время судопроизводства, въ отгадываньи загадокъ, въ произнесеніи мудрыхъ изреченій. Изъ многочисленныхъ разсказовъ, составляющихъ этотъ апокрифъ, привожу нѣсколько. Суды Соломона

У одного богача не было дѣтей. Онъ усыновилъ раба, который отправился торговать, разбогатѣлъ и сдѣлался приближеннымъ къ царю. Въ это время у богача родился сынъ. Онъ выросъ и отправился отыскивать своего раба. Найдя его, онъ ударилъ его и потребовалъ отъ него денегъ. Тотъ сталъ отрицать свое рабство. Соломонъ приказалъ принести кость богача и пролить на нее кровь раба и сына. Кровь перваго не удержалась въ кости,—кровь второго всосалась. Сомнѣнія были разрѣшены.

Одинъ человѣкъ оставилъ все свое имущество старшему сыну. Пятеро младшихъ стали требовать своей части. Соломонъ велѣлъ раскопать могилу отца и принести правую руку. Всѣ согласились, кромѣ старшаго, который согласился подѣлить все наслѣдство, только чтобы не трогали праха отца. Соломонъ отдалъ все наслѣдство старшему, усумнившись въ томъ, чтобы младшіе могли быть дѣтьми покойнаго. Этотъ апокрифъ основывается на одной еврейской сказкѣ.

Соломонъ захотѣлъ испытать разумъ мужской и женскій. Онъ приказалъ своему приближенному убить свою жену, обѣщая выдать замужъ за него свою дочь. Послѣ долгихъ колебаній тотъ согласился, но убить не рѣшился. Жена же его съ радостью согласилась убить мужа, но ей дали не настоящій мечъ, и она только разбудила мужа. Соломонъ сказалъ: «Въ тысячѣ я нашелъ мудраго мужа, но въ десяти тысячахъ не нашелъ ни одной мудрой жены». Этотъ же разсказъ входитъ и въ Талмудъ съ незначительными измѣненіями.

Мудрая царица южская (или Савская, иначе Сивилла) пріѣхала со своими мудрецами къ Соломону. Она, желая испытать его мудрость, собрала отроковъ и дѣвочекъ, одинаково ихъ одѣла и спросила Соломона: «кто въ этой толпѣ мальчикъ, кто дѣвочка?» Соломонъ велѣлъ имъ умываться. Мальчики умывались быстро и энергично, дѣвочки — вяло и неувѣренно. Когда передъ этой толпой были разбросаны овощи, мальчики стали ихъ собирать въ полы, а дѣвочки въ рукава. Соломонъ разрѣшилъ загадку.

Потомъ началось испытаніе мудрецовъ Соломоновыхъ. Мудрецы царицы сказали: «Далеко отъ города есть колодецъ,—какъ его привести въ городъ?» Мудрецы Соломона отвѣчали: «Сплетите веревку изъ отрубей, и мы вамъ приведемъ колодецъ въ городъ!» Мудрецы царицы сказали: «Если на нивѣ вырастутъ ножи, чѣмъ ее сжать?» «Рогомъ ослинымъ!» отвѣчали мудрецы царя.—«Развѣ у осла бываютъ рога?»—«А развѣ на нивѣ растутъ ножи?»—отвѣчали тѣ.

У евреевъ не сохранилось этого разсказа въ священныхъ книгахъ, но очень похожій разсказъ есть у мусульманъ. Очевидно, разсказъ еврейскаго происхожденія затерялся у евреевъ, но сохранился у мусульманъ и у христіанъ.

b) новозавѣтные апокрифы.

Если ветхозавѣтные апокрифы, главнымъ образомъ, сказочнаго характера, то новозавѣтные, по преимуществу, имѣютъ характеръ біографическій—въ нихъ сообщаются разсказы о дѣтствѣ Христа, о Его родственникахъ, ученикахъ, о житіи и судьбѣ Пилата, Іосифа Аримаѳейскаго,—словомъ, о тѣхъ лицахъ, съ которыми Христосъ встрѣчался въ жизни. Въ эти разсказы вносился сильный психологическій элементъ.

„Никодимово Евангеліе".

Никодимово Евангеліе. Старѣйшины пришли жаловаться къ Пилату на Іисуса. За Іисусомъ послали сторожа, который пригласилъ Его съ почетомъ, положивъ передъ Его ногами покрывало съ головы своей. Онъ помнилъ входъ Христа на осляти въ Іерусалимъ. Когда Христосъ вошелъ къ Пилату, идолы поклонились Ему. Напрасно іудеи крѣпко держали идоловъ,—тѣ все преклонялись передъ Христомъ. Въ защиту Христа передъ Пилатомъ выступилъ одинъ изъ еврейскихъ старѣйшинъ Никодимъ, потомъ разслабленный, вылеченный Христомъ, и другіе, Имъ облагодѣтельствованные. Далѣе разсказъ идетъ близко къ каноническому вплоть до воскресенія Христа. Затѣмъ свидѣтелей, видѣвшихъ Христа, оказывается больше, чѣмъ въ Евангеліи каноническомъ. Оказывается, между прочимъ, что Іосифъ Аримаѳейскій, посаженный въ тюрьму и обреченный смерти, изведенъ былъ оттуда Самимъ Іисусомъ Христомъ. Слѣдуетъ подробный разсказъ о засѣданіи еврейскихъ старѣйшинъ съ Никодимомъ вмѣстѣ. Они раскаяваются въ содѣянномъ ими. Къ Никодимову Евангелію обыкновенно присоединялось «письмо Пилата къ Тиберію» и «сказаніе о смерти Пилата». Въ этомъ письмѣ разсказаны всѣ событія суда и казни Христа съ точки зрѣнія человѣка недоумѣвающаго и испуганнаго. Онъ самъ видѣлъ видѣнія. При дворѣ Тиберія всѣ ужаснулись беззаконію Пилата. Пилатъ призванъ для отвѣта въ Римъ. Тиберій сталъ упрекать Пилата, и, едва онъ упомянулъ имя Христово, всѣ боги, золотые и серебряные, стоявшіе у него во дворцѣ, упали и разсыпались. Пилату была отсѣчена голова.

„Слово Афродитіана".

Слово Афродитіана объясняетъ, почему персы (волхвы) раньше всѣхъ узнали о рожденіи Христа и явились съ дарами. Оказывается, въ кумирнѣ языческіе боги ночью ликовали вслѣдствіе рожденія Христа. Узнавъ объ этомъ отъ жреца, самъ царь остался въ храмѣ на ночь и видѣлъ веселіе боговъ и звѣзду. Мудрецы посовѣтовали ему послать волх-

вовъ въ Іерусалимъ съ дарами. Сообщаются подробности о томъ, какъ волхвы посѣтили Христа.

„Сказаніе объ успеніи Богородицы“.

Сказаніе объ успеніи Богородицы было очень популярно; оно дало матеріалъ для церковныхъ пѣсней, житій и пр. Содержаніе апокрифа слѣдующее: Богородица ходила молиться на гробъ Господень. Іудейскіе старѣйшины поставили стражу у гроба, но Богородица проходила невидимо. Однажды архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Ей о скорой кончинѣ.

По Ея молитвѣ всѣ апостолы чудеснымъ образомъ принесены были изъ разныхъ концовъ міра въ Іерусалимъ. Когда Она стала отходить, явились ангельскія воинства; потомъ около дома Богородицы явились солнце, луна и весь соборъ святыхъ. Совершались чудеса: слѣпые прозрѣвали, глухіе начинали слышать. Іудейскіе старѣйшины хотѣли взять Богородицу и апостоловъ подъ стражу, но посланные, объятые страхомъ, вернулись обратно. Хотѣли іудеи поджечь домъ, гдѣ была Богородица, но и это не удалось: огонь попалилъ ихъ самихъ. Самъ Господь явился въ храмину, гдѣ была Богородица. Апостолъ Петръ началъ пѣніе, и всѣ силы небесныя воспѣли «аллилуія». «Тогда лице Богоматери просвѣтилось паче свѣта, и Она своею рукою благословила каждаго. Мы (разсказываетъ Іоаннъ Богословъ) воздали хвалу Богу, и Господь принялъ въ свои руки святую и непорочную Ея душу. Воздухъ наполнился благоуханіемъ и былъ неизреченный свѣтъ». Когда несли одръ, одинъ еврей хотѣлъ его отнять, но ангелъ невидимо отсѣкъ ему руки. По молитвѣ Петра руки опять пристали къ тѣлу еврея. Когда выходили изъ Іерусалима—свѣтлое облако восхитило одръ Богородицы. Въ это время явились праведники ветхозавѣтные на встрѣчу Ей».

Этотъ апокрифъ имѣетъ значеніе въ исторіи русской иконописи. Успеніе изображается буквально по апокрифу; даже отсѣченныя руки держатся за одръ.

Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Хожденіе Богородицы по мукамъ [1]). Богородица пожелала видѣть муки грѣшниковъ. Архангелъ Михаилъ ведетъ Ее въ загробный міръ. Видятъ они тѣхъ, кто не вѣровалъ въ Отца и Сына и Св. Духа, а вѣровалъ въ солнце, луну, землю, воду, въ звѣрей и гадовъ, въ Трояна, Хорса, Велеса и Перуна, видятъ непризнававшихъ Ея, Богородицы. Въ пылающей огнемъ рѣкѣ страдаютъ клятвопреступники, люди, ѣвшіе человѣческое мясо, и др.—кто по поясъ, кто до головы... Ростовщикъ виситъ повѣшенный за ноги, его ѣдятъ черви. Женщина, разводившая сплетни, виситъ, повѣшенная за зубы; змѣи выходятъ у нея изо рта и ѣдятъ ее. Видѣла Богородица здѣсь и лѣнивцевъ, пропускавшихъ заутреню, видѣла не встававшихъ передъ священниками, клеветниковъ; видѣла священниковъ, ронявшихъ на землю крупицы просфоръ во время проскомидіи, патріарховъ, епископовъ, монахинь и др. Богородица иногда жалѣетъ грѣшниковъ, чаще говоритъ, что муки имъ «подѣломъ». По Ея молитвѣ и просьбѣ ангеловъ и апостоловъ Господь даетъ грѣшникамъ отдыхъ отъ Великаго Четверга до св. Пятидесятницы.

Апокрифъ очень красивъ. Широко нарисована мрачная картина мученій. Тѣмъ эффектнѣе на этомъ фонѣ свѣтлый образъ Богородицы. Она

---

[1]) Истор. Хрест., I 154—156.

предстаетъ въ такомъ ореолѣ человѣчности, что предъ Нею блѣднѣетъ образъ Христа.

Апокрифъ этотъ былъ очень популяренъ у насъ; онъ, конечно, способствовалъ развитію въ нашемъ народѣ представленія о Богородицѣ, какъ вѣчной заступницѣ у престола Божія; онъ отразился и въ духовныхъ стихахъ, и въ живописи (изображеніе загробныхъ мукъ).

„Бесѣда трехъ святителей".

Изъ апокрифовъ очень популяренъ былъ у насъ также одинъ, носящій названіе „Бесѣда трехъ святителей". Содержаніе его слѣдующее:

Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ разсуждаютъ о различныхъ священныхъ предметахъ, — задаютъ себѣ вопросы и сами отвѣчаютъ. Вопросы и отвѣты въ родѣ слѣдующихъ. Вопросъ: «Кто первый наречеся на земли?» Отвѣтъ: «Сатанаилъ наречеся первый и причтенъ бысть къ ангеламъ, за гордость же нареченъ Сатана». В.: «Гдѣ Богъ жилъ, когда не было свѣта?» О.: «Суть три каморы на воздусѣхъ; ту бяше Господь, а свѣту тогда не бысть». В.: «Отъ чего ангелы сотворены?» О.: «Отъ духа Господня, отъ свѣта и отъ огня». В.: «Отъ чего солнце сотворено?» О.: «Отъ выспреннія ризы Господни». В.: «Отъ чего луна сотворена?» О.: «Отъ аера и отъ воздуха и отъ престола Господня». В.: «Отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ?» О.: «Отъ осми частей: тѣло взято отъ земли, отъ камени—кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вложилъ».

Въ такомъ же духѣ и всѣ прочіе вопросы и отвѣты («Изъ чего созданъ громъ и молнія?», «Сколько времени прожилъ Адамъ въ раю?», «Кто первый узналъ грамоту?» и пр.). Нѣкоторые вопросы сбиваются уже на загадки. Напр. В.: «Кто дважды смерть вкусилъ?» О.: «Лазарь четверодневный». В.: «Кто не рожденъ, кто не умеръ, кто не истлѣлъ?» О.: «Не рожденъ Адамъ, не умеръ Илія-пророкъ, не истлѣла Лотова жена». В.: «Что значитъ: гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше?» О.: «Китъ въ морѣ хождаше, а Іона во чревѣ пѣснь Богу пояше».

Нѣкоторые вопросы касаются судьбы умершихъ на томъ свѣтѣ и послѣ воскресенія.

Не останавливаясь на пересказѣ другихъ апокрифовъ, я укажу на „Дѣянія Павла и Теклы" [1]), какъ на апокрифъ, очень интересный по содержанію. Также необыкновенной картинностью отличаются „Вопросы св. Варѳоломея".

„Вопросы св. Варѳоломея".

Св. апостолъ Варѳоломей пожелалъ увидѣть Сатану. Свое желаніе высказалъ онъ Христу. Христосъ сказалъ ему, что силъ человѣческихъ не хватитъ на это зрѣлище. Но къ просьбѣ Варѳоломея присоединились Богородица и апостолы. Христосъ согласился. И вотъ Онъ на горѣ, съ нимъ Его Мать, апостолы. Христосъ приказываетъ архангелу Михаилу дать трубный знакъ. «И въ тотъ часъ изведенъ бысть діаволъ, держимъ 660 ангелъ, огненными вернгами связанъ. Бяше же высота того 60 ло-

---

[1]) Истор. Хрестоматія, I, 156.

Змій овладѣлъ женою муромскаго князя Павла; она вывѣдала, ч. смерть его произойдетъ отъ «Петрова плеча, отъ Агрикова меча». Братъ князя Павла—Петръ нашелъ этотъ чудесный мечъ и рѣшилъ убить змія; разъ онъ явился къ княгинѣ и засталъ у нея двойника своего брата. Догадавшись, что это—змій, онъ поразилъ его мечомъ—«змій явился своимъ естествомъ» и издохъ, обрызгавъ кровью Петра. Отъ нечистой крови Петръ покрылся струпьями. Долго онъ лечился, но безуспѣшно. Одинъ изъ отроковъ князя нашелъ въ селѣ чудесную дѣвицу, Февронію, говорившую загадками. Онъ засталъ ее за тканьемъ; «предъ нею же скача заяцъ». Она, увидя вошедшаго, сказала: «не лѣпо есть быти дому безъ ушію, и храму безъ очію»; юноша же не понялъ этихъ словъ и спросилъ: «нѣтъ ли въ домѣ мужчины?» Она отвѣтила: «отецъ мой и мати моя пойдоша въ заемъ плакати, братъ же мой иде чрезъ ноги въ нави (мертвые) зрѣти». Юноша попросилъ объясненія всему видѣнному и слышанному. Она объяснила ему, что первое ея замѣчаніе касается того, что онъ неслышно вошелъ въ ея комнату: «аще бы былъ въ дому песъ и, чювъ тя, къ дому приходяща, лаялъ бы на тя: се бо есть дому уши; аще бы было въ храминѣ моей отроча и видѣлъ тя, изъ храмины приходяща, сказалъ бы ми: се бо есть храму очи; а еже сказахъ тя про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя иде въ заемъ плакати: пошли бо суть на погребеніе мертваго и тамо плачуть. Егда же на нихъ смерть пріидетъ, то иніи по нимъ учнутъ плакати: се же есть заимованный плачъ; про брата же тѣ глаголахъ: яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсѣ бо медъ отъ древъ всякъ земнютъ [1]); братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде: яко же лѣзти на древо въ высоту—чрезъ ноги въ нави зрѣти, мысля, абы не урватися съ высоты; аще же кто урвется, сей лишится живота: сего ради рѣхъ, яко иде чрезъ ноги въ нави зрѣти». Она обѣщала вылѣчить князя подъ условіемъ супружества съ нимъ. Князь Петръ согласился, но, выздоровѣвъ, обманулъ дѣвицу—не женился на ней. Тогда болѣзнь вернулась къ нему съ прежней силой. Февронія вылѣчила его вторично и вышла за него замужъ. Впослѣдствіи княжій столъ отъ князя Павла перешелъ къ Петру. Но бояре не хотѣли, чтобы у нихъ княгиней была дочь простого селянина, — и князю съ женою пришлось оставить Муромъ. Февронія во время пути проявляетъ неразъ свою мудрость и самообладаніе: она утѣшаетъ грустящаго князя, прозрѣваетъ и отражаетъ нечистые замыслы одного изъ своихъ спутниковъ. Потомъ князь съ княгиней вернулись въ Муромъ и долго жили благочестиво, честно служа народу. На склонѣ лѣтъ они постриглись въ монастырь. Онъ—подъ именемъ Давида, она—Ефросиніи, и молили Бога позволить имъ умереть въ одно время: послѣднее ихъ желаніе было лечь въ одномъ гробу. Разъ пр. Ефросинія вышивала «воздухъ» для соборной церкви, когда къ ней пришли отъ ея бывшаго мужа и передали его слова: «о, сестра Ефросинія! хощу уже отъити отъ тѣла и жду тебя, да купно отыдемъ». Она же рече: «пожди, господине, да яко дошью воздухъ». Князь при-

---

[1]) Въ старину въ русскихъ лѣсахъ было много дикихъ пчелъ, вслѣдствіе чего образовался особый промыселъ „бортничанія“ (борть—дупло съ медомъ), т. е. собиранія меда въ дуплахъ. Для этого часто приходилось иногда взбираться высоко на деревья,—очевидно, промыселъ былъ очень опасный.

слалъ во второй и въ третій разъ,—тогда Ефросинія прервала свою ра боту, «вотькне иглу и приверти нитію, ею же шіяше» и, помолившись, пре ставилась въ одно время съ мужемъ. Желаніе ихъ относительно совмѣст наго погребенія не было выполнено; однако, на слѣдующій день посл погребенія ихъ тѣла очутились въ общемъ гробу; ихъ разлучили, а он на другой день опять оказались вмѣстѣ [1]).

Анализъ легенды.

Акад. Буслаевъ разобралъ обстоятельно это цѣнное произв деніе. Онъ сравнилъ его съ другими произведеніями и пришел къ выводу, что въ немъ надо различать: 1) древнѣйшее народ ное преданіе, положенное въ основу,—2) историческую обстановк 3) христіанскую идею, которою освящены доисторическое пр даніе и историческая обстановка.

Но если тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась эта повѣст всѣ въ отдѣльности бытовали до ея появленія, то соединен ихъ въ одно цѣлое и одухотворенное вызвано было уже заро

Образъ героини.

жденіемъ идеи о высокой любви женщины. Съ вѣщею сило Февронія соединяетъ любящее сердце. Несмотря на обманъ княз она силою своего вѣщаго духа господствуетъ надъ нимъ и вы ходитъ за него замужъ. Несмотря на преслѣдованія со сторон бояръ и на презрѣніе къ ней боярынь, несмотря на слабос воли и на кажущееся равнодушіе князя къ ея нѣжной любв и высокой преданности, она, и лишившись княжеской власти, бод идетъ съ нимъ въ изгнанье, только бы не разлучаться съ милы ей человѣкомъ. И въ изгнаніи она остается чиста и, при всемъ бл городствѣ образа мыслей, наивна, несмотря на грубыя и пошл оскорбленія, которыя терпитъ, ѣдучи въ ладьѣ. И по смерт чистая супружеская любовь, благословенная свыше, соединила их

Интересна повѣсть и той бытовой обстановкой, въ котор развивается ея дѣйствіе. Городъ Муромъ, его своевольные бояр и отношеніе къ нимъ князя,—все переноситъ насъ въ дѣйстви тельную жизнь той эпохи.

Легенды о Китежѣ.

Вѣроятно, къ этому же времени относится любопытная л генда о городѣ Китежѣ, — легенда, позднѣе сдѣлавшаяся попу лярной у раскольниковъ и сохраняющаяся въ ихъ рукописях подъ названіемъ „Китежскій Лѣтописецъ". Содержаніе ея сл дующее:

Кн. Георгій, «внукъ равноапостольнаго кн. Владимира», былъ бо жимъ богомольцемъ; ѣздилъ онъ много по русской землѣ и строилъ с боры Успенскіе въ Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Ростовѣ и Муромѣ.

[1]) Образъ Февроніи введенъ Римскимъ-Корсаковымъ въ его оперу „Китежъ".

ысть попущеніемъ Божіимъ грѣхъ ради нашихъ пріиде нечестивый и езбожный царь Батый на Русь воевать; грады и веси разоряше, огнемъ ъ пожигаше, людіе мечу предаваше, младенцевъ ножемъ заколаше и ысть плачъ великій». Благовѣрный князь Георгій, слыша это, горько лакалъ и, помолившись Господу и Богородицѣ, пошелъ на Батыя. «И бысть сча велія и кровопролитіе многое». У князя мало было воиновъ, и онъ ынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ внизъ по Волгѣ въ городъ Малый итежъ (нынѣ Городецъ, выше Балахны). Долго бился кн. Георгій, отаивая городъ отъ Батыя. Наконецъ, ночью бѣжалъ тайкомъ въ Великій итежъ, находящійся на берегу озера Свѣтлый Яръ. Батый взялъ утромъ ородъ Малый Китежъ. Одинъ изъ его жителей, Гришка Кутерьма, не ыдержалъ пытокъ и показалъ Батыю дорогу къ Великому Китежу. Но ожіе заступничество спасло городъ отъ татаръ, — онъ сдѣлался невиимымъ [1]).

Легенда, въ основѣ своей, представляетъ разработку ходяаго разсказа о провалившихся, или затонувшихъ городахъ. Въ риведенной редакціи она представляетъ два наслоенія: татарское о сдѣлало невидимый городъ убѣжищемъ, недосягаемымъ для атаръ, — расколъ изъ того же города сдѣлалъ мѣсто спасенія раведниковъ отъ антихриста.

Легенды-сказки, ихъ происхожденіе.

§ 32. *Легенды-сказки* [2]). Поэзія христіанства (особенно апокриическая) освѣжила народное творчество цѣлымъ рядомъ новыхъ отивовъ, дала ему свободу распоряжаться содержаніемъ Св. Пиія, комбинировать свое языческое съ христіанскимъ, постенно приближая это содержаніе къ дѣйствительной жизни. Въ езультатѣ, многіе сюжеты и темы церковной литературы подчились произволу народной фантазіи, видоизмѣнились согласно требованіямъ, соединившись съ тѣми преданіями и повѣрьями, оторыя уцѣлѣли отъ эпохи до-христіанской. Старое и новое заимно проникаются одно другимъ, перепутываются. Такъ скла-

---

[1]) У раскольниковъ сохранилось повѣрье, что только праведники могутъ видѣть экрасный городъ, или его отраженіе въ водахъ таинственнаго озера. Кто наложитъ себя великій обѣтъ не бояться голодной смерти, не знать страховъ смерти, кто е раздвоеннымъ умомъ и несумнѣнною вѣрою обѣщается идти въ Китежъ, не скаъ объ этомъ роднымъ и рѣшившась не уходить изъ Великаго Китежа, — такому ловѣку Богъ позволитъ достигнуть города Китежа. Для всѣхъ другихъ святой гоъ недостижимъ, и то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, кажется лѣсомъ, или пустымъ мѣмъ. Тамъ обитаютъ только праведники: „Господь чудо яви—невидимымъ сотвори дъ Китежъ и покры его десницею своею, да въ немъ пребывающіе не узрятъ скорби ечали отъ звѣря-антихриста. Святой городъ живетъ до сихъ поръ своею жизнью; стные жители находятъ на берегу озера разныя хозяйственныя принадлежности, шатъ, какъ гудятъ колокола невидимыхъ китежскихъ церквей". Легенда эта легла основу оперы Римскаго-Корсакова „Китежъ".

[2]) Истор. Хрест. I, 136—138. Очень любопытна легенда, въ которой развита идея ана Достоевскаго: „Преступленіе и Наказаніе" (Ист. Хрест. I, 525, Исторія русск. в. ч. I, вып. I. стр. 133 „Сказка о разбойникѣ").

дывались апокрифы,—такъ, подъ ихъ вліяніемъ, сложились и н
родныя *сказки-легенды*, повѣствующія о созданіи міра, о потоп
Афанасьевъ о легендахъ. о страшномъ судѣ и пр. Афанасьевъ, въ предисловіи къ собр
нію легендъ, указываетъ, что, „съ водвореніемъ новыхъ христіа
скихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отрину
тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей вз
имныя отношенія человѣка и природы; она по старому люби
обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ
волею и, касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Нов
Завѣтѣ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказані
Можно привести нѣсколько примѣровъ:

Примѣры легендъ (о камбалѣ, воробьѣ и пр.). Когда Архангелъ Гавріилъ явился возвѣстить святой Дѣвѣ, что отъ н
родится Искупитель, она въ это время ѣла рыбу и сказала, что повѣри
словамъ ангела, если съѣденная на половину рыба оживетъ. Полови
рыбы ожила—таково происхожденіе *камбалы*.

Воробей—проклятая птица потому, что, когда Христа мучали, о
кричалъ: «живъ, живъ», поощряя мучителей Христа, а ласточка въ
время кричала: «умеръ, умеръ»,—и крала гвозди. Оттого гнѣздо ласточ
приноситъ дому счастье и убить ее—великій грѣхъ, а если воробей вл
титъ въ избу—это предвѣстіе большой бѣды.

Разъ Христосъ зашелъ къ еврею въ домъ; тотъ, желая посмѣять
надъ Христомъ, сказалъ: «если Ты—Богъ, скажи, что подъ корытомъ
А подъ корытомъ спряталась жена еврея съ тремя дѣтьми. Христо
сказалъ: «свинья съ тремя поросятами»,—и, по его слову, еврейка обр
тилась въ свинью съ поросятами. Оттого евреи не ѣдятъ свинины.

Въ такомъ родѣ много народныхъ преданій, выросшихъ
христіанской почвѣ и имѣющихъ легендарный характеръ. О
нихъ обращаюсь къ нѣкоторымъ легендамъ, содержаніе которы
взято изъ Ветхаго Завѣта.

Легенда объ Адамѣ и Евѣ. *Про Адама и Евгу.* Создалъ Господь Адама и Евгу и пустилъ
жить въ пресвѣтломъ раю, а къ воротамъ райскимъ приставилъ соба
звѣря чистаго: по всему раю ходила. И повелѣлъ Господь собакѣ, звѣ
чистому: «Не пускай, собака, звѣрь чистый! Не пускай ты чорта лукав
въ рай: не напоганилъ бы онъ моихъ людей!» Лукавый чортъ приш
къ райскимъ воротамъ, бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба, а та собака
пропустила лукаваго въ рай. Лукавый чортъ—возьми да и оплюй Ад
и Евгу; всѣхъ оплевалъ, всѣхъ съ головы до послѣдняго мизинчика
лѣвой ногѣ. Приходитъ Господь—только руками объ полы ударилъ!
Адама съ Евгой глянуть срамно! Ну Богу, извѣстно, не обтирать
стать, не марать же рукъ въ чортовы слюни: взялъ да и выворот
Адама съ Евгой. Оттого и слюна погана —«Слушай, собака, сказ
Господь, была ты собака—чистый звѣрь, а теперь въ избу тебя гр
пускать,—коли въ церковь вбѣжишь —церковь снова святить!».

Съ тѣхъ поръ не «собака» зовется, а «песъ»,—по шерсти погана, а по нутру чиста».

Легенда о Ноѣ и Евѣ.

Про Ноя и Евгу. «Во всемъ мірѣ не осталось ни одного православнаго, окромя Ноя праведнаго. Господь и велѣлъ Ною праведному строить ковчегъ, да только объ этомъ не сказывать, что̀ дѣлаетъ... (Господь объяснилъ, что хочетъ потопить грѣхъ и виновника грѣха—сатану). Ной, благословясь, со крестомъ и молитвою, взялъ топоръ, пошелъ рубить ковчегу. Видитъ лукавый, Ной что̀-то строитъ, а что̀ строитъ, не сказываетъ,—думаетъ: «дѣло плохо»: Ной праведный съ ранняго утра до поздней ночи на работѣ, а Евга одна сидитъ дома. «Спроси ты, Евга, говоритъ лукавый, своего Ноя праведнаго, что-то онъ рубитъ? Это не изба, да и изба-то у васъ новая, да просторная»... Когда Ной явился домой, Евга стала его выпытывать, но безуспѣшно; тогда лукавый научилъ Евгу, какъ водку дѣлать, и посовѣтовалъ подпоить Ноя. Ной, по ошибкѣ, вмѣсто квасу, выпилъ вина, захмелѣлъ и выдалъ женѣ намѣреніе Бога. Евга передала сатанѣ, что въ Мокринъ день (19 іюля) назначена «потопа».

Лукавый и думаетъ: «былъ бы я цѣлъ, а грѣшники будутъ!»—и учитъ онъ Евгу не идти въ ковчегъ, пока Ной не крикнетъ: «да иди же ты, проклятая». Наступилъ Мокринъ день, наступила «потопа». Евга стала собираться въ ковчегъ, а лукавый подлѣ нея. «Иди, Евга, въ ковчегу», кричитъ Ной праведный.—«Погоди», говоритъ Евга Ною праведному, «надо горшки захватить».—«Иди, Евга, вода скоро по колѣно будетъ!».—«Погоди, Ной праведный, надо ложки да плошки забрать». «Да иди же, ты, проклятая!», закричалъ Ной праведный. Только сказалъ онъ это слово, лукавый и скокъ въ ковчегъ. Безъ этого слова лукавому нельзя было войти: Ной началъ рубить ту ковчегу съ крестомъ и молитвою, съ благословеніемъ Божіимъ—оттого и нельзя было» [1]).

Передъ нами въ этихъ произведеніяхъ примѣры свободнаго творчества надъ образами и мотивами, сошедшими въ народъ. Здѣсь ясно, съ одной стороны, желаніе дать себѣ отвѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „почему собака—нечистый звѣрь?“, „какъ забрался дьяволъ въ рай?“, „почему послѣ потопа грѣхъ остался на землѣ?“,—а, съ другой стороны, желаніе даже, быть можетъ, инстинктивное, дать библейскимъ событіямъ болѣе реальную, болѣе понятную обстановку.

Подобныхъ сказокъ, гдѣ дѣйствуютъ лица Ветхаго и Новаго Завѣта, поставленныя въ обиходъ жизни простого русскаго человѣка, можно насчитать много.

---

[1]) Конечно, обѣ эти легенды, не опредѣленныя хронологически, сложились, быть можетъ, и значительно позднѣе, но я остановился на нихъ, какъ на *примѣрахъ*, ясно указывающихъ, *какимъ путемъ* совершается работа народнаго воображенія надъ темами, взятыми извнѣ. Если не эти, именно, легенды, то многія другія, древнѣйшія, сложились, такимъ образомъ, въ изучаемую нами эпоху.

Малороссійскія сказки-легенды.

У Драгоманова („Малорусскія народныя преданія и разсказы") помѣщены слѣдующія сказки, то близкія къ книжнымъ апокрифамъ, то далеко отходящія отъ нихъ въ глубь народнаго творчества: „Сотвореніе и благословеніе міра", „Сотвореніе Адама, чорта, женщины", „Адамъ-земледѣлецъ", „Смерть Адама и преблаженное дерево", „Каинъ и Авель", „Потопъ", „Іосифъ, Самсонъ и Соломонъ — Давидовы дѣти", „Премудрый Соломонъ", „Царь Соломонъ и жена его", „Премудрый Соломонъ и злая мать его". Подобныхъ же сказокъ-легендъ нѣсколько помѣщено у Афанасьева („Народныя русскія легенды"). Еще больше сказокъ, гдѣ дѣйствуютъ Іисусъ Христосъ, апостолы и святые.

Темы легендъ, взятыя изъ Св. Писанія.

Въ этихъ легендахъ народъ широко воспользовался многими темами изъ Св. Писанія: напр. „Богъ является Аврааму въ видѣ странника"—во многихъ произведеніяхъ разработана эта тема. Христосъ одинъ, или съ апостолами, странствуетъ по землѣ; сочувствіе Христа къ бѣднымъ и тема: „лепта вдовицы"—находитъ отраженіе въ цѣломъ рядѣ легендъ, гдѣ Христосъ превозноситъ бѣдныхъ и наказываетъ богатыхъ. Бѣдные отдаютъ Христу-страннику послѣднее. Чудо съ 5-ю хлѣбами и 2-мя рыбами, которыми накормлены тысячи—отразилось въ цѣломъ рядѣ легендарныхъ чудесъ, когда изъ небольшого запаса съѣстного являлось неистощимое количество. Чудо въ Канѣ Галилейской повторилось во многихъ легендахъ, когда вода превращалась въ пиво, вино и пр. Но отъ христіанства народъ взялъ не только то, что̀ поразило его фантазію,—онъ взялъ также и *идеализмъ*. Въ этомъ отношеніи, легенда, подобно духовному стиху, гораздо дальше ушла отъ апокрифа, въ смыслѣ развитія духа христіанской религіи.

Христіанскій идеализмъ въ легендахъ.

Если въ нѣкоторыхъ духовныхъ стихахъ сказался глубокій лиризмъ христіанскаго воодушевленія, то въ легендахъ, благодаря обстановкѣ реальной жизни, сказалась прикладная сторона христіанства—проповѣдь любви къ униженнымъ, мораль торжества правды, апоѳеозъ добродѣтели... Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человѣка уже самой природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило, такимъ образомъ, новое торжественное освященіе и сейчасъ же отозвалось на народномъ творчествѣ. По народному представленію, Спаситель и теперь, какъ нѣкогда во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ подъ видомъ убогаго—онъ испытываетъ людское милосердіе, наказываетъ жестокихъ, корыстолюбивыхъ и скупыхъ, награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. Темой для этихъ ле-

ендъ послужило то мѣсто изъ Евангелія отъ Марка, гдѣ приведены слова Бога-судьи на страшномъ судѣ: „Взалкахся бо—и асте ми ясти, возжаждахся и напоисте мя, страненъ бѣхъ—и ведосте мя, нагъ—и одѣясте мя"... и далѣе: „Понеже сотворили диному сихъ братій моихъ меньшихъ—Мнѣ сотвористе". Къ легендамъ этого содержанія относятся у Афанасьева: „Марко боатый", легенды: „Чудо на мельницѣ", „Бѣдная вдова", „Исцѣеніе", „Пиво и хлѣбъ", „Христовъ братецъ" и др.

Для образца, можно привести содержаніе легенды „*Бѣдная дова*": „Бѣдная вдова".

«Странствовалъ Христосъ по землѣ съ 12-ю апостолами. Богатый ужикъ ихъ не принялъ—они остановились у бѣдной вдовы. «Чѣмъ же нѣ покормить васъ, родимые?» говоритъ вдова, «всего на всего есть у меня ахонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не прияла еще теленочка и молочка нѣтуть, все жду—вотъ отелится... не взыщите на хлѣбѣ-на-соли!».—«И, бабушка, сказалъ Спаситель, не кручинься—всѣ будемъ сыты. Давай, что есть—мы и хлѣбушка поѣдимъ: се, бабушка, отъ Бога». Хлѣба оказалось очень много, а горсточка муки братилась въ такое количество, что и послѣ обѣда у вдовы оказалось довольно».

Къ этой легендѣ примыкаетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ. Легендарные мотивы въ изящной литературѣ. тимъ легендамъ посчастливилось и въ изящной литературѣ: у Льва Толстого, у Лѣскова, у многихъ др. писателей найдемъ развитіе этихъ темъ. Прохожій, принятый гостепріимно и риносящій счастье дому—это теперь общее мѣсто нашей беллеристики. Какъ часто бываетъ съ избитыми темами, и эта теперь спустилась въ дѣтскую литературу. Очевидно, къ этому ипу легендъ относится вся „морализующая" сказка. Языческій осъ равнодушенъ къ высокимъ идеямъ торжества добродѣтели,—нъ склоненъ восхвалять только силу, ловкость, хитрость.

Обратимся теперь къ нѣкоторымъ легендамъ болѣе низкаго орядка, т. е. такимъ, въ которыхъ мы напрасно стали бы искать ысокій идеализмъ легендъ перваго типа. Передъ нами лица, зятыя изъ Св. Писанія, но уже совершенно утратившія библейскія и евангельскія черты. Для примѣра, можно привести, отя бы, легенду объ Ильѣ и Николѣ.

Одинъ мужичекъ почиталъ очень Николу и пренебрегалъ Ильей. «Ни- Легенда о св. Николѣ и Ильѣ. олѣ Угоднику и молебенъ отслужитъ, и свѣчку поставитъ, а про Илью ророка и думать забылъ». Илья рѣшилъ мстить. Разъ идутъ Илья и иколай полемъ этого мужика, Николай мужика хвалитъ. Илья ругаетъ. Вотъ будетъ урожай, такъ урожай!», говоритъ Никола. «Да и мужикъ-то, раво, хорошій, добрый, набожный, Бога помнитъ и святыхъ знаетъ! Къ

рукамъ добро достанется!»—«Какъ спалю я молніей, какъ выбью градом все поле, такъ будетъ твой мужикъ правду знать, да Ильинъ день поч тать». Никола угодникъ сейчасъ же посовѣтовалъ мужику продать в корню ниву *ильинскому* батюшкѣ. Илья пророкъ, по невѣдѣнію, спали всю ниву своего же священнослужителя. Идутъ опять угодники полем Илья и говоритъ: «посмотри, каково я разорилъ мужиково поле!»—«М жиково? Нѣтъ, братъ, разорилъ ты хорошо, только это поле ильинска попа, а не мужиково!»—«Какъ попа?»—«Да такъ, мужикъ, съ недѣл будетъ, какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всѣ сполна пол чилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ!» Илья-пророкъ придум ваетъ разныя козни мужику, но Никола предупреждаетъ все время свое любимца. Наконецъ, св. Илья догадался, что его пріятель выдаетъ е секретные планы мужику, и задумалъ нѣчто, о чемъ уже не сказа Николаю. Тогда тотъ пустился на хитрости и научилъ мужика разыгра слѣдующее: купить двѣ свѣчи, рублевую и копеечную, и, при встрѣч съ Ильею, сказать, что рублевую свѣчу онъ несетъ Ильѣ, а копеечную—Н колѣ. Илья, услышавъ, что его чествуютъ выше Николы, былъ вполнѣ уд влетворенъ и пересталъ преслѣдовать мужика. Эта легенда вводитъ насъ в глубь того двоевѣрія, которое старые языческіе мотивы объ умилостивлен боговъ жертвой, органически соединило съ именами дѣятелей новой религі

Отраженіе легендъ на народномъ творчествѣ.

Къ этому же разряду произведеній относятся и тѣ, которы возникли помимо Св. Писанія, подъ вліяніемъ книгъ вообщ Апокрифъ „Хожденіе въ адъ и рай"—отразится въ легендѣ въ похожденіяхъ разныхъ героевъ, скомороховъ, бражниковъ, со дата въ аду и раю. Ходячій сюжетъ о борьбѣ витязя со смертью захвативъ имя своего героя изъ героической поэмы о Девгені Аникитѣ (непобѣдимый) измѣнитъ на русской почвѣ своего ви тязя на Анику-воина, а потомъ на солдата [1]). Чудо Іоанна Нов городскаго, заключившаго бѣса въ рукомойникъ и летавшаго н немъ въ Іерусалимъ, также обратится въ дальнѣйшемъ своем развитіи въ карикатуру на простоватаго бѣса (ср. Гоголь „Ноч передъ Рождествомъ").

Переходъ житій въ народное творчество.

Житія пустынножителей, попавъ въ обиходъ народной фантазі то же мало-по-малу теряли аскетическій характеръ: отпадало вс созерцательное, выдвигалось все реальное. Если въ Кіево-Печер скомъ Патерикѣ мы видѣли уже нѣсколько-юмористическое отн шеніе къ бѣсу, то этотъ элементъ юмора въ сказкѣ разростаетс засчетъ подвижничества святыхъ. Въ многихъ произведеніях житійной литературы святые не только борются съ бѣсомъ, н порою мирно бесѣдуютъ съ нимъ. Этотъ образъ пустынника, бес дующаго съ чертями, много разъ встрѣтится намъ въ легендахъ

[1]) Мрачный колоритъ основного произведенія смѣнится веселыми тонами шут скихъ продѣлокъ солдата.

Обыкновенно, бѣсы оказываются наивны, болтливы, попадаютъ впросакъ. Побѣда надъ ними уже одерживается не во имя Бога, а просто благодаря житейской сметкѣ, сообразительности, лукавству...

Такъ постепенно спускается народная фантазія отъ небесъ къ землѣ; скоро и поблѣднѣвшій образъ пустынника смѣнится тѣмъ лицомъ, которому лукавство болѣе подходитъ,—явится солдатъ, вездѣ бывалый, никогда не теряющійся, все испытавшій... Чортъ, съ его, слишкомъ мелкимъ, мошенничествомъ смѣнится въ сказкѣ евреемъ, цыганомъ. Эта эволюція легенды, дойдя до потери библейскихъ лицъ и событій, сольется уже съ тѣмъ теченіемъ, которое пойдетъ отъ развитія свѣтской повѣсти, оригинальной и, особенно, переводной, спустившейся въ народъ.

Духовные стихи, ихъ происхожденіе.

§ 33. *Духовные стихи* [1]). Апокрифы особенно ясно сказались на народной поэзіи появленіемъ „духовныхъ стиховъ". Размѣръ стихотворный, образы и богатство поэтическихъ пріемовъ были у народа выработаны вѣками,—христіанство дало народному творчеству новое содержаніе, къ которому густо пристали остатки древнихъ языческихъ вѣрованій, — въ результатѣ и сложился этотъ новый эпосъ, носителями котораго у насъ были „калики"-перехожіе, бродившіе изъ конца въ конецъ широкой матушки-Россіи. Значеніе духовныхъ стиховъ громадно; по своему религіозному содержанію, они стояли внѣ мелочей текущей дѣйствительности,—они подымали настроеніе, они поучали безграмотнаго вѣрѣ, священнымъ преданіямъ, добру и правдѣ; порою они даже замѣняли молитву, особенно въ „умильныхъ" плачахъ-„назиданіяхъ". Настроеніе большинства этихъ стиховъ глубоко-тоскливое,—въ этомъ сказались основныя настроенія русскаго народа. „Будущее, о которомъ грезитъ фантазія духовныхъ стиховъ, оскорбляемая грустнымъ настоящимъ—не есть дальнѣйшее развитіе жизни, не есть ея обновленіе плодотворно идущею впередъ дѣйствительностью, а безмятежное спокойствіе на лонѣ Авраама, или безвыходное мученіе. Будущаго *на землѣ* нѣтъ,—есть одно тоскливое настоящее, изъ котораго одинъ выходъ—судъ Божій, безъ проволочекъ и безъ исправительныхъ мѣръ" (Буслаевъ). Таково было міросозерцаніе многихъ людей той поры, выработанное русскимъ духомъ при помощи книги. Отсюда—стремленіе уйти отъ міра въ монастырь, отсюда—равнодушіе къ жизни земной, отсюда—отсутствіе инте-

Значеніе ихъ.

Буслаевъ о духовныхъ стихахъ.

Отраженіе народнаго міросозерцанія въ стихахъ.

[1]) Истор. Хрест. I, 127—135.

реса къ политической жизни... Многія черты этого міросозерцанія до сихъ поръ живутъ въ нашемъ народѣ и находятъ у лучшихъ нашихъ писателей блестящее, художественное воплощеніе.

Происхожденіе стихотворной формы въ духовныхъ стихахъ.

Почему прозаическій христіанскій эпосъ отлился у народа въ стихотворную форму,—понять нетрудно,—въ той средѣ, гдѣ нѣтъ еще письменности, память народа выискиваетъ формы, наиболѣе податливыя на запоминаніе. Таковыми, конечно, являются размѣренная рѣчь и постоянные поэтическіе образы. Оттого-то распространеніе письменности, а тѣмъ болѣе печати, убиваетъ народную устную поэзію.

Духовные стихи, на первыхъ порахъ, явились простымъ переложеніемъ популярныхъ апокрифовъ и житій въ стихъ былины, или лирической пѣсни... Отсюда и самые духовные стихи можно дѣлить на *эпическіе* и *лирическіе*. Для примѣра, я остановлюсь на нѣкоторыхъ характерныхъ духовныхъ стихахъ.

„Эпическіе" стихи „объ Егоріи Храбромъ".

Внѣшность Георгія описана, напримѣръ, слѣдующими словами:

«По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
«По локоть руки въ красномъ золотѣ,
«Голова у Егорія вся жемчужная,
«По всемъ Егоріи часты звѣзды.

Передъ нами шаблонное, сказочное изображеніе красавца. Родился онъ въ Іерусалимѣ, но по пѣснѣ оказывается—въ Россіи. Мать его — Софія премудрая, у нея три дочери. Воспитано все семейство въ строго-христіанскомъ духѣ. «Царище Діоклитіанище, безбожный песъ, басурманище», беретъ Іерусалимъ, овладѣваетъ Георгіемъ и его семьей и убѣждаетъ ихъ принять вѣру «латинскую, басурманскую». Св. Георгій отказывается, подвергается всевозможнымъ мученіямъ: его «пилами пилили», «въ топоры рубили», «въ сапоги ковали гвозди желѣзные», «въ котелъ садили и въ смолѣ варили»,—но «ничего Егорію не вредилося». Наконецъ, онъ былъ на тридцать лѣтъ посаженъ въ погребъ, закрытъ досками желѣзными, и засыпавъ песками рудожелтыми. Богородица выводитъ его изъ заключенія,—и Георгій, испросивъ благословеніе у матушки, отправляется путешествовать по землѣ русской, чтобы тамъ «утвердить вѣру христіанскую».

Мать собираетъ его въ путь и говоритъ:

«Ты поди далече во чисты поля:
Ты возьми коня богатырскаго
Со вострымъ копьемъ со булатнымъ
И со книгою со Евангеліемъ...»

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, какъ тѣсно сплелись въ народномъ воображеніи могучіе народные богатыри съ тѣми священными обра-

зами, которые сумѣли плѣнить народъ мощью своего духа. Егорій ѣдетъ въ русскую землю,—

«Святую вѣру утверждаючи;
Наѣзжалъ на лѣса дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ разстилалися».

Наѣзжалъ онъ далѣе на непроходимыя горы, и рѣки, на стада звѣрей.—Молитвой Егорія русская земля пришла въ порядокъ.

Любопытно описаніе, хотя бы, дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ дебрей неустроенной Руси, свидѣтельствующее о томъ, что народъ, отъ своихъ „постоянныхъ эпитетовъ" и „общихъ мѣстъ", сталъ переходить уже къ изображенію дѣйствительности. Затѣмъ невольно чувствуется во всемъ произведеніи глубокое настроеніе народа, сознавшаго свой культурный ростъ. Сравненіе этихъ стиховъ съ былиной объ Ильѣ, въ которой разсказано, какъ онъ чистилъ дорогу отъ Мурома до Кіева,—укажетъ лучше всего, насколько стихи объ Егоріи выше по осмысленности и живости чувства. Наконецъ, въ приведенныхъ стихахъ есть стремленіе къ символу,— не тому безотчетному, какой мы встрѣчаемъ въ народной поэзіи, а къ тому, въ которомъ чуется личное изобрѣтеніе поэта. Егорій— это символъ христіанства, просвѣтившаго дикую Русь. Недаромъ попалъ онъ въ гербъ московскаго царства.

Высоко-поэтично народное переложеніе въ стихи апокрифа: „Хожденіе Богородицы по мукамъ". Если оно потеряло много въ томъ колоритѣ мрачной грандіозности, какой наброшенъ на картинѣ ада въ апокрифѣ,—то зато оно выиграло въ задушевности чувства, въ лиризмѣ. Богородица представляется здѣсь еще человѣчнѣе, еще мягче, а вопль грѣшниковъ, потерявшихъ надежду попасть въ рай— полонъ дѣйствительно-яркаго чувства, въ которомъ нѣтъ „общихъ мѣстъ" безличной народной поэзіи. *Стихи „Хожденіе Богородицы".*

Очень характерны стихи о „Вознесеніи Христа". Нищая братія расплакалась, видя, что Христосъ ее покидаетъ. Въ утѣшеніе, Христосъ обѣщаетъ нищимъ „гору золотую". Но Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что сильные и богатые отнимутъ у нихъ золото. Онъ предложилъ лучше дать имъ „имя Христово", которое ихъ прокормитъ. За мудрый совѣтъ Господь далъ Іоанну прозвище „Златоуста". *Стихи о „Вознесеніи Христа".*

Все это свидѣтельствуетъ о несомнѣнной остротѣ самосознанія,—здѣсь чувствуется горечь обиды на человѣческую несправедливость къ униженнымъ и высокій подъемъ теплой любви

къ Богу, успокаивающій и примиряющій это тоскующее сердц
„малыхъ“ людей.

Стихъ о „Голубиной книгѣ“.

Изъ русскихъ „духовныхъ стиховъ“ большой интересъ пред ставляетъ стихъ „о Голубиной книгѣ“. Онъ имѣетъ космогони ческій характеръ. Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ; дѣй ствующія лица въ разныхъ текстахъ мѣняются [1]), но встрѣчаются между прочимъ, — пророкъ Давидъ и русскій князь Владиміръ. На это произведеніе большое вліяніе оказали апокрифы (особенно „Бе сѣда трехъ святителей“ [2]) и „Іерусалимская бесѣда“). Начинается стихъ съ разсказа о томъ, какъ съ неба упала „великая книга“:

«Долины книга сороку саженъ,
Поперечины двадсяти саженъ.
. . . .
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ,
На налой положить Божій,—не уложится.

Много народу собралось къ книгѣ, но никто не смѣетъ къ ней подойти. Наконецъ, подходитъ царь Давидъ.

«До Божьей книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.

Къ Давиду подходитъ князь Владиміръ; онъ задаетъ пророку рядъ вопросовъ: „Отъ чего у насъ начался бѣлый, вольный свѣтъ? отъ чего солнце-красное, младъ-свѣтёлъ-мѣсяцъ, звѣзды частыя, ночи темныя, зори утренни, вѣтры буйные, дробенъ дождёкъ? Отъ чего у насъ умъ-разумъ? Отъ чего кости крѣпкія? Отъ чего тѣлеса наши? Отъ чего кровь-руда наша?“ Давидъ отвѣчаетъ:

«У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ
суда Божія;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Младъ-свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самого Христа,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря».

---

[1]) Волотъ, Волотоманъ Волотоміръ, Володимеръ. [2]) См. выше, стр. 46.

Цари, по словамъ Давида, произошли отъ главы Адама, ...нязья, бояре—отъ груди; простые люди—отъ колѣна.

Затѣмъ Владимиръ спрашиваетъ:

«Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Кое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»

Оказывается, что главный царь на свѣтѣ—бѣлый, т. е. рус...ій, такъ какъ онъ держитъ вѣру богомольную [1]); первый городъ ... мірѣ—Іерусалимъ, такъ какъ въ немъ „пупъ (середина) земли"; ...рвая церковь—Іерусалимскій соборъ; Іордань-рѣка, Θаворъ-...ра, кипарисъ-древо — названы первыми, такъ какъ связаны ...или съ жизнью Христа. „Плакунъ-трава" — всѣмъ травамъ ...ти: когда евреи Христа распяли и святую его кровь пролили, ...ать пречистая Богородица по Іисусѣ Христѣ сильно плакала, ...няла слезы пречистыя на матушку сыру-землю; отъ тѣхъ слезъ ...ечистыхъ зародилась плакунъ-трава. Китъ-рыба—всѣмъ рыбамъ ...ть, потому что на трехъ рыбахъ земля основана.—„Китъ-рыба ...тронется—вся земля восколеблется..." и пр.

Заканчивается это любопытное произведеніе разсказомъ о томъ, ...кой сонъ видѣлъ Владимиръ, и какъ разгадалъ его Давидъ. ...усскій князь видѣлъ, какъ съ востока и съ запада сошлись ...а звѣря и стали драться. Давидъ объяснилъ этотъ сонъ такъ:

«Это не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это кривда съ правдой сходилися,
Промежду собой они бились, дрались;
Кривда правду одолѣть хочетъ;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,
Къ Самому Христу, Царю Небесному;
А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
По всей землѣ, по свѣтъ-русской,
По всему народу христіанскому».

---

[1]) Очевидно, это толкованіе сложилось позднѣе, въ московскій періодъ, когда въ ...знаніе русскихъ людей внѣдрилось самомнѣніе.

Происхожденіе этихъ стиховъ.

Этотъ духовный стихъ тѣсно примыкаетъ къ апокрифам къ народнымъ повѣрьямъ и къ такимъ сочиненіямъ, какъ Физіо логи, Бестіаріи (сборники разсказовъ о чудесныхъ свойствахъ ра ныхъ животныхъ). Въ „Голубиной книгѣ“ [1]) указываютъ, межд прочимъ, слѣды богомильскаго міровоззрѣнія.

„Стихи объ Іоасафѣ“.

До какой высокой степени поэтической созерцательности д ходило въ духовныхъ стихахъ народное чувство, свидѣтельствует въ „стихахъ объ Іосафѣ“ бесѣда юнаго царевича съ природой,— „съ прекрасною матерью“. Она отговариваетъ юношу отъ уединені

«Не жить тебѣ во пустынѣ,—
Придетъ мать весна-красна,
Лузья-болота разольются,
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія
Архангельскими голосами,—
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь».

На это Іосафъ отвѣчаетъ:

«Во зеленой во дубравѣ
Есть частыя древа;
Со мною будутъ думу думати.
На древахъ есть мелкіе листья,—
Со мной станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати—
Меня будутъ потѣшати!».

„Думы думать“ съ деревьями, „говорить“ съ мелкими л стами—вѣдь это все мотивы новой поэзіи,—вѣдь это значит внимать „дольней лозы прозябанью“, слушать ту таинственну сагу, которую лепечетъ „играющій въ оврагѣ ключъ“! Очевидн для того пѣвца, который пѣлъ стихъ о пустынѣ и переживал его высокій лиризмъ, уже миновали времена первобытной жизн „въ природѣ“—уже онъ вырванъ изъ нѣдръ ея, уже онъ нею разговариваетъ, чувствуетъ свою близость къ ней, и въ же время оторванность [2]). Калинычъ и Касьянъ съ Красивой-Меч герои „Записокъ Охотника“, переживали, вѣроятно, тѣ чувств которыми проникнутъ цитованный стихъ.

„Лирическіе“ духовные стихи.

Очень характерны также стихи: „Плачъ земли“, „Прощан души съ тѣломъ“, „Плачъ души грѣшной“, „О грѣшно

[1]) „Голубиная книга“,—вѣроятно, „глубинная“—глубокая по смыслу, философска О богомольствѣ см. выше, стр. 26.

[2]) См. въ 1-мъ вып. І-й части главу: „Природа и поэзія“ (стр. 11—12).

ушѣ“ [1]). Въ эпической формѣ, иногда переходящей въ іалогъ, выражены лирическія настроенія души, углубленой самопознаніемъ, знающей свои раны... Эта психологія, это мѣніе вслушиваться въ голосъ совѣсти,—все это признаки пробужденія личности. Христіанство вездѣ способствовало этому,—но отъ внѣшняго міра вело человѣка въ міръ внутренній; оно оворило человѣку, что „царство Божіе внутри его“, заставляло скать это царство въ своей душѣ, и вело его къ самопознанію. амая форма указанныхъ стиховъ,—эпическая въ видѣ діалога, ли монолога,—тоже поэтическое новшество въ русской народной оэзіи, говорящее, какъ разъ, о пробужденіи личности, о потребости вслушаться въ голосъ своего тѣла и души, вслушаться въ олосъ земли, плачущей о грѣхахъ людей.

§ 34. Къ произведеніямъ свѣтскимъ XIII — XIV вв. относятся Историческія повѣсти. ѣтописи, историческія повѣсти. Любопытны также передѣлки ѣкоторыхъ повѣстей, переведенныхъ еще въ кіевской Руси. Такъ, овидимому, въ эту эпоху популярностью пользовалась „Александрія“, „Александрія“ о крайней мѣрѣ старый переводъ этой повѣсти теперь подвергся нтересной русской передѣлкѣ. Нашъ книжникъ пополнилъ основой текстъ разными подробностями, взятыми изъ различныхъ нижныхъ источниковъ: бесѣду Александра съ блаженными людьми рахманами“ онъ расширилъ, взявъ новыя подробности изъ сочинея Палладія: „О Рахманахъ“, а также изъ „Хожденія Зосимы къ ахманамъ“ (Истринъ). Очевидно, существованіе гдѣ-то „страны лаженныхъ“ интересовало русскаго человѣка, въ эту эпоху, огда возникла мысль о концѣ міра, назрѣлъ вопросъ о земномъ ѣ.—Отличалась эта „вторая редакція“ „Александріи“ и нѣкорыми фантастическими подробностями: такъ, напримѣръ, внены разсказы о полетахъ Александра на крылатыхъ звѣряхъ, путешествіи его въ подводное царство и др. Оба эти прибавленія зяты изъ восточныхъ сказаній. Любопытно также, что русскій нижникъ придалъ всей повѣсти поучительный характеръ: великъ ылъ Александръ,—испыталъ даже морскую глубину и небесную ысоту, а смерти не избѣжалъ. Такая безотрадность міросозерцанія очень характерна для показанія тревожныхъ настроеній той эпохи.

Извѣстно было въ эту эпоху любопытное „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“—о какой-то далекой невѣдомой странѣ, гдѣ всѣ счастливы. Интересъ къ „Сказанію“ объясняется не однимъ любо- „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“.

[1]) Такіе „плачи“ встрѣчаются и въ „житіяхъ“ (см. выше, стр. 107—8).

митствомъ русскихъ людей, но и тѣмъ чувствомъ неудовлетворенност действительностью, которое заставляетъ всѣхъ мечтать о счасть осуществимомъ на землѣ въ какой-то далекой, невѣдомой странѣ

Лѣтопись; отличіе ея отъ „первоначальной".

§ 35. *Лѣтопись.* Русскія лѣтописи этого періода отразили полн на себѣ интересы и настроенія сѣверной Руси. Вотъ почему, п характеру своему, онѣ отличны отъ „лѣтописи первоначальной" Прежде всего, въ нихъ поражаетъ насъ отсутствіе живости разнообразія интересовъ, потеря сознанія единства русской земли [1]) исключительность мѣстныхъ стремленій, порою затемняющая даж

Отсутствіе безпристрастія.

безпристрастіе. Особенно замѣтно это сказывается, когда состави телямъ различныхъ „мѣстныхъ" лѣтописей приходится говорит о событіяхъ, интересы къ которымъ у нихъ діаметрально-противо положны; каждый стоитъ за своихъ князей, оправдываетъ ихъ пропускаетъ одни событія, подчеркиваетъ другія... Къ неудачам южныхъ князей лѣтописецъ Лаврентьевской относится даже с злорадствомъ: „Мстиславъ побѣжалъ, гонимый гнѣвомъ Божіимъ... А Всеволоду помогъ Богъ и св. Богородица". Это участіе Бог и Богородицы въ дѣлахъ суздальскихъ, и дьявола—въ дѣлахъ князей враждебныхъ—общее мѣсто въ Лаврентьевской лѣтописи Говоря о враждѣ князей рязанскихъ противъ Всеволода, лѣтописецъ сообщаетъ: „возстановилъ вражду дьяволъ, искони ненавидящі добро и борющійся съ хотящими спастися, какъ въ прежніе дн Каина на Авеля, брата своего...". Преклоняясь передъ Всеволодомъ лѣтописецъ не щадитъ ни епископовъ, ни святого Михаила Чер ниговскаго, если они шли противъ интересовъ дорогого ему князя. Курьезно разсказано о побѣдѣ надъ св. Довмонтомъ Псковскимъ: „помогъ Богъ *христіаномъ*: великаго князя Довмонта убили, иныхъ взяли въ плѣнъ". Зато Всеволодъ всегда оказывается правымъ, всегда именуется „правовѣрнымъ", „христолюбивымъ", „ненавидящимъ кровопролитіе", „великимъ" и пр Очень внимательно слѣдитъ лѣтописецъ за событіями княжеской семьи, отмѣчаетъ ея радости и печали. Такимъ образомъ, эта лѣтопись нетолько не „всероссійская", какъ „первоначальная", а скорѣе мѣстная, даже отчасти „придворная".

Стиль этихъ лѣтописей.

Особенностью стиля этой лѣтописи является приверженност къ изреченіямъ изъ Св. Писанія. Часто безъ нужды берутся оттуда цитаты, сравненія, примѣры—иногда совершенно некстати Напр. „Константинъ, извѣщенный отцомъ, скоро пошелъ с

---

[1]) Это сознаніе сохранилось только въ лѣтописныхъ сводахъ.

сѣми силами и дождался отца въ Москвѣ, какъ сказалъ причникъ: „и сынъ быхъ послушливъ отцу и возлюбленъ предъ лицомъ матери своея; сынъ благоразумный послушливъ отцу, сынъ же непокорный въ погибель и плода праведнаго снѣсть". „Константинъ встрѣтился съ отцомъ и поцѣловался съ радостью великою, какъ сказалъ приточникъ: „сынъ разумливъ,—чтя отца, возвеселитъ душу свою". Подобныя размышленія и сентенціи лѣтописи общи, холодны и натянуты. Живая, картинная рѣчь „первоначальной лѣтописи" изсякла теперь безъ возврата: даже слѣдовъ ея не найти въ этихъ искусственно - склеенныхъ, вялыхъ, витіеватыхъ и бездушныхъ фразахъ.

Падаетъ государственное пониманіе русской жизни, пониманіе св. книгъ (несмотря на бо́льшее пользованіе ими), и та эстетическая чуткость кіевской Руси, которая знала строгія красоты стиля и о́бразовъ. Въ этомъ отношеніи лѣтопись Галицко - Волынская вѣрнѣе сохранила литературныя традиціи „лѣтописи первоначальной".

Лѣтописи новгородскія отразили жизнь, болѣе сложившуюся, болѣе опредѣленную и характерную,—оттого, не сохранивъ въ себѣ духа южныхъ лѣтописей, новгородскія, однообразныя и сухія по содержанію, однако, въ литературномъ отношеніи, представляютъ собой нѣкоторый интересъ. Это—дѣловыя записи, сдѣланныя языкомъ старымъ, порою чисто-народнымъ, всегда яснымъ и точнымъ, безъ потугъ на витійство и назидательность. Интересы внутренней политической жизни города, отношеніе населенія къ мѣстному духовенству и князьямъ, торговыя сношенія, цѣны на товары и т. п.—вотъ, любимыя темы новгородскихъ лѣтописей. Любопытно, что въ этихъ лѣтописяхъ жизнь предстала съ обратной, отрицательной стороны: въ то время, какъ южныя лѣтописи предпочитаютъ говорить о добродѣтеляхъ князя, о событіяхъ радостныхъ, лѣтописцы сѣверные съ особымъ вниманіемъ останавливаются на явленіяхъ отрицательныхъ. Затѣмъ, въ этихъ лѣтописяхъ гораздо больше отведено мѣста разнымъ баснословнымъ разсказамъ,—очевидно, ясность вѣры темнѣла, и сумрачное суевѣріе замѣняло ее въ сердцахъ русскихъ людей. Причинъ событій лѣтописецъ не любитъ отыскивать,—онъ сообщаетъ лишь факты: напр., „утонули два попа, и не далъ епископъ надъ ними пѣть". Причины запрета не выяснены. Другой примѣръ: „навожденіемъ дьявольскимъ, возстала простая чадь на архимандрита Іосифа, и сотворила вѣче, заперли Іосифа въ церкви св. Николы, и сидѣли

Лѣтописи новгородскія.

около церкви день и ночь крамольники, стерегли его,—если кто подъ другомъ яму копаетъ, самъ упадетъ въ нее“. Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ конспективное изложеніе событій, безъ того внимательнаго обсужденія ихъ, какое мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ южныхъ, и безъ расплывчатости и тусклаго витійства, какое утомляетъ насъ въ лѣтописи Лаврентьевской. Впрочемъ, нѣкоторыя картины и событія нарисованы въ Новгородской лѣтописи сильно и выразительно (напр. голодъ 1230 г.); сжатость выраженій усиливала эту выразительность. Много въ лѣтописи пословицъ. Лиризмъ автора сказался въ восклицаніяхъ и вопросахъ, съ которыми онъ обращается къ читателю. Напр.: „о, велика скорбь въ людяхъ и нужда!..“ „о, великъ, братья, промыслъ Божій! И кто, братіе, не поплачетъ изъ оставшихся въ живыхъ?“ и пр. [1]).

Историческія повѣсти.

§ 36. *Историческія повѣсти.* Въ сѣверныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются вставленными цѣлыя повѣсти историческаго содержанія. Очевидно, онѣ сложились помимо лѣтописца,—онъ лишь воспользовался ими. Таковы, напримѣръ: „Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ“, „Объ Евпатіи Коловратѣ и разореніи Рязанской земли“, „Сказаніе о нашествіи Батыя“, „Повѣсть о Тахтамышевомъ нашествіи“ и др. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей носятъ на себѣ слѣды несомнѣннаго народнаго творчества (напр. первыя двѣ),—другія болѣе фактическаго свойства.

„Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ“.

«*Повѣсть о Калкскомъ побоищѣ*» начинается съ разсказа о появленіи невѣдомаго народа—татаръ. Затѣмъ повѣсть сообщаетъ намъ свѣдѣнія о богатырѣ Александрѣ Поповичѣ и его дружинѣ «70 храбрыхъ». Онъ принималъ участіе въ битвѣ при р. Калкѣ и былъ убитъ со всѣми своими витязями. Эту повѣсть связываютъ съ былиною: «Какъ перевелись богатыри на Руси»—тѣ же таинственные, непобѣдимые своей численностью враги—съ одной стороны,—та же русская самонадѣянность, на которую жалуется авторъ повѣсти—съ другой.

„Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ“.

«*Повѣсть объ Евпатіи Коловратѣ*» разсказываетъ намъ о разореніи Рязанской земли и о гибели кн. Ѳедора и жены его Евпраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа и не желая попасть въ руки татаръ, бросается съ башни. Рязанскій богатырь Евпатій, пребывавшій временно въ Черниговѣ, узнавъ о разореніи его родины, возвращается спѣшно туда, и съ небольшой дружиной удальцовъ гонится за татарами, нападаетъ на нихъ и погибаетъ геройской смертью. Батый съ почтеніемъ отзывается о немъ.

---

[1]) Къ этому же періоду относится, такъ называемая, „Радзивиловская лѣтопись“ (лѣтописецъ переяславско-суздальскій). Произведеніе интересно тѣмъ, что своими иллюстраціями дало основаніе утверждать о возможности вліянія запада на суздальскую Русь XIII вѣка.

Повѣсть любопытна поэтическимъ колоритомъ; на стилѣ ея (особ. на описаніи боя) замѣтно вліяніе «Слова о полку Игоревѣ».

„Повѣсть о нашествіи Тактамыша на Москву". («О плѣненіи и прихожденіи Тактамыша—царя и о Московскомъ разореніи» [1]). Начинается повѣсть разсказомъ о появленіи кометы. Слѣдуетъ живое изображеніе городской сумятицы, когда князь, въ виду приближенія татаръ, оставилъ городъ. Сообщены даже детали, какъ пьяные московскіе разбойники дразнили со стѣнъ татаръ. Затѣмъ татары обманомъ вошли въ городъ. Рѣзня въ городѣ описана ярко и подробно.—«Бысть внутрь града сѣча велика,—толико же сѣчаху, яко и руки ихъ, и плеща ихъ измолкоша, и сила ихъ изнеможе, саблямъ же ихъ острья притупишася. Людіе христіяньстіи, суще въ градѣ, бѣгающе по улицамъ сѣмо и овамо скоро рыщуще толпами, вопіюще вельми и глаголюще, біюще въ перси своя: «нѣсть, гдѣ избавленія обрѣсти и нѣсть, гдѣ смерти убѣжати, и нѣсть, гдѣ острія меча укрытися; оскудѣ князь и воеводы ихъ и все воинство ихъ погребися, и оружія ихъ до конца исчезоша... (убійства совершаются въ церквахъ, грабежи). Вездѣ же крикъ и вопль великъ и страшенъ бываше и яко не слышати другъ друга, вопіюща, множеству народу кричащю... Бяше бо дотолѣ прежде видѣти градъ Москва великъ и чюденъ, градъ многочеловѣченъ, въ немже множество господства, въ немже множество всякого узорочья, и въ томъ часѣ измѣнися видѣніе его, егда былъ взятъ и посѣченъ, и пожженъ, и нѣчего его видѣти, развіе токмо земля и персть, прахъ и пепелъ, трупія мертвыхъ многіе лежаща, и святыя церкви стояща, аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши; плачется церковь о чадѣхъ церковныхъ, паче же о избіенныхъ, яко матерь о чадѣхъ плачющися: «о, чада церковная! о страстотерпцы избіеніи, иже нужную кончину подъясте, иже нужную смерть претерпѣстѣ отъ огня и меча!» [2]) Отъ поганыхъ насильства церкви стоятъ, не имуще лѣпоты, ни красоты. Гдѣ тогда красота церковная? Гдѣ благочестіе? благосостояніе церковное? Гдѣ четцы и пѣвцы? Гдѣ клиросницы, церковницы? Гдѣ суть ереи, священницы, служащіе Богу день и нощь?—всѣ лежатъ, всѣ уснуша и почиша, всѣ посѣчены быша и избіени быша, усѣченіемъ меча умроша. Нѣсть позвоненія въ колоколы, ни въ било, нѣсть зовущаго, ни текущаго не слышати въ церквахъ гласа поюща, не слышати славословія и хвалословленія...» и пр.

„Повѣсть о нашествіи Тактамыша".

§ 37. *Воинскія повѣсти.* Старый дружинный эпосъ уже не былъ созданіемъ одного народа— онъ принадлежалъ творчеству личности, начинающей выходить изъ общихъ настроеній воинской дружины. Вотъ почему произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ", по своему происхожденію — полународныя, полукнижныя. Тѣсно примыкая къ поэтикѣ народной, они уже знаютъ книжные пріемы,—тотъ искусственный риторизмъ, который опирался на вліяніе сочиненій переводныхъ, принадлежащихъ литературамъ болѣе раз-

Воинскія повѣсти; ихъ происхожденіе.

[1]) Истор. Христ. I, 248.
[2]) „Плачъ" церкви, ср. стр. 127 (прим. 2).

витымъ. Ученые полагаютъ, что многія иностранныя произведенія, содержащія разсказы о воинскихъ дѣлахъ, могли быть даже переведены въ средѣ „дружинниковъ", какъ людей, особенно заинтересованныхъ произведеніями такого „воинскаго" содержанія. Такъ, „Повѣсть Іосифа Флавія о взятіи Іерусалима", по стилю своему, напоминающая „Слово о полку Игоревѣ", была, по мнѣнію этихъ ученыхъ, у насъ на Руси переведена именно въ средѣ дружинной. Романъ о Дигенисѣ, тоже примыкающій своимъ стилемъ къ „Слову", относится къ этому же разряду книгъ. Такимъ образомъ, „Слово о полку Игоревѣ" было лишь выраженіемъ этой литературной школы дружинниковъ. Поэтическія традиціи этой „школы" были занесены на сѣверъ, поблекли здѣсь, какъ все занесенное съ юга, но не умерли и дожили до татарскаго нашествія, пережили его, выразившись въ нѣсколькихъ повѣстяхъ-поэмахъ, и дожили до XVII вѣка въ длинной цѣпи, такъ называемыхъ, *воинскихъ повѣстей*.

Ихъ характеръ.

„Воинскія повѣсти" составляютъ отдѣльный литературный родъ, который выработалъ себѣ цѣлую группу „постоянныхъ формулъ". Примыкая одинаково къ устному творчеству и къ письменному, этотъ жанръ зналъ „общія мѣста" въ обѣихъ областяхъ творчества,—оттого „у сказителей и у книжниковъ выработался извѣстный художественный шаблонъ, который служилъ имъ готовою канвою для того, или иного сюжета" (Орловъ),—въ лѣтописяхъ каждый бой описывался въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, напримѣръ. Уже съ XII в. опредѣлились книжный и народно-поэтическій типы этихъ повѣстей.

Совершенно справедливо указываетъ г. Орловъ на значеніе татарскаго нашествія, которое подняло настроеніе массы, усилило религіозную стихію въ жизни и въ этихъ „воинскихъ повѣстяхъ". Такъ сложился мотивъ о заступничествѣ божественной силы, помощи Богородицы и ангеловъ, знаменіяхъ отъ св. иконъ. Татары описываются мучителями, русскіе выставлены мучениками, подвижниками.

„Общія мѣста" въ нихъ.

Можно привести нѣсколько «общихъ мѣстъ» изъ этихъ повѣстей. Прежде всего картина боя («соступишася и бысть сѣча зла»; «за руки емлюще, ся сѣчаху»; «ломъ копейный и стукъ оружія»; «громъ и молнія, блескъ оружія», «земля потрясается, стонетъ, тутнетъ»); изображеніе многочисленности войскъ; стрѣлы и камни идутъ, какъ дождь, и омрачаютъ свѣтъ; бойцы не видятъ, не узнаютъ другъ друга; не слышатъ другъ друга; кровь лилась по удольямъ, какъ рѣка; бойцы не чувствуютъ ранъ, падаютъ, какъ деревья, или снопы; посѣкаются, какъ трава, или колосья;

мость изъ труповъ; въ трубы вострубиша; выраженіе усталости, изнеможеніе и отчаяніе; образы звѣрей и птицъ въ боевыхъ описаніяхъ; предзнаменованія; помощь небесныхъ силъ (Орловъ).

Къ „воинскимъ повѣстямъ“ могутъ быть отнесены такія произведенія, какъ „*Слово о погибели русской земли*“ [1]), повѣсти, посвященныя Куликовской битвѣ и пр.

„Слово о погибели русской земли“.

Начинается «Слово» съ широкимъ аккордовъ восхваленія старой Руси, далекихъ временъ «стараго Владимира» (Мономаха); авторъ говоритъ объ естественныхъ богатствахъ родины, о былой славѣ ея:

«О, свѣтло-свѣтлая
И украсно украшена
Земля руськая!»

Далѣе авторъ рисуетъ ширину тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ раскидывалась старая Русь. Тогда половцы трепетали передъ Русью и покорны были Владимиру, именами русскихъ князей пугали своихъ дѣтей. Литва не смѣла выглядывать изъ болотъ. Венгры строили укрѣпленія, опасаясь русскихъ, только нѣмцы весело и радостно веселились, не боясь Мономаха, такъ какъ защищены были моремъ. Предъ именемъ Мономаха трепетали византійцы. (Царемъ Византіи называется Мануилъ—былинный Этмануйло Этмануйловичъ, Мануилъ Ягайловичъ). Кончается это воспоминаніе о быломъ величіи и красотѣ Руси изображеніемъ тяжелаго положенія ея во время княжескихъ междоусобицъ, наканунѣ татарскаго нашествія. Это время авторъ называетъ «болѣзнымъ».

Отрицать художественность и силу этого отрывка нельзя; настроеніе его аналогично тому, какимъ воодушевлено было „Слово о полку Игоревѣ“. Авторъ—переяславецъ (въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ).

Повѣсти о Куликовской битвѣ; ихъ редакціи.

Повѣсти о Куликовской битвѣ. Редакцій этого произведенія ученые насчитываютъ четыре: 1-я—*лѣтописная*, краткая, не отличающаяся особыми литературными достоинствами. 2-я—*народно-поэтическая*—близкое подражаніе „Слову о полку Игоревѣ“, и носящая, обыкновенно, названіе „Задонщины“. Это—издѣліе рукъ книжника, нечуждаго эстетическаго чутья, но лишеннаго творчества и оригинальности. 3-я редакція—*сводная*. Распространяя лѣтописное сказаніе цѣлымъ рядомъ фактовъ и подробностей, очевидно, старательно собранныхъ, составитель украсилъ мѣстами свой разсказъ поэтическими вставками, взятыми изъ „Задонщины“ и „Слова о полку Игоревѣ“. Наконецъ, 4-я редакція, стоящая въ сторонѣ отъ перечисленныхъ трехъ,—это та, которая

[1]) Истор. Христ. I, 247.

вошла въ „Слово о житіи Дмитрія Донскаго“. Это — краткі разсказъ о Куликовской битвѣ, не находящійся ни въ каких литературныхъ отношеніяхъ съ первыми тремя редакціями.

Лѣтописное сказаніе отличается искусственностью, книжностью Анахронизмовъ въ немъ нѣтъ, замѣчается стремленіе къ точност мѣста и времени. Поэтическій элементъ отсутствуетъ, или замѣнен книжнымъ: вмѣсто „плача боярынь“ помѣщенъ эпизодъ съ плачуще Рахилью. Введенъ въ изобиліи элементъ религіозный и, обычна въ лѣтописи, ругань по адресу татаръ, а, заодно, и по адрес Олега Рязанскаго, измѣнившаго общему дѣлу.

„Задонщина“. Приступъ.

Задонщина [1]). Приступъ произведенія очень искусственный: «Поидем братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него ж родися Русь преславная! Оттолѣ взыдемъ на горы кіевскія, и посмо тримъ съ ровнаго Днѣпра по всей землѣ Русской, и оттолѣ на восточну страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хиновя, пога ные татаровя, бусурмановя». Затѣмъ вкратцѣ пересказана исторія «злых временъ татарщины» отъ битвы при Каялѣ до Мамаева побоища. Затѣм авторъ приглашаетъ всѣхъ возславить битву Куликовскую: «Снидемся братія и други, и сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселим русскую землю!». Далѣе выдвигаются два главныхъ героя, одержавші побѣды, Дмитрій Донской и Владимиръ Андреевичъ. Авторъ, уподобляяс автору «Слова о полку Игоревѣ», собирается пѣть «по дѣломъ и по бы линамъ», хотя и онъ не можетъ не помянуть Баяна: «Не проразимся (н увлечемся) мыслію, но помянемъ первыхъ лѣтъ времена; восхвалимъ вѣ щаго Бояна [2]), въ городѣ Кіевѣ гораздa гудца. Той бо вѣщій Боянъ воскладая свои золотые персты на живыя струны, пояше славу рус скіимъ княземъ...». Затѣмъ, онъ поминаетъ еще какого-то мѣстнаго пѣвца рязанца Софонія.

Сборы войска.

Слѣдуя въ планѣ «Слову о полку Игоревѣ», авторъ переходитъ къ по этической характеристикѣ русскихъ участниковъ боя. Описывая сборы московской рати, онъ обращается къ жаворонку, называетъ его «красных дней утѣхой», зоветъ его взлетѣть подъ облака и оттуда смотрѣть н сборы русскихъ воиновъ: «кони ржутъ на Москвѣ; бубны бьютъ на Ко ломнѣ; трубы трубятъ въ Серпуховѣ; звенитъ слава по всей землѣ рус ской»—такъ передѣлываетъ онъ «Слово о полку Игоревѣ». «Чудно стяз стоятъ у Дону Великаго, пашутся хоругови берчаты, свѣтятся калантыр злачены». Далѣе изображается суматоха въ Новгородѣ,—горе граждан что они не успѣютъ привесть на помощь своихъ войскъ. Рѣчь Дмитрі къ сподручнымъ князьямъ взята изъ «Слова о полку Игоревѣ» и совер шенно некстати: «Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есмя был едино князя великаго Ивана Даниловича. Досюда есмя были, братіе

1) Истор. Христ. I, 242.

[2]) В[ъ] спискѣ XV в. (изд. Срезневскаго)—Бояна; въ спискѣ XVII (изд. Ундол ...ча“ вм. Бояна—очевидно, неудачное осмысленіе слова, значеніе котора

никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлу кречету, ни тому псу поганому Мамаю». Авторъ, словно, забылъ о татарскомъ игѣ.

Къ соловью обращается авторъ съ просьбой «выщекотать» (возславить пѣніемъ) двухъ Ольгердовичей, которые «подъ трубами повиты, подъ шеломы взлелѣяны.., съ востраго меча поены». Приведены ихъ рѣчи: «сядемъ, брате, на свои борзы комони, испіемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстраго Дону» и т. д. «Уже бо, брате, стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славнѣ городѣ Москвѣ. То ти, брате, не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: стучитъ сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича». Этотъ искусственно-народный оборотъ, до нѣкоторой степени, отразившій стиль «Слова о п. Игоревѣ», очень нравится автору «Задонщины»,—онъ повторяетъ его нѣсколько разъ. Подражаніе «Слову о п. Игоревѣ» сказалось и въ манерѣ распредѣлять матеріалъ. Въ «Словѣ» матеріалъ разбросанъ,—авторъ перелетаетъ отъ одного сюжета къ другому, отъ одной картины къ другой, и, въ общемъ, эти «перелеты» полны красоты и ширины размаха,—это, дѣйствительно, ширяніе встревоженнаго орла подъ облаками,—въ Задонщинѣ этотъ характеръ распредѣленія матеріала производитъ впечатлѣніе безсвязнаго нанизыванія фактовъ, такъ какъ между безпорядочно-соединенными образами не чувствуется присутствія того единаго духа, который воодушевляетъ и соединяетъ собой пестрыя картины «Слова о п. Игоревѣ». Природа поблекла въ «Задонщинѣ»: повторяя образы, взятые изъ «Слова о п. Игоревѣ», авторъ уже не чувствуетъ той внутренней связи, что соединяла эти образы и воиновъ Игоря, и самого князя, и его Ярославну въ одну картину. Авторъ «Задонщины» готовъ вмѣшательство природы объяснять аллегорически: «Сѣріи волцы воютъ на рѣкѣ, хотятъ поступити въ русскую землю. То ти были не сѣріи волцы: придоша поганые татарове». Такое непониманіе настроеній природы обезцвѣтило много картинъ природы. Припомнимъ, какая тревога носится надъ южно-русскою степью наканунѣ битвы съ половцами. Авторъ «Задонщины» перефразировалъ эту картину, желая придать ей другое освѣщеніе,—въ пользу русскихъ, — но съ «настроеніемъ» природы онъ совершенно не справился: «птицы небесныя, пасущеся ту, подъ синія оболака летятъ, ворони граютъ, галицы свои рѣчи говорятъ, орли восклекчутъ, волцы грозно воютъ, лисицы часто брешутъ, чаютъ побѣду на поганыхъ, а ркучи такъ: земля еси Русская, какъ еси была доселева за царемъ за Соломономъ, такъ буди и нынѣча за княземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ». Почему въ уста лисицамъ вложены эти прочувствованныя авторомъ «Слова» и совершенно непонятыя авторомъ «Задонщины» слова: «О, русская земля уже за шеломенемъ (за холмомъ, за границей) еси!»—понять трудно.

Описаніе боя сравнительно удачно,—въ картинѣ чувствуется настроеніе: «Тогда соколи и кречети, бѣлозерскіе ястреби борзо за Донъ перелетѣша, удариша на гуси и лебеди. Грянуша копія харалужныя, мечи булатные, топоры легкіе, щиты московскіе, шеломы нѣмецкіе, байданы бесерменскіе. Тогда поля костьми насѣяны, кровьми поліяны» Слава о битвѣ разошлась по всему свѣту,—слѣдуетъ перечень народовъ, узнавшихъ о битвѣ. «На томъ полѣ сильныя тучи ссступишася, а изъ нихъ часто [сіяли молоньи и загремѣли громы велицыи: то ни ссступишася

Заимствованія.

Распредѣленіе матеріала.

Природа.

Описаніе боя.

русскіе удальцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе!» Послѣ діалога Пересвѣта и Осляби авторъ рисуетъ первое пораженіе русскихъ,—какъ извѣстно, это было

Пораженіе русскихъ.

лишь пораженіе части войска, сейчасъ же смѣнившееся побѣдой. Авторъ не умѣлъ этого выразить и картину пораженія нарисовалъ слишкомъ широко: «по Рязанской землѣ, около Дону, ни ратаи, ни пастуси не кличутъ, ни трубы не трубятъ, только часто вдрони граютъ, зогзицы кокуютъ, на трупы падаючи»—картина, которая въ «Словѣ» изображаетъ цѣлую эпоху. Сейчасъ же послѣ этого помѣщенъ плачъ [1]) русскихъ боярынь. Одно только обращеніе къ Дону напоминаетъ плачъ Ярославны. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о нападеніи засаднаго войска на побѣдителей-татаръ. Нападеніе это, съ исторической точки зрѣнія, представлено невѣрно, съ художественной слишкомъ—растянуто: характеръ внезапности натиска совершенно утерянъ, вслѣдствіе введенія длинныхъ рѣчей князя Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича.

Пораженіе татаръ.

Далѣе разсказывается о пораженіи татаръ. Побѣжденные «поганые», «побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчуще зубами своими, друще лица своя, а ркуще такъ: «Уже намъ, братіе, въ землѣ своей не бывать» и пр. Перечисляется добыча, доставшаяся русскимъ: татарскія узорочья и доспѣхи, и кони, и волы, и верблюды, и вино, и сахаръ, и другое узорочье; уже жены русскія «восплескаша татарскимъ златомъ». Мамаю, который, съ горя и злобы, «взвылъ сѣрымъ волкомъ», «фрязове» (т. е. франки) читаютъ подобающее наставленіе.

Прощаніе в. князя съ тѣлами.

Сильную картину представляетъ въ «Задонщинѣ» сцена прощанія великаго князя съ тѣлами соратниковъ: «сталъ великій князь, Дмитрій Ивановичъ... *на костехъ*, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно бо и жалостно, братіе, въ то время и посмотрѣти, еже лежатъ трупи хрестьянскіе у Дона Великаго..». Слѣдуетъ перечень павшихъ князей и бояръ. Въ заключеніе, авторъ помѣщаетъ «славу» Богу и князьямъ, которые добыли себѣ чести.

„Повѣданіе и сказаніе“. Приступъ.

Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского начинается съ воззванія къ какому-то «Урану», очевидно, непонятому *Бояну*. Авторъ проситъ у него помощи, чтобы изобразить бой христіанъ съ агарянами. Съ первыхъ же строкъ чувствуется въ авторѣ начетчикъ въ св. Писаніи: возвеличеніе русскихъ Господомъ онъ сравниваетъ съ торжествомъ Гедеона надъ язычниками, побѣдъ «православнаго» Моисея надъ Фараономъ. Послѣ такого библейски-поэтическаго вступ-

Начало разсказа.

ленія авторъ впадаетъ въ тонъ лѣтописи: «Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, еллинъ сы родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злой...» По обычаю лѣтописца, роль дьяволу отведена большая: «вниде въ сердце его діаволъ-подстрекатель, иже всегда пакости дѣя христіанамъ...». Слѣдуетъ воспоминаніе о нашествіи Батыя, читается нравоученіе татарамъ, съ указаніемъ на паденіе Іерусалима, какъ наказаніе за грѣхи. «Господь, что хощетъ, то и творитъ», «рука Божія высока»,—такія сентенціи пересы-

[1]) О „плачахъ“ см. стр. 127 (прим. 2), 131.

-лают разглагольствования автора. Мамай отправился на Русь, «сердитуя, яко левъ, пыхая, яко неутолимая ехидна». Олегъ Рязанскій рѣшился измѣнить русскому дѣлу, перейти на сторону татаръ: «Бысть же у Олега, князя Рязанскаго, скудость ума въ главѣ, и сатана ухищреніе вложилъ въ сердце его». Слѣдуютъ подробные тексты его обращенія къ Мамаю и Ольгерду, котораго онъ звалъ себѣ на помощь. Мамай принялъ благосклонно предложеніе Олега,—по этому поводу авторъ опять морализуетъ. Въ противоположность безбожному Олегу, выставленъ благочестивый великій князь Дмитрій Ивановичъ, который постоянно молится. Приведена длинная молитва его предъ иконою. Примѣры изъ св. Писанія заключаютъ эту молитву. Затѣмъ великій князь обращается за утѣшеніемъ къ митрополиту Кипріану, который, въ свою очередь, произноситъ длинную рѣчь, полную благочестивыхъ мыслей и нравоученій,—между прочимъ, говоря о милости Бога, ссылается на подвигъ Меркурія Смоленскаго, этого Божьяго посланника. Послѣ бесѣды съ митрополитомъ великій князь опять молится Богу. Очевидно, житіе Александра Невскаго дало автору «Повѣданія» мотивъ противопоставленія благочестиваго князя безбожному врагу. Молитва и обращеніе къ пастырю церкви,—все это повторенія «Житія Александра», съ тою только разницею, что подражатель не зналъ мѣры. Послѣ длинныхъ разговоровъ князя съ митрополитомъ и сподручными людьми слѣдуетъ разсказъ о сборахъ князей-участниковъ. Напримѣръ: «приспѣли князи Бѣлозерскіи; подобны суть воиномъ крѣпкимъ, вельми доспѣшни и кони воински наряжены подъ ними»—совершенно обезцвѣченный образъ, слабо напоминающій соотвѣтствующія мѣста «Слова о полку Игоревѣ» и даже «Задонщины». Выступленіе въ походъ рати московской заимствовано почти цѣликомъ изъ «Задонщины»: «уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ во славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать великаго князя Дмитрія Ивановича». Затѣмъ разсказано о свиданіи великаго князя съ преп. Сергіемъ. Вернувшись изъ паломничества въ Москву, великій князь опять съ умиленіемъ и слезами молится (въ печатномъ текстѣ молитвы почти 3 страницы). Живыми чертами изображено прощаніе съ семьей. Великая княгиня, въ «слезахъ захлипаяся ко сердечному, ни едина не можетъ словеси рещи». Затѣмъ великій князь «вступи во златокованно стремя и сѣде на своего любовнаго коня... Солнце со всхода свѣтитъ и путь его повѣдаетъ, и вѣтрецъ тихъ и теплъ вѣетъ»—образъ, заимствованный изъ «Задонщины», но улучшенный авторомъ «Повѣданія». Князья Бѣлозерскіе изъ всѣхъ выдѣлены своею удалью и молодечествомъ; они сравнены съ соколами, которые рвутся на стадо лебединое. Князь Владиміръ характеризуетъ воиновъ русскихъ перифразомъ изъ «Задонщины»: русскіе удальцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони и пр... Дорога имъ вельми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду, государя великаго князя»—эта рѣчь (о дорогѣ) заимствована изъ «Слова о п. Игоревѣ». Повторяется предзнаменованіе будущей удачи боя: «спереди ему солнце сіяетъ и добре грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ». Затѣмъ мы переносимся въ «златоверхій теремъ» великой княгини: въ длинной молитвѣ проситъ она у Бога помощи. Слѣдуетъ поэтическое описаніе сбора храбрецовъ русскихъ и приводятся рѣчи новгородцевъ,

Олегъ Рязанскій.

Личность в. к. Дмитрія Ивановича.

Вліяніе житія Александра Невскаго.

Вліяніе „Задонщины".

Прощаніе князя съ семьей.

Плачъ княгини.

опоздавшихъ къ сбору. Переходъ русскихъ войскъ черезъ рѣку опять пред-ставленъ заимствованнымъ изъ «Задонщины»: «не громъ гремитъ» и пр

Много мѣста отведено Олегу Рязанскому, который не знаетъ, на что рѣшиться: онъ жалѣетъ, что связался съ Мамаемъ и Ольгердомъ, кото-

Ольгердовичи. рый имѣетъ законъ «гугниваго Петра» [1]). Сыновья Ольгерда, удалы Ольгердовичи, переходятъ отъ отца на сторону московской рати. Ихъ авторъ «Повѣданія» сравниваетъ съ Іосифомъ и Веніаминомъ; изобра-жена радость русскихъ, «яко неудобь быти мочно таковому возстанію яко дѣти оставиша отца, и поругашеся ему, яко же иногда волсв Ироду».

Природа. Тревожное настроеніе природы передъ боемъ изображено удачно «пріидоша на то мѣсто мнози волци, по вся нощи воютъ непрестанно гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утвержаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли отъ устъ Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дня грознаго, Богомъ изволеннаго... Отъ таковаго страха, и отъ великія грозы дерева преклоняются, и трава постилается...»

Далѣе сообщаются разныя мелкія извѣстія о передвиженіяхъ войскъ.

Смотръ войскъ. Смотръ войскъ изображенъ вполнѣ художественно. Въ этой необъятной массѣ войска, въ разногласіи трубъ и шумѣ знаменъ чуется общее настроеніе. Великій князь «выѣха на высокое мѣсто и видѣ образъ святый же Ісусъ изображенъ на хрестьянскихъ знаменіяхъ, аки солнце свѣтящеся; и стязи ревутъ, паволочія простирающеся, аки облацы, тихо трепещущи, хоругви, аки живи, пашутся, а доспѣси русскіе, аки воды во вся вѣтри колеблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утренняя заря во время вѣдряна солнце свѣтящеся, ловцы (гребень на шлемѣ) шеломовъ ихъ, аки пламя огненно, пашутся». Впечатлѣніе грандіознаго зрѣлища удачно выражено восклицаніемъ, вырвавшимся изъ устъ пылкихъ Ольгердовичей и вдохновенной молитвой великаго князя предъ его чернымъ знаменемъ. Всѣ критики «Повѣданія» останавливаются

Гаданіе в. князя передъ боемъ. затѣмъ на прекрасной картинѣ гаданія великаго князя Дмитрія Ивано-вича и Дмитрія Волынца. Князь въ глубокую ночь отъѣхалъ отъ своего стана далеко въ поле и сталъ вслушиваться въ звуки ночи: безпокойный неясный шумъ несся со стороны татарской—далекое завываніе волковъ и крикъ птицъ присоединялись къ этому говору стана... Русскій же лагерь былъ тихъ,—лишь отъ огней золотилось надъ нимъ ночное небо, словно блескъ утренней зари. Волынецъ объяснилъ это знаменіе въ пользу рус-скихъ. Затѣмъ онъ, припавъ къ землѣ, сталъ слушать—и плачемъ отвѣ-тила ему земля; съ татарской стороны, словно мать оплакивала своихъ дѣтей,—съ русской, какъ свирѣль плакала красная дѣвушка. Эта при-мѣта предсказывала большія потери съ обѣихъ сторонъ.

„Видѣніе". Слѣдуя «Житію св. Александра Невскаго», авторъ «Повѣданія» вво-дитъ «видѣніе»: свв. бр. Борисъ и Глѣбъ являются одному изъ стра-жей. Видѣвшій пересказываетъ объ этомъ великому князю; тотъ вслѣдствіе своей богомольности, пользуется случаемъ, чтобы произнести

---

[1]) Ересь александрійскаго патріарха Петра.

[у]даленную молитву, въ которой поминаетъ и Бориса съ Глѣбомъ, и Давида, [и] Моисея, и Александра Невскаго.

Затѣмъ подробно говорится о приготовленіяхъ къ бою, о присылкѣ [б]лагословенія отъ св. Сергія, о молитвахъ великаго князя, объ его желаніи [б]иться въ рядахъ простыхъ воиновъ, наконецъ, о началѣ битвы. Описа[н]іе боя опять принимаетъ поэтическій колоритъ «Слова о п. Игоревѣ» [и] «Задонщины» («треснуша копія харалужная, звенятъ доспѣхи злаченыя» [и] пр.). Кровопролитіе боя изображено довольно картинно: помутились [р]ѣки, кровавые ручьи, какъ рѣчныя быстрины, текутъ во всѣ стороны. [В]оззваніе къ Господу и его волѣ прерываетъ разсказъ. Живо изображено [в]ыступленіе засаднаго полка, ужасъ татаръ и горе Мамая, который [н]апрасно взывалъ къ «своимъ» богамъ: Перуну, Салманату, Мокошѣ, [Р]аклію и Русу [1]). Слѣдуетъ разсказъ о поискахъ тѣла великаго князя, [о]писаніе поля, покрытаго трупами, и произведеніе заканчивается восхва[л]еніемъ русской земли.

Приготовленіе къ бою.

Описаніе боя.

Подробное изложеніе содержанія произведеній, прославившихъ [К]уликовскую битву, достаточно свидѣтельствуетъ о близости ихъ [к]ъ „Слову о полку Игоревѣ". Итакъ, „Задонщина" есть близ[к]ое и неумѣлое подражаніе „Слову", перифразъ оттуда безъ до[с]таточнаго пониманія настроенія и даже иногда смысла своего [и]сточника. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не имѣли точекъ сопри[к]основенія съ содержаніемъ „Слова"—авторъ болѣе удачливъ и [д]аже едва ли не оригиналенъ. Выше стоитъ по литературнымъ [д]остоинствамъ авторъ „Повѣданія": картины, имъ заимствован[н]ыя, болѣе умѣстны и выражаютъ извѣстное настроеніе. Правда, [п]о составу своему, „Повѣданіе"—памятникъ „пестрый", соста[в]ленный подъ вліяніемъ нѣсколькихъ разнородныхъ произведе[н]ій (Задонщина, житіе, лѣтопись, устный разсказъ); авторъ не [о]бъединилъ этихъ вставокъ однимъ стилемъ: оттого эти стили, [н]е смѣшиваясь, чередуются между собой.

Сравненіе этихъ повѣстей.

Насколько сильно было въ „Повѣданіи" вліяніе устнаго твор[ч]ества, видно изъ тѣхъ анахронизмовъ, которые вошли въ произве[д]еніе: митрополитъ Кипріанъ, съ которымъ совѣтуется великій князь, [б]ылъ поставленъ митрополитомъ только въ 1381 г., моленія предъ [В]ладимірскою иконою Божіей Матери также не могло быть, такъ [к]акъ икона явилась въ 1395 г. Ольгердъ дѣйствовать не могъ, [т]акъ какъ онъ умеръ въ 1377 г. Тѣмъ не менѣе, авторъ „Повѣданія" [я]сенъ намъ: богомольный, религіозный человѣкъ, уже московскаго [к]ошибa, съ поэтическимъ чутьемъ, не обдѣленный и даромъ твор[ч]ества,—въ его заимствованіяхъ, всегда умѣстныхъ, чувствуется

Вліяніе народнаго творчества.

---

[1]) Въ другихъ спискахъ: Раклія—Ираклій, Русъ—Гурсъ—Хорсъ.

пережитое настроеніе; онъ начитанъ болѣе автора „Задонщины“, такъ какъ знаетъ цѣлый рядъ произведеній, житій и повѣстей; если въ „Задонщинѣ“ мы зачастую встрѣчаемъ лишь неудачный перифразъ, то въ „Повѣданіи“ мы сталкиваемся уже съ „общими мѣстами“: всѣ эти описанія вооруженія, описанія боя,—все это свидѣтельства о принадлежности произведенія къ опредѣленной литературной школѣ „воинскихъ повѣстей“.

Характеристика письменности этого періода.

§ 38. Историческія условія русской жизни этого переходнаго періода опредѣлили и содержаніе, и характеръ творчества. Перенесеніе культурныхъ центровъ на сѣверо-востокъ, нашествіе татаръ и татарское иго, самобытность культурнаго развитія, аскетизмъ и мистицизмъ въ русскомъ обществѣ, приведшій къ углубленію религіозныхъ интересовъ, постепенное поглощеніе мѣстныхъ интересовъ Москвой,—вотъ, тѣ историческія основанія, которыя обусловили всѣ характерныя особенности творчества этой поры.

Знакомство съ русской литературой этого періода приводитъ насъ къ убѣжденію, что—1) въ началѣ половины его (половина XIII в.), мы въ сѣверо-восточной Руси видимъ характеръ культуры еще въ духѣ кіевской: выдвигаются отдѣльные книжные люди выдающейся эрудиціи (авторъ «Толковой Палеи», передѣлыватель «Александріи»). 2) Съ конца XIII до XV в. замѣчается общее пониженіе литературнаго творчества, но за то,—a) мало-по-малу, опредѣляется *идейность* въ литературѣ: она начинаетъ служить интересамъ мѣстной политической жизни (борьба князей), и откликается на историческія событія (нашествіе татаръ), она отвѣчаетъ интересамъ духовной жизни (аскетизмъ и мистицизмъ); в) на нѣкоторыхъ жанрахъ (житіяхъ, поученіяхъ) сказываются новыя литературныя вліянія; c) начинается скрещеніе народнаго творчества съ книжнымъ (легенды, сказки, стихи). 3) Подобно тому, какъ въ кіевскій періодъ, мы и здѣсь съ самаго начала эпохи застаемъ нѣсколько культурныхъ центровъ, со своей «мѣстной» литературой (мѣстныя легенды, сказанія, лѣтописи). 4) Мы видимъ *приспособленіе* старыхъ жанровъ къ потребностямъ новой исторической жизни (утилитарный, прикладной характеръ проповѣди, узко-мѣстный характеръ лѣтописи). Наконецъ, 5) мы наблюдаемъ *зарожденіе* новыхъ жанровъ (историческая повѣсть, легенда, духовные стихи, историческія пѣсни).

Періодъ московскій; отличіе его отъ кіевскаго; возвышеніе Москвы.

§ 39. *III. Періодъ Московскій (отъ XV до XVII вв.).* Еще въ кіевскій періодъ Русь сознала свое *единство народное*, племенное,—это видно и въ „Поученіи Владимира Мономаха“, и въ лѣтописи, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, — Руси XIV—XVI вв. суждено было сознать еще *единство государственное.* Москва сдѣлалась выразительницею этого единства. Этому способствовала традиціонная политика московскихъ князей, направленная къ „собиранію земли“, и перенесеніе митрополіи въ Москву. Уничтоженіе удѣльныхъ смутъ, освобожденіе отъ татарскаго ига,—все это было первыми результатами этого уси-

ленія Москвы. Немудрено, что разрозненная Русь, измученная безпорядками и смутами, съ надеждой и благоговѣніемъ стала смотрѣть на Москву.

Флорентійская унія.

Въ 1439-омъ году совершилась Флорентійская унія, и авторитетъ греческаго православія совершенно палъ въ глазахъ русскихъ; они уніи не признали и были горды сознаніемъ того, что оказались болѣе тверды въ вѣрѣ отцовъ, чѣмъ ихъ учителя-греки. Московская митрополія, съ ея непоколебимымъ благочестіемъ, возвысилась теперь въ глазахъ всей Руси за счетъ всей восточной церкви, пошедшей на уступки западу.

Паденіе Царьграда.

Въ 1453-емъ году Царьградъ оказался въ рукахъ турокъ; перестал существовать византійскій императоръ, до тѣхъ поръ, съ точки зрѣнія русскихъ, единственный „православный" царь во вселенной. Пришлось ему искать преемника, правовѣрнаго и могущественнаго. Такимъ былъ тогда только московскій великій князь. И вотъ, не только русскіе люди, но и южные славяне, и восточные христіане начинаютъ смотрѣть на Москву, какъ на преемницу павшей Византіи, послѣдній оплотъ православія. „Всѣ христіанскія царства, писалъ одинъ книжникъ, погибли и сошлись въ единое царство нашего государя, т. е. въ Россійское царство. Два Рима пали, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не бывать". „Единъ ты во всей поднебесной царь-христіанинъ!"— писалъ онъ московскому князю. Такъ условія исторической жизни самой Россіи возвеличили Москву и ея князя, а событія всемірной исторіи (паденіе Цареграда и Флорентійская унія) еще усилили авторитетъ московскаго князя, обязавъ его новой *міровой* ролью быть представителемъ православія. Бракъ Ивана III на Софьѣ Ѳоминишнѣ былъ такъ же необходимъ для московскаго дѣла, какъ ранѣе бракъ Владиміра Св. на византійской княжнѣ. Съ этимъ пріобщеніемъ къ дому греческихъ императоровъ въ Москву принесена была ясная программа дальнѣйшаго стремленія къ абсолютизму въ духѣ византійскаго самодержавія. Заботы о титулахъ, о придворныхъ церемоніяхъ, новое отношеніе къ своему государству и чужимъ,—все это было завершеніемъ этого новаго теченія государственной жизни, которое сложилось на сѣверо-востокѣ Руси. Путешественникъ Герберштейнъ, посѣтившій Москву въ первой половинѣ XVI в., замѣтилъ, что великій князь Василій докончилъ дѣло своего отца—своею властію надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Въ Москвѣ говорили тогда про своего владыку: „воля государева—Божья воля,

Царствованіе Ивана III.

государь—исполнитель воли Божьей". „Мы того не знаемъ, говорили москвичи, знаетъ то Богъ, да государь!" Такъ въ московской Руси сложились идеалы „самодержавія, православія и народности",—которые надолго сдѣлались основаніемъ всего государственнаго строя Россіи. Народъ укрѣпился въ національномъ высокомѣріи, въ самодовольномъ сознаніи того, что онъ—народъ, Богомъ избранный, не нуждающійся въ указаніяхъ извнѣ, что его родина—„святая Русь"; западное просвѣщеніе казалось ему чѣмъто вреднымъ, опаснымъ для вѣры и даже государственнаго благополучія. По мнѣнію москвичей, Византія пала, между прочимъ, потому, что сблизилась съ западомъ.

Политическіе идеалы московской Руси.

Но, кромѣ того, она пала, по мнѣнію русскихъ людей, вслѣдствіе неустройствъ религіозной, государственной жизни,—что заставляло многихъ русскихъ тревожно осматриваться и на себя. При всемъ своемъ самомнѣніи, русскіе люди не могли не замѣтить, „что старина поисшаталась" и на Руси: церковныя книги полны ошибокъ вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, духовенство необразовано, не говоря уже о простомъ народѣ; благочестіе у многихъ получило чисто-внѣшній, обрядовый характеръ, усилились суевѣрія, наблюдался упадокъ нравственности; ереси, смѣнявшія одна другую, тоже сильно смущали умы передовыхъ русскихъ людей. Вотъ почему въ этотъ же періодъ величія московскаго царства замѣчается желаніе исправить русскую жизнь, но, что особенно важно,—не въ прогрессивномъ смыслѣ, а въ строго консервативномъ,—„вернуть старину", очиститься отъ тѣхъ вредныхъ новшествъ, которыя погубили Византію и которыя завелись и у насъ.

Забота московскихъ людей о возстановленіи старины.

Въ исторіи русской церкви новая государственная жизнь тоже отразилась очень своеобразно. Съ тѣхъ поръ, какъ митрополія была перенесена въ Москву—высшее духовенство попало въ тотъ могучій потокъ, который увлекалъ Москву, ея князей, всю Русь къ новому политическому строю. Митрополитамъ поневолѣ пришлось играть роль политическую, которой ранѣе церковь русская не знала. Эти занятія „политикой" привели къ тому, что теперь представители русской церкви сдѣлались лишь сподручными министрами, исполнителями высшихъ предначертаній. Конечно, и раньше духовенство, близкое къ дворамъ разныхъ мелкихъ князей, принимало на себя миссіи, выходившія изъ компетенціи церкви, но все это происходило тогда въ размѣрахъ очень маленькихъ—въ Москвѣ же приняло широкіе размѣры,—отсюда явилась взаимная

Русская церковь въ этотъ періодъ.

opука свѣтской и духовной властей,— одна поддерживала другую. акъ русская церковь, въ союзѣ съ администраціей, изъ свобод-ой и независимой, сдѣлалась подначальнымъ органомъ государ-твенной жизни.

Церковные и политическіе дѣятели этой эпохи.

Этотъ „союзъ" прикрывался идеей „величія" Москвы. Это астроеніе тогдашней русской жизни было до такой степени сильно, то выдвинуло цѣлый рядъ крупныхъ дѣятелей консервативнаго ошиба: Іосифъ Санинъ (Волоцкій), протопопъ Сильвестръ, съ его Домостроемъ", митрополиты Даніилъ и Макарій,—вотъ, главные го выразители.

Іосифъ Волоцкій.

Іосифъ Волоцкій былъ типичнымъ представителемъ московской обра-ованности. Онъ былъ рѣдкимъ книжникомъ-«начетчикомъ», и совершенно е былъ богословомъ; взглядъ его на источники христіанскаго вѣроученія ишенъ критицизма. Для него житія святыхъ, церковныя пѣснопѣнія, покрифы, гражданскіе законы и постановленія византійскихъ импера-оровъ имѣли одинаковое значеніе съ соборными и святоотеческими пра-илами. Не разграничивая Ветхаго Завѣта отъ Новаго, онъ не входилъ ъ пониманіе сущности христіанства, признавая его лишь съ формаль-ой стороны. Естественно, что и онъ самъ, и его ученики были противъ сякой «новой мысли».

Если въ лицѣ Іосифа эта „старая мысль" достигла апогея воего развитія, то и „новая мысль" къ его времени расцвѣла ъ дѣятельности Нила Сорскаго и его сподвижниковъ; иноземныя ліянія въ этомъ направленіи издавна шли на Новгородъ и Псковъ: еще въ XIV в. тамъ явилась „ересь" „стригольниковъ", ъ XV в. смѣнившаяся ересью „жидовствующихъ" [1]).

Между ними возникла борьба,—первая открытая борьба рус-кихъ прогрессистовъ и консерваторовъ: сперва она держалась на очвѣ церковной, потомъ коснулась и политической,—вопроса о арской власти, неограниченной, или ограниченной.

Сподвижники Іосифа Вол. въ борьбѣ съ „мыслью".

Сподвижники Іосифа, устрашенные взрывомъ самостоятель-ости мышленія, объявили войну „мнѣнію" (т. е. свободной ысли, размышленію), а отъ него и „книгѣ" вообще. Вотъ по-ему, изъ страха передъ этой „новой мыслью" въ половинѣ XVI в.,

---

[1]) Названіе это было дано ереси ея обличителями и объясняется тѣмъ, что ресь повела свое начало отъ еврея Схаріи; обличители говорили, что еретики, будто ы, предпочитали Ветхій Завѣтъ Новому, распространяли еврейскія книги, отрицали жественность Христа и ждали новаго Мессію. Но если это и было, то не въ этомъ ылъ смыслъ и сила ереси, а въ томъ критицизмѣ, съ которымъ относились еретики ъ основамъ московскаго благочестія: они отвергали иконопочитаніе, церковные обряды, онашество,—словомъ, все то внѣшнее благочестіе, за которое стояла государствен-ая московская церковь.

даже на самое чтеніе книгъ сталъ проводиться отрицательны взглядъ. Невѣжды говорили тогда: „грѣхъ простымъ чест апостолъ и евангеліе“. Простые люди боялись „въ руки взяти евангеліе. Инокъ Артемій передаетъ, что его современники повто ряли: „не чти много книгъ, да не въ ересь впадешь“. И есл кто изъ книжниковъ въ то время сходилъ съ ума, то о нем говорили: „зашелся есть въ книгахъ“. Въ одномъ поученіи чи таемъ: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ, любяй геометрію. а се душевные грѣси, учитися отрокомъ еллинскимъ книгамъ. проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный,— своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различны люби простыню (простоту) паче мудрости; высочайшее себѣ н взыскуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе,—то содержи“ Одинъ изъ такихъ „благочестивцевъ“-невѣждъ, съ самодоволь ною скромностью, заявлялъ во всеуслышаніе: „я—человѣкъ сел ской, учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философы въ бе сѣдѣ не бывалъ,—учуся буквамъ благодатнаго закона, даб мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ“.

Сторонники и защитники „мысли“.

Но ожившую мысль остановить было уже нельзя: мож было уничтожить людей, носителей идеи, но сама идея всегд безсмертна и неуловима. Какъ реакція формализму благочестія явилась потребность „внутренняго устроенія души“, „умн дѣланье“—т. е. исканіе той сущности христіанства, котора оставалась непонятой у насъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Дѣя тельность Нила Сорскаго, Вассіана Патрикѣева, раціоналисти ческихъ сектъ съ ихъ многочисленными развѣтвленіями,—яс показывала, что религія у многихъ глубоко затронула сознані

Нилъ Сорскій.

Проведя юность въ строгомъ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, Ни поѣхалъ на Аѳонъ и оттуда вернулся на родину со взглядами, еще бол суровыми. Онъ былъ послѣдователемъ аскетически-созерцательнаго напр вленія, тогда проявившагося съ особой силой въ восточной церкви. Э направленіе выразилось, главнымъ образомъ, въ стремленіи религію вн тренняго убѣжденія поставить выше внѣшняго, обрядоваго ея пониман Такое пониманіе сущности религіи—1) вело къ терпимости въ дѣла религіозныхъ,—всякій могъ вѣрить такъ, какъ ему подсказываетъ е убѣжденіе, 2) заставляло внимательно и вдумчиво относиться къ сущ ственнымъ вопросамъ религіи. Въ то время, какъ государственная церко учила, что «мнѣніе» (т. е. размышленіе) ведетъ къ гибели, Нилъ Со скій училъ думать о вопросахъ религіи, училъ разбираться въ церко выхъ книгахъ. «Писаній много, да не всѣ они божественны»,—говорилъ он

Нилъ и Іосифъ.

Въ сферѣ чисто-церковной оба современника разошлись—1) въ пон

нiи значенiя церкви: Нилъ отрицалъ за церковью право играть поли-
ческую роль въ государствѣ,—Iосифъ стоялъ на противоположной
чкѣ зрѣнiя; 2) во взглядѣ на право монастырей имѣть собственность.
илъ доказывалъ, что монахи—люди, отрекшiеся отъ благъ земной жизни,—
имѣютъ права жить въ монастыряхъ богатыми помѣщиками,—Iосифъ
стаивалъ права монастырей имѣть собственность. Эти принципiальныя
ззрѣнiя Нила особенно рѣзко выразились у сторонниковъ его, «старцевъ
волжскихъ» (монахи сѣверныхъ монастырей).

На простомъ людѣ тоже сказалось это пробужденiе сознанiя, тя, на первыхъ порахъ,—простымъ „шатанiемъ" умовъ. Iосифъ олоцкiй такъ изобразилъ это настроенiе: „нынѣ и въ домѣхъ, на путѣхъ, и на торжищахъ иноци, и мiрстiи, и вси сонмятся, и о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ и отъ апостолъ, ниже ъ св. отецъ, но—отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ". а масса „полуеретиковъ" была благопрiятной почвой для ересей. „Шатанiе умовъ".

Со всѣми этими колебанiями проснувшейся мысли вносился цiоналистическiй элементъ въ дѣло религiи, къ нему присоединялось ямое влiянiе извнѣ, дававшее для ищущей мысли уже готовое ченiе, которое и привело къ матерiализму. И вотъ, еретики дошли того, что стали отрицать загробную жизнь. „Что-то царство бесное?—говорилъ московскiй митрополитъ Зосима, зараженный ересью жидовствующихъ". Что-то второе пришествiе? Что-то скресенiе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто,—инъ то еръ,—по та мѣста и былъ!" Вотъ, какую пеструю картину едставляло собою русское общество наканунѣ новаго времени. емный людъ, съ его „двоевѣрiемъ", невѣжественные духовные стыри, не отличавшiе каноническихъ книгъ отъ апокрифическихъ осифъ Волоцкiй) и молившiеся на каждую букву писанiя, ока-вшiеся не въ состоянiи внести въ книги исправленiя, а потому явшiеся ихъ. И въ то же время пробужденiе мысли, прини-вшее изъ „шатанiя" грозные размѣры ересей. Рацiонализмъ въ русскомъ самосознанiи. Русское общество наканунѣ XVII в.

§ 40. *Проповѣди, поученiя и богословскiя сочиненiя.* Всѣ эти чиненiя, отражая настроенiя времени, отличались боевымъ ха-ктеромъ: они направлены были или противъ недостатковъ обще-венной жизни, или противъ церковныхъ заблужденiй (ереси), или едставляли собою полемику одной группы церковныхъ дѣятелей другою. Проповѣди, поученiя, посланiя.

Такъ, ересь „жидовствующихъ" вызвала нѣсколько обличи-льныхъ посланiй Геннадiя, архiепископа Новгородскаго [1]).

[1]) Борьба съ „жидовствующими" заставила того же Геннадiя позаботиться о полномъ реводѣ Библiи и о продолженiи пасхалiи на восьмую тысячу лѣтъ.

Посланія еп. Геннадія.

Для прекращенія ереси Геннадій требовалъ казни ерети ковъ,—онъ ссылался на испанскую инквизицію, успѣшно искоре нявшую ереси. Его поддержалъ Іосифъ Волоцкій. Онъ напи салъ по поводу ереси нѣсколько посланій, которыя вошли въ ег

„Просвѣтитель“ Іосифа Волоцкаго.

большой полемическій трактатъ „Просвѣтитель“—первое, по вре мени, богословское сочиненіе на Руси. Въ этомъ сочиненіи, опро вергая мнѣнія еретиковъ, Іосифъ защищаетъ монашество, отста ваетъ право монастырей на собственность. Противъ еретиковъ он рекомендуетъ строгости, особенно противъ тѣхъ изъ нихъ, которы завлекаютъ православныхъ,—такихъ надо, по его мнѣнію, „н точію ненавидѣти, или осуждати, но и проклинати и язвити, симъ руку свою освѣтити“.

Посланіе „старцевъ заволжскихъ“.

Противъ этого мнѣнія энергично возстали нѣкоторые духов ные, особенно „старцы заволжскіе“, иноки Вологодскаго и Ки рилло-бѣлозерскаго монастырей, жившіе не въ монастыряхъ, а отдѣльно, въ скитахъ на Бѣлоозерѣ. Изъ нихъ самымъ энергич нымъ и талантливымъ былъ Вассіанъ Патрикѣевъ, ученикъ Нил Сорскаго; ему приписываютъ сочиненіе соборнаго „отвѣта“ стар цевъ Іосифу на его „Просвѣтитель“; въ этомъ отвѣтѣ старц указывали на то, что суровыя мѣры Іосифа противорѣчатъ за вѣтамъ Христа, и не безъ ироніи высмѣивали Іосифа, которы сравнилъ себя съ апостоломъ Петромъ.

„Уставъ“ Нила.

Нилъ Сорскій оставилъ послѣ себя „Уставъ, или преданi о жительствѣ скитскомъ“. Предписывая инокамъ строгую нестя жательность, онъ велъ ихъ къ внутреннему духовному совершен ству. „Умная молитва, говоритъ онъ, выше тѣлесной: тѣлесно дѣланіе—листъ, а внутреннее, умное—плодъ“. Говоря о тѣх „помыслахъ“, съ которыми нужно бороться инокамъ, пр. Нил вступилъ въ область „психологіи“; если его характеристик человѣческихъ „страстей“ и не вполнѣ оригинальны,—онѣ был новостью въ русской письменности.

Максимъ Грекъ.

Особенно дѣятельное участіе въ рѣшеніи всѣхъ вопросов интересовавшихъ русскую церковь, принялъ Максимъ Грек Онъ былъ албанскимъ грекомъ (род. 1480 г.), долго жилъ учился въ Италіи, гдѣ засталъ расцвѣтъ Возрожденія. Чрезмѣр ное увлеченіе классическимъ міромъ, когда самое христіанств потускнѣло передъ блескомъ античной культуры, уже тогда, в самой Италіи, встрѣтило оппозицію; однимъ изъ представителе ея былъ проповѣдникъ Саванаролла, съ которымъ судьба свел и Максима Грека. Отчасти подъ вліяніемъ его суроваго, обличи

тельнаго слова, Максимъ не поддался увлеченіямъ эпохи, сдѣлался аскетомъ и удалился на Аѳонъ. Въ 1518 году онъ пріѣхалъ въ Москву, вызванный для исправленія церковныхъ книгъ. Съ увлеченіемъ отдался Максимъ служенію новой родинѣ; онъ добровольно расширилъ кругъ своей дѣятельности: не только переводилъ и исправлялъ книги, но объяснялъ истинный смыслъ вѣры, толковалъ значеніе церковныхъ обрядовъ, обличалъ суевѣрія и пороки, боролся противъ пропаганды латинства и ереси. Около него образовался кружокъ русскихъ людей, которые жадно слушали мудрыя рѣчи этого человѣка, много видѣвшаго. Но оказалось у него немало враговъ, которые были недовольны его исправленіями книгъ и обличеніями русской жизни. Невѣжество и злоба сдѣлали положеніе Максима очень тяжелымъ. Онъ не одобрилъ развода великаго князя ради новаго брака, и великій князь сталъ въ ряды его враговъ. Максимъ послѣ многихъ столкновеній съ русскими властями, обвиненный на соборѣ „за порчу книгъ", былъ на 25 лѣтъ заточенъ въ монастырь. Всѣ просьбы его отпустить на родину были тщетны—его не отпускали, боясь, что тамъ отъ него узнаютъ правду о русской землѣ: „человѣкъ онъ разумный, увѣдалъ наше доброе и лихое, и когда пойдетъ изъ Россіи, то все разскажетъ",—говорили москвичи. Умеръ Максимъ въ 1556 г.

Литературная дѣятельность Максима Грека.

Изъ произведеній его особенно цѣнны для пониманія русской жизни того времени обличенія іудеевъ и русскихъ еретиковъ «жидовствующихъ», сочиненія противъ латинянъ (католиковъ), которые вели пропаганду въ самой Москвѣ; особенно любопытны его сочиненія, направленныя противъ народныхъ суевѣрій, ложныхъ апокрифическихъ сказаній, принимаемыхъ, по невѣжеству, русскою церковью за истинныя, противъ невѣрнаго пониманія нѣкоторыхъ церковныхъ молитвъ и обрядовъ. Оставилъ послѣ себя Максимъ немало и нравоучительныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ обличалъ неправосудіе судей, лицемѣріе, недостатки въ жизни духовенства и монашества. «Такимъ образомъ Максимъ касался въ своихъ сочиненіяхъ почти всѣхъ главныхъ предметовъ вѣры. Онъ хотѣлъ оградить православное ученіе въ Россіи отъ иновѣрныхъ заблужденій и объяснить истинный духъ вѣры, подавленный въ русской жизни обрядовою стороною, истинное пониманіе благочестія, затемненное невѣжествомъ, суевѣріемъ и грубыми пороками. Его обличительный голосъ былъ строгъ и рѣзокъ, но въ лучшихъ людяхъ онъ находилъ сочувствіе (Порфирьевъ).

Митрополитъ Даніилъ.

Кромѣ Максима Грека обличитителемъ русской жизни выступилъ митрополитъ Даніилъ, ученикъ Іосифа Волоцкаго; онъ былъ сторонникомъ всѣхъ воззрѣній учителя, былъ строгимъ ревнителемъ старой вѣры во всей ея неприкосновенности, былъ

врагомъ Нила, Вассіана и „заволжскихъ старцевъ“. Послѣ не осталось 16 словъ, въ которыхъ онъ обличаетъ ереси, обличает пороки и недостатки общества. Нѣкоторыя его слова отличаютс яркимъ реализмомъ своихъ картинъ, а потому цѣнны для харак теристики жизни той поры. Такъ, очень живо представлено по веденіе „православныхъ“ въ церкви:

«А когда придешь въ божественную церковь, то и не знаешь, зачѣм пришелъ: зѣваешь, потягиваешься, поставляешь ногу на ногу, выставляеш и потрясаешь бедра и кривляешься, какъ похабный».

Очень живо обрисованы въ его «словахъ» московскіе щеголи того вре мени, которые завели моду бриться, выщипывать волосы съ подбородк румяниться и носить богатыя украшенія. Въ своихъ словахъ митрополит порою дѣлается сатирикомъ, надѣленнымъ и юморомъ, и наблюдательность и умѣньемъ живо схватить типичныя черты тогдашней русской жизни...

Эпоха Іоанна Грознаго.

Эпоха Іоанна Грознаго. Особенно рѣзко выразились вс особенности новой политической жизни при Іоаннѣ Грозном Дальновидная и осторожная политика его предковъ сбросила него всякій покровъ дипломатическаго лукавства. Властолюбивы безъ мѣры, энергичный и озлобленный, Іоаннъ IV вступилъ в открытую борьбу со всѣми остатками старой государственно жизни: онъ добилъ старые вѣчевые города Новгородъ и Псков за то, что они были „вольными“, онъ уничтожалъ русских бояръ, этихъ потомковъ удѣльныхъ князей, если кто-либо из нихъ подымалъ свою голову,—онъ безъ милосердія давилъ в русскомъ духовенствѣ всякую попытку вернуть себѣ независимо и свободное слово. Іоаннъ окружалъ себя „новыми“ людьми, вид въ нихъ лучшую опору своего престола, чѣмъ въ томъ „старомъ“ что̀ носило въ себѣ искру независимости и свободы. И въ то ж время онъ готовъ былъ возстановлять эту „старину“ вездѣ, гд она не становилась на пути его властолюбію.

Письменность этого періода; ея содержаніе: а) напряженность политическаго самосознанія.

§ 41. *Письменность Московской Руси.* При обозрѣні литературнаго творчества этого періода, надо имѣть въ виду, пре жде всего, то, что теперь въ русскомъ народѣ съ особою силою обна ружилась *сильная напряженность политическаго самосознанія* Причины возвышенія Москвы, вопросъ, откуда взялась новая невиданная на Руси, форма правленія, „самодержавіе“, величі Руси, окрѣпшей и прославившейся на весь міръ, Москва-„треті Римъ“, русскій царь, наслѣдникъ византійскаго престола, — вотъ, кругъ вопросовъ, въ которомъ стало творить народное во ображеніе.

Затѣмъ мы должны считаться съ *низкимъ уровнемъ умственнаго и религіознаго* состоянія массы. Послѣ того разрыва интеллигенціи и народа, который мы наблюдали послѣ крещенія въ кіевской Руси, началось постепенное сліяніе разрозненныхъ частей общества,—и вотъ, въ московскій періодъ, „верхи“ и „низы“ слились въ одно цѣлое, довольно однородное по развитію и интересамъ. Теперь русскій народъ переросъ язычество, но не доросъ до того христіанства, которое было понятно, напримѣръ, еще Мономаху. Явилось то *„двоевѣріе“*, на которое нападали отцы Стоглаваго Собора. **b) двоевѣріе.**

Наконецъ, мы должны считаться съ пробужденіемъ въ массѣ русскаго общества *стремленія къ обновленію жизни*, въ области духовной, вообще, и религіозной, въ частности. Отсюда—первая борьба государства (свѣтская и духовная власть) съ обществомъ, въ которомъ проснулся „критицизмъ“, отсюда—стремленіе подправить и закрѣпить „старину“—съ одной стороны—и слабая попытка найти что-то другое внѣ этой „старины“. **c) стремленіе къ обновленію жизни.**

§ 42. *Переписка Грознаго съ кн. Курбскимъ* [1]). Кн. Андрей Курбскій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Хорошо образованный, энергичный, съ яснымъ міросозерцаніемъ, при томъ прямо противоположнымъ тому, которое было у царя,—онъ не ужился на родинѣ и, спасая свою голову, бѣжалъ въ Польшу. Здѣсь онъ сдѣлался виднымъ борцомъ за дѣло православія, защищая его отъ іезуитовъ. На старости лѣтъ онъ неутомимо расширялъ свои познанія, самъ занимался переводомъ книгъ, нужныхъ для защиты православія, и умеръ изгнаникомъ вдали отъ родины. **Переписка Грознаго съ кн. Курбскимъ**

Переписку началъ Курбскій: изъ г. Вольмара послалъ онъ царю укорительное письмо. Оно, очевидно, вызвано мученіями совѣсти: обвиняя царя, Курбскій старается оправдать себя. Совершенно въ такомъ же духѣ отвѣтъ царя,—въ его словахъ тоже ясно сказалась потребность осмыслить свои дѣянія и этимъ доказать правоту своего міросозерцанія. Курбскій доказывалъ, что только тогда Русь была счастлива, когда царь правилъ, сообразуясь съ совѣтами Адашева и Сильвестра; это, между прочимъ, даетъ ему право заключать, что царь вообще долженъ считаться съ совѣтомъ бояръ. Грозный обрушился на такое мнѣніе со всею страстностью своей души. Онъ обвинилъ бояръ въ превышеніи власти во время его дѣтства, онъ укорилъ ихъ за тѣ оскорбленія, которымъ онъ тогда подвергался. Онъ доказываетъ, что цари должны быть строги и управлять государствомъ самовластно. Отсутствіе твердой власти сдѣлало, по его

---

[1]) Истор. Христ. I, 266.

мнѣнію, то, что «греки погубили свое царство и покорились туркамъ: «н такую ли же погибель ты и намъ совѣтуешь—говоритъ онъ. Развѣ эт хорошо, чтобы попу и прегордымъ, и лукавымъ рабамъ владѣть, а цар только почтенну быть предсѣданіемъ и честію царствія, а по власти быт ничѣмъ не лучше раба? Какъ же и самодержцемъ онъ можетъ назватьс если не самъ все устроякетъ? Земля правится Божіимъ милосердіемъ, ми лостію пречистыя Богородицы, молитвами всѣхъ святыхъ, благословеніем нашихъ родителей, и послѣ нихъ, нами, государями, а не судьям и воеводами». Такъ разошлись два міросозерцанія — казненные бояр Курбскому кажутся «мучениками», царю—«наказанными злодѣями»; сам князь Курбскій, смотрѣвшій на себя, какъ на «свободнаго» обществен наго дѣятеля, принципіально несогласнаго съ міросозерцаніемъ царя,— въ глазахъ царя былъ только дерзкій, бѣглый холопъ... Власти своей огра ничивать Грозный не намѣренъ: «до сихъ поръ русскіе владѣтели не да вали отчета никому, говоритъ онъ. Жаловать своихъ холопей мы вольны вольны также и карать ихъ!». Очевидно, разнорѣчіе было слишкомъ ве лико—примиренія найти было нельзя, но характерно то, что оба пред ставителя этихъ различныхъ міровоззрѣній отстаивали «старину», раз лично ее понимая.

Стоглавъ. § 43. *Стоглавъ.* Такимъ же обличительнымъ характеромъ, в консервативномъ духѣ, отличались записки о дѣяніяхъ Московскаг собора 1551 года, носящія, попросту, названіе „Стоглава“ (со стоятъ изъ 100 главъ). Іоаннъ IV собралъ этотъ соборъ, чтоб „утвердить древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры“ „Прежніе обычаи поисшатались, говорилъ царь, и въ самовласті учинено по своимъ волямъ и прежніе законы нарушены“. Сам царь указалъ эти „нарушенія“; этихъ указаній очень много,— они простираются и на недостатки церковной службы, неправиль ное писаніе иконъ, порчу книгъ, невѣжество, какъ результат отсутствія училищъ, пороки въ народѣ (рѣзоимство, пьянство развратъ, неуваженіе къ церкви), выполненіе языческихъ обря довъ (игрища въ Иванову ночь, Васильевъ вечеръ). Конечно, вс пожеланія царя остались только „пожеланіями“,—не въ силахъ отцовъ Стоглаваго собора было *возстановить старину*,—легч было *обновить жизнь* путемъ широкаго просвѣщенія, но этог просвѣщенія не было въ самой церкви, взять его можно был только *извнѣ*, а этого не желалъ никто, такъ какъ, по странном заблужденію, русскіе люди хотѣли не обновленія, а борьбы с новшествами. Оттого всѣ разсужденія „Стоглава“, въ глазахъ историка, остаются только безпомощнымъ обличеніемъ русско жизни XVI в.

Но, кромѣ того, Стоглавый соборъ преслѣдовалъ и другу цѣль—объединить русскій народъ разныхъ областей и городовъ

въ однообразномъ выполненіи церковныхъ обрядовъ и одинаковомъ отношеніи къ жизни. „Всякому разногласію отнынѣ далече быти повелѣваемъ, говорилъ царь на соборѣ, всякому же согласію и единомыслію содержатися въ насъ".

§ 44 *Домострой*[1]) принадлежитъ къ такимъ же произведеніямъ, въ которыхъ московская Русь выразила свое желаніе исправить жизнь возстановленіемъ старины. Домострой представляетъ собою сборникъ правилъ домашняго строя. Такія „правила" были популярны и у насъ, и въ Византіи, и на Западѣ. Сильвестръ, извѣстный царскій духовникъ, которому сначала приписывали сочиненіе Домостроя, авторомъ его не былъ: онъ, вѣроятно, собралъ нѣсколько маленькихъ русскихъ „домостроевъ" въ одинъ; быть можетъ, воспользовался и какимъ-нибудь сдѣланнымъ уже сводомъ, прибавилъ отъ себя нѣсколько главъ и послѣсловіе—автобіографію: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну", подражая Владимиру Мономаху. Такой „сборный" характеръ происхожденія „Домостроя" отразился и на случайности его плана,—на отсутствіи системы, смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ, даже на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ. Всѣ эти недостатки, конечно, вина составителя, не сумѣвшаго подчинить собранный матеріалъ своему міросозерцанію, своему желанію—при помощи правилъ житейской мудрости возстановить въ чистомъ видѣ утерянную „старину". Это желаніе сквозитъ не только въ совѣтахъ „Домостроя", но и въ тѣхъ обличеніяхъ русской дѣйствительности (напр., грубое отношеніе къ женѣ, битье „по видѣнію", т. е. лицу и пр.), которыя разсѣяны по всему произведенію. Домострой.

„Домострой" любопытенъ и какъ сочиненіе, въ которомъ полно отразилось безотрадное міросозерцаніе московской Руси на жизнь: „страхъ къ Богу" и „страхъ къ людямъ",—вотъ, чѣмъ опредѣлялись всѣ главныя обязанности русскаго человѣка этой эпохи [2]). Безпомощный, творящій только „волю Божію" и борющійся съ „волей дьявола", онъ долженъ постоянно жить съ тревожной мыслью о „страшномъ судѣ" за гробомъ и не менѣе страшномъ судѣ людскомъ здѣсь,—на землѣ. И вотъ, „Домострой" даетъ совѣты, какъ умилостивить Бога и людей—и въ то же время втихомолку и поѣсть сытно, и пожить въ довольствѣ. Это

[1]) Истор. Хрест. I, 259.
[2]) Эти идеалы сохранились у насъ до XIX-ст. (ср. драмы Островскаго, особ. „Грозу". Кабанова; является носительницей старыхъ традицій въ духѣ Домостроя).

„лавированье“ между Богомъ и людьми выразилось, главным образомъ, въ стремленіи къ внѣшнему благочестію—по отношенію къ Богу—и знанію приличій—по отношенію къ людямъ. „Поученіе Владимира Мономаха“ было тоже, своего рода, „домостроемъ“ древнѣйшей Руси, но оно, въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше „Домостроя“, „въ которомъ всюду видно начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ“ (Протопоповъ). Эта уклончивость привела къ откровенному требованію поступаться правдой, когда это окажется необходимымъ.

„Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI в., и, въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ“. (Протопоповъ).

Но справедливость требуетъ замѣтить, что нѣкоторыя мѣста „Домостроя“, принадлежащія, вѣроятно, самому Сильвестру, противорѣчатъ такой политикѣ жить „примѣнительно къ подлости“ такъ, въ главѣ „объ обязанностяхъ къ царю“ сказано: „а царю, князю и всякому вельможѣ не тщися служити лжею и клеветою и лукавствомъ, славы земныя ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога“. Изъ „послѣсловія“ рисуется самъ Сильвестръ, какъ личность свѣтлая и безупречная. Къ сожалѣнію, эти возвышенные совѣты, какъ и самое „послѣсловіе“, тонутъ въ массѣ наставленій болѣе низкаго сорта. Самое пониманіе христіанства понизилось: въ то время, какъ Мономахъ выдвигалъ на первое мѣсто христіанство „дѣятельное“,—не постъ и не черничество, а добрыя дѣла, молитву и покаяніе,—„Домострой“, повидимому, добрыя дѣла относитъ только къ разряду дѣяній, которыхъ требуетъ „приличіе“; о покаяніи онъ не говоритъ ничего, а на молитву смотритъ только съ внѣшней стороны. Постъ, строгое соблюденіе обрядовъ, устройство домашняго обихода по образцу богатаго монастыря, живущаго согласно „уставу“, вотъ основы того благочестія, выше котораго не поднялись требованія „Домостроя“.

Содержаніе. Въ первыхъ 15 главахъ говорится объ обязанностяхъ къ властямъ небеснымъ и земнымъ; въ слѣдующихъ 10 (XVI—XXVI)—объ обязанностяхъ къ людямъ, особенно къ семьѣ и дому; въ остальныхъ главахъ сообщаются правила экономіи, правила управленія хозяйствомъ. Идеалъ

Идеалъ пира-

«праведнаго житія сводились къ частымъ молитвамъ (ежедневно совершать утреннюю и вечернюю молитвы, пѣть часы, вечерню и молебны), украшать комнату иконами, ихъ содержать въ чистотѣ («крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати» и пр.). Молиться со всѣми вмѣстѣ днемъ и ночью, «тайно вставъ» (это совѣтовалъ и Мономахъ, какъ аскетическій пріемъ утружденія плоти); рекомендуетъ «Домострой» призирать бѣдныхъ и странныхъ. Въ главѣ о томъ, «какъ служить царю», чувствуется воззрѣніе самого Сильвестра—безстрашнаго и безкорыстнаго руководителя молодымъ царемъ въ лучшіе годы его царствованія: надо говорить царю одну правду и не гоняться за благами земными. Царь, съ точки зрѣнія «Домостроя»,—образъ Бога на землѣ.

ведпаго итія (обязанности къ Богу, царю).

Обязанности семейныя.

Въ главахъ, трактующихъ «объ обязанностяхъ семейныхъ», видно желаніе устроить семью на началахъ патріархальныхъ и болѣе гуманныхъ, чѣмъ это наблюдалось въ дѣйствительности: отецъ—глава дома, его власть неограниченна и поддерживается разумнымъ наказаніемъ.

Отношеніе къ женѣ и дѣтамъ.

Въ этомъ требованіи *разумности* наказанія видно недовольство дѣйствительностью, когда въ наказаніи жены и дѣтей, очевидно, не было мѣры, не было «приличія». Наказывать надо «безъ гнѣва», «но, наказавъ, пожаловати, и явити, и любовію наказывати», «по винѣ побить не передъ людьми, наединѣ; поучити да милость явити и пожаловати, а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену», «а про всяку вину: по уху, ни по видѣнью, не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ, ни колоть; никакимъ желѣзнымъ, или деревяннымъ не бить: кто съ сердца, или съ кручины такъ бьетъ,—многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота, и глухота, и руку, и ногу вывихнутъ, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь... А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово». «Плеткою вѣжливенько побить, за руки держа, по винѣ смотря. Да поучивъ, примолвити: а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была».

Суровое воспитаніе рекомендуетъ «Домострой»: уваженіе дѣтей къ родителямъ основывалось только на томъ же страхѣ, съ которымъ родители относились къ Богу и людямъ.

«Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти». «Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и не даждь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повинетъ ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги...».

«Безстрашія» и «безчинія» всего больше боится «Домострой»,—оттого и рекомендуетъ всю жизнь построить на страхѣ и приличіи; «душу

спасти», Богу и людямъ угодить и «домъ свой добрѣ строити» — вотъ его идеалы. Всѣ его совѣты, какъ достигнуть этого идеала, сводились, въ сущности, къ постояннымъ компромиссамъ,—оттого и христіанство его, и самый аскетизмъ,—все размѣнялось по мелочамъ,—«мѣра знати во всемъ»—вотъ, основное правило «Домостроя»: только въ воспитаніи дѣтей онъ склоняется въ сторону бо́льшей суровости.

Личность Сильвестра.

Тѣмъ ярче и симпатичнѣе на фонѣ этой жизни, умѣренной въ добрѣ и злѣ, рисуется образъ Сильвестра. Въ своемъ послѣсловіи, онъ разсказываетъ свою жизнь. Онъ жилъ «во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи», словомъ и дѣломъ онъ всегда служилъ людямъ, «не осмѣивалъ, не укорялъ даже враговъ», и «чрезъ то враги дѣлались друзьями»; «никогда не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго», «рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ», сиротъ воспитывалъ, многимъ далъ образованіе и устроилъ ихъ жизнь... «Никому ни въ чемъ я не лгалъ», «не богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безъ всякой лжи».

Литературная исторія „Домостроя“.

„Домострой“ является не только выраженіемъ тѣхъ идеаловъ, которые сложились въ русской жизни,—онъ въ такой же мѣрѣ отразилъ на себѣ и книжные идеалы. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „о воспитаніи дѣтей“ видно ясное вліяніе различныхъ библейскихъ книгъ, особенно „Премудрости Соломона“ и „Премудрости Іисуса сына Сирахова“; въ главѣ о томъ, какъ надо молиться, видно вліяніе и святоотеческихъ сочиненій, и монастырскихъ уставовъ. Самая форма „обращенія къ дѣтямъ“ тоже заимствована; въ древней Руси ходили по рукамъ такія произведенія: въ „Святославовомъ изборникѣ“ (1076 г.) есть „поученіе Ксенофонта“ къ дѣтямъ. Извѣстно еще было „поученіе Ѳеодоры“; къ этому же типу произведеній относится и „поученіе Мономаха“.

И „Стоглавъ“, и „Домострой“, стремясь возстановить „старину“, тѣмъ самымъ подчеркивали существованіе въ обществѣ стремленія къ „новшествамъ“. Для укрѣпленія „старины“ нужно было выдвинуть всѣ силы этой „старины“.

Подведеніе итоговъ русской культуры и политическое значеніе этихъ итоговъ.

И вотъ, „Домострой“ является итогомъ тѣхъ житейскихъ правилъ, которыя были выработаны русской стариной. Такое же значеніе итога, но не *житейской* мудрости, а русской *книжной* старины, имѣлъ грандіозный трудъ, начатый митр. Макаріемъ и носящій названіе Макарьевскихъ „Четей-Миней“. Это произведеніе представляетъ собою попытку дать энциклопедію всей той письменности, которою нѣсколько вѣковъ жилъ русскій народъ; нужно было доказать богатство этого наслѣдія, нужно было удержать русскихъ людей отъ чтенія новыхъ книгъ,—для этого, въ

„Четьи-Минеи“.

одно громадное сводное сочиненіе собраны были почти всѣ церковныя книги русскія и переводныя, повѣсти, житія, ходившія по рукамъ и хранившіяся въ монастырскихъ книгохранилищахъ [1]).

Задавшись такою цѣлью собрать въ одномъ сочиненіи всѣ древне-русскія произведенія, митр. Макарій, какъ и Сильвестръ съ его „Домостроемъ“, этимъ самымъ проводили ту же идею объединенія, которое должно было скрѣпить въ *умственномъ* отношеніи около Москвы Русь, уже объединенную въ *политическомъ* отношеніи. Такое же значеніе въ цѣляхъ *церковнаго* объединенія преслѣдовало составленіе митр. Макаріемъ сводной „Кормчей“, представлявшей собраніе святительскихъ постановленій. „Кормчая“.

Тому же Макарію принадлежитъ идея составленія „Степенной книги“, сводной исторіи русской, уже не погодной, а по „степенямъ“ генеалогіи князей: цѣль этого труда было привести русскій народъ къ сознанію единства и величія царской власти на Руси... Въ юридическомъ отношеніи попытка объединить Русь при помощи собранія всѣхъ юридическихъ актовъ выразилась еще при Іоаннѣ III въ составленіи „Судебника“; при Іоаннѣ IV онъ былъ пересмотрѣнъ (1550 г.).

„Степенная книга“.

„Судебникъ“.

Такими мѣрами хотѣла Москва отстоять свое высокое положеніе и значеніе: она пыталась исправить жизнь въ духѣ старины и сковать всю Россію единствомъ міросозерцанія, единствомъ житейскаго обихода, единствомъ законовъ и даже эстетическихъ вкусовъ. Правительство и церковь, въ тѣсномъ союзѣ, вступили на этотъ путь „закрѣпощенія“ всего русскаго народа въ единообразныя формы стараго уклада жизни, полупатріархальнаго, полувизантійскаго характера.

Судьба искусствъ въ Московской Руси.

И въ области искусствъ тотъ же XVI в. будетъ отмѣченъ нами, какъ эпоха, когда стала просыпаться самобытность народнаго творчества. Русь приняла древне-христіанское искусство отъ Византіи тогда, когда тамъ уже творчество закончило свое развитіе, и начался періодъ его паденія. Такимъ образомъ, западъ, принявшій крещеніе въ живую пору процвѣтанія христіанскаго искусства и самъ окруженный величественными остатками античной старины, былъ счастливѣе насъ,—тамъ, подъ покровитель-

---

[1]) Такимъ образомъ это подведеніе, литературныхъ „итоговъ“ было результатомъ стремленія *изолировать* свое умственное достояніе, накопившееся вѣками, отъ столь усилившихся теперь иноземныхъ „новшествъ“, — стремленія „опредѣлить кругозоръ тѣхъ умственныхъ вопросовъ и интересовъ, котораго *не долженъ былъ* переступать благочестивый русскій человѣкъ“... Литература удѣльной Руси „собиралась“ теперь въ Москвѣ не только потому, что вся умственная жизнь страны вообще сконцентрировалась теперь около Москвы; но и потому, что своимъ старымъ литературнымъ богатствомъ хотѣли подкрѣпить „зашатавшуюся Русь“...

ствомъ церкви, расцвѣли всѣ искусства. Первые архитекторы и въ Кіевѣ, и въ другихъ городахъ были греки — они строили храмы, украшали ихъ живописью, мозаикой и иконами. На много вѣковъ было ими опредѣлено все содержаніе и характеръ нашего искусства. Скорѣе живописи освободилась

Архитектура. отъ гнета греческаго вліянія архитектура. Это и понятно—искусство строенія всегда болѣе другихъ зависитъ отъ тѣхъ мѣстныхъ условій, въ которыя оно поставлено—матеріалъ, климатъ, образъ жизни и привычки,—все это дѣлаетъ архитектуру болѣе уступчивой на внѣшнія воздѣйствія. И вотъ, наша русская изба, съ ея рѣзною орнаментаціей, съ особымъ устройствомъ крыши, балконовъ и крылецъ, къ серединѣ XVI в. вытѣсняетъ даже на каменныхъ зданіяхъ формы греческой и суздальской архитектуры, которыя также были чуждыми для насъ. Московскій соборъ Василія Блаженнаго, выстроенный въ русскомъ стилѣ и русскими мастерами,—является вѣнцомъ національнаго зодчества. Это новое теченіе въ архитектурѣ, сразу увлекшее тогдашнихъ зодчихъ,—обезпокоило церковныя власти. Предписано было «ничего не претворять по своему замышленію»; церковь Божію повелѣвалось «строить по правиламъ св. апостолъ и отецъ, чтобы была о пяти верхахъ, а не шатромъ». Эти «шатровыя» главы неразъ вызываютъ негодованіе московскихъ властей. За образецъ для подражанія былъ выставленъ Успенскій соборъ Ивана III,—между тѣмъ, эта постройка именно суздальскаго типа, т. е. не народнаго, а заимствованнаго. Такъ, въ погонѣ за старымъ, давили народное.

Скульптура. Скульптурѣ на Руси совсѣмъ нельзя было развиться. За блестящій расцвѣтъ этого искусства въ классической Элладѣ расплатились мы. Боязнь идолопоклонничества заставила Византію задавить это искусство. Тогда какъ на Западѣ оно процвѣтало подъ покровомъ церкви,—у насъ, по примѣру Византіи, считалось чуть ли не преступленіемъ.

Живопись. Живопись наша тоже была взята изъ Византіи и на много вѣковъ была обречена на одно подражаніе. До конца XIV вѣка, въ особо важныхъ случаяхъ, приглашали «мастера-гречина». Съ XV в. искусство иконописное укореняется и у насъ. Являются, одна за другой, три художественныя школы: Новгородская, Строгановская и Московская, отличныя одна отъ другой по манерѣ письма, по композиціи рисунка. Эти особенности, смѣнявшіяся хронологически, свидѣтельствуютъ о постепенномъ освобожденіи художника русскаго отъ византійской рутины. Неизбѣжнымъ исходомъ развитія каждой школы было—стремленіе къ «живству» (т. е. реализму), а отсюда подражаніе живописи «фряжской» (западно-европейской), какъ такой, которая раньше нашей достигла этого «живства».

Церковь и здѣсь стала противъ новаго теченія въ иконописи. Одна изъ главъ Стоглава запрещала «самомышленіе» въ искусствѣ; запрещено было «своими догадками Божество описывать: ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотью, а Божествомъ не описанъ». Очевидно, что уже въ XVI в. замѣчалось среди иконописцевъ стремленіе къ самостоятельному художественному пониманію святыхъ, далекому отъ копированья старыхъ образцовъ.

Консерватизмъ правительства московскаго. Итакъ, что же мы видимъ на рубежѣ новаго времени? Духовная жизнь начинаетъ просыпаться, обнаруживается движеніе;

[...]еніе это проявляется все сильнѣе, сказывается и въ народ[...] поэзіи, и въ искусствахъ, и въ пробужденіи мысли, и въ [...]льтурныхъ потребностяхъ. Начинается шатаніе прежняго и [...]емленіе къ новому. Но старина еще сильна, „древлее благо[...]тіе“ стоитъ на стражѣ,—и вотъ потоку молодой жизни ста[...]тъ преграду. Индексы отреченныхъ книгъ распространяются [...]всюду—они должны убить апокрифъ и легенду. Образцы ста[...]го иконописнаго письма, собранные въ „Подлинникъ“ (образцы [...]онъ), должны убить стремленіе къ новшеству въ иконописи. [...]разецъ зодчества (Успенскій соборъ), оффиціально признанный [...] истинно-христіанскій и народный, долженъ остановить разви[...] русской архитектуры. Свободомысліе Нила Сорскаго и Вас[...]на Патрикѣева было сломлено Іосифомъ Волоцкимъ; „еретики“ [...]казаны. Домострой Сильвестра долженъ былъ заковать жизнь [...] однообразныя формы. Четьи-Минеи подводили итоги всѣмъ [...]атствамъ московскаго благочестія, — что было за предѣлами [...]ихъ итоговъ, то было незаконно и отметалось. Но эти послѣд[...] усилія старой Москвы недолго торжествовали побѣду. Жизнь [...]а впередъ, а съ нею вмѣстѣ свободно развивалось народное [...]рчество. „Подлинникъ“

§ 45. *Житія.* Этотъ видъ литературы особенно процвѣлъ въ [...]V—XVI вв. Усиленіе монашеской жизни, умноженіе монастырей,— [...] это привело къ обогащенію русской письменности новыми [...]тіями, легендами, сказаніями. Вліяніе Епифанія Премудраго [...] Пахомія Логоѳета выразилось въ стремленіи писать житія [...]тіевато, вмѣсто простого разсказа (какъ, напримѣръ, житіе Ѳео[...]сія) вносить „плетеніе словесъ“. Въ этомъ „вкусѣ“ писались [...]выя житія [1]), передѣлывались старыя. Такъ, напримѣръ, въ [...]номъ житіи (Михаила Клопскаго) встрѣчается сравненіе святого [...] Геркулесомъ, Ахилломъ и пр. „Хотя и храбръ Еркулъ, но [...] глубины нечестія погружался и тварь паче Творца почиталъ, [...]кже и Ахиллъ и Троянскаго царя Пріама сыновья были еллины, [...] отъ еллинъ похваляемые, такой прелестной славы сподобились. [...]ольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и пре[...]аженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей“ и пр.“. Житія.

Вся эта богатая житійная литература отразила на себѣ по[...]тическія настроенія эпохи. Прежде всего, ею воспользовалась [...]осква въ своихъ цѣляхъ объединенія Руси. Въ 1547 году [...]огіе „мѣстные“ святые (т. е. чтившіеся только въ нѣкоторыхъ [...]эстностяхъ) были признаны „всероссійскими“, ихъ почитаніе

сдѣлалось обязательнымъ для всей Руси; въ это же время бы[...] написаны житія и каноны всѣхъ тѣхъ святыхъ, которые е[...] ихъ не имѣли.

Любопытно, что русскія житія этой поры распадаются [...] двѣ группы.

А. П. Кодлубовскій о житіяхъ этого періода.

«Въ однихъ мы находимъ ясно выраженный культъ чисто внѣшня[...] подвижничества, обрядоваго, формальнаго благочестія, въ другихъ стр[...]мленіе къ внутреннему совершенству или, по крайней мѣрѣ, отсутств[...] упомянутаго культа; въ однихъ—духъ нетерпимости и суровости, вообщ[...] мрачность и суровость религіознаго начала, въ другихъ—чувство кротос[...] и любви, поставляемаго въ основу истиннаго подвига и истинно-христіа[...]ской жизни; въ однихъ отражается стремленіе къ строгой внѣшней орга[...]низаціи жизни, хозяйственный ея характеръ,—для монастыря признаетс[...] законнымъ владѣніе поземельной собственностью и управленіе ею, въ дру[...]гихъ проводится идея свободы отъ земныхъ заботъ, стремленіе къ полно[...] нестяжательности; въ однихъ—признаніе связи съ земной властью, слу[...]женіе ей, въ частности,—благоговѣніе передъ слагающейся властью моско[...]скаго государя, въ другихъ—почитаніе государственной власти, но, вмѣст[...] съ тѣмъ, сохраненіе независимости отъ нея въ дѣлахъ вѣры и нра[...]ственности; въ однихъ—любовь къ легендѣ, къ фантастическимъ сказа[...]ніямъ, по преимуществу мрачнаго характера, въ другихъ—отсутствіе ея[...] Таковы выводы, къ которымъ пришелъ недавно одинъ изъ изслѣдовател[...] русскихъ житій (Кодлубовскій). Нетрудно замѣтить, что это раздвоені[...] сказавшееся даже въ житіяхъ святыхъ—есть отраженіе того глубокаго [...] непримиримаго дуализма, который все усиливался по мѣрѣ усиленія москов[...]скаго царя и близкаго ему духовенства. Любопытно, что житія, давші[...] такіе поучительные выводы, ясно распредѣляются по мѣстностямъ: перву[...] категорію представляютъ житія, писанныя въ областяхъ, близкихъ к[...] Москвѣ,—вторую—писанныя въ предѣлахъ отдаленныхъ отъ Москвы, к[...] сѣверо-востоку. Такимъ образомъ политическіе идеалы Москвы переносилис[...] даже въ смиренные скиты и монастыри: Волоколамскій монастырь своим[...] распорядками, умѣніемъ копить деньги, своей дисциплиной, своимъ форма[...]лизмомъ, чинопочитаніемъ, своимъ «богопремудростнымъ коварствомъ» дипломатическими способностями своихъ игуменовъ тяготѣлъ къ своему про[...]образу—Москвѣ.

Если, такимъ образомъ, въ русскомъ духовенствѣ мы замѣ[...]чаемъ, съ одной стороны,—тяготѣніе къ политикѣ католичества (земные интересы духовенства, внѣшній характеръ религіи, даж[...] пріемы католичества—сочувствіе къ инквизиціи) то, съ другой сто[...]роны, старцы „заволжскіе" являются наиболѣе чистыми вырази[...]телями стараго греческаго аскетизма, соединеннаго съ созерцатель[...]ностью, даже мистицизмомъ.

---

[1]) Напр. житія свв. Пафнутія Боровскаго, Димитрія Прилуцкаго, Сергія Обнорскаго, Саввы Вишерскаго, Діонисія Глушицкаго, Михаила Клопскаго, свв. Зосимы и Савватія

§ 46. *Историческая повѣсть* этой эпохи отразила на себѣ не ...лько интересы мѣстные, московскіе, но и тѣ міровые, которые ...ватили краемъ историческую жизнь Руси и оказали на нее ...е вліяніе. Такое значеніе имѣютъ напримѣръ двѣ повѣсти: ...*Флорентинскомъ соборѣ*" и „*О взятіи Цареграда*". Историческія повѣсти.

Повѣсть о Флорентинскомъ соборѣ была составлена суздальскимъ ...змъ Самсономъ, вскорѣ послѣ уніи (1439). Обстоятельный разсказъ ...семъ происходившемъ до собора и во время его особенно интересенъ ...ѣдствіе тенденцій автора возвеличивать московскаго великаго князя,— ...счетъ греческаго царя,—русское царство за счетъ греческаго; «гре...кій царь Иванъ отступилъ отъ свѣтлаго благочестія и омрачился тьмой ...си, а русская земля осталась православной и просвѣтилась свѣтомъ ...гочестія»—вотъ, основная идея произведенія. „Повѣсть о Флорентинскомъ соборѣ"

Повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда начинается съ разсказа ...азныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, сопутствующихъ основанію города. Изъ ...хъ знаменій мудрые люди поняли, что Царьградъ будетъ въ рукахъ ...урманъ, но потомъ вернется въ руки христіанъ. Затѣмъ слѣдуетъ ...робный разсказъ объ осадѣ города; о чудесныхъ знаменіяхъ и видѣ...хъ. Причину гибели Цареграда авторъ повѣсти видитъ въ паденіи ...вовъ, въ неправосудіи, въ порабощеніи народа. И въ этомъ произве...іи видно желаніе возвеличить русское царство,—по словамъ повѣсти, ...ки, потерявъ все, утѣшаются только благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ ...царемъ русскимъ. Въ повѣсти есть предсказаніе, что Русь побѣдитъ ...временемъ Турцію и захватитъ Царьградъ. „Повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда".

§ 47. *Сказанія.* Интересъ этой эпохи къ религіозной жизни вы...лъ появленіе многочисленныхъ „сказаній", иногда очень красивыхъ ...содержательныхъ. Любопытно, что, почти исключительно эти ...казанія" изображаютъ жизнь уже не духовныхъ лицъ, а свѣт...ихъ людей, людей обыкновенныхъ; они—или озарены христіан...имъ идеализмомъ, или приходятъ къ нему послѣ ошибокъ и ...блужденій. Въ исторіи русской литературы эти „полуцерковныя" ...занія очень интересны,—въ нихъ можно видѣть постепенный ...реходъ *житія* въ *повѣсть* (какъ апокрифъ, легенда есть пе...ходъ въ сказку, или въ повѣсть, романъ). Когда въ этой ...вѣсти отпадетъ все чудесное, специфически-„житійное"—оста...тся обыкновенные люди, съ опредѣленными идеалами, съ ошиб...ми и исправленіями. Сказанія.

Сказаніе о Марѳѣ и Маріи. У одного вельможи были двѣ дочери. ...на была выдана замужъ за человѣка знатнаго, но бѣднаго,—другая ...богача. Между зятьями на пиру произошла распря изъ-за мѣстниче...а, кончившаяся ссорой на много лѣтъ. Оба они умерли въ одинъ день, ...вдовамъ ихъ въ одно время пришла въ голову мысль ѣхать другъ къ ...угу повидаться, а, если возможно будетъ, то и жить совмѣстно. Обѣ „Сказаніе о Марѳѣ и Маріи".

сестры встрѣтились на пути, «и сошлися, и поклонились между соб
и не признали другъ друга, что они родныя сестры, пока не сврос
объ именахъ и отчествѣ; и потомъ спознались и начали лобызаться
слезами и радостью, и скорбѣть о мужьяхъ своихъ, что были между со
не въ любви до самой своей смерти; а скорбѣли не столько о ни
сколько о себѣ, что много лѣтъ не видѣлись, ни письмами другъ о др
не извѣщались». Легли онѣ спать, и обѣ увидѣли ангела, который д
одной сестрѣ золота, другой—серебра и велѣлъ сотворить изъ золота
вотворящій крестъ, а изъ серебра—ковчегъ, а металлъ велѣлъ дать
работу первому встрѣчному человѣку. Утромъ сестры встрѣтили тр
монаховъ и отдали имъ золото и серебро.

Когда ихъ домашніе узнали о случившемся, то погнались за монаха
желая отнять золото и серебро и присвоить себѣ. Вскорѣ встрѣтили
монаховъ уже съ готовыми крестомъ и ковчегомъ. На вопросъ: «отку
они», старцы отвѣчали: «изъ Цареграда»; на вопросъ: «давно ли оттуда?»
старцы отвѣчали: «третій часъ». Ихъ хотѣли угостить трапезою, но
сказали: «мы—не пьющіе, и не ядущіе—это вамъ Господь повелѣлъ ѣ
и пить!» И, сказавъ это, исчезли.

Хотя возникло это сказаніе для объясненія явленія Унженскаго крес
но попутно, словно нечаянно, обрисовались два симпатичныхъ образа люб
щихъ сестеръ. Духъ миролюбія и христіанскій взглядъ на равенство
братство людей проникаетъ это сказаніе и является протестомъ проти
обычая родового быта и мѣстничества. «Въ этой повѣсти женщина,
своимъ нѣжнымъ и великодушнымъ сердцемъ, стоитъ на сторонѣ прогрес
и за свое человѣколюбіе и христіанское смиреніе награждается свыш
(Буслаевъ).

„Житіе Юліаніи Лазаревской.“

Любопытно въ высокой степени *„Житіе Юліаніи Лазаре-ской“* [1]). Въ этомъ произведеніи рисуется во весь ростъ русск
женщина, выросшая на русской почвѣ, но дошедшая въ свое
развитіи до глубокаго пониманія христіанскихъ идеаловъ. Она
въ такомъ же отношеніи къ женщинѣ „Домостроя“, въ како
Нилъ Сорскій—по отношенію къ своимъ противникамъ, форм
листамъ московскаго пошиба. Содержаніе житія слѣдующее:

Содержаніе житія—дѣтство и юность Юліаніи.

Ключникъ царя великаго князя Ивана Васильевича былъ мужъ б
говѣрный и нищелюбивый; такова была и его жена. Было у нихъ мн
дѣтей. Ихъ маленькой дочери Юліаніи исполнилось 6 лѣтъ, когда о
осталась сиротою; ребенка воспитала бабушка въ Муромѣ. До 12 лѣ
бабка воспитывала Юліанію «во всякомъ благовѣріи и чистотѣ». Э
воспитаніе было такъ прочно, что, когда Юліанія попала послѣ смер
бабушки на руки своей тетки, любившей разсѣянную жизнь, дѣвоч
хотя «почитала тетку свою и сестеръ и во всемъ была имъ послуш
но, попрежнему, любила смиреніе и молчаніе и, не взирая на насмѣш
посту прилежала», «отъ смѣха и всякой игры удалялась», «къ игра

[1]) Хотя произведеніе это написано въ XVII в., но по характеру своему, произ
деніе примыкаетъ болѣе къ письменности XVI в., чѣмъ XVII-го.

пѣснямъ пустошнымъ не приставала», работала и помогала нищимъ и ботимъ. Церковъ далеко была отъ ихъ дома— и ни разу въ церкви Юліа я не была и наставленія книжнаго не имѣла. «Только смысломъ бламъ была наставлена нраву добродѣтельному: не учившись книгамъ, ни чителемъ наставляемая, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди справила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, свѣтилась среди тины». 16 лѣтъ а была выдана замужъ. И мужъ, и его родичи оказались людьми хоошими. «Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла нимъ, ни въ чемъ не ослушивалась, не перечила, но много почитала ихъ все повелѣнное имъ непрекословно совершала: такъ что и свекоръ, и екровь дивились и всѣ родственники ихъ. И многіе испытывали ее въ чахъ и отвѣтахъ; она же, на всякій вопросъ, давала благочинный и ысленный отвѣтъ: и всѣ дивились ея разуму и славили Бога». Она лонялась отъ услугъ рабовъ и рабынь и «сама все собою творила» и всегда со смиреніемъ, укоряя душу свою, говорила: кто же я сама, огая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданіе Божіе». Даже покорность и злонравіе рабовъ она сносила, принимала часто на себя ъ вину, говоря: «сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ рпитъ— что же мнѣ на этихъ взыскивать. Такіе же люди, какъ и я!» асто за это бранили ее домашніе, но она оставалась непоколебимой, мня слова Спасителя: «не обидите малыхъ сихъ, ангелы бо ихъ всегда дятъ лицо Отца моего Небеснаго». Юліанія замужемъ.

Искушалъ ее «дьяволъ» всячески, но ея стойкость и помощь св. иколая побѣдили бѣсовъ. Во время голодовокъ и мора она все свое здала нуждающимся; даже когда кто изъ нищихъ умиралъ, нанимала мыть его и покупала погребальныя ризы и на погребеніе посылала деъ. Жила она счастливо до старости; было у нея 10 сыновей, 3 дори; подъ старость увидѣла она отъ діавола горе: между дѣтьми не ло ладу; старшій сынъ былъ убитъ рабомъ; но Юліанія и тогда не зроптала. Несмотря на желаніе идти въ монастырь, она осталась въ ру, но обставила свою жизнь разными истязаніями плоти и лишеніями. Плакалась, видя человѣка въ бѣдѣ; съ рабами же, какъ съ родными тьми, обходилась,—не любила гордости, ни величанія: была для нихъ тинная мать, а не госпожа». «Гдѣ же говорящіе, что будто въ міру льзя спастись?»—задаетъ вопросъ авторъ житія и продолжаетъ: «не сто спасаетъ, а умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю утопился; отъ и въ Содомѣ спасся! Вотъ блаженная Юліанія и съ мужемъ пожила, дѣтей рождала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее».

Овдовѣвъ она еще усилила истязанія своей плоти. Бѣсы прилагали ѣ усилія, чтобы побѣдить ее, но все было тщетно. Однажды, во время олитвы, на нее набросилось множество бѣсовъ. Св. Николай разогналъ ъ палицею, а одного изъ нихъ поймалъ и много мучилъ. Бѣсъ поклялся омстить,—онъ ей предсказалъ, что подъ старость она будетъ нищенвовать, но она знаменовалась крестомъ, и бѣсъ исчезъ. «Потомъ прила она къ намъ въ ужасѣ, разсказываетъ авторъ сказанія—измѣнилась цомъ и ничего до времени не сказала домашнимъ о причинѣ испуга». Старость Юліаніи.

При Борисѣ Годуновѣ былъ ужасный голодъ; Юліанія все роздала,

отпустила рабовъ на свободу и питалась и питала другихъ хлѣбомъ из лебеды и коры древесной. «Молитвою ея этотъ хлѣбъ былъ сладокъ» «И терпѣла въ той нищетѣ два года: не опечалилась, не смутилась, н роптала и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго».

Смерть Юліаніи.

Разболѣлась она передъ кончиною; днемъ лежала, а ночью сама вста вала на молитву. И умерла она спокойная и счастливая, «и увидѣл всѣ тотчасъ на головѣ ея золотой вѣнецъ и бѣлый убрусъ, омыли положили ее въ клѣти, и въ ту ночь видѣли тамъ горящія свѣчи, а вес домъ наполнился благоуханія...»

Личность Юліаніи.

Юліанія спаслася въ «міру». Она сумѣла вырости на очень жестко почвѣ,—это видно изъ текста житія: какъ ни хороши были родители муж и онъ самъ, однако, они бранили ее за снисходительность къ рабамъ добро дѣлать приходилось тайкомъ; грубая челядь «посмѣхалась» свое хозяйкѣ,—и все-таки, воодушевленная, вся проникнутая словами Христа Юліанія сумѣла отвестись человѣчно ко всей тогдашней жизни, сумѣл вынести свою личность незапятнанной изъ тогдашнихъ суровыхъ отношені «Кроткая и благочестивая съ раннихъ лѣтъ дѣвическаго возраста, Юлі нія всегда отличалась вѣжностью и теплотою чувства, восторженно набожностью и преданностью своему долгу и обязаностямъ. Съ женствен ною граціею умѣла она соединить твердость воли, безропотно встрѣча невзгоды и бѣдствія, которыя предназначено было ей терпѣть въ жизн Не рыдала, не рвала на головѣ волосъ, когда убили ея сына, но скор бѣла душою. Общественныя бѣдствія, проносившіяся надъ нею, тольк изощрили ея любящее, сострадательное сердце» (Буслаевъ).

Юліанія и Лиза Калитина.

Этотъ умилительный образъ, сіяющій ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ сродни дорогому всѣмъ образу Лизы Калитиной изъ «Дворянскаго Гнѣзда» Героиня Тургенева, признанная общимъ голосомъ за идеалъ русской жен щины, выросла въ нѣдрахъ русской жизни,—тамъ, гдѣ вѣками созрѣвал пониманіе христіанства, гдѣ цвѣло «умное дѣланіе», исканіе «царств Божія» внутри себя [1]).

Герои сказаній.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ передъ нами ужъ не святые, не божі угодники — передъ нами праведные люди, устоявшіе среди соблазнов жизни мірской. Дальнѣйшимъ шагомъ русской письменности къ реализму къ дѣйствительности, было изображеніе людей, не безупречныхъ по свое святости, а обыкновенныхъ смертныхъ, знающихъ грѣхъ, но знающихъ раскаяніе.

„Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ".

Любопытна также *„Повѣсть о пресвитерѣ Тимофеѣ"*: онъ в время исповѣди совершилъ великій грѣхъ и, боясь наказанія, «осѣдл коня» своего и премѣни образъ свой поповскій и облечеся въ воиньску одежду, убѣжалъ къ татарамъ». Тамъ онъ обасурманился, «поня за себ двѣ жены», сдѣлался воеводой и часто нападалъ на русскія земли.

Прошло 30 лѣтъ. Богъ пожелалъ спасти грѣшника. Разъ, посл кровопролитной побѣды надъ русскими, онъ возвращался въ Казань. От ставъ отъ своихъ войскъ, ѣхалъ онъ одинъ полемъ «и, вспомянувъ грѣх

[1]) Ср. разсказъ Катерины объ ея юности („Гроза"); жизнь Маріи Болконско („Война и миръ").

вершенный свой, нача пѣти умильно красный стихъ, любимый пречистой городицей». Пѣніе услышалъ одинъ русскій, лежавшій въ лѣсу, три дня рывавшійся тамъ отъ татаръ. Онъ вышелъ изъ убѣжища, разсчитывая идѣть русскаго. Произошло объясненіе. Обасурманившійся попъ вспомнилъ родинѣ и «нача жалостно и радостно плакати и, сшедъ съ коня сво-, и нача землю мочити слезами своими на многъ часъ». Разсказавъ ою исторію, онъ сталъ просить у земляка, чтобы тотъ у митрополита просилъ для него прощеніе его грѣховъ и въ назначенный день привезъ пущеніе на то мѣсто, гдѣ они встрѣтились. Затѣмъ они разстались. Въ значенный срокъ посланный попа Тимофея, исполнивъ его просьбу, ѣхалъ первый и, увидя приближающагося Тимофея, спрятался и сталъ блюдать. Попъ, не видя своего посланца и думая, что его нѣтъ, «свер-ся съ коня и плакашася горько». Увидѣвъ отрока, «побѣже скоро отиву его и начатъ отрока цѣловати». Когда отрокъ подалъ ему от-скную грамоту отъ митрополита, грѣшникъ «вопіяше мытаревымъ гла-тъ», благодаря Бога, и вдругъ упалъ на землю и умеръ. Отрокъ похо-нилъ его и провелъ ночь у могилы. Во снѣ явился ему спасенный грѣш-къ, благодарилъ его за помощь и завѣщалъ ему свои богатства, коня, агоцѣнную сбрую и оружіе.

Въ этой легендѣ мы окружены людьми уже самыми обыкновенными и оисшествіями, въ которыхъ чудесный элементъ чуется скрытымъ гдѣ-то убоко. Легенда полна жизни, драматизма и глубоко вводитъ читателя психологію обоихъ дѣйствующихъ лицъ.

Отраженіе политическихъ интересовъ на повѣствовательной литературѣ.

Напряженность интересовъ политическихъ и историческихъ ражались въ переводахъ, а также въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда оизведеній политическаго характера: появилась впервые у насъ литическая повѣсть, явились историческіе труды, проникнутые редѣленными политическими идеалами.

Политическая повѣсть.

§ 48. *Политическая повѣсть.* Особый интересъ въ эту охy обнаружился къ „повѣсти о Вавилонѣ“ (См. выше, стр. 54). у насъ особенно охотно читали и переписывали. Происхожде- она византійскаго и уже на родинѣ принадлежала къ поли-ическимъ повѣстямъ. Смыслъ ея заключается въ желаніи свя-ь историческое прошлое византійской императорской власти съ овой властью знаменитыхъ монарховъ Востока. Содержаніе вѣсти слѣдующее:

Содержаніе „повѣсти о Вавилонѣ“.

Навуходоносоръ, сдѣлавшись царемъ, приказалъ въ Вавилонѣ вездѣ лать знаки змѣя на домахъ, на оружіи, на платьѣ жителей. Затѣмъ сдѣлалъ мечъ-самосѣкъ, «аспидъ-змій», который во время боя самъ леталъ изъ ноженъ и рубилъ враговъ. Когда царь умиралъ, онъ ве-лъ замуровать мечъ въ стѣнѣ и запретилъ его доставать. Сынъ его, просьбѣ горожанъ, защищая городъ отъ враговъ, вынулъ мечъ изъ ны, но не сумѣлъ съ нимъ справиться: мечъ порубилъ многихъ жи-ей и его самого. Тогда изображенія змѣй, сдѣланныя еще покойнымъ

царемъ, ожили и поѣли всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Вавилонъ обез дѣлъ и опустѣлъ; его населили звѣри и змѣи. Кругомъ городской ст легъ громадный змѣй, держащій конецъ хвоста своего въ пасти. Про много вѣковъ. Греческій императоръ Левъ посылаетъ въ городъ тр пословъ, чтобы они нашли, гдѣ лежатъ мощи св. отроковъ Ананіи, Аза и Мисаила. Посланные—грекъ, обежанинъ и славянинъ, послѣ мног приключеній, проникаютъ въ городъ и берутъ съ гробницъ святыхъ от ковъ кубокъ съ миррой и ливаномъ, чтобы отнести въ Византію. Гол изъ гробницы посылаетъ ихъ въ царскія палаты, чтобы оттуда они вз два вѣнца—царя и царицы. Послы берутъ вѣнцы и отправляются обратный путь.

Но, перелѣзая черезъ змѣя, они его разбудили—и уцѣлѣли лишь домъ. Отъ одного свиста змѣинаго погибла часть императорскаго вой Посланнымъ удалось доставить вѣнцы въ Византію.

Смыслъ этой повѣсти заключается въ томъ, что въ представле византійскихъ грековъ ихъ родина сдѣлалась наслѣдницей когда-то мо чаго Востока.

«Власть надъ вселенной, всемірная имперія символически переносил вмѣстѣ съ вѣнцомъ Навуходоносора изъ Вавилона въ Византію. идея византійскаго политическаго самосознанія, разрабатываясь послѣ вательно, вела къ представленію Византіи, какъ источника политичес власти вообще» (Веселовскій). Византія считалась «вторымъ Римом т. е. наслѣдницей Запада.

Распространенность этой повѣсти.

Понятно, что такая идея была легко растяжимой и б труда могла захватить, кромѣ Византіи, и еще другіе города царства. Такъ и случилось: въ разныхъ редакціяхъ эта повѣ была хорошо извѣстна средневѣковой западной литературѣ.—Люб пытно, что цѣль путешествія трехъ пословъ оказывается различн въ зависимости отъ интересовъ той среды, въ которую попада сказаніе. Въ одномъ житіи три посла идутъ въ Вавилонъ мощами святыхъ отроковъ; въ одной западной поэмѣ—за дра цѣнностями царя. Только въ русскихъ повѣстяхъ настойчи говорится о „царскихъ знакахъ". Это ясно указываетъ, что Руси благодарный мотивъ сказанія попалъ въ среду горячи политическихъ интересовъ и сдѣлался ихъ отраженіемъ. Съ ни тѣсно связался на русской почвѣ цѣлый рядъ однородныхъ сказан Основой этихъ сказаній акад. И. Н. Ждановъ считалъ фан стическую генеалогію и исторію русскихъ князей, подъ названіе

„Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ".

„Сказаніе о князьяхъ Владимирскихъ" [1]), сложившуюся въ кон XV, или въ началѣ XVI в. и болѣе извѣстную въ цѣломъ ря переработокъ, чѣмъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Особе

---

[1]) Истор. Христ. I, 275.

обстоятельна переработка сказанія въ „Посланіи Спиридона-Саввы“, бывшаго митрополита Кіевскаго.

„Посланіе Спиридона-Саввы“.

Нѣкто настойчиво просилъ у него составить исторію русскихъ князей—и престарѣлый авторъ, 91 года отъ роду, составилъ свое «Посланіе». Повѣствованіе начинается съ разсказа о раздѣленіи земли между потомками Сима, Хама и Іафета; слѣдуетъ перечень великихъ монарховъ; между ними встрѣчаются имена Александра Македонскаго, Юлія Цезаря. Братъ Цезаря, Августъ былъ императоромъ: «его облекли въ одежду царя Сесостриса, на голову возложили митру Пора, царя индѣйскаго»,—онъ вѣнчался «вѣнцомъ римскаго царства». Свою всемірную имперію онъ дѣлитъ между родственниками. Между прочимъ, Прусу, брату своему, онъ отдалъ берега Вислы и Нѣмана. Отъ него пошелъ народъ Пруссы; Рюрикъ былъ князь отъ рода Пруса,—его призвалъ на Русь Гостомыслъ. «И отъ того великаго князя Рюрика четвертое колѣно—князь великій Володимиръ, просвѣтившій землю русскую св. крещеніемъ, нареченный въ св. крещеніи Василій; и отъ него четвертое колѣно князь великій Володимиръ Всеволодовичъ». Далѣе разсказывается, какъ этотъ великій Володимиръ, по примѣру Олега и Игоря, хотѣлъ взять дань съ Цареграда и пошелъ походомъ. Императоръ Византійскій Константинъ прислалъ ему умилостивительные дары—крестъ изъ того древа, на которомъ былъ распятъ Христосъ, вѣнецъ царскій, крабицу сердоликову, ожерелье и пр. Вѣнецъ былъ присланъ для коронованія, какъ знакъ «вольнаго самодержавства великія Руси». Съ тѣхъ поръ Владимиръ получилъ прозвище «Мономаха», а вѣнцомъ его коронуются всѣ великіе князья московскіе.

Эти же свѣдѣнія въ сокращенномъ видѣ встрѣчаемъ мы въ „Родословіи великихъ князей Русскихъ“. Очевидно, Спиридонъ-Савва воспользовался для „Посланія“ этимъ „Родословіемъ“, а также „Сказаніемъ о князьяхъ Владимирскихъ“.

Наконецъ, существуютъ сказанія, объясняющія, почему послѣ Владимира русскіе князья не вѣнчались на царство вплоть до Василія III. Оказывается, Владимиръ Мономахъ передалъ „царскіе знаки“ сыну своему Георгію, велѣлъ ихъ оберегать,—никто изъ князей не имѣлъ права одѣвать эти знаки,—ихъ передавали лишь изъ роду въ родъ, пока не появится въ ихъ потомствѣ истинный самодержецъ,—царь, воздвигнутый самимъ Богомъ.

Популярность этихъ сказаній.

Наши предки вѣрили этимъ сказаніямъ,—это видно, хотя бы, изъ рѣчей Грознаго, который даже въ дипломатическихъ сказаніяхъ любилъ говорить о своемъ римскомъ происхожденіи. „Мы отъ Августа Кесаря родствомъ ведемся“—писалъ онъ шведскому королю. Свою генеалогію онъ изобразилъ на тронѣ, велѣлъ перевести на латинскій языкъ для распространенія въ Западной Европѣ. „Мои предки были нѣмцы“, говаривалъ онъ, по сви-

дѣтельству Флетчера; слово „бояре“ Грозный царь выводилъ из нѣмецкаго слова „Bayern“.

Для московскаго царя надо было придумать подходящу генеалогію. Образцомъ для нея могли служить подобныя ж вымышленныя генеалогіи у славянъ: болгарскіе цари Асѣни вя зывали свое происхожденіе съ римской аристократіей; сербскіе— вели себя отъ Августа. Такъ сложилась и фантастическая генеа логія русскихъ царей отъ Августа.

Насколько популярны были въ народѣ эти сказанія, видн изъ того, что они проникли въ народныя пѣсни и сказки. Так въ пѣсняхъ о Грозномъ есть разсказъ объ его царскомъ вѣнчані Во время пира царь Иванъ хвалится, что

«...повынесъ царенье изъ Царя-Града,
Царскую порфиру на себя одѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ...» [1]).

„Сказка о Бормѣ“.

Въ одной сказкѣ Самарскаго края Грозный царь кличет кличъ: „Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону скипетръ, державу?“ Послѣ трехъ дней ожиданія является пья ница-Борма—плутъ и пройдоха; онъ добываетъ изъ Вавилон все, что хотѣлъ царь и, послѣ ряда комичныхъ приключеній черезъ 30 лѣтъ странствованія, приноситъ все царю. Въ наград онъ проситъ о дозволеніи три года „безданно, безпошлинно“ пит во всѣхъ кабакахъ. Такимъ образомъ, строгій тонъ основного ска занія здѣсь смѣнился шутовскимъ колоритомъ. Есть, впрочем народныя сказки, развивающія этотъ же сюжетъ, но сохраню щія серьезный тонъ.

„Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ“.

Совершенно аналогично только что разобраннымъ сказаніям о царскихъ знакахъ—другое сказаніе о знакахъ святительскихъ— „*Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ*“ [2]). Эта легенд точно также византійскаго происхожденія, и возникла тамъ же в отвѣтъ на волновавшіе всѣхъ вопросы объ отношеніяхъ греческо церкви къ римской. Впослѣдствіи мотивы этого сказанія легк пріурочились къ интересамъ обособленной и высокомнящей о себ русской церкви XV вѣка. Содержаніе сказанія слѣдующее:

Содержаніе.

Константинъ Великій очень уважалъ папу Сильвестра, особенно, когд ему явились во снѣ ап. Петръ и Павелъ и приказали чтить Сильвестра

---

[1]) Въ одной пѣснѣ читается: „царскую порфиру на себя одѣлъ“, въ другой— „вывезъ Перфила изъ Царя града“, „вывелъ Перфила изъ Новгорода“. Есть, нако нецъ, указанія, что порфиру царь вывезъ изъ Казани.

[2]) Истор. Хрест. I, 276.

яко Бога, отца его себѣ и папою именовати». Константинъ хочетъ ороновать папу вѣнцомъ царскимъ. Но апостолы являются ему во снѣ показываютъ «одѣяніе бѣло», приличное украшать святителя. Императоръ подноситъ Сильвестру бѣлый клобукъ и самъ удаляется изъ Рима Византію, не считая возможнымъ для себя, земного царя, властвовать томъ городѣ, гдѣ святительская власть установлена самимъ Господомъ. Когда Римъ палъ нравственно, благочестіе угасло, пастыри римскіе клонились въ ересь, «святого бѣлаго клобука не любяху»,—тогда въ Римѣ рестали уважать клобукъ и даже хотѣли его уничтожить. Но св. Константинъ и Сильвестръ спасаютъ клобукъ. По приказанію ангела, грозго на видъ, клобукъ отосланъ въ Константинополь. Далѣе въ повѣсти детъ русское наслоеніе. Патріарху является во снѣ юноша святой и литъ отправить бѣлый клобукъ въ русскую землю. Нежеланіе патріарха пускать святыню изъ своихъ рукъ не привело, однако, ни къ чему: ились къ нему во снѣ свв. Константинъ и Сильвестръ и потребовали правленія клобука на Русь—«Ветхій бо Римъ отпаде славы отъ вѣры ристовой гордостью и своею волею; въ новѣмъ же Римѣ, еже есть въ нстантинѣ-градѣ, насиліемъ агарянскимъ такоже христіанская вѣра погибнетъ; въ третіемъ же Римѣ, еже есть на русской землѣ, благодать Духа возсія» [1]). Вся христіанская придутъ въ конецъ и снидутся во ино царство русское, православія ради» — сказали они. Почему, въ нцѣ концовъ, клобукъ попалъ въ Новгородъ, не въ Москву — это ляется загадкой. Вѣроятно, повѣсть существовала въ двухъ отдѣльныхъ дахъ; изъ нихъ сохранилась редакція новгородская.

Политическое значеніе имѣютъ и тѣ переводныя сказанія, нтересъ которыхъ заключался въ томъ, что они отвѣчали запросамъ минуты. Созданныя вдали Россіи, въ зависимости отъ чуждыхъ намъ историческихъ условій, они нашли пріуроченье у съ въ благопріятное для этого время. **Отраженіе политическихъ интересовъ въ переводныхъ повѣстяхъ.**

Если въ приведенныхъ выше произведеніяхъ мы имѣли дѣло *переработкой* ходячихъ мотивовъ, то теперь мы перейдемъ нѣсколькимъ переводнымъ письменнымъ произведеніямъ, *пріуроченнымъ* къ русской жизни.

Такъ, съ личностью Грознаго связывается повѣсть: „*Сказаніе о Дракулѣ, мутьянскія земли воеводѣ*". Характерная черта героя—жесто- **„Сказаніе о Дракулѣ".**

---

[1]) „Вмѣстѣ съ представленіемъ преемства Москвой значенія Византіи, понятіе о вселенской церкви стало заключаться въ географическіе предѣлы церкви русской. XV вѣкѣ складывалось и крѣпло у русскихъ людей убѣжденіе, что другіе христіанскіе народы, отпавшіе отъ православія, теряютъ свою самостоятельность. Послѣ флорентійской уніи греки упали въ глазахъ русскихъ. Русскіе люди стали высказываться, что „греки къ своей погибели отъ истины свернулись и печать антихристову челѣ и десницѣ пріяли". А когда Константинополь былъ взятъ турками, то русскіе люди усмотрѣли въ этомъ Божіе наказаніе за отступленіе отъ православія. Русская же земля, наоборотъ, свергла иго татарское, ибо твердо сохранила свое православіе. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что Москва есть единственное православное государство, а греческое православіе заражено латинствомъ".

кость. Вся повѣсть состоитъ изъ ряда анекдотовъ о безчеловѣчіи Дракулы, каравшаго пороки подчиненныхъ. Повѣсть извѣстна и на запад… у насъ ея популярность объясняется сближеніемъ личности героя съ Иваномъ Грознымъ. Народная фантазія въ одномъ разсказѣ даже приписал… Грозному подвигъ Дракулы.

„Сказаніе о Махметѣ".

Въ *сказаніи о Махметѣ*, произведеніи очень любопытномъ, затронутъ вопросъ о паденіи Цареграда. Махметъ изображенъ жестокимъ владыкой, который, ради установленія правды, прибѣгаетъ къ казнямъ. Мораль повѣсти въ заключительныхъ словахъ Махмета: «Махметъ-султан… учалъ говорити сеитомъ и пашамъ своимъ, и воеводамъ, и всѣмъ людем… «аще не такою грозою великій народъ устрашити, ино и правды въ земл… не ввести; зане же только грозы людямъ не будетъ,—ино книгъ законыхъ не послушаютъ, и какъ конь человѣкомъ безъ узды, такъ и царств… подъ царемъ безъ грозы».

Сказаніе о Петрѣ Волошскомъ воеводѣ".

Съ такимъ же характеромъ, съ такими же намеками на московск… порядки при Иванѣ IV извѣстно и «*Сказаніе о Петрѣ, Волошском… воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому княз… Ивану Васильевичу всея Руссіи*". И въ этой повѣсти говорится … необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія правды въ царств… Волошскій воевода много слышалъ о Московскомъ царствѣ, восхвалял… его благочестіе и святость, но зналъ, что неправды тамъ много. Особен… предостерегалъ Петръ царя московскаго «отъ ловленія» вельможъ, которые «ворожбой и кудесами» готовы его погубить. Оканчивается повѣст… просьбой помощи отъ Москвы, отъ «насильства турецкаго». Еще съ именемъ Грознаго Царя связывалась «*Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа*».

Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа.

Это произведеніе посвящено обличенію близкихъ царю лицъ, которы… строятъ противъ него козни, готовясь извести его чародѣйствомъ.

Перечисленныя произведенія любопытны въ высшей степени… такъ какъ ясно обнаруживаютъ тревожное настроеніе московска… общества при Грозномъ. Будучи переводными, они, очевидн… приспособились къ эпохѣ, къ народнымъ толкамъ того времен… и, вѣроятно, въ русскихъ спискахъ восприняли въ себя кое-как… московскія черты.

Историческія повѣсти.

Изъ повѣстей, изображающихъ русскую историческую жизн… интересны, хотя бы, слѣдующія: „О походѣ Іоанна III на Новгородъ", „О взятіи Пскова Іоанномъ IV", „О взятіи Казани" и др… Особаго художественнаго значенія эти произведенія не представляютъ; отличаясь бо́льшею или меньшею живостью, они всѣ тенденціозны, въ зависимости отъ того, на чьей сторонѣ стоялъ ихъ авторъ,—тянулъ ли онъ къ Москвѣ, или къ ея врагамъ.

Историческія сочиненія. Лѣтописи.

§ 49. *Историческія сочиненія* тоже представляютъ собой нѣкоторый интересъ: и теперь, въ XV—XVI вв., составляются ещ… лѣтописи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно у ихъ составителей стремлен… придать имъ „сводный" характеръ. Но, кромѣ лѣтописей, къ это…

эпохѣ относятся и историческія произведенія совершенно новаго типа. Такъ, напримѣръ, въ „Степенной книгѣ“ встрѣчаемъ мы изложеніе церковныхъ и гражданскихъ событій по родословному порядку, по „степенямъ“ великокняжескаго рода. „Царственная книга“ есть описаніе царствованія Іоанна Грознаго. Этому же царствованію посвящено интересное сочиненіе кн. Курбскаго: „Исторія князя великаго Московскаго“. Въ этой исторіи разсказано о дѣтствѣ Грознаго, объ его порочной юности и исправленіи подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ о злой перемѣнѣ въ его душѣ. Тенденція „Исторіи“—строго боярская, идея—та же, что была авторомъ выражена и въ „Перепискѣ“. Эта „Исторія“ отличается отъ лѣтописи своимъ прагматизмомъ, кромѣ того, въ ней нѣтъ безпристрастія, объективности. Передъ нами, скорѣе, „записки“ современника. „Степенная книга“. „Царственная книга“. „Исторія кн. вел. Московскаго“.

§ 50. *Путешествія.* Къ XV—XVI вв. относится немало описаній путешествій по св. мѣстамъ (напр. іеродіакона Зосимы, Трифона Коробейникова и Юрія Грекова и др.); всѣ они значительно уступаютъ по своимъ достоинствамъ „Хожденію игумена Даніила“. Особенно любопытно „Путешествіе Аѳанасія Никитина въ Индію“. Это—живой разсказъ о невѣдомой сказочной странѣ, издавна привлекавшей вниманіе русскаго человѣка [1]). Путешествія. „Путешествіе Аѳанасія Никитина“.

Русскій путешественникъ сообщаетъ о разныхъ диковинкахъ индійской флоры и фауны, подробно разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ, о религіи индійцевъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ. Три года провелъ Никитинъ на чужбинѣ, тоскуя по вѣрѣ православной и родной землѣ. Въ концѣ своихъ записокъ, вспоминая разныя земли, имъ видѣнныя, онъ восклицаетъ: „Русская земля! да сохранитъ ее Богъ, Боже сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны! Да устроится русская земля!“

§ 51. *Авантюрныя повѣсти.* Къ этой же эпохѣ, правда, предположительно, могутъ быть отнесены двѣ нерусскія повѣсти (объ Еруслановѣ и о Бовѣ), которыя у насъ обрусѣли до такой степени, что могутъ считаться почти народными [2]). Содержаніе *сказки объ Еруслановѣ Залазаревичѣ* [3]) заимствовано изъ персидской народной эпопеи „Шахъ-Намэ“. Еруслановъ, или Русланъ,—это—Рустемъ Авантюрныя повѣсти. „Сказка объ Еруслановѣ“; ея источникъ.

[1]) Ср. сказаніе объ индійскомъ царствѣ, „Александрію“ и др.

[2]) Всѣ другіе авантюрные романы, попавшіе къ намъ въ XVII в., совсѣмъ мало поддались обрусѣнію, сохранивъ свой книжный стиль; указанныя же два произведенія вполнѣ усвоили складъ русской народной сказки и былины,—ясное доказательство, что онѣ пришли къ намъ раньше тѣхъ, что явились въ XVII в.

[3]) Истор. Хрест. I, 286.

восточныхъ преданій. Отецъ его, Залазарь, или Лазарь—это Зальцеръ; царь Картаусъ—Кейкаусъ. „Подсолнечное царство" взято изъ восточныхъ сказокъ и встрѣчается, между прочимъ, въ сказкахъ 1001 ночи. Сказка дошла до насъ въ сильной рус-

Руссификація сказки.

ской переработкѣ, утративъ совершенно всѣ слѣды восточнаго колорита. Эпическія повторенія, эпическія числа, общія мѣста русской былины и сказки, мѣстами даже слѣды былиннаго размѣра,—все это дѣлаетъ заимствованное произведеніе почти русскимъ. Значеніе этого произведенія очень велико, что видно, хотя бы изъ его популярности: оно дожило до нашихъ дней, удостоилось, вѣроятно, до сотни лубочныхъ изданій, вдохновило нѣсколькихъ романистовъ XVIII-го вѣка и, черезъ ихъ посредство, великаго поэта нашего Пушкина—на созданіе первой его поэмы. Содержаніе ея слѣдующее:

Содержаніе.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Картаусъ. У него 12 богатырей, надъ ними начальникъ Лазарь, дядя царя. 10 лѣтъ у князя Лазаря не было дѣтей; наконецъ, Богъ услышалъ его и жены молитвы и далъ имъ дѣтище—«съ молоду на потѣху, а по смерти на поминъ души»—родился сынъ Еруслань. «Лицомъ онъ былъ румянъ и власы имѣлъ русые, очи свѣтлыя». 12 лѣтъ отъ роду сталъ Еруслань «шутить съ боярскими дѣтьми: кого ухватитъ за голову—голова у того прочь, кого ухватитъ за руку—у того рука прочь». Родители идутъ съ жалобой къ царю. Царь заявилъ дядѣ, что шутки Еруслана ему «негораздо надобны, да и самъ Еруслань ему ненадобенъ—пусть уѣзжаетъ изъ царства». Еруслань лишь «усмѣхнулся», когда отецъ передалъ ему приказъ царя, взялъ—родительское благословеніе и уѣхалъ въ «чистое поле», гдѣ и сталъ промышлять охотой, «началъ ходить по тихимъ заводямъ и по губамъ морскимъ и побивать гусей, лебедей и сѣрыхъ утицъ». При помощи стараго отцовскаго конюха, который 33 года стерегъ табуны, Еруслань овладѣваетъ чудеснымъ конемъ; когда конь этотъ воду пьетъ,—«на морѣ волны возстаютъ, а надъ дубомъ орлы скрежещутъ, а на горахъ львы свищутъ, а на томъ мѣстѣ не можетъ никакой человѣкъ стоять». Вѣщій конь Еруслана обладаетъ такимъ ходомъ, что, «когда идетъ» «степою бредучею», то другимъ конямъ приходится идти «во всю пору лошадиную». Еруслань наѣзжаетъ на двѣ рати, побитыя Иваномъ, русскимъ богатыремъ, наѣзжаетъ на «исконыть великую», затѣмъ наѣзжаетъ онъ на шатеръ Ивана, видитъ богатыря спящимъ, но убить его не рѣшается, считая это безчестнымъ. Утромъ они знакомятся, и оба похваляются силой. На похвалу Ивана Еруслань отвѣчаетъ: «Не поимавши птицу, теребишь, и не отвѣдавши добраго молодца, хулишь». Споръ вышелъ изъ-за того, кто утромъ долженъ принести воды для умыванья. Поединокъ между ними кончился въ пользу Еруслана, и оба богатыря побратались и поѣхали вмѣстѣ. Иванъ ѣдетъ добывать себѣ дочь змѣя Феодула, красавицу Кандоулу Феодуловну; двѣ царскія рати онъ побилъ, предстоитъ избить еще третью. На слѣдующій день онъ вступаетъ въ бой, проговоривъ обычную

вою богатырскую поговорку: «не ясенъ соколъ напущаетъ на гусей и лебедей а сѣрыя утицы,—напускаетъ князь Иванъ, русскій богатырь, на рать, илу великую». Онъ перебилъ 300.000 человѣкъ и овладѣлъ красавицей. Иванъ-богатырь сталъ спрашивать ее, кто на свѣтѣ прекраснѣе изъ женщинъ, храбрѣе изъ мужчинъ. Она указала на дочерей Бугригора-царя, а зъ богатырей назвала первымъ Ивашку, бѣлую епанчу, слугу индѣйскаго аря Далмата; стоитъ этотъ богатырь на заставѣ 33 года—«мимо него никакой человѣкъ не прохаживалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь е прорыскивалъ, ни птица не пролетывала». Услышалъ это Еруслань, богатырское его сердце неутерпчиво»,—прощается онъ съ названнымъ ратомъ, молится на образъ Божій, ѣдетъ взять благословеніе родительское на дальнюю поѣздку. Подъѣзжая къ родному городу, Еруслань идитъ, что его осаждаетъ князь Данила бѣлый. Отецъ радъ сыну и ривѣтствуетъ его словами: «откуда ты пріѣхалъ? какъ солнце возсіяло меня обогрѣло!». Еруслань побиваетъ Данилу бѣлаго, беретъ съ него лятву не воевать съ Картаусомъ, получаетъ благословеніе родительское ѣдетъ въ путь. Онъ овладѣваетъ треия сестрами-красавицами, но, за эучтивость казнитъ двухъ старшихъ. Отъ младшей онъ узнаетъ о расавицѣ, дочери Вахрамѣя-царя. Молится онъ на образъ Божій и ѣдетъ альше. Съ Ивашкой, Бѣлой епанчей, онъ справляется быстро—«какъ всяный снопъ», повалился тотъ отъ удара Еруслана. Затѣмъ онъ ѣдетъ къ алмату—слѣдуютъ обычные разспросы объ имени—недовѣріе къ богатырю, роѣхавшему дорогой заложенной (ср. вопросы Владимира къ Ильѣ). Прежде, ѣмъ ѣхать къ царю Вахрамѣю, Еруслань возвращается домой за родиельскимъ благословеніемъ. Оказывается, родина его разорена Данилой, царь отецъ Еруслана въ плѣну и ослѣплены. Еруслань проникаетъ къ нимъ ъ темницу, узнаетъ, что для ихъ излеченія надо ѣхать «за тихія воды, теплыя моря—въ Щитинъ градъ, къ вольному царю, огненному Щиту, ламенному копію», убить царя, вынуть изъ него желчь и помазать той желчью выколотыя очи. Еруслань ѣдетъ въ Щитинъ-градъ, по дорогѣ аѣзжаетъ на поле, покрытое трупами, и видитъ отрубленную богатырскую олову Рословея-богатыря. Съ помощью тѣхъ совѣтовъ, которые даетъ му голова, Еруслань добываетъ себѣ мечъ-кладенецъ, убиваетъ царя и желчью сращиваетъ голову Рослапея съ туловищемъ, возвращаетъ зрѣніе арю Картаусу и отцу, перебиваетъ войска царя Данила бѣлаго. Взявъ отца благословеніе, Еруслань уѣзжаетъ въ царство царя-Вахрамѣя, освобождать царство отъ змѣя, живущаго въ озерѣ. Отъ этого змѣя Еруслань олучаетъ самоцвѣтный камень. Затѣмъ онъ женится на красавицѣ Анаасіи Вахрамѣевнѣ. На вопросъ витязя, кто храбрѣе его и прекраснѣе я, молодая жена отвѣтила, что храбрѣе его нѣтъ на свѣтѣ никого, а рекраснѣе ея царь-дѣвица Поликарпія, живущая «въ дѣвичьемъ царствѣ, ъ солнечномъ градѣ». Еруслань прощается съ женой, оставляетъ ей амоцвѣтный камень, съ приказаніемъ, чтобы, въ случаѣ рожденія сына, на вставила камень въ перстень и дала бы тотъ перстень сыну. Еруланъ увлекается Поликарпіей и остается въ подсолнечномъ царствѣ. ъ его отсутствіе у Анастасіи Вахрамѣевны родится сынъ, тоже Еруслань. одросши, онъ ѣдетъ разыскивать отца; между ними происходитъ бой, ри чемъ перстень съ камнемъ спасаетъ сына отъ руки отца. Еруслань

съ сыномъ возвращается къ женѣ и посылаетъ сына съ поклономъ к
друзьямъ: царю Картаусу, Ивану, богатырю русскому, и Росланею, которы
сидѣлъ царемъ въ Щитинѣ-городѣ. Отъ всѣхъ молодой Еруславъ приве
письма. Послѣ смерти Еруслана, сынъ его сѣлъ на престолъ царя Ва
храмѣя.

История текста сказки.

Стасовъ сдѣлалъ сопоставленіе текста сказки съ текстом „Шахъ-Намэ". Результаты сличенія оказались очень любопытн. Русскій народъ очень свободно обошелся съ чужими темами, со вершенно отбросилъ чужую поэтику, измѣнилъ характеръ героя далъ развитію темы русскую обстановку. Очевидно, чужой сю жетъ столкнулся съ сильнымъ народнымъ творчествомъ, съ вы работаннымъ поэтическимъ міросозерцаніемъ.

Сказка „о Бовѣ".

Не менѣе любопытна судьба другой столь же популярно сказки „*О Бовѣ-королевичѣ*" [1]). Въ этомъ случаѣ мы имѣем тоже русскую переработку сюжета, пришедшаго къ намъ съ за пада. Содержаніе сказки слѣдующее:

Содержаніе.

Молодая супруга царя Гвидона, Милитриса Кирбитьевна, входитъ в согласіе съ царемъ Додономъ [2]), предаетъ ему хитростью мужа и вых дитъ за него замужъ. Малолѣтній сынъ ея, Бова, спасается бѣгство съ дядькой, но попадаетъ въ тюрьму. Потомъ Милитриса пытается отра вить сына, но «дѣвка-чернавка» предупреждаетъ королевича. Бова пр помощи дѣвки бѣжитъ и поступаетъ на корабль матросомъ. Придя с кораблемъ въ арменскую землю, Бова оказывается проданнымъ королю в рабство. Сила его, красота и умѣнье играть на гусляхъ покоряютъ ем сердце царской дочери Дружневны. Любовь царевны Бова отвергаетъ. З царевну сватается пришедшій съ войскомъ Маркобрунъ изъ Задонска королевства. Бова на турнирѣ перебилъ до 200,000 враговъ и освобо дилъ на время царевну отъ сватовства. Является другой женихъ—испо линъ Лукаперъ. Дружневна даетъ Бовѣ мечъ-кладенецъ и коня богаты скаго, и Лукаперъ съ его войскомъ оказывается побѣжденнымъ. Происка придворныхъ Бова отосланъ къ царю Салтану съ письмомъ, въ которо онъ, Бова, обрекался на смерть. По дорогѣ странникъ у спящаго Бов крадетъ мечъ и коня. Салтанъ, исполняя приказаніе, собирается казнит Бову, но тотъ сперва отбивается безоружный отъ массы враговъ, но за тѣмъ отдается въ ихъ руки и попадаетъ въ тюрьму. Дочь Салтана Ми лигерія влюбляется въ Бову и пытается склонить его къ вѣрѣ магомета ской. Когда усилія ея оказались тщетны, то Бову рѣшили казнить. Но он нашелъ въ тюрьмѣ старый мечъ и, перебивъ многихъ, выбрался на сво боду [3]). Бова плыветъ къ Задонскому царству, куда пріѣхалъ царь Марк брунъ съ невѣстой Дружневной. Здѣсь Бова встрѣчаетъ вора-пилигрим наказываетъ его, но оставляетъ въ живыхъ за зелье, благодаря которо

---

[1]) Истор. Хрест. I, 290.

[2]) Имена этихъ царей взяты Пушкинымъ для его сказокъ.

[3]) Вѣроятно, эта сказка отразилась на малороссійской пѣснѣ о Балдѣ. (См. 1 вы I-ой части, стр. 95).

жно обратиться въ старика. Въ видѣ стараго нищаго добирается онъ до ружневны, будитъ въ ней воспоминаніе о Бовѣ своимъ разсказомъ о немъ. роисходитъ узнаніе. Дружневна бѣжитъ съ Бовой, споивъ Маркобруна нымъ зеліемъ. Посланное въ погоню войско перебито Бовой. Затѣмъ лъ посланъ за Бовою богатырь Полканъ, получеловѣкъ-полупесъ. Побѣжденный Полканъ братается съ Бовой, и они ѣдутъ дальше втроемъ. ова ѣдетъ наказывать царя Додона и мать свою Милитрису. По дорогѣ и берутъ городъ Костелъ, гдѣ царствовалъ Урилъ. Маркобрунъ осаждаетъ городъ царя, разбиваетъ войско Урила и его беретъ въ плѣнъ; хитрость Маркобруна не удалась, и плѣнникъ его Урилъ не сумѣлъ овладѣть Бовой. Бова и Полканъ избиваютъ все войско Маркобруна и ѣдутъ дальше. Встрѣчается имъ войско царя Додона. Бова идетъ въ бой, а жену оставляетъ на попеченіе Полкана. На нихъ нападаютъ два льва; Полканъ ихъ убиваетъ, но и самъ умираетъ отъ ранъ. Дружневна, съ умя сыновьями, потерявъ надежду на возвращеніе Бовы, уѣзжаетъ. Бова, одержавъ побѣду, возвращается къ женѣ, видитъ трупы, думаетъ, что она похищена. Онъ въ горѣ доканчиваетъ месть; въ видѣ нищаго пробираетъ въ родной городъ, убиваетъ Додона, а мать, заключивъ въ бочку, бросаетъ въ море. Бова царствуетъ въ городѣ Антонѣ и сватается къ дочери Салтана, Милигеріи. Но Дружневна является наканунѣ свадьбы въ видѣ нищей съ сыновьями Бовы, узнана имъ и дѣлается царицей въ Антонѣ, а Милигерія выходитъ замужъ за сына дядьки Бовы. Такова одна изъ русскихъ редакцій этой повѣсти.

Руссификація повѣсти. Сличеніе съ текстомъ западнаго романа сдѣлано акад. Веселовскимъ и обнаружило такую же сильную руссификацію основного текста, какъ это мы видѣли съ текстомъ Руслана. Съ именами итальянскими произошла слѣдующая метаморфоза: Riçardo — обратилось Личарду, Bovo и Buovo — въ Бову, Lucafer (Lucaferro — въ Лукапера, Drusiana — въ Дружневну, мечъ chiarenza — въ мечъ-кладенецъ, Pulicane — въ Полкана, Saldano di Sadonio — въ Салтана Задонскаго. Нарицательное meltrix и meretrix, т. е. развратная женщина, обратилась въ имя собственное — Милитриса, castello — замокъ, въ русскомъ осмысленіи, обратилось въ „городъ Костелъ“. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ повѣсти итальянскій герцогъ Orio обратился въ „посадскаго мужика Орла“, средневѣковый замокъ — въ „земскую избу“. Поэтика русскихъ сказокъ и былинъ и здѣсь совершенно измѣнила духъ итальянской поэмы, — опять передъ нами фонъ получился русскій. Сюжетъ Бовы пережилъ цѣлую литературную исторію на Западѣ, попалъ онъ къ намъ изъ Италіи чрезъ посредство Сербіи.

„Александрія“ Сербская редакція. Тѣмъ же путемъ дошла до насъ и новая редакція „Александріи“, такъ называемая *сербская*, въ которой Александръ и его сподвижники представлены рыцарями.

Народное творчество этой эпохи.

§ 52. *Народное творчество* за этотъ періодъ времени выразилось ярко и разнообразно: на событія времени оно отозвалось историческими пѣснями и сказками. Особенно личность Грознаго привлекла къ себѣ вниманіе народа.

Историч. пѣсни.

Въ историческихъ пѣсняхъ [1] описывается „взятіе Казани“, „Покореніе Сибири“, „Свадьба царя на Маріи Темрюковнѣ“, „Казнь царевича“, „Правежъ“, „Осада Пскова“, „Царь въ Серпуховѣ“, „Гнѣвъ на Вологду“, „Ссылка царицы въ монастырь“, „Смерть Грознаго царя“.

Грозный царь въ сказкахъ.

Сказки, сгруппировавшіяся около личности Грознаго, происхожденія чужеземнаго, но привившіяся у насъ, такъ какъ отвѣчали запросамъ времени. Грозный царь является въ нихъ или въ роли Гарунъ-аль-Рашида, ходящаго переодѣтымъ въ народъ, или въ роли судьи, надѣленнаго чисто-восточною мудростью,—или царя, по восточному, загадками испытывающаго разумъ подданныхъ [1]. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сказкахъ о Грозномъ нѣтъ восточнаго вліянія. Такъ, хотя бы, разсказъ о томъ, какъ царь, въ видѣ прохожаго, просился на ночлегъ въ деревнѣ и былъ принятъ только бѣднымъ, за что и наградилъ его, наказавъ богатыхъ— сюжетъ, очень широко распространенный въ легендахъ. Особенностью нѣкоторыхъ сказокъ этого типа надо считать *политическую окраску*, сквозящую въ изображеніи взаимныхъ отношеній царя и поданныхъ.

Политическій характеръ этихъ сказокъ.

Эти сказки и повѣсти распадаются на вышедшія изъ боярской среды и изъ народной. Въ сказкахъ перваго типа мы встрѣчаемъ попытки обличить царя. Въ послѣднихъ бѣдные простолюдины обыкновенно милѣе сердцу царя, чѣмъ богатые бояре.

Акад. Веселовскій объ этихъ сказкахъ.

Здѣсь выдвигается новый герой изъ простонародья, богатый лукавствомъ и сметкой,—онъ выдѣляется изъ толпы, возвышается надъ знатью и подходитъ къ царю, какъ его близкій помощникъ.

Цѣнность этихъ произведеній несомнѣнна. „Безсознательное творчество народа отличается вѣрнымъ тактомъ, позволяющимъ пріурочивать лишь тѣ мотивы, которые отвѣчали народному пониманію историческаго лица. Въ такомъ именно и лишь въ такомъ смыслѣ и сказки могутъ служить исторической характеристикѣ“.

Разбойничій эпосъ и лирика. Духовн. стихи, легенды.

Къ этой же эпохѣ относится особое развитіе разбойничьяго эпоса и лирики [2]. Кромѣ того, по прежнему сочинялись духовные стихи и складывались легенды.

---

[1]) См. 1-ый вып. этого сочиненія, 40, 42, 44.

[2]) Восточнаго происхожденія сказки „О воровскихъ похожденіяхъ царя“, „О награде лапотника“ „О ловкомъ ворѣ“ и пр.

§ 53. Такъ пестро и разнообразно было содержаніе русской литературной жизни этого періода. Но, при всемъ разнообразіи состава этой жизни, нетрудно замѣтить нѣкоторыя общія черты, пронизывающія творчество этой эпохи,—письменное и устное. Такъ, прежде всего, бросается въ глаза ярко-*политическое* содержаніе его, затѣмъ его *боевой* характеръ, вызванный взаимною борьбою отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ.

Главныя особенности творчества этой эпохи.

Третья характерная черта этого творчества—его *тенденціозность, идейность;* произведенія, удовлетворяющія интересамъ чисто-эстетическимъ въ такія тревожныя эпохи всегда уступаютъ свое мѣсто произведеніямъ тенденціознымъ, имѣющимъ практическое приложеніе въ жизни. Мы видѣли, какъ эти тенденціи (идея самодержавія, Москва—„третій Римъ") проникли и въ житія, и въ проповѣди, и въ повѣсти, и даже въ народныя произведенія.

Наконецъ, какъ въ жизни, такъ и въ народномъ творчествѣ надо отмѣтить стремленіе нарушить старыя формы во имя свободы мысли и вкуса. Эти проблески *самобытности,* отчасти появившіеся самостоятельно, отчасти подъ слабыми вліяніями запада, особенно ясно выразятся тогда, когда усилятся эти вліянія. Это произошло уже въ XVII в.

§ 54. *IV. Культурный переломъ въ исторической жизни московской Руси (XVII в.).* Вліянія запада на московскую Русь шли издавна, но она долго могла выбирать изъ этихъ вліяній тѣ, что нужны были ей, и отбрасывала то, что казалось ей лишнимъ [1]). Оттого безуспѣшны были всѣ старанія католиковъ и про-

Вліянія запада на московскую культуру въ XVI в. и ранѣе.

---

[1]) „Новый строй жизни возникшаго огромнаго государства все чаще и настойчивѣе, съ конца XV—пол. XVI вв., заставляетъ обращаться къ западу, на каждомъ шагу заставляетъ лучшихъ людей Московскаго государства убѣждаться въ полезности и необходимости западнаго образованія, западныхъ знаній. Правительству все чаще приходится вызывать къ себѣ разнаго рода западныхъ людей, „свѣдущихъ" въ томъ или другомъ государевомъ дѣлѣ. Съ XV—XVI вв. передъ нами въ Москвѣ уже всюду цѣлыя толпы иноземцевъ: наемныхъ офицеровъ, разнаго рода мастеровъ, заводчиковъ, архитекторовъ, лекарей. Подъ Москвой какъ-то незамѣтно вырастаетъ цѣлая „нѣмецкая слобода",—цѣлая колонія этихъ выходцевъ, первыхъ представителей на Руси западной культуры, первыхъ будущихъ помощниковъ Петра Великаго. Современники жалуются, что „русская земля зашаталась", что она „переставливаетъ свои обычаи", что вездѣ—„волки" и „козни вражіи", вездѣ „поруха" старому преданію, „закону прародителей"... Въ „Московіи" появляются западныя космографіи, сочиненія астрологическія, календарныя, медицинскія, военно-прикладныя,—впервые получаетъ особенно видное мѣсто переводная беллетристика... Западныя „вѣянія" идутъ сначала черезъ *Новгородъ;* позднѣе главнымъ проводникомъ ихъ дѣлаются *юго-западная Русь* и *Польша.* По отношенію къ „новгородскимъ", чрезвычайно типичными являются такіе памятники, какъ *Библейскій кодексъ* Геннадія, составляющійся подъ ближайшимъ вліяніемъ Вульгаты и нѣмецкой библіи, и переводные труды одного изъ ближайшихъ помощниковъ Геннадія,—Димитрія Герасимова. Что касается вліяній, шедшихъ изъ Кіева и Польши, нагляднымъ свидѣтельствомъ ихъ силы и могущества служитъ

тестантовъ завладѣть умами и сердцами московскихъ людей. Эт
старанія начались задолго до XVII вѣка.

Борьба съ этими вліяніями.

Но тогда была эпоха блестящаго развитія московской Руси— тогда было время, когда прочны были всѣ характерныя е черты: Москва — „третій Римъ“, царь московскій, осѣненный дву главымъ орломъ византійскаго императора,—наслѣдникъ Царя града, московское благочестіе—стражъ христіанской вѣры, оди нокій свѣточъ, сіяющій во мракѣ всемірнаго невѣрія... Понятно что подъ защитой такихъ убѣжденій нестрашны были Москвѣ попытки запада уловить сердца и умы ея гражданъ. Однако каждая такая попытка, всегда побѣдоносно отраженная, оста вляла послѣ себя сѣмена протеста и критики въ самомъ сердцѣ Москвы. Что же касается до русскихъ окраинъ, то тамъ ран образовались цѣлые очаги новшествъ, враждебные старымъ устоямъ „древняго благочестія“: такъ, раньше Новгородъ, а затѣмъ юго западная Русь оказались уступчивѣе Москвы,—и вотъ, изъ Нов города идутъ протестантскія воздѣйствія, а изъ юго-западной Руси полукатолическія идеи. Но мы видѣли, что съ XVI в въ самой Москвѣ, помимо вліяній извнѣ, случайныхъ и малозначи тельныхъ, проявились новыя потребности, новыя стремленія...

Проясненіе „новой жизни“ съ эпохи Грознаго.

Іоаннъ Грозный, желающій доказать иноземцамъ, что онъ— „нѣмецъ по происхожденію“, царь-врагъ боярства, окружающій себя случайными людьми,—подготовлялъ это торжество „новыхъ“ людей въ смутное время. Съ Грознаго началось разложеніе ста раго московскаго пониманія царской власти; Годуновъ и Шуйскій— „избранники народа“, уже не были вотчинными хозяевами на московскомъ престолѣ, какими были цари-Рюриковичи,—они не были уже хозяевами,—были „слугами“ народа, тѣми „урядни ками“ (т. е. владыками, ограниченными условіями, или волею народа), которыхъ такъ презиралъ Грозный. Случайный Само званецъ совсѣмъ не былъ связанъ никакими московскими тради ціями. Съ стригольниковъ и жидовствующихъ,—особенно съ Нил Сорскаго и Вассіана, съ его единомышленниками, поколебалось „московское благочестіе“. Временное торжество въ XVI в. цар ской власти и церкви, заключившей союзъ между собой, про должалось недолго,—это торжество было послѣдней вспышкой старыхъ традицій, и XVII вѣкъ докончилъ давно подготовля

чуть не вся переводная московская литература XVI—XVII вв., этотъ *необычайн наплывъ переводовъ съ запада*, занимающій такое видное мѣсто во всей московск литературѣ къ концу XVII вѣка“ (Архангельскій).

шееся дѣло разрушенія стараго... И вотъ, отъ гордаго сознанія своего первенства среди народовъ всего міра московскимъ людямъ пришлось въ XVII в. перейти къ сознанію, что старая Русь—не образецъ, что съ нею расчеты покончены — идетъ Русь „новая", съ инымъ пониманіемъ жизни, съ иными вкусами, иными людьми. Эта Русь уже не въ силахъ была презрительно относиться ко всему міру,—она созналась, что ей надо *учиться,* чтобы исправить промахи прошлаго, заполнить пробѣлы своей жизни чѣмъто новымъ. Это *исправленіе* жизни—съ одной стороны, и *пополненіе* ея—съ другой, сдѣлалось содержаніемъ всей культурной жизни русскаго общества вплоть до XVIII вѣка. Мы видѣли уже, что „исправленіе" началось еще въ XVI в.; что же касается до „пополненія" жизни, то, едва намѣчавшееся въ Московской Руси, оно сдѣлалось теперь, въ XVII в., главнымъ содержаніемъ культурной жизни. Раньше правительство стояло за старину,—теперь оно вступило на путь реформъ церкви и общества; раньше въ части русскаго общества обнаружилось нѣкоторое тяготѣніе къ новшествамъ (ереси), — теперь, въ народной массѣ обнаружилось могучее оппозиціонное направленіе въ консервативномъ духѣ,—направленіе, приведшее къ расколу и опиравшееся на авторитетъ Стоглава, Іосифа Волоцкаго и др. Такое перемѣщеніе культурныхъ ролей очень характерно.

Содержаніе новой культурной жизни въ XVII в. (исправленіе и пополненіе жизни).

Вліянія запада въ XVII в. одержали у насъ верхъ, особенно во второй его половинѣ; они отразились не только во внѣшней сторонѣ жизни и въ народномъ творчествѣ, но и въ церковныхъ обрядахъ, въ церковной литературѣ, и, что особенно важно, въ измѣненіи всего міросозерцанія русскаго народа. Древняя Русь, съ ея аскетическими идеалами, съ ея отрицаніемъ земныхъ радостей и вѣчными томительными думами о смерти и страшномъ судѣ, мало-по-малу, стала замѣняться новой Россіей, которая, подъ вліяніемъ запада, искала счастья здѣсь, на землѣ—на первыхъ порахъ, хотя бы, въ комфортѣ и удобствахъ жизни, въ развлеченіяхъ на „заморскую стать"... Этимъ переломомъ міросозерцанія обусловилось паденіе прежней церковной литературы и блестящій расцвѣтъ „мірской", свѣтской; впервые явились заботы о политическомъ устроеніи земли,—заботы, совершенно чуждыя древней Руси, которая вся поглощена была лишь спасеніемъ души.

Результаты западныхъ вліяній въ русской жизни.

Словомъ, произошелъ такой переломъ въ духовной жизни, что для людей, преданныхъ идеаламъ старой Руси, показалось,

что вмѣсто небеснаго царя Христа воцарился на Руси земно[й] царь—Антихристъ. На почвѣ борьбы съ новымъ пониманіемъ жизн[и] создался расколъ,—на почвѣ развитія этого новаго пониман[ія] расцвѣла реформа Петра.

Большую роль въ культурной жизни Россіи сыграла в[ъ] XVII в. юго-западная Русь, которая отъ сосѣдней Польши ра[-] нѣе Москвы заимствовала идеалы земной жизни.

Исторія юго-западной русской литературы. Польская литература до XVI в.

§ 55. Юго-западная русская литература XVII в. создалась цѣ[-] ликомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей сосѣдки—Польши.

Польша до XVI в. не создала никакой выдающейся литературы. Письменность ея носила исключительно церковный характеръ и выража[-] лась, главнымъ образомъ, въ переводахъ св. книгъ. Кромѣ того, перево[-] дились духовные гимны, сочинялись слабыя подражанія... Составлялис[ь] и лѣтописи на латинскомъ языкѣ, отличныя отъ нашихъ свѣтскимъ ха[-] рактеромъ, свидѣтельствующемъ о бо́льшемъ, чѣмъ у насъ, обществен[-] номъ самосознаніи. Народная поэзія была значительно слабѣе, чѣмъ в[ъ] Москвѣ: существовали сказки, пѣсни; остатки языческой старины доживал[и] въ народныхъ обрядахъ и играхъ, но все это покрывалось латинско[й] культурой католицизма. Образованіе тоже не стояло высоко: прозябал[ъ] Краковскій университетъ, были низшія школы, дававшія своимъ учени[-] камъ лишь грамотность, необходимую для духовнаго званія.

„Возрожденіе" въ Польшѣ.

Въ концѣ XV в. въ Польшѣ появляются гуманис[ты]. Они заносят[ъ] сюда одиночныя струйки новой жизни. Ихъ вліяніе оказывается силь[-] нымъ,—и вотъ, въ половинѣ XVI в. польская молодежь ѣдетъ учитьс[я] на западъ, прельстясь тѣмъ блескомъ культуры, который былъ туда при[-] несенъ Возрожденіемъ.

Судьбы классицизма въ Польшѣ.

Псевдоклассицизмъ, латинскій языкъ, античная миѳол[огія] —вотъ, т[а] атмосфера, въ которую окунулась Польша подъ вліяніемъ новой жизни западной Европы. Писатели-псевдоклассики Франціи поработили себѣ ея вкус[ъ] и творчество. Этотъ классицизмъ не былъ органическимъ явленіемъ на польской почвѣ—польскій народъ еще не вышелъ изъ среднихъ вѣковъ— оттого и классицизмъ оказался здѣсь недолговѣчнымъ и непрочнымъ. Любопытно, что онъ, на первыхъ порахъ, легко уживался рядомъ съ хри[-] стіанской средневѣковой лирикой и драмой и, подъ конецъ, смѣшался с[ъ] христіанской поэзіей въ нѣчто нестройное и курьезное.

Кохановскій. „Золотой вѣкъ" въ Польшѣ.

Самымъ виднымъ дѣятелемъ былъ въ этомъ новомъ направленіи Ко[-] хановскій, писавшій стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ, подра[-] жавшій Горацію, сочинявшій трагедіи во вкусѣ Сенеки. Обладая и поэти[-] ческимъ чувствомъ, и литературнымъ талантомъ, онъ сталъ во главѣ такъ называемаго, «золотого вѣка» польской литературы.

Менѣе даровитые польскіе псевдоклассики, главнымъ образомъ, стре[-] мились къ сохраненію всѣхъ строгихъ требованій псевдоклассицизма. Этим[ъ] вносился въ поэзію тотъ *формализмъ*, который во всей Европѣ неот[-] ступно шелъ за псевдоклассицизмомъ.

Къ этому же времени относятся извѣстные намъ уже переводы ры[цар-] скихъ повѣстей и романовъ, сборниковъ разсказовъ и фацецій (сбор[-]

ники шутливыхъ повѣстушекъ). Впрочемъ, это была литература, въ которой псевдоклассики относились отрицательно. Новая жизнь началась не только въ области искусства и поэзіи — она охватила и религіозную мысль: за гуманистами появились въ Польшу протестанты. Ихъ пропаганда имѣла громадный успѣхъ. Протестантство тогда считалось «хорошимъ тономъ»,—оттого многія аристократическія польскія фамиліи измѣнили католичеству.

Протестантство въ Польшѣ.

Католичество было спасено іезуитами, которые пришли въ Польшу и открыли крестовый походъ на протестантовъ. Какъ вездѣ, они и въ Польшѣ, прежде всего, забрали въ руки воспитаніе молодежи и изящную литературу.

Іезуиты въ Польшѣ.

«Золотой вѣкъ» миновалъ. Увлеченіе классицизмомъ поблекло. Самый выдающійся поэтъ этой поры Коховскій огромное число своихъ произведеній посвятилъ возславленію Богородицы и Христа. Вмѣсто классической лирики и драмы—появилась лирика и драма «религіозныя».

Коховскій и возникновеніе церковной поэзіи.

Исторія этой *лирики* очень любопытна. Начало ея надо искать на Востокѣ—въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, псалмахъ, гимнахъ, канонахъ и особыхъ пѣсняхъ, написанныхъ по образцу псалмовъ. Первые лирическіе опыты христіанъ были подражаніемъ поэзіи еврейской, ея формамъ, гармоніи, ея поэтикѣ... Дальнѣйшая судьба этой поэзіи заключалась въ сближеніи формъ еврейскихъ съ формами греческими—являются и стихъ, и строфа. Особенно широко воспользовался этой поэзіей еретикъ Арій; въ IV в. его гимны распространялись по всей западной Европѣ и вошли въ обиходъ церковнаго богослуженія.

Исторія церковной лирики.

Пробужденія религіозной мысли и чувства всегда отзывались на этой христіанской лирикѣ въ томъ смыслѣ, что, время отъ времени, личное творчество овладѣвало религіозными темами. Для насъ этотъ моментъ наступилъ въ XVII вѣкѣ, а особенно въ XVIII, когда наши лучшіе поэты обратились къ псалмамъ Давида, къ лирикѣ отцовъ церкви. Для Польши это время настало раньше. Побѣда католицизма надъ протестантизмомъ подняла на первыхъ порахъ поэтическое творчество — отсюда пѣснопѣнія Коховскаго и его современниковъ въ честь Богородицы и святыхъ.

Конечно, недавнее увлеченіе классицизмомъ не могло пройти безъ слѣда,—и, въ результатѣ, у многихъ лириковъ получилось странное соединеніе христіанства съ классицизмомъ; Горацій—и канты въ честь святой Дѣвы, воззванія къ богамъ языческаго Олимпа, средневѣковой символизмъ, олицетворенія и аллегорія—все это представило пеструю картину, свидѣтельствующую о полной случайности этой хаотической литературы.

Смѣшанный характеръ литературы этой эпохи.

Внеся съ собой борьбу и пропаганду, іезуиты особенно способствовали развитію своеобразной и для нихъ удобной литературы *полемическихъ сочиненій*,—памфлетовъ политическихъ и религіозныхъ.

Возникновеніе полемической литературы.

Появленіе памфлета и литературной полемики имѣло большое значеніе въ исторіи литературы. Эти жанры литературные являются лучшими показателями пробужденія общественнаго самосознанія. Политическіе и религіозные споры и недоумѣнія выносились теперь на судъ общества. Ясно, что съ этого момента литература дѣлается общественной силой.

Въ расчеты іезуитовъ входилъ также захватъ въ свои руки симпатій

Возникновеніе похвальной поэзіи.

разныхъ высокопоставленныхъ лицъ—для этого они пользовались, между прочимъ, *панегириками* (похвальными словами и стихами на разные случаи: рожденіе, погребеніе, бракосочетаніе и пр.).

Проповѣдь.

Проповѣдь этого времени тоже оживилась. Отвлеченное нравоученіе смѣнилось теперь полемикой; такимъ образомъ, и здѣсь жизнь, дѣйствительность, вступили въ свои права. Понадобились и новыя формы, и новые пріемы. Впрочемъ, желаніе блеснуть краснорѣчіемъ вело за собой у многихъ злоупотребленіе риторикой. И вотъ нарождается особый жанръ—академическая проповѣдь, написанная по «правиламъ» риторики—жанръ, для бездарнаго проповѣдника очень опасный. Оттого многія проповѣди этого времени представляли собой наборъ кудрявыхъ фразъ, нагроможденіе разныхъ хитрыхъ «фигуръ» и «троповъ». Форма во многихъ проповѣдяхъ совершенно заслонила содержаніе; остроуміе и игра словъ замѣнили искренность чувства и живость мысли.

Для насъ важны и эти панегирики, и эти проповѣди,—они цѣликомъ были перенесены къ намъ въ XVII в.—и, мало-по-малу, развились въ хвалебныя оды и похвальныя слова, которыя являются характерными литературными явленіями XVIII в.

Возникновеніе средневѣковой драмы.

Возникновеніе средневѣковой драмы разными учеными толковалось различно: одни видѣли въ ней, какъ въ греческой драмѣ, конечный результатъ развитія *народныхъ* игръ и обрядовъ, другіе выводили ее изъ *литургіи*,—изъ церковныхъ пѣсенъ и текстовъ. Высказывались и такія мнѣнія, что эта драма—есть результатъ, или *школьнаго* воздѣйствія (подъ вліяніемъ изученія въ школѣ классическихъ писателей), или тѣхъ классическихъ традицій, которыя долго жили въ народѣ въ видѣ *древнихъ игръ*, заимствованныхъ изъ Греціи и Рима.

Правильнѣе всего, однако, связывать средневѣковую драму съ литургіей. Эта литургическая драма находится въ связи съ церковнымъ обрядомъ. Она достигла высшаго своего развитія уже въ XI в. Носила она названіе ludus (названіе «мистерія» появилось лишь съ XV в., какъ сокращеніе латинскаго слова: «ministerium»—служба, богослуженіе). Первоначальная драма есть нѣсколько фразъ, взятыхъ изъ Евангелія и читаемыхъ діалогически, при участіи нѣсколькихъ чтецовъ-священнослужителей [1]). Затѣмъ въ этотъ остовъ, мало-по-малу, стали вводить стихи; сначала эти стихи чередуются съ прозой, потомъ весь текстъ дѣлается стихотворнымъ, и даже вводится вульгарная рѣчь. Третій фазисъ развитія (XIII—XVI в.) драмы, когда она освободилась отъ литургіи и выбралась изъ церкви на паперть, площадь, кладбище; тогда разыгрывается она цехами рабочихъ. Возрожденіе застало церковную драму въ послѣднемъ фазисѣ развитія. Особенность ея въ этомъ періодѣ—смѣшеніе комическаго съ трагическимъ. Англійскій театръ (Шекспиръ) и испанскій театръ (Кальдеронъ и Лопе де Вега) выработали, независимо одинъ отъ другого, изъ этихъ мистерій особый видъ *трагикомедію*. Такой трагикомедіей, написанной подъ вліяніемъ испанцевъ, былъ Корнелевскій *Сидъ*, осужденный безпощадно французскими классиками. Что касается до исторіи мистеріи въ Италіи,

Судьбы ея въ Испаніи, Франціи и Италіи.

---

[1]) Въ томъ родѣ, какъ сохранившійся у насъ донынѣ церковный обрядъ „умовенія ногъ". Въ московской Руси знали еще „шествіе патріарха на осляти" (изображеніе входа Господня въ Іерусалимъ) и представленіе „трехъ отроковъ въ пещи огненной".

то, если въ Европѣ духовенство видѣло въ ней средство для проповѣди и потому долго покровительствовало ей, то въ Италіи эта драма рано подверглась гоненію церкви и сдѣлалась народной игрой; тѣмъ не менѣе, онѣ имѣли въ Италіи большую популярность и рано сдѣлались произведеніями личнаго творчества.

Изъ итальянскихъ сочинителей такихъ драмъ особенно интересенъ Чекки; въ его дѣятельности видятъ доказательство, что Италія была наканунѣ появленія въ ней своего Шекспира. Возрожденіе убило въ Италіи эту національную драму, какъ позднѣе и во Франціи.

Лишь осколки той вѣковой борьбы, которую вынесла эта драма во Франціи, Италіи и Германіи, дошли до Польши.

Драма въ Польшѣ.

Здѣсь школьная драма существовала до іезуитовъ, но, съ ихъ появленіемъ, она всецѣло подчинилась ихъ вліянію. Содержаніе ея теперь дѣлается очень разнообразнымъ. Сближаясь съ средневѣковыми мистеріями и мираклями, она брала содержаніе изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ дѣяній святыхъ, иногда переливая библейскіе сюжеты въ формы античной драмы. Иногда содержаніе бралось изъ греко-римской исторіи, изъ школьной жизни и практики, изъ области морали. Комичная дѣйствительность народной жизни выразилась въ «интермедіяхъ» и «интерлюдіяхъ»,—маленькихъ забавныхъ пьескахъ, которые разыгрывались на народномъ языкѣ, часто съ сохраненіемъ провинціализмовъ.

§ 56. *Юго-западно-русская литература XVII в.*

Исторія полонизаціи юго-западной Руси.

Юго-западная Русь долго находилась въ тѣсномъ общеніи съ католическою Польшей. Сначала это сосѣдство было мирнымъ и выражалось въ постепенномъ сліяніи двухъ родственныхъ племенъ: русскіе, живя съ поляками, заимствовали нѣкоторые религіозные обряды и католическія мнѣнія, поляки—нерѣдко принимали православіе. Но постепенное ослабленіе Руси, страдавшей отъ междоусобій, а, съ другой стороны, усиленіе Польши за счетъ русскихъ областей нарушило равноправность взаимоотношеній.

Послѣ соединенія Литвы съ Польшей — послѣдняя стала держаться явно-завоевательной политики по отношенію къ русской землѣ. Результатомъ этого было ополяченіе болѣе слабыхъ русскихъ людей и оппозиція со стороны болѣе сильныхъ. Завязалась борьба, особенно, когда іезуиты, справившись съ протестантами, направили свои усилія на православную вѣру.

Роль іезуитовъ въ распространеніи католичества въ юго-западной Руси.

Когда явился въ Вильну іезуитъ Скарга, блестящій проповѣдникъ, убѣжденный и талантливый пропагандистъ католичества, вооруженный всѣми чарами іезуитскаго ордена, его проповѣди произвели такое впечатлѣніе, что обращеніе въ католичество русской знати, только что увлекшейся протестантизмомъ, пошло быстро впередъ. Іезуиты не стѣснялись ничѣмъ: они обращали въ католичество тайной пропагандой и явной борьбой. Въ шко-

лахъ они совращали дѣтей,—въ церквахъ, собраніяхъ смущали умы взрослыхъ рѣзкими нападками на „схизму“, прибѣгая къ устнымъ обличеніямъ и насмѣшкамъ, печатнымъ трудамъ, серьезнымъ и шутливымъ...

Тонъ этой энергической и безпощадной борьбѣ задалъ Скарга, оставившій въ назиданіе православнымъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ полемическихъ сочиненій.

Юго-западная Русь совершенно была неподготовлена къ борьбѣ съ этимъ натискомъ. Здѣшняя русская аристократія была къ этому времени почти вся ополячена. Высшее духовенство матеріально было несвободно, такъ какъ зависѣло отъ милости короля и къ тому же не могло служить образцомъ стойкости и нравственности. Народъ и низшее духовенство были невѣжественны и также, въ значительной степени, подготовлены къ католичеству вѣковымъ сосѣдствомъ съ Польшей [1]).

Быть можетъ, для побѣды католиковъ излишнею была даже ревность іезуитовъ, которые своей энергіей только пробудили засыпавшія православныя традиціи. Возникшая здѣсь борьба православія съ католичествомъ представляетъ собою два періода.

История борьбы съ католицизмомъ: а) періодъ братскихъ школъ кн. Острожскій.

§ 57. а) *Періодъ братскихъ школъ*, когда во главѣ оппозиціи сталъ князь Константинъ Острожскій и православныя братства. Для нихъ яснымъ было, что единственнымъ средствомъ борьбы съ католицизмомъ было просвѣщеніе въ православномъ духѣ. Для этого князь Острожскій основалъ школу съ программой, сближавшей это заведеніе съ высшими. Нѣкоторые преподаватели приглашены были изъ Греціи, по рекомендаціи восточныхъ патріарховъ. Школа, на первыхъ порахъ, процвѣтала, но къ 90-мъ гг. стала падать и была закрыта со смертію князя, такъ какъ его сыновья были уже ярыми католиками.

Братства Львовское и Виленское.

Братства Львовское и Виленское тоже выступили на борьбу при помощи „школы“. И опять, какъ и въ Острожской школѣ, въ судьбѣ ихъ участіе приняли восточные патріархи. Устроены были эти школы по образцу іезуитскихъ, но съ преобладаніемъ греческаго языка и церковно-славянскаго. Кромѣ чтенія Часослова и Псалтыря, изучалась здѣсь грамматика, діалектика, языки церковно-

---

1) Такъ, подъ вліяніемъ католичества, въ юго-западной Руси при крещеніи довольствовались обливаніемъ, во время шествія св. даровъ принято было звонить въ колокольчикъ; общепринята была вѣра въ чистилище и католическое толкованіе времени пресуществленія даровъ... Католическія духовныя пѣсни, культъ Богородицы, популярность католическихъ святыхъ,—все это дѣлало здѣсь для католической пропаганды почву очень благодарной.

славянскій, греческій и латинскій. Возможно, что преподавались и высшія науки—философія, богословіе.

Школа въ Кіевѣ.

Унія обострила энергію ревнителей православія, и школа была открыта еще въ Кіевѣ (1615 г.). Ученики этихъ школъ нерѣдко кончали образованіе за границей въ высшихъ католическихъ училищахъ. Для этого приходилось временно переходить въ католичество, или унію. Немудрено, что нѣкоторые изъ нихъ окончательно отпадали отъ православія, но другіе выносили изъ такой „передѣлки" всѣ хитрости іезуитскихъ пріемовъ, хотя зато ихъ православіе отнюдь не походило на стойкость московскаго благочестія.

Изъ среды этого молодого поколѣнія бойцовъ за православіе явились первые русскіе богословы, проповѣдники, писатели. Они были создателями русской боевой литературы, боровшейся противъ католичества. Острожская типографія помогла ея распространенію.

Острожская типографія. Иванъ Өедоровъ.

Главными работниками въ этомъ направленіи были москвичи—Иванъ Өедоровъ съ товарищами. Когда въ 1563 г. была въ Москвѣ открыта первая типографія, онъ былъ въ ней первымъ мастеромъ [1]). Заподозрѣнный въ ереси, онъ бѣжалъ изъ Москвы, долго скитался, наконецъ, остановился въ Львовѣ, гдѣ завелъ маленькую типографію и напечаталъ въ 1574 г. «Апостолъ». Князь Острожскій призвалъ его къ себѣ, устроилъ ему прекрасную типографію, и его энергичная дѣятельность нашла здѣсь примѣненіе. Въ 1580 г. выпускаетъ онъ «Новый Завѣтъ» и «Псалтырь», а затѣмъ въ 1581 г. знаменитую «Острожскую Библію». Эти первые русскіе типографы были въ то же время и редакторами: они свѣряли текстъ съ греческимъ оригиналомъ, многое недостающее восполнили новыми переводами съ греческаго. Дѣятельность Ивана Өедорова кончилась очень печально. Онъ оставилъ почему-то Острогъ и умеръ въ бѣдности въ Львовѣ. Остатки его типографіи сдѣлались основаніемъ Львовской братской типографіи.

Князь Курбскій.

Выдающимся дѣятелемъ въ пользу православія былъ также князь Курбскій. Онъ поселился въ Литвѣ и всѣ свои таланты и силы посвятилъ дѣлу защиты православія. Для этого онъ окружалъ себя кружкомъ единомышленниковъ, большею частью, тоже выходцевъ изъ Москвы, и горячо принялся за переводы трудовъ святоотеческой литературы (Творенія Златоуста, Діонисія Ареопагита и др.). Всѣ первые печатные труды юго-западной Руси отличались большими литературными достоинствами.

Завязалась литературная война между іезуитами и православными,—борьба, на первыхъ порахъ, съ неравными силами, но съ одинаковымъ задоромъ.

Защитники православія.

Изъ православныхъ дѣятелей этой поры любопытенъ Мелетій Смотрицкій—сначала ярый поборникъ православія, а потомъ ре-

[1]) Въ 1563—1564 гг. въ его типографіи былъ напечатанъ „Апостолъ", въ 1565-омъ — „Часовникъ".

негатъ, Лаврентій Зизаній, Іоанникій Голятовскій, Кириллъ Транквилліонъ, Иннокентій Гизель, Петръ Могила и нѣк. др.

§ 58. Кромѣ полемическихъ сочиненій, вышло за это время нѣсколько учебныхъ и богословскихъ. Затѣмъ стали появляться въ печати и творенія св. отцовъ.

Возникновеніе русской проповѣди.

Подъ вліяніемъ борьбы съ католической проповѣдью развилась и русская *проповѣдь*. Одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей этой литературы былъ въ ту пору Кириллъ Транквилліонъ. Онъ выдѣляется силой и простотою своего слова отъ современныхъ и послѣдующихъ ему проповѣдниковъ, которые въ своихъ ораторскихъ упражненіяхъ давали мало содержанія, гоняясь исключительно за формой.

Всѣ они были только учениками, перепѣвавшими пѣсни своихъ учителей-католиковъ.

Возникновеніе у насъ лирики.

Польское вліяніе сказалось и на первыхъ опытахъ русской *лирики* этой эпохи. Это—стихотворные панегирики и стихи „на случай"; содержаніемъ они бѣдны, поэзіи искать въ нихъ напрасно. Стихи эти писались по двумъ образцамъ: „греческому" и „польскому". Въ первомъ случаѣ принималось во вниманіе не только число гласныхъ буквъ, но и порядокъ ихъ, согласно съ искусственнымъ распредѣленіемъ ихъ на „краткіе", „долгіе" и „двоевременные"; во второмъ случаѣ соблюдалось только равенство слоговъ и риѳмы. „Греческимъ" стихомъ писали немногіе, въ виду его трудности.

Стиховъ „польскаго" типа гораздо больше. На первыхъ порахъ они звучатъ совершенно невозможно, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, дѣлаются красивѣе и удобопонятнѣе.

Нѣтъ надобности останавливаться на ихъ обозрѣніи подробнѣе, потому что для исторіи русской поэзіи они интересны только, какъ первыя слабыя попытки найти новыя литературныя формы. Содержаніе же ихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ ничтожное, такъ какъ для расцвѣта лирическаго чувства не пришло еще время: пора была боевая, отстаивалась религія отцовъ,—и всѣ страсти уходили на эту борьбу. Въ болѣе благопріятномъ положеніи застаемъ мы юго-западную изящную литературу во второмъ періодѣ юго-западнаго просвѣщенія, который начинается съ основанія Кіевской академіи.

Періодъ Кіевской академіи.

§ 59. b) *Періодъ Кіевской академіи.* Братства, много положившія силъ и средствъ на борьбу съ католизаціей Руси, сослужили свою службу въ самое опасное для православія время, выпустивъ

цѣлый рядъ борцовъ, вооруженныхъ знаніемъ. Когда опасность уменьшилась, то ослабѣла и энергія братствъ. Составленныя часто изъ купцовъ и ремесленниковъ, братства эти смотрѣли на науку съ утилитарной точки зрѣнія и потому стали тяготиться ею, лишь только миновала въ ней настоятельная надобность. Но сознаніе пользы просвѣщенія уже сдѣлалось прочнымъ у образованныхъ людей того времени. Съ другой стороны, опасность потерять вѣру и національность заставляла этихъ просвѣщенныхъ дѣятелей Малой Руси бояться заграничнаго образованія —въ этомъ направленіи слишкомъ много было сдѣлано печальныхъ опытовъ. Вотъ почему въ средѣ малорусскихъ передовыхъ дѣятелей явились мечты объ учрежденіи національнаго высшаго заведенія, гдѣ могли бы кончать курсъ наукъ ученики братскихъ школъ.

Основаніе Кіевской академіи.

И вотъ, новая школа, открытая митрополитомъ Петромъ Могилою въ 1631 году, при Кіевской Лаврѣ, была совершенно новаго образца: она была сколкомъ съ латинской высшей іезуитской школы. Тогда какъ при братскихъ школахъ преобладало славяногреческое направленіе, — въ школѣ Могилянской господствующее мѣсто занимала латынь.

Устройство академіи.

Устройство академіи было взято у іезуитовъ и надолго оставалось образцомъ для нашихъ богословскихъ школъ. Въ академіи было 8 классовъ, носившихъ названіе отъ тѣхъ наукъ, которыя изучались въ нихъ по преимуществу: такъ, послѣ двухъ приготовительныхъ классовъ слѣдовали: 3) грамматика, 4) синтаксисъ, 5) піитика, 6) риторика, 7) философія, 8) богословіе. Учащіеся въ первыхъ шести классахъ назывались учениками, въ старшихъ двухъ — „спудеями“; кромѣ того, по классамъ они назывались „богословами“, „философами“ и пр.

Преподаватели; ихъ обязанности.

Преподавателями были іеромонахи Лаврскаго монастыря. Причемъ на нихъ, кромѣ преподаванія, лежали еще особыя обязанности, связанныя съ ихъ спеціальностями: преподаватель риторики былъ оффиціальнымъ проповѣдникомъ; преподаватель піитики былъ оффиціальнымъ „піитою“—сочинялъ вирши, панегирики, а также каждый годъ сочинялъ драму, которая разыгрывалась учениками на Рождествѣ, на Масляницѣ, или лѣтомъ. Воспитанники академіи сразу выдвинулись въ ряды видныхъ дѣятелей просвѣщенія: группировавшись около своей alma mater, они сдѣлались источникомъ просвѣщенія не только для своей Украйны, но и для Москвы XVII в. и даже для Петербурга на первыхъ порахъ его существованія.

Среди нихъ мы видимъ сподвижниковъ царя Алексѣя, видимъ дѣятелей реформъ, подготовлявшихъ дѣло Петра и защищавшихъ его при жизни Преобразователя и послѣ его смерти.

Если полемическая дѣятельность въ періодъ академіи ослабѣла, когда защитниками вѣры и національности выступили казаки, а потомъ Москва, — то дѣятельность „академиковъ" расширилась въ другомъ направленіи: развилась учебная литература, появились учебники и пособія (катехизисъ, учебники по богослуженію, Синопсисъ — учебникъ по исторіи).

Юго-зап.-русская проповѣдь. Лазарь Барановичъ.

§ 60. *Проповѣдь.* Особенно расширилась теперь литература проповѣдей. Широкою извѣстностью пользовался Лазарь Барановичъ; его проповѣди собраны въ двухъ сборникахъ: „Мечъ духовный" и „Трубы словесъ". Всѣ проповѣди построены со строгимъ соблюденіемъ схоластической мудрости: содержанія въ нихъ мало — онѣ представляютъ хитрое сплетеніе троповъ и фигуръ.

„Слово на Рождество Богородицы".

Какъ образецъ, можно привести отрывокъ изъ «Слова на Рождество Богородицы». Тема проповѣди взята изъ тропаря: «Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселенной». Проповѣдникъ старается объяснить, кому доставило радость рожденіе Богородицы. Оказывается прежде всего — «землѣ, такъ какъ рождается та, которая породитъ Того, Который освятитъ проклятую землю шествіемъ своимъ и возьметъ въ вѣнецъ терніе, которое она, какъ проклятая, породила; — водѣ, такъ какъ она родитъ Того, Который будетъ ходить по водамъ и освятитъ воды, да будутъ превыше небесъ, — покажетъ намъ путь водою въ царствіе; — воздуху, такъ какъ Онъ очиститъ шествіемъ своимъ воздухъ; — огню, такъ какъ невѣста возьметъ свой свѣтильникъ и найдетъ потерянную драхму, доставитъ радость небу, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и мученицамъ, исповѣдникамъ и исповѣдницамъ, пустынникамъ и пустынницамъ, дѣвственникамъ и дѣвицамъ, святителямъ, патріархамъ, Аврааму и Іакову, черноризцамъ, проповѣдникамъ, вдовамъ, гробамъ, аду, древамъ, горамъ, агнцамъ, всѣмъ...». Любопытно сопоставленіе Богородицы съ дочерью Иродіады: «Дочь Иродіады пляскою угодила Ироду, — Ты всплеснула руками, когда повила Христа и положила въ ясляхъ. Дочь Иродіады просила безумно головы Іоанна Крестителя, — Ты просила со слезами головы дьявола и мечъ духовный, т. е. Евангеліе Божіе, отсѣкла главу дьяволу и попрала ее... и т. д. Заключеніе: «Радуйся, звѣзда, являющая солнце, у тебя бо возсія солнце праведное, Христосъ-Богъ нашъ!»...

„Литературность" проповѣдей этой эпохи.

Этотъ отрывокъ очень характеренъ для того, чтобы дать представленіе о проповѣдяхъ того времени. Онѣ, конечно, относятся къ произведеніямъ „литературнымъ", по преимуществу, такъ какъ болѣе свидѣтельствуютъ о литературныхъ вкусахъ, чѣмъ о религіозномъ настроеніи; впрочемъ, мы оказались бы неправы, если бы

стали отрицать всякое чувство въ этихъ произведеніяхъ и усмотрѣли въ нихъ одинъ холодный риторизмъ. Обыкновенно, пониманіе настроеній прошлаго затрудняется для людей послѣдующихъ эпохъ чуждой для нихъ *формой*, а форма этихъ проповѣдей, для нашего времени, дѣйствительно, мало понятна.

Что касается до этой *формальной* стороны южно-русскихъ проповѣдей, то для историка литературы онѣ представляютъ немалый интересъ.

Историческій интересъ юго-зап. духовной поэзіи.

Въ главѣ о духовной поэзіи кіевской Руси, было указано, что эстетическая сторона проповѣдей Иларіона, Кирилла Туровскаго была доступна тогда только для избранниковъ,—масса оставалась ей чужда. Теперь же, въ XVII в., красоты художественной проповѣди и лирики, очевидно, сдѣлались доступными массѣ русскихъ людей: по крайней мѣрѣ, обиліе русскихъ проповѣдниковъ въ юго-западной Руси, ихъ популярность—объ этомъ свидѣтельствуютъ, — между тѣмъ, многія особенности ихъ произведеній сближаютъ ихъ и съ поэзіей св. Писанія, и съ церковной поэзіей кіевской Руси: символизмъ и аллегоризмъ, многіе образы, сравненія, воззванія, пріемы противопоставленія—все это роднитъ юго-западную литературу съ древней кіевской.

Іоанникій Голятовскій.

Если Барановичъ пользовался для своихъ проповѣдей только св. Писаніемъ и церковными пѣснями, то другой извѣстный проповѣдникъ, Іоанникій Голятовскій въ свои проповѣди ввелъ самый широкій кругъ фактовъ, взятыхъ отовсюду: изъ исторіи, астрономіи и астрологіи, естествознанія, миѳологіи, изъ „Римскихъ Дѣяній“, изъ житій святыхъ, православныхъ и католическихъ, изъ „Великаго Зерцала“ и др. подобныхъ сборниковъ. Голятовскій любопытенъ для насъ и какъ теоретикъ ораторскаго искусства: онъ сочинилъ извѣстное руководство: „Наука, или способъ составленія проповѣдей“. Общихъ разсужденій здѣсь мало: дается лишь рядъ совѣтовъ.

„Наука“, или способъ составленія проповѣдей.

Кто хочетъ составить проповѣдь, сказаніе, тотъ долженъ, прежде всего, взять изъ св. Писанія «тему», которая и есть основаніе всей проповѣди. Проповѣдь должна состоять изъ 3-хъ частей: «экзордіума», «нарраціи» и «конклюзіи» (вступленія, изложенія и заключенія). Въ первой части проповѣдникъ объясняетъ, о чемъ онъ будетъ говорить,—это—«пропозиція» (предложеніе). Тутъ же онъ проситъ Бога, или Богородицу, о помощи, слушателей — о вниманіи. Послѣ объясненія, что войдетъ въ наррацію и конклюзію, авторъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, вродѣ слѣдующаго: «чтобы привлечь людей къ слушанію, обѣщай разсказать о чемъ-нибудь новомъ, чего прежде не видѣли и не слышали», «чтобы

привлечь людей къ слушанію, толкуй какъ-нибудь имя, такъ ты иногд можешь составить цѣлую проповѣдь». (Толкованіе именъ: Владиміръ — «владѣющій міромъ»; Христофоръ—«носящій Христа»).

О назидательности проповѣди Голятовскій не заботился, — и для него, очевидно, проповѣдь—чисто „литературное" произ веденіе, не имѣющее прикладного значенія. Это и заставляет нась особенно внимательно отнестись къ проповѣди юго-западной— очевидно, съ точки зрѣнія самихъ авторовъ, проповѣдь была лиш лирическимъ произведеніемъ во славу Бога,—произведеніемъ, д избытка украшеннымъ всѣми чарами тогдашней поэтики и рито рики. Вотъ почему, эта проповѣдь занимаетъ свое мѣсто въ исто ріи русской поэзіи.

Въ помощь для проповѣдника, Голятовскій составилъ сбор никъ: „Небо новое"; сборникъ служитъ той же цѣли, что „Рим скія Дѣянія" и „Великое Зерцало" (см. ниже),—назидательност въ немъ та же; характеръ чудесъ тотъ же, что въ „Великом Зерцалѣ"; пропитанъ сборникъ чисто-католическимъ отношеніем къ св. Дѣвѣ; объясняется это тѣмъ, что очень немногіе разсказ взяты изъ православныхъ книгъ; огромное большинство попало из книгъ католическихъ.

9.

Антонъ Радивиловскій.

Менѣе извѣстнымъ проповѣдникомъ былъ Антонъ Радивилов скій; его проповѣди собраны въ двухъ книгахъ: „Огрудокъ (садик Маріи Богородицы" и „Вѣнецъ Христовъ", — въ первой книг собраны проповѣди въ честь Богородицы, во второй — въ чест Христа. Проповѣди отличаются тѣмъ же характеромъ, что и пре дыдущія: тотъ же строго-выдержанный планъ, тѣ же пріемы, т же нагроможденіе поэтичныхъ тропъ и фигуръ. Въ проповѣдях Радивиловскаго, какъ особенность, ему присущую, надо отмѣтит стремленіе къ остроумію, иногда, впрочемъ, очень неудачному проповѣдникъ вплетаетъ въ проповѣдь анекдоты, пускается въ ри скованныя сопоставленія, — все это указываетъ, какой своеобраз ный характеръ получила русская проповѣдь XVII в., какъ далек отошла она отъ служенія церкви и какъ близко подошла къ изящ ной литературѣ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Реформаторомъ юго-западной проповѣди въ концѣ вѣка явилс Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сторонникъ простоты и естественности, он возставалъ противъ витійства въ польскомъ духѣ и называл польскія школы „фабриками испорченнаго краснорѣчія". Польскі ораторы, по его словамъ, „часто не знаютъ, что̀ нужно писать томъ, или другомъ предметѣ, и пишутъ то, что̀ нисколько не от

носится къ дѣлу, а необходимое опускаютъ"; нападаетъ онъ на „напыщенность", „надутость", „раздражительность возгласовъ", говоритъ, что эти ораторы „пачкаютъ" свои рѣчи „школьностью", переполняютъ ихъ вялыми остротами и понятіями. Какъ увидимъ ниже, самъ Прокоповичъ далъ образцы энергичнаго, содержательнаго краснорѣчія, чутко отзывавшагося на трепещущіе вопросы современной ему жизни.

§ 61. *Теорія поэзіи.* Необходимо сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ теоретическихъ взглядахъ, которые выработались въ Кіевской академіи въ результатѣ нѣсколькихъ десятилѣтій поэтической дѣятельности. Эти взгляды цѣликомъ перенесутся въ XVIII в. и долго будутъ служить руководствомъ нашимъ поэтамъ петровскаго и даже позднѣйшаго времени. Теорія поэзіи.

„Поэзія есть наука выражать стихомъ подражаніе дѣйствіямъ человѣческимъ". Подражаніе объяснялось, какъ *избраженіе* дѣйствительности, или какъ *вымыселъ*; при чемъ указано было, что „подражаніе" бываетъ подражаніемъ „природѣ" и „труду", т. е. изображеніемъ міра природы и міра искусствъ. Понятіе „вымыселъ" тоже разъяснялось: „вымыселъ поэта не есть ложь, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, и не противно разуму, но, преимущественно, изображаетъ предметы, согласные съ разумомъ"—т. е. то, что мы теперь называемъ „правдоподобнымъ вымысломъ". Опредѣленіе поэзіи.

Но вымыселъ такого рода понимался тогда шире, чѣмъ теперь нами, избалованными реализмомъ искусства: теоретики XVII в. считали поэтическимъ вымысломъ—свободное пользованіе образами, взятыми изъ древней миѳологіи, или изъ св. Писанія. Участіе боговъ и богинь, ихъ ссоры, чудеса — все это называется „вымысломъ способа", т. е. законнымъ литературнымъ пріемомъ. Отвлеченныя аллегорическія лица точно также относились къ „вымыслу способа" (вымыселъ „вещи"—это непозволительное извращеніе дѣйствительнаго факта). Впрочемъ, взглядъ на возможность пользоваться *классическими* мотивами не всѣми раздѣлялся. „Христіанскій поэтъ долженъ призывать на помощь кого либо изъ святыхъ"—говоритъ одинъ теоретикъ конца XVII в.; Ѳеофанъ Прокоповичъ тоже энергично возсталъ противъ такого „церковнаго классицизма": „поэтъ не долженъ вмѣшивать языческихъ боговъ и богинь въ какое-либо дѣло нашего Бога, или также героевъ, олицетворяющихъ собою какія-либо добродѣтели; не долженъ употреблять имя Паллады вмѣсто „мудрости",—Діаны, вмѣсто „чистоты",—Нептуна вмѣсто „водъ",—Вулкана вмѣсто

„Вымыселъ"—основа поэзіи.

Классицизмъ въ духовной поэзіи.

„огня“: ихъ имена употребляются только синонимически. Но онъ можетъ вводить дѣйствительныя лица—Бога, ангеловъ, святыхъ, демоновъ, приписывая имъ подобныя дѣйствія. Также, черезъ „олицетвореніе“, пусть онъ вводитъ божественныя свойства, приписывая имъ рѣчь, лица, дѣйствія, одежды, оружіе, инструменты, колесницы, и пр.“ Свои теоретическіе взгляды Прокоповичъ подтверждаетъ примѣрами, взятыми изъ св. Писанія. Взглядъ этотъ очень любопытенъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ: 1) о томъ, что юго-западные богословы, поэты, риторы и драматурги, даже, исходя изъ подражанія западнымъ духовнымъ писателямъ, всетаки не прерывали связи съ поэтическими пріемами св. Писанія и этимъ самымъ органически связывали свое творчество съ поэзіей священныхъ книгъ, —2) Слова Ѳеофана говорятъ намъ о тѣхъ усиліяхъ, что тщетно прилагали у насъ лучшіе представители церкви для того, чтобы изгнать свѣтскій (ложноклассическій) элементъ, наводнявшій все сильнѣе даже церковную поэзію. Очевидно, недалеко было то время, когда поэзія перейдетъ въ руки Ломоносова, Третьяковскаго, Сумарокова—онѣ воспользуются готовыми формами, но отдадутся классицизму: „вся поэтика XVIII в. держится тѣхъ „вымысловъ способа“, о которыхъ говорится въ XVII в., но при томъ широко пользуется классической миѳологіей и классической исторіей.

Развитіе „вымысла“ происходило по слѣдующему рецепту: взявши совершившійся фактъ, „поэтъ не изслѣдуетъ, какимъ образомъ онъ совершился, но излагаетъ, какимъ образомъ онъ въ идеѣ могъ совершиться, и, такимъ образомъ, изображаетъ различныя душевныя движенія лицъ и страхъ тѣлесный: скорбь, гнѣвъ, ненависть“ и пр.

Различіе между „исторіей“ и „поэзіей“.

Очень цѣнно также указаніе различія между „исторіей“ и „поэзіей“,—различіе, сохранившееся у насъ въ теченіе всего періода господства псевдоклассицизма: поэтъ „долженъ единственно стараться о томъ..., чтобы въ извѣстныхъ и замѣчательныхъ личностяхъ указывать „*общія*“ добродѣтели, или пороки. Рисовать человѣка съ его общими и частными добродѣтелями и пороками — дѣло историка, — поэтъ же, съ точки зрѣнія поэтики Прокоповича, долженъ изображать лишь „общія свойства“. Другими словами, герой долженъ былъ быть въ поэзіи „героемъ“ съ начала до конца,—злодѣй остается „злодѣемъ“. Частная жизнь, интимная сторона души человѣка—для поэта не интересны. „Поэтъ, по словамъ Прокоповича, имѣетъ въ виду не передавать, подобно

сторику, памяти потомства дѣянія, но *учить* людей, какими и должны быть въ томъ или другомъ родѣ жизни, и въ дѣяяхъ героя, какъ бы въ зеркалѣ, показывать примѣръ, восхвая и предлагая его другимъ.

Версификація въ этотъ періодъ сдѣлала большіе успѣхи. Гре-ескій способъ сложенія, основанный на условномъ удареніи, со-асно долготѣ и краткости гласныхъ, перенесенныхъ на русскую очву, конечно, привелъ, на первыхъ порахъ, къ искусственному, тянутому чередованію удареній. Долгихъ и краткихъ гласныхъ насъ не было, были лишь ударные и неударные.

Версификація: a) греческій способъ сложенія.

И только, когда случайно происходило совпаденіе съ русскимъ тественнымъ удареніемъ, то получалось полное благозвучіе, полу-лось современное *тоническое* стихосложеніе.

Эти сравнительно рѣдкіе случаи совпаденія метрическаго спо-ба съ тоническимъ съ теченіемъ времени стали учащаться.

Что касается до *силлабическаго* стихосложенія, то и оно ь концу вѣка приняло совсѣмъ благозвучную форму. Если ерва стихи, написанные этимъ стихосложеніемъ, представляли уски самой обыкновенной прозы, разрубленной риѳмами на рочки, иногда даже безъ соблюденія числа слоговъ, но съ ченіемъ времени они дѣлаются все правильнѣе и красивѣе.

b) силлабическое стихосложеніе.

Это стремленіе сказалось, прежде всего, въ строгомъ установеніи опредѣленнаго числа слоговъ, въ введеніи цезуры, а затѣмъ въ ремленіи сблизиться съ греческимъ метрическимъ стихосложеніемъ. приведу примѣръ, хотя бы, изъ драмы: „Алексѣй, человѣкъ жій".

Алѐксѣй ѐстемъ мѝлый сы̀нъ Евфѝміяна,
Сенато̀ра Рѝмскаго—то̀ль знатно̀го па̀на,
Кото̀рый слу̀гъ три тысячи | за̀ собою во̀дитъ,
А ка̀ждый зъ нихъ въ бла̀ватѣ | па̀сѣ злато̀мъ хо̀дитъ.

Первая строка чисто метро-тоническая, съ ясными юго-западными удареніями на предпослѣднемъ слогѣ; остальныя три силла-ическія, съ цезурой и ясными чередованіями слоговъ ударныхъ и ударныхъ. Нѣсколько позднѣе Симеонъ Полоцкій уже разрѣилъ загадку русскаго тоническаго стиха. Напр.:

Стихи Симеона Полоцкаго.

Бо̀гъ всемогу̀щій днесь въ мі̀рѣ родѝся,
Въ ху̀дѣ вертѐпѣ, въ яслѐхъ положѝся;
Чѝстая дѣ̀ва сосца̀ми пита̀етъ
И пелена̀ми его̀ повива̀етъ.

Передъ нами чистый дактиль съ насиліемъ ударенія ли въ словѣ „яслѣхъ“.

Конечно, огромная масса стихотворныхъ опытовъ этого ріода напоминала, попрежнему, рубленную прозу, но не на эти рукописныхъ, анонимныхъ произведеніяхъ долженъ историкъ ос вываться, говоря о судьбѣ русскаго стиха, а на произведені лучшихъ поэтовъ того времени.

Если мы взглянемъ въ теорію поэзіи того времени, то у димъ, что она ушла гораздо дальше наличнаго творчества. Поэта русскимъ XVII в. были въ теоріи извѣстны самые разнообразн размѣры: горацiанскіе, сафическіе, ямбическіе, дактилическіе, т хеическіе, іоническіе и т. д. Попытки на практикѣ испробова эти размѣры успѣха не имѣли.

„Виды“ литературные съ точки зрѣнія этой поэтики.

Поэтика XVII в. дала нашимъ предкамъ и ученіе о „видах поэтическаго творчества. „Подражаніе“ счастливымъ дѣйствіямъ з менитыхъ людей составляло „эпосъ“, несчастнымъ дѣйствіямъ „трагедію“; подражаніе низкимъ людямъ — „комедію“; подр жаніе дѣйствіямъ людей изъ простого, по преимуществу п стушьяго круга — „буколическую поэзію“; подражаніе порочны обычаямъ людей — „сатиру“; подражаніе „легкой и веселой ма ріи“ — лирическую поэзію“. При этомъ строго опредѣлялось, что эпическія произведенія писались гекзаметромъ, трагическія ямбомъ; но эта теорія, взятая прямо съ запада, предъявляла р скимъ поэтамъ требованія слишкомъ большія, — лишь въ нача XVIII в. мы увидимъ примѣненіе этой теоріи на практикѣ.

Драма.

Такъ, юго-западная *эпопея*, теоретически-разработанная оче основательно, выразилась на дѣлѣ лишь въ панегирикахъ, — похвальныя поэмы на рожденіе, бракосочетаніе, привѣтственны благодарственныя, погребальныя — дальше этого эпосъ не поше хотя образцами эпопеи считались іезуитскія произведенія, написа ныя въ подражаніе Виргилію („Иродіада, или святые младенцы, Христа мученики“, „Ѳемида“, „Ахаллеида“ и др.).

§ 62. *Драма.* Что касается до юго-западной *драмы*, то и здѣ теорія значительно опередила практику, — всѣ дошедшіе до на образцы драматическихъ упражненій не шли дальше скреще духовныхъ средневѣковыхъ драмъ, мистерій и мираклей — съ драм школьной, носящей слѣдъ знакомства съ классическимъ театро

Между тѣмъ, теорія давала точное опредѣленіе трагедіи, к медіи и трагикомедіи.

Обычный уставъ возлагалъ сочиненіе пьесъ на учителей піитики; ыкновенно, ихъ пьесы разыгрывались учениками на масляницѣ въ лѣтнія вакаціи.

Первой, по времени, серьезной и большой пьесой, для кото- й понадобилась и обстановка, была у насъ драма: „Алексѣй чевѣкъ Божій". По типу своему, произведеніе относится къ пьесамъ ѣшаннаго характера, образовавшимся изъ мистерій, миракдей и кольныхъ драмъ. Построена пьеса совершенно сходно съ той пьесой, разыгрывали бродячіе актеры передъ Гамлетомъ и особенно актеры- бители въ шекспировской пьесѣ: „Сонъ въ Иванову ночь". **Драма „Алексѣй, человѣкъ Божій".**

Содержаніе пьесы излагается въ Прологѣ: «Діогенъ днемъ со свѣчей калъ человѣка и не нашелъ. Если мудрецъ не нашелъ просто человѣка, намъ подавно не сыскать божьяго человѣка. Увольняя васъ (зрителей) ь этого труда, мы покажемъ вамъ на этомъ мѣстѣ Алексѣя. Вы увиге, за что онъ сталъ божьимъ человѣкомъ». **Содержаніе.**

Дѣйствіе начинается на небѣ (верхняя часть сцены). Является Арханъ Рафаилъ и рекомендуется зрителямъ:

«Рафаилъ ангелъ имя мое быти знайте,
Да и о повинности моей запытайте!

(т. е. «спросите меня о моихъ обязанностяхъ»). Не дожидаясь вопроса, гелъ разсказываетъ, что его обязанность заботиться о земныхъ бракъ,—между тѣмъ, наземлѣ завелись дѣвственники, въ родѣ Алексѣя—и елъ въ недоумѣніи, что дѣлать ему съ такими людьми. Является хангелъ Гавріилъ, который оспариваетъ Рафаила и убѣждаетъ Алексѣя, торый появляется на «землѣ» (т. е. на средней сценѣ) сохранить читу до смерти. Алексѣй также рекомендуется уже извѣстными намъ ше словами:

Алексѣй естемъ, милый сынъ Евфиміяна

и разсказываетъ зрителямъ свою жизнь, жалуется, что родители его ятъ женить, говоритъ, что желаетъ уйти отъ суеты и служить Богу дѣвствѣ и нищетѣ.

Затѣмъ является Юнона, супруга Іовита (Юпитера)—она предлагаетъ ексѣю не бороться съ плотью и пользоваться радостями земной жизни. томъ приходитъ Счастье, и начинаетъ убѣждать Алексѣя послушаться ѣта Юноны; Алексѣй колеблется, но Добродѣтель, Чистота и Убожео [1]) укрѣпляютъ въ немъ прежнее намѣреніе избѣжать брачной жизни.

Такъ наивно разрабатываетъ авторъ психологію Алексѣя. То, что въ **„Психологія" въ драмѣ.**

---

[1]) Отъ 1732 г. сохранилось описаніе костюмовъ, которые приготовлялись для ихъ театральныхъ „олицетвореній". Костюмы, конечно, были традиціонны.

Чистотѣ: „изъ бѣлой крашенины юбка на фижбинахъ и бострогъ такой же, ъ и благолѣпію, только безъ позументу. Вѣнчикъ лавровый, въ рукахъ лилія".

Мерзости: „шлафрокъ, изъ долгой кирпишной крашенины и нашить полосы тыя и синія, крашениныя же, вдоль. А машку (маску) старую дурную".

Злость одѣта была „въ шлафрокъ черный, на груди висѣла медузина голова, головѣ змѣй, въ рукахъ змѣя".

современной драмѣ происходитъ въ душѣ героя, что̀ сознается, ка
борьба внутренняя, то для человѣка, еще связаннаго съ средневѣковы
представленіями, являлось борьбой съ какими-то внѣшними голоса
чуть не существами. Припомнимъ наши и западно-европейскія «житія
въ которыхъ душа человѣка представляется ареною для борьбы Бо
и дьявола,—и мы поймемъ, что кіевская драма, въ смыслѣ разработ
психики героя, въ смыслѣ пониманія внутренней борьбы, недалеко уш
отъ старыхъ пріемовъ.

Новая сцена начинается съ появленіемъ отца Алексѣя. Онъ подроб
разсказываетъ о себѣ, о своей жизни, о своихъ намѣреніяхъ касатель
сына. Приходитъ его жена, затѣмъ зовутъ Алексѣя и убѣждаютъ е
жениться. Архангелъ Михаилъ уговариваетъ его не повиноваться.

Затѣмъ на сценѣ происходитъ представленіе свадьбы. На сценѣ играю
цимбалы и скрипка. Мужики подносятъ дары, пьютъ вино сначала ста
нами, потомъ изъ ведра, танцуютъ, бранятся, дерутся.

Алексѣй тайно оставляетъ родительскій домъ; его отецъ и молод
жена въ отчаяніи. Алексѣй послѣ ряда святыхъ подвиговъ возвращаетс
неузнанный, въ домъ отца и живетъ тамъ въ качествѣ нищаго. Здѣ
любопытна сцена, въ которой слуги обижаютъ угодника: лучшее ѣдя
сами, а Алексѣю даютъ сухой хлѣбъ. Его утѣшаетъ голосъ съ неб
«пріидите ко Мнѣ вси трудящіеся и обремененные, и Азъ упокою вы
Написавъ свое житіе, Алексѣй умираетъ.

Заканчивается пьеса плачемъ отца, матери и жены Алексѣя. Въ э
время Алексѣй тѣшится въ раю среди ангеловъ и, въ заключеніе, обр
щается къ царю Алексѣю съ рѣчью, обѣщая ему помочь въ его дѣла

Построеніе драмы.

Изъ этого бѣглаго пересказа видна простота построенія пьес
Для современника Корнеля и Расина, для человѣка, знакома
съ деталями теоріи классической драмы, произведеніе оче
отсталое. „Единство мѣста“ заключается въ томъ, что на сце
одновременно и рай, и адъ [1]), и земля. На землѣ одновремен
представленъ Римъ и Эдесъ. Въ Римѣ и домъ Евфиміана,
дворецъ цезаря. Немудрено, что Алексѣй очень быстро перес
ляется изъ Рима въ Эдесъ. „Единство времени“ тоже предст
влено въ пьесѣ курьезно. Нѣсколько лѣтъ жизни угодника укл
дываются въ нѣсколько минутъ дѣйствія.

„Единства дѣйствія“ въ смыслѣ теоріи ложноклассиковъ нѣт
Рядомъ съ главнымъ дѣйствіемъ идутъ бытовыя сцены, котор
однако, не вставлены въ видѣ отдѣльныхъ интермедій, а сост
вляютъ съ пьесой органическую связь,—это обстоятельство у
зываетъ, что отъ мистерій и мираклей указанная пьеса то

1) Въ „аду“ во время дѣйствія стучатъ желѣзомъ. Оттуда выглядываетъ на з
телей изображеніе змѣя. Когда Добродѣтель уговариваетъ Алексѣя избѣгать пу
ведущаго къ погибели, и стращаетъ загробными муками, „ту змій ротъ розвавит
дымъ испущаетъ“.

отошла. Такъ, у Шекспира вводныя эпизодическія сцены, развившіяся изъ интермедій, вошли органически въ основное дѣйствіе.

Таковы, приблизительно, были и другія серьезныя пьесы, или „трагедіи“ юго-западной литературы.

Комедія.

Комедіи, или веселыя пьесы (интермедіи) содержаніе свое заимствовали изъ шутливыхъ исторій, фацецій, анекдотовъ—обыкновенно изъ народнаго быта; дѣйствующими лицами выступали здѣсь мужики, солдаты, цыгане, евреи. Разыгрывались онѣ, обыкновенно, на масляницѣ. Содержаніе интермедій, взятое изъ обыденной жизни, народный языкъ, смѣхотворныя выходки дѣйствующихъ лицъ обезпечили за этими веселыми зрѣлищами широкую популярность. Изъ школы онѣ разошлись вмѣстѣ съ школярами по деревнямъ и приспособились къ „кукольному театру“; онѣ продолжаютъ до нашихъ дней жить въ Малороссіи и Бѣлороссіи.

Содержаніе одной интермедіи.

Изъ русскихъ интермедій XVII в. дошло до насъ нѣсколько. Для примѣра можно привести содержаніе одной,—оно очень несложно: глуповатый мужикъ Стецько дѣлается жертвой пройдошества вора Климка: передъ нами похожденія ловкаго вора, взятыя изъ народныхъ разсказовъ. Сюжетъ второй взятъ изъ «Римскихъ Дѣяній»: три парня рѣшили, что пирогъ будетъ съѣденъ изъ нихъ тѣмъ, кто увидитъ лучшій сонъ. Развязка общеизвѣстна.

И духовная драма, и интермедія, попавъ въ руки народа, приспособились къ потребностямъ массы. Трудность имѣть большой театръ и труппу была избѣгнута скромной обстановкой кукольнаго театра. Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ и пастуховъ,—вотъ первыя сцены, попавшія въ переносные театры маріонетокъ. Въ Малороссіи эти представленія давались въ „вертепахъ“—ящикахъ, въ которыхъ сцена устраивалась такъ же, какъ въ театрахъ для духовныхъ драмъ.

Нашъ великорусскій „раекъ“, вѣроятно, первоначально былъ такимъ вертепомъ, въ которомъ изображалось „Райское дѣйство“—сцены грѣхопаденія Адама и Евы.

Лирика.

§ 63. *Лирика.* Стихотворенія періода Кіевской академіи носятъ отчасти ложноклассическую окраску. Если въ раннихъ лирическихъ произведеніяхъ иногда попадалось имя языческаго божества, какъ, напр., въ виршахъ, посвященныхъ Іову Борецкому, гдѣ онъ названъ „любимцемъ Аполлона“ — то теперь, послѣ усиленія въ академіи латинскаго и польскаго элементовъ, послѣ разработки теоріи поэзіи согласно рецептамъ французской поэтики,—псевдоклассицизмъ сдѣлался еще замѣтнѣе ложноклассицизма—онъ вступилъ въ свои права.

Такъ, въ стихахъ встрѣчаемъ мы часто упоминанія о „кро-

левѣ наукъ“ Минервѣ, о Кліо, Ураніи, Аполлонѣ. Впрочем увлеченія этими образами нѣтъ. Богоматерь ставится выше этих блѣдныхъ образовъ, явившихся въ схоластическую лирику из прекраснаго античнаго міра и оказавшихся здѣсь совсѣмъ у мѣста.

„Виды“ лирики.

Лирическая поэзія, съ точки зрѣнія русскихъ теоретиков подраздѣлялась на собственно „лирику“ и на „элегію“. Лирик въ узкомъ смыслѣ слова, должна была изображать чувства р достныя; элегія—чувства грустныя. Первая, подраздѣлялась н *гимны*, содержащіе хвалу Богу и святымъ, *диеирамбы*, пѣсн пѣнія на радостные случаи жизни, и *оды*, служащія и духовно и свѣтской цѣли. Изъ этихъ видовъ лирической поэзіи наибол опредѣленные, по своей сущности, были *гимны*.

Теоретики получили эти гимны уже готовыми произведенія и только постарались отыскать имъ мѣсто въ своихъ заимств ванныхъ піитикахъ; по счастью, оказалось, что пѣснопѣнія честь боговъ были извѣстны и грекамъ, а потому существован этого жанра было узаконено.

Муретъ.

Муретъ, сочинявшій духовные гимны, подражая одамъ Гор ція,—сдѣлался образцомъ для русскихъ лириковъ того времен

Барановичъ. Духовная лирика.

Изъ русскихъ поэтовъ, особенно успѣшно подвизавшихся этомъ поприщѣ, надо признать Лазаря Барановича, котор выпустилъ сборникъ своихъ стиховъ, подъ названіемъ: „Лют Аполлона“; большинство стихотвореній Барановича написаны польскомъ языкѣ и посвящены восхваленію Богородицы, апост ловъ и святыхъ; въ нѣкоторыхъ, правда, воспѣваются солнц мѣсяцъ, весна, погода, морозъ и вѣтеръ — но всѣ эти стих безцвѣтны и являются только подражаніемъ. Теплѣе и живѣ оказались тѣ стихи, въ которыхъ Барановичъ касался историч скихъ событій эпохи, въ родѣ войнъ съ татарами.

Судьба этихъ произведеній очень интересна—съ одной ст роны, они спустились въ народъ, сдѣлались достояніемъ набож ныхъ людей, а затѣмъ школяровъ, славившихъ Рождество Хрис и святыхъ, въ „кантахъ“,—а съ другой стороны, подъ вліі ніемъ образованности, расширенія и углубленія людей XVIII в.,- они развились въ духовную лирику Прокоповича, Ломоносо Хераскова.

Свѣтская лирика и ея литературное потомство.

Свѣтская лирика, заимствованная нами у поляковъ, на пер выхъ порахъ выразилась единственно въ „панегирикѣ“,—лит ратурномъ жанрѣ, которому суждено было развиться въ о

XVIII в. Однимъ изъ первыхъ такихъ произведеній, вышедшихъ изъ панегирика, надо признать оду Ѳеофана Прокопивича: „На побѣду надъ шведами“ [1]). За нею идетъ ода Ломоносова: „На взятіе Хотина“, за нею ода Тредьяковскаго: „На сдачу Гданска“. Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ и многіе другіе продолжали въ XVIII в. этотъ классическій жанръ, охотно культивируя его на русской почвѣ. Ода XVIII в. до конца своихъ дней сохранила нѣкоторую связь съ юго-западнымъ „панегирикомъ“, отличаясь паѳосомъ одинаковаго съ нимъ свойства: чрезмѣрное восхваленіе воспѣваемаго героя, искусственная напыщенность, тѣмъ рѣзче подчеркивающая холодность чувства, и, наконецъ, примѣненіе оды въ качествѣ подношенія сильнымъ міра сего,—все это роднитъ оду XVIII в. съ панегирикомъ XVII в.

Панегирикъ XVII в.

Элегіи, духовныя и свѣтскія.

„Элегіями“ назывались стихотворенія, изображающія грусть поэта по поводу какого-нибудь событія. Въ зависимости отъ значительности событія, тонъ элегіи то повышался, то понижался, — въ этомъ ея выгодная сторона. Ода навсегда осталась прикованной къ „великимъ“ именамъ, „великимъ“ событіямъ,—элегія скоро сдѣлалась выраженіемъ интимной стороны жизни человѣческаго сердца.

На первыхъ порахъ элегіи были чисто духовныя стихотворенія; въ Кіевѣ онѣ назывались „умилительными“, или „покаянными“ стихами. Польскіе и католическіе поэты дали нашимъ поэтамъ, въ этомъ направленіи, цѣлый рядъ образцовъ. Особенно популяренъ былъ Янъ Кохановскій.

Подобныя же элегіи сочиняли Симеонъ Полоцкій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, сумѣвшій элегіи придать философски-нравоучительный характеръ. Къ концу вѣка элегіи, мало-по-малу, дѣлаются вполнѣ свѣтскими произведеніями. Въ нихъ на первыхъ порахъ находитъ себѣ выраженіе любовная тоска. Правда, записей такихъ стихотвореній-пѣсенъ отъ XVII в. не дошло, но въ раннихъ великорусскихъ сборникахъ XVIII в. встрѣчаются произведенія, несомнѣнно, южно-русскаго происхожденія,—ихъ необходимо отнести къ XVII вѣку.

Когда элегія спустилась въ народъ, она взяла отъ народной пѣсни содержаніе и способъ исполненія (пѣніе), дала искусственныя формы,—версификацію и пріемы пѣнія,—получилась та искусственная пѣсня, которая была такъ популярна въ теченіе всего XVIII в.

---

[1]) Другія произведенія Прокоповича см. Истор. Хрест. вып. III, 15.

Переводные романы.

§ 64. *Переводные романы.* Въ XVII в. въ юго-западной Руси были очень популярны переведенные съ польскаго языка романы „авантюрные“ (романы „приключеній“ — aventures) и повѣсти „нравоучительныя“ и „смѣхотворныя“. Авантюрные романы однородны по своему содержанію и характеру: примыкая къ средневѣковому рыцарскому роману, они представляютъ собой чаще всего народную обработку темъ этого романа; при чемъ обильно вносились сказочные мотивы. Герои, надѣленные доблестью и силой, отправляются въ дальнія страны искать приключеній, или добывая какую-нибудь невѣдомую красавицу, или исполняя какое-либо порученіе. По дорогѣ они встрѣчаются съ разными витязями, чудовищами, съ бурями и опасностями и, послѣ ряда приключеній, оканчиваютъ жизнь въ славѣ и почетѣ.

Романы въ пониманіи русскихъ людей.

Конечно, бытъ и идеалы западнаго рыцарства были не вполнѣ понятны русскому переводчику и читателю,—оттого, при передачѣ на русскій языкъ, многое отпало, или исказилось. Понятны были воинскія потѣхи, блестящіе подвиги,—неяснымъ осталось, напримѣръ, „посвященіе въ рыцари“, особенно, символизмъ этого обряда; очевидно, смутно разумѣлись „странствующіе рыцари“ (chevaliers errants—переводилось „ѣзжалые“ рыцари), ищущіе приключеній и фортуны. „Courtoisie“—одинъ изъ девизовъ рыцарства—переводилось буквально: „дворность“ или „честь“, „почтеніе въ дворѣ“, „дворщина“, — изъ этихъ попытокъ перевести точнѣе это понятіе видно его неразумѣніе. Смутно понималось и „служеніе дамамъ“: „belles dames“ переводилось—„добрыя госпожи“.

Изъ авантюрныхъ романовъ особенно популярны были „Повѣсть о Брунцвикѣ“, „Повѣсть о Петрѣ златыхъ ключей“, менѣе—„Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ“, „Книга о Мелюзинѣ“, „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“, „Тристанъ“ и „Ланжелотъ“.

Повѣсть о Брунцвикѣ.

Повѣсть о Брунцвикѣ, королевичѣ чешскія земли. Сынъ герцога Чехіи, прославленнаго своими подвигами, Брунцвикъ, желая сравниться съ отцомъ въ доблести, оставляетъ молодую жену, и съ 30-ю рыцарями отправляется искать приключеній. Ихъ корабль погибъ, приблизившись неосторожно съ магнитной горѣ; герой и спутники уцѣлѣли, но отъ голода переѣли другъ друга; остался одинъ Брунцвикъ. Онъ встрѣчается съ полу-рыбой, полу-дѣвушкой Европой и старымъ рыцаремъ Баладомъ. По его совѣту, Брунцвикъ зашиваетъ себя въ лошадиную шкуру, смазанную кровью. Грифъ уноситъ его въ свое гнѣздо на гору. Брунцвикъ перебилъ птенцовъ грифа и отправился по горамъ. Въ чудной полянѣ онъ увидалъ бой льва съ девятиглавымъ змѣемъ. Брунцвикъ помогаетъ осла-

ѣвающему льву, и тотъ дѣлается его неразлучнымъ спутникомъ. Долго они странствовали, попавъ въ мѣсто вѣчной тьмы. Проѣзжая около карбункуловой горы, свѣтившейся какъ пламя, Брунцвикъ откололъ отъ нея кусокъ, и съ этимъ свѣточемъ отправился дальше.

Они прибыли въ чудесный городъ, заселенный чудовищами—у самого царя были глаза и спереди, и сзади и по 18 пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ городѣ жили люди одноногіе, одноглазые, рогатые и двуглавые и песиглавцы. Брунцвикъ, по просьбѣ царя, освобождаетъ его дочь Африку, унесенную дракономъ. Онъ достигаетъ дворца этого дракона; перебиваетъ чудовищъ, которыя защищаютъ трое воротъ, и пробирается къ дѣвицѣ, которая до пояса съ змѣиными ногами. Она съ ночи до полудня имѣетъ вполнѣ человѣческія формы. Брунцвику она вручаетъ чудесный перстень, дающій владѣльцу силу 24-хъ человѣкъ. Происходитъ страшный бой героя съ дракономъ; герой по поясъ ходитъ въ крови, но убиваетъ при помощи льва дракона. Свои раны онъ залечиваетъ чудеснымъ зельемъ, которое добыто львомъ. Вернувшись къ царю, онъ, по принужденію его, женится на освобожденной Африкѣ. Однажды онъ нашелъ въ погребѣ старый мечъ-самосѣкъ, которому надо только приказать, и онъ самъ рубитъ головы. Брунцвикъ, отдѣлавшись, благодаря ему, отъ жены, тестя и согражданъ, поѣхалъ со львомъ дальше; онъ попадаетъ на островъ демоновъ, Асмодеевъ, которыхъ, благодаря мечу, перебиваетъ очень много. Царь ихъ, чтобы избавиться отъ героя, переноситъ его на родину. Герой попадаетъ какъ разъ на свадьбу своей жены, которую выдаютъ замужъ за принца. Брунцвикъ опускаетъ въ кубокъ новобрачныхъ свой обручальный перстень,—и оказывается узнаннымъ.

Разсказъ кончается соединеніемъ разлученныхъ. Левъ вошелъ въ гербъ Брунцвика. Когда герой умеръ, левъ не пережилъ его [1]). Если пересказанный романъ имѣетъ чисто-сказочный характеръ, то «*Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ златыхъ ключей и о прекрасной королевнѣ Магелонѣ*» имѣетъ характеръ, главнымъ образомъ, любовный; въ немъ разсказывается судьба двухъ нѣжныхъ любовниковъ, Петра, графа Прованскаго, и Магелоны (или Магилены), дочери короля Неаполитанскаго; разлученные всевозможными несчастными случайностями, они долго страдали, потерявъ другъ друга изъ виду и, лишь послѣ безчисленныхъ приключеній, свидѣлись и повели жизнь счастливую. Такимъ образомъ, ихъ любовь, вѣрность и благочестіе оказываются вознагражденными [2]).

Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ златыхъ ключей.

«*Тристанъ*» и «*Ланжелотъ*»—это извѣстные рыцарскіе романы изъ цикла романовъ Круглаго Стола: «Тристанъ и Изольда» и «Ланселотъ». Весь интересъ перваго сосредоточенъ на нѣжной любви героя и героини; интересъ второго на любви Ланжелота къ супругѣ короля Артура; всѣ его подвиги посвящены ей.

„Тристанъ“ и „Ланселотъ“.

«*Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ*» заключаетъ въ себѣ чудесную исторію отверженной жены кесаря Оттона (т. е. Октавіана) и его дѣтей. Изгнанная изъ дворца, она идетъ, куда глаза гля-

Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ

[1]) Въ основѣ романа лежитъ чешская передѣлка нѣмецкой поэмы о Рейнфрадѣ Брауншвейгскомъ.

[2]) Въ основѣ романа лежитъ старый французскій романъ, относящійся къ числу сказаній эпохи Карла Великаго.

дятъ; во время сна лишается обоихъ дѣтей, похищенныхъ звѣрями:—обезьяной и львицей; судьба дѣтей чудесна: они, послѣ ряда приключені дѣлаются рыцарями; одному изъ нихъ удается впослѣдствіи спасти брат отца и мать. Происходитъ узнаніе, и жизнь героевъ оканчивается счаст ливо. Одинъ изъ сыновей кесаря—Флорентъ занимаетъ престолъ посл его смерти; у его сына Оттона есть дочь Флоренса, которая, подоб дѣду, преслѣдуется злой судьбой.

Такимъ образомъ, при чтеніи этихъ романовъ чужая жизн для русскихъ того времени представлялась не дальнѣйшею сту пенью ихъ культурнаго развитія, а контрастомъ; русское обществ недавно еще въ книгахъ читало только порицаніе злымъ женамъ— теперь оно встрѣтило гимны въ честь belles dames. Грубо-демо кратическое въ обычаяхъ, почти отъ избы до дворца, наше об щество сталкивалось въ этой литературѣ—съ галантными кавале рами, съ возвышеннымъ идеаломъ чистой любви до гроба. Осо бенно характерно увлеченіе этими романами въ Москвѣ, куда он были занесены изъ юго-западной Руси. Замкнутое въ предѣлах московскаго самодовольства, воображеніе москвича въ этихъ рома нахъ встрѣчалось съ широкими, необъятными горизонтами... Ко нечно, если бы жизнь русскаго общества оставалась въ томъ видѣ въ какомъ она сложилась въ эпоху процвѣтанія Московскаго цар ства, то и эти романы не нашли бы въ ней читателей. Но жизн всколыхнулась,—общеніе съ иноземцами, интересъ къ такимъ міро вымъ событіямъ, какъ паденіе Царьграда, идея крестовыхъ похо довъ на магометанъ, путешествія русскихъ на западъ и чужезем цевъ на Руси, иностранцы на русской службѣ, наконецъ, Смутно время, окончательно подломившее устои стараго Московскаго цар ства, наводнившее Русь новыми пришлыми элементами,—все эт вмѣстѣ взятое, расширило кругозоръ московскихъ людей, пробу дило ихъ изъ ограниченнаго самодовольства собой. Явился инте ресъ къ свѣтской литературѣ, на первыхъ порахъ, конечно, н такой, которая была понятнѣе, ближе,—отсюда большая попу лярность сказокъ объ Ерусланѣ и Бовѣ, и мало вниманія к произведеніямъ чисто-рыцарскимъ, какъ, напримѣръ, къ роман о Тристанѣ. Около первыхъ произведеній народное творчест работало легко и свободно.

Значеніе романовъ для народнаго творчества и романа XVIII в.

Авантюрные романы внесли много новыхъ элементовъ въ н родное творчество. Ихъ вліянію надо, въ значительной степен приписать появленіе у насъ авантюрныхъ сказокъ, въ которы разные царевичи ѣдутъ за тридевять земель въ тридесятое ца ство за поисками красавицъ. Быть можетъ, изъ этихъ перево

ныхъ романовъ взяты и „мечъ-кладенецъ", и „вѣщій конь", и битвы съ чудовищами, и злые чародѣи... Не менѣе сильно на авантюрной сказкѣ отразилось и вліяніе востока („талисманы", „превращенія"). Впрочемъ, переводные романы не только отразились на творчествѣ народа (сказки и былина), но они, сдѣлавшись особенно популярны въ XVIII в., въ рукописяхъ и въ печатномъ видѣ, проникли въ изящную словесность, завладѣвъ произведеніями Чулкова и др., даже юношеской поэмой Пушкина („Русланъ и Людмила"). До сихъ поръ многіе изъ этихъ романовъ въ лубочныхъ изданіяхъ—любимыя чтебныя книги народа.

§ 65. *Нравоучительныя повѣсти* (свѣтскаго и религіознаго содержанія). Всѣ эти произведенія были настолько близки по духу съ развитіемъ нашей литературы XVII в., что, входя въ ея плоть и кровь, они растворились въ ней, не придавъ ей особой окраски, лишь обогативъ ее новыми сюжетами и мотивами; многія изъ нихъ являлись въ западную Европу съ востока—изъ Индіи, другія—изъ Греціи, третьи—изъ Рима, четвертыя сложились на мѣстѣ, въ западной Европѣ. Одна группа этихъ произведеній собралась въ сборникѣ, носившемъ названіе Gesta Romanorum (Римскія дѣянія), другая, позднѣе—въ сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Speculum magnum (Великое Зерцало). Нравоучительныя повѣсти.

«*Римскія Дѣянія*»—одинъ изъ сборниковъ, наиболѣе распространенныхъ въ средніе вѣка. Вліяніе его сказалось и на духовной литературѣ западной Европы—изъ него черпали матеріалъ для своихъ назиданій проповѣдники и моралисты, широко пользовались имъ романисты, въ родѣ Боккачіо, и драматурги, какъ Шекспиръ. Рукописи «Римскихъ Дѣяній» сохранились въ большомъ числѣ по всей Европѣ и тянутся отъ XIII ст. до XVI. Печатныя изданія—съ XV по XVIII в. Все это, конечно, указываетъ на популярность сборника. Составъ его самый пестрый. Сюда вошли и остатки греческой новеллы, и романа, и восточная сказка, и легенда, и народная сказка, сложившаяся уже на почвѣ западной Европы. „Римскія Дѣянія".

Образованіе этого памятника не можетъ принадлежать инціативѣ одной личности—онъ составился постепенно при перепискѣ. Оттого изъ 150 списковъ этого произведенія нѣтъ двухъ, вполнѣ между собою сходныхъ. Для примѣра, можно привести наиболѣе характерныя повѣсти «Римскихъ Дѣяній».

«*Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ*» [1]): Царь Антіохъ, сильный владыка, былъ «лица краснаго, возраста высокаго, смысла мудраго, гласа яснаго, сердца смѣлаго». У Антіоха умираетъ жена, остается дочь красоты неописанной». Король искалъ себѣ невѣсты, но не нашелъ, «и нача велми тосковати», и отъ тоя тоски впала мыслію въ сердце его красота дщери его, и нача дщерь свою любити». Онъ хочетъ на ней жениться. „Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ".

---

1) Истор. Хрест., вып. II, стр. 178. Этотъ разсказъ могъ быть извѣстенъ русскимъ людямъ также и изъ византійской литературы.

Приведенъ разговоръ дочери съ отцомъ: она уговариваетъ его придти въ себя. Когда дочь указываетъ на общественное мнѣніе, съ которымъ надо считаться,—отецъ доказываетъ ей наглядно, что общественное мнѣніе со временемъ измѣняется: онъ велитъ по улицамъ города разостлать сукна—первый день никто не осмѣливается на нихъ ступить, а во второй день по сукнамъ стали ходить, а на третій день стали ѣздить телѣги. «Видишь ли, прекрасная, сказалъ Антіохъ, люди новому дивятся и много говорятъ, а привыкнутъ и говорить перестанутъ». Слава о красотѣ царской дочери отовсюду привлекаетъ жениховъ, но Антіохъ соглашается выдать дочь замужъ подъ условіемъ, что женихъ отгадаетъ загадку,—въ противномъ случаѣ, ему грозила смерть. Много юношей сложили свои головы. Наконецъ, загадка была разгадана Аполлономъ Тирскимъ. Смыслъ этой загадки заключался въ любви Антіоха къ его дочери. Антіохъ, услышавъ рѣшеніе, «распалился яростью великою» и сталъ отрицать вѣрность рѣшенія, на что Аполлонъ отвѣчалъ: «всякъ то на твоемъ лицѣ познаетъ, что я твою загадку разгадалъ». Такимъ образомъ, изъ этого мѣста видно, что въ разсказъ введена даже деталь, касающаяся выраженія лица дѣйствующихъ лицъ. Аполлонъ самъ разсуждаетъ съ собою, что ему дѣлать. Въ этомъ монологѣ раскрывается его психика. Всѣ эти мелочи вводятъ насъ въ кругъ тѣхъ новыхъ литературныхъ вкусовъ, которые не довольствовались сухимъ схематизмомъ стараго житія, а требовали себѣ деталей, психологіи, живой картины, доходившей до изображенія игры человѣческаго лица. Аполлонъ бѣжитъ отъ Антіоха, оставляетъ родной городъ. Антіохъ преслѣдуетъ его по пятамъ. Спасаясь, Аполлонъ плыветъ на кораблѣ, подвергается бурѣ; слѣдуетъ ея описаніе, кораблекрушеніе; герой носится на доскѣ по морю, лишенный всего. Его спасаетъ рыбакъ, къ которому онъ и поступаетъ въ работники. Его замѣчаетъ царь и приближаетъ къ себѣ. У царя дочь Люпина, красавица, пѣвица и плясунья. Разъ всѣ гости во дворцѣ восхищались ея искусствомъ, одинъ Аполлонъ, на вопросъ сосѣда, нравится ли ему игра царевны, «главою потрясъ». Замѣтя это, царевна оскорбилась и стала у отца требовать головы Аполлона. Царь сталъ ее успокаивать и, между прочимъ, спросилъ Аполлона, зачѣмъ онъ потрясъ головой; онъ отвѣтилъ, что самъ и пляшетъ и играетъ лучше царевны, «взялъ гусли, начатъ играть вельми вдячно (хорошо) и плясать выборно. Такъ что всѣ крикнули, ркучи: «вдячно гудетъ и лутче пляшеть, нежели королевна». А какъ видѣла королевна его плясаніе, «впалъ ей въ сердцѣ, и почала его вельми любить». У отца она выпрашиваетъ Аполлона въ придворные къ ней. Аполлонъ равнодушенъ къ любви королевны. Къ ней сватаются двое князей. Царь предоставилъ свободу выбора дочери,—хочетъ, можетъ идти за убогаго,—хочетъ—за богатаго. Маленькая сценка, когда царевна рѣшается сама сдѣлать предложеніе о замужествѣ Аполлону, обрисована очень тонко. Чувствуется и нерѣшительность смущенной дѣвушки, и напряженное ожиданіе мамки, разрѣшившееся въ негодованіе, когда ея питомица избрала «убогаго утопленника». Аполлонъ женится на королевнѣ. Потомъ его избираютъ царемъ послѣ Антіоха, и онъ уѣзжаетъ туда, сказавъ, что пришлетъ за женой человѣка со своимъ перстнемъ. Слѣдуетъ трогательное прощаніе жены, ея жалобы, которыя смягчаютъ Аполлона, и онъ беретъ ее съ

собою. На пути она родитъ дочь и теряетъ сознаніе, такъ что ее принимаютъ за мертвую. Тѣло ея кладутъ въ лодку съ богатствами и пускаютъ въ море. Лодку выбросило на берегъ. Ее находитъ лѣкарь, который, всматриваясь въ лицо ея, замѣчаетъ въ ней жизнь, и вылечиваетъ ее. Между тѣмъ, Аполлонъ тосковалъ, потерявъ жену. Дочь онъ отдалъ на воспитаніе въ одно семейство. Когда она подросла, ее тамъ не взлюбили за красоту и рѣшили извести. Рабъ, которому поручено было ее убить, послѣ ряда колебаній, выраженныхъ въ монологахъ, собрался было кончать злое дѣло, но напали на него пираты, отняли дѣвицу и продали въ рабство. Одинъ великодушный юноша спасаетъ ее отъ предстоящаго позора. Аполлонъ, пріѣхавшій туда, узнаетъ въ ней дочь. Вся эта сцена, въ которой они приходятъ къ сознанію, что связаны кровными связями, полна драматизма и жизни. Между прочимъ, она загадываетъ Аполлону рядъ загадокъ—пріемъ, чисто-сказочный. Затѣмъ происходитъ свиданіе съ женой и заканчивается романъ полнымъ благополучіемъ героевъ.

Такимъ образомъ, передъ нами характерный романъ греческаго типа, усложненный лишь нѣкоторыми пріемами новой школы. Вся схема, авантюры, завязка и развязка привязываютъ романъ къ старинѣ, но разработка, носящая, несомнѣнно, характеръ редакціонныхъ дополненій, роднитъ произведеніе съ новой литературой.

„Житіе св. Плакиды".

Въ другомъ родѣ попавшій въ «Римскія Дѣянія» христіанскій романъ: «*Житіе св. Плакиды*» [1]). Плакида былъ знатнымъ рыцаремъ при Троянѣ; былъ онъ идолопоклонникъ, равно какъ и жена его, но оба были добродѣтельны и милостивы. Однажды Плакида на охотѣ гнался за прекраснымъ оленемъ. Вдругъ въ чащѣ лѣса олень остановился, и между рогами у него засіялъ крестъ, съ изображеніемъ распятаго Христа; изумленный рыцарь услышалъ голосъ: «О, Плакида, за что̀ гонишь меня! Я—Христосъ, котораго ты чтишь, хотя и не знаешь Его». На слѣдующій день Плакида съ семьей крестился. Какъ-то на охотѣ Плакида опять встрѣтилъ чудеснаго оленя, который сказалъ ему, что дьяволъ разгнѣвался на него за отступничество отъ язычества и будетъ жестоко его преслѣдовать, но онъ долженъ оставаться твердъ и тогда одержитъ побѣду надъ искушеніями. «Много потеряешь ты отъ суеты свѣта, но духовнымъ богатствомъ будешь вознесенъ». Начинается рядъ испытаній; Плакида обѣднѣлъ, лишился жены, дѣтей; затѣмъ все утерянное возвращается ему, и Плакида кончаетъ свои дни въ довольствѣ и чести. Вошло въ сборникъ и популярное у насъ *житіе св. Алексѣя,* и романическое, менѣе извѣстное, *житіе св. Григорія.* Эти и подобныя произведенія затрагивали фантазію читателя авантюрнымъ складомъ своей композиціи, въ то же время намѣчали ясные образы героевъ, просвѣтленныхъ христіанскими идеалами.

Греческій романъ и христіанство.

Греческій романъ возникъ на закатѣ греческой цивилизаціи, въ ту пору, когда міровоззрѣніе античнаго эллина, его взгляды на «судьбу» и роль боговъ—поблекли и замѣнились предчувствіемъ Христа; вотъ почему греческій романъ, не порвавшій еще связи съ «судьбой» и «рокомъ», однако дошелъ до сознанія, что добро награждается, а зло наказывается.

---

[1]) Истор. Хрест. вып. II, стр. 181. Этотъ разсказъ могъ быть извѣстенъ русскимъ людямъ также и изъ византійской литературы.

Христіанство поэтому легко завладѣло греческимъ романомъ и страстно ухватилось за основную идею греческаго романа. Оставалось только освѣтить яснѣе идеалы, подчеркнуть добродѣтель,—и, вмѣсто блѣднаго фантома «судьбы», поставить образъ дьявола. Добродѣтельный человѣкъ гонимъ дьяволомъ, но Богъ награждаетъ его. Дальнѣйшимъ фазисомъ развитія христіанскаго романа будетъ сознаніе, что награда должна быть не вещественная, матеріальная,—слѣдовательно, ей мѣсто не на землѣ, а за гробомъ. Прямымъ выводомъ изъ этого презрѣнія къ земной суетѣ было ослабленіе интереса къ той земной борьбѣ, которую вели герои греческаго романа, гонимые судьбой по морямъ, по далекимъ странамъ,—борьба суживала предѣлы свои и углублялась въ міръ души,—въ борьбу съ тѣми внутренними голосами, которые воплощались встревоженнымъ воображеніемъ аскета въ образъ дьявола-искусителя.

Бытовой и сказочный элементъ въ „Римскихъ Дѣяніяхъ".

«Римскія Дѣянія» интересны еще и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ всевозможные образцы развитія христіанской легенды отъ греческаго романа почти до церковнаго житія. Кромѣ подобныхъ произведеній, мы встрѣчаемъ въ сборникѣ разсказы изъ обыденной жизни, встрѣчаемъ сказки, очевидно, прибавленныя неразборчивымъ собирателемъ позднѣе. Передъ нами мелькаютъ разные образы,—то пустынникъ, возроптавшій на несправедливость Бога, убѣждается, что зло, на землѣ происходящее, имѣетъ смыслъ возмездія за прегрѣшенія людскія; гордый цесарь Евиніанъ (онъ же и Агей, въ русскихъ спискахъ) за свою гордость теряетъ и власть, и честь, и имя,—его царствомъ овладѣваетъ двойникъ, а гордецъ, никѣмъ непризнаваемый, ведетъ тяжелую жизнь. Раскаяніе возвращаетъ ему все утраченное. Чернокнижникъ Виргилій, исполняя прихоть цезаря Титуса, ставитъ волшебный столпъ, который изобличаетъ подданныхъ царя; счастливый, по мнѣнію всѣхъ, человѣкъ ведетъ на самомъ дѣлѣ тяжкую жизнь, мучимый желаніемъ мести; чернокнижникъ овладѣваетъ женой рыцаря и хочетъ, съ ея согласія, погубить рыцаря, но погибаетъ самъ; загадки, имѣющія глубокій смыслъ, вѣщія рѣчи, талисманы, въ родѣ ковра-самолета, перстней; короли, задающіе подданнымъ загадки, рыцари, ищущіе невѣстъ за тридевять земель, порочныя жены, неблагодарныя дѣти, простоватые воры, попадающіе впросакъ, мошенники, обманувшіеся въ расчетахъ,—все это мелькаетъ передъ нами, привлекая наше вниманіе живостью изложенія и картинностью. Немудрено, что народное воображеніе затронуто было этими разсказами до того, что и Боккачіо, и Шекспиръ, и многіе другіе воспользовались для себя этими народными разсказами. Нашъ народъ взялъ отсюда рядъ разсказовъ, въ родѣ сказки о Маркѣ богатомъ, о женѣ-доказчицѣ... Возможно, что многія наши народныя сказки моральнаго содержанія примыкаютъ къ повѣстямъ, попавшимъ въ «Римскія Дѣянія». Вѣроятно, и волшебные аттрибуты нѣкоторыхъ русскихъ сказокъ имѣютъ точки соприкосновенія съ волшебными разсказами этого же сборника.

Нравоучительный элементъ въ сборникѣ.

Любопытною особенностью сборника надо признать тѣ благочестивые «выклады», толкованія и нравоученія, которыя слѣдуютъ почти за каждымъ «прикладомъ», т. е. примѣромъ. Такія толкованія сводятся къ раскрытію аллегорическаго смысла приведенныхъ разсказовъ въ примѣненіи къ догматамъ и нравственному ученію христіанства. Конечно, такое

стремленіе найти скрытый смыслъ во всякомъ образѣ, явленіи, сюжетѣ нерѣдко вело къ курьезнымъ натяжкамъ.

Воръ, желая обокрасть домъ, забрался на крышу и сталъ ожидать удобнаго момента для покражи. Его замѣтилъ хозяинъ дома и нарочно сталъ въ комнатѣ вести громкій разговоръ о томъ, будто знаетъ такія слова, благодаря которымъ можно безъ лѣстницы спуститься съ крыши. Воръ не понялъ хитрости, запомнилъ слова и попытался испробовать ихъ силу, — но свалился съ крыши и сломалъ ногу. Толкованіе слѣдующее: воръ — это дьяволъ; онъ хочетъ украсть заповѣди у людей. Воръ на крышѣ — это Люциферъ, мечтавшій поставить высокій престолъ и сравняться съ Богомъ, но оступившійся и попавшій въ адъ.

Извѣстный анекдотъ о трехъ путешествующихъ товарищахъ, рѣшившихъ, что изъ нихъ съѣстъ хлѣбъ тотъ, кто увидитъ сонъ удивительнѣе — нашелъ толкованіе самое неожиданное. Первый путникъ, заявившій, что видѣлъ себя въ раю,—это «сарацины и евреи, мечтавшіе о раѣ»; товарищъ, увѣрявшій, что видѣлъ себя въ аду — богатые и сильные, умирающіе тяжело, съ мыслью объ адѣ. Третій же, увѣрявшій, что видѣлъ своихъ друзей въ аду и въ раю, и потому съѣвшій хлѣбъ—это добрый христіанинъ; хлѣбъ—царство Божіе.

„Великое Зерцало".

Нѣсколько другого рода сборникъ *«Великое Зерцало»* [1]). Онъ сложился позднѣе на католической почвѣ, въ ту пору, когда реформація была уже сильнымъ врагомъ Риму—отсюда нѣкоторый полемическій задоръ, болѣе строгій подборъ примѣровъ и систематизація собраннаго матеріала по группамъ.

Собственно интересующій насъ сборникъ и на западѣ сложился лишь въ началѣ XVII ст., явившись итогомъ многихъ другихъ, предшествующихъ сборниковъ. Эти итоги подвелъ ученый іезуитъ І. Майеръ. Онъ внесъ яркую тенденцію, подобралъ примѣры по догматическимъ и религіозно-нравственнымъ рубрикамъ — и всѣмъ этимъ значительно обезцвѣтилъ повѣсти и анекдоты, возникшіе изъ самой жизни, пропитавъ ихъ аскетизмомъ и ханжествомъ... Назвавъ свой сборникъ «Speculum», онъ хотѣлъ дать читателямъ зеркало, въ которомъ было бы легче видѣть чистоту и безобразіе своей души. Отсюда разсказы распадаются на разсказы о добродѣтельныхъ и порочныхъ людяхъ. Кромѣ поученія, ввелъ онъ и прославленіе Дѣвы Маріи. Назначеніе сборника было не только дать матеріалъ для чтенія и размышленія, но и запасъ примѣровъ для проповѣдника. Но, при всемъ своемъ благочестивомъ желаніи дать исключительно душеспасительный матеріалъ, подобранный и очищенный, составитель не смогъ справиться со своими читателями. Сборникъ пошелъ по рукамъ и, сообразно вкусу читателя-переписчика, сталъ мѣняться: входили одни произведенія, отброшены были другія. Вѣроятно, въ расчеты благочестиваго іезуита не входило, напр., помѣщеніе разсказовъ о томъ, что у дочери Генриха, князя Брабантскаго, родилось вдругъ 364 человѣкъ дѣтей, а у другой заразъ 20, какъ отъ одного брака родился гусь и т. д.

Интересъ русскихъ читателей къ „Великому Зерцалу".

Интересъ, съ которымъ отнеслось русское общество къ «Великому Зерцалу», объясняется тѣмъ, что религіозно-фантастическое направленіе

[1]) Этотъ сборникъ переведенъ въ Москвѣ, но такъ какъ былъ занесенъ изъ Польши, то и разсматривается онъ въ этомъ отдѣлѣ, чтобы не дробить курса.

этого сборника совпадало съ тѣмъ моментомъ развитія русской религіозной мысли, когда она сама создавала легенды аналогичнаго содержанія. Въ Патерикахъ, въ Минеяхъ, въ Прологѣ встрѣчалъ русскій книжникъ сходныя произведенія,—въ «Великомъ Зерцалѣ» тѣ же ходячіе мотивы разработаны были въ художественномъ отношеніи тоньше, кромѣ того, назиданіе ихъ, основная идея раскрывалась яснѣе,—слѣдовательно, подъ новой приправой старое явилось въ новомъ болѣе заманчивомъ освѣщеніи. Русскіе редакторы свободно отнеслись къ дошедшему до нихъ сборнику — многое выпустили, многое прибавили. Такъ, прибавлены были назидательные примѣры о необходимости почитать родителей, объ опасности увлекаться колдовствомъ, играми, свѣтскими развлеченіями. Остановлюсь на нѣкоторыхъ повѣстяхъ «Великаго Зерцала». Какъ образчикъ безцвѣтности и тенденціозности, можно привести слѣдующій разсказъ. Одинъ изъ учениковъ предложилъ сдѣлать безнравственное дѣло, но его «благочестивый товарищъ» сталъ сопротивляться предложенію, тѣмъ не менѣе, за одно только сообщество съ дурнымъ мальчикомъ былъ чудесно наказанъ: ангелъ ударилъ его по ланитѣ, такъ что она вспыхнула. «О, блаженный ударъ, восклицаетъ составитель,—ударъ, посланный съ неба въ наученіе впереди идущимъ поколѣніямъ».

Католическій элементъ въ „Зерцалѣ".

Есть въ «Зерцалѣ» цѣлый рядъ разсказовъ о видѣніяхъ. Эти разсказы переносятъ насъ въ религіозныя настроенія чисто-католическія,—настроенія, чуждыя русскому благочестію. Дѣвочки умираютъ съ мечтами

a) Дѣва Марія.

«о пресладкомъ лицѣ Іисуса», Дѣва Марія внушаетъ къ себѣ священное обожаніе. Одинъ юноша полюбилъ свою госпожу; не встрѣтивъ взаимности, заболѣлъ. Выздоровѣвъ, онъ ѣдетъ молиться. Вдругъ на дорогѣ видитъ онъ прекрасную женщину, озаренную свѣтомъ. Это была Дѣва Марія. Она остановила его коня и стала убѣждать оставить грѣшное влеченіе, за что обѣщала быть его невѣстой; она дозволила поцѣловать себя; поцѣлуй избавилъ юношу отъ грѣшной любви. Борьба грознаго, неумолимаго дьявола и кроткой прекрасной Дѣвы Маріи, заступницы за грѣш-

b) Дьяволъ.

никовъ, также изображена въ длинномъ рядѣ разсказовъ. Дьяволъ являлся, обыкновенно, среди завыванія вѣтра и треска деревьевъ, то быкомъ, страшно ревущимъ, то львомъ, то волкомъ, или псомъ, или котомъ. Человѣческій образъ дьявола представляется то страшнымъ (въ видѣ карлика), то прекраснымъ (когда является женщинамъ), то ученымъ

c) Монашеская жизнь.

(богословомъ и проповѣдникомъ). Есть длинный рядъ разсказовъ аскетическаго характера, въ которыхъ восхваляются подвиги монаховъ и монахинь. Такъ, напр., обѣщаніе постричься спасаетъ отъ смерти и возвращаетъ здоровье человѣку, отъ котораго отступились врачи. Монахини, давшія обѣтъ не выходить изъ стѣнъ монастыря, остаются въ немъ, когда онъ весь былъ объятъ пламенемъ. Монахъ спасается отъ грѣха, погрузившись по горло въ замерзающую воду. Во многихъ разсказахъ изображено великое значеніе молитвы.

Въ одной легендѣ разсказано, какъ одинъ проповѣдникъ въ Майнцѣ видѣлъ на шлейфѣ дѣвицы, выходившей изъ церкви, массу бѣсовъ, которые тащились за ней, какъ рыбы въ неводѣ; священникъ привелъ ее къ покаянію — она оставила «скверный дьявольскій нарядъ». Дьяволъ играетъ съ однимъ азартнымъ воиномъ-игрокомъ, побѣждаетъ его и та-

щитъ сквозь крышу, такъ что всѣ внутренности его вылѣзли изъ чрева воина и остались въ томъ домѣ, гдѣ происходила игра. Во многихъ легендахъ дѣйствуютъ исполины, карлики, чародѣи, волшебники и вѣдьмы (встрѣчается сюжетъ «Вія»). Но, кромѣ такихъ легендъ, въ которыхъ элементъ чудесный переходилъ въ грубую фантастику, есть въ сборникѣ цѣлый рядъ жанровыхъ картинокъ. Особенно много посвящено обрисовкѣ женскихъ пороковъ. Какой-то Генрихъ имѣлъ добрую и любезную жену, но она не могла удержаться отъ привычки, свойственной всѣмъ женщинамъ,—злорѣчить и поносить другихъ. Разъ она стала порицать Еву за ея непослушаніе. Мужъ ее долго удерживалъ отъ злорѣчія, наконецъ, сталъ ей запрещать купаться въ грязной лужѣ на дворѣ. Женщина разсмѣялась. Но съ тѣхъ поръ, проходя мимо лужи, стала останавливаться около нея. Ее тянуло не послушаться мужа и выкупаться — и она выкупалась.

Бытовой элементъ въ „Зерцалѣ“.

„Великое Зерцало“ внушало неразъ новеллистамъ, западнымъ и нашимъ, XVIII в., художественныя идеи, онѣ нашли выраженіе и въ произведеніяхъ русской народной словесности,— въ духовныхъ стихахъ, лубочныхъ картинахъ, анекдотахъ, имѣли значеніе и у раскольниковъ. Въ духовной литературѣ повѣсти „Зерцала“ сыграли также большую роль. Особенно ихъ вліяніе сказалось на литературной дѣятельности юго-западныхъ проповѣдниковъ XVII в.

Литературное значеніе „Зерцала“.

§ 66. *Смѣхотворныя повѣсти* (реалистическая новелла), „фацеціи [1]) (латинское названіе) и „жарты“ (польское).

Смѣхотворныя повѣсти.

Очевидно, что въ исторіи словесности всегда наступаетъ періодъ собирательный, когда интересъ къ богатству произведеній устнаго творчества возрастаетъ до такой степени, что является позывъ собрать все богатство, разсѣянное въ народѣ. Обыкновенно, послѣ такого періода собиранія наступаетъ періодъ художественной обработки.

Въ этомъ отношеніи судьба сборниковъ фацецій даетъ особенно очевидныя показанія: Боккачіо и другіе западно-европейскіе новеллисты сумѣли пестрое собраніе смѣхотворныхъ повѣстушекъ-анекдотовъ обратить въ рядъ живыхъ, прекрасныхъ жанровыхъ картинъ, въ которыхъ справедливо видятъ начало новаго реалистическаго романа. Многое, конечно, было отброшено, многое измѣнено, развито, освѣщено съ новыхъ сторонъ. Такой обработкой смѣхотворныхъ народныхъ сказокъ и заносныхъ разсказовъ у насъ въ XVIII в. занимались Чулковъ и Новиковъ и мн. др.

Типичной фацеціей надо признать небольшой разсказъ, съ чертами реальнаго быта, съ обыденной темой и обыкновенными

Характеристика „фацеціи“.

[1]) Истор. Христ. вып. II, стр. 184.

героями; смѣхъ грубоватый, иронически-простодушный, проникаетъ это произведеніе. Интересъ къ нимъ и спросъ на нихъ явились съ развитіемъ буржуазіи. Они не уносили читателя въ безпредѣльные горизонты рыцарскихъ романовъ, не увлекали идеалами вѣрности, высокой любви,—они водили читателя по чуланамъ и спальнямъ городскихъ домовъ; ихъ смѣхъ и сатира не были проникнуты глубокою мыслью—они скользили по поверхности явленій, трактуя лишь о человѣческой умѣлости, неудачливости, ловкости, или тупости. Смѣшное бралось отовсюду: изъ римской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ, изъ восточнаго аполога, изъ жизни города и деревни, простой буржуазной обстановки и жизни дворца. Юморъ этихъ повѣстушекъ мѣстами очень тяжелъ, съ нашей точки зрѣнія, иногда неприличенъ. Многіе анекдоты связаны съ историческими лицами, напр., съ Августомъ, Агезилаемъ Лакедемонскимъ, Альцибіадомъ, Демосѳеномъ, Сципіономъ Африканскимъ, Цицерономъ, Аннибаломъ,—большинство связано съ какими-то сказочными нѣкіими князьями", и дѣйствіе происходитъ въ „тридесятыхъ царствахъ". Приведу нѣсколько примѣровъ.

Фацеція о Карлѣ.

Карлъ, римскій кесарь, разъ наткнулся на улицѣ на пьянаго Гануса. По приказанію кесаря, пьяный былъ перенесенъ во дворецъ, облеченъ въ царскія одежды, окруженъ слугами. Придя въ себя, Ганусъ сперва изумляется, но потомъ быстро осваивается съ положеніемъ, начинаетъ командовать во дворцѣ, объѣдается и опивается до безчувствія и, по приказанію кесаря, выносится въ его прежнемъ видѣ на улицу. Пробужденіе его оказалось не изъ пріятныхъ, но онъ счелъ все пережитое имъ за сонъ. Интересною частностью повѣсти является натурализмъ ея, доходящій до вульгарности: Ганусъ, сидя за царскимъ столомъ, мечтаетъ о томъ, «какъ бы трескать кислую капусту съ сельдями, или рѣдьку съ солью». Одинъ нѣмецъ, не зная итальянскаго языка, вмѣсто ресторана попалъ въ цирульню, гдѣ ему вырвали зубъ. Любопытна сказка о нидерландскомъ плутѣ, укравшемъ корову. Эта сказка сдѣлалась ходячей, обработана была у насъ въ XVIII в. нѣсколько разъ. Воръ укралъ у простоватаго мужика корову и упросилъ его же продать ее на ярмаркѣ. Мужичекъ, хотя и удивлялся сходству коровы съ той, что принадлежала ему, однако, продалъ корову и вырученныя деньги отдалъ вору. Особый отдѣлъ занимаютъ анекдоты о женщинахъ. Къ разсказамъ, въ которыхъ чуется еще, хотя и ослабленное, порицаніе «злыхъ женъ», относится слѣдующій анекдотъ объ упрямой женѣ. Шелъ мужикъ домой по покосу. Мужъ сказалъ, что лугъ хорошо выкошенъ, а жена стала спорить, что онъ подстриженъ. Споръ разгорѣлся до того, что взбѣшенный супругъ кинулъ ее въ воду. Упорная баба стала тонутъ «и, уже не могущи глаголати, простерши руку изъ воды двумя пальцы, образомъ ножницъ, знакъ показывала, что лугъ подстриженъ, а не покошенъ». Одна упрямая жена потонула въ рѣкѣ. Мужъ сталъ искать ея тѣло выше по теченію рѣки. Всѣ

Фацеціи о нѣмцѣ, о ворѣ.

Фацеціи о женщинахъ.

стали удивляться его глупости, но онъ увѣрялъ всѣхъ, что жена его до такой степени упряма, что и мертвая не сдѣлаетъ того, что дѣлаютъ всѣ покладистые покойники, т. е. не поплыветъ внизъ по теченію.

Я не буду останавливаться на любовныхъ похожденіяхъ лукавыхъ героинь фацецій—онѣ извѣстны почти всѣ изъ новеллъ Боккачіо. Достаточно перечислить заглавія этихъ анекдотовъ, чтобы видѣть, въ чемъ здѣсь дѣло: о «женѣ, всадившей гостя въ полбочки» (ср. Боккачіо), «како жена мужа прелукавила», «како жена мужа поминала», «издѣвка молодыхъ надъ старикомъ», «дѣвка вѣномъ (приданымъ) юношу обольстила», «Кассандры Ѳлорентскія издѣвка надъ мужемъ» (ср. Боккачіо), «о гражданинѣ упивающемся и женѣ его» (ср. Боккачіо), «Двухъ мужей двѣ жены изъ разума вывели и обманули» и т. д. Фацеціи о любовныхъ похожденіяхъ.

Фацеціи принадлежатъ уже совершенно къ свѣтскимъ произведеніямъ,—въ нихъ связи съ міромъ сверхчувственнымъ нѣтъ: земная жизнь вступила въ свои права. Только въ одномъ разсказѣ: «Како баба дьявола обманула» является князь мрака, но и то въ потѣшной роли дурака, обманутаго и осмѣяннаго бабой.

Популярность фацецій была очень широка,—онѣ широкою струею вошли въ народныя сказки, внеся съ собою реализмъ,—вошли онѣ и въ литературу—въ теченіе всего XVIII в. можно насчитать рядъ сборниковъ анекдотовъ, болѣе или менѣе обработанныхъ, которые составились, главнымъ образомъ, изъ сборниковъ фацецій, хотя приняли кое-что изъ „Римскихъ Дѣяній“, изъ „Зерцала“ („Похожденія Ивана, гостинаго сына“, „Старичокъ-весельчакъ“, „Препровожденіе времени“, „Разныя повѣствованія“ и друг.). Литературное значеніе фацецій.

§ 67. *Лубочныя картины* въ это же время были занесены къ намъ. Въ значительной своей части своимъ содержаніемъ онѣ тѣсно примыкаютъ къ смѣхотворнымъ повѣстямъ. Рядомъ съ иллюстраціями къ разсказамъ изъ „Римскихъ Дѣяній“ и къ „смѣхотворнымъ повѣстямъ“, встрѣчаются изобличенія различныхъ пороковъ, олицетворенныхъ въ видѣ звѣрей, изображеніе чорта во время его различныхъ похожденій на землѣ. Много мѣста отведено въ этихъ картинахъ приключеніямъ разныхъ шутовъ и дураковъ. Лубочныя картины.

Карикатуры на пьянство, обжорство въ разныхъ видахъ, особенно потѣшали нашихъ предковъ. Женщинѣ, за ея злобу и лукавство, тоже досталось немало. Общій характеръ и сюжетовъ, карикатуръ и текста къ нимъ, имѣющаго видъ шутливыхъ виршей,—обличаетъ вкусъ читателей низшаго круга, которымъ чтеніе фацецій могло доставлять удовольствіе.

Новая заимствованная литература въ Москвѣ.

§ 68. Вся эта пестрая литература духовная, полудуховная и свѣтская нахлынула на московскую Русь. Ея напору Москва уже не могла противопоставить старыхъ устоевъ и сдалась. Сдалась тѣмъ легче, что въ ней самой, уже съ XV в., намѣчалась новая жизнь, опредѣлялись новые вкусы и желанія. Въ ней самой самостоятельно развилась изъ житія и легенды—свѣтская повѣсть реалистическаго характера; въ ней вполнѣ сложилась къ XVII в. могучая народная поэзія, ничего общаго не имѣющая съ церковными идеалами.

Такимъ образомъ, культурныя вліянія юго-западной Руси *не вносили никакого переворота въ міросозерцаніе Московской Руси XVII в.*, — они лишь усилили, ускорили развитіе этого міросозерцанія въ опредѣлившемся уже стремленіи къ побѣдѣ земныхъ идеаловъ надъ церковными.

Вотъ почему, разбирая литературную жизнь Московской Руси XVII в., мы должны отмѣтить въ ней: 1) то, что̀ явилось въ ней самостоятельно, какъ результатъ самостоятельнаго развитія (сатирическая и реалистическая повѣсть, народная поэзія); 2) что̀ было привнесено въ эту жизнь извнѣ, съ запада, при посредствѣ юго-западной литературы (искусственная лирика, театръ, переводные романы, переводы ученыхъ сочиненій).

Русская сатира.

§ 69. *Русская сатира.* Самосознаніе общества сказывается не только въ выработкѣ идеала, но и въ сужденіи о дѣйствительности. Появленіе сатиры является всегда лучшимъ доказательствомъ такого пробужденія самосознанія. Древняя Русь дала намъ элементы этой сатиры и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, и въ „Словѣ Даніила Заточника“. Неурядицы русской земли, обезсиленной междоусобицами, и безпорядокъ въ отношеніяхъ къ народу князя, заслоненнаго отъ своихъ подданныхъ женщинами и придворными,—вотъ, мотивъ этой древне-русской сатиры.

Сатира въ древней Руси.

Сатира въ московской Руси.

Возрожденіе ея начинается въ московской Руси, но здѣсь содержаніе ея, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сужается до скромныхъ размѣровъ обличенія московскаго чиновничества. Московская приказная волокита, обставленная формализмомъ и, въ то же время, дававшая полный просторъ злоупотребленіямъ—вотъ, главный предметъ обличенія того времени. Въ Москвѣ широкій взглядъ на жизнь потерялъ и ширину, и глубину, и смѣлость. То, что въ древней Руси высказано было прямо въ лицо виновникамъ, то здѣсь прикрылось или ходячей восточной

сказкой о неправедномъ судьѣ, или аллегоріей, въ которой дѣйствующими лицами сдѣлались ни въ чемъ неповинные звѣри.

Шемякинъ судъ [1]). Популярность этой сатиры засвидѣтельствована и пословицей, и сказкой, и лубочными картинами. Въ основѣ этого произведенія лежитъ восточный разсказъ о праведномъ судьѣ, который защищаетъ бѣдняка отъ преслѣдованій богача. Попавъ на русскую почву, сказка о *праведномъ* судьѣ обратилась въ сатиру на судебное взяточничество и приказныя хитрости. Судъ остался праведнымъ, но судья изрекалъ приговоръ не по совѣсти, а потому, что понадѣялся на посулъ подсудимаго. Правда восторжествовала по недоразумѣнію, съ одной стороны,—благодаря хитрости,—съ другой. „Шемякинъ судъ".

Содержаніе заключается въ слѣдующемъ: бѣднякъ взялъ у богача-брата лошадь на время и оторвалъ ей нечаянно хвостъ. Богачъ ведетъ его въ судъ. По дорогѣ они ночевали въ избѣ, гдѣ бѣднякъ, упавъ съ печи, задавилъ младенца. Отецъ убитаго тоже идетъ въ судъ. Желая лишить себя жизни, бѣднякъ бросается съ моста, но убиваетъ больного старика, котораго сынъ подъ мостомъ везъ въ саняхъ. Такимъ образомъ, къ судьѣ Шемякѣ являются уже три обвинителя. Подсудимый показалъ судьѣ камень, завязанный въ платокъ, угрожая убить его въ случаѣ суроваго приговора, а Шемяка, думая, что это—обѣщаніе взятки, произноситъ слѣдующее рѣшеніе: безхвостую лошадь держать бѣдняку до тѣхъ поръ, пока не отраститъ у нея хвостъ, сыну убитаго старика броситься съ моста на бѣдняка и убить его и т. д. Истцы отказались отъ иска, а судья, узнавъ, что въ узлѣ у бѣдняка былъ камень, и что онъ своимъ хитрымъ судомъ избѣжалъ смерти—остался и этимъ доволенъ. Содержаніе.

Судейскіе порядки изображаетъ и *„Повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ"* [2]). Это произведеніе, чисто русское по духу, возникло, очевидно, въ средѣ судейской—слишкомъ хорошо выдержанъ стиль судейскихъ бумагъ. Идея произведенія—прикрыть изображеніе человѣческаго суда судомъ животныхъ, вѣроятно, тоже заимствована. Такъ, мы имѣемъ византійскую сатиру на судопроизводство, гдѣ подсудимымъ является гроздій (виноградъ), а другими дѣйствующими лицами—другія растенія. Различіе въ томъ, что гроздій осужденъ неправильно, хотя съ формальной стороны все судопроизводство ведется вѣрно. Ершъ же, дѣйствительно виноватый, выпутывается, благодаря своему ябедничеству, — онъ глумится надъ судьями и спасается отъ наказанія. „Повѣсть объ Ершѣ".

---

1) Истор. Христ. вып. II, стр. 177.
2) Истор. Христ. вып. II, стр. 177.

Содержаніе.

Начинается повѣсть челобитной Леща: «Рыбамъ господамгъ: великому Осетру и Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ бьетъ челомъ Ростовскао озера сынчишка боярской, Лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, наша на злого человѣка, на Ерша Щетинникова и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годахъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ,—расплодился тамъ Ершъ по рѣкамъ и озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, яко лютыя рогатины, и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра и суется по рѣкамъ и озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Ершъ отрицаетъ свою виновность — Ростовское озеро принадлежитъ ему издавна. «А я, господа, Ершъ, Божіею милостью, отца моего благословеніемъ и материнскими молитвами,—не смутчикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ,—въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою». Затѣмъ онъ ссылается, что его знаютъ многіе знатные люди по всей Руси—«покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцемъ и шафраномъ и ставятъ меня передъ собою честно, и многіе добрые люди вкушаютъ съ похмелья и, кушавши, поздравляютъ». Свидѣтелей, выставленныхъ Лещомъ, Ершъ отводитъ,—они люди богатые, «хотятъ вмѣстѣ съ Лещомъ насъ, маломощныхъ людей, испродать». Отвергаетъ онъ и Сельдь, такъ какъ она сродни Лещу, но за нею всетаки посылаютъ пристава Окуня. Въ «понятые» хотятъ взять Налима, но тотъ отказывается, говоря: «Господине Окуне! Азъ не гожусь въ понятые,—брюхо у меня велико, ходить не смогу, а глаза се малы, далеко не вижу, а се губы толсты, передъ добрыми людьми говорить не умѣю». Лещъ поддерживаетъ обвиненіе. На судѣ обнаруживаются еще другія провинности Ерша. Онъ обманулъ стараго Осетра, сказавъ, что въ Ростовскомъ озерѣ ѣсть нечего,—и завелъ его въ неводъ.

Приговоръ Ершу произнесенъ суровый: его рѣшили выдать Лещу, а затѣмъ казнить торговой казнью: бить кнутомъ и повѣсить въ жаркій день на солнцѣ, «за его воровство и ябедничество». «А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ судебнаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своею лѣвою клешнею, а у печати сидѣлъ Вандышъ (снятокъ)». Ершъ остался приговоромъ недоволенъ. Онъ обвинилъ всѣхъ судей въ лицепріятіи, «плюнулъ имъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли».

Историческое значеніе повѣсти.

Приведенная повѣсть назидательна во многихъ отношеніяхъ. Историческая почва, на которой она выросла — это та смутная пора московскаго царства, когда оно было взбаломучено сверху до низу, когда оттуда, съ самаго низу, вдругъ стали являться на аренѣ исторической „новые люди". Мирно откармливалось рыбье населеніе Ростовскаго озера, охраняемое завѣтами старины и оберегаемое патріархальнымъ судомъ благородныхъ рыбъ. Яв-

ляется откуда—невѣдомо—малый Ершъ, „маломочный“ человѣкъ, и въ сонное царство „богатыхъ“, жирныхъ рыбъ вноситъ смуту. Мало того, для него и судъ старый не страшенъ,—онъ и тамъ готовъ произвести скандалъ и остаться безнаказаннымъ. Всѣ эти Осетры, Лещи, Бѣлуги остаются ни при чемъ — ихъ стародавнія права, поддерживаемыя оффиціальною судебною властью, оказываются необязательными для „новаго“ человѣка. И нельзя не сознаться, что авторъ повѣсти всѣ свои симпатіи отдаетъ ябеднику-Ершу, нашедшему средство бороться со знатью, силой и богатствомъ.

Животный эпосъ въ новой литературѣ.

Таково отношеніе къ животному эпосу новаго времени: уже утеряно наивное отношеніе народной сказки въ міру звѣрей,— теперь они служатъ прикрытіемъ для обличенія человѣческой жизни. Средневѣковый романъ о Ренарѣ (похожденіе лисы), въ рамки котораго широко и свободно улеглась картина всего средневѣковаго общества—конечно, сродни нашей повѣсти объ Ершѣ. Въ изящной литературѣ XVIII—XIX в. Крыловъ широко воспользуется для своихъ сатирическихъ цѣлей міромъ животныхъ, а позднѣе прибѣгнетъ къ его помощи, въ нѣкоторыхъ своихъ сказкахъ, Салтыковъ.

Повѣсть о Курѣ.

Широко распространена была въ рукописяхъ и въ лубочныхъ изданіяхъ того времени „Повѣсть о Курѣ“, т. е. о пѣтухѣ и лисицѣ.

Произведеніе написано стихами. Лисица, увидя пѣтуха на деревѣ, начинаетъ расхваливать его голосъ, убѣждая его спуститься и принести ей покаяніе въ грѣхахъ. Пѣтухъ повѣрилъ, что она «преподобная и убогая, кроткая и смирная вдовица, чернобурая лисица»,—«всѣмъ звѣрямъ и птицамъ духовница» — и попадаетъ къ ней въ когти. Желая спастись, онъ разсказываетъ, что на Крутицахъ умеръ главный пѣвчій, басъ, и архіерей приглашаетъ его, пѣтуха. Затѣмъ онъ разсказываетъ лисицѣ, что, когда онъ попадетъ въ пѣвчіе, ее устроитъ въ просвирни: «станешь ты,—говоритъ онъ,—по вся дни печи просвиры мягкія, варить каноны сладкіе, разводить сыту медвяную и тою сладостною пищею всѣ твои косточки и суставы наполнены будутъ». Лисица заслушалась пѣтуха, распустила когти и пѣтухъ взлетѣлъ на дерево.

Жизнь монастыря зло высмѣяна въ „Челобитной калязинскихъ старцевъ“.

Реалистическая повѣсть.

§ 70. *Реалистическая повѣсть.* Выше было указано, какое значеніе имѣли апокрифы въ исторіи всеобщей литературы: они вносили реализмъ въ разсказъ о событіяхъ священной исторіи; легенды, духовные стихи такое же значеніе имѣли по отношенію

къ церковному „житію“. Когда интересы „мірской“ жизни, интересъ къ „человѣку“ вообще, одержали верхъ надъ идеалами церковными, тогда стали складываться повѣсти, героями которыхъ являлись уже люди обыкновенные; такъ появилась реалистическая повѣсть, на первыхъ порахъ еще сохраняющая нѣкоторыя связи съ полуцерковной повѣстью, легендой и духовными стихами. Съ другой стороны, эта повѣсть опиралась и на устное творчество народа, бытовую сказку, былины-новеллы.

„О Горѣ-Злосчастьи“.

Такъ, напримѣръ, чудная повѣсть *„О Горѣ-Злосчастьи“* [1])— вся цѣликомъ вытекаетъ изъ духовныхъ стиховъ и народныхъ пѣсенъ — она близка къ нимъ и по образамъ и по настроенію.

Содержаніе.

Начинается повѣсть издалека,—ея запѣвъ о сотвореніи міра, о томъ, какъ грѣхъ завладѣлъ землей—звучитъ мрачно, величественно. Это—увертюра къ тяжелой человѣческой драмѣ. Отецъ съ матерью читаютъ сыну нравоученіе—предостерегаютъ отъ пировъ, отъ пьянства и разгула. Но сынъ былъ непокорливъ. Жить по завѣтамъ старины ему не подъ силу. Онъ не дорожитъ даже благословеніемъ родителей,—онъ вѣритъ въ себя, въ свои силы. Онъ чуетъ въ себѣ уже просыпающуюся личность, жаждетъ свободы и самостоятельности. Гдѣ легче всего найти свободу? — въ кабакѣ, гдѣ собираются такіе же «соколы залетные». Первые шаги оказались неудачны: героя напоили и ограбили. Проснувшись, онъ надѣваетъ на себя отрепья бродяги и горько шутитъ.

И родня, и друзья отъ него «отчитаются», «отпираются»... Онъ идетъ на сторону дальнюю, начинаетъ жизнь сызнова—«сталъ жить умѣючи и отъ великаго своего разума наживалъ имѣнья больше прежняго». Герой счастливъ, онъ женится. На брачномъ пиру онъ опять забылъ завѣты старины, забылъ, что «гнило слово похвальное»,—опять поднялъ голову, опять гордость заговорила въ немъ,—и сталъ онъ хвастаться. Услышало похвальбу «Горе-Злосчастье» и угрюмо отвѣтило про себя на эту похвальбу угрозой, что и «мудрѣе» были люди, чѣмъ онъ, — да и тѣхъ оно, Горе, заѣло.

Итакъ, Горе-Злосчастье — та грозная, неумолимая Судьба-доля, отъ которой не уйти человѣку даже въ могилу, не уйти даже тому, кто живетъ по «старымъ завѣтамъ», обставляетъ себя «умѣлою жизнью»,—не уйдетъ отъ горя и этотъ дерзкій юноша, слишкомъ вѣрящій въ себя. Горе является во снѣ молодцу въ видѣ свѣтлаго духа и уговариваетъ оставить невѣсту и пропить деньги. Онъ это продѣлываетъ и опять скитается бродягой по землѣ. Пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку, но денегъ у него не было, чтобы заплатить перевозчику. Съ горя хочетъ онъ утопиться, но Горе запрещаетъ ему это сдѣлать: грозное является оно молодцу и требуетъ покорности.

Молодецъ кланяется Горю своему. Онъ примиряется со своею участью, другими словами,—у него уже подрѣзаны тѣ вольныя крылья, что

[1]) Истор. Христ. вып. II, стр. 186.

унесли его изъ отчаго дома, а его «личность», съ которой онъ такъ носился, смята и уничтожена. Въ утѣшеніе, Горе даетъ ему равнодушіе къ горю: «не будь въ горѣ кручиноватъ: въ горѣ жить—не кручинну быть...». И вотъ, недавній соколъ, богатый и вѣрой, и силой—поетъ «хорошую напѣвочку».

Эта веселая, шутливая напѣвочка полна драматизма, — она пѣлась весело, но веселье это покрывало то горе, которое уже не знаетъ слезъ [1])... Пѣсня понравилась перевозчикамъ, они даромъ перевезли молодца, накормили его, одѣли и совѣтовали идти домой къ отцу-матери... Идетъ молодецъ домой, а Горе, что «ворона надъ соколомъ» каркаетъ, что нигдѣ не найдетъ онъ спасенія. Молодецъ напрягаетъ всѣ свои разбитыя силы, чтобы уйти отъ судьбы; онъ уже не борется—онъ безпомощно мечется во всѣ стороны, желая уйти отъ чудовища, его преслѣдующаго. Эта агонія, полная ужаса, отчаянія, передана въ дивныхъ образахъ, цѣликомъ взятыхъ изъ народныхъ пѣсенъ, а потому, быть можетъ, слишкомъ спокойныхъ и эпически безстрастныхъ:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травою,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злосчастіе надъ молодцомъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченной
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной!»...
Молодецъ пошелъ пѣшъ-дрогою,
А Горе подъ руку подъ правую,
Научаетъ молодца богато жить—
Убити и ограбити,
Чтобъ молодца за то повѣсили.

Молодецъ, истомленный и измученный этой травлей, идетъ въ монастырь.

А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется!

Историческое значеніе повѣсти.

Все это произведеніе очень любопытно. Однимъ концомъ оно все входитъ въ религіозныя настроенія древней Руси, — въ апоѳеозѣ представлено тихое убѣжище, монастырь, въ которомъ отъ „злой доли“ находили покой многіе несчастные люди,—съ другой стороны, произведеніе это глубоко захватывало жизнь русскаго человѣка XVI—XVII вв.: оно рисуетъ намъ въ рѣ-

[1]) „Напѣвочка“ эта и отчасти самый ообразъ героя использованъ недавно Римскимъ-Корсаковымъ въ образѣ Гришки Кутерьмы (опера „Китежъ“).

чахъ отца и матери всѣхъ добрыхъ людей повѣсти—въ идеалах старины,—ту мудрость „Домостроя“, которая выработана был

Герой повѣсти. вѣками для борьбы все съ тѣмъ же Горемъ-Злосчастьемъ. Н нашъ молодецъ—человѣкъ новаго времени: онъ чувствуетъ силу не защищаетъ себя идеалами старины. Онъ вѣритъ въ себя— оказывается беззащитнымъ передъ Горемъ — ничего онъ не мо жетъ ему противопоставить, кромѣ личной силы, а ея для тако борьбы еще мало,—и вотъ, онъ сокрушенъ, какъ бываютъ со крушены многія даровитыя личности въ эпохи переходныя,— бродяжничество, убійство, пьянство, разгулъ—вотъ, дорога дл многихъ такихъ „выбитыхъ изъ колеи“... Таковъ Ѳома Гор дѣевъ Максима Горькаго, начавшій съ протеста, кончившій по терей „личности“. Но нашъ молодецъ еще не совсѣмъ ото рвался отъ старины; онъ пытается найти спасеніе въ религіи, в приближеніи къ Богу своей измученной души.

Связь повѣсти съ житіями. Если мы сравнимъ повѣсть съ „житіями“, мы безъ труд увидимъ и здѣсь нѣкоторую связь. „Житіе“, по существу своем есть прославленіе человѣка, обратившагося къ Богу. А что был съ человѣкомъ *до* этого обращенія? Объ этомъ житіе, обыкно венно, молчитъ. Итакъ „житіе“ — это, во многихъ случаяхъ лишь *развязка* человѣческой драмы. *Завязку* и моментъ борьбы надо искать въ повѣстяхъ, въ родѣ „Горя-Злосчастья“. Инте ресъ къ нимъ характеризуетъ сознательное отношеніе обществ къ жизни. Передъ нами отвлеченный образъ—„типъ“ несчастнаго художественный синтезъ, создающійся изъ анализа внутренне жизни русскаго общества...

Горе-Злосчастье—судьба. Если мы обратимся къ народной поэзіи русской и славян ской, мы найдемъ сходные мотивы. Понятіе о „судьбѣ“, как рѣшительницѣ всей жизни человѣка, широко распространено у всѣхъ народовъ, особенно языческихъ. Христіанская вѣра въ за гробную жизнь, гдѣ праведники получаютъ вознагражденіе,— значительно обезсилила тотъ всемогущій образъ, который изъ ѳивскаго царя Эдипа сдѣлалъ, безъ его вины, слѣпца и изгнан ника. Для язычника не было утѣшенія въ надеждѣ на мило стивый судъ за гробомъ—и онъ смирялся передъ случайностям жизни, осмысливъ ее волею Судьбы. Народъ, даже съ приня тіемъ христіанства, не смогъ разстаться съ этимъ туманным образомъ „Судьбы“, и съ нимъ мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ пѣсенъ и сказокъ, въ длинномъ рядѣ синонимовъ-прозваній Судьбы

„участь“, „таланъ“, „безсчастье“, „горе“, „нужда“, „кручина“, „доля“, „злыдни“, „осудъ“, „удѣлъ“, „судьбина“.

„Судьба“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Отмѣчу кстати, что въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ со значеніемъ „недоли“ является „Обида“ — только здѣсь не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастья, а вся русская земля платится за грѣхи своихъ князей: до княжескихъ междоусобицъ, русское храброе гнѣздо „не было Обидѣ *порождено*“,—въ разгаръ же неустройствъ русской земли „возстала Обида въ силахъ Дажьбожья внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крилы на морѣ“...

Чтобы убѣдиться, какъ далеки мы съ этой повѣстью отъ древней письменности — сравнимъ это произведеніе, хотя бы, съ „Кіевскимъ Патерикомъ“. Тамъ передъ нами дѣйствуютъ „дѣти“,— и страхи дѣтскіе, и искушенія ребяческія. Въ повѣсти „о Горе-Злосчастьи“ „кривляющагося потѣшника“-бѣса нѣтъ, — передъ нами грозное чудовище, страшное своею безличностью, безформенностью... Искушеніе здѣсь сводится не къ нарушенію монастырскаго устава, а къ ломкѣ всего міросозерцанія. Тамъ паденія инока искупалось наказаніемъ игумена—здѣсь цѣною жизни.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ.

§ 71. Въ другомъ родѣ *„повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“* [1]). Она примыкаетъ къ житіямъ, разрабатывающимъ мотивъ о „продажѣ души человѣческой дьяволу“ за мірскія утѣхи,—мотивъ, богато разработанный въ литературѣ апокрифической и сказочной. Развитіе этого мотива привело на западѣ къ созданію „легенды о Фаустѣ“.

Содержаніе.

Время дѣйствія повѣсти—царствованіе на Москвѣ «богомерзкаго отступника еретика Гришки Разстриги Отрепьева». Ѳома Грудцынъ, по примѣру многихъ, уѣхалъ изъ безпокойныхъ мѣстъ, изъ Великаго Устюга, въ болѣе безопасный городъ Казань и здѣсь поселился. Ѳома занимался крупной торговлей. У него былъ сынъ Савва, котораго онъ понемногу пріучалъ къ торговому дѣлу. Однажды Савва, по торговымъ дѣламъ, былъ въ Орлѣ: съ нимъ повстрѣчался Боженъ, другъ его отца—старикъ «житья благоправнаго и зѣло богатый». Онъ предложилъ Саввѣ поселиться у него въ домѣ. Приведена рѣчь этого Божена, изъ которой онъ рисуется благожелательнымъ и добродушнымъ къ молодому человѣку, — онъ ласково попрекнулъ Савву за то, что тотъ попросту у него не остановился. Савва былъ польщенъ ласкою именитаго богача и «низко поклоненіе твори передъ нимъ».

Авторъ набросалъ намъ въ нѣсколькихъ чертахъ тяжелое положеніе русской земли, судьбу одного купеческаго семейства. Нѣтъ передъ нами

[1]) Истор. Христ. т. I, вып. 2, 192.

людей, особенно выдающихся святою жизнью,—все люди обыкновенные. Тонко обрисована личность старика Божена, раскрыта его душа; въ рѣчи его слышится настроеніе. Юноша Савва ничѣмъ злымъ себя не проявилъ,—въ отношеніи къ старому Божену онъ пока безукоризненно чистъ. Вмѣшивается въ ихъ отношенія «супостатъ-діаволъ»: онъ внушаетъ молодой женѣ Божена любовь къ Саввѣ. «Вѣсть бо женское естество уловлять умы младыхъ», — и Савва «падеся въ сѣть». Образъ жены Божена обрисованъ рѣзкими, сильными чертами: побѣжденная преступною страстью, она нарушаетъ всѣ благочестивые обычаи и вовлекаетъ Савву на этотъ путь легкаго отношенія ко всѣмъ завѣтамъ старины. Когда онъ попытался было разъ не уступить этой женщинѣ, попытался удержаться хоть на мигъ, видя, какъ онъ скользитъ въ пропасть грѣха и преступленія,—женщина рѣшилась мстить. Въ то время, какъ завязывается страшная драма въ сердцахъ двухъ молодыхъ людей, попавшихъ въ сѣти дьяволу, фонъ повѣсти остается такимъ же безоблачнымъ. Старикъ Боженъ ничего не подозрѣваетъ,—ходитъ съ «радостью» въ церковь и водитъ съ собою Савву. Между тѣмъ, жена его приготовила приворотный напитокъ. Дѣйствіе повѣсти развертывается медленно, авторъ не торопится довести до конца фабулу,—онъ задерживается на деталяхъ, на мелочахъ. Онъ разсказываетъ, какъ однажды былъ Боженъ съ Саввой въ церкви, какъ они встрѣтились тамъ съ воеводою, какъ воевода разспрашивалъ Божена и Савву о разныхъ разностяхъ, какъ зазвалъ ихъ къ себѣ и угостилъ. Въ этомъ стремленіи къ детальности—въ этой потребности полнѣе, всестороннѣе обставить дѣйствіе повѣсти—знаменіе новыхъ вкусовъ, новыхъ художественныхъ потребностей. Савва выпилъ поднесенный напитокъ. И началъ онъ съ тѣхъ поръ «сердцемъ тужити и скорбѣти по женѣ оной». Она же изъ мести отвергала его. Мало того—она добилась, что старый мужъ отказалъ Саввѣ отъ дому. Савва вернулся въ гостиницу и сталъ тосковать.

Хозяинъ гостиницы позвалъ волхва посовѣтоваться относительно Саввы,—тотъ посмотрѣть въ свои волшебныя книги и открылъ сердечную тайну Саввы. Между тѣмъ юноша таялъ не по днямъ. Разъ онъ, грустный, «изыде одинъ за городъ на поле отъ великаго унынія и скорби прогулятися».

Интересная деталь. Измученный тоской, юноша идетъ изъ шумнаго града на лоно природы, идетъ къ ней дѣлиться своимъ горемъ, въ ней набраться силъ для дальнѣйшей борьбы съ жизнью. Въ XVIII в... мы увидимъ, какъ на лоно матери-природы придутъ цѣлыя толпы чувствительныхъ людей съ больными сердцами.

Ходилъ Савва по полю и мелькнула у него мысль, что за возвращеніе потерянной любви онъ радъ бы даже «послужить дьяволу». Вдругъ услышалъ онъ голосъ, его зовущій. — Это былъ бѣсъ, который выдалъ себя за родственника Саввы; онъ разсказалъ, что скупаетъ лошадей и временно живетъ въ городѣ. Савва обрадовался родственнику. Тотъ спросилъ Савву, чтó съ него получитъ, если вернетъ ему любовь жены Божена. Савва наивно предложилъ деньги; дьяволъ «усмѣяся» и сказалъ, что денегъ не надо ему, а пусть Савва дастъ лучше «рукописаніе малонѣкое». Савва обрадовался такому выгодному обороту дѣла, при которомъ

цѣлы оставались деньги его отца и, самъ того не подозрѣвая, отрекся отъ Бога и отдался дьяволу.

Обѣщаніе свои дьяволъ выполнилъ, и Савва, при помощи его, побѣдилъ свою злодѣйку. Савва ведетъ безобразную жизнь, не обращая вниманія на письма матери. Дьяволъ однажды открылся Саввѣ, что онъ не родственникъ его, а сынъ царскій. И, возведя Савву на холмъ, показалъ «въ нѣкоемъ раздолѣ» городъ, сіяющій золотомъ, и сказалъ, что это его городъ. Савва съ дьяволомъ идутъ въ столицу сатаны. Сказочная роскошь, блескъ, богатство, почтеніе, — вотъ, чѣмъ окружены пришедшіе. Очевидно, царство Сатаны для людей XVII в. рисовалось не такимъ безобразнымъ и ужаснымъ, какъ ихъ предкамъ.

Отецъ Саввы отправился на поиски сына; онъ пишетъ Саввѣ нѣжное письмо, но юноша оторвался уже отъ семейнаго очага навсегда. Онъ путешествуетъ съ дьяволомъ по Волгѣ. Послѣ долгихъ странствій Савва съ дьяволомъ очутились въ г. Шуѣ. Здѣсь бѣсъ съ Саввою, прельстившись красивымъ зрѣлищемъ воинскаго ученія, рѣшили оба идти въ солдаты.

Савва на военной службѣ выдѣлился способностями. И, какъ командиръ ротный, Савва оказался на мѣстѣ: у него всѣ солдаты «во всякой тишинѣ и покоѣ пребываху; въ прочихъ же бо ротахъ молва и мятежъ непрестанный, яко отъ глада и наготы, непожалованны помираху». Во время войны подъ Смоленскомъ, Савва, благодаря бѣсу, побывалъ въ городѣ и высмотрѣлъ всѣ укрѣпленія. Кромѣ того, съ помощью бѣса Савва одерживаетъ верхъ надъ тремя поляками-поединщиками и на ратномъ полѣ отличается отвагой. Его начальникъ, бояринъ, сталъ ему завидовать и отправилъ изъ полка. Вернувшись въ Москву, Савва расхворался; пришлось ему исповѣдываться;—и тутъ явились бѣсы въ ужасныхъ образахъ и стали его мучить. Мученія продолжались долго. Разъ явилась къ нему ночью Богородица и милостиво предложила свое заступничество, обѣщавъ его вылѣчить и добыть «богоотметное» письмо, если Савва поступитъ въ монастырь. Во время крестнаго хода, въ присутствіи царя, произошло исцѣленіе Саввы отъ чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, и упало сверху писаніе. Савва кончилъ свои дни въ монастырѣ.

Личность героя.

Въ лицѣ Саввы мы видимъ родного брата тому молодцу, котораго Горе-Злосчастье тоже загнало въ монастырь. Оба они преступили завѣты старины, оба слишкомъ опрометчиво кинулись въ круговоротъ жизни, и, искалѣченные, попали въ тихое пристанище—монастырь [1]).

Итакъ Савва — тоже юноша новаго пошиба, который безъ труда рветъ все съ родной семьей, легко нарушаетъ обязанности гостя, — это тоже своего рода „герой времени". Талантливый, вездѣ умѣющій найтись, нигдѣ прочно не свившій гнѣзда, человѣкъ безъ воли, безъ принциповъ... Его злой геній, бѣсъ, такъ

¹) Источникомъ для этой повѣсти послужили тѣ легенды, въ которыя входятъ мотивы о продажѣ души бѣсу. Ср. Изъ житія св. Василія Кесарійскаго архіепископа, „Чудо о прельщенномъ отроцѣ" („Истор. Хрестом." т. I, вып. 2, стр. 12).

легко и свободно гуляющій по конной площади, надъ всѣмъ подтрунивающій — образъ живой, ничего демоническаго въ себѣ не имѣющій. Это esprit fort, свободомыслящій XVII в., предокъ россійскихъ вольтерьянцевъ XVIII в. Лишь въ испуганномъ во- ображеніи суевѣрнаго книжника этотъ образъ слился съ образомъ бѣса-искусителя. Въ повѣсти нашей вводится постоянно психо- логія, введено описаніе, иногда развертывающееся широко и сво- бодно.

Такъ, въ старыя формы приливаетъ новое содержаніе, рас- ширяя эти самыя формы, усложняя художественные пріемы твор- чества, приближая поэзію къ міру дѣйствительному. Повѣсть „о Саввѣ Грудцынѣ"—въ такомъ же отношеніи къ „житію", какъ и „Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи"; это тоже „завязка" драмы, которая привела къ борьбѣ и, наконецъ къ „развязкѣ"—жизни въ монастырѣ, въ общеніи съ Богомъ.

„Смѣхотворныя повѣсти" въ русскомъ творчествѣ.

Выше уже отмѣчено, какъ западная вульгарная легенда, по- павъ въ русскую землю, привилась и дала литературное потом- ство въ передѣлкахъ и подражаніяхъ. То же случилось и съ смѣхотворными повѣстями. „Сказка о нидерландскомъ татѣ" по- пала на лубки и присоединилась къ циклу народныхъ сказокъ о „хитромъ ворѣ". „Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ", популярная до сихъ поръ, въ основѣ имѣетъ западный разсказъ о похожденіяхъ неумѣлыхъ упрямыхъ шутовъ. На старыхъ лубочныхъ картинахъ оба брата изображены еще въ нѣмецкихъ шутовскихъ костюмахъ.

Возникновеніе у насъ „пародіи", сатиры.

Смѣхотворная повѣсть вела къ сатирѣ. Является пародія на похожденія старыхъ богатырей. Иванъ-дуракъ, Алеша Голопу- зый, Ѳома Беренниковъ — все это богатыри новаго пошиба, ко- торые сражаются съ комарами и мошками, однако, сопоставляются съ Ильей Муромцемъ и Добрыней. Иванъ-Дуракъ—старшій бога- тырь, Илья—его подначальный. Непосредственная находчивость простака, а, съ другой стороны, наглость и нахальство „новаго" человѣка—создаютъ ему такую славу, передъ которой блѣднѣютъ строгіе образы старыхъ богатырей. Ясно, что наступила пора новыхъ вкусовъ, новыхъ міровоззрѣній,—пора „новыхъ людей", „Ершей Ершовичей", ловкихъ женъ, хитрыхъ плутовъ, Ива- новъ-дураковъ... Пусть народъ относится къ нимъ какъ будто иронически—они всетаки его герои,—онъ, посмѣиваясь, любуется ими.

Переломъ русской исторіи.

Эта новая пора совпала съ переломомъ русской исторіи. Пре- кратился старый родъ Рюриковичей, явились на престолѣ

коло престола новые люди,—передъ изумленнымъ народомъ то монахъ-разстрига садится на престолъ, то является чужой королевичъ, какіе-то проходимцы во главѣ казачьихъ бандъ берутся за рѣшеніе вопросовъ общегосударственныхъ, какой-то невѣдомый ...сникъ освобождаетъ Москву, мужичокъ спасаетъ царя... Все ...о было „новое", неожиданное, какъ появленіе Ерша передъ ...окойнымъ соннымъ судомъ благородныхъ представителей стараго ...клада рыбьяго царства!..

Въ литературной жизни было тоже много новаго. Явились съ ...пада свѣтскія произведенія. Народное творчество, уже подошедшее ...разрыву съ тѣми связями, что не давали простору личности въ ...тіяхъ и церковныхъ легендахъ, — встрѣтилось теперь съ художественными образцами, въ которыхъ всѣ человѣческія дѣянія ...тко и свободно разрѣшались здѣсь, на землѣ, помимо воли угодниковъ, Бога и Богородицы, помимо монастыря. Мало того, этими ...выми произведеніями вносились въ обиходъ русскаго человѣка ...вые понятія, новые интересы, новые художественные пріемы: ...бовь къ женщинѣ, стремленіе къ широкимъ горизонтамъ, къ ...тальности письма, къ углубленію въ психику героя. Въ этомъ ...ношеніи, особенно назидательно было чтеніе „Римскихъ Дѣяній",—а для развитія реализма—чтеніе фацецій.

§ 72. Подъ такими сложными вліяніями создалась повѣсть „*О Фролѣ Скобѣевѣ*" [1]). Произведеніе это поразительно сво...ъ реализмомъ и объективизмомъ: нѣтъ въ немъ фантастики, ...ѣтъ сатирическаго отношенія къ событіямъ, нѣтъ желанія преподнести читателю какое-нибудь нравоученіе. Повѣсть о „Фролѣ Скобѣевѣ.

Дѣйствующія лица повѣсти почти всѣ носятъ историческія ...ена, но авторъ повѣсти, пользуясь фамиліями, современными ...у, иногда искажалъ фамиліи, свободно распоряжался съ ти...лами. Это, конечно, ясное доказательство, что простой, на пер...й взглядъ, безхитростный разсказъ, близкій къ правдивому ...ложенію дѣйствительности, есть, на самомъ дѣлѣ, художе...венное сплетеніе истины съ поэтическою ложью, что съ точки ...ѣнія историка литературы только придаетъ цѣнность этому ...оизведенію. Очевидно, фамиліи общеизвѣстныхъ современниковъ ...ты для того, чтобы придать произведенію болѣе правдоподобія.

Содержаніе. Бѣдный новгородскій дворянинъ Фролъ Скобѣевъ промышлялъ мелкими ...иказными дѣлами, судейскими кляузами—«ябедой».

---

[1]) Истор. Христ. т. I, вып. 2, стр. 201.

Узнавъ, что у богатаго стольника Нордина-Нащокина есть дочь А-нушка, Фролъ «взялъ себѣ намѣреніе, чтобы возымѣть любленіе съ то Аннушкой». Познакомившись съ нянькой, старой мамкой Аннушки, о ввелъ въ домъ стольника свою сестру и разъ, вмѣстѣ съ нею, переодѣт «дворянской дѣвушкою», проникъ къ Аннушкѣ, «для веселости на веч рпнку». Мамку онъ подкупилъ 5-ю рублями, открывъ ей свои намѣрен Она выдумала игру въ «жениха и невѣсту», при чемъ Аннушка предст вляла невѣсту, а Фролъ — жениха. Эта игра дала возможность Фро уединиться съ Аннушкой и открыться въ любви.

Между тѣмъ, отецъ Аннушки, жившій въ Москвѣ, выписалъ ее ту чтобы выдать замужъ. Фролъ, обласканный Аннушкой и одаренный р блями, рѣшился не упускать добычи—онъ ѣдетъ за нею въ Москву: «о Аннушки не отстану; или буду полковникъ, или покойникъ»,—говори онъ; при помощи мамки онъ продолжаетъ свиданья свои съ не Узнавъ однажды, что отецъ собирается отправить ее на время къ тетк которая была игуменьей въ монастырѣ, Фролъ рѣшается воспользоват случаемъ и похитить дѣвушку. Для этого ему нужна была карет Онъ рѣшился ее попросить у стольника Ловчикова, якобы для то чтобы ѣхать на смотрины. Ловчиковъ пользовался его услугами на с дахъ, а потому не отказалъ ему въ его просьбѣ. Фролъ подпои кучера, скралъ Аннушку, переодѣвшись кучеромъ и разыгравъ его ро прекрасно. Вся эта сцена похищенія разсказана мастерски. Затѣмъ, пр ведя Анну въ свой домъ, онъ лошадей съ пьянымъ кучеромъ пустилъ волю, и тѣ сами побрели домой.

Старый стольникъ былъ увѣренъ, что дочь его гоститъ у тетки, ч та присылала за нею карету. Прошло много времени прежде, чѣмъ откр лась пропажа Аннушки. Убѣдившись, что дочь похищена, стольникъ п ѣхалъ съ жалобой къ царю: «и велѣлъ государь учинить публикацію той стольничей дочери,—ежели кто ее содержитъ тайно, чтобы объявил а ежели кто не объявитъ, а сыщется послѣ, то смертью казненъ будетъ Скобѣевъ забезпокоился, почуялъ бѣду и явился къ Ловчикову. Слѣдуе сцена, полная жизни, разработанная съ психологической стороны оче тонко. Ловчиковъ встрѣчаетъ Флора съ снисходительной ироніей: чу ствуется, что передъ нами важный бояринъ и мелкая сошка. Фролъ ра сказываетъ, что жена его—Аннушка. Ловчиковъ отъ изумленія переше къ негодованію: его боярская спѣсь возмущена. Фролъ смиренно проси его быть посредникомъ и уговорить старика Нординъ-Нащокина прости его, Фрола. Ловчиковъ съ негодованіемъ отказывается. Тогда Фролъ так смиренно переходитъ отъ просьбы къ угрозѣ: «ежели ты предстательств вать не будешь обо мнѣ, то и тебѣ будетъ не безъ злого,—мнѣ уже пр шло показать на тебя для того, что ты возниковъ и карету дава Ежели бъ ты не далъ, и мнѣ бы безъ того не учинить». Зная талан Флора по части «ябеды» и «кляузъ», видя, что попалъ въ сообщни грязнаго плутовства, чуя въ будущемъ розыски, быть можетъ пытк Ловчиковъ сталъ «въ великомъ сумнѣніи» и сказалъ ему: «настоящій плутъ, что ты надо мною сдѣлалъ? Добро. Какъ могу, буду предстате ствовать».

Скобѣевъ покаялся Нордину; тотъ сгоряча хотѣлъ было ѣхать

царю, но стольникъ Ловчиковъ подошелъ къ нему и «сталъ его разговаривать», и убѣдилъ старика прежде посовѣтоваться съ женою. Дома происходитъ трогательное объясненіе боярина съ его престарѣлою подругою. Оба въ горѣ, но родительская любовь къ единственной дочери побѣждаетъ обиду. Они посылаютъ слугу справиться о здоровьи дочери. Фролъ, замѣтивъ посланнаго и смекнувъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ женѣ притвориться больной, а посланному сказалъ, что его жена больна вслѣдствіе гнѣва родительскаго: они ее заочно бранятъ и клянутъ, и отъ того она при смерти лежитъ. Старики повѣрили всему и «пребезмѣрно» горевали: забывъ о Фролѣ, они думали лишь о здоровьи дочери. Старая боярыня стала говорить мужу: «Ну, мой другъ, благословимъ ихъ хоть заочно, а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣться съ ними и сами». «И сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ съ драгимъ камнемъ, такъ что прикладу всего на 500 р.—и послали съ тѣмъ же человѣкомъ и приказали сказать, чтобъ они оному образу молились; а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ». — Конецъ этотъ великолѣпенъ художественною тонкостью выраженнаго въ немъ настроенія: здѣсь чувствуется, какъ успокаивается буря негодованія въ душѣ стариковъ, какъ родительское чувство побѣждаетъ обиду, и въ то же время нѣтъ силъ все простить, хочется чѣмъ-нибудь уязвить негодяя-Фролку. Этотъ маленькій штрихъ, быть можетъ, проведенный анонимнымъ авторомъ ненамѣренно, однако, такъ умѣстенъ въ художественномъ отношеніи, что онъ одинъ подымаетъ эстетическую цѣнность разбираемаго произведенія.

Наконецъ, Фролка, не вѣрующій, очевидно, «ни въ сонъ, ни въ чохъ», видя посланнаго стариками съ образомъ, приказалъ женѣ выздоровѣть и слугѣ боярскому смиренно замѣтилъ: «таково-то родительское благословеніе; и заочно имъ не оставили, и Богъ далъ Аннушкѣ здоровья: нынѣ слава Богу здорова. Благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою». Въ этихъ лукавыхъ словахъ слышится иронія надъ старыми простодушными людьми, легко вѣрящими всему, а эпитетъ «заблудшая», въ приложеніи къ Аннушкѣ, уже ясно говоритъ намъ, что торжествующій плутъ не въ силахъ былъ удержаться отъ издѣвательства надъ простотою обманутыхъ имъ людей. Старики, между тѣмъ, болѣли душою по своей дочери: «какъ, другъ, быть?» сказалъ бояринъ женѣ: «конечно, плутъ заморитъ Аннушку: чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ, какъ собака, голоденъ». И вотъ отъ боярскаго двора тянутся подводы съ запасами, потомъ съ имуществомъ, потомъ тайные подарки старой боярыни. Фролъ Скобѣевъ, «даже по реестру не посмотря», приказываетъ все складывать въ свои чуланы.

Прошло еще нѣсколько времени, и старики рѣшили простить дочь и зятя. Они приглашены къ обѣду. «Усмотрѣлъ Ординъ-Нащокинъ дочь свою преклоненну», сталъ съ матерью вмѣстѣ бранить ее и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ, и, смотря на нее, плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родительской, проклиная жизнь ея словами своими». Простивъ дочь, старикъ велѣлъ ей садиться за столъ и оборотился затѣмъ къ Фролу: «А ты, плутъ, что стоишь? Садись тутъ же. Тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моею!». И Фролъ сказалъ: «Ну, государь-батюшка, уже тому такъ Богъ судилъ!». Этотъ маленькій діалогъ тоже полонъ правды.

Много словъ оказалъ старикъ своей «заблудшей» дочери, а для зятя не стоило метать бисера: «чего стоишь, садись тутъ же» — вотъ и все. И какъ хорошъ развязный отвѣтъ Фрола, почуявшаго, что онъ побѣдилъ.

Слугамъ своимъ Ѻординъ-Нащокинъ не велѣлъ никого принимать, всѣмъ отказывать: «время-де, такого нѣтъ, чтобы видѣть стольника, для того, что съ зятемъ своимъ, съ воромъ и плутомъ Фролкою, кушаетъ...». Послѣ обѣда старикъ спросилъ зятя, чѣмъ онъ будетъ жить. Фролка, мѣтя въ самое больное мѣсто старика,—въ его самолюбіе, смиренно отвѣчалъ, что, по бѣдности, будетъ принужденъ жить «ябедами». Стольникъ, желая спасти дочь отъ позора быть женою «ябедника», даетъ Фролу вотчину и денегъ. Фролъ кланяется до земли. «Плутъ, не кланяйся! поди самъ справь за собой», сурово прерываетъ старикъ признательныя рѣчи зятя. Чувствуется, какой будетъ конецъ всей этой исторіи. Старикъ будетъ нѣжно любить до конца жизни Аннушку, Фролъ до ихъ смерти не отдѣлается отъ эпитета «плутъ», но будетъ блаженствовать на счетъ своихъ богатыхъ родственниковъ, не обижаясь на кличку «плута».

Эта повѣсть была воплощеніемъ «новаго міросозерцанія»,—въ ней нашелъ полное и блестящее изображеніе «новый» человѣкъ, явившійся на смѣну людямъ стараго уклада.

Литературная судьба повѣсти.

Произведеніе это подверглось въ XVIII в. интересной историко-литературной обработкѣ въ сборникѣ Новикова („Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ“). Тамъ же есть рядъ повѣстей изъ русской жизни приблизительно той же эпохи и того же характера, что̀ и повѣсть о Фролѣ. Можно думать, что всѣ эти произведенія—такая же литературная обработка повѣстей, до насъ не дошедшихъ. Если это такъ, то одиночная повѣсть о Фролѣ окажется окруженной цѣлымъ рядомъ повѣстей того же типа.

Значеніе этихъ повѣстей.

Всѣ эти повѣсти, въ художественномъ отношеніи, отразили „новые вкусы“... Стремленіе къ реализму, къ изображенію дѣйствительности,—„живства“, начавшееся давно, нашло въ нихъ свое литературное выраженіе.

Если для русской иконописи западные образцы были той силой, которая освободила художественное сознаніе отъ рутинерства, то переводы и широкое распространеніе въ XVI в. свѣтскихъ повѣстей, даже новеллъ Боккачіо,—а, на ряду съ этимъ, развитіе русской сатиры, охватившей и монашество, и суды, и мѣстничество,—все это, вмѣстѣ взятое, помогло русскому книжнику продолжить развитіе русской повѣсти. Такъ получилась бытовая повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. Этотъ герой—

Личность героя.

уже не игрушка въ рукахъ злыхъ и добрыхъ началъ,—у него своя воля, свои желанія—за нихъ онъ будетъ разсчитываться самъ, не взваливая вины на дьявола и не считая себя очень

обязаннымъ небесной помощи. Названная повѣсть, несомнѣнно, возникла на русской почвѣ—къ ней подошли всѣ разобранныя выше произведенія,—вся обстановка, все міросозерцаніе, всѣ лица въ ней самаго россійскаго пошиба.

Хотя сюжетъ этой повѣсти очень распространенъ въ „плутовскихъ“ романахъ запада, хотя отдѣльные моменты фабулы могутъ быть признаны „общими мѣстами“ (переодѣванье героя въ женское платье, притворная болѣзнь жены Скобѣева),—но всѣ данныя повѣсти, всѣ ея характерныя особенности указываютъ ясно, что здѣсь можно говорить лишь о заимствованіи „идеи“ изобразить дѣйствительный фактъ, литературная цѣнность котораго до появленія у насъ фацецій и смѣхотворныхъ повѣстей, никому не приходила еще въ голову.

Исправленіе стараго въ московской жизни.

§ 73. 1) *Исправленіе стараго въ московской жизни.* Уже въ XVI в. Москва была полна сомнѣній религіозныхъ и умственныхъ: пропаганда католиковъ, пропаганда протестантовъ, борьба съ вольнодумцами, учениками жидовствующихъ, неурядицы въ церкви, сказавшіяся въ длинномъ рядѣ вопросовъ, часто мелкихъ съ нашей точки зрѣнія,—но всегда очень крупныхъ—съ точки зрѣнія москвичей той поры. Вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ, объ исправленіи книгъ, о двуперстіи и троеперстіи [1]), о двоеніи и троеніи аллилуіа [2]),—о хожденіи въ крестномъ ходѣ „посолонь“, по солнцу, или противъ,—все это вопросы, поднятые и неразрѣшенные въ XVI в. Почти всѣ они мелки въ своей сущности, но громадны по тѣмъ историческимъ послѣдствіямъ, къ которымъ привело ихъ рѣшеніе, и очень интересны для пониманія русской культуры того времени.

Выше отмѣчено уже, что, въ религіозномъ отношеніи, наши предки были большими формалистами: людей образованныхъ не было—были лишь „начетчики“, которые, по словамъ старца Арсенія, „не знали ни православія, ни кривославія,—только божественное писаніе по черниламъ проходили, не добираясь до смысла“. Немудрено, что у нихъ „религія превращалась въ рядъ молитвенныхъ формулъ, а молитвенная формула пріобрѣтала магическій смыслъ“.

Оттого каждая буква, каждое слово пріобрѣтало особое значеніе,—тревогой билось сердце у каждаго правовѣрнаго, когда

---

[1]) Т. е. сколько пальцевъ надо складывать для крестнаго знаменія—два, или три.
[2]) Два или три раза надо пѣть „аллилуіа“.

онъ встрѣчалъ какое-нибудь отклоненіе отъ стараго уклада. Съ ужасомъ сообщаетъ лѣтописецъ подъ 1476 г., что „нѣкіе философы начали пѣть: „о, Господи, помилуй“, когда другіе, по старинѣ, пѣли просто: „Господи, помилуй“.

Такая чуткость къ буквѣ создала весь расколъ.

Аллилуіа.

Однимъ изъ крупныхъ вопросовъ, волновавшихъ церковь, былъ вопросъ объ „аллилуіа“. Въ Византіи и у насъ въ древней Руси—этотъ припѣвъ троился и двоился одинаково безразлично. Въ XVI в. было обычно употребленіе сугубаго (двойного) аллилуіа въ Москвѣ. Максимъ Грекъ его поддержалъ; Стоглавъ предписалъ сугубить его, признавъ трегубое пѣніе—латинскимъ.

Перстосложеніе.

Вопросъ о перстосложеніи тоже пережилъ у насъ длинную исторію; въ первую пору христіанства крестились безразлично: и двумя перстами, и тремя. Такое же безразличное отношеніе къ этому обряду было сначала и у насъ. Съ XV в. двуперстіе является преобладающимъ. Въ XVI в. Максимъ Грекъ и митрополитъ Даніилъ рѣшительно стояли за двуперстіе; отцы Стоглаваго собора утвердили это мнѣніе, какъ правильное и обязательное; сомнѣнія улеглись на время благодаря Стоглавому собору.

Исправленіе книгъ.

Исправленіе книгъ подняло всѣ жгучіе вопросы и страшно обострило ихъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ поощрилъ печатаніе книгъ, и при немъ впервые была образована комиссія справщиковъ. Но справщики дѣлали исправленіе книгъ по старымъ русскимъ спискамъ, не справляясь съ греческими. Вслѣдствіе этого, въ печатныя изданія, выходившія подъ редакціей этихъ справщиковъ, внесены были тѣ мнѣнія, которыя впослѣдствіи сдѣлались основаніями раскола (двуперстіе, сугубое аллилуіа). Паисій, патріархъ іерусалимскій, пріѣхавшій въ Москву въ 1649 г., нашелъ въ московской церкви много отклоненій. По приказанію царя, посланъ былъ на православный востокъ Арсеній Сухановъ—собирать греческія рукописи и присмотрѣться къ церковнымъ обычаямъ и обрядамъ. Результатомъ этой посылки было описаніе 3-хъ-лѣтняго путешествія Суханова въ „Статейномъ спискѣ“, въ „Преніи съ греками о вѣрѣ“ и въ „Проскинитаріи“.

Арсеній Суховъ.

Арсеній былъ въ Молдавіи, въ Іерусалимѣ, Александріи, былъ даже въ Грузіи. Результаты наблюденій оказались очень печальны: вездѣ былъ полный безпорядокъ въ отправленіи обрядовъ. Поражены были въ Москвѣ, узнавъ, что у грековъ обычно

латинское крещеніе обливаньемъ (не погруженьемъ), что патріархъ іерусалимскій бываетъ въ гостяхъ у армянъ и франковъ, что турецкій паша обѣдаетъ у патріарха.—Вопросы объ аллилуіа и сложеніи перстовъ на востокѣ, въ большинствѣ случаевъ, разрѣшались не въ пользу Москвы [1]).

Авторитетъ православнаго востока потерялъ всякую цѣну. И власти московскія рѣшили продолжать дѣло исправленія ощупью, за свой страхъ... Это робкое блужданье съ завязанными глазами продолжалось до Никона. Явился онъ—и, съ отвагою истаго революціонера, повелъ напроломъ церковную реформу.

Патріархъ Никонъ.

Прежде всего, завелъ онъ единогласное пѣніе, чѣмъ сразу возбудилъ негодованіе многихъ. Одинъ старый священникъ укорялъ сторонниковъ новшества: „Заводите вы, ханжи, ересь новую,—единогласное пѣніе, бѣса имате въ себѣ, ханжи". Другой оппонентъ заявлялъ, что лучше умретъ, а на такое новшество не пойдетъ. Никонъ ломилъ всякое сопротивленіе, въ особенности, когда вступилъ на патріаршій столъ. Исправленіе книгъ онъ взялъ въ свои руки и довѣрилъ его одному изъ грековъ, Арсенію, и нѣсколькимъ образованнымъ кіевлянамъ. Выборъ былъ сдѣланъ неудачно: Арсеній былъ ловкій пройдоха, во время своихъ блужданій по бѣлу свѣту, побывавшій и уніатомъ, и магометаниномъ, и свѣтскимъ, и монахомъ. Въ Москву онъ пріѣхалъ съ Паисіемъ и здѣсь остался. Дурное поведеніе привело его къ заточенію въ Соловки, гдѣ онъ вскорѣ вполнѣ освоился: хвалилъ всѣ русскія порядки, ругалъ греческіе: въ результатѣ, его исправленію повѣрили, вернули въ Москву, и Никонъ поручилъ ему исправленіе книгъ. Товарищи его кіевляне были не чужды католическихъ тенденцій.

Арсеній-грекъ

Отношеніе Москвы къ юго-зап. Руси.

До XVI в. отношенія Москвы къ юго-западной Руси были вполнѣ дружественны. Связи поддерживались, главнымъ образомъ, благодаря церкви: московскіе митрополиты ставили епископовъ въ юго-западной Руси. Связи эти стали опять усиливаться въ

---

[1]) Греки однимъ своимъ поступкомъ—именно сожженіемъ на Аѳонѣ церковныхъ книгъ московской печати—сильно раздражили Арсенія. Къ этому присоединились еще наговоры со стороны славянскихъ монаховъ на грековъ, которые-де ненавидятъ славянъ. Раздраженный такими наговорами, Арсеній вступалъ въ бесѣды съ греческимъ духовенствомъ, и результаты своихъ преній изложилъ въ особой книгѣ. Здѣсь Арсеній сталъ на точку зрѣнія „третьяго Рима" и вывелъ заключеніе, что русское православіе стоитъ выше всего и что русскіе могутъ не обращать вниманія на наставленія грековъ. Его книга впослѣдствіи для раскольниковъ служила авторитетомъ и въ части русскаго общества поддерживала недовольство греками и греческимъ ученіемъ.

XVII в., когда, оказывая нравственную и матеріальную поддержку юго-западной Руси, Москва, въ это время, стала пользоваться плодами возникшаго тамъ образованія. Особенно цѣнны для Москвы были книги юго-западной печати.

Со времени митрополита Филарета, привезшаго изъ польскаго плѣна въ Москву предубѣжденіе противъ юго-западнаго православія, было постановлено на духовномъ соборѣ всѣхъ пріѣзжихъ южноруссцевъ испытывать въ вѣрѣ и подвергать ихъ вторичному крещенію, если явятся сомнѣнія въ ихъ православіи. Такое же строгое отношеніе было примѣнено и къ твореніямъ юго-западныхъ ученыхъ: многія богословскія сочиненія ихъ были сожжены „на пожарѣхъ"... Послѣ смерти Филарета книги „литовскаго" письма опять нашли доступъ и распространеніе въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, къ юго-западнымъ ученымъ въ Москвѣ относились съ сомнѣніемъ,—и вдругъ Никонъ поручилъ имъ исправленіе книгъ подъ руководствомъ Арсенія, грека!

Реформы Никона и ихъ результаты.

Въ 1653 г. Никонъ, опираясь на греческій обычай, приказалъ по всей Руси креститься только тремя перстами. Возникшая оппозиція была сурово раздавлена, особенно послѣ обостренія личныхъ отношеній на соборѣ: многіе и видные священнослужители, напр., извѣстный Аввакумъ, разосланы были по далекимъ, глухимъ монастырямъ. Одинъ изъ епископовъ былъ лишенъ епископіи и сосланъ. Эти крутыя мѣры рисуютъ во весь ростъ величественную фигуру Никона,—этого Петра Великаго въ церковной реформѣ: какъ впослѣдствіи Петръ ломалъ все старое и давилъ оппозицію,—такъ и Никонъ велъ свое дѣло прямолинейно и круто. Для исправленія книгъ собрано было въ Москвѣ огромное число рукописей греческихъ,—за ними посылали на Аѳонъ и въ другія мѣста Греціи того же Арсенія Суханова. Работа по редактированію и печатанію книгъ пошла быстро, но не съ достаточной добросовѣстностью. Въ „Служебникѣ", выпущенномъ въ свѣтъ этими справщиками проклиналось двуперстіе, отметалось слово „истиннаго" въ 8-мъ членѣ Символа Вѣры; книга эта во всѣхъ концахъ Россіи вызвала недоумѣнье, негодованье: монахи ссорились по монастырямъ, епископы отказывались принимать новыя книги; во многихъ мѣстахъ стали писаться отвѣты... Особенно энергично возстали Соловки; братія и игуменъ рѣшили лучше умереть за старую вѣру, но не принимать новыхъ ученій. Изъ Соловецкаго монастыря стали являться энергическія сочиненія противъ тро-

Возникновеніе раскола.

перстія, оттуда раздались впервые предостереженія противъ Никона, какъ „мысленнаго“ Антихриста [1]),—указаніе на то, что конецъ міра близокъ... Когда Никонъ разошелся съ царемъ, стражи древняго благочестія подняли головы и стали писать къ царю челобитную за челобитной. Челобитная Соловецкаго монастыря отличается энергическимъ тономъ и кончается рѣшительнымъ восклицаніемъ: „Лучше намъ умереть временною смертью, чѣмъ вѣчно погибнуть. Пусть насъ предадутъ огню и мукамъ новые учители, но мы не измѣнимъ апостоламъ и отечественному преданію“... Соборъ 1666 г., въ которомъ принимали участіе патріархи александрійскій и антіохійскій, осудилъ Никона, какъ человѣка, и энергично поддержалъ его, какъ реформатора. Царь не внялъ челобитнымъ ревнителей „старой вѣры“; съ этого момента примиренія больше не могло быть, и религіозное міросозерцаніе русскаго общества раскололось на два, враждебныхъ одно другому.

Ожиданіе конца міра.

Ревнители стараго благочестія стали готовиться къ концу свѣта: годъ собора „1666“ слишкомъ подходилъ къ числу апокалипсическаго звѣря. По Апокалипсису, царство Антихриста на на землѣ продолжится $2^1/_2$ года, т. е. до 1669 г., а затѣмъ померкнетъ солнце, звѣзды угаснутъ, сгоритъ земля... Съ 1668 г. многіе не хотѣли обрабатывать землю, молились, пріобщались, каждую ночь ждали трубы архангела, лежа въ гробахъ... Тревожные дни миновали, свѣтопреставленія не наступило, — тогда начетчикъ, провѣривъ свои хронологическіе разсчеты, призналъ свою ошибку: считать надо было не съ Рождества Христова, а съ Воскресенія его, т. е. накинуть 33 года земной жизни Христа,—оказалось, годомъ появленія настоящаго Антихриста надо считать 1699 г. [2]).

---

[1]) Одинъ изъ противниковъ реформы утверждалъ, что царство Антихриста началось съ раздѣленія церквей; предтечи его—папы. Никонъ же и есть самъ Антихристъ,—что явствуетъ, хотя бы, изъ того, что, по Апокалипсису, Антихристъ созидаетъ храмъ Соломоновъ,—между тѣмъ, Никонъ, какъ извѣстно, создалъ „новый Іерусалимъ“, въ которомъ выстроилъ „Воскресенскій монастырь“.

[2]) По странной случайности, 25 авг. 1698 г., т. е. за 5 дней до новаго года (тогда годъ начинался съ сентября) пріѣхалъ изъ-за границы Петръ. Народъ былъ пораженъ тѣмъ, что царь не зашелъ поклониться святынямъ московскимъ, а проѣхалъ прямо въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь онъ пировалъ у Лефорта, а на слѣдующій день сталъ рѣзать бороды боярамъ, пріѣхавшимъ его поздравить. Въ новый годъ царь не былъ въ церкви, не былъ у патріарха, и скоро приступилъ къ расправѣ съ стрѣльцами. Позднѣе народное воображеніе было потрясено введеніемъ новаго календаря, при чемъ говорили, что „царь укралъ у Бога 8 лѣтъ“, сосчитавъ отъ Р. Хр. не 5508 л., а 5500. Установленіе считать новый годъ съ января показалось страннымъ: въ январѣ змѣй не могъ бы соблазнить Евы, такъ какъ яблоки созрѣваютъ къ осени, а

Латинствующее духовенство и московско-греческое. Но если волновался простой народъ, оставшійся вѣрнымъ „старинѣ“, то далеко неблагополучно обстояло и въ передовой партіи, которая шла по пути реформъ. Мы видѣли уже, что всѣ эти реформы не опирались на что-нибудь точное, опредѣленное,— искать авторитета было негдѣ. Пока былъ во главѣ этого дѣла Никонъ, авторитетомъ была его воля,—съ удаленіемъ же его, начались новые непорядки и раздоры. Раздоры возникли среди тѣхъ лицъ, которымъ поручена была судьба русской богослужебной книги: явились среди нихъ двѣ партіи—одна была *латинствующая*, быть можетъ, безъ собственнаго вѣдома, — другая православная, въ *московско-греческомъ* духѣ. Крупнымъ представителемъ второй былъ Епифаній Славинецкій, ученикъ Кіевской академіи, вынесшій оттуда уваженіе къ греческой церкви и отвращеніе къ католической. Въ Москвѣ онъ пришелся ко двору и скоро сталъ на стражѣ московскаго благочестія. Это былъ человѣкъ, который воздерживался отъ активной борьбы съ латинствующими современниками, изъ которыхъ самое видное мѣсто занималъ Симеонъ Полоцкій, одинъ изъ талантливѣйшихъ людей своего времени, поэтъ и драматургъ и, при всемъ томъ, человѣкъ придворный, умѣвшій очаровывать сердца сильныхъ и рѣчами, и стихами, и манерами... Славинецкій принципіально расходился съ нимъ, но оставался его другомъ до смерти. Вражда вспыхнула между ихъ учениками. Ученикомъ Славинецкаго былъ Евѳимій, монахъ стараго закала, со строгимъ взглядомъ на жизнь, не отличавшійся блескомъ способностей, но человѣкъ убѣжденный и болѣе страстный, чѣмъ его учитель. Ученикомъ Симеона былъ Сильвестръ Медвѣдевъ—одна изъ любопытнѣйшихъ личностей этой эпохи. Ближайшій сотрудникъ правительницы Софіи и Василія Голицына, онъ, подъ своей скромной монашеской рясой, скрывалъ честолюбивое сердце общественнаго дѣятеля, съ самыми смѣлыми мечтами. Онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя нѣкоторыя католическія мнѣнія и имѣлъ неосторожность выступить съ ними открыто. Особенно возсталъ на него Евѳимій— разгорѣлась полемика. Въ полемикѣ этой приняли сторону Евѳимія пріѣхавшіе тогда въ Москву ученые братья греки Лихуды. Сильвестра поддерживали ученые юго-западной Руси. Въ средѣ

(Славинецкій и Полоцкій.) (Евѳимій и Медвѣдевъ.) (Братья Лихуды.)

не среди зимы. Поразилъ всѣхъ и титулъ *императоръ*, — слово, число буквъ котораго по славянскому счисленію—666, если выкинуть букву *м*. Все это, вмѣстѣ взятое, было въ глазахъ раскольниковъ явнымъ доказательствомъ, что царь Петръ— Антихристъ (Милюковъ).

реформаторовъ русской церкви возникъ соблазнительный расколъ, захватившій умы очень многихъ московскихъ людей. Одна партія стала за Евѳимія, Лихудовъ и патріарха, — другая, въ которой было нѣсколько архіереевъ и царевна Софія, — за Медвѣдева. Сильвестръ собиралъ къ себѣ и знатныхъ, и простыхъ, стрѣльцовъ, и купцовъ и ораторствовалъ съ ними о спорныхъ церковныхъ вопросахъ, а попутно готовилъ торжество правительницѣ Софьѣ. Участіе въ дѣлѣ Шакловитаго рѣшило судьбу Сильвестра; онъ, монахъ, кажется мечтавшій о патріаршей митрѣ, сложилъ свою дерзкую голову на плахѣ, — съ нимъ вмѣстѣ пали и тѣ принципіальные вопросы, которые онъ подымалъ такъ храбро. Соборъ 1690 года осудилъ не только Медвѣдева, но и Симеона Полоцкаго, тогда уже покойнаго, осудилъ почти всю юго-западную литературу: сочиненіе Полоцкаго „Мечъ", „Трубы" Лазаря Барановича, „Ключъ разумѣнія", сочиненія Голятовскаго, Гизеля, изданія Петра Могилы и др. Послѣ расправы съ латинствомъ южно-руссовъ въ Москвѣ, московскій патріархъ обратился къ самой Малороссіи и, не взирая на отвѣты и доказательства правоты, принудилъ южно-русское духовенство присоединиться къ московскимъ порядкамъ и взглядамъ. Этимъ осужденіемъ южно-русскихъ мнѣній былъ нанесенъ ударъ кіевскимъ культурнымъ вліяніямъ на Москву. Взявъ все у Кіева — и ученыхъ, и книги, и школы, Москва сумѣла, послѣ недолгой борьбы, выбраться изъ недоумѣній, „сомнѣній", одержала побѣду во имя своихъ старыхъ православныхъ традицій и вступила въ новую жизнь, не утерявъ вѣры въ свое благочестіе. Впрочемъ, побѣда Петра надъ Софьей направила жизнь Россіи въ новое русло: религіозные вопросы и интересы сразу ослабѣваютъ и блѣднѣютъ, — теперь имъ никогда не было уже суждено сдѣлаться настолько обостренными и жгучими, какъ въ московской Руси. Такова въ краткихъ словахъ, была исторія исправленія *стараго* наканунѣ Петра.

Результаты борьбы.

Пополненіе московской жизни новымъ.

§ 74. 2) *Пополненіе московской жизни новымъ.* Переходя къ рѣшенію вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ чуждыя вліянія, нахлынувшія на Москву въ XVII в. внесли въ ея жизнь новые факты, новыя идеи и чувства, до того времени ей чуждыя, надо остановиться, прежде всего, на вопросѣ о русскомъ образованіи въ XVII в., на обозрѣніи переводной литературы, научной и свѣтской, и, наконецъ, на краткой характеристикѣ новыхъ настроеній жизни русскаго общества наканунѣ Петра.

Еще Петръ Могила обращался къ царю Михаилу съ пред-

Образованіе въ Москвѣ.

ложеніемъ, чтобы царь приказалъ построить въ Москвѣ монастырь для кіевскихъ „старцевъ“ и разрѣшилъ бы имъ открыть тамъ школу для обученія москвичей славянскому и греческому языку. Могила не встрѣтилъ сочувствія; его просьба не была уважена, но черезъ нѣсколько лѣтъ Москва сама просила прислать ученыхъ мужей изъ Кіева для преподавательской дѣятельности. Тогда-то и былъ присланъ, вмѣстѣ съ другими, Епифаній Славинецкій.

Школа Ртищева.

Школа была открыта бояриномъ Ртищевымъ въ окрестностяхъ Москвы, въ Андреевскомъ монастырѣ; оттуда потомъ была перенесена въ Чудовскій. На первыхъ порахъ она у русскихъ людей не встрѣчала сочувствія. Одинъ изъ ея учениковъ говорилъ, что кіевскіе учителя „недобрые“, „въ нихъ онъ добра не позналъ“—особенно пугалъ москвичей латинскій языкъ. Впрочемъ, Епифаній, со временемъ, сумѣлъ твердостью въ вѣрѣ и благочестіемъ внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе. Онъ вскорѣ отсталъ отъ училища и, окруживъ себя тѣснымъ кругомъ друзей, ушелъ въ работу надъ переводами и исправленіемъ книгъ, надъ составленіемъ проповѣдей и другими литературными работами.

Школа Полоцкаго.

Въ 1665 г. Симеонъ Полоцкій открылъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Изъ учениковъ этой школы выдѣлился извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ. Въ школѣ Полоцкаго преобладалъ свѣтскій элементъ: преподавались латинскій и польскій языки, конечно, процвѣтала и поэзія. Какъ извѣстно, Полоцкій былъ наставникомъ царевичей и, быть можетъ, царевенъ. Вѣроятно, урокамъ Полоцкаго надо приписать то, что царевичъ Ѳедоръ, напр., зналъ по-латыни, по-польски, царевна Софья была любительницей и даже, говорятъ, участницей драматическихъ спектаклей,—Наталья сама была драматургомъ и поэтессой. Послѣ смерти Симеона его любимый ученикъ Медвѣдевъ продолжаетъ его дѣло въ школѣ Заиконоспасскаго монастыря; въ 1685 г. его проектъ объ обращеніи школы въ академію былъ утвержденъ правительницею.

Основаніе Московской Академіи.

Академія была открыта патріархомъ Іоакимомъ, противникомъ Медвѣдева, и онъ оказался отъ новаго заведенія устраненнымъ: руководителями перваго высшаго учебнаго заведенія Москвы сдѣлались братья Лихуды, Іоанникій и Софроній, присланные въ Москву для педагогическихъ занятій восточнымъ патріархомъ. Братья были людьми европейски образованными: десять лѣтъ учились они въ Падуанскомъ университетѣ и имѣли докторскіе дипломы. Ихъ появленіе въ Москвѣ и выдающаяся роль, которую они стали играть въ глазахъ патріарха, сразу

пріобрѣли имъ массу враговъ, вызвали цѣлый хоръ ругани, которымъ дирижировалъ Медвѣдевъ. Впрочемъ, и ученые европейцы, при помощи Евѳимія и другихъ своихъ сторонниковъ, не остались въ долгу. Обостренность соблазнительной полемики зависѣла, конечно, и отъ того, что Лихуды приняли большое участіе въ спорахъ русскаго духовенства по вопросу о времени пресуществленія даровъ.

Академія въ рукахъ Лихудовъ процвѣтала: она дала Россіи цѣлый рядъ людей съ извѣстными именами. Кромѣ того, братья сочиняли учебники, изучали ревностно церковнославянскій языкъ. Происками одного изъ восточныхъ патріарховъ они были обвинены въ латинствѣ, при чемъ не добромъ была вспомянута ихъ жизнь въ Падуѣ. Лишившись академіи, сосланные въ одинъ изъ монастырей, братья открыли тамъ частную школу, которая имѣла громадный успѣхъ. Ихъ заточили въ монастырь, далекій отъ Москвы, но тамъ ихъ поддержалъ новгородскій митрополитъ Іовъ и поставилъ ихъ во главѣ своей школы. Лихуды были вскорѣ оправданы и долго служили русскому просвѣщенію; они скончались въ глубокой старости. Какъ ни случайна была судьба лицъ, вводившихъ просвѣщеніе въ московской Руси, оно, съ учрежденіемъ академіи, стало прочно.

Переводы научныхъ и беллетристическихъ произведеній.

§ 75. а) *Переводы научныхъ и беллетристическихъ произведеній въ Москвѣ XVII в.* Нельзя не остановиться также и на краткомъ обозрѣніи книгъ, переведенныхъ въ XVII в. въ Москвѣ, или для Москвы; ихъ содержаніе свидѣтельствуетъ лучше всего, что новые интересы завладѣли умами передовыхъ московскихъ людей. Оказывается, переведено было много сочиненій по географіи (до 10 соч. разныхъ авторовъ), по космографіи (до 10), описанія отдѣльныхъ странъ (10), по исторіи (до 20); по военному искусству (до 10), по астрономіи и астрологіи (до 10); переведены были руководства по охотѣ, по коннозаводству, по хозяйству домашнему и сельскому, по математикѣ, естественнымъ наукамъ,—по медицинѣ, по педагогикѣ, даже по тайнымъ наукамъ. Много переведено было сборниковъ изреченій, нравоучительныхъ и философскихъ размышленій. Изъ духовныхъ сочиненій переведены нѣкоторыя произведенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго, папы Иннокентія III, Беллярмина. Изъ историческихъ трудовъ особенно популярна была „Исторія іудейской войны“ Іосифа Флавія, „Исторія Троянской войны“ Гвидо Колумны и „Аргенида“ Барклая. Изъ беллетристическихъ

сочиненій, кромѣ перечисленныхъ выше при обзорѣ судебъ русской повѣсти въ Москвѣ переведено было очень много другихъ романовъ и повѣстей. Если повѣсти, носившія сказочный характеръ и дошедшія до насъ послѣ ряда измѣненій подъ вліяніемъ вульгаризаціи, совершившейся еще внѣ Россіи (сказка объ Еруланѣ и Бовѣ), вносили мало новаго въ русскую жизнь въ смыслѣ обогащенія ея новымъ содержаніемъ, то теперь, въ концѣ вѣка, появляются переводы авантюрныхъ рыцарскихъ романовъ, въ которыхъ все было ново для русскаго человѣка: и сентиментальные кавалеры, вѣрные до гроба своимъ дамамъ сердца, защитники слабыхъ и угнетенныхъ, рыцарскіе турниры, и, главное, совершенное отсутствіе церковности.

„Пріятныя", „умильныя" исторіи.

Особенно популярны были разныя „пріятныя", „умильныя" исторіи, въ которыхъ „приключенія" героевъ играютъ уже вторую роль, такъ какъ на первое мѣсто выдвигается интересъ къ исторіи сердца, пылающаго любовью. Любовь завоевываетъ центральное мѣсто въ этихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, рядомъ съ этой „идеалистической" литературой шла къ намъ и реалистическая, въ которой дѣйствующія лица были первоклассными плутами и мошенниками, любовники не ограничивались платоническими вздохами. Значеніе этой разнообразной переводной литературы было во всѣхъ отношеніяхъ велико. Идеалистическая литература вносила въ міровоззрѣніе русскихъ людей новыя точки зрѣнія на отношенія къ женщинѣ, къ жизни, къ обязанностямъ. Реалистическая—заставляла изъ неопредѣленныхъ горизонтовъ сказки опускаться въ тѣсные предѣлы повседневной жизни. Мысли и чувства русскихъ любителей романа, такимъ образомъ, приближались къ дѣйствительнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Милюковъ совершенно справедливо характеризуетъ значеніе этой романической литературы. „Этотъ моментъ", говоритъ онъ, „важно отмѣтить, такъ какъ введеніе любовнаго элемента (и, прибавимъ отъ себя, реализма) было первымъ завоеваніемъ, сдѣланнымъ литературой у жизни, и первымъ пріобрѣтеніемъ, заимствованнымъ жизнью изъ литературы. Въ литературу вошелъ съ этихъ поръ элементъ житейской дѣйствительности, а въ жизнь проникъ элементъ идеализма, облагораживавшаго человѣческія отношенія... Переворотъ, предсказанный на Западѣ Дантомъ и осуществленный Петраркой, совершился въ нашей литературѣ ко времени Петра Великаго". Откуда у нашихъ предковъ взялся интересъ къ та-

Реалистическая литература.

кимъ произведеніямъ, въ которыхъ высказывался взглядъ на женщину, не схожій со взглядами Домостроя? Выше было уже сказано, что и раньше нашъ народъ оцѣнилъ величіе женщины въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ повѣстей (о „Маріи и Марѳѣ“, „объ Юліаніи Лазаревской“, „о Петрѣ и Ѳевроніи“). Жизнь брала свое: историческія испытанія равно ложились на мужчину и на женщину,—и оба пола привыкли уважать другъ друга. Западныя культурныя вліянія способствовали этой перемѣнѣ отношеній.

Книга о злонравныхъ женахъ.

Отъ этой эпохи до насъ дошла очень характерная «Книга о злонравныхъ женахъ»,—разговоръ отца съ сыномъ: отецъ — человѣкъ стараго закала, онъ начинаетъ перечислять преступленія женъ, начиная съ Евы: «отъ женщинъ, говоритъ онъ, многія убійства, пролитія крови, разоренія царствъ... Горе царству, гдѣ властвуетъ жена; горе тому, которымъ владѣетъ жена...».

Сынъ указываетъ на современную жизнь, въ которой онъ видитъ рядъ женщинъ-помощницъ своихъ мужей, добродѣтельныхъ и милосердныхъ. Тогда отецъ, оставивъ исторію, тоже обращается къ современнымъ женщинамъ и со злобой рисуетъ портретъ тогдашней щеголихи: «жены привыкли въ зеркало смотрѣть, вапами (румянами) лица помазывать, сурьмой брови подымать, многовидными украшеніями себя украшать». Затѣмъ онъ, въ яркихъ чертахъ, рисуетъ семейную сцену: мужъ не пожелалъ купить женѣ новыхъ нарядовъ,—«она вздыхаетъ и плачетъ, и шепчетъ, ни худа и добра не говоритъ, очи измѣняетъ, носомъ посупитъ; день и ночь гнѣвъ держитъ. Или она причитаетъ: «ивыя жены ходятъ хорошо и красно, а я, несчастная, всѣми незнаема и укоряема. Почто ты мнѣ мужъ?.. Я—дочь богатаго купца и славнаго племени. Если-бъ я была дѣвицей, былъ бы у меня мужъ, сынъ отца богатаго, и была бы я госпожа многому и вездѣ была бы честна»... Кончаетъ отецъ совѣтомъ сыну не жениться. Но тотъ говоритъ, что есть жены «добронравныя, добродѣтелью украшенныя—такія мужей спасаютъ и домъ богатствомъ наполняютъ, и мужу приносятъ радость...». Отецъ ругаетъ женщинъ «льстивыми, крадливыми, язычными, колдуньями, еретицами, медвѣдицами, львицами, скорпіями, василисками» и пр. Сынъ отказывается понимать отца. Тотъ объясняетъ свои слова, давая въ бытовыхъ жанровыхъ картинкахъ объясненіе своихъ словъ.

Правда, произведеніе оканчивается указаніемъ на то, что сынъ счелъ себя убѣжденнымъ доводами отца, но для насъ достаточно и того факта, что въ XVII вѣкѣ во взглядѣ на женщину всетаки столкнулись „отцы и дѣти“.

И, конечно, дѣти опирались не только на лучшіе образцы современной имъ женщины, но и на тѣ культурныя воздѣйствія извнѣ, что принесены были, между прочимъ, и романической переводной литературой, съ ея возвеличеніемъ женщины.

Драма. § 76. b) *Драма въ Москвѣ XVII в.* Что касается до *драмы*, занесенной въ Москву извнѣ, то судьба ея тѣсно связана съ исторіей русскаго театра. Какъ вездѣ въ Европѣ, элементы драмы были въ Великороссіи и въ народномъ обычаѣ, и церковномъ богослуженіи, и въ тѣхъ играхъ бродячихъ скомороховъ, которые быть можетъ, въ недалекомъ прошломъ, имѣли родство съ нѣмецкими шпильманами, французскими жонглерами, наслѣдниками классическихъ актеровъ. Традиціонныя игры на Святкахъ, на Масляной недѣлѣ; встрѣчи Зимы, Весны, Лѣта, бытовые обряды (свадебные и похоронные), хороводныя игры— въ народѣ — „умовеніе ногъ", „хожденіе на осляти", „пещное дѣйствіе"—въ церкви, — все это было тѣми зародышами, изъ которыхъ могла бы развиться самостоятельная русская драма, если бы московское благочестіе не такъ ревниво слѣдило за всякими новшествами.

Исторія русскаго театра начинается съ царствованія Алексѣя. Правда, есть основаніе думать, что первый театръ въ Москвѣ былъ устроенъ еще по приказанію Самозванца, но его существованіе прекратилось съ жизнью устроителя, и, повидимому, ничего, кромѣ враждебнаго неудомѣнія, въ москвичахъ не возбудило. Царь Алексѣй Михаиловичъ началъ свое царствованіе съ самыми благочестивыми пожеланіями удержать русскую жизнь въ кругу старыхъ благочестивыхъ обычаевъ. Подъ вліяніемъ духовенства, онъ даже разослалъ по всѣмъ городамъ царскія грамоты, въ которыхъ запрещались всѣ народныя развлеченія. Возбранялось „въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣть пѣсни, по вечерамъ на позорища сходиться, руками плескать и въ ладони бить". Запрещено было „на свадьбахъ пѣть пѣсни и играть глумотворцамъ, органникамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ и пѣсельникамъ"; нельзя было на святкахъ „въ бѣсовское сонмище сходиться, играть игры бѣсовскія, загадки загадывать, сказки сказывать, личины и платье скоморошеское на себя накладывать, олово и воскъ лить, зернью, въ карты, въ шахматы играть"; запрещались даже такія невинныя забавы, какъ „на доскахъ скакать", качанье на качеляхъ, игра на гусляхъ, домрахъ, бубнахъ, волынкахъ, вожденіе медвѣдей, кулачные бои, игра въ бабки... Виновныхъ предлагалось подвергать самымъ разнообразнымъ наказаніямъ. Очевидно, русское духовенство считало своимъ долгомъ подтянуть Русь, распустившуюся въ Смутное время и позабывшую церковь и благоприличіе старыхъ укладовъ жизни.

Едва ли самъ царь вполнѣ сочувствовалъ этимъ строгостямъ, такъ какъ самъ онъ любилъ и соколиную охоту, и пляски шутовъ, и всевозможныя русскія пѣсни,—отъ веселыхъ скоморошескихъ до строгихъ духовныхъ стиховъ.

Конечно, всѣ эти усилія русской церкви оказались тщетны: жизни, ушедшихъ далеко отъ монастырскихъ идеаловъ, нельзя было вернуть назадъ,—и скоро самъ царь вполнѣ отдался вѣянью времени и обаянью тѣхъ забавъ, что шли изъ Нѣмецкой слободы. Особенно этому способствовалъ бракъ его на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, воспитанницѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева. Матвѣевъ, женатый на иностранкѣ, его друзья, Ординъ-Нащокинъ и Ртищевъ, создали около царя такую атмосферу, въ которой легко культивировались симпатіи къ западу.

Вотъ почему жизнь Нѣмецкой слободы, покорившей впослѣдствіи умъ и сердце его великаго сына,—и отца стала привлекать къ себѣ своими развлеченіями. Такъ, наслышавшись о театральныхъ представленіяхъ иностранцевъ, живущихъ подъ Москвой, царь пожелалъ видѣть „комедіи“ собственными глазами. Поручено было полковнику фонъ-Стадену ѣхать заграницу и оттуда привезти труппу актеровъ, а впредь, до его пріѣзда, царь, горя отъ нетерпѣнія насладиться невиданной потѣхой, приказалъ искать среди московскихъ нѣмцевъ опытнаго режиссера. Такимъ оказался пасторъ Грегори. Подъ его руководствомъ была построена хоромина, выучено 64 человѣка актеровъ изъ русскихъ и иноземцевъ, и 17 октября 1672 г. въ присутствіи царя была разыграна „трагико-комедія объ Эсфири и Артаксерксѣ“. Восхищенный царь нѣсколько часовъ не вставалъ съ мѣста, внимательно слѣдя за пьесой. Въ 1674 году разыграна была пьеса „Іудифь“ и тогда же „Эсфирь“. На представленіи второй пьесы въ театрѣ была царица, царевны и царевичи. Правда, онѣ сидѣли, скрытыя отъ публики за рѣшеткой, но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается цѣннымъ,—впервые русская женщина высшаго круга явилась въ публикѣ, да еще на театральномъ зрѣлищѣ. Кромѣ названныхъ пьесъ, разыграны были, подъ руководствомъ того же Грегори, еще другія пьесы такого же типа. Всѣ пьесы изъ репертуара Грегори имѣли мало общаго со школьной драмой,—въ нихъ не преслѣдовалось никакихъ нравоучительныхъ цѣлей — это были „прохладныя“, „потѣшныя“ комедіи, въ которыхъ библейскія сюжеты разрабатывались свободно, въ духѣ старыхъ мистерій.

Къ серьезнымъ пьесамъ строго-школьнаго, нравоучительнаго

характера относится „Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ“; чисто свѣтской пьесой была „Темиръ-Аксаково дѣйство“ и комедія о „Баязетѣ и Тамерланѣ“. По типу своему, обѣ пьесы подходили къ „англійской комедіи“, предшественницѣ Шекспира. Комедія эта была достояніемъ бродячихъ труппъ профессіоналовъ-актеровъ, которые странствовали по всей Европѣ и вездѣ имѣли успѣхъ. Содержаніе этихъ пьесъ почерпалось изъ священныхъ и свѣтскихъ исторій,—изъ романа и легенды, изъ баллады и итальянской новеллы. Сюжеты разрабатывались свободно, безъ соблюденія правилъ драматическаго сочиненія, безъ нравоучительныхъ тенденцій. Въ сущности, большинство этихъ пьесъ сбивалось па эпосъ, переложенный на діалоги, безъ центральнаго событія. Характерной особенностью ихъ было участіе въ нихъ въ качествѣ постоянно-дѣйствующаго лица „дурацкой персоны“—шута-клоуна; это былъ традиціонный типъ, выработанный народными вкусами каждой страны на свой вкусъ.

Этотъ народный любимецъ, всякое появленіе котораго сопровождалось веселымъ хохотомъ зрителей и особымъ напряженіемъ ихъ вниманія, сложился тѣмъ же путемъ, что и образы любимыхъ эпическихъ героевъ: насколько въ нихъ народъ сумѣлъ воплотить лучшія, крупныя стороны своего духа,—настолько въ своихъ національныхъ шутахъ изобразилъ типичныя отрицательныя стороны своей жизни. Въ пьесахъ Грегори эта „дурацкая персона“ играетъ видную роль и носитъ въ различныхъ пьесахъ разныя названія.

Кромѣ этихъ главныхъ комическихъ лицъ, постоянный смѣхъ вызывали „солдаты“, „обжоры“, „хвастуны“ и „трусы“. Театръ Грегори, сплошь переводный и ничѣмъ не связанный съ національными вкусами и традиціями москвичей, прекратилъ свое существованіе послѣ смерти пастора Грегори и его покровителя царя Алексѣя Михайловича.

Пьесы Симеона Полоцкаго.

§ 77. Болѣе прочные слѣды остались въ Москвѣ послѣ оригинальныхъ пьесъ Симеона Полоцкаго. Первая изъ нихъ любопытна тѣмъ, что можетъ считаться органическимъ развитіемъ церковнаго представленія—„пещного дѣйства“. Нехитрыя сцены, представлявшія сожженіе отроковъ въ печи огненной, внушили Симеону идею написать пьесу на этотъ сюжетъ. Она носила названіе: „Комедія о Навуходоносорѣ, и о трехъ отроцѣхъ въ пещи не сожженныхъ“. Другая пьеса Полоцкаго представляетъ собою переложеніе въ дѣйствіе „притчи о блудномъ сынѣ“ и носитъ

названіе „Блудный сынъ"; и эта пьеса является показателемъ развитія русской духовной драмы. Особенностью пьесъ Полоцкаго надо считать отсутствіе олицетвореній и святыхъ и, въ то же время, отсутствіе шутовъ и грубыхъ комическихъ шаржей,—передъ нами пьесы, отличающіяся умѣреннымъ реализмомъ, стройныя по композиціи, написанныя иногда очень хорошими стихами.

Содержаніе «Блуднаго сына» слѣдующее: Прологъ объясняетъ зрителяхъ содержаніе комедіи и пользу представленій. **Содержаніе.**

«Видѣсте притчю, Христомъ изреченну,
По силѣ дѣломъ здѣсь воображенну,
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже,—писаннымъ, чтобы не забыти».

Въ первомъ актѣ отецъ дѣлитъ имущество между сыновьями... Младшій проситъ разрѣшенія путешествовать. Отецъ отпускаетъ его. Во 2-мъ актѣ юный путешественникъ пируетъ съ друзьями, играетъ въ кости, соритъ деньгами. Въ 3-мъ актѣ герой все еще пьянствуетъ,—онъ тратитъ послѣднія деньги. Въ концѣ акта его покидаютъ друзья и слуги, расхищая остатки его имущества. Въ 4-мъ актѣ онъ служитъ свинопасомъ, ѣстъ со свиньями. Вслѣдствіе недосмотра за стадомъ, его бьютъ плетями. Онъ рѣшаетъ вернуться домой. Въ 5-мъ актѣ изображено возвращеніе блуднаго сына; радостная встрѣча съ отцомъ и ропотъ старшаго брата. Въ 6-мъ актѣ блудный сынъ говоритъ поученіе о повиновеніи старшимъ.

Языкъ пьесы вполнѣ литературенъ. Особенностью, очень характерной, является разнообразіе размѣра, въ зависимости отъ того, кто говоритъ, и отъ настроенія, которымъ проникнуто говорящее лицо. Старикъ-отецъ въ 1-мъ актѣ говоритъ мѣрнымъ дактилемъ: **Языкъ пьесы.**

«Самъ искусихъ ся во всяцей потребѣ,
Егда уповахъ на живуща въ небѣ;
Онъ мою юность добрѣ есть управилъ,
На животъ честный въ мірѣ мя наставилъ» [1]).

Младшій сынъ упорствуетъ, желая ѣхать путешествовать, — стихъ дѣлается отрывистымъ.

«Что стяжу въ домѣ? | чему изучуся?
Лучше въ странствіи | умомъ обогачуся!
Юньшихъ отъ мене | отцы посылаютъ
Въ чюждыя страны, | потомъ ся не каютъ!»

Вырвавшись на свободу, сынъ ликуетъ въ обществѣ друзей, — его рѣчи сбиваются теперь на плясовую пѣсню:

«Бѣхъ у отца моего, | яко рабъ плѣненный,
Въ предѣлѣхъ домовыхъ, | якъ въ тюрьмѣ замкненный!»

---

[1]) Можно думать, что читались нѣкоторые стихи съ натяжкой противъ естественнаго ударенія (ѐгда, нà животъ).

Эпилогъ комедіи опять звучитъ мѣрнымъ дактилемъ:

«Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати» и т. д.

Лирика.

§ 78. с) *Лирика.* Первое появленіе русскихъ виршей связано со смутнымъ временемъ,—быть можетъ, въ этомъ сказалось вліяніе поляковъ и южно-руссовъ. Приведу нѣсколько примѣровъ этихъ „дѣтскихъ“ опытовъ россійской Музы. Кн. Катыревъ свою повѣсть о Смутномъ времени заключилъ слѣдующими стихами:

Кн. Катыревъ.

«Сему писанію конецъ предлагаемъ,
Дѣла толикія вещи во вѣки не забываемъ,
Настоящаго изыскуемъ,
Въ пространную сію исторію сія написуемъ.
Словеса писанію происходятъ въ конецъ,
Умъ человѣчъ никто же можетъ исповѣсть.

Антонъ Подольскій.

Затѣмъ, въ XVII в., извѣстенъ былъ въ Москвѣ еще поэтъ Антонъ Подольскій, судя по фамиліи, южноруссъ. Онъ оставилъ послѣ себя „Посланіе къ нѣкоему“. Это произведеніе распадается на рядъ главъ; каждая развиваетъ какую-нибудь нравоучительную идею. Стихи Подольскаго тяжелы, содержаніе бѣдно, а потому они интересны лишь съ исторической точки зрѣнія.

Любовные стихи XVII в.

Сохранилось отъ XVII в. нѣсколько любовныхъ стихотвореній. Развитіе интереса къ любовнымъ романамъ дало содержаніе и русской лирикѣ; возможно, что этому помогло и знакомство съ любовными виршами юго-западной Руси. Въ 1693 году одинъ юноша, при помощи своего грамотнаго слуги, сочинилъ своей любезной слѣдующее трогательное посланіе:

«Очей моихъ преславному свѣту
И нелестному нашему совѣту!
Здрава буди, душа моя, многія лѣта
И не забывай праведнаго твоего обѣта,
Какъ мы съ тобой передъ Богомъ обѣщались,
Въ короткое время перстнями помѣнялись
И вѣнцы на главахъ нашихъ имѣли златые
Во дни мимошедшіе, радостные, святые!
Почасту, свѣте, меня вспоминай,
Наипаче же въ молитвахъ не забывай».

«И такъ-то мнѣ по тебѣ тошно!
Какъ было бы можно,—
И я бы къ тебѣ полетѣлъ,
И къ тебѣ бы, душа моя, прилетѣлъ!» и т. п.

Письмо было перехвачено. Оно было отправлено юношей къ своей невѣстѣ, но авторомъ его оказался 14-лѣтній Савка Карцевъ. Къ концу XVII же вѣка можно отнести и лироэпическій разсказъ какой-то дѣвицы, полюбившей парня, но не встрѣтившей одобренія своей страсти со стороны отца, который ее выдаетъ замужъ за другого.

Лиро-эпическая любовная поэма.

Дѣйствіе романа въ Москвѣ. Отецъ узналъ о любви дочери:

«Въ церкви съ сосѣдомъ побранился,
Много укорился.
Пришедъ въ домъ, отецъ мнѣ объявляетъ,
Мать мою сокрушаетъ,
Отецъ мой собакъ съ цѣпей спущаетъ,
Любезнаго отъ меня отлучаетъ».

Мать хотѣла счастья дочери и—

Супружества между нами желала,
Благословеніе подавала».

Но отецъ рѣшительно возсталъ противъ этого и даже, въ порывѣ ярости, тростью сломалъ руку матери. По настоянію отца, дѣвица выходитъ за немилаго:

«Узникамъ милостыню подавала,
И о здравіи любезнаго упрашивала,
О любезномъ не упросила,
Сердце свое сокрушила!
Хотя поневолѣ отъ любезнаго отлучна,
... сердце мое отъ него не отлучно.
Не то дорого, что́ красно золото,
То дорого, что́ чисто серебро.

Любезному—сметанку,
Немилому—творогъ!
Съ любезнымъ часокъ
Лучше немилаго года.
Поневолѣ вѣнчалась,
Сердцемъ надрывалась.
Къ вѣнчанью везли,
Изъ очей моихъ слезы текли».

Далѣе описывается тягостный обрядъ вѣнчанія, когда невѣста колебалась, не признаться ли священнику, что идетъ подъ вѣнецъ противъ воли. Разсказывается, какъ волновался въ церкви ея любезный.

Этотъ лироэпическій разсказъ вводитъ насъ глубоко въ интимную сторону жизни людей конца XVII и начала XVIII в. Очевидно, въ міросозерцаніи русскаго общества произошелъ громадный переломъ, если даже забитая русская дѣвушка рѣшилась выступить съ исповѣдью своего сердца, рѣшилась робко заявить о правахъ его на самостоятельное рѣшеніе своей судьбы.

Всѣ приведенные примѣры (за исключеніемъ стиховъ Подольскаго) сочинены людьми, очевидно, не знавшими „піитическихъ" пріемовъ, не знавшими даже правилъ стихосложенія,—одна только

риема украшаетъ эти незамысловатыя произведенія, возникшія, быть можетъ, и подъ вліяніемъ книги, но всетаки не изъ нея, а изъ собственнаго сердца.

Симеонъ Полоцкій.

§ 79. Симеонъ Полоцкій въ своихъ стихахъ явился лирикомъ другого характера,—онъ представитель *школьной поэзіи*, вооруженный знаніемъ піитическихъ хитростей, опытный версификаторъ, онъ писалъ много стиховъ. Но живого, непосредственнаго чувства въ его стихахъ мы не встрѣтимъ; если оно и есть, то глубоко скрыто подъ поэтической фразеологіей. Стихи его, „гимны" [1]) и „элегіи" собраны въ двухъ сборникахъ: „Риемологіонѣ" и „Вертоградѣ многоцвѣтномъ". Кромѣ нихъ, помѣщены стихи „на случай—„на Рождество Христово", „къ государю царю отъ государя царевича" „къ государю царю отъ служащихъ", „къ царицѣ отъ государя царевича", „отъ сына къ отцу", „отъ раба", „отъ старицы" и т. д. Встрѣчаемъ мы здѣсь цѣлый рядъ" привѣтствъ": „новоизбранному патріарху", „на именины царя Алексѣя Михаиловича" и пр. Въ сборникахъ Полоцкаго зачастую попадаются стихи въ формѣ звѣзды, креста, стихи польскіе и латинскіе. Многіе отличаются совершенною правильностью размѣра и должны быть признаны тоническими (См. выше, стр. 193).

„Орелъ Россійскій".

Очень интересенъ панегирикъ Полоцкаго, носящій названіе: «Орелъ Россійскій». Здѣсь встрѣчаемъ мы всѣ принадлежности ложноклассической оды: и Аполонъ, и Геликонъ, и Музы упоминаются постоянно. Царь Алексѣй поставленъ выше Тита, императора римскаго. Любопытны рѣчи Музъ и Аполлона, въ которыхъ восхваляется «Орелъ Россійскій».

Нравоучительный и сатирическій элементъ въ стихахъ Полоцкаго.

Въ сборникахъ Полоцкаго много стихотворныхъ нравоученій, касающихся всевозможныхъ случаевъ каждодневной жизни, много стихотворныхъ изреченій, афоризмовъ. Самыя заглавія стиховъ говорятъ объ ихъ содержаніи: „Богъ-всевидецъ", „Гражданство", „Начальникъ", „Врачъ", „Жидъ", „Магнитъ", „Соль", „Воздержаніе", „Богатство", „Женъ близость", „Розга", „Въ заемъ давати", „Богатыхъ обычай" и др. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, особенно тѣ, въ которыхъ говорится объ обязанностяхъ людей разныхъ классовъ, иногда сбиваются на сатиру, довольно живую. Такъ, напр., въ стихотвореніи: „Монахъ" встрѣчаемъ мы обличеніе разныхъ проступковъ монашества, современнаго Полоцкому. Тонъ обличенія негодующій.

Ученики Полоцкаго.

Эта школьная лирика не умерла съ Симеономъ—его ученики продолжали эти „пріятныя" и „невинныя" занятія. Такъ, Силь

---

[1]) Гимны, какъ извѣстно, были стихи, восхваляющіе Бога, св. Дѣву, угодниковъ

вестръ Медвѣдевъ, Карiонъ, Истоминъ писали вирши, хотя гораздо хуже своего учителя: размѣръ былъ ими опять утраченъ. Изъ поэтовъ того времени, также учениковъ Симеона, знаемъ мы царя Θеодора и царевну Наталью.

§ 80. Таковы итоги того *чужого*, которое занесено было въ Москву XVII-мъ вѣкомъ. Повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ, о Горѣ-Злосчастьи, о Саввѣ Грудцынѣ—были общенародными произведенiями, одинаково доступными и интересными боярину и мужику. Не такъ дѣло обстояло съ литературой, только-что разсмотрѣнной,—она была доступна „избранникамъ,—тѣмъ „передовымъ" людямъ, которые уже оторвались отъ народа, окружили себя иностранной обстановкой, культивировали свои чувства и мысли въ тепличной атмосферѣ западной цивилизацiи.

Выше, въ главѣ о церковной реформѣ, было отмѣчено существованiе раскола въ русскомъ обществѣ на почвѣ *религiознаго* мiросозерцанiя. Но этотъ расколъ наблюдается и въ *художественномъ* мiросозерцанiи, и въ *политическомъ*. Народъ остался со своими сказками, былинами и пѣснями, со своими повѣстями—интеллигенцiя увлеклась рыцарскими романами, чувствами нѣжной любви, театромъ и новой лирикой. Знать, уступая сильному свѣтскому влiянiю запада, сдѣлалась со временъ Петра индифферентной къ мужицкой вѣрѣ предковъ, къ ихъ утомительному благочестiю; народъ — или ушелъ въ расколъ, или съ недоумѣнiемъ смотрѣлъ на непонятную ему жизнь „обасурманившейся" знати... Совершалось что-то странное: сперва на престолѣ очутилась царевна—дѣвушка, по старому обычаю дѣдовъ, обреченная на постриженiе; потомъ на престолѣ оказались *два царя*—явленiе, тоже небывалое на Руси. Наконецъ, отношенiе Петра къ старинѣ,—отношенiе, по многимъ причинамъ, совершенно непонятное народу,—все это, отъ недоумѣнiя и испуга, вело народъ къ полному разрыву съ интеллигенцiей. *При такомъ разрывѣ невозможно было дальнѣйшее органическое развитiе нацiональной русской литературы и искусства*,—вотъ почему самобытное развитiе „нацiональной" поэзiи въ теченiе всего XVIII в. еле замѣтной струйкой пробиваетъ себѣ путь къ XIX вѣку.

Художественный и политическiй расколъ въ русскомъ обществѣ.

§ 81. d. *Агiографiя (писанiе житiй) въ XVII в.* Впрочемъ, почти внѣ этихъ чуждыхъ воздѣйствiй,—извнѣ и сверху—остался цѣлый рядъ литературныхъ произведенiй, на которыя надо смотрѣть, какъ на дальнѣйшiя ступени развитiя русскаго житiя и русской лѣтописи. Житiя въ XVII в., мало-по-малу,

Агiографiя въ XVII в.

обращаются въ „сказанія“ и „повѣсти“, съ реалистическимъ характеромъ, съ яснымъ субъективизмомъ освѣщенія, съ интересомъ къ современности. Такъ, къ XVII-ому вѣку относятся—житія, изображающія эпоху Смутнаго времени, быта крестьянъ, иногда даже окрашенныя народно-поэтическимъ колоритомъ. Особенно для насъ интересны, по силѣ красокъ,—„житіе Аввакума“, „житіе Морозовой и Урусовой“, двухъ сестеръ-раскольницъ.

Автобіографія Аввакума.

Автобіографія Аввакума — это совершеннѣйшее произведеніе русской агіографіи. Передъ нами—длинная лѣтопись страданій и радостей Аввакума, его жены и его дѣтей. Отъ Москвы, съ ея кипучей религіозной жизнью, авторъ уноситъ насъ въ снѣга сибирской тайги, на угрюмые берега Байкала. Съ поразительною яркостью проносятся передъ нами могучіе люди того вѣка, съ ярко выраженною «личностью»—самъ «богатырь»-протопопъ, его друзья и враги. Попутно рисуетъ онъ пейзажи сибирскихъ рѣкъ, Байкальскаго озера. Житіе написано прекраснымъ языкомъ. «Люблю русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить»—говоритъ Аввакумъ и доказываетъ своимъ живымъ, картиннымъ изложеніемъ, до какой высоты достигла русская рѣчь его времени. Эта рѣчь блещетъ и юморомъ, и силою, и красотою... Живой діалогъ, и лиризмъ, описанія, богатыя красками, — все это имѣется въ житіи Аввакума, — и при томъ все это русское, простое, народное...

Исторіографія.

§ 82. *Исторіографія* въ XVII в. подошла къ такимъ же результатамъ. Тѣ повѣсти, которыя въ старой лѣтописи сливались съ нею, теперь развиваются въ самостоятельныя произведенія. Таковы повѣсти о бояринѣ Годуновѣ, о Смутномъ времени, о бояринѣ Ртищевѣ. Въ Хронографахъ XVII в. мы встрѣчаемъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, попытки заглянуть въ ихъ душу; свѣтскій элементъ и субъективизмъ автора отличаютъ ихъ отъ старой лѣтописи. Интересы у этого автора тоже другіе — не тѣ, что у стараго лѣтописца: сообщаются факты изъ новой исторіи западной Европы, важныя историческія, географическія и этнографическія данныя,—о реформаціи, объ открытіи Америки, о природѣ, разсказываются подробности о жителяхъ чуждыхъ странъ,—вотъ, что интересуетъ историка этой поры. Изъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій и сказаній любопытны: „Скиѳская исторія“ Андрея Лызлова, „Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева“, „О стрѣлецкомъ бунтѣ въ началѣ царствованія Петра“, „Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры“, „Объ

„Взятіе Азова“.

Астраханскомъ бунтѣ“ (Стенька Разинъ), „Взятіе Азова донскими казаками“ [1]). Послѣднее произведеніе написано прекраснымъ на-

[1]) Истор. Христ., вып. II, 212.

роднымъ языкомъ, богато поэтическими описаніями и оборотами рѣчи. Всѣ эти произведенія цѣнны и потому, что отражаютъ дѣйствительность, что въ нихъ личность русскаго человѣка болѣе индивидуализируется: человѣкъ дѣлается хозяиномъ и судьей жизни, перестаетъ быть игрушкой въ рукахъ неземной силы.

§ 83. Итакъ, съ какимъ литературнымъ багажомъ вошли русскіе люди въ XVIII вѣкъ? **Выводы.**

Въ литературѣ мы видимъ—1) болѣе или менѣе, самобытно развившуюся повѣсть, съ яркимъ реалистическимъ характеромъ, съ психологическими интересами, съ той детальностью рисунка, которая говоритъ уже о манерѣ письма новаго времени. 2) Личность автора проясняется, мало-по-малу, въ слабыхъ попыткахъ лирическихъ опытовъ, въ народной поэзіи, въ исторіографіи. 3) Введены въ литературное обращеніе новые „жанры", занесенные извнѣ: искусственная лирика, драма и романъ. Уже на русской почвѣ и лирика, и драма развиваются въ дѣятельности Симеона Полоцкаго въ смыслѣ приближенія къ *реализму*, къ дѣйствительной жизни.

4) Въ передовомъ обществѣ литература освободилась отъ служенія церкви: она—свободное искусство; въ обществѣ, враждебномъ реформѣ,—наоборотъ, она еще сильнѣе сковывается узами служенія церкви (раскольничья письменность).

Этотъ *расколъ* сказался и въ общемъ міросозерцаніи,—у однихъ расширился духовный кругозоръ благодаря знакомству съ западомъ, — со свѣтскими знаніями, всеобщей исторіей, географіей,—другіе упорно замкнулись въ свои скиты, заброшенные въ лѣсахъ и болотахъ сѣверной Россіи. Религія у одной части общества смѣнилась индифферентизмомъ, даже тяготѣніемъ къ протестантизму, у другой—окрасилась такимъ тупымъ стародумствомъ, которымъ не отличалась даже московская Русь. Политическое міровоззрѣніе русскаго общества колебалось между новымъ пониманіемъ царской власти, — между идеями о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ", о міровой политикѣ Россіи—и проклятіемъ государству, какъ царству Антихриста. Конечно, все это говорится о крайнихъ концахъ русскаго общества: масса находилась въ выжидательномъ положеніи,—восемнадцатый вѣкъ склонилъ ее на сторону реформы. Девятнадцатый—побѣдилъ и расколъ. **Расколъ общественнаго самосознанія.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

По исторіи древней словесности сочиненія общаго содержанія:

Пыпинъ. „Исторія русской словесности“. Ч. I.
Порфирьевъ. „Исторія русской словесности“. Ч. I.
Голубинскій. „Исторія русской церкви“. Ч. I.
Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры“.
Ждановъ. Соч. т. I.
Тихонравовъ. Сочиненія.
Буслаевъ. „Историческіе очерки. Ч. II.

I. Кіевскій періодъ:

Переводная письменность и русск. письменность XI в. Владимировъ. „Древнерусская литература Кіевскаго періода“. Келтуяла. „Курсъ исторіи русской литературы“, ч. I. Иконниковъ. „Опыты изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи“. К. Терновскій. „Изученіе византійской исторіи“. К. Архангельскій. „Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности“. Истринъ. „Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи“. „Откровеніе Меѳодія Патарскаго“. „Александрія русскихъ хронографовъ“. „Сказанія объ Индійскомъ царствѣ“. 1890. Кирпичниковъ. „Греческіе романы въ новой литературѣ“. „Повѣсть о Варламѣ и Іоасафѣ“. Веселовскій. „Исторія романа и повѣсти“ Карнѣевъ. „Матеріалы къ исторіи Физіолога“. Викторовъ. „Стефанитъ и Ихнилатъ“. Рыстенко. „Стефанитъ и Ихнилатъ“. Франкъ. „Варлаамъ и Іоасафъ“. Сухомлиновъ. „О древнерусской лѣтописи“. Бестужевъ-Рюминъ. „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“. Маркевичъ. „О лѣтописяхъ“. Срезневскій. „Чтеніе о старорусскихъ лѣтописяхъ“. Аристовъ. „Первыя времена христіанства въ Россіи по содержанію лѣтописей“. Хрущовъ. „Древнерусскія историческія повѣсти и сказанія“. Шляковъ. „О поученіи Владимира Мономаха“. Ивакинъ. „Князь Владимиръ Мономахъ и его поученіе“. Владимировъ. „Древнерусская литература Кіевскаго періода“. Барсовъ. „Слово о полку Игоревѣ“.

3 т. А. **Смирновъ**, „Слово о полку Игоревѣ“. **Потебня**. „Слово о полку Игоревѣ“. Вс. **Миллеръ**. „Взглядъ на слово о полку Игоревѣ“. **Владимировъ**. „Слово о полку Игоревѣ“. Шляпкинъ. „Слово Даніила Заточника“. Гуссовъ. „Къ вопросу о редакціяхъ моленія Даніила Заточника“. Лященко. „О моленіи Даніила Заточника“. Лопаревъ. „Слово о погибели русской земли“. Поповъ Андрей. „Историко-литературный обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій“. Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемической литературы“. СПБ. 1878. Веневитиновъ. „Хожденіе игумена Даніила“. СПБ. 1877. Заболотскій. „Легендарный и апокрифическій элементъ въ хожденіи Даніила“ („Р. Ф. Вѣстн.“). Лященко. „Замѣтки о сочиненіяхъ Ѳеодосія, писателя XII в.“. Чаговецъ. „Ѳеодосій Печерскій“. Бѣльченко. „О сочиненіяхъ Ѳеодосія Печерскаго“. Никольскій. „О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича“. Яковлевъ. „Древне-Кіевскія религіозныя сказанія“. Шахматовъ. „Кіево-Печерскій Патерикъ и Печерская Лѣтопись“. Абрамовичъ. „Изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ“. Сухомлиновъ. „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго“. Викторова. „Кіево-Печерскій Патерикъ“. Е. Пѣтуховъ. „Серапіонъ еп. Владимирскій“. „Хожденіе Даніила Игумена“, изд. Палестинскаго прав. О-ва, ред. Веневитинова. „Хожденіе Антонія въ Царьградъ“, ред. Лопарева.

II. Переходный періодъ. XIII—XV в.

Объ историческихъ сказаніяхъ у Бестужева-Рюмина. „Русская Исторія“ т. I, Срезневскій. „Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ (соотвѣтствующіе №№). „Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ“. „Памятники О-ва люб. древн. письм.“ XXXVI. Спб. 82 г. Некрасовъ. „Вліянія Сербіи и Аѳона на русскую литературу въ XIV—XV в.“ („Заря“ 1871, 5). Соболевскій. „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в.“. Шляпкинъ. „Георгій Писидійскій“. („Ж. М. Н. Пр.“ 1890. № 6). „Поученіе митр. Алексѣя“. („Душеполезное Чтеніе“, 1861, ч. I). „Посланіе Василія о земномъ раѣ“ „Лѣтописи русской литературы и древности“, т. VI Кириллъ Бѣлозерскій, три посланія (Историч. хрест. Буслаева). „Поученія митр. Петра“. „Памятники старинной русской литер.“ Костомарова, т. IV и у Срезневскаго „Древн. памят. русск. яз. и письма“. „Изв. Ак. Наукъ“ т. X. „Задонщина“ „Учен. Зап. Акад. Наукъ“, т. V, вып. III. Тимофеевъ. „Сказанія о Куликовской битвѣ“. „Ж. М. Н. Пр.“ 1885. № 8—9. Шамбинаго. „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“. Хрущовъ. „О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву“. К. 1878. „Повѣданіе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича“, изд. Снегиревымъ. („Русск. Истор. Сборн.“ т. III). „Повѣсть о взятіи и разореніи Москвы Тохтамышемъ“. Полное Собр. Лѣтописей, т. VI. 84 стр. О. Миллеръ. „О древнерусской литературѣ по отношенію къ татарскому игу“ („Др. и Нов. Россія“. 1876, № 6). Некрасовъ. „Зарожденіе національной литературы“. Ключевскій. „Древнерусскія житія святыхъ“. Кодлубовскій. „Очерки по

исторіи древне-русской литературы житій" 1900. Голубинскій. „Сергій Радонежскій и его лавра". „Исторія русской церкви", т. II. Буслаевъ. О легендахъ: „О Меркуріи Смоленскомъ", „Объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ", „О Муромскомъ князѣ Петрѣ" (Очеркъ).

III. Московскій періодъ. XV—XVI в.

Хрущовъ. „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина". Архангельскій. „Нилъ Сорскій". Жмакинъ. „Митрополитъ Даніилъ". Иконниковъ. „Максимъ Грекъ". Павловъ. „Историческій очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи". Ясинскій. „Сочиненіе кн. Курбскаго". К. 1889. Дьяконовъ. „Власть московскихъ государей". Савва. „Московскіе цари и византійскіе василевсы". Васенко. „Степенная Книга". Некрасовъ. „Опытъ историко-литер. изслѣдованія о происхожденіи Домостроя". 1872. Михайловъ. Статьи о Домостроѣ въ „Ж. М. Н. Пр." (1886). Калугинъ. „Инокъ Зиновій Охтенскій" Соболевскій. „Южнославянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в." (1894). „Образованность Московской Руси" (XV—XVII в.) Спб. 1894. Костомаровъ. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVIII в." (Монографіи). „Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в." (Монографіи). Иконниковъ. „Русскіе общественные дѣятели XVI в." („Кіев. Унив. Изв." 1866). Ждановъ. „Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора" (Соч.). „Сказаніе о князяхъ Владимирскихъ" (Ждановъ. „Русскій былевой эпосъ"). „Сказаніе объ Іуліаніи Лазаревской" (Буслаевъ, „Историческіе очерки"). Пыпинъ. „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ". (1858). Пановъ. „Ересь жидовствующихъ" („Ж. М. Н. Пр." 1877, № 2. Вадковскій. „Изслѣдованіе о поученіяхъ Фотія" („Прав. соб." 1875 № 3 и 9). Павловъ. „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики". Спб. 1788. Срезневскій. „Хожденіе Аѳанасія Никитина за три моря" (Уч. Зап. Ак." 1856 кн. II, вып. 2). Шмурло. „XVI вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи". Спб. 1891. Малининъ. „Старецъ Филофей". Сочиненія Максима Грека. 3 т. Соч. Нила Сорскаго изд. въ книгѣ: „Преподобный Нилъ Сорскій, первооснователь скитской жизни въ Россіи". Соч. Іосифа Волоцкаго. „Просвѣтитель" (1882). „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ" („Памятники старинной русской литературы"). „Повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ" (изд. у Попова: „Обзоръ полемич. соч. противъ латынянъ"). „Сказаніе о Царьградѣ" (напечат. у Яковлева). „Житіе Св. Сергія Радонежскаго" (Изд. О-ва люб. др. письм.).

IV. Русская письменность XVII в. (наканунѣ Петра).

Литература юго-западной Руси XVII в. Архангельскій. „Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в.". М. 1888. „Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в." (Чт. О-ва ист. и др." 1888). Владимировъ „Докторъ Францискъ Скорина". Спб. 1898. Голубевъ.

„Петръ Могила“ 2 ч. Пекарскій. „Представители Кіевской учености въ XVII в.“ („Отеч. Зап.“ 1882). Петровъ. „О словесныхъ наукахъ и литер. занятіяхъ въ Кіевской Академіи“ („Труды Кіев. Дух. Ак.“ 1886, 1867, 1878 гг.). „О вліяніи запад.-европейской литературы на древнерусскую“ („Тр. Кіевск. Дух. Ак.“ 1872, №№ 4, 6, 8). Сумцовъ. „Къ исторіи южно-русской литературы XVII“. В. I—II. „Лазарь Барановичъ и Инокентій Гизель“. „Іоанникій Голятовскій“. 1885. Петровъ. „Очерки изъ исторіи украинской литературы“. XVIII в. К. 1880. Соболевскій. „Переводная литература въ Московской Руси“. Голубевъ. „Исторія Кіевской Академіи“. Харламповичъ. „Православныя юго-западныя школы“. Завитневичъ. „Палинодія Захарія Копыстецкаго“. Шляпкинъ. „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“. Спб. 1891. Марковскій. „Антоній Радивиловскій“. Соболевскій. „Образованность Московской Руси XV—XVII в.“. „Переводная литература Московской Руси“. Спб. 1905. Архангельскій. „XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы“. Спб. 1884. Каптеревъ. „О греколатинскихъ школахъ въ Москвѣ XVII ст.“ (Прилож. къ „Твор. Св. Отецъ“ 1889, т. IV). Ключевскій. „Западное вліяніе въ Россіи XVII в.“ („Вопросы философіи и психологіи“ 1897). Майковъ, Л. „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.“. Тихонравовъ. Соч. т. II. Платоновъ, С. Ѳ. „Повѣсти о Смутномъ времени“. Маркевичъ, А. И. „Гр. Карп. Котошихинъ“. О. 1895. Маркевичъ, Арс. „Юрій Крижаничъ“. Вар. 1876. Каптеревъ, Н. „Патріархъ Никонъ“. О. 1887. Смирновъ. „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.“. 1898. Бѣлокуровъ. „Арсеній Сухановъ“. 2 т. Бороздинъ. „Протопопъ Аввакумъ“. 1898. Цвѣтаевъ. „Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ Государствѣ“. М. 1887. Татарскій. „Симеонъ Полоцкій“. М. 1886. Поповъ. „Симеонъ Полоцкій“. М. 1886. Смирновъ. „Исторія Московской славяно-греко-россійской академіи“. М. 1885. Прозоровскій. „Сильвестръ Медвѣдевъ“. Брайловскій. „Одинъ изъ пестрыхъ XVII ст.“. Сменцовскій. „Братья Лихуды“. Шляпкинъ. „Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ“. Веселовскій Алексѣй. „Старинный театръ въ Европѣ“. М. 1870 г. Тихонравовъ. „Русскія драматическія произведенія“ (предисловіе и тексты). Морозовъ. „Исторія русскаго театра“. Тихонравовъ. Сочиненія. Пыпинъ. „Очерки литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“ (1858). Веселовскій, А. Н. „Изъ исторіи романа и повѣсти“. „Памятники старинной русской литературы (повѣсти XVII в.)“ „Исторія о Брунцвикѣ“ („Пам. др. письмен.“, LXXV вып). „Исторія о Мелюзинѣ“ (Общ. люб. др. письм. вып. I—II). „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“ („Пам. др. письм.“, ред. Шляпкина). „Римскія Дѣянія“ (Изд. О-ва люб. др. письм. 1877—78). „Фацеціи“ или жарты. (Въ „Сборникѣ повѣстей скорописи XVII в.“ въ „Памятникѣ др. письм.“ 1878—79). Сиповскій. „Русскія повѣсти XVII—XVIII вв.“. (1905). Повѣсти XVII в. напечатаны тоже въ „Памятникахъ старинной русской литературы“ Костомарова. (Повѣсти „о бражникѣ“, „о хмелѣ“, „о судьѣ Шемякѣ“).

— То же. Безъ удареній. Ц. каждому тому по 1 р. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.*

— То же. Томъ 3. Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ средн.-уч. зав. Изд. 8. Ц. 1 р. 85 к. *Доп. М. Н. Пр.*

МИЛОВИДОВЪ, А. Изъ родной поэзіи. Литературная хрестоматія. Образцы классной разработки произведеній на урокахъ объяснительнаго и выразительнаго чтенія. Изданіе 3, заново переработанное, дополненное. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 1 р. 25 к. Изд. 1-е. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.—Доп. Св. Син.*

ОВЧИННИКОВЪ и ПЛЯШКЕВИЧЪ. Русская азбука и первая книга для чтенія. Ц. 20 к. *Доп. М. Н. Пр.*

РУДНЕВЪ, В. Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Учебное руководство для перваго обученія въ народной школѣ, съ образцами для письма, упражненіями для самостоятельныхъ письменныхъ работъ и большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Изд. 22. Ц. 25 к. *Доп. М. Н. Пр.*

СИПОВСКІЙ В. В. Проф.:

Исторія русской словесности.

Часть I. Выпускъ 1-й: Народная словесность. Изданіе 6. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Часть I. Выпускъ 2-й. Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 6. Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 1-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія (Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій). Изданіе 3. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-й: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60 годовъ. Изд. 3. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства въ мужскія и женскія гимназіи и реальныя училища М-ва Нар. Пр.; вслѣдствіе такого постановленія допущены въ качествѣ руководства и въ коммерческія училища Мин. Торг. и Пром. и въ женскія гимназіи Вѣд. Императрицы Маріи.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Въ трехъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность.—Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р. *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ качествѣ руководства для средн. учебн. зав.*

— Тоже. Часть 2-я. Исторія новой русской литературы (съ начала XVIII-го в. до Пушкина включ.). Ц. въ перепл. 1 р.

— Тоже. Часть 3-я.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности“.

Томъ 1 вв. 1—3, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены Ученымъ Ком. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. М. Т. и П.*

Томъ I. Вып. 1-ый: Народная словесность. Изд. 6. Ц. въ пер. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-ой: Русская письменность съ XI до XVIII вѣка. Изданіе 6. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й. Русская литература XVIII-го в. Изд. 5. Ц. въ пер. 80 к.

Томъ II. Вып. 1-ый. Русская литература XVIII—XIX в. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 2-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Вып. 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: Русская литература 20—30-хъ годовъ XIX в. Пушкинъ и Гоголь. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-й: Русская литература 30—40-хъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. 1-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и Фетъ. Изд. 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ III. Вып. 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ перепл. 1 р.

Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Ц. 7 р.

Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ Ломоносова, съ видами памятника его, Холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова въ Денисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей проф. **В. В. Сиповскаго:**

1.—БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ*: Народность, гуманность и художественность — отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. *Гоголь*: Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ*: Стихотворенія. *Кольцовъ*: Стихотворенія. *Мысли о литературѣ*. Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности.

2.—ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и рисунками. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Изд. 3, безъ перемѣнъ со 2-го. Ц. 30 к. Изд. 2, въ переплетѣ. Ц. 40 к. *Учен. Ком. М. Н. Пр. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. завед., а равно внесено въ списокъ сочиненій, заслужив. вниманія при пополненіи безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.— Уч. Ком. Вѣд. Учр. Императр. Маріи рекоменд. для ученич. библіотекъ учебн. завед.*

СТЕФАНОВСКІЙ, И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 5. Ц. 75 к. *Доп. М. Н. Пр.*

ТАРАПЫГИНЪ, Ѳ. А. Матушка Русь. Хрестоматія. 2 части. Съ портретами и рисунками. Редакція Ѳ. А. Витберга. Ч. I. Для учениковъ младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ пер. 1 р. 25 к. Ч. II. Для учениковъ младшихъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к. *Обѣ части Учен. Комит. М-ва Нар. Пр. допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ младш. класс. средн. учебн. зав. — Рек. Гл. Упр. В. У. З. — Доп. Св. Син.—Рекомен. Учебн. Комит. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи.*

ШУЙСКАЯ, А. П. Краткій курсъ русской грамматики. Учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3. Ц.

въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.* Изд. 2. *Одобр. М. Н. Пр.— Удостоенъ преміи митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ВАСЕНКО, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Съ портретами, рисунками, картами и съ картиной И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". *Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. признана подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи какъ ученич. старш. возраста библіотекъ средн. учебн. зав., такъ и безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.—Допущ. учебн. Ком. М-ва Торг. и Пром. въ ученич. библ. коммерч. у-щъ. — Учебн. Ком. Св. Синода допущ. въ ученич. библіотеки дух. семинар. и женск. дух. у-щъ и въ фунд. библ. мужск. у-щъ.* Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 80 к.

— **С. В.** Годъ великаго испытанія. Отечественная война. Для народа и народныхъ школъ. Съ портретами и рисунками. *Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено въ ученич. библіотеки низшихъ учебн. завед.— Учебн. Ком. М-ва Торг. и Пром. допущ. въ учен. библ.— Учебн. Ком. Св. Синода допущ. въ ученич. библіот. мужск. и женск. духовн. у-щъ.* Изд. 2. Ц. 15 к. Съ картиной И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". Ц. 20 к.

ВУЛЬФІУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Изд. 3. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.* Ц. въ переплетѣ 80 к.

— Учебникъ новой исторіи для средней школы. Ц. 80 к.

ЕФИМЕНКО, А. Я. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ ср.-уч. зав. и городск. училищъ. Съ 44 рис. и 5 картами. Ц. въ переплетѣ 90 к. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для 3-класс. женскихъ гимназій.*

— 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Изд. 2-е съ рис. Ц. 15 к. Съ карт. И. Е. Рѣпина „Защитники Кремля". Ц. 20 к. *Учебн. Ком. Торг. и Пром. допущ. въ учен. библіот.—Учебн. Ком. Св. Синода допущ. въ ученич. библ. мужск. и женск. духовныхъ училищъ.*

ЛИБЕНЪ, П. и ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ. Изд. 4, значительно дополненное и иллюстрированное. Ц. 60 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для низшихъ уч. зав. и для тѣхъ уч. зав., въ коихъ приходится элементарный курсъ отечественной исторіи, и въ качествѣ пособія для мл. классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*

ПЛАТОНОВЪ, С. Ѳ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Изд. 4, съ приложеніемъ 5 картъ, составленныхъ И. Н. Михайловымъ. Ц. въ переплетѣ 2 р. *Доп. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учеб. завед.*

— Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI-XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изданіе 3-е, съ приложеніемъ двухъ картъ. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ — ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ **С. Ѳ. ПЛАТОНОВУ.** Ц. 2 р.

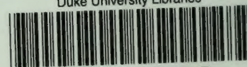
ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. Н. Соханская). 1823—1884. Біографическій очеркъ. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к. *Удостоено отъ Академіи Наукъ Ахматовской преміи.*

СИПОВСКІЙ, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е. *Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимн. и прогимн., а также въ учеб. библ. средн. учебн. зав.* Ц. 75 к.

— Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. Ц. 40 к., въ переплетѣ для подарковъ 1 р.

СКВОРЦОВЪ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ. Ц. 1 р. 70 к. *Доп. М. Н. Пр. — Одобр. У. К. Св. Син. какъ руководство.—У. К. Вѣд. уч. Имп. Маріи одобрена какъ руководство.—Св. Син. удостоена преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ФРИДОЛИНЪ, П. П. Краткая исторія европейскаго искусства. Съ 132 рисунками. Въ перепл., 1 р. 75 к. *Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ средн. уч. зав. — Уч. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи рекомендована для внѣкласснаго чтенія средн. уч. зав.—Гл. упр. в.-уч. зав. допущена въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.*

Duke University Libraries
D04550059S